MUZEUL NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI

Tyragetia

Arheologie
Istorie Antică

SERIE NOUĂ

Vol. IX [XXIV] nr. 1

Chișinău
2015

ISSN 1857-0240 Categoria B

MUZEUL NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI

TYRAGETIA

Colegiul de redacție

Redactor responsabil: dr. hab. Eugen Sava
Secretar de redacție: dr. Aurel Zanoci
Redactori: Vlad Pohilă, Mariana Balan

Membri: dr. Marius Alexianu (Iași); dr. Ana Boldureanu (Chișinău); dr. Nikolaus Boroffka (Berlin); dr. Maria Danilov (Chișinău); dr. hab. Ion Eremia (Chișinău); dr. hab. Alexander Falileyev (Aberystwyth University Ceredigion); dr. hab. Elke Kaiser (Berlin); dr. Maia Kašuba (Chișinău); dr. Igor Manzura (Chișinău); dr. Eugen Nicolae (București); dr. hab. Ion Niculiță (Chișinău); dr. Virgil Nițulescu (București); dr. hab. Elena Ploșniță (Chișinău); dr. Elena Postică (Chișinău); dr. hab. Gheorghe Postică (Chișinău); dr. Ion Tentiuc (Chișinău); dr. hab. Valentin Tomuleț (Chișinău); dr. Victor Trifonov (Sankt Petersburg); dr. Lilia Zabolotnaia (Chișinău).

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu.
All the papers to be published are reviewed by experts.

Revista „Tyragetia” apare de două ori pe an.
Journal „Tyragetia” appears twice a year.

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice corespondență se vor trimite pe adresa Colegiului de redacție al „Tyragetiei”: *Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova*. Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the „Tyragetia”: *Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova*. Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Design: Ivan Litsuk, Mihai Sava

© Muzeul Național de Istorie a Moldovei

Verum ab Histro oppida Cremniscoe, Aepolium, montes Macrocremni, clarus amnis Tyra, oppido nomen inponens ubi antea Ophiusa dicebatur. In eodem insulam spatiosam incolunt **Tyragetae**; abest a Pseudostomo Histri ostio CXXX.

Plinii Secundi, *Naturalis Historia*, IV, 12 (26), 82

Iar de la Istru înainte se află oraşele Cremniscoe, Aepolium, munţii Macrocremni, vestitul fluviu Tyras, care dă numele şi oraşului, numit odinioară Ophiusa. Tot acolo este o insulă întinsă, locuită de **tirageţi**, la o depărtare de o sută treizeci de mii de paşi de braţul Pseudostomon al Istrului.

Pliniu cel Bătrân, *Istoria naturală*, IV, 12 (26), 82

CUPRINS
(Contents)

I. Studii (Researches)

Aurel Zanoci
Typology and evolution of gates and access into early hallstattian fortresses in Tisa-Dniester space (Tipologia şi evoluţia porţilor şi căilor de acces în cetăţile hallstattiene timpurii din spaţiul tisonistrean) 7

Denis Topal
Use of bronze in the producing of Early Scythian *akinakai* (Utilizarea bronzului la producerea akinakesurilor scitice timpurii) 29

II. Materiale şi cercetări (Papers and surveys)

Гурам Чхатарашвили
Несколько образцов искусства палеолита с памятников Грузии (Some samples of art of the Paleolithic period from Georgian Stone Age sites) 51

Stanislav Ţerna, Mariana Vasilache
Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A de la Duruitoarea Veche I (raionul Râşcani, Republica Moldova) (Anthropomorphic figurines of the Cucuteni A stage from Duruitoarea Veche I (Râşcani District, Republic of Moldova) 57

John Chapman, Bisserka Gaydarska
The Anglo-Ukrainian project "Early urbanism in prehistoric Europe?" sends its travelling exhibition to Chişinău (Proiectul anglo-ucrainean „Urbanismul timpuriu în Europa preistorică?" aduce expoziţia itinerantă la Chişinău) 79

Mariana Sîrbu
Viaţa spirituală a comunităţilor Noua-Sabatinovka-Coslogeni prin prisma elementelor nonfunerare descoperite în aşezări (The spiritual life of the Noua-Sabatinovka-Coslogeni communities through the prism of the non-funerary items found in settlements) 91

Юрий Бойко
Исследования кургана у села Бандышовка (Research of a tumulus near the Bandyshovka village) 123

Валерий Самар, Андрей Антонов
Исследования кургана №2 группы «Бельмак-Могила» вблизи села Трудовое Куйбышевского района Запорожской области (Research on the burial mound no. 2 of the "Bel'mak-Mogila" group near the village of Trudovoe (Kuibyshevo District, Zaporizhia Region) 131

Владимир Фоменко
Металлический сосуд с зооморфной ручкой из Кабардино-Балкарии (The metal vessel with the zoomorphic handle from Kabardiano-Balkar Republic) 145

Сергей Горбаненко
Палеоэтноботанические материалы Знаменского городища и зерновое хозяйство дьяковской культуры (Palaeoethnobotanical materials from Znamenskoe hill-fort and Dyakovo culture grain production) 151

Natalia Mateevici, Mihaela Iacob, Dorel Paraschiv
Descoperiri de amfore greceşti în zona Peceneaga din vestul Dobrogei (New findings of Greek amphorae in the area of Peceneaga in Western Dobrogea) 161

Octavian Munteanu
Construcţii defensive în fortificaţia getică Horodca Mare, raionul Hânceşti (Élements defensifs dans la fortification gete du Horodca Mare, districte Hânceşti) 167

Виталий Синика, Николай Тельнов
Светильники в погребальном обряде скифов Северного Причерноморья (Lamps in the funeral practice of the Scythians of the North Black Sea littoral) 183

Aurel Zanoci, Octavian Munteanu, Ion Tentiuc, Valeriu Bubulici
Noi descoperiri arheologice din epoca fierului în preajma satului Mana, raionul Orhei (New archaeological discoveries of the Iron Age sites near the village of Mana, Orhei District) 209

Ion Tentiuc, Valeriu Bubulici, Angela Simalcsik
A cremation burial of a horseman near the village of Mana (the Orhei district) (Un mormânt de incineraţie al unui călăreţ războinic descoperit lângă satul Mana (Orhei) 221

Monica Nicolăescu
Graphic representations in Romanian archaeology. An overview regarding Late Iron Age dwellings (Reprezentări grafice în arheologia românească. O schiţă asupra structurilor de locuire din cea de-a doua epocă a fierului) 249

Иван Власенко, *Татьяна Щербакова*
Екатериновка – однослойное поселение культуры Сынтана де Муреш-Черняхов (Ekaterinovka – single-layer settlement of the Sântana de Mureş-Chernyakhov culture) 261

Виталий Козюба
Спорные вопросы исторической топографии древнерусского Берестья (Contentious issues in the historical topography of the Old Russian city of Berestye) 275

Vasile Mărculeţ
Consideraţii asupra relaţiilor vlaho-bulgaro-bizantine între 1197 şi 1204 (On the relations between the Vlach-Bulgarian Tsardom and the Byzantine Empire in 1197-1204) 287

Елена Избицер
Профессиональная этика и субъективность: об одной монографии и двух рецензиях (Professional ethics and subjectivity: regarding one monograph and two reviews) 299

Ana Boldureanu
Cronica descoperirilor monetare (IX) (Chronicle of monetary findings (IX) 315

III. Recenzii şi prezentări de carte (Paper and book review)

J. Brandt, B. Rauchfuß (Herausgeber), Das Jastorf-Konzept und die vorrömische Eisenzeit im nördlichen Mitteleuropa. Beiträge der Internationalen Tagung zum einhundertjährigen der Veröffetlichung der „Ältesten Urnenfriedhöfe bei Uelzen und Lüneburg" durch Gustav Schwantes, 18-22.05.2011 in Bad Bevensen, Hamburg 2014: BELTZ Bad Langensalza, 390 pagini, ISBN 978-3-931429-23-2 *(Vasile Iarmulschi)* 323

De vorbă cu Radu Florescu. Amintiri şi evocări. Târgovişte: Editura Cetatea de Scaun, 2013, 181 p. ISBN 978-606-537-199-6 *(Rodica Ursu Naniu)* 327

IV. Omagieri (Homage)

Честное служение науке... *(Наталья Шишлина, Евгений Сава)* 329

V.A. Trifonov: Sixty Years Young *(Philip L. Kohl)* 331

Lista abrevierilor (List of abbreviation) 333

Condiţiile de publicare în revista „Tyragetia" 336

The following conditions for publishing in the „Tyragetia" journal 337

Условия для публикации в журнале «Tyragetia» 338

TYPOLOGY AND EVOLUTION OF GATES AND ACCESS INTO EARLY HALLSTATTIAN FORTRESSES IN TISA-DNIESTER SPACE[1]

Aurel Zanoci

In the so called "early Hallstatt"[2] period the space comprised between the basins of the rivers Tisa and Dniester was inhabited mostly by sedentary communities identified by a series of archaeological cultures: *Gáva-Holihrady* (Mozsolics 1957; Smirnova 1974; Крушельницкая, Малеев 1990; László 1994, 48-104; László 2010, 302-310; Bader 2012; Левицкий, Кашуба 2014, 244-250), *Chişinău-Corlăteni* (László 1994, 105-141; Leviţki 1994a; László 2010, 316-318; Левицкий, Кашуба 2014, 253-256), *Vârtop* (Lazăr 2011, 48-62), *Tămăoani-Holercani-Hansca* (Hänsel 1976, 122; László 1986; Leviţki 1994b), *Babadag* (Morintz 1964; Morintz 1987; Jugănaru 2005; Ailincăi 2013), *Cozia-Saharna* (Hänsel 1976, 134; László 1989; Кашуба 2000), *Insula Banului* (Morintz, Roman 1969) etc.

A characteristic feature of this period is the spread of fortified sites, whose number varies from one culture to another. It was discovered, from the repertory of fortifications from the Tisa-Dniester space, that most of them (about 121) were build in the area of the Gáva-Holihrady-Culture (Horedt 1974; Demeterová 1983; Maleev 1988; Vasiliev 1995; Zanoci, Banaru 2010; Щербей 2010; Завітій 2011; Bălan 2013). In other cultural-chronological groups the number of fortresses is much smaller. Thus, at present for the cultures Vârtop (Lazăr 2011, 224, 225, 230, 250) and Cozia-Saharna (Zanoci 2013) are known six fortifications, for Babadag (Jugănaru 2005, 20-24; Ailincăi 2013, 226-228) – five, for Chişinău-Corlăteni (Florescu, Florescu 1983, 74-75) and Insula Banului (Nica 1990) – by one. In the area of Tămăoani-Holercani-Hansca-Culture no such sites are known to date.

Regardless of cultural belonging, early Hallstatt fortifications have a number of common features: the location in strategic places, the presence of artificial defensive elements ("wallum", ditch, etc.), the adaptation to the specific land defense system on which they are located, etc.

Along with defensive constructions, the entrance method to the sites represent an important element of every fortification. The ways of access had to be easy for the residents and difficult for the enemy. Of all the defensive elements that were endowed, the gate remains the most vulnerable part. Hence the resulting increased attention paid to the access system in all times, including during the Hallstatt[3].

The documentation level (table 1; fig. 1)[4] on Hallstatt fortification gates in the area Tisa-Dniester is varying. In the area of the *Gáva-Holihrady-Culture* entrance gates are attested at 36 fortresses from those 121 documented. For Hallstatt fortifications (6) in Oltenia we can inquire about gates for two of them. And in the cultures Babadag (5) and Cozia-Saharna (6) gates are identified in one fortress only. Of all these, four gates have been researched through archaeological excavations: those from Teleac (eastern gate) (Vasiliev, Al-

[1] The Article was written in the post-doctoral program EMERGE (Erasmus Mundus) at Friedrich-Schiller-University Jena, Germany.

[2] Term used especially in special literature in Romania (László 2010, 292-295) and Republic of Moldova (Kaşuba, Leviţki 2010, 321-324) to designate the period between the 12th and the 9th centuries BC (HaA-HaB, after P. Reinecke) part of the Iron Age. In Central-European historiography this time interval is related to the Bronze Age and is defined as Urnenfeld period (Urnenfelderzeit) (Müller-Karpe 1959).

[3] The subject related to the access gates into early Hallstatt fortification from Tisa-Dniester space is less addressed in special literature. Thus, some reference to them, also analogies in Central Europe, is done in the studies of V. Vasiliev (Vasiliev, Aldea, Ciugudean 1991, 28, note 61; Vasiliev 1995, 36, note 22). More recently, some generalizations regarding the entrance gates to the fortresses of Hallstatt in East-Carpathian space were made by the author (Zanoci, Banaru 2010, 417-418) and by G. Bălan with reference to Gáva-Holihrady fortification from the territory of Romania (Bălan 2013, 291-293).

[4] Repertorying gates was made according to information published by researchers of these sites or was identified by us as a result of studying topographical plans and drawings of Hallstatt fortifications.

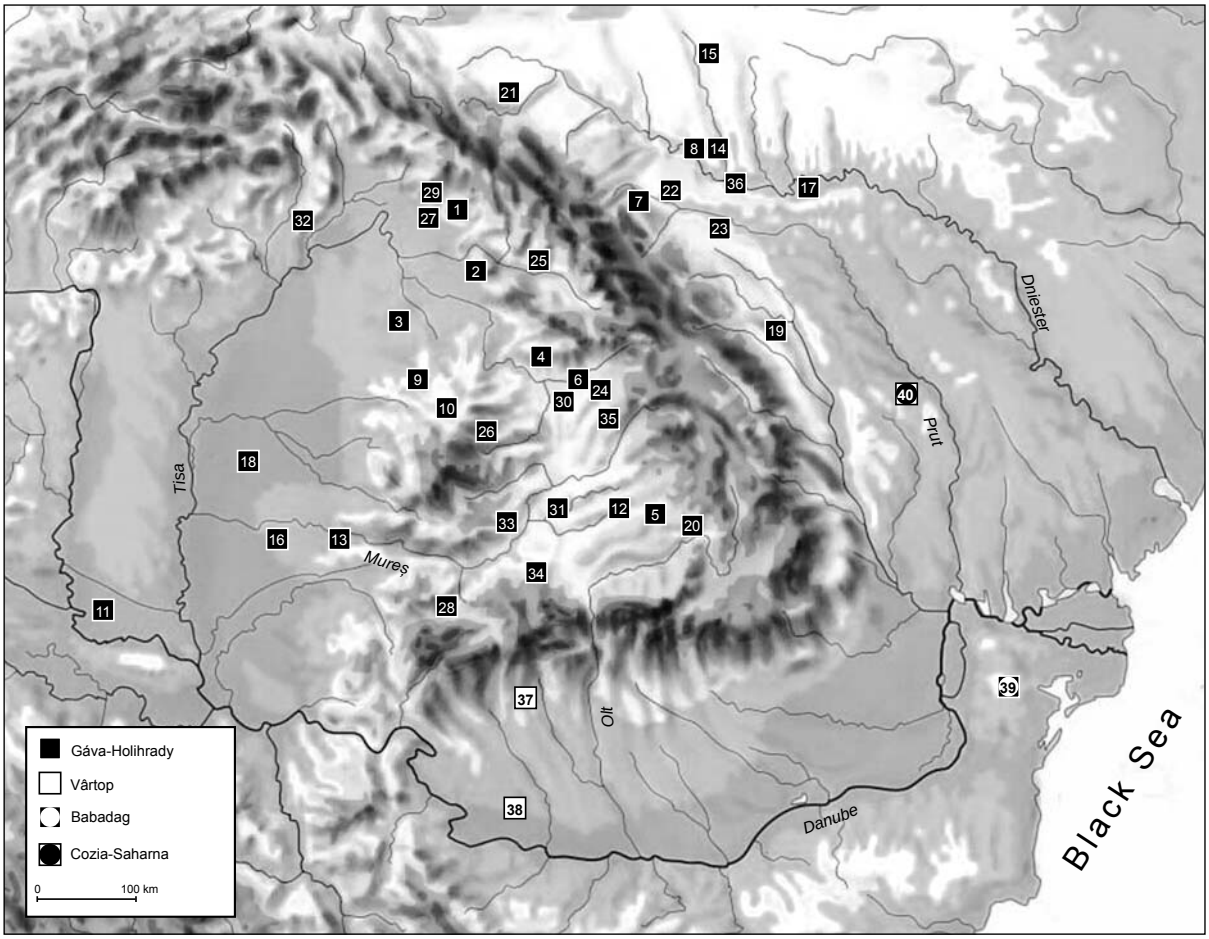


Fig. 1. Map of spreading of the fortifications, where the gates were discovered (numbers on the map correspond to Table 1).

dea, Ciugudean 1991, 28), Preuteşti (Ursulescu, Popovici 1984, 81-82; Ursulescu, Popovici 1997, 54-55), Voivodeni "Benk" (Horedt 1981, 227, Abb. 3) and Grădiştea "Cetatea Muierii" (Marinescu, Munteanu 1984-1985, 130-131).

The number of discovered gates within one site is different and varies from one to 10[5]. Most fortresses (26) of 40 subjected to analysis had only one access gate. In cases of sites with more than one known gate, they may differ in size and type.

Despite incomplete information, we are, however, able to affirm the use in this period of different types of gates. Depending on their location on the site, they can be divided into (fig. 2): (**I**) – front gates and (**II**) – side gates.

I. *Front gates* are usually placed approximately at the middle of the defensive line that strengthens the site on its most accessible part. At present, their remains appear as a mere interruption into the defensive line (**I.a**) or accompanied by some additional defensive facilities (**I.b**).

Simple gates are attested more often (**I.a**) (fig. 3; 4). For example, in the area of *Gáva-Holihrady* culture they were found in 23 fortresses – Ciceu-Corabia "Măgura" (Vasiliev, Gaiu 1980, 33), Daia "Cetăţuie" (Baltag 1979, 103-104), Gorodnicja (Малеев 1987, 90, рис. 2/I), Lipova "Coasta Rea" (Pădureanu 1989, 268), Lošniv (Завітій 2009, 112, рис. 2), Preuteşti (Ursulescu, Popovici 1984, 81-82), Tállya "Óvar" (Matuz, Nováki 2002, 8, Abb. 5) etc. At the fortifications of *Vârtop* type they are known at Portăreşti "Cetăţuie" (Tătulea 1982, 121) and Grădiştea "Cetatea Muierii" (Ma-

[5] Most gates were identified at Šelestovo "Tupča" fortification (Смирнова 1966, 398, рис. 3), followed by Ardanovo "Boguslav" – with nine (Мойжес 2011, 239, рис. 3) and Stremtura – with five (Пеняк, Попович, Потушняк 1981, 306). It is to note that they are located compact in Transcarpathian region (Ukraine) at a distance of 6-20 km from each other. This leads to the idea that the large number of gates could be a specific of the area.

Table 1.

Typology of gates

Nr.	Site	Typ			
		I.a	*I.b*	*II.a*	*II.b*
GÁVA-HOLIHRADY					
1	**Ardanovo "Boguslav",** Zakarpattia Oblast, Ukraine	+	+		
2	**Călinești Oaș "Dealul Hurca",** Satu Mare County, Romania		+		
3	**Căuaș "Sighetiu",** Satu Mare County, Romania	+			
4	**Ciceu-Corabia "Măgura",** Bistrița-Năsăud County, Romania	+			
5	**Daia "Cetățuie",** Mureș County, Romania	+			
6	**Feleac "Cetate",** Bistrița-Năsăud County, Romania	+			
7	**Girs'ke,** Ivano-Frankivsk Oblast, Ukraine			+	
8	**Gorodnicja,** Ivano-Frankivsk Oblast, Ukraine	+			
9	**Halmășd "La Zamca"**, Sălaj County, Romania	+			
10	**Huedin "Bolic",** Cluj County, Romania		+		
11	**Iđoš "Gradište",** North Banat District, Serbia	+			
12	**Laslea "La Brazi",** Sibiu County, Romania	+			
13	**Lipova "Coasta Rea",** Arad County, Romania	+			
14	**Lisičniki,** Ternopil Oblast, Ukraine	+			+
15	**Lošniv**, Ternopil Oblast, Ukraine	+			
16	**Munar,** Arad County, Romania	+			
17	**Nagorjani,** Chernivtsi Oblast, Ukraine			+	
18	**Orosháza (Hódmezővásárhely) "Nagytatársánc",** Békés County, Hungary		+		
19	**Preutești,** Suceava County, Romania	+			
20	**Racoș "Dealul Cornu"** (Dealul Vărăriei), Brașov County, Romania		+		
21	**Rozgirče,** Lviv Oblast, Ukraine	+			
22	**Rudniki,** Ivano-Frankivsk Oblast, Ukraine	+			
23	**Ržavinci,** Chernivtsi Oblast, Ukraine	+			
24	**Sărățel "Cetate",** Bistrița-Năsăud County, Romania				+
25	**Sighetul Marmației "Dealul Cetății",** Maramureș County, Romania			+	
26	**Someșul Rece,** Cluj County, Romania	+			
27	**Stremtura**, Zakarpattia Oblast, Ukraine	+			
28	**Subcetate "Dealul Petriș",** Hunedoara County, România		+		
29	**Šelestovo "Tupča"**, Zakarpattia Oblast, Ukraine	+	+		
30	**Șieu-Măgheruș "Hegheriș",** Bistrița-Năsăud County, Romania	+			
31	**Șona,** Alba County, Romania			+	
32	**Tállya "Óvar",** Borsod-Abaúj-Zemplén County, Hungary	+			
33	**Teleac,** Alba County, Romania		+		+
34	**Tilișca "Cățănaș",** Sibiu County, Romania				+
35	**Voivodeni "Benk",** Mureș County, Romania		+		
36	**Voloka,** Chernivtsi Oblast, Ukraine			+	
VÂRTOP					
37	**Grădiștea "Cetatea Muierii",** Vâlcea County, Romania	+			
38	**Portărești "Cetățuie",** Dolj County, Romania	+			
BABADAG					
39	**Beidaud,** Tulcea County, Romania	+			
COZIA-SAHARNA					
40	**Pocreaca "Cetățuia",** Iași County, Romania		+		

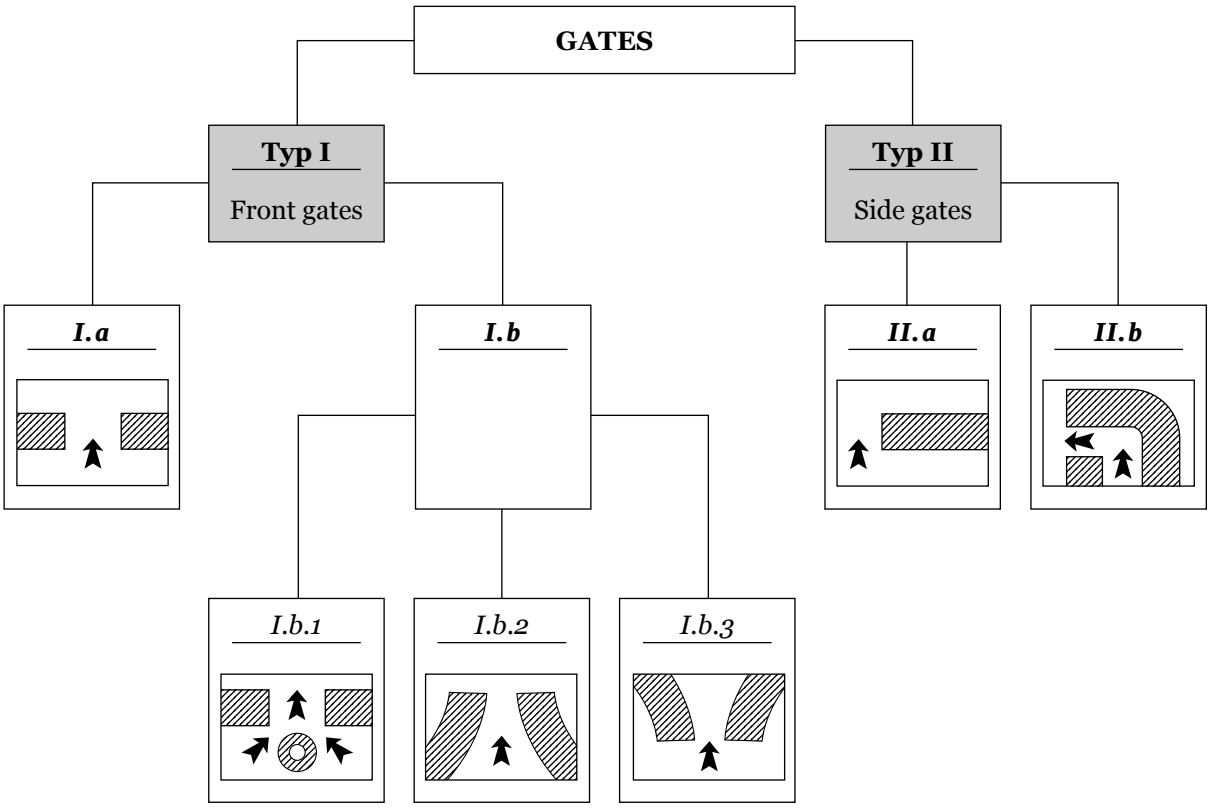


Fig. 2. The typology of the gates.

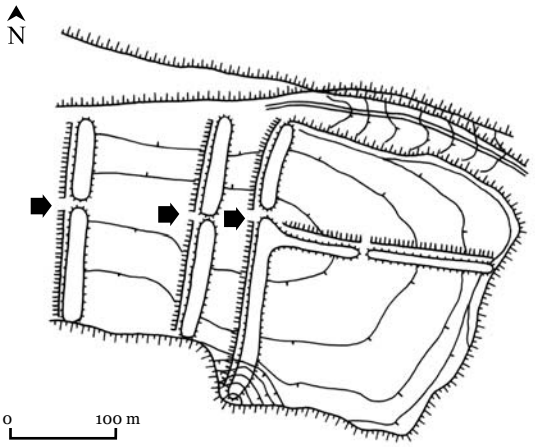
rinescu, Munteanu 1984-1985, 130-131), while in *Babadag* culture – at Beidaud (Simion 2003, 80).

The width of these interruptions is different and varies from 4 m – Lipova "Coasta Rea" (Pădureanu 1989, 268) to 25-30 m – Căuaş "Sighetiu" (Németi 1981-1982, 48), most having, however, a width of about 4-5 m.

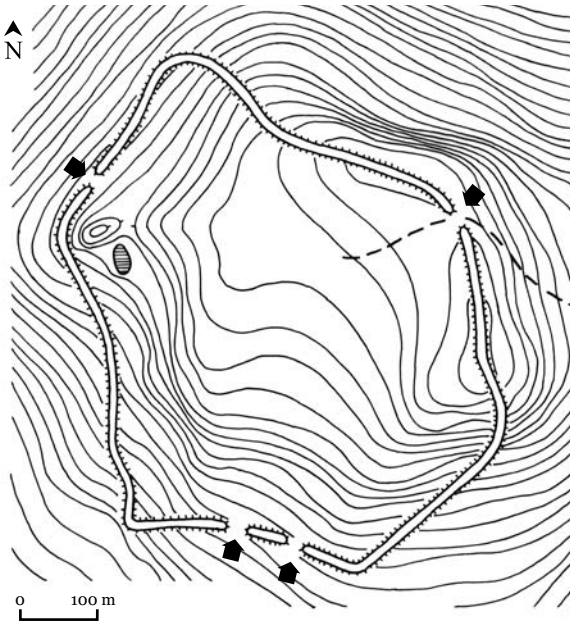
Archaeological excavations conducted in the area of these gates show that, during their operation, they were not simple defensive system interruptions, but represented well appointed and highly strengthened access spaces.

For example, at Preuteşti the entrance was on the southern side, the only place of access to the fortress. Here, unlike other fortifications[6], the ditches were discontinued opposite to the gate and were equipped with walkways. The traces of pillars supporting the bridge were found on the bottom of the inner ditch. Several phases of gate construction were observed in the entrance area. In the first phase, the gate was flanked by two pillars placed at a distance of 1,30 m from each other, whose traces appearing in the lower level. After a violent destruction by fire, the entry was leveled and covered with a layer of trodden soil. From this level was built a new gate, with documented remains of a pillar pit with a diameter of about 0,6 m and a depth of 1,5 m. There was another pit towards the inside with a diameter of 0,5 m, in which was set probably a pillar that was intended to support the main structure of the gate. From the outside, in the entrance area was discovered a pavement made of broken river stones held together by a layer of clay. It was preserved on a width of about 1,75 m and a length of about 1 m. After a fire, the gate was destroyed and its remains covered the mentioned pavement. Then, a third phase followed when another gate was installed, from wood as well, from which were preserved pits from four pillars with a diameter of 0,2-0,3 m. Near the gate was attested another river stone paving with clay binder which preserved on a width of 0,2 m (Ursulescu, Popovici 1984, 81-82; Ursulescu, Popovici 1997, 54-55).

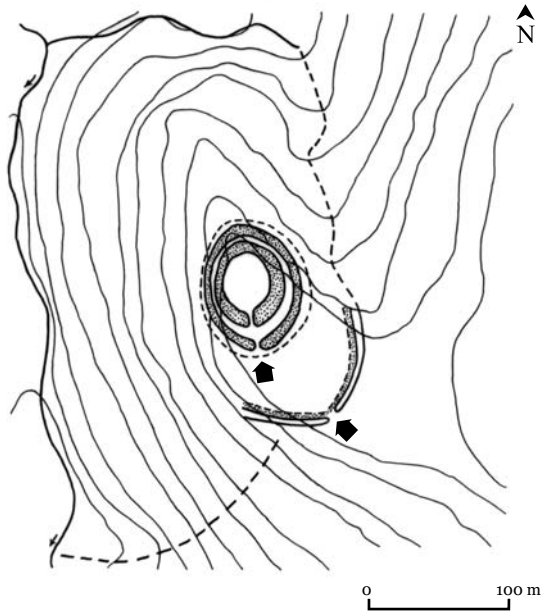
[6] Usually, the fortifications endowed with ditches and with attested entry gates, were interrupted on the respective segment – Feleac "Cetate" (Dănilă 1972, 94-96), Bogit (Завігій 2011, 16), Portăreşti "Cetăţuie" (Tătulea 1982, 121) etc.



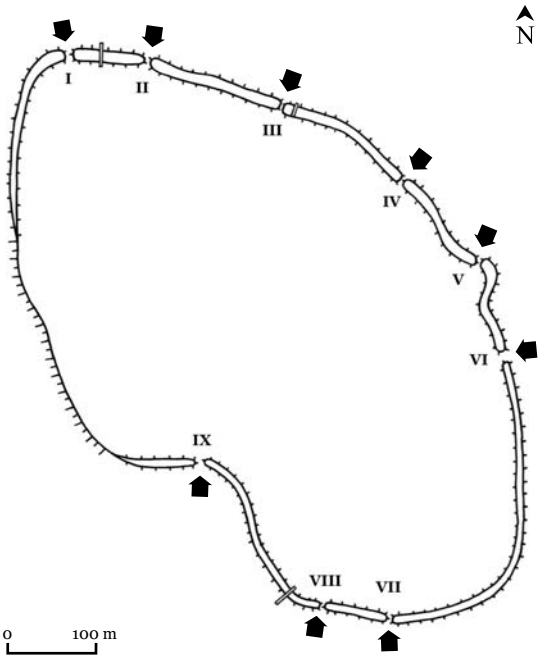
1



2



3



4

Fig. 3. Fortifications with front gates of the type I.a: 1 - Gorodnicja (after Maleev 1988, ryc. 8); 2 - Tállya "Óvar" (after Matuz, Nováki 2002, Abb. 5); 3 - Preuteşti (after Ursulescu, Popovici 1997, fig. 2); 4 - Ardanovo "Boguslav" (after Мойжес 2011, рис. 3).

At Grădiştea "Cetatea Muierii", due to the cutting in the space opposite the gate were discovered a series of pits with beam traces. Two of them "had a distance of 2 m between each other, were large, the outer pit had the ∅ of 50 cm, and the inner one had the ∅ of 35-40 cm; no doubt they were the doorposts of two successive gates" (Marinescu, Munteanu 1984-1985, 130-131).

Perhaps for the rest of fortifications, whose gates remain yet unexplored, similar facilities were built and wood was used as main building material. Its burning or decay has left clear traces on ground surface and, therefore the place where these gates were located appear now as mere interruptions in the defensive construction.

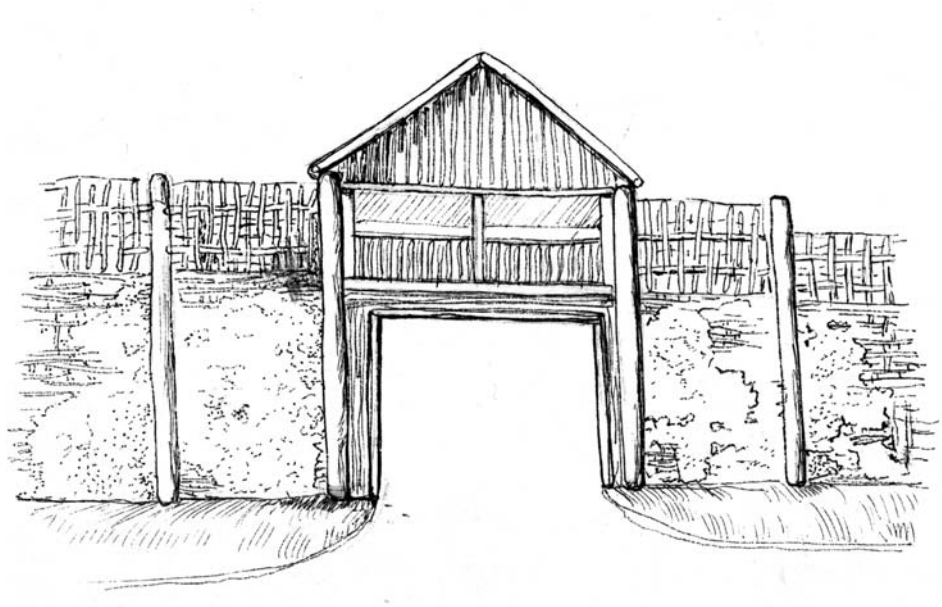


Fig. 4. Variant of reconstruction of a front gate of the type I.a.

A similar aspect was documented for the entrance gate remains found at fortifications from surrounding areas. For example, in Černyj Les culture "the interruptions" in the defensive system were found at the fortresses from Subbotov (Тереножкин 1961, 17, рис. 11), Grigorovka (Артамонов 1955, 100-101, рис. 39) etc.; in Kyjatice – at Točnica-Uderiná (Furmanek 1989, 83, Abb. 1), Miskolctapolca-Várhegy (Matuz, Nováki 2002, 9, Abb. 10), Szilvásvárad-Törösánc (Matuz, Nováki 2002, 10, Abb. 13) etc.; in Lusitian (Coblenz 1989, 46) – at Sacrow, Löbau (Herrmann 1969, 85, 88, Abb. 2/f, 3/f), Jankowo (Puziuk 2010, 19, rys. 6, 8) etc. These, and those from Tisa-Dniester area, were probably "fortified" with some wood constructions, as evidenced by archaeological research conducted on Jankowo route, which revealed remains of a wooden superstructure type tower that raised above the gate (Puziuk 2010, 19, rys. 8).

Front gates with additional facilities (**I.b**)[7], whose remains are currently observed on the ground, are less numerous. In the space examined they are known in the area of *Gáva-Holihrady* (11 gates) and *Cozia-Saharna* culture (1 gate) exclusively. Their construction and system configuration varies from one site to another. However, certain criteria for distinguishing three planning methods are noted (fig. 2): **I.b.1** – gates protected by one defensive construction (tower/bastion) situated on a flank or in front; **I.b.2** – gates formed due to arching of defensive lines ends towards the inside; **I.b.3** – gates formed due to arching of defensive lines ends outwards.

I.b.1. Gates "strengthened" with bastions/towers were discovered at Orosháza "Nagytatársánc", Ardanovo "Boguslav" (gate no. V), Huedin "Bolic" and Racoş "Dealul Cornu".

The gate from Orosháza fortress (fig. 5) takes the form of a break in the "wallum", while the ditch on this portion is shallower than the rest of its length. A mound has been discovered in front of the gate, which was interpreted as remains of a building meant to protect the access into the fortification (Banner 1939, 113, Taf. II, K-K).

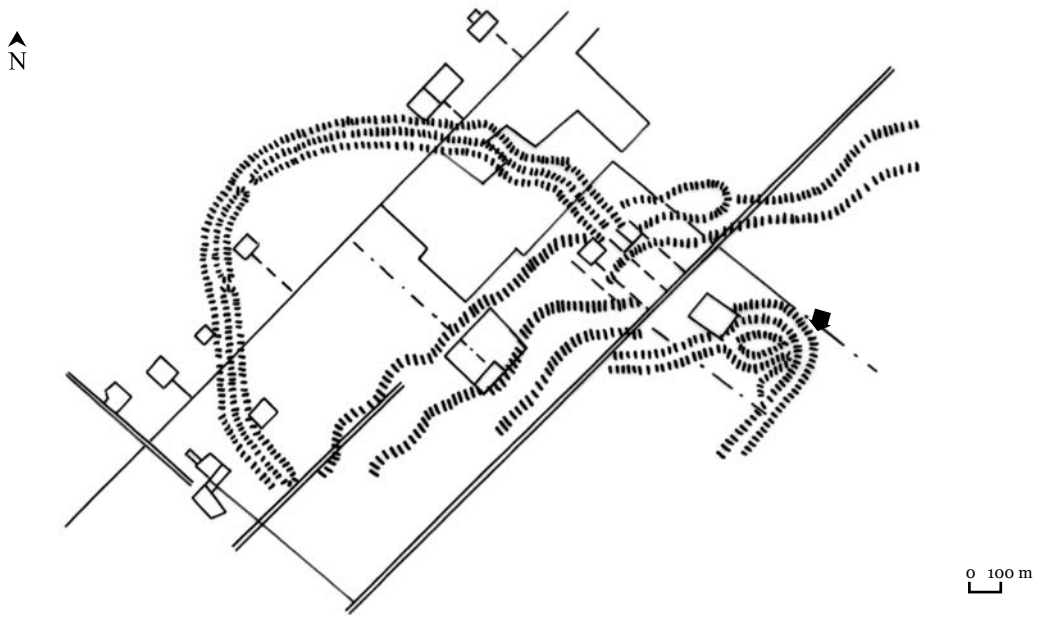
At Ardanovo, near gate no. V, on the eastern side, the defensive wall forms a "loop" towards the outside[8] similar to a semicircular „bastion" which suggests this change of direction in the defensive line was done intentionally for a better supervision of the access to the fortress from several directions (Мойжес 2011, рис. 3).

A similar change in "wallum" route, called "spur" by the fortress researches, was documented in the portion of the southern gate at Huedin (Alexa,

[7] British researcher A. Lawrence mentioned in referring to such gates: "Their design (gates - a.n.) had as basic principle the exposure to strikes of the enemy from most possible directions and especially from the unprotected right side ..." (Lawrence 1979, 304; Keeley, Fontana, Quiq 2007, 62-64).

[8] This change in direction of the "wallum" is not mentioned in the publications focused on this site (Смирнова 1966, 297; Мойжес 2011, 238-239, рис. 3), but it can be easily traced on the fortification plan-outline.

1



2

Fig. 5. Orosháza. 1 - Othophotomap (after Google Earth Pro); 2 - plan of the fortification (after Banner 1939, Taf. II, K-K).

Fernczi, Şteiu 1965, 637). At Racoş "Dealul Cornu"[9] site, near the two gates, the defensive line shows slightly arched segments (Costea 2000, 222-223).

This gate variation is less known in Central Europe in early Hallstatt (Urnfield culture). For example, in the Lusitian culture at Schlalach fortress (Herrmann 1969, 85, Abb. 4/b) there is a slightly arched short "wallum" situated in front of the gate which is interpreted as a "bastion". In Urnfield culture, at Neuhauser Forst "Grosse Knetzberg" the fortification in the part where the gate is located, the defensive line forms a "loop", which unlike Ardanovo is directed inward (Abels 2002, 77, Abb. 35a)[10].

[9] Additional information Fl. Costea, with many thanks addressed to him again.

[10] Gates with additional facilities found in the area of early Hallstatt cultures (Urnenfelderzeit) from Central Europe are considered by some researchers to have occurred as a result of some Mediterranean influences. For example, B.-U. Abels finds an analogy for the gate from Grosse Knetzberg in the 4th century BC (!) at Mantineia (Greece) (Abels 2002, 79, Abb. 35b).

In the Bronze Age a gate with additional facilities was explored in the area of Otomani culture, at Spišský Štvrtok. It was strengthened with a stone wall, which was discontinued on the east side on a stretch of about 10 m where a gate was installed. It was flanked by two round towers with a diameter of about 6,5 m high, made of stone as well (Vladár 1975, 5-8; Furmánek, Veliačik, Vladár 1991, 184, obr. 27, 29).

Defending gates through bastions or towers in the area Tisa-Dniester will get a wider spread starting only with phase HaD. This method of protecting access gates was also used in Thraco-Getic fortresses from Saharna Mare, Saharna Mică (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 25, 92-99, foto 20) and other sites from this period (Zanoci 1998, 62-63).

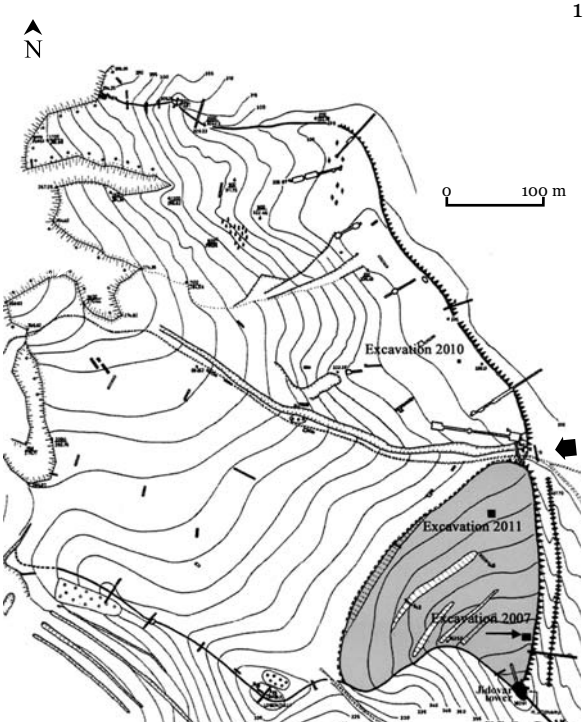
I.b.2 (fig. 8). The gates formed due to inward arching of the defensive lines ends[11] were investigated at Călineşti Oaş (Marta 2010, 10), Subcetate and Teleac (eastern gate).

For example, at Teleac (fig. 6) the ditch is interrupted opposite the eastern gate and the wall ends turn inward leading the access towards to gate. The authors of excavations presume also the possibility of a double gate, one at the entrance into this corridor and another at its end (Vasiliev, Aldea, Ciugudean 1991, 28, pl. I, IX; Vasiliev 1995, and note 21 from s. 45).

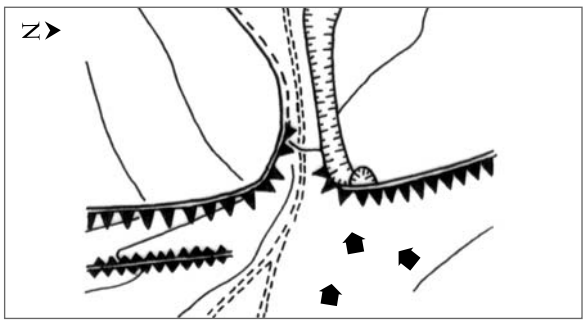
At Subcetate (fig. 7) were identified two gates of this kind. One was located on the north side and was installed in the place where the eastern side wall met with the northern side wall. The wall ends make a turn towards the inside of the fortress to form a corridor flanked by them. As in the case of Teleac fortification it is presumed the existence of a double gate. The gate on the southern side has a similar configuration and construction (Vasiliev 1995, 36-38 and note 21, pl. I).

Gates with similar aspects[12] are documented in the area of contemporary cultures in Central and South-Eastern Europe. For example, a similar gates were attested in Kyjatice world at Kemence "Magosfa" (Matuz, Nováki 2002, Abb. 36); in Lusitia – at Klátová Nová Ves (Veliačik

1



2

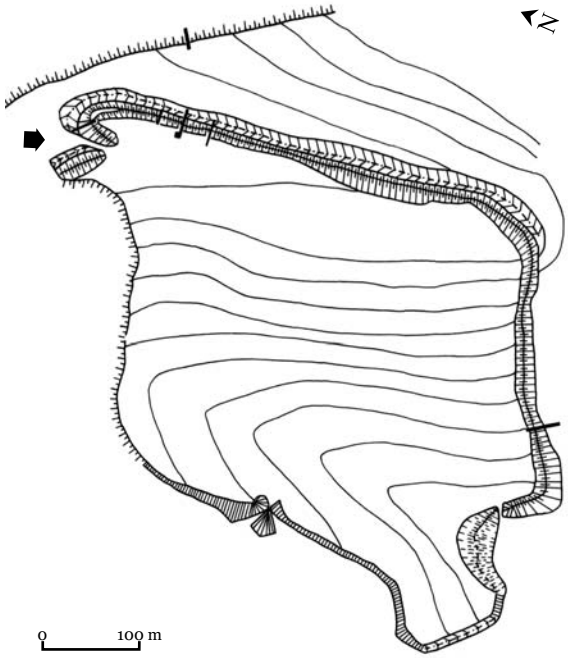


3

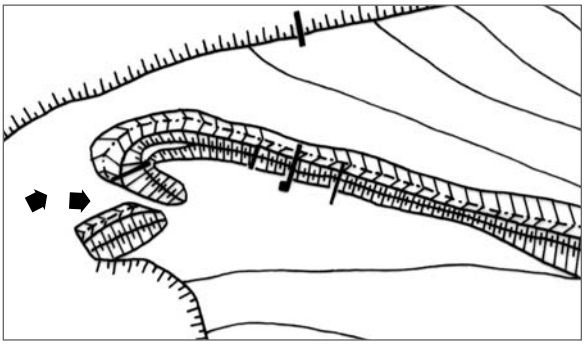
Fig. 6. Teleac. 1 - Aerial photograph, projection from the northwest (after Panorame istorice 2012, 45); 2 - topographical plan (after Ciugudean 2012, fig. 2); 3 - detail of the gate (drawing after Ciugudean 2012, fig. 2).

[11] In Central and West-European special literature, the term "Zangentor" – in the form of "grapples" is used for such gates (Böhme, Friedrich, Schock-Werner 2004, 241-242).

[12] For some fortifications (Kemence "Magosfa", Klátová Nová Ves, Turík, Bullenheimer Berg), one "wallum" end turns inward only, the other going straight.



1



2

Fig. 7. Subcetate "Dealul Petriş".
1 - Plan of the fortress; 2 - detail of the gate
(after Vasiliev 1995, pl. I).

1983, 17, obr. 2/1), Turík (Veliačik 1983, 18, obr. 3/3; Veliačik 1983a, 105, obr. 1/3), Zemianske Podhradie (Veliačik, Romsauer 1998, obr. 1) etc.; in Urnfield culture – at Bullenheimer Berg (faza III) (Diemer 1995, 29-30, Abb. 2), Ehrenbürg (Abels 2008, Abb. 2), Plešivec (Křivánek, Kuna, Korený 2006, obr. 5), Wolfsberg bei Mühlbach (Ostermeier 2012, 378, Abb. 204) etc.; in Gornea-Kalakača (Bosut IIIa) – at Mošorin 8 (Feudvar) (Falkenstein 1998, 300, Abb. 38; Falkenstein 1999, 114, Abb. 6). Similar gates are also found in some fortifications from South-Eastern Slovenia – Sv. Marjeta na Libni, Molnik nad Podmolnikom (Dular, Hvala 2007, 103-104, fig. 54/7, 8), but are dated later with HaC.

Among the first gates of this kind ("Zangentore") in Central Europe are highlighted those from Nitriansky Hrádok in the area of Maďarovvce culture (Western Slovakia) dated with the period BrA_2-BrB_1 (Točik 1978, plan 76; Točik 1981, 64-66) and from Bad Buchau "Siedlung Forschner" (South-Western Germany) dated with the 16th century BC according to dendrological data (Keefer 1990, 38, 40-41; Torke 1990, Abb. 1).

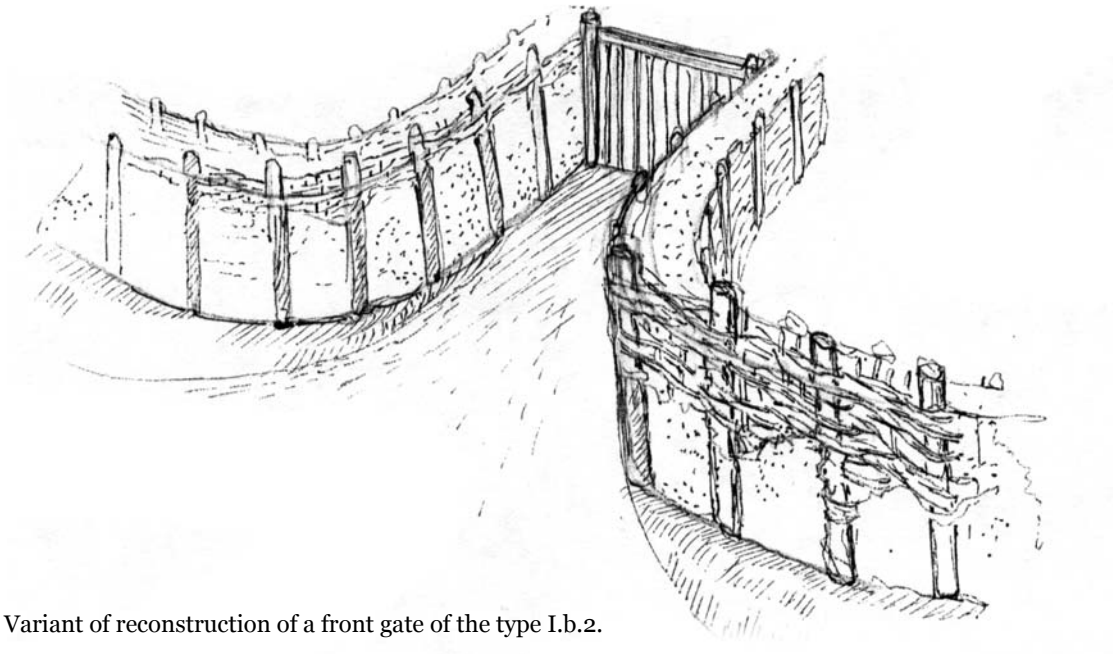
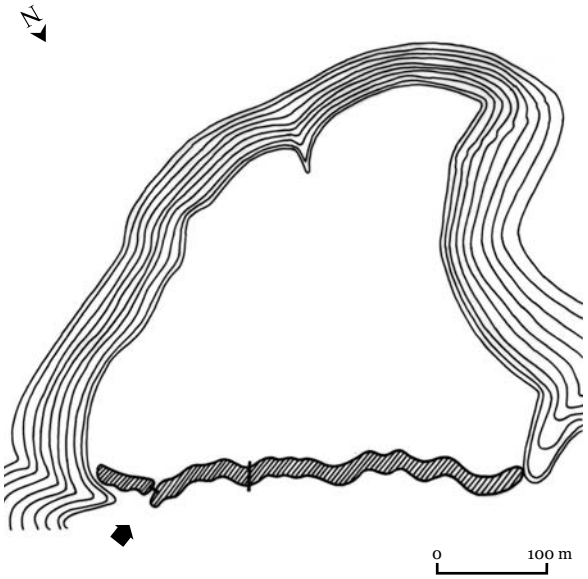
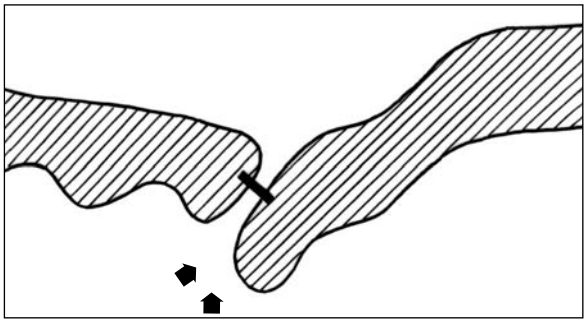


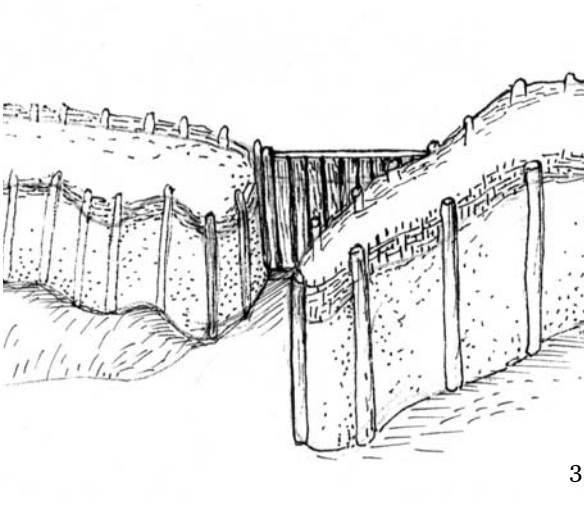
Fig. 8. Variant of reconstruction of a front gate of the type I.b.2.



1



2



3

Fig. 9. Voivodeni "Benk". 1 - Plan of the fortress (after Horedt 1981, Abb. 2); 2 - detail of the gate 3 - variant of reconstruction of the gate.

In the Tisa-Dniester area, the earliest "Zangentor" type gate was discovered at Corneşti "Iarcuri" fortress (Heeb, Szentmiklosi, Wiecken 2008, 180, Abb. 3; Szentmiklosi et al. 2011, 830, fig. 12, 13) which is assigned to Cruceni-Belegiş culture and whose defensive system is dated between 1400 and 1250 BC according to ^{14}C data.

These gates evolved[13] in Central Europe, with respective improvements, during Hallstatt (HaC-D) and early La Tène[14], gaining the most spread in Celtic oppida[15] (Jansová 1960, 651-653, obr. 228; Dehn 1961, 390-396; Motyková, Drda, Rybová 1984, 331-444; van Endert 1987, 75-82; Balzer 1996, 250-254; Buchsenschutz, Guillaumet, Ralston 1999, 249-255, fig. 159-161; Buchsenschutz, Krausz, Ralston 2010, 305, ill. 5).

I.b.3 (fig. 11). The gates included in this typology are, in general, the same in construction as those discussed above, differing, however, in that the defensive elements turn outward[16]. In Tisa-Dniester space such gates have been documented at Šelestovo "Tupča" (gate no. X), Voivodeni "Benk" – *Gáva-Holihrady culture* – and Pocreaca "Cetăţuie" – *Cozia-Saharna culture*.

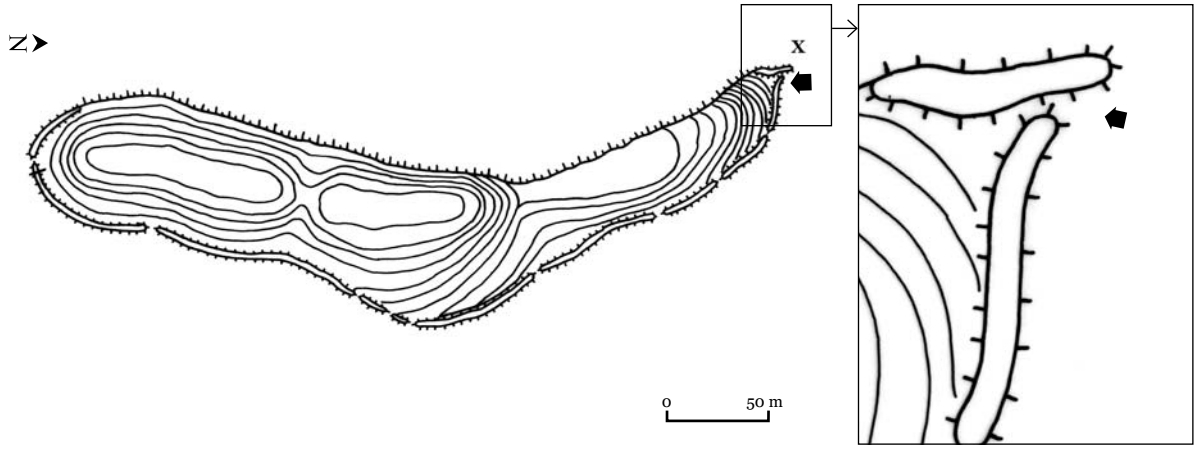
Archaeological research was conducted on the gate from Voievodeni "Benk" (fig. 9). As a result of digging and ground observations was discovered that the ditch is interrupted opposite the gate and the ends of the defensive wall turn outward forming a corridor of about 20 m length and 5 m wide. The Western end goes 10 m further compared to the Eastern one creating an additional obstacle. In order to reach the mentioned "corri-

[13] "Zangentor" type gates will be used until the Middle Ages (Brachmann 1993, 140, Abb. 65; Böhme, Friedrich, Schock-Werner 2004, 241-242).

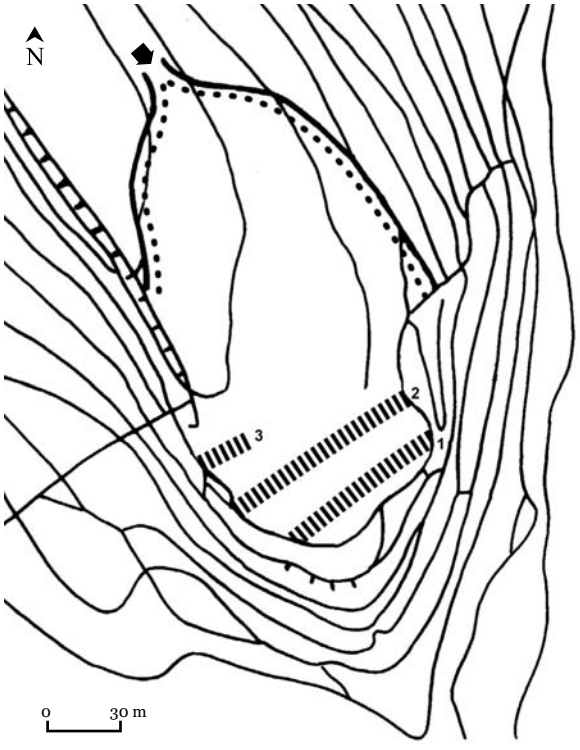
[14] For example, such gates were found at the fortresses of Burgholz (Morrissey, Müller 2002, 19-22, Abb. 2, 4), Svržno (Chytráček, Metlička 2011, 353, Abb. 1), Happung "Houbrig" (Ostermeier 2012, 357, Abb. 187) etc.

[15] Some researchers interested with the problem of Celtic fortifications, believe this type of gates appear in the Celtic world as a result of Mediterranean influences (Bittel 1930, 37; Dehn 1961, 395-396 etc.). Others (Jansová 1960, 651-653; Collis, Ralston 1976, 144-146; van Endert 1987, 80-81; Balzer 1996, 253) assume their local origin in Central Europe sometime at the end of Hallstatt - beginning of La Tène. However, we note that "Zangentor" type gates have had a long history starting with the Bronze Age, being used both in Central and Western Europe and in the Carpathian Arch even if it had a somewhat "clumsy" construction in the beginning.

[16] The term "trichterförmig" – funnel shaped, is used in German historiography to designate such gates (Herrmann 1969, 68).



1



2

Fig. 10. Fortifications with front gates of the type I.b.3: 1 - Šelestovo "Tupča" (drawing after Балагурі 1972, рис. 2); 3 - Pocreaca "Cetăţuia" (drawing after Iconomu 1996, fig. 2).

dor" one had to avoid the obstacle which involved exposing the right side of the body, unprotected by the shield. Based on the results of archaeological studies, it was found that the access corridor was "overlaid" with a layer of gravel, sometimes mixed with rocks, about 0,4-0,5 m thick (Horedt 1981, 227, Abb. 3).

Also, a similar gate was attested at Šelestovo "Tupča"[17] (fig. 10/1) fortress (Смирнова 1966, 398, рис. 3; Балагурі 1972, 15, рис. 2; Щербей 2010, 5, рис. 3). Here, opposite gate no. X located on the Northern side, the wall ends turn outward forming a corridor[18] about 8 m long and about 3,5 m wide. As in the case of Voivodeni "Benk", the Western end wall is longer than the Eastern one creating the same situation when the enemy had to avoid the obstacle and expose his right side in order to enter the access passage.

At Pocreaca "Cetăţuia" (fig. 10/2) the defensive constructions on the West - South-West and East - North-East turn toward the inside to North - North-West forming a corridor about 15 m wide and about 20 m long[19] (Iconomu 1996, 22, fig. 1).

One cannot exclude the existence of double gates at the mentioned fortifications, one placed at the entrance of mentioned corridors and the second at their end, from the precinct.

There are less known fortifications endowed with such gates in the surrounding regions. Researchers were able to detect analogies in the area of Urnfield culture in the region of Middle Danube (Mitteldanubische Urnenfelderkultur), at Nagygörbő-Várhegy (Bándi 1982, Abb. 3) and in Lusitia – at Nieder-Neudorf culture (Herrmann 1969, 68-69).

[17] The "special" particularity of gate building (no. X) is not mentioned in the publications referring to this site (Смирнова 1966, 398; Балагурі 1972, 15; Щербей 2010, 5; etc.), but it can be easily deduced from the fortification plan-outline.
[18] The size is calculated according to the published plans.
[19] The size is calculated according to the published plan.

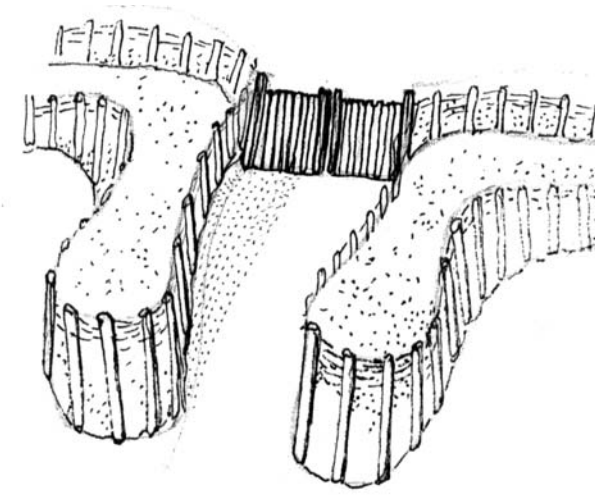


Fig. 11. Variant of reconstruction of a front gate of the type I.b.3.

II. *Side gates* are usually located on / or near the sides that have good natural defense. In cases where one single gate was found, it represented the main place of access into the fortress. For fortifications where several gates are identified, they usually play a secondary role[20].

Side gates are less documented for prehistoric fortifications (including Hallstatt[21] ones) from Tisa-Dniester space. This, however, does not mean that there were no such gates. Typically, in the attempt to study fortified sites to detect access gates, the researchers are guided by existing interruptions in the "wallum", often not suspecting they could be placed on sides where there are no clear traces of defensive constructions.

Side gate as front gate are divided according to construction particularities (fig. 2): (**II.a**) simple and (**II.b**) with additional facilities.

II.a. Simple gates were built on the outskirts of the fortress, between the end of defensive line and the rather steep headland or plateau the site was located on. They are usually situated on the left side (according the direction of attack). Thus, when going through the passageway formed between the steep slope and the defensive line end, the right side of solder body, not covered by the shield, was exposed to blows from those who were on the wall.

The existence of such gates at Hallstatt fortifications from Tisa-Dniester space is assumed[22] at Voloka (Могилов 2010, 103, рис. 3/3), Girs'ke (Крушельницька 1993, рис. 64), Nagorjany (Кучера 1983, рис. 4/3), Şona (Vasiliev 1995, 134, fig. 5) and Sighetul Marmaţiei (Horedt 1966, 6, fig. 5).

At Voloka (fig. 12/3), for example, two lines of defense were built on the east side (the narrowest) with a roughly north-south direction. In the north, the "wallums" start right at the edge of steep promontory, while in the south they stop at a distance of about 4 m from the slope leaving a free space where the gate/gates[23] was/were probably built. Therefore, the access was possible only bypassing the ends of the two defensive lines located to the right (unprotected by the shield) of those who intended to enter the fortress.

The Sighetul Marmaţiei site (fig. 12/2), located on a headland with steep slopes, was strengthened on the most accessible side, the Western side, through a defensive line that consisted of a ditch and a wall of wood and earth. The northern end of this defensive line turns to the east, continuing its route at a distance of about 25 m, parallel to the headland slope. It was noted in the curvature area the wall remains to be much larger than in other sectors, which makes us forward the idea that this is where the wall was wider or a bastion type defensive construction was built there. Therefore, in our opinion, the access to the fortress was possible bypassing the Northeast end of the defensive line which remained on the right side (unprotected by the shield).

Also, these gates are less known in neighboring regions. For example, in Kyjatice culture such an access method is noted at Detva (Šalkovský 2001, obr. 2); in Lusitia – at Letanovice (Miroššayová 1999, obr. 3), Ľuborča (Veliačik 1983, 17, obr. 3/1) etc.; in Urnfield culture – at Kallmünz (Ostermeier 2012, 389, Abb. 215), Landersdorf "Hinterer Berg" (Schußmann 2012, 45, Abb. 18) etc.

[20] As a classic example can serve the well-known fortress from Micene, where the "lion's gate" is considered main and the "northern" gate – auxiliary (Iakovides 1977, 182-193, Abb. 33-36).

[21] For the moment, this type of gate is documented in the area of *Gáva-Holihrady* culture only.

[22] These gates are not mentioned by the authors of publications referring to the cited sites. However, after analyzing the localization plans and orthophotoplans, also based on existing analogies in Central Europe and the Balkans (Williams 1991, 64-65; Ivanova 2008, 118), the existence of such gates at Hallstatt fortresses from Tisa-Dniester space can be assumed.

[23] Two successive gates could be installed, by one in front of each "wallum".

II.b (fig. 14). Protected side gates by additional defensive constructions are attested at the fortification of Teleac (Southern gate), Lisičniki (South-Eastern gate), Tilişca (Eastern gate) and Sărăţel "Cetate".

At Teleac, the second gate[24] was built on the Southern side which „ends in full length in a pronounced slope". At present, a mound rises near the place where the gate was built (Dâmbul Lobonţului), assumed by the authors of the excavation to be a wooden watchtower designed to monitor the access to the fortress on this side (Vasiliev, Aldea, Ciugudean 1991, 28-29, fig. 3/1a, 3/2, pl. I, V/1, IX).

The side gate from Lisičniki (fig. 13/1) represents as well an auxiliary gateway. This fact is demonstrated by the works conducted in this sector. Here was built a stone wall with two facings, about 8 m wide, whose way runs parallel to the steep headland to form a 3-4 m wide corridor leading toward the entrance gate on the South-East side (Maleev 1988, 98, ryc. 5).

A similar situation was attested at Tilişca (fig. 13/2) where an 80 m long "wallum" was built parallel to the hill, thus creating a corridor which allowed monitoring the access to the gate on the Eastern side from the edges (Lupu 1989, 98, fig. 2).

At Sărăţel "Cetate" the access to the Southern gate was protected by a "wallum" which began at the foot of the plateau and followed the Northeastern edge of the slope near the entrance to the fortress (Vlassa, Dănilă 1962, 342, fig. 2).

Analogies to the gates of this kind are few in the surrounding areas. For example, in Kyjatice culture a situation similar to the described above can be traced at Sály "Latorvár-tető" fortress (Matuz, Nováki 2002, 11-12, Abb. 16). For Urnfield culture, the most outstanging example is the site from Heunischenburg which was thoroughly researched by archaeological excavations, including in the gate area. This fortress had a side gate in building phase III which was flanked by a stone with two paraments, 2 m wide and over 40 m long (Abels 2002, 21, Abb. 12). An access corridor formed by two parallel wallums was discovered near the South-Eastern gate of Vinkov Vrh "Gradec" fortification (South-Eastern Slovenia)

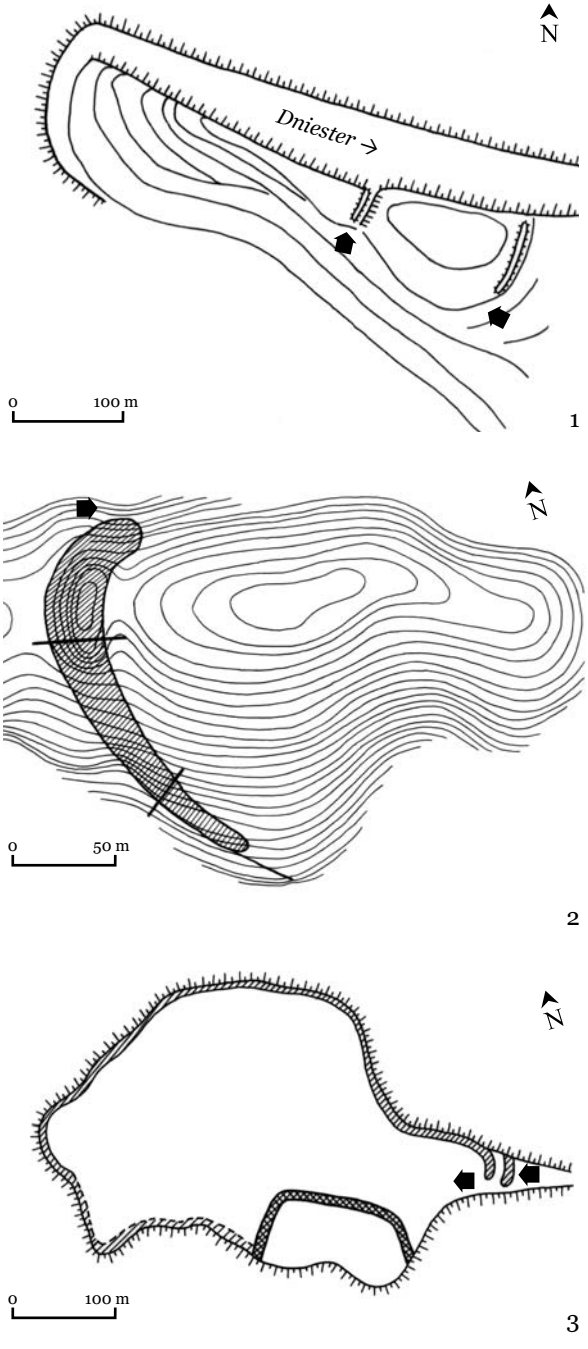


Fig. 12. Fortifications with side gates of the type IIa: 1 - Nagorjani (after Кучера 1983, рис. 4/3); 2 - Sighetul Marmaţiei "Dealul Cetăţii" (after Horedt 1966, fig. 5); 3 - Voloka (after Могилов 2010, рис. 3/1).

dated with HaC period (Dular, Hvala 2007, 104, fig. 54/10).

The information on side gates is very scarce for Bronze Age fortresses in the area researched. For Wietenberg culture, the entry method into Coldău fortress is known with the access possible

[24] The first and the main one was assigned to the front gate type. See above.

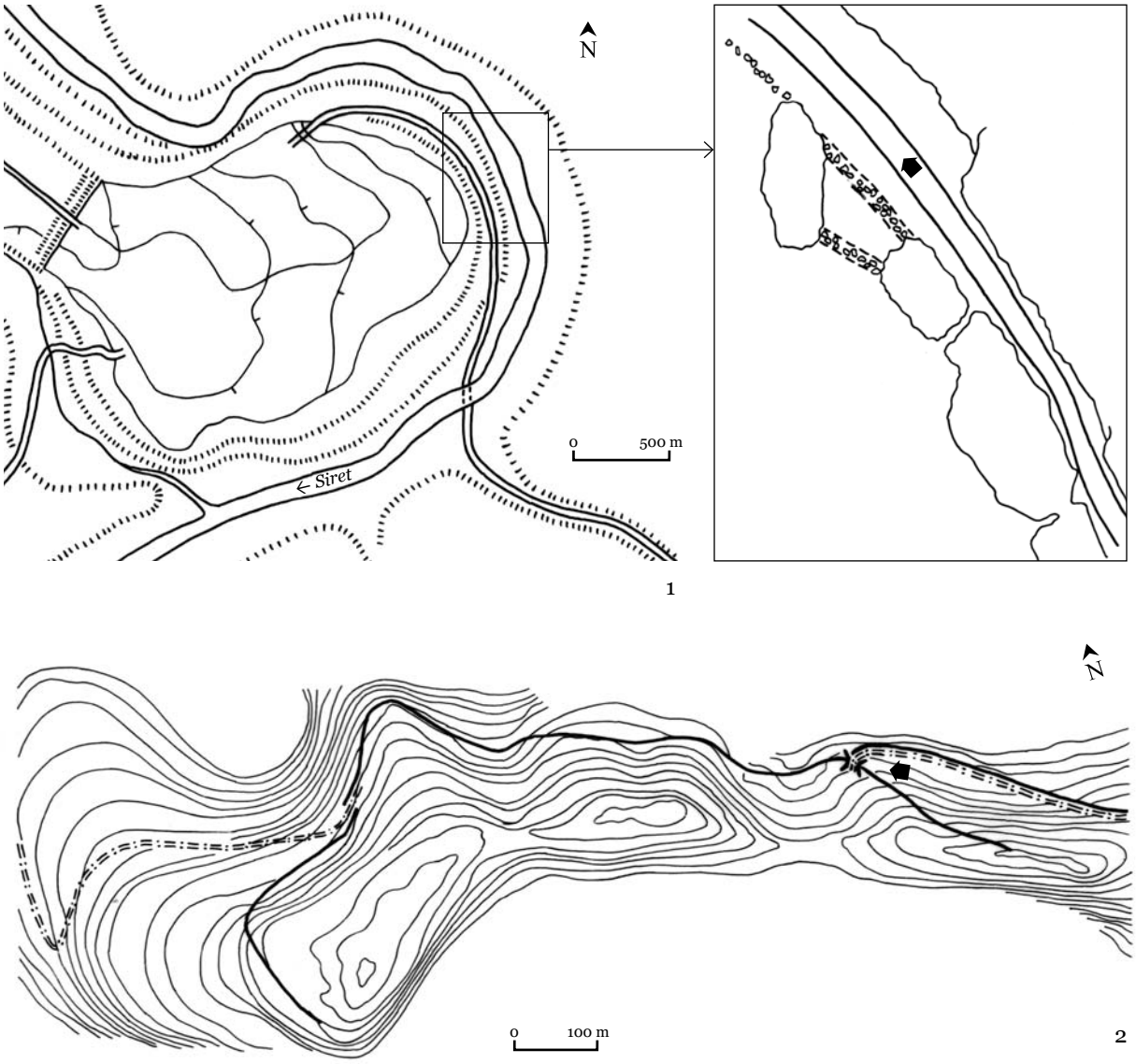


Fig. 13. Fortifications with side gates of the type IIa: 1 - Lisičniki (after Maleev 1988, ryc. 1 and 5); 2 - Tilişca "Căţănaş" (after Lupu 1989, fig. 2).

only passing by the defensive ditch bottom on the North side and then turning toward South to the entry gate (Vlassa 1973, 12, fig. 1).

It is noted from the above presented data that during the Hallstatt age a special attention was given to building entry gates and access ways. Although, the archaeological research of these objectives is its still at an early stage, it can be stated that the builders of that time had sound knowledge of military architecture. As seen in most cases were gates were built, and sometimes accompanied by some auxiliary defensive constructions, they were designed in such a way for those who wished to enter the fortress to always be exposed to shots (attack) from the right side, unprotected by the shield.

Later, only in the 1st century BC this gate defense method will find reflection in written resources.

"Special pains should be taken that there be no easy avenue by which to storm the wall. The roads should be encompassed at steep points, and planned so as to approach the gates, not in a straight line, but from the right to the left; for as a result of this, the right hand side of the assailants, unprotected by their shields, will be next the wall" (Vitruvius 1914, I, V, 2).

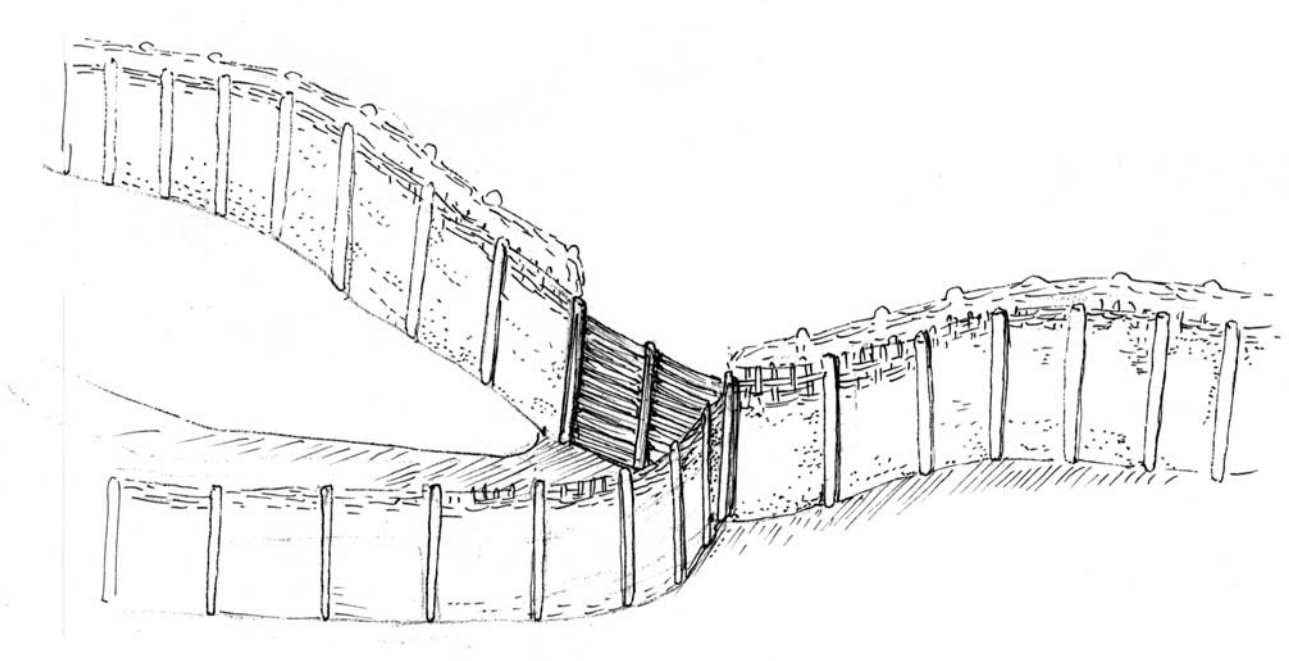


Fig. 14. Variant of reconstruction of a side gate of the type II.b.

Bibliography

Abels 2002: B.-U. Abels, Höhenbefestigungen der Bronze- und Urnenfelderzeit. Die Heunischenburg bei Kronach eine späturnenfelderzeitliche Befestigung (Universitätverlag Regensburg 2002).

Abels 2008: B.-U. Abels, Vorbericht zu den bronzezeitlichen Befestigungen auf der Ehrenbürg bei Forchheim. Bericht der Bayerischen Bodendenkmalpflege 49, 2008, 57-64.

Ailincăi 2013a: S.C. Ailincăi, Începuturile epocii fierului în Dobrogea. SCIVA 64/3-4, 2013, 223-292.

Alexa, Ferenczi, Şteiu 1965: I. Alexa, Şt. Ferenczi, N. Şteiu, Sondajele arheologice la Huedin-„Bolic". ActaMN II, 1965, 637-643.

Bader 2012: T. Bader, Bemerkungen über die Gáva Kultur. Geschichte und Stand der Forschung. Ein Überblick. Satu Mare. Studii şi comunicări XXVIII/1, 2012, 7-22.

Baltag 1979: Gh. Baltag, Date pentru un studiu arheologic al zonei municipiului Sighişoara. Marisia IX, 1979, 75-106.

Balzer 1996: I. Balzer, „Durch diese hohle Gasse...". Überlegungen zu spätlatènzeitlichen Toranlagen. Archaeologia Austria 80, 1996, 250-254.

Bándi 1982: G. Bándi, Spätbronzezeitliche befestigte Höhensiedlungen in Westungarn. In: Beiträge zum bronzezeitlichen Burgenbau im Mitteleuropa (Berlin-Nitra 1982), 81-89.

Banner 1939: J. Banner, A hódmezővásárhelyi Nagytatársánc. In: (Ed. J. Banner) Dolgozatok a M. kir. Ferencz József - Tudományegetem Régiségtudományi Intézetéből, XV (Szeged 1939), 93-114.

Bălan 2013: G. Bălan, Aşezările fortificate din aria culturii Gáva din România. In: (Eds. Ailincăi, S-C., Ţârlea, A., Micu, C.) Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor arheologice la Babadag (1962-2012) (Actele conferinţei „Lower Danube Prehistory. 50 years of excavations at Babadag", Tulcea, 20-22 septembrie 2012), Brăila, 265-310.

Bittel 1930: K. Bittel, Grabungen am Burgstall von Finsterlohr. Germania 14, 1930, 30-38.

Böhme, Friedrich, Schock-Werner 2004: H.W. Böhme, R. Friedrich, B. Schock-Werner, Wörterbuch der Burgen, Schlösser und Festungen (Stuttgart: Philipp Reclam 2004).

Brachmann 1993: H. Brachmann, Der frühmittelalteriche Befestigungsbau in Mitteleuropa. Untersuchungen zu seiner Entwicklung und Funktion im germanisch-deutschen Gebiet (Berlin 1993).

Buchsenschutz, Guillaumet, Ralston 1999: O. Buchsenschutz, J-P. Guillaumet, I. Ralston, Les remparts de Bibracte. Recherches récentes sur la Porte du Rebout et le tracé des fortifications (Glux-en-Glenne 1999).

Buchsenschutz, Krausz, Ralston 2010: O. Buchsenschutz, S. Krausz, I. Ralston, Architecture et chronologie des remarts celtiques du Berry et du Limousin. In: (Ed. St. Fichtl) Murus celticus. Architecture et des remparts de l'âge de Fer (Glux-en-Glenne 2010), 297-313.

Chytráček, Metlička 2011: M. Chytráček, M. Metlička, Forschungen zur Eisenzeit in Südwestböhmen in den Jahren 1990-2010. In: Fines Transire, 20, Archäologische Arbeitsgemeinschaft Ostbayern / West- und Südböhmen / Oberösterreich (Rahden/Westf. 2011), 353-363.

Coblenz 1989: W. Coblenz, Befestigte Siedlungen der Sächsisch-Lausitzischen Gruppe als Zentren von Siedlungskammern. Mit Bemerkungen zu ihrer wirtschaftlichen un gesellschaftlichen Rolle. In: Studia nad grodami epoki brazu i wczesnej epoki zelaza w Europie Srodkowej (Wroclaw 1989), 139-151.

Collis, Ralston 1976: J. Collis, I. Ralston, Late La Tène Defences. Germania 54, 1976, 135-146.

Costea 2000: Fl. Costea, Fortificaţii hallstattiene din judeţul Braşov. Angustia 5, 2000, 221-226.

Dănilă 1972: Şt. Dănilă, Contribuţii la cunoaşterea unor cetăţi din nord-estul Transilvaniei. File de Istorie. Muzeul judeţean Bistriţa II, 1972, 67-108.

Dehn 1961: W. Dehn, Zangentore an spätkeltischen Oppida. Památky archologické LII, 2, 1961, 390-396.

Demeterová 1983: S. Demeterová, Hradiská kultúry Suciu de Sus a Gava. Archeologické rozhledy 35, 1983, 33-38.

Diemer 1995: G. Diemer, Der Bullenheimer Berg und seine Stellung im Siedlungsgefüge der Urnenfelderkultur Mainfrankens (Kallmünz/Opf. 1995).

Falkenstein 1998: F. Falkenstein, Feudvar II. Die Siedlungsgeschichte des Titeler Plateaus. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, Band 14 (Kiel 1998).

Falkenstein 1999: F. Falkenstein, Steppenkulturen und Epochengrenzen am Beispiel einer Siedlungskammer am Donau-Theiß-Zusammenfluß, Jugoslawien. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien 129, 1999, 107-124.

Florescu, Florescu 1983: A. Florescu, M. Florescu, Aspecte ale civilizaţiei geto-dacice în zona de curbură a Carpaţilor răsăriteni, Studia Antiqua et archaeologica I, 1983, 72-93.

Furmánek 1989: V. Furmánek, Burganlaggen der Kyjatice-Kultur. In: Studia nad grodami epoki brazu i wczesnej epoki zelaza w Europie Srodkowej (Wroclaw 1989), 73-84.

Furmánek, Veliačik, Vladár 1991: V. Furmánek, L. Veliačik, J. Vladár, Slovensko v dobe bronzovej (Bratislava 1991).

Hänsel 1976: B. Hänsel, Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Beitr. Ur- u. Frühgesch. Arch. Mittelmeer-Kulturraum 16-17 (Bonn 1976).

Heeb, Szentmiklosi, Wiecken 2008: B.S. Heeb, A. Szentmiklosi, J.M. Wiecken, Zu den Wallringen von Corneşti-Iarcuri, Jud. Timiş, Rumänien – Forschungsgeschichte und neueste Untersuchungen. Praehistorische Zeitschrift 83, 2008, 179-188.

Herrmann 1969: J. Herrmann, Burgen und befestigte Siedlungen der jüngeren Bronze- und frühen Eisenzeit in Mitteleuropa. In: (Hrsg. K.H. Otto, J. Herrmann) Siedlung, Burg und Stadt. Studien zu ihren Anfängen (Berlin 1969), 56-94.

Horedt 1966: K. Horedt, Aşezarea fortificată din perioada târzie a bronzului de la Sighetul Marmaţiei (Baia Mare 1966).

Horedt 1974: K. Horedt, Befestigte Siedlungen der Spätbronze- und der Hallstattzeit im Innerkarpatischen Rumänien. In: Symposium zur Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa (Bratislava 1974), 205-228.

Horedt 1981: K. Horedt, Eine befestigte Siedlung der älteren Hallstattzeit bei Voivodeni in Siebenbürgen. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte, I (Berlin 1981), 225-236.

Iakovides 1977: Sp. Iakovides, Vormykenische und mykenische Wehrbauten. In: (Hrsg. H.G. Buchholz, J. Wiesner) Kriegswesen, Teil 1. Schutzwafen und Wehrbauten (Göttingen 1977), 161-228.

Iconomu 1996: C. Iconomu, Cercetările arheologice din cetatea hallstattiană de la Pocreaca-Iaşi. ArhMold XIX, 1996, 21-56.

Ivanova 2008: M. Ivanova, Befestigte Siedlungen auf dem Balkan, in der Ägäis und in Westanatolien, ca. 5000-2000 v. Chr. (Münster 2008).

Jansová 1960: L. Jansová, Výzkum keltského oppida v Hrazanech na Střední Vltavě. Archeologické rozhledy XII, 4, 1960, 650-656, 665-676.

Jugănaru 2005: G. Jugănaru, Cultura Babadag, I (Constanţa 2005).

Kaşuba, Leviţki 2010: M. Kaşuba, O. Leviţki, Prima epocă a fierului (sec. XII-VIII/VII î. Hr.). Începuturile relaţiilor de clasă. Consideraţii generale. In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică (pană în sec. V) (Chişinău 2010), 313-329.

Keeley, Fontana, Quiq 2007: L.H. Keeley, M. Fontana, R. Quiq, Baffles and Bastions: The Universal Features of Fortifications. Journal of Archeological Research 1, 15, 2007, 55-95.

Křivánek, Kuna, Korený 2006: R. Křivánek, M. Kuna, R. Korený, Hradiště Plešivec – preventivní detektorový průzkum a dokumentace ohrožené lokality. Archeologické rozhledy LVIII, 2006, 329-343.

László 1994: A. László, Începuturile epocii fierului la est de Carpaţi (Bucureşti 1994).

László 1986: A. László, Grupul Tămăoani. Asupra „orizontului" hallstattian timpuriu cu ceramică incizată din sudul Moldovei. Memoria Antiquitatis XII-XIV, 1986, 65-91.

László 1989: A. László, Les groupes régionaux anciens du Hallstatt à l'est des Carpathes. La Moldavie aux XII-VII siècles av. n.è. In: La civilisation de Hallstatt, bilan d'une rencontre. Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège 36 (Liège 1989), 111-129.

László 2010: A. László, Prima epocă a fierului. Perioada timpurie (Hallstatt A şi B). In: (Coord. M. Petrescu-Dîmboviţa, Al. Vulpe) Istoria Românilor, vol. I. Moştenirea timpurilor îndepărtate, ed. II (Bucureşti 2010), 289-325.

Lawrence 1979: A. Lawrence, Greek Aims in Fortification (Oxford: University Press 1979).

Lazăr 2011: S. Lazăr, Sfârşitul epocii bronzului şi începutul epocii fierului în sud-vestul României (Craiova: Editura Universitaria 2011).

Leviţki 1994a: O. Leviţki, Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpaţi (Bucureşti 1994).

Leviţki 1994b: O. Leviţki. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului hallstattian timpuriu, cu ceramică incizată. In: Relations Thraco-Illyro-Helléniques. Actes du 14e Symposium National de Thracologie (à participation internationale). Băile Herculane (14-19 septembre 1992) (Bucarest 1994), 219-256.

Lupu 1989: N. Lupu, Tilişca. Aşezările arheologice de pe Căţănaş (Bucureşti 1989).

Maleev 1988: Ju. Maleev, Trackie grodziska okresu halstackiego na pólnocno-wschodnim Podkarpaciu. Acta Archaeologica Carpathica XXVII, 1988, 95-116.

Marinescu, Munteanu 1984-1985: Fl. Marinescu, D. Munteanu, Cercetări în cetatea hallstattiană timpurie de la Grădiştea (jud. Vâlcea). Campania 1983. Studii şi materiale de muzeografie şi istorie militară 17-18, 1984-1985, 125-136.

Marta 2010: L. Marta, Contribuţii la cunoaşterea sfârşitului epocii bronzului şi începutul epocii hallstattiene în Câmpia Sătmăreană şi în Ţara Oaşului (Rezumatul tezei de doctorat) (Alba Iulia 2010).

Matuz, Nováki 2002: E.D. Matuz, Gy. Nováki, Spätbronzezeitliche, früheisenzeitliche Erdwälle in Nordungarn (Budapest 2002).

Miroššayová 1999: E. Miroššayová, Výšinné hradisko na Kláštorisku-Čertovej v Letanovciach. Slovenská archeológia XLVII-1, 1999, 129-152.

Morintz 1964: S. Morintz, Quellques problèmes concernant la période du Hallstatt au Bas Danube a la lumière des fouilles de Babadag. Dacia n.s. VIII, 1964, 101-118.

Morintz, Roman 1969: S. Morintz, P. Roman, Un nou grup hallstattian timpuriu în sud-vestul României – Insula Banului. SCIV 20/3, 1969, 393-423.

Morintz 1987: S. Morintz, Noi date şi probleme privind perioadele hallstattiană timpurie şi mijlocie în zona istropontică (Cercetările de la Babadag). Thraco-Dacica 1-2, 8, 1987, 39-72.

Motyková, Drda, Rybová 1984: K. Motyková, P. Drda, A. Rybová, Opevněni pozdne halštatského a časně latènského hradiště Zavist. Památky Archeologické LXXVII, 1984, 331-444.

Mozsolics 1957: A. Mozsolics, Archäologisce Beiträge zur Geschichte der grossen Wanderung. In: Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, 8 (Budapest 1957), 119-156.

Müller-Karpe 1959: H. Müller-Karpe, Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Römisch-Germanische Forschungen 22 (Berlin 1959).

Németi 1981-1982: J. Németi, Descoperiri hallstattiene timpurii în zona Careiului. Satu Mare. Studii şi comunicări 5-6, 1981-1982, 45-58.

Nica 1990: M. Nica, Câteva date despre cetatea hallstattiană timpurie de la Valea Rea (com. Brădeşti, jud. Dolj). In: SympThrac, 8 (Satu-Mare-Carei 1990), 129.

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chişinău 2008).

Pădureanu 1989: E.D. Pădureanu, Cu privire la fortificaţia hallstattiană de la Lipova. In: SympThrac, 7 (Tulcea 1989), 268-269.

Puziuk 2010: J. Puziuk, Konstrukcje obronne w grodach kultury Lużyckiej. Materiały Archeologiczne XXXVIII, 2010, 5-33.

Schußmann 2012: M. Schußmann, Siedlungshierarchien und Zentralisierungsprozesse in der Südlichen Frankenalb zwischen dem 9. und 4. Jh. v. Chr. Berliner Arch. Forsch. 11 (Rahden/Westf. 2012).

Simion 2003: G. Simion, Aşezarea hallstattiană de la Beidaud – Tulcea. In: Culturi antice în zona gurilor Dunării, I (Cluj-Napoca 2003), 79-98.

Smirnova 1974: G.I. Snirnova, Complexe de tip Gáva-Holihrady – o comunitate cultural-istorică. SCIVA 25/3, 1974, 359-380.

Söder, Zeiler 2006: U. Söder, M. Zeiler, Ausgrabungen auf der vorgeschichtlichen Höhensiedlung Milseburg-Danzwiesen, Kr. Fulda/Rhön. Archäologisches Korrespondenzblatt 36, 2006, 1-20.

Szentmiklosi et al. 2011: A. Szentmiklosi, B.S. Heeb, J. Heeb, A. Harding, R. Krause, H. Becker, Corneşti-Iarcuri – a Bronze Age town in the Romanian Banat? Antiquity 85, 329, 2011, 819-838.

Šalkovský 2001: P. Šalkovský, Výšinné hradisko v Detve – osídlenie v mladšej a neskorej dobe bronzovej. Slovenská archeológia XLIX, 2001, 39-58.

Tătulea 1982: C.M. Tătulea, Cercetări în aşezarea hallstattiană timpurie Portăreşti-Dolj. Thraco-Dacica 1-2, III, 1982, 121-133.

Točik 1978: A. Točik, Nitriansky Hrádok-Zámeček (Bez. Nové Zámky). Bronzezeitliche befestigte Ansiedlung der Maďarovce Kultur, II (Nitra 1978).

Točik 1981: A. Točik, Nitriansky Hrádok-Zámeček. Bronzezeitliche befestigte Ansiedlung der Maďarovce Kultur, Band I, 1 (Nitra 1981).

Ursulescu, Popovici 1984: N. Ursulescu, D. Popovici, Cercetările arheologice de la Preuteşti, jud. Suceava. In Cercetări arheologice, VII (Bucureşti 1984), 81-84.

Ursulescu, Popovici 1997: N. Ursulescu, D. Popovici, Considération historiques concernant les fortifications hallstattiennes à l'est des Carpates. In: Lucrările Colocviului internaţional „Prima epocă a fierului la Gurile Dunării şi în zonele circumpontice". Tulcea, septembrie 1993 (Tulcea 1997), 51-65.

van Endert 1987: D. van Endert, Das Osttor des Oppidums von Manching (Stuttgart 1987).

Vasiliev 1995: V. Vasiliev, Fortifications de refuge et établissements fortifiés du premier âge du fer en Transylvanie (Bucarest 1995).

Vasiliev, Aldea, Ciugudean 1991: V. Vasiliev, I. Aldea, H. Ciugudean, Civilizaţia dacică timpurie în aria intracarpatică a României. Contribuţii arheologice: Aşezarea fortificată de la Teleac (Cluj-Napoca 1991).

Vasiliev, Gaiu 1980: V. Vasiliev, C. Gaiu, Aşezarea fortificată din prima vârstă a fierului de la Ciceu-Corabia, jud. Bistriţa-Năsăud. ActaMN XVII, 1980, 31-63.

Veliačik 1983: L. Veliačik, Hradiská Lužickej kultúry na Slovensku. Archeologické rozhledy 35, 1983, 14-23.

Veliačik 1983a: L. Veliačik, Zisťovací výskum na hrádku v Turíku. Študijné zvesti archeologického ústavu Slovenskej Akadémie Vied 20, Nitra, 1983, 105-112.

Veliačik, Romsauer 1998: L. Veliačik, P. Romsauer, Výsledky výskumu hradiska Lužickej kultúry v Zemianskom Podhradí (Predbežná správa). Slovenská archeológia XLVI-2, 1998, 225-251.

Vitruvius 1914: Vitruvius, The ten books on architecture. Translated by Morris Hicky Morgan (Harvard university press 1914).

Vladár 1975: J. Vladár, Spišský Štvrtok, opevnená osada otomanskej kultúry. In: III. Medzinárodný kongres slovanskej archeológie, Bratislava 7.-14. septembra 1975 (Nitra 1975), 3-20.

Vladár 1975a: J. Vladár, Mykenische Einflüsse im Karpatengebiet. Die urgeschtliche Siedlung Spišský Štvrtok. Das Altertum 21/2, 1975, 92-98.

Vlassa 1973: N. Vlassa, Săpăturile arheologice de la Coldău. ActaMN X, 1973, 11-21.

Vlassa, Dănilă 1962: N. Vlassa, Şt. Dănilă, Săpăturile arheologice de la Sărăţel (com. Sărata, r. Bistriţa, reg. Cluj). MCA VIII, 1962, 341-347.

Zanoci 1998: A. Zanoci, Fortificaţiile geto-dacice din spaţiul extracarpatic în secolele VI-III a. Chr. (Bucureşti 1998).

Zanoci 2013: A. Zanoci, Fortificaţiile din arealul culturilor Babadag şi Cozia-Saharna. In: (Eds. S-C. Ailincăi, A. Ţârlea, C. Micu) Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor arheologice la Babadag (1962-2012) (Actele conferinţei „Lower Danube Prehistory. 50 years of excavations at Babadag", Tulcea, 20-22 septembrie 2012) (Brăila 2013), 311-348.

Zanoci, Banaru 2010: A. Zanoci, V. Banaru, Die frühhallstattzeitlichen Befestigungsanlagen im ostkarpatischen Raum. In: (Eds. N. Bolohan, Fl. Măţău, F-A. Tencariu,) Signa Praehistorica. Studia in honorem magistri Attila László septuagesimo anno (Iaşi 2010), 403-441.

Артамонов 1955: М.И. Артамонов, Археологические исследования в Южной Подолии в 1952-1953 гг. В: КСИИМК, вып. 59 (Москва 1955), 100-117.

Балагурі 1972: Е.А. Балагурі, Шелестівське городище - пам'ятка населення ранньозалізної доби Закарпаття. В сб.: Дослідження стародавньої історії Закарпаття (Ужгород 1972), 6-75.

Завітій 2009: Б.І. Завітій, Дослідження Лошнівського городища ранньозалізного віку та його околиць у 2008 р. В сб.: Вісник Інституту археології. Львівський університет, вип. 4 (Львів 2009), 111-129.

Завітій 2011: Б.І. Завітій, Городища ранньозалізного віку у Верхньому і Середньому Подністер'ї. В сб.: Вісник Інституту археології. Львівський університет, вип. 6 (Львів 2011), 3-51.

Кашуба 2000: М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.

Крушельницька 1993: Л.І. Крушельницька, Нові пам'ятки культури Гава-Голіграді. В сб.: Пам'ятки гальштатського періоду в межиріччі Вісли, Дністра і Прип'яті (Київ 1993), 56-122.

Крушельницкая, Малеев 1990: Л.И. Крушельницкая, Ю.Н. Малеев, Племена культуры фракийского гальштата (Гава-Голиграды). В сб.: Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо) (Киев 1990), 123-132.

Кучера 1983: М.П. Кучера, Обследование городищ в зоне Могилев-Подольской ГЭС на Днестре. В сб.: Археологические памятники среднего Поднестровья (Киев 1983), 97-101.

Левицкий, Кашуба 2014: О.Г. Левицкий, М.Т. Кашуба, Финал эпохи бронзы в Карпато-Подунавье: культурно-исторический ландшафт и его восточные (прикарпатские) рубежи. В сб.: Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Масона (03.05.1929-19.02.2010). Труды ИИМК РАН, т. XLII (Санкт Петербург 2014), 240-270.

Малеев 1987: Ю.Н. Малеев, Гальштатские городища в Западной Подолии и Прикарпатье. В сб.: Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1987), 86-101.

Могилов 2010: А. Могилов, К археологической карте Северной Буковины раннего железного века. Revista arheologică s.n. V/1, 2010, 98-129.

Мойжес 2011: В.В. Мойжес, Ардановское городище. Tyragetia s.n. V/1, 2011, 237-246.

Пеняк, Попович, Потушняк 1983: С.И. Пеняк, И.И. Попович, М.Ф. Потушняк, Раскопки в Закарпатье. В сб.: АО 1981 года (Москва 1983), 806.

Смирнова 1966: Г.И. Смирнова, Гальштатские городища в Закарпатье. Slovenská archeológia XIV, 2, 1966, 397-410.

Тереножкин 1961: А.И. Тереножкин, Предскифский период на днепровском Правобережье (Киев 1961).

Щербей 2010: К.І. Щербей, Гальштатські городища Закарпаття. Карпатика 39, 2010, 3-15.

Tipologia şi evoluţia porţilor şi căilor de acces în cetăţile hallstattiene timpurii din spaţiul tiso-nistrean

Rezumat

Pentru intervalul de timp, cuprins între a doua jumătate a sec. XII a. Chr. şi începutul sec. VIII a. Chr., în spaţiul tiso-nistrean au fost documentate cca 140 fortificaţii. Majoritatea lor (121) sunt concentrate în arealul culturii Gáva-Holihrady, restul, într-un număr mai mic, sunt cunoscute în culturile: Vârtop, Chişinău-Corlăteni, Babadag, Cozia-Saharna şi Insula Banului.

Indiferent de apartenenţa culturală, fortificaţiile hallstattiene timpurii conţin o serie de trăsături comune: amplasarea în locuri strategice; prezenţa elementelor defensive artificiale („val", şanţ etc.); adaptarea sistemului defensiv la particularităţile terenului pe care acestea sunt amplasate etc.

Un element foarte important în cadrul aşezărilor fortificate îl reprezintă modalitatea de intrare în incintă. Astfel, accesul trebuia să fie lesnicios pentru locuitorii cetăţii şi dificil pentru inamic.

În prezent dispunem de informaţii directe sau indirecte cu privire la porţile de intrare în cca 36 fortificaţii din arealul culturii Gáva-Holihrady, în două din cultura Vârtop şi în câte una – Babadag şi Cozia-Saharna.

În funcţie de locul de amplasare a porţilor, ele pot fi divizate în: (**I**) – porţi frontale şi (**II**) – porţi laterale.

I. *Porţile frontale*, de regulă, sunt plasate aproximativ la mijlocul liniei defensive ce fortifica situl pe cea mai accesibilă latură. Actualmente vestigiile lor apar ca o simplă întrerupere în linia defensivă (Ciceu-Corabia „Măgura", Tállya „Óvar", Gorodnicja, Preuteşti, Portăreşti „Cetăţuie" etc.), sau însoţite de unele amenajări defensive suplimentare (Călineşti Oaş, Subcetate, Teleac, Voivodeni „Benk", Pocreaca „Cetăţuie" etc.).

II. *Porţile laterale* sunt plaste, de regulă, pe/sau în apropierea laturilor ce dispun de o bună apărare naturală. În cazurile când este atestată o singură poartă, ea reprezintă principalul loc de acces în cetate. Iar la fortificaţiile la care sunt identificate mai multe porţi, ele, de obicei, joacă un rol secundar.

Porţile laterale, ca şi cele frontale, în funcţie de particularităţile de construcţie, pot fi divizate în: simple (Voloka, Girs'ke, Sighetul Marmaţiei etc.) şi cu amenajări suplimentare (Lisičniki, Tilişca, Sărăţel „Cetate" etc.).

Porţi similare, inclusiv cele protejate de unele construcţii defensive adiacente, capătă o largă răspândire şi în mediile culturale din teritoriile limitrofe, mai ales, din Vest (Kyjatice, Lausitzer, Urnenfeld etc.).

Ca urmare a studierii porţilor şi căilor de acces s-a observat că lor le-a fost acordată o atenţie deosebită, ceea ce presupune existenţa în perioada hallstattiană a unor cunoştinţe temeinice în domeniul arhitecturii militare. În majoritatea cazurilor când au fost amenajate porţi, însoţite de unele construcţii defensive auxiliare, acestea au fost concepute în aşa mod ca cel care intenţiona să intre în cetate era întotdeauna expus loviturilor (atacului) din partea dreaptă, neapărată de scut.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta răspândirii fortificaţiilor la care au fost atestate porţi de intrare.

Fig. 2. Tipologia porţilor de intrare.

Fig. 3. Fortificaţii cu porţi frontale de tip I.a: 1 - Gorodnicja (după Maleev 1988, ryc. 8); 2 - Tállya „Óvar" (după Matuz, Nováki 2002, Abb. 5); 3 - Preuteşti (după Ursulescu, Popovici 1997, fig. 2); 4 - Ardanovo „Boguslav" (după Мойжес 2011, рис. 3).

Fig. 4. Variantă de reconstituire a unei porţi frontale de tip I.a.

Fig. 5. Orosháza. 1 - Ortofotoplan (după Google Earth Pro); 2 - planul fortificaţiei (după Banner 1939, Taf. II, K-K).

Fig. 6. Teleac. 1 - Fotografie aeriană, proiecţie dinspre nord-vest (după Panorame istorice 2012, 45); 2 - plan topografic (după Ciugudean 2012, fig. 2); 3 - poarta de intrare, detaliu (desen după Ciugudean 2012, fig. 2).

Fig. 7. Subcetate „Dealul Petriş". 1 - Planul cetăţii; 2 - poarta de intrare, detaliu (după Vasiliev 1995, pl. I).

Fig. 8. Variantă de reconstituire a unei porţi frontale de tip I.b.2.

Fig. 9. Voivodeni „Benk". 1 - Planul cetăţii (după Horedt 1981, Abb. 2); 2 - poarta de intrare, detaliu; 3 - variantă de reconstituire a porţii.

Fig. 10. Fortificaţii cu porţi frontale de tip I.b.3: 1 - Šelestovo „Tupča" (desen după Балагурі 1972, рис. 2); Pocreaca „Cetăţuia" (desen după Iconomu 1996, fig. 2).

Fig. 11. Variantă de reconstituire a unei porţi frontale de tip I.b.3.

Fig. 12. Fortificaţii cu porţi laterale de tip IIa: 1 - Nagorjani (după Кучера 1983, рис. 4/3); 2 - Sighetul Marmaţiei „Dealul Cetăţii (după Horedt 1966, fig. 5); 3 - Voloka (după Могилов 2010, рис. 3/1).

Fig. 13. Fortificaţii cu porţi laterale de tip IIa: 1 - Lisičniki (după Maleev 1988, ryc. 1 şi 5); 2 - Tilişca „Căţănaş" (după Lupu 1989, fig. 2).

Fig. 14. Variantă de reconstituire a unei porţi laterale de tip II.b.

Типология и эволюция ворот и путей доступа в раннегальштатские крепости Тисо-Днестровского пространства

Резюме

На Тисо-Днестровском пространстве зарегистрировано около 140 укреплений, относящихся к периоду времени между второй половиной XII и началом VIII века до н.э. Большинство из них (121) сконцентрировано в ареале культуры Гава-Голиграды, остальные, в меньшем количестве, известны в культурах Выртоп, Кишинэу-Корлэтень, Бабадаг, Козия-Сахарна и Инсула-Банулуй.

Независимо от культурной принадлежности, раннегальштатские укрепления отличает ряд общих черт: расположение в стратегических местах; наличие искусственно созданных оборонительных элементов («вал», ров и т.п.); приспособленность оборонительной системы к особенностям рельефа местности и т.д.

Большое значение в укрепленных поселениях имеет способ доступа в крепость: он должен быть легким для ее обитателей и трудным для неприятеля.

Сегодня мы располагаем прямыми либо косвенными данными относительно ворот 36 крепостей ареала культуры Гава-Голиграды, двух крепостей, принадлежащих к культуре Выртоп, и еще двух, относящихся к культурам Бабадаг и Козия-Сахарна.

В зависимости от расположения ворот эти крепости могут быть подразделены на два типа: (**I**) – с фронтальными воротами и (**II**) – с боковыми воротами.

I. *Фронтальные ворота* обычно размещаются примерно посредине оборонительной линии, укрепляющей крепость с самой доступной стороны. На сегодняшний день их место можно обнаружить по простому разрыву в оборонительной линии (Чичеу-Корабия «Мэгура», Таллья «Овар», Городница, Преутешть, Пор-

тэрешть «Четэцуе» и т.д.), иногда со следами дополнительных оборонительных сооружений (Кэлинешть Оаш, Субчетате, Теляк, Воиводень «Бенк», Покряка «Четэцуе» и т.д.).

II. *Боковые ворота* обычно расположены на сторонах, защищенных природными факторами. В некоторых случаях для доступа в крепость служили единственные ворота. В крепостях, где было несколько ворот, дополнительные обычно играли второстепенную роль.

Как боковые, так и передние ворота в зависимости от конструктивных особенностей можно подразделить на простые (Волока, Гирське, Сигетул Мармацией и т.д.) и с дополнительными оборонительными приспособлениями (Лисичники, Тилишка, Сэрэцел «Четэцуе» и т.д.).

Похожие ворота, в том числе защищенные прилегающими оборонительными сооружениями, получили широкое распространение и в культурных средах соседних территорий, особенно на Западе (Киятице, Лаузитцер, урненфельд и пр.)

В результате исследований крепостных ворот и путей доступа можно отметить, что их расположению и конструкции уделялось особое внимание, а это подразумевает существование в гальштатский период основательных знаний в области военной архитектуры. В большинстве случаев, когда ворота были снабжены вспомогательными оборонительными сооружениями, они были задуманы таким образом, чтобы тот, кто намеревался войти в крепость, всегда подвергался ударам (атаке) с правой стороны, не защищенной щитом.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта распространения укреплений, где были обнаружены ворота.

Рис. 2. Типология ворот.

Рис. 3. Укрепления с фронтальными воротами типа I.a: 1 - Городница (по Maleev 1988, fyc. 8); 2 - Таллья «Овар» (по Matuz, Nováki 2002, Abb. 5); 3 - Преутешть (по Ursulescu, Popovici 1997, fig. 2); 4 - Арданово «Богуслав» (по Мойжес 2011, рис. 3).

Рис. 4. Вариант реконструкции фронтальных ворот типа I.a.

Рис. 5. Орошхаза. 1 - Ортофотоплан (по Google Earth Pro); 2 - план укрепления (по Banner 1939, Taf. II, K-K).

Рис. 6. Теляк. 1 - Аэрофотосъемка, проекция с северо-запада (по Panorame istorice 2012, 45); 2 - топографический план (по Ciugudean 2012, fig. 2); 3 - деталь ворот (рисунок по Ciugudean 2012, fig. 2).

Рис. 7. Субчетате «Дялул-Петриш». 1 - План крепости; 2 - деталь ворот (по Vasiliev 1995, pl. I).

Рис. 8. Вариант реконструкции фронтальных ворот типа I.b.2.

Рис. 9. Войводень «Бенк». 1 - План крепости (по Horedt 1981, Abb. 2); 2 - деталь ворот; 3 - вариант реконструкции ворот.

Рис. 10. Укрепления с фронтальными воротами типа I.b.3: 1 - Шелестово «Тупча» (рисунок по Балагурі 1972, рис. 2); Покряка «Четэцуя» (рисунок по Iconomu 1996, fig. 2).

Рис. 11. Вариант реконструкции фронтальных ворот типа I.b.3.

Рис. 12. Укрепления с боковыми воротами типа IIa: 1 - Нагоряны (по Кучера 1983, рис. 4/3); 2 - Сигетул-Мармацией «Дялул-Четэций» (по Horedt 1966, fig. 5); 3 - Волока (по Могилов 2010, рис. 3/1).

Рис. 13. Укрепления с боковыми воротами типа IIa: 1 - Лисичники (по Maleev 1988, fyc. 1 и 5); 2 - Тилишка «Кэцэнаш» (по Lupu 1989, fig. 2).

Рис. 14. Вариант реконструкции боковых ворот типа p II.b.

12.05.2015

Dr. Aurel Zanoci, Moldova State University, 60 Mateevici str., MD-2009 Chişinău, Republic of Moldova, e-mail: azanoci@gmail.com

THE USE OF BRONZE IN MAKING THE EARLY SCYTHIAN *AKINAKAI*

Denis Topal

> *Instead of bronze I will bring you gold, and silver in place of iron.*
>
> Isaiah, 60: 17

The problem of genesis of Scythian akinakai is closely linked to the problem of origin of the Scythian material culture and has been extensively debated for a long time. Without any doubts, the initial typological and chronological observations appeared simultaneously with the first publications of finds, while still searching for parallels to them, and studying their most striking features. In this way, Adolf Furtwängler argued on similarities and differences of the Persian and Scythian akinakai (Furtwaengler 1883, 35-37), and Eduard Lenz brought attention to the resemblance between Scythian antennae pommels and swords of the Bronze Age (Ленц 1905, 62-63). Evgenij Pridik analyzed a sword from the Litoy (Melgunov) kurgan and concluded its Assyrian origin, and furthermore suggested that Persians borrowed the idea of akinakes from Scythians (Придик 1911, 20-21). Ellis Minns dedicated a small part of his famous monography "Scythians and Greeks" to Scythian swords and daggers (Minns 1913, 68-72). Besides that, his book contains the analysis of particular burial complexes with armament found in the kurgans of Chertomlyk, Litoy, Shumeyko , Kul-Oba, Karagodeuashkh, Vettersfelde et al. (Minns 1913, 149-240).

Alexander Lappo-Danilevsky was one of the first researchers who turned to the problem of the origin of the Scythian akinakes. However, he believed that Scythian weaponry was mostly of Greek origin, while meant apparently, famous findings of classical antiquity such as Kul-Oba or Chertomlyk (Лаппо-Данилевский 1887, 379). Therefore, in his opinion the Scythian armament saved "traces of Greek art" and preserved features closed to "Finnish, partly Caucasian and German weapons" (Лаппо-Данилевский 1887, 511). Mikhail Rostovtsev publishing items from the Voronezh kurgans identified the series of swords with typical design (and therefore contemporary) like Chertomlyk, Kul-Oba and Kekuvatsky kurgan (Ростовцев 1914, 89-90). Later, analyzing swords and daggers from the Urals, he developed the idea of the evolution of the Scythian sheaths, their relation to the Persian sheath and blade weapons of a later period (Ростовцев 1918, 50-54). The opinion of Rostovtsev on the genesis of *Orenburg* and *West-Siberian* swords seems to be quite original. He did not consider that objects found in South Russia could be a prototype for the West Siberian akinakai, but assumed that the *Orenburg* (and *Minusinsk*) swords and daggers appeared as a result of "**clash** between the Hallstatt culture and morphology of Scythian-Persian akinakes" (Ростовцев 1918, 61). Nevertheless, Rostovtsev was more reasonable when he wrote about the antennae pommel (*volute head* by M. Rostovtsev): according to his idea, it appeared as a result of "**combination** of western (the *Hallstattian one?)* and eastern animal morphology" (Ростовцев 1918, 60).

The monography of Waldemar Ginters "Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland" (*The Sword of Scythians and Sarmatians in Southern Russia*) became a logical completion of the initial accumulation of archaeological records (Ginters 1928). In this work Ginters gathered almost all available at that time information of the Scythian and Sarmatian bladed weapons, not only from the territory of southern Russia, but also from Central Europe. Nevertheless, Ginters left the question on the akinakes' origin open, and this could be explained by the state of archaeological records at his time (Литвинский 2001, 49). Indeed, the search of the prototype could hardly be bound to succeed in the 1st half of the 20th century. So, Ginters concluded that "akinakes comes finally formed to southern Russia"

(Ginters 1928, 88), while indicating the Iranian East as a starting point, because it "could be met only in Iranian regions or on the territories under Iranian influence" (Ginters 1928, 89).

In the 1960s, the debates about the Scythian akinakes' origin flared up again with new force. The hypothesis of the Persian origin (after Ростовцев 1918, 55) was developed by Anna Melyukova (Мелюкова 1964, 60) and Natalya Chlenova (Членова 1967, 21). The main argument was the spread of akinakai in the Iranian Middle East, and especially the fact that Greeks believed that the akinakes is a traditional weapon of Persians and Lydians. Boris Grakov considered that Scythians adopted akinakes from Persians during their Near Eastern campaigns (Граков 1971, 92). Mikhail Artamonov had compromised, insisting that akinakes was invented jointly by Scythians and Medes upon the Scythian presence in the Near East (Артамонов 1974, 39-40). However, the main obstacle to the acceptance of this hypothesis is the "lack of proper Scythian swords and daggers in the Near East" (Исмагилов 1989, 86). Furthermore, the early Scythian akinakai are older than their *prototypes* – e.g. images of akinakai from Persepolis or the Oxus treasure could not be dated earlier than the 6th century BC (after Есаян, Погребова 1985, 51). *Inter alia*, it is hardly possible to trace the distribution of akinakes from the Near East *via* Caucasus, because, according to the chronological data, the akinakai enter Transcaucasia from the territory of the North Caucasus (Лесков 1979, 47; Черненко 1979, 91; Есаян, Погребова 1985, 50).

A hypothesis of the central Siberian origin of akinakes was offered by by Alexey Terenožkin, who claimed that the original forms of Scythian swords and daggers could be found among weapons of the Late Bronze – Early Iron Age in the Minusinsk Hollow (Тереножкин 1975, 3-32; Тереножкин 1976, 126-132). In particular, *Karasuk-Tagar* daggers were offered on the role of prototypes (Членова 1972, 131-135) that are considered to be similar to the Cimmerian ones and could have had an impact on the formation of new types of weapons in the North Caucasus (Исмагилов 1989, 88). This hypothesis was shared by Vyacheslav Murzin, who, however, noted that the assumption of Karasuk origin of Scythian akinakes is not based on the assemblages that are firmly dated (Мурзин 1984, 75-77). Moreover, there are no long swords (well known in the Pontic Scythia) in the Near East or South Siberia. And the manufacturers, who produced complicate bimetallic daggers and swords barely needed any borrowings from the Karasuk casters, who were not familiar with this technology (Шрамко, Фомин, Солнцев 1977, 57-74; Шрамко 1976, 49-54; Шрамко 1984, 23).

According to the other group of researchers, Scythian sword is the result of further evolution of North Caucasian daggers of the *Kabardino-Pyatigorsk* type (Лесков 1979, 48; Черненко 1979, 91; Шрамко 1984, 30, 31; Исмагилов 1989, 88, 93), and the Persian akinakes could be considered as one of variants of this type. Nevertheless, close resemblance between Karasuk-Tagar daggers and swords of the Northern Caucasian and Scythian types could be explained by the fact of "entering the areas, where these weapons were used on the territory, where Karasuk-Cimmerian community was consecutive changed by the Scythian-Siberian one" (Исмагилов 1989, 93).

One of the significant feature of the Scythian archaic blade weaponry is the use of bronze (after Ginters 1928, 23; Виноградов 1974, 260; Тереножкин 1975, 28-29), often in the combination with iron. This fact is understandable, especially if one considers that the manufacturing of Scythian bimetallic handles goes back to Pre-Scythian technology of the so- called *Cimmerian scheme*. For example, Boris Shramko explains the preservation of ancient technological methods combined with new forms by insufficient familiarity with sophisticated forging, and with forge welding with a well-developed technology of bronze moulding (Shramko 1984, 30-31). Furthermore, the replacement of bimetallic daggers with the iron "steppe" akinakai is confirmed by horizontal stratigraphy of Seržen-Yurt cemetery of the pre-Scythian and Scythian time (after Kozenkova 1992, 39; Козенкова 2002, 89). Bimetallic Scythian swords also drew attention of Alexandru Vulpe, who allocated the *Orbeasca* (or *Orbeasca-Stepnoj*) type based on two finds from Romania. Due to analogies from the Caucasus, it was dated to 800-750 BC (Vulpe 1987, 84-85, 88; Vulpe 1990, 36-37).

Bimetallic swords and daggers are also well-known in the pre-Scythian time. Special attention researchers have paid to daggers of the

Kabardino-Pyatigorsk (Крупнов 1960, 203) or the *North Caucasian*[1] type (Анфимов 1965, 198), whose origin is associated with Karasuk traditions (Тереножкин 1975, 19, 20). The chronological position of the North Caucasian daggers is determined within the frame of 900-650 BC (after Вальчак 2008, 19). Before the 1960s, a small number of daggers of this type had limited a possibility for their classification, then in the 1970s, attempts of systematization are constantly being proposed (after Podborský 1970, 153-163; Тереножкин 1975, 11; Членова 1975, 70-81; Шрамко 1984, 25). Now it seems that a scheme proposed by Varvara Kozenkova shows a significant degree of formalization (Kozenkova 1995, 45-47); typological principles she applied have later been developed and supplemented by Serghey Valchak (Вальчак 2008, 8-9). If we try to summarize the chronological observations on this category of material culture, some evolutionary patterns could be traced. For example, a round or oval cross-section of the handle is considered to be an early feature, while the flattened handle with ringed ornamentation is typical for the items of the later period (after Podborský 1970, 159; Дударев 1991, 45). The length of the hilt decreases over time[2], and the straight hilts became more curved (after Дударев 1999, 100; Вальчак 2008, 18-19; Топал, Бруяко 2012, 134). Bimetallic daggers with a flattened handle and short curved hilt dated later than others were most likely in use since the mid- 7th century BC. Therefore, they may claim to be the prototype for the Scythian akinakes. In addition, a smooth shape of the hilt surprisingly resembling the classical kidney-shaped hilt of the Scythian akinakai, is known in the pre-Scythian time. This is clearly demonstrated by the hilt of the *Cimmerian* bimetallic dagger from Sofievka (after Тереножкин 1975, рис. 1/13).

Unexpected manifestation of Kabardino-Pyatigorsk traditions could be observed on the Sauromatian territory. In 1907, near Marychevka station, an iron dagger was discovered, and over fifty years later it was published by Konstantin Smirnov (Смирнов 1961, рис. 1/10). Similar items from the Volga-Ural region (Горбунов, Исмагилов 1976; Исмагилов, Скарбовенко 1977) were published in the 1970s, and this motivated Ramil Ismagilov to allocate a new type of Sauromatian daggers and swords – the *Marychevka type* (Исмагилов 1981; Исмагилов 1989). This term was readily accepted by scholars, and all subsequent finds will supposedly relate to it (Исмагил, Сунгатов 2004, 127). This type is characterized by massive, butterfly-like hilts decorated with heads of griffins with spirally curved beaks and geometric ornament on the handle. Even K. Smirnov has observed some *Caucasian* features in the design of akinakes from Maryčevka, such as ringed pattern on the handle, a pommel with lowered ends, etc. (Смирнов 1961, 13). While developing these views, R. Ismagilov also confirmed the Caucasian origin of the Marychevka type and dated it back to 650-550 BC (Исмагилов 1989, 91). Besides that, according to Ismagilov, the very presence of this experimental, and certainly the early group of bladed weapons, favors the hypothesis of the Caucasian origin of Scythian akinakes based on further evolution of *Cimmerian* daggers in the North Caucasus.

Akinakai of the *Gudermes* type

The dagger discovered in a kurgan near Stepnoy (the Gudermes district, the Chechen Republic, the Russian Federation) is one of the most remarkable and interesting finds of bimetallic akinakai. In archaeological publications it is more often referred as the *Gudermes dagger*, therefore it makes sense to extend this term on other exemplars as well[3]. Unfortunately, the main burial contained this dagger was greatly disturbed in antiquity, so it was not possible to establish certain important details of the funeral rite (after Виноградов 1974, 259), though the remains of wooden scabbard, which ends with the bronze rolled panther (fig. 1/2) were recorded. According to Vitaliy Vinogradov, in the Scythian milieu the scabbard's end designed in the Animal Style appears not later than the end of the 7th century BC, and was spread in the 6th century BC mainly in the North Caucasus (Виноградов 1972, 112-117). V.B. Vinogradov was the first who drew attention on its resemblance with objects from Ziwiye, Kelermes, Litoy,

[1] There are also less successful definitions in archaeological papers, such as *Cimmerian daggers* (Членова 1975, 69-70; Шрамко 1984, 24-25) or *bimetallic swords and daggers with cross-shaped hilts* (Podborský 1970, 153; Дударев 1991, 40; Makhortykh 2008, 170).

[2] Sergey Dudarev interprets these changes as an influence of iron swords without hilts (Дударев 1999, 100), while Sergey Valchak explains this process by gradual reduction of circulation of the long swords (Вальчак 2008, 18), for which the long hilt was an important technological feature.

[3] It should be mentioned that the term *Orbeasca type*, introduced by A. Vulpe, was not widely accepted.

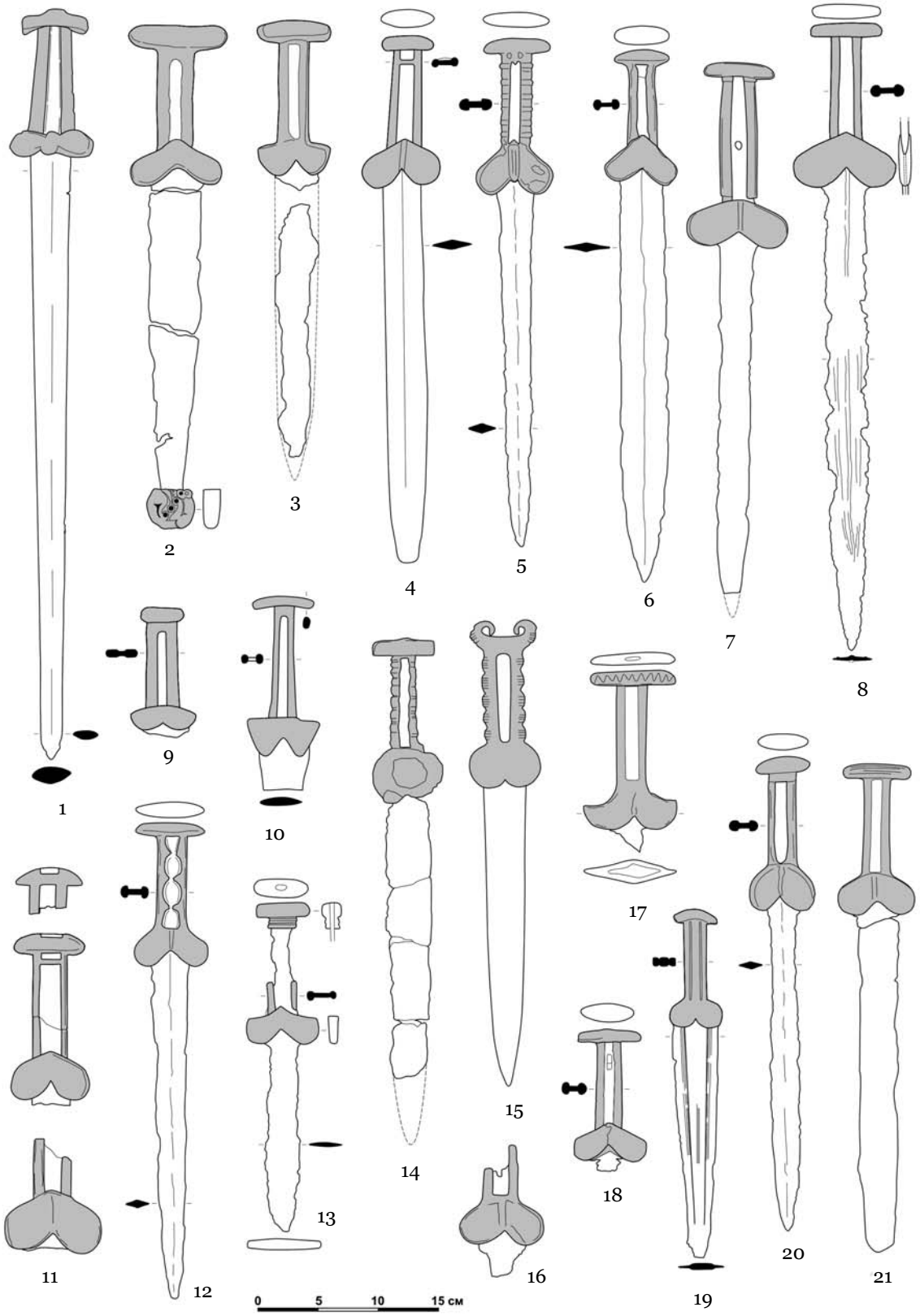


Fig. 1. Akinakai of Gudermes type. 1 - Polsko Kosovo; 2 - Gudermes (Stepnoy), barrow; 3 - Tlia, gr. 85; 4 - Museum of history in Kharkiv; 5 - Maslovka; 6 - Pokrovka; 7 - Berezovka-*Karaulnaya mountain*; 8 - Orbeasca de Sus; 9 - Stremț; 10 - Bujor; 11 - Kumbulta (Galiat, Faskau); 12 - Lopatino; 13 - Museum of Zlatoust; 14 - Raygorod (Prussy), barrow 2; 15 - Sholokhovo, barrow 13; 16 - Boguchary; 17 - Gradizhsk; 18 - Lapot' (Stenka Razin barrow) near Kamyshin; 19 - Łubnice; 20 - Stezhenskiy; 21 - Mezhgorye-Barabanovo.

Daryevka and Tlia, although he dated these finds with the tendency to the *rejuvenation* (usual for 1970s): from the 1st half of the 6th century BC, perhaps the early 6th century BC (after Виноградов 1974, 261). Anatoliy Kantorovič attributed Gudermes and other *bouterolles* with the image of the rolled feline predator to the Kelermes-Yablonovka type (after Канторович, Шишлов 2014, 88), and set the lower chronological limit to the 2nd quarter of the 7th century BC. Another akinakes of the Gudermes type was found in the central Caucasus, in burial no. 85 from the Tlia cemetery (after Техов 1980, 223, рис. 3/7). The dagger was forged from higher-carbon steel, and the lateral parts of the handle were molded out of bronze in the shape of rollers (fig. 1/3). The burial was initially dated by the author of excavations to the late 8th century BC (after Техов 1972, 32), later – not early than the 1st half of the 8th century BC (after Техов 1980, 249). Finally, this burial was dated to the late 8th - 1st half of the 7th century BC (after Техов 1980a, 58), although it drew objections from Yuriy Voronov, who dated both the dagger and this burial complex from the late 7th to the 1st half of the 6th century BC (after Воронов 2006, 35). In 1900, Countess Praskovya Uvarova published the bronze fragments of the sword's frame handle found in the village of Kumbulta, Digoria (now in Northern Ossetia) (Уварова 1900, табл. XCV/3, 4); later, based on the countess' collection Alexey Terenozhkin offered its reconstruction (Тереножкин 1975, 29, 34, рис. 20/6, 7). In 1960, Evgeniy Krupnov introduced published the fragments of the handle from Faskau (Крупнов 1960, табл. XXX/3). It turned out, that these fragments were from the same sword but they were recorded in different lists creating a historiographical confusion[4] (fig. 1/11). Nevertheless, the question of the origin of these swords is still open and requires an independent study. In 1989, a dagger with the bimetallic frame handle was found in the destroyed part of the burial ground near Bujor, Anapa (Новичихин 1990, 63, рис. 1). This exemplar is interesting for the outline of its hilt, which consists of two triangles with a common straight base forming the high edge of the hilt (in contrast to other items of this type) (fig. 1/10). Perhaps just *abrupt geometrism* of the hilt brings together the item from Bujor and daggers of the Kabardino-Pyatigorsk type. Most likely, due to this fact, the author of the first publication identified this dagger as "occupying an intermediate position between the pre-Scythian and Scythian bimetallic blade weapon" (Новичихин 1990, 69).

One of the burial complexes with a bimetallic sword (fig. 1/9) comes from Transilvania, from a destroyed grave near Stremţ (after Vasiliev 1980, pl. 10/2; Vulpe 1990, 36, Taf. 5/26). It is believed that togheter with the sword were also found arrowheads and fragments of pottery, but the Museum of Sebeş received only akinakes in fragments, which was attributed to the *Orbeasca type* by A. Vulpe (after Vulpe 1990, 36).

Another interesting item was discovered in Bulgaria, to the south of Danube, on the Lower Yantra river. In a secondary grave of the burial mound near Polsko Kosovo, a long sword (fig. 1/1) with the bimetallic frame handle was found (after Stanchev 2000, 35, pl. 1/1). By a number of parallels and the funeral rite, the author of publication identified this burial complex as the Early Scythian one of the late 8th - early 7th century BC (after Stanchev 2000, 37). Meanwhile, the Early Scythian attribution is not fully convincing. Thus, Igor Bruyako suggests that the burial from Polsko Kosovo belongs to the group of *mixed* burials of the earliest stage of the Scythian culture, synchronous with Endzha and Belogradec, thereby marking the *Exodus of Cimmerians* from the North Pontic region (after Бруяко 2005, 113).

Bimetallic swords of the same scheme but designed in a different way are known from kurgans of the Dnieper river region. Another sword comes from Burial no. 13 near Prussy (Mikhaylovka village) excavated by Vikentiy Khvoyka (after Шрамко 1984, 31) and dated to the late 7th - early 6th century BC. However, this sword is more often associated with Kurgan no. 2 near Raygorod (after Древности 1900, 9, табл. XXXVIII/166, 2/12; Мелюкова 1964, 47). But such features as the massive kidney-shaped hilt and transverse incisions differ this sword from other Gudermes akinakai[5] (fig. 1/14). A.I. Melyukova dates back the black-glazed kylix discovered in this grave to the time of "no earlier than the mid-4th century BC" (Мелюкова 1964, 47), although, according

[4] For more information, see: Бабенко 2006, 54.

[5] Nonetheless, this type of ormamentation is present on the bimetallic sword from Maslovka (after Ворошилов, Медведев 2007, рис. 1/2), where it is combined with fragments of bight under the pommel.

to the recent data, this kylix could be attributed to B_2 type by Villard&Vallet of 375-350 BC (after Гречко 2012, 92). A similar sword (fig. 1/15) was found in Barrow no. 13 of the *Slavyanka* cemetery near Sholokhovo (after Волкобой, Лихачев, Шалобудов 1979, 50, рис. 8/3). However, except the kidney-shaped hilt and incisions on the handle, the original antennae pommel makes it different it from other Gudermes akinakai[6].

A fragment of a bimetallic dagger with frame handle was found on the left bank of the Dnieper river, near Gradizhsk, the Globino district in the Poltava region, Ukraine (fig. 1/17). It bears the traces of ornamentation: the edges of the pommel are flattened and a zigzag runs along the edges of this item. Irina Kulatova, the author of publication, considers that this exemplar belongs to transitional forms from the Cimmerian to the Early Scythian daggers (Кулатова 1994, 110, мал. 1; Кулатова 1999, рис. 1/2). Recently, the first bimetallic sword with frame handle was discovered in Crimea, between the villages of Mežgorye and Barabanovo of the Belogorsk district (рис. 1/21); it is kept in a private collection. Scholars who published this artifact date it to the late 8th - early 7th century BC (Скорый, Зимовец 2014, 19).

One more Early Scythian bimetallic sword of unknown provenance is kept in the Museum in (after Бабенко 2006, рис. 1). It is curious that an arcuate bight was attached to the upper part of the handle of this sword (fig. 1/4). Another bimetallic sword (fig. 1/16) found near Bogučar (after Лукьяшко 1994, 140, рис. 1; Лукьяшко 2014, 242) on the Lower Don was dated to the 2nd half of the 7th century BC (after Лукьяшко 2013, 16). An iron sword (fig. 1/20) with the blade inserted into the bimetallic handle fitted with bar-shaped pommel and large kidney-shaped hilt was found by chance near Stezhenskiy, the Alekseevskaya district, the Volgograd region (after Сергацков 1989, 249, рис. 1). The most probable date, according to Igor Sergatskov, is the late 7th - early 6th century BC. Two bimetallic swords came from the Tambov region: from Pokrovka, the Muchkapskiy district (fig. 1/6) (after Медведев 1999, 104[7], рис. 51/2; Клоков, Моисеев 1999, 38; Ворошилов, Медведев 2007, рис. 1/1) and Maslovka, the Umyot district (fig. 1/5) (after Ворошилов 2006, 39; Ворошилов, Медведев 2007, рис. 1/2). A typical feature of the latter one is the presence of the remains of a bight under the hilt, like on akinakai of the Kelermes type (after Topal 2013, 17). Furthermore, the handle was molded with a distinct detail – the prominences on the edge. Initially, Alexey Voroshilov dated the akinakes from Maslovka to the end of the 7th century BC and the sword from Pokrovka to the late 7th - early 6th century BC (Ворошилов 2006, 39, 43); later he narrowed the chronological position of both objects to the 1st half of the 7th century BC (Ворошилов 2007, 154). An iron sword (fig. 1/12) with a bronze handle decorated with oval cutouts was discovered in Lopatino, the Penza region (after Максимов, Полесских 1971, рис. 1/1). The authors of the publication dated it to the 6th century BC. The fragmented iron sword from the Stenka Razin Kurgan (near Lapot', Kamyshin, the Volgograd region) has also the bronze casted frame handle (after Зайковский 1913, 216, рис. IX; Смирнов 1961, рис. 1/4). There was a perforation made at the top of the iron base of the handle, possibly for fixing of the sword-knot (fig. 1/18). K. Smirnov proposed *terminus ante quem* for this item as the 2nd half of the 7th century BC (Смирнов 1961, 11). Probably, the most eastern find of the Gudermes type is preserved in the Museum of Zlatoust, the Chelyabinsk region (fig. 1/13). Analyzing its chronological position, Alexander Tairov took into account the conclusions of Alexey Voroshilov (2007) and thus considered that this item was also produced in the 1st half of the 7th century BC (Таиров 2011, 164). In 2009, the Saratov Museum acquired a bimetallic sword with frame handle (fig. 1/7) that was found in 1987 on the slopes of the Karaulnaya mountain in the Bazarny Karabulak district of the Saratov region (after Моржерин 2010, 3).

The circumstances of the discovery of another bimetallic sword (fig. 1/8) from Romania are not clear. It was found on the right bank of the Teleorman River in the vicinity of Orbeasca de Sus hillfort (Teleorman County). Excavations at this

[6] Cases of coexisting of various pommels within a type of akinakai, are not uncommon. For example, I know at least three akinakai of the *Kelermes type* with antennae pommels: from Museum of Borisoglebsk (after Мулкиджанян 1983, 137-139), from A.A. Bobrinsky collection (after Мелюкова 1964, рис. 20/1) and near Berlyachevo village from south Bashkiria (after Смирнов 1961, 20, рис. 3/7). There are also two akinakai of the *Marychevka type* from the Tambov region, Russia: the Petrovskoye district and Tynkovo (after Клоков, Моисеев 1999, рис. 11/1-2).

[7] In the monography of Alexander Medvedev (Медведев 1999) it is cited as *an akinakes from the Tambov Museum*.

site revealed several layers of the Bronze Age, the Early and Late Hallstatt, the Basarabi culture (Vulpe 1990, 36) but fortifications of the settlement were erected in the Early Hallstatt (after Moscalu, Beda 1979, 368). Based on Caucasian paralles (Tlia and Stepnoy burials), Alexandru Vulpe attributed this exemplar (as well as the whole type – the *Orbeasca type* by A. Vulpe) to the 1st half of the 7th century BC (Vulpe 1990, 37).

At the moment, the most north-western finds of the bimetallic Scythian akinakes was accidentally discovered on the territory of the burial ground[8] of the Lusatian culture near the village of Łubnice in Wieruszów County, Łódź Voivodeship, Poland (Abramek 1970, 538; Bukowski 1977, Tab. XII/1; Gedl 1980, 31, Taf. 7/49). Despite the number of archaic features that could be explained by the influence of pre-Scythian traditions (as bimetallism, the *mushroom-shaped* pommel), akinakes from Łubnice (fig. 1/19) is an Early Scythian item, which reached the Polish territory from the steppes of the North Pontic region (after Gedl 1980, 32). Therefore, despite to the date as the 6th century BC proposed by Zbigniew Bukowski, this dagger could be confidently attributed to the 7th century BC, probably a little later than the Caucasian exemplars. This younger date could be partly confirmed by the refusing of *framework* technology in manufacturing the handle.

Thus, it is obvious that the bimetallic technology of Scythian weapon-craft was inherited from a previous tradition and the first samples of akinakai of the Gudermes type appeared at the turn of the 8th-7th century BC in the Caucasus. *Terminus ante quem* could be determined as the turn of 8th-7th century BC, but this way of design of handles could reach in the mid of the 6th century BC. It should also be mentioned that several Scythian akinakai were entirely made out of bronze. The dagger (fig. 2/13) from Russkie Folvarky (Kamianets-Podilskyi) is probably one of the earliest stray finds in the Carpathian-Dniester region (after Sulimirski 1936, tab. IX/1; Гавлик 2004, рис. 1/1). Its origin is probably associated with daggers of the Tagar culture (after Гавлик 2004, 166, рис. 1/1), and the date could not be later than 7th century BC (after Гавлик 2004, 166, рис. 1/1).

A stray find from the Borsod county in Hungary (fig. 2/12) (after Kemenczei 1984, Abb. 1/5; 1991, Taf. 62/280), is clearly related to the Siberian exemplars. It is probably dated to the 1st half of the 7th century BC (after Kemenczei 1991, 74). Another bronze sword (fig. 2/11) was discovered in the Kamenka district of the Cherkassy region, Ukraine, on the right bank of the Dnieper river (probably, near the village of Timashovka) (after Бобринский 1901, 146, табл. XI/5; Scythian Gold 1999, 111). A similar bronze exemplar (fig. 2/10) was found in western Kazakhstan near Kyzyltu, the Aktobe region (after Грязнов 1956, 12, рис. 3/7; Смирнов 1961, 15, рис. 1/1).

Akinakai of the the *Posmuş* type

The swords partly or completely produced out of bronze are well-known in the Carpathian Basin[9]. There is a group of swords in Romania, defined by Alexandru Vulpe (and accepted by George Marinescu) (Marinescu 1984, 71-72) that called the *Posmuş type*[10] (Vulpe 1990, 23). The eponymous dagger (fig. 2/3), found in a grave of the *Dealul Mortilei* burial mound near the village of Posmuş (fig. 3/F) (after Buzdugan 1976, fig. 2/3; Vasiliev 1980, pl. 2/8; Vulpe 1990, Taf. 1/2), was made entirely out of bronze. A. Vulpe considers this item as a certain evolutionary starting point for the whole type (Vulpe 1990, 23). A similar exemplar (made from iron but with the bronze hilt) was found in the Mărişelu cemetery, Grave no. 4 (fig. 2/6) (after Marinescu 1984, Abb. 9/6; Vulpe 1990, Taf. 1/3). Other daggers from that cemetery were made entirely out of iron, e.g. the one from Grave no. 6 (fig. 2/8) (after Marinescu 1984, Abb. 11/1; Vulpe 1990, Taf. 1/5), Grave no. 7 (fig. 2/7)

[8] Zbigniew Bukowski mentions that there are a lot of Scythian arrowheads, but this dagger was found in a disturbed burial, so the burial assemblage could not be accurately established (Bukowski 1977, 184).

[9] There are akinakai with the single-edged blade of the *Tiszadob type* (by A. Vulpe) with bronze details: Curtea de Argeş and Benic which originate from the Carpathian region. The bronze handle of the sword from Curtea de Argeş was originally decorated with engraving: the pommel – with chess ornament, and the rod – with parallel zigzags and transversal lines (after Vulpe 1967, pl. XVI/2, fig. 19; Vulpe 1990, Taf. 30/198). A. Vulpe dated the burial from Curtea de Argeş to the 2nd half of the 6th century BC (Popescu, Vulpe 1982, 88, 107; Vulpe 1984, 54), because the pottery from this complex is similar to the ceramics from graves with akinakai from Ferigile cemetery (after Vulpe 1967, 58), the phase Ferigile-North of the late 7th - 6th century BC (after Vulpe 1990, 126). In 1897, near the villate of Benic in Romania (Hungarian: *Borosbenedek*) was discovered an iron dagger with bronze hilt decorated with vertical zigzags (after Ginters 1928, Taf. 13/c; Roska 1942, kép. 173; Vasiliev 1980, pl. 14/2; Vulpe 1990, Taf. 29/194).

[10] *Daggers of the Posmuş variant* after G. Marinescu (Marinescu 1984, 71).

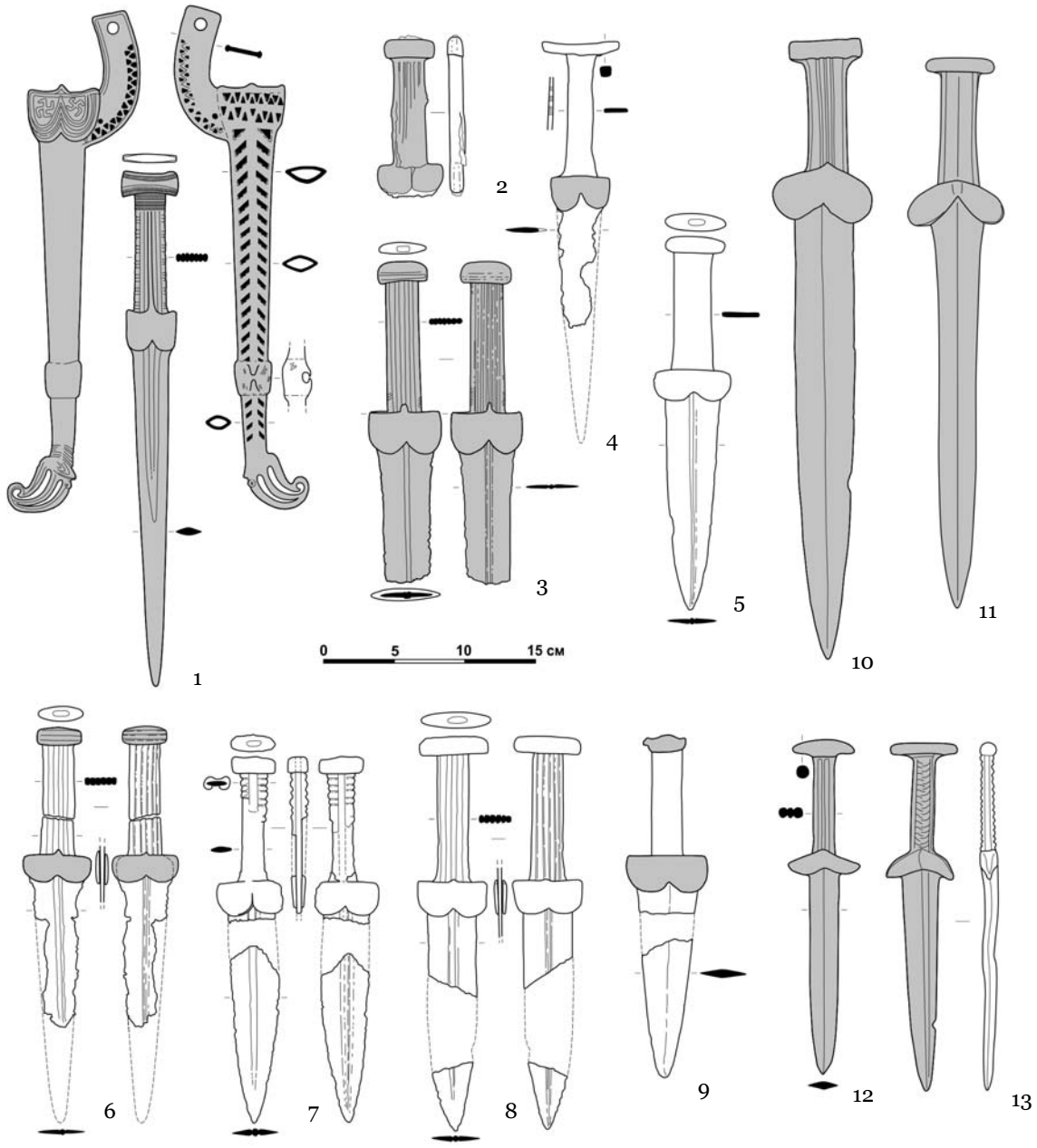


Fig. 2. Akinakai of Posmuş type (1-9) and bronze akinakai of Siberian origin (10-13). 1 - Firminiş; 2 - Aiud-Parc; 3 - Posmuş; 4 - Tiszabercel; 5, 7 - Mărişelu, gr. 7; 6 - Mărişelu, gr. 4; 8 - Mărişelu, gr. 6; 9 - Budeşti-Fînaţe, gr. 6; 10 - Kyzyltu; 11 - Timashovka; 12 - Borsod; 13 - Russkiye Folvarki.

(after Marinescu 1984, Abb. 9/6; Vulpe 1990, Taf. 2/7), and a stray find from the disturbed complex near the Grave no. 7 (fig. 2/5) (after Marinescu 1984, Abb. 13/1; Vulpe 1990, Taf. 1/6).

The bronze handle of a dagger of the Posmuş type was found in 1895 in a park of Aiud town, in Grave no. 6 (after Valentin Vasiliev) or no. 8 (after Alexandru Vulpe) (Herepey 1898, 267, táb. B/2; Roska 1942, 189, kép. 225/2; Vulpe 1990, 24, Taf. 1/4). Besides the dagger (fig. 2/2), among the grave goods were discovered ca. 20 arrowheads (7 out of bone, 13 out of bronze), a double-bladed iron axe, bronze plaques (fig. 3/B), and the bronze ring with four loops (fig. 3/B4) (after Vulpe 1990, 24). Such rings (as a specific type of harness) are known in other complexes of the early stage of the Ciumbrud group: e.g. in Grave no. 3 of Budeşti-Fînaţe, Grave no. 4 of Mărişelu (fig. 3/E4), Blaj, Simeria, Firminiş (after Vasiliev 1980, 96; Vulpe

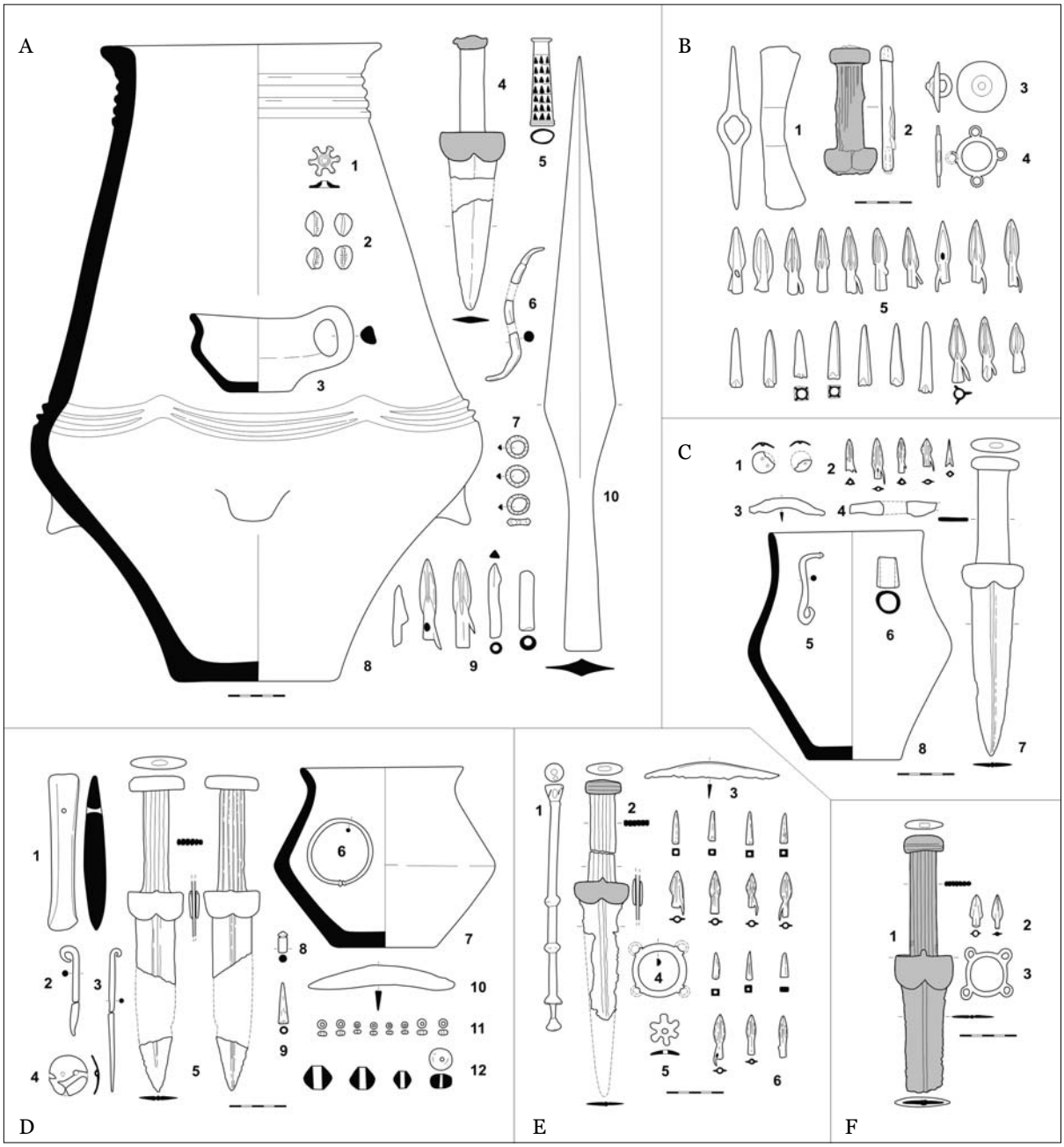


Fig. 3. Burial complexes with akinakai of Posmuş type: A - Budeşti-Fînaţe, gr. 6; B - Aiud-Parc; C - Mărişelu, gr. 7; D - Mărişelu, gr. 6; E - Mărişelu, gr. 4; F - Posmuş.

1990, Taf. 42/B, C5-7, D7), in a burial ground near Curtea de Argeş (Vulpe 1967, pl. XVI/5), as well as in burials of the Vekerzug culture[11] (after Chochorowski 1985, 113; Бруяко 2005, 276-277; Kemenczei 2009, 54) and Western Podolia group (after Бандрівський 2005, 90). The earliest rings of this type (the *Carpathian-Podolian type* after Mikola Bandrivskiy) are known from HaC_2 (mid-7th century BC) to HaD, or to the late 6th - early 5th century BC (after Бандрівський 2005, 92; Kemenczei 2009, 54). Despite the presence of bronze plaque of the 2nd half of the 8th - the 1st half of the 7th century BC in this grave from Aiud, the bronze arrowheads with spike point to *terminus post quem* of mid 7th century BC (after Козубова, Скаков 2012, 199).

[11] For example, Ártánd (1953), Hejőkeresztúr, Kesznyéten (gr. 12), Nyíregyháza, Szentes-Vekerzug (gr. 61), Tiszalök, Újfehértó, Mád, Törökszentmiklós (gr. 34) and Kunszentmárton (Kemenczei 2009, Taf. 7/1; 24/5; 29/7; 51/14; 74/10; 99/19; 130/3; 153/8).

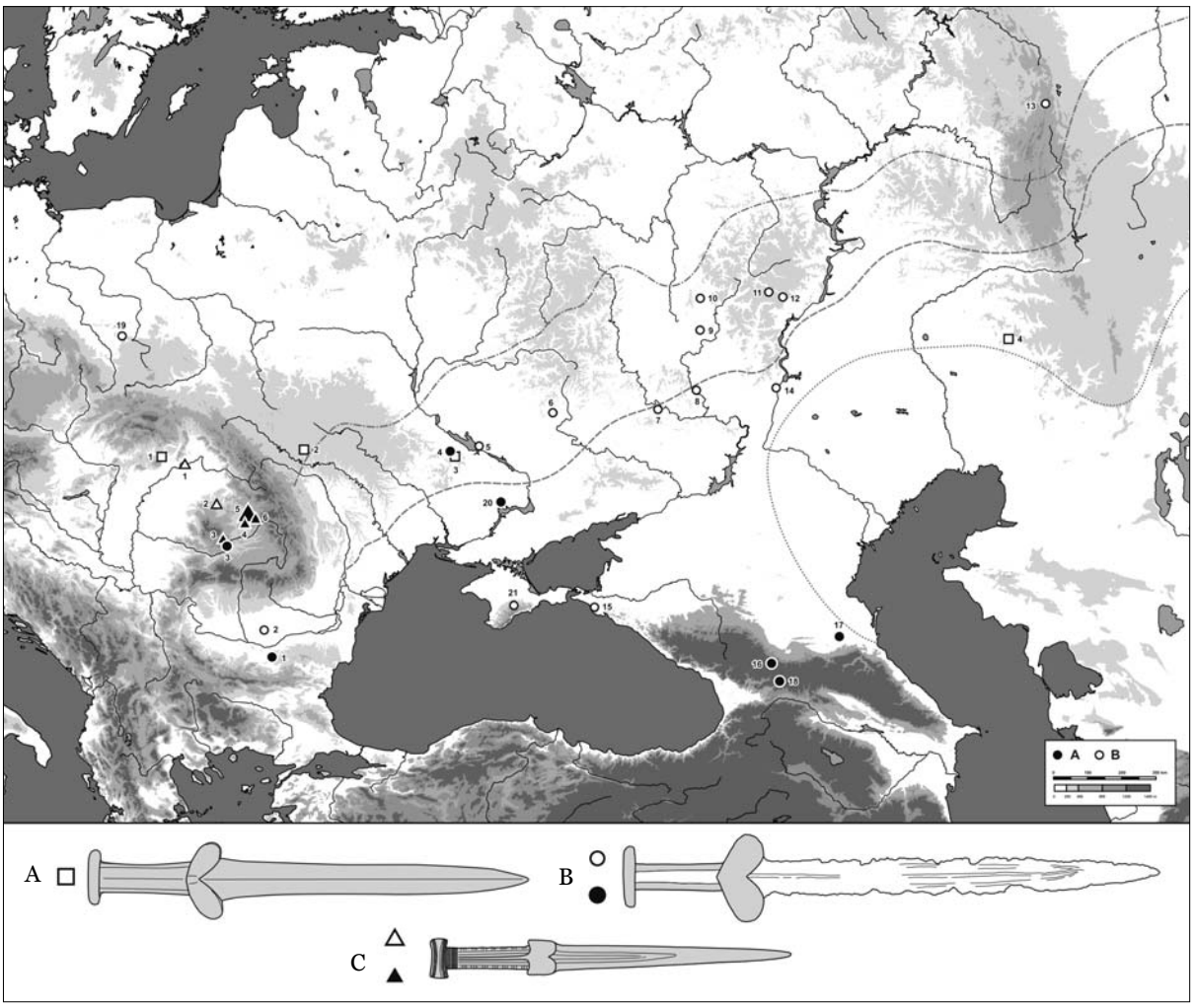


Fig. 4. Distribution of bronze and bimetallic akinakai. *A - bronze akinakai of Siberian origin*: 1 - Borsod; 2 - Russkiye Folvarki (Kamianets-Podilskyi); 3 - Timashovka; 4 - Kyzyltu. *B - akinakai of Gudermes type*: 1 - Polsko Kosovo; 2 - Orbeasca de Sus; 3 - Stremţ; 4 - Raygorod; 5 - Gradizhsk; 6 - Kharkiv; 7 - Boguchary; 8 - Stezhenskiy; 9 - Pokrovka; 10 - Maslovka; 11 - Lopatino; 12 - Berezovka; 13 - Zlatoust; 14 - Lapot; 15 - Bujor; 16 - Kumbulta; 17 - Stepnoy; 18 - Tlia; 19 - Łubnice; 20 - Sholokhovo; 21 - Mezhgorye-Barabanovo. *C - akinakai of Posmuş type*: 1 - Tiszabercel; 2 - Firminiş; 3 - Aiud; 4 - Budeşti-Fînaţe; 5 - Mărişelu; 6 - Posmuş.

The butterfly-shaped hilt and the pommel of the iron dagger from the Grave no. 6 near Budeşti-Fînaţe were also made out of bronze (fig. 2/9) (after Marinescu 1984, 49, Abb. 5/6; Vulpe 1990, 25, Taf. 2/8). George Marinescu dated back this burial and the cemetery in general to the mid - late 7th century BC (Marinescu 1984, 81). Among the finds, the burial's grave goods included an iron spearhead, bronze *holder*, a hand-made large pot and little ladle, spiked arrowheads and cowry shells[12] in (fig. 3/A). Despite the relative similarity of the bronze holder with the sheaths of the pre-Scythian period (after Marinescu 1984, 75; Gawlik 1998, 57), this exemplar belongs to a completely different type of items (probably, the holder of a spear). Therefore, its *terminus post quem* could not be earlier than the mid-7th century BC (after Бруяко 2005, 249). Moreover, the daggers from the Grave no. 6 from Budeşti-Fînaţe and the Grave no. 7 from Mărişelu (fig. 2/5) have no longitudinal grooves on the handle, a characteristic of the Posmuş type. This fact probably led some researchers to the determination of stray finds from Mirceşti and Dăneşti as being *similar* to the

[12] Igor Bruyako considers cowries (Cypraeidae) as a chronological indicator of the Early Scythian culture (Бруяко 1999, 51; 2005, 252-253; Bruyako 2007, 231-232). In particular, he argued their North Caucasian origin and the time of their penetration into Transylvania – until mid-7th century BC.

Posmuş type[13] (after Vulpe 1990, 25-26; Gawlik 1998a, 25; Бруяко 2005, 154).

A special attention deserves a ceremonial sword with a sheath. Possible, from a grave near the village of Firminiş, in *La Temeteu* area, northwestern Transylvania (after Matei 1977, pl. I, II; 1978, 107, Abb. 3; Vasiliev 1980, 12; Vulpe 1990, Taf. 3/11). According to discoverers, bronze arrowheads, few bronze rings, and an iron object were found near the body. The fact that the plowing unearthed several burials indicates that the Firminiş grave was not the isolated one (after Matei 1977, 63). This complex contained the bronze ring with loops, apparently similar to those found in Aiud, Budeşti-Fînaţe, and Mărişelu (after Matei 1977, 63, pl. II/5; Vulpe 1990, 27). The sword from Firminiş (fig. 2/1) was molded entirely from qualitative bronze and was decorated with chased design (after Matei 1977, 64). Noteworthy are the handle ornamented with grooves and the hilt in the shape typical for the Posmuş type. Special interest deserves the original scabbard (Matei 1977, pl. II/3; III/1-4) also casted from bronze and ornamented like the holder from Budeşti-Fînaţe. The hilt was decorated with an unusual element of design for Scythian weapons – two symmetrically arranged swastikas. The end of scabbard is bent in the shape of bird's beak that brings it together with Caucasian items (provided with chapes with a bird's head).

Bird's head chapes (*bouterolles*) in the Early Scythian period

De facto, a large amount of bronze *bouterolles* in the shape of highly stylized bird's head (supposedly, Golden eagle – *Aquila chrysaetos* (after Вольная 2015, 21)) was discovered exactly on the Caucasus (fig. 6). 10 objects were found in graves excavated in the North Caucasus: two in Grave no. 2 and Grave no. 4 of the Nižniy Čegem cemetery (after Виноградов 1972, 101, 109, рис. 28/1, 11), four at the Faskau cemetery (after Уварова 1900, 275, табл. 115/4, 5; Крупнов 1960, табл. 75/2-5), two at the Koban cemetery (after Уварова 1900, 83, рис. 80; Погребова, Раевский 1992, 127, рис. 19/а-б), one in Verkhniy aul (after Вольная 2002, рис. 3/5), and one at the Klivana cemetery (after Козенкова 2007, 267, 268). In Transcaucasia, in Georgia, bouterolles are known from the disturbed Grave no. 4 in Dvani (after Макалатия 1949, 226, рис. 6), Grave no. 495 in Natsargora (after Georgien 2001, №374; Mehnert 2008, Taf. 68/20)[14], and a stray find from Patardzeuli (after Маисурадзе, Пирцхалава 2011, 71, рис. 1). The dagger from Grave no. 246 of the Tlia necropolis was also supplied with a similar bouterolle, but was made out of bone (after Техов 1980а, рис. 18/2). In the Kuban region such objects were discovered in Grave no. 55 of the Vladimirovskiy cemetery (after Шишлов и др. 2007, рис. 3/10) and on the 5th Paškovskoe hillfort (after Пьянков 2005, рис. 1). A find from Maikop also refers to this group of objects, despite the fact that it was mistakenly attributed as a finial of a chariot (after Іллінська 1963, 35, рис. 2/5; Переводчикова 1980, рис. 1/9). A clearly Caucasian bouterolle was discovered at a considerable distance in the Grave no. 336 of the Starshiy Akhmylovskiy cemetery, the Volga-Kama region (after Патрушев, Халиков 1982, 46, табл. 56/4в). There are not so many bouterolles in the North Pontic region: from the 2nd tomb of the Repyakhovatoya Mogyla near Matusov (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 41-42, рис. 11/5-7), stray finds from the Snake Island (Greek: *Λευκός (Leucos)*) (Островерхов, Охотников 1989, 55, рис. 3/6; Охотников, Островерхов 1993, 46, фото 18/1), and the Nisporeni district, the Republic of Moldova (Топал 2014, 23, рис. 2/4). Besides this, there are some recent finds of bouterolles in the shape of bird's head from the Crimean mountains: near Staryi Krym and Alan-tepe, the Kirovskiy district, the village of Aleksandrovka, and between Sennoe and Nekrasovka, the Belogorsk dis-

[13] However it is difficult to agree with such attribution and dating to the 7th century BC (Gawlik 1998, 56-57; Бруяко 2005, 154). The determination of these daggers as "probably related to the Posmuş type" (*wohl nahestehend, möglicherweise zugehörig*) (Vulpe 1990, 25) demonstrates some doubts of A. Vulpe. *Atque*, these doubts are not unfounded, because the only feature that could link these stray finds with akinakai of the Posmuş type is their original hilt, the *bow-shaped*, according to Sergey Skoryi (Скорый 1982, 85). But the most important features such as longitudinal grooves, oval-shaped pommels, the rib on the blade are absent on daggers from Mirceşti and Dăneşti. Moreover, the flat handle, the cross-section of the blade, and the shape of hilt bring these items together with the so-called *Găiceana type* (Vulpe 1990, 57-61, cat. 74-75) dated back by the late 6th century BC (like the one from Barrow no. 5 near Cepari). In addition, A. Vulpe does not extend the chronological position of the Posmuş type on the whole 7th century BC; *terminus post quem* has been set by 650-550 BC (Vulpe 1990, 27-28). Meanwhile, even Caucasian parallels to the grave goods do not allow us to date the finds earlier than the mid-7th century BC (Козубова, Скаков 2012, 199-200).

[14] Perhaps, the bouterolles were among the materials of the Brili burial ground (Маисурадзе, Пирхалава 2011, 71).

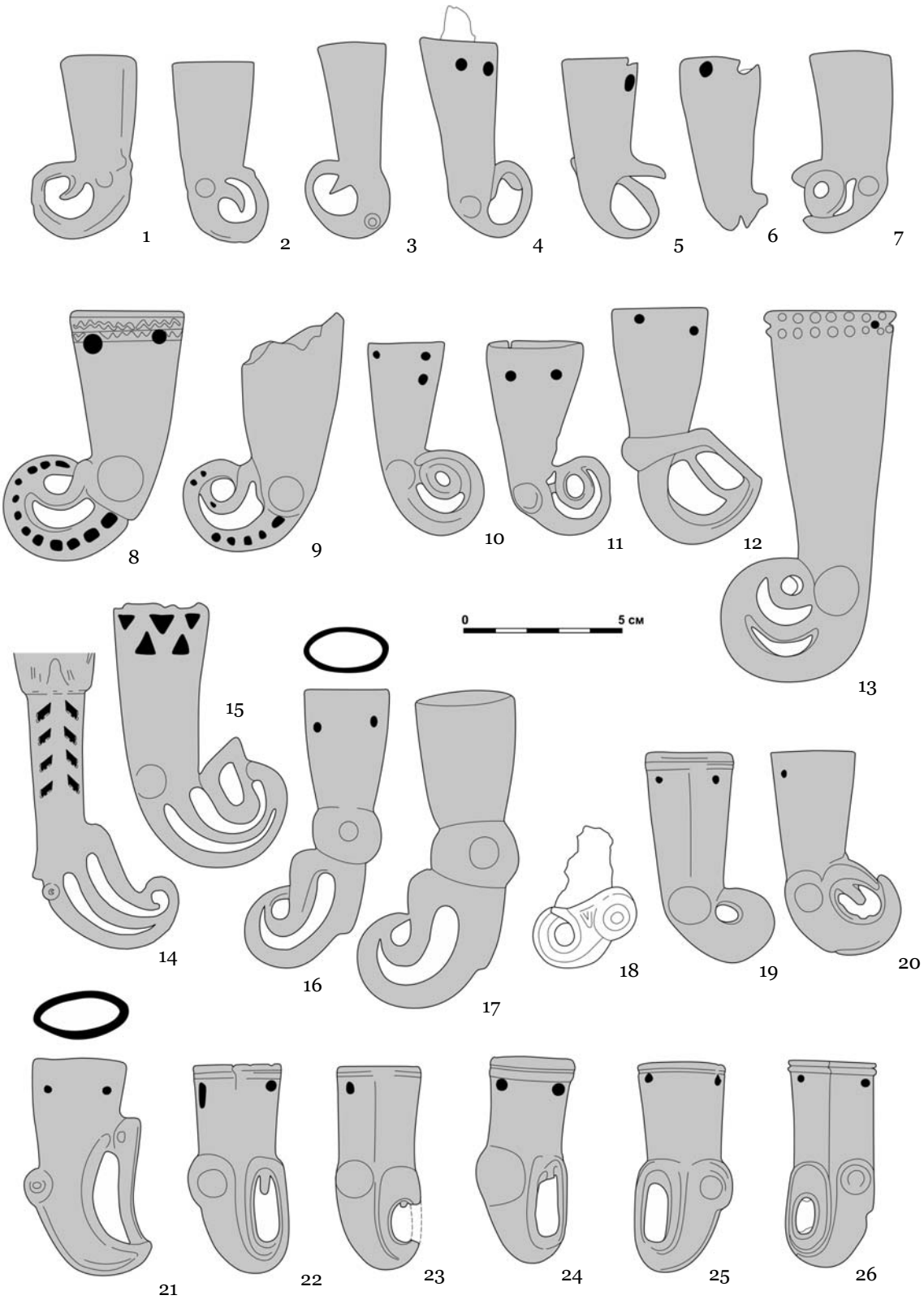


Fig. 5. Bouterolles in the shape of bird's head. 1 - Nizhniy Chegem, gr. 4; 2 - Nizhniy Chegem, gr. 2; 3 - Verkhniy Aul; 4-7 - Faskau; 8 - Klivana; 9, 15 - Koban; 10 - Natsargora, gr. 495; 11 - Dvani, gr. 4; 12 - Akhmylovo burial ground, gr. 336; 13 - Patardzeuli; 14 - Firiniş; 16 - Vladimirovskiy, gr. 55; 17 - Maykop; 18 - Tlia, gr. 246; 19 - Aleksandrovka; 20 - Sennoe-Nekrasovka; 21 - Pashkovskoe hillfort 5; 22 - Surb-Khach; 23 - Staryi Krym; 24 - Snake island (Leucos); 25 - Nisporeni; 26 - Repyakhovataya Mogyla (Matusov), tomb 2.

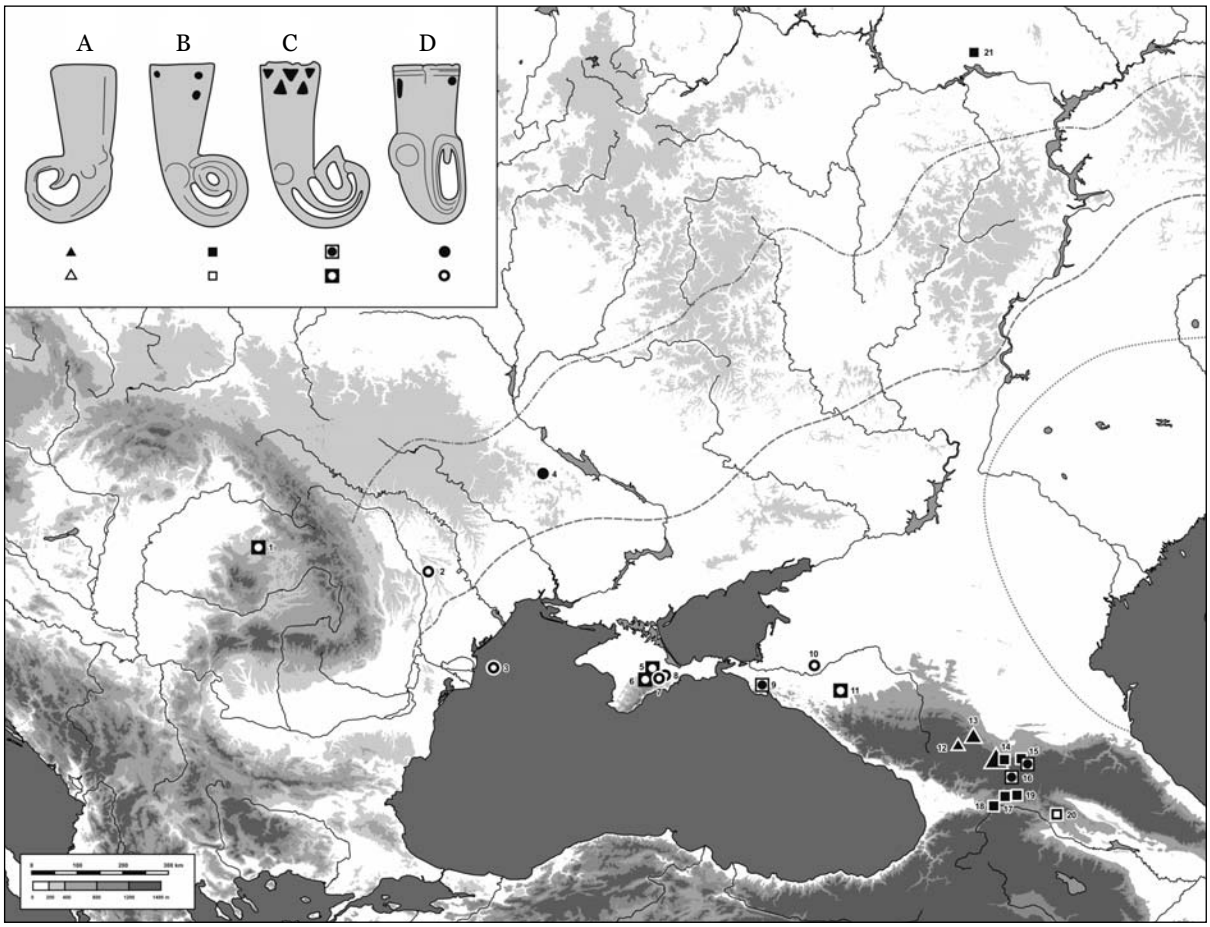


Fig. 6. Distribution of bouterolles in the shape of bird's head: *A - Digorian type (Faskau), B - Koban type, C - transition type (Firminiş), D - Northern-Pontic type (Matusov).* 1 - Firminiş; 2 - Nisporeni; 3 - Snake island (Leucos); 4 - Repyakhovataya Mogyla (Matusov); 5 - Sennoe; 6 - Aleksandrovka; 7 - Surb-Khach; 8 - Staryi Krym; 9 - Vladimirovskiy; 10 - Pashkovskoe hillfort; 11 - Maykop; 12 - Verkhniy Aul; 13 - Nizhniy Chegem; 14 - Faskau; 15 - Koban; 16 - Tlia; 17 - Dvani; 18 - Natsargora; 19 - Klivana; 20 - Patardzeuli; 21 - Akhmylovo.

trict (Скорый, Зимовец 2014, 39-42). Exemplars from Staryi Krym and Alan-tepe are the exact parallels to the objects from the Repyakhovatoya Mogyla, Nisporeni, and Leucos, but objects from Aleksandrovka (fig. 5/19) and Sennoe-Nekrasovka (fig. 5/20) are more similar to the finds from the North Caucasus. Despite the certain realism of bird's beak and eyes, the shape of the ending is designed in the shape of ringed ledge that, probably, indicates the archaism of these artifacts.

Unfortunately, there are not too many well-dated complexes containing the bouterolles. Grave no. 4 from Nizhniy Chegem could be dated to the 2nd half of the 7th century BC (after Виноградов 1972, 101-102; Маисурадзе, Пирцхалава 2011, 74). Grave no. 336 from Akhmylovo belongs to the turn of the 7-6th century BC (after Погребова, Раевский 1992, 205). One of the earliest burials is probably Grave no. 246 from Tlia. Bagrat Tekhov attributed this complex to the 2nd half of the 7th century BC (after Техов 1980a, 69-70), although Nino Sulava, based on an iron fibula, dated it back to the 1st half of the 6th century BC (after Сулава 2006, 58). Grave no. 495 from Natsargora was dated to the 8-7th century BC (after Georgien 2001, 407), that has caused the objections from Marina Pirtskhalava and Vissarion Maisuradze, who proposed to limit the date to 650-500 BC (Маисурадзе, Пирцхалава 2011, 75). The objects from the North Pontic region were dated in general slightly later than the Caucasian exsamples. Based on the chronology of the 2nd tomb of the Repyakhovatoya Mogyla, bouterolles from Matusov, Leucos and Nisporeni could be dated to the turn of the 7-6th century BC (after Гречко 2012, 77-79; Топал 2014, 25). This date could be indirectly confirmed by the finds from the Snake Island: the earliest fragments of Rhode-Ionian pot-

tery from this site are dated to the late 7th - early 6th century BC (after Охотников, Островерхов 1993, 29, 104).

In general, there are several groups of the bird's head bouterolles[15]: *Digorian* (the Faskau type) (fig. 5/1-6), the *Koban* type (fig. 5/7-13) and the *North Pontic* (Matusov type) (fig. 5/21-26). The first group, allocated for convenience into Digorian type, is typical for the North Caucasus and represents a bronze holder with a ringed ledge, inside of which is shown a tongue. Samples from Transcaucasia and some items from the North Caucasus (of the Koban type) are designed in a similar (however, not realistic) way: the bird's beak is shown with a certain degree of stylization (by a double-turn spiral). The next group is represented by the finds from Koban, and in fact continues the evolution of the image to the increased realism. Bird beaks on the bouterolles of the Northern Pontic type are less curved and more elongated that make them closer to the scabbard's ending from the Pashkovskoe hillfort. And a *hybrid variant* appears in Crimea, that keeps the Caucasian shape (the rounded beak) combined with stylistic feautures from the Black Sea region (design of head). The North Pontic bouterolles are properly oval holders including the protome of the head of bird of prey. There is another intermediate link between the North Pontic and Koban items: the *Firminiş type*, that has elongated spiral shape of the beaks (fig. 5/14-18). Besides the openwork of ending, the sheath from Firminiş is closer to the Caucasian exsamples by its triangle openings, resembling, for example, bouterolle from the Koban burial ground. Therefore, an attempt of dating the scabbards from Firminiş to the 6th or even to the 5th (sic!) century BC (after Вольная 2015, 27) looks strange, despite the fact that even in the 1970-80s the highest date went no further than the early 6th century BC (after Matei 1978, 22; Черненко 1984, 59). Thus, the most preferred chronological position of the Firminiş sword and the Posmuş type looks like the 2nd century BC. Morover, this date is perfectly consistent with the lower chronological limit of the existence of bouterolles in the shape of bird's head – the Late Koban period (Koban IV after Varvara Kozenkova), or the mid-7th century BC (Вольная 2015, 26).

According to the chronological position of bouterolles and the akinakai that were found with them, these artifacts (as the daggers of the Posmuş type) belong to the next tradition. This was the *Kelermes* tradition (after Ворошилов 2009, 40; Ворошилов 2011, 157; Ворошилов 2013, 91; Топал, Бруяко 2012, 134-141; Денисов 2012, 66-67; Шелехань 2013a, 137-138) that also came to the North Pontic region and the Carpathian basin from the Caucasus. And the Posmuş type perhaps was a kind of a transitional link that combined the well-known technology of bronze casting and new morphology. A number of characteristics indicate the *genetic connection* between the Kelermes and Gudermes akinakai. One of the main features of Kelermes akinakai is the triform handle made out of three shafts, and the central is usually rhombic. It is quite possible that the shape of the central shaft was influenced by manufacturing of akinakai, i.e. due to the fact of making the blade with median rib and the handle by hot hammering from one piece of metal. It seems that on some exemplars the central rhombic shaft of the handle is an extension of median rib of the blade, and two round shafts on the edges of hilt are rudimentary preserved from the frame handles of bimetallic akinakai. Namely, this detail shows the connection between the Kelermes type and the bimetallic akinakai, for which the design of moulded bronze frame had constructive importance. According to B.A. Shramko, if bimetallism disappears, this design becomes an ornamental imitation but not constructive (after Shramko 1984, 31). Perhaps, this could explain the "frame" and "triform" design on much later exemplars known until the 5th century BC. In this regard, akinakes from an Imirler grave near Amasya (Anatolia, Turkey) is especially interesting (Ünal 1982, 66). A long sword from Imirler (fig. 6/10) is often compared to the early Scythian akinakai, including exemplars from Kelermes and the Litoy (Melgunov) Kurgan (after Kossack 1987, 67; Ivantchik 2001, 42-48). It is notable that the cross-section of the blade is rhombic with the rib

[15] Andrey Novichikhin defines, in particular, two main groups: one, more stylized associated with Koban antiquities of Central Caucasus and less – with the North Pontic region. And a special place occupies bouterolle from the Vladimirovskiy cemetery (Новичихин 2006, 51-52). Galina Volnaya in her recent paper also studies two main types: "*with the ringed beak, sharpened slightly convex tongue and a little oval eye"* and *"strongly curved beak from two slices, big oval eye and semi-ringed tongue"* (Вольная 2015, 21). However, there is also the third type on the table from this article (Вольная 2015, 22), which probably unites the exemplars standing out of the proposed typology (perhaps, due to the proportions).

in the middle and the handle with hafting plate was covered with the iron frame[16].

Without any doubt, the bight on the handle is the clearest and easily diagnosed characteristic of the early Scythian swords and daggers, and bimetallic at that. K.F. Smirnov had noticed an interesting detail on the hilt of sword from Lapot' (the *Stenka Razin* barrow), namely the ledges (fig. 1/18) "were probably formed as a result of a failed molding of a bight under the pommel" (after Smirnov 1961, 11). According to Smirnov, as a result, the functional needs made it necessary to punch an opening in the handle. This fact, along with bimetallism in combination with the frame handle, K.F. Smirnov interpreted as "archaic Caucasian features". Such bights are known on the other bimetallic swords with frame handles from Kumbulta-Galiat-Faskau (fig. 1/11), the Kharkiv Museum of History (fig. 1/4) (after Babenko 2006, 55, fig. 1; 2/3, 4) and Maslovka (fig. 1/5) (after Ворошилов, Медведев 2007, рис. 1/2).

Indirectly, the evolution of Scythian swords and daggers is reflected on their sheaths, as well as bouterolles. One of the earliest exampars, the eponymous sword from Gudermes of the 1st half of the 7th century BC was accompanied by the scabbard's end with the widespread Iranian subject – the image of the rolled feline predator (fig. 1/2). The earliest akinakai of the Kelermes type of the mid-7th century BC, namely, the ceremonial swords from Barrow no. 1 from Kelermes (after Галанина 1997, табл. 7/1(a), 9/1(c)) and the Litoy Kurgan (after Придик 1911, табл. 1, 3/1) were accompanied with sheath with semioval extension. The bouterolles with the image of the rolled feline predators were found near Kelermes akinakai in Grave no. 164 (after Техов 1980a, рис. 12/2, 6) and Grave no. 216 (after Техов 1980a, рис. 14/1, 5) of the Tlia cemetery, and a kurgan near Daryevka (after Ильинская 1975, табл. XXXIV/3, 18)). Perhaps, with the further evolution of the Kelermes type, the Koban bouterolles[17] in the shape of bird's head had been also adopted (along with the traditional Scythian rolled predators). For good reason, that one of the latest Kelermes swords from the 2nd tomb of the Repyakhovataya Mogyla (of the turn of the 7-6th century BC) has a bouterolle with the image of the bird of prey (fig. 5/26).

Conclusion

Ergo, bimetallic akinakai, are the result of the further evolution of bladed weapons produced by the so-called *Caucasian laboratory*, and we can assume that for some time they coexist with the daggers of the Kabardino-Pyatigorsk type, probably in the 1st half of the 7th century BC. The ulterior development of Scythian akinakes and its widespread in the Black Sea region provoked rejection of use of bronze due to the complexity of the technology and, perhaps, to the difficulties with access to raw materials. However, the morphology of the new product was more stable that subsequently led to the emergence of new types of weapons. The penetration of the akinakai in the Carpathian basin is extremely significant. Like the Caucasus, this region could be considered as the center of generation of new types of Scythian blade weapons. The creative rethinking of the Gudermes and Kelermes traditions was taken place exactly in the Carpathian basin. These processes led to the appearance of the Posmuş type in Transylvania and the Ferigile type (after A. Vulpe) in Wallachia that stayed within the area are the local feature of the Carpathian-Danube region (fig. 4). The way of distribution of the early Scythian akinakai allows us to conclude that the penetration of akinakai (and their owners, of course) in this region had taken two main routes. The initial infiltration followed the northern border of the forest-steppe area on the way to Transylvania[18], and later – along the southern one, to the Bărăgan Plain.

[16] H. Hauptmann wrote that the handle of this sword is made out of bronze (Hauptmann 1983, 268), but V. Ünal ignored the description of this quite important detail in the first publication of Imirler burial.

[17] According to G.Volnaya, the curved tongue of birds is not typical for the Koban culture, so the image the bird of prey's head was inspired by Early Scythian art (Вольная 2015, 25, 26).

[18] Igor Bruyako expressed the opinion on the possibility of such route of penetration of Scythians in Transilvania (Бруяко 2005, 186-188, рис. 53), while Romanian researchers insisted on the existence of the passes to the South – between the Bistriţa and Tărnău mountain ridges (Mihăilescu-Bîrliba, Untaru 1971, fig. 4).

Bibliography

Abramek 1970: B. Abramek, Badania ratownicze na cmentarzysku kultury łużyckiej w Dzietrzkowicach, pow. Wieluń. Wiadomości Archeologiczne 4, 1970, 531-539.

Bruyako 2007: I.V. Bruyako, Seashells and Nomads of the Steppes (Early Scythian Culture and Molluscs of the Cyprea family in Eastern Europe). ACCS 13, 2007, 225-240.

Bukowski 1977: Z. Bukowski, The Scythian influence in the area of Lusatian culture (Wrocław 1977).

Buzdugan 1976: C. Buzdugan, Pumnale hallstattiene tîrzii pe teritoriul României. CA II, 1976, 239-273.

Chochorowski 1985: J. Chochorowski, Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde. Prace Archeologiczne 36 (Warszawa/Kraków 1985).

Furtwaengler 1883: A. Furtwaengler, Der Goldfund von Vettersfelde. Winckelmannsfeste der archæologischen Gesellschaft zu Berlin, Program 43 (Berlin 1883).

Gawlik 1998: A. Gawlik, Znaleziska scytyjskie na Wyżynie Mołdawskiej i Besarabskiej. Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego 19, 1998, 53-77.

Gawlik 1998a: A. Gawlik, Zur Genese der skythischen Dolche vom Posmuş-Typ aus Siebenburgen. AAC XXXIV, 1997-1998, 1998, 25-37.

Gedl 1980: M. Gedl, Die Dolche und Stabdolche in Polen. PBF VI/ 4 (München 1980).

Georgien 2001: Georgien, Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum in Verbindung mit dem Zentrum für Archäologische Forschungen der Georgischen Akademie der Wissenschaften Tbilissi vom 28. Oktober 2001 bis 19. Mai 2002 (Bochum 2001).

Ginters 1928: W. Ginters, Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland (Berlin 1928).

Hauptmann 1983: H. Hauptmann, Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien. In: (Hrsg. v. R.M. Boehmer u. H. Hauptmann) Beiträge zur Altertumskunde Kleinasiens. Festschrift für Kurt Bittel (Mainz 1983), 251-270.

Herepey 1898: K. Herepey, A nagy-enyedi skytha leletek és emlékek folytatásáról. AÉ 18, 1898, 63-68.

Kemenczei 1984: T. Kemenczei, Skythenzeitliche Akinakes in der Prähistorischen Sammlung des Ungarischen Nationalmuseums. FA XXXV, 1984, 33-49.

Kemenczei 1991: T. Kemenczei, Die Schwerter in Ungarn II (Vollgriffschwerter). PBF IV/9 (Stuttgart 1991).

Kemenczei 2009: T. Kemenczei, Studien zu den Denkmälern skythisch Geprägter Alföld Gruppe. Inventaria Praehistorica Hungariae XII (Budapest 2009).

Kossack 1987: G. Kossack, Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstil. In: Skythika (München 1987), 24-86.

Kozenkova 1992: V.I. Kozenkova, Seržen'-Jurt. Ein Friedhof der späten Bronze- und frühen Eisenzeit im Nordostkaukasus. MAVA 48 (Mainz am Rhein 1992).

Makhortykh 2008: S.V. Makhortykh, On the Question of Cimmerian Imports and Imitations in Central Europe. In: (Eds. P.F. Biehl, Y.Ya. Rassamakin) Import and imitation in Archaeology (Langenweißbach 2008), 167-186.

Marinescu 1984: G. Marinescu, Die jüngere Hallstattzeit in Nordostsiebenbürgen. Dacia N. S. XXVIII (1-2), 1984, 47-83.

Matei 1977: A.V. Matei, Akinakes-ul de bronz de la Firminiş. ActaMN 14, 1977, 63-71.

Matei 1978: A.V. Matei, Der Bronze-Akinakes von Firminiş. Dacia N.S. XXII, 1978, 107-113.

Mehnert 2008: G. Mehnert, Skythika in Transkaukasien. Reiternomadische Sachkultur im archäologischen Fundkontext. Nomaden und Sesshafte 10 (Wiesbaden 2008).

Mihăilescu-Bîrliba, Untaru 1971: V. Mihăilescu-Bîrliba, I. Untaru, Notă despre un nou „akinakes" găsit la Agapia. Memoria Antiqvitatis III, 1971, 441-454.

Minns 1913: E.H. Minns, Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus (Cambridge 1913).

Moscalu, Beda 1979: E. Moscalu, C. Beda, Noi cetăţi traco-getice. CA 3, 1979, 361-373.

Podborský 1970: V. Podborský, Mähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelle der Eisenzeit (Brno 1970).

Popescu, Vulpe 1982: E. Popescu, A. Vulpe, Nouvelles découvertes du type Ferigile. Dacia N.S. XXVI, 1982, 77-114.

Roska 1942: M. Roska, Erdély régészeti repertóriuma. I. Öskor Thesaurus antiquitatum Transilvanicarum I. Praehistorica (Kolozsvár 1942).

Scythian Gold 1999: (Ed.: E.D. Reeder) Scythian gold. Treasures of Ancient Ukraine (New York 1999).

Stanchev 2000: D. Stanchev, Warrior burial in the lower course of the Yantra. In: (Ed. G. Simion, V. Lungu) Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-Est de l'Europe. Actes du II-e Colloque international

d'archéologie funéraire organisé à Tulcea, Braïla, Calaraşi et Slobozia, 18-24 septembre 1995 (Tulcea 2000), 35-44.

Sulimirski 1936: T. Sulimirski, Scytowie na Zachodniem Podolu. Prace Lwowskiego Towarzystwa Prehistoryczнego, 2 (Lwów 1936).

Topal 2013: D. Topal, Akinakai of Kelermes type: new discoveries in Central and Northern Bessarabia. Marisia XXXIII, 2013, 13-32.

Ünal 1982: V. Ünal, Zwei Gräber eurasischer Reiternomaden im nördlichen Zentralanatolien. BAVA 4, 1982, 65-81.

Vasiliev 1980: V. Vasiliev, Sciţii agatîrşi pe teritoriul României (Cluj-Napoca 1980).

Vulpe 1967: A. Vulpe, Necropola hallstattiană de la Ferigile. Monografie arheologică. Biblioteca de arheologie XI (Bucureşti 1967).

Vulpe 1984: A. Vulpe, Descoperirile hallstattiene din zona Aiudului. Thraco-Dacica 5, 1984, 26-63.

Vulpe 1987: A. Vulpe, Despre cele mai vechi akinakai pe teritoriul României. ActaMP XI, 1987, 83-89.

Vulpe 1990: A. Vulpe, Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien. PBF. Ab. VI. Bd. 9 (München 1990).

Анфимов 1965: Н.В. Анфимов, Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья. В сб.: (Отв. ред. Е.И. Крупнов) Новое в советской археологии. МИА 130, 1965, 196-198.

Артамонов 1974: М.И. Артамонов, Киммерийцы и скифы (Ленинград 1974).

Бабенко 2006: Л.І. Бабенко, Біметалевий меч скіфського часу з колекції Харківського історичного музею. Археологія 2, 2006, 53-57.

Бандрівський 2005: М.С. Бандрівський, Подільско-карпатський тип кінської упряжі VII ст. до Р.Х. Археологія 4, 2005, 90-93.

Бобринский 1901: А.А. Бобринский, Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Т. 2 (Санкт-Петербург 1901).

Бруяко 1999:. И.В. Бруяко, Моллюски семейства Сургеа и памятники раннескифской эпохи в Восточной Европе. Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья 3, 1999, 47-54.

Бруяко 2005: И.В. Бруяко, Ранние кочевники в Европе X-V вв. до Р. Х. (Кишинев 2005).

Вальчак 2008: С. Б. Вальчак. Хронология и генезис мечей и кинжалов с рукоятями округлого сечения в предскифский период (VIII-VII вв. до н.э.). В сб.: (Отв. ред.: О.В. Двуреченский) Военная археология. Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее (Москва 2008), 6-25.

Виноградов 1972: В.Б. Виноградов, Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза) (Грозный 1972).

Виноградов 1974: В.Б. Виноградов, Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии. СА 4, 1974, 258-263.

Волкобой, Лихачев, Шалобудов 1979: С.С. Волкобой, В.А. Лихачев, В.Н. Шалобудов, Скифский могильник «Славянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине. В: Курганные древности Среднего Поднепровья (III-I тыс. до н.э.), 3 (Днепропетровск 1979), 45-60.

Вольная 2002: Г.Н. Вольная, Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. (Владикавказ 2002).

Вольная 2015: Г.Н. Вольная, Наконечники ножен с изображением головы птицы из памятников раннего железного века Центрального Кавказа и их аналогии в скифо-сибирском зверином стиле. РА 1, 2015, 19-31.

Воронов 2006: Ю.Н. Воронов, Колхида в железном веке (Сухум 2006).

Ворошилов 2006: А.Н. Ворошилов, Бронзовое и биметаллическое клинковое оружие скифского типа Восточной Европы и Кавказа. АЛЛУ 1, 2006, 34-45.

Ворошилов 2007: А.Н. Ворошилов, Биметаллические мечи скифского времени из междуречья Дона и Волги. РА 3, 2007, 150-156.

Ворошилов, Медведев 2007: А.Н. Ворошилов, А.П. Медведев, Вооружение населения лесостепного Подонья в скифо-сарматское время. В сб.: Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Докл. к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». (Челябинск 2007), 76-87.

Ворошилов 2009: А.Н. Ворошилов, О серии акинаков келермесского типа. В сб.: (Отв. ред.: А.В. Балахванцев) Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского 14-16 декабря 2009 года. Вып. IV (Москва 2009), 40-42.

Ворошилов 2011: А.Н. Ворошилов, Акинаки келермесского типа в Донской лесостепи. В сб.: Восточноевропейские древности скифской эпохи. Сборник научных трудов (Воронеж 2011), 156-168.

Ворошилов 2013: А.Н. Ворошилов, Об одном типе клинкового оружия ранних скифов. В сб.: (Отв. ред.: В.Е. Родинкова, А.Н. Федорина) Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы II Международной конференции молодых ученых (Москва 2013), 91-92.

Гавлик 2004: А. Гавлик, Бронзовый кинжал из Русских Фольварков, р-н Каменец-Подольский. In: (Ed.: J. Chochorowski) Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci (Kraków 2004), 161-168.

Галанина 1997: Л.К. Галанина, Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. Степные народы Евразии 1 (Москва 1997).

Горбунов, Исмагилов 1976: В.С. Горбунов, Р.Б. Исмагилов, Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии. СА 3, 1976, 229-247.

Граков 1971: Б.Н. Граков, Скифы (Москва 1971).

Гречко 2012: Д.С. Гречко, О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н.э.) скифской истории. Stratum plus 3, 2012, 75-106.

Грязнов 1956: М.П. Грязнов, Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, №61, 1956.

Денисов 2012: А.В. Денисов, Меч келермесского типа с территории Самарской области. Вестник МГОУ 3, 2012, 65-67.

Древности 1900: Древности Приднепровья. Собрание Б.Н. и в. И. Ханенко. Вып. III. Эпоха предшествующая Великому переселению народов (Киев 1900).

Дударев 1991: С.Л. Дударев, Из истории связей Северного Кавказа с киммерийско-скифским миром (Грозный 1991).

Дударев 1999: С.Л. Дударев, Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX - первая половина VII в. до н.э.) (Армавир 1999).

Есаян, Погребова 1985: С.А. Есаян, М.Н. Погребова, Скифские памятники Закавказья (Москва 1985).

Зайковский 1913: Б.В. Зайковский, Археологические разведки в окрестностях слободки Даниловки Камышинского уезда Саратовской губернии. Труды СУАК 30, 1913, 215-228.

Иванчик 2001: А.И. Иванчик, Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. Степные народы Евразии 2 (Москва 2001).

Іллінська 1963: В.А. Іллінська, Про скіфські навершники. Археологія XV, 1963, 33-60.

Ильинская 1975: В.А. Ильинская, Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII-VI вв. до н.э.) (Киев 1975).

Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980: В.А. Ильинская, Б.Н. Мозолевский, А.И. Тереножкин, Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов. В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифия и Кавказ (Киев 1980), 31-63.

Исмагил, Сунгатов 2004: Р. Исмагил, Ф.А. Сунгатов, О генезисе акинаков марычевского типа. УАВ 5, 2004, 127-134.

Исмагилов 1981: Р.Б. Исмагилов, Мечи марычевского типа. ВАУ 15, 1981, 126-129.

Исмагилов 1989: Р.Б. Исмагилов, Меч скифского типа: истоки происхождения. В сб.: Скифо-сибирское культурно-историческое единство (Кемерово 1989), 85-95.

Исмагилов, Скарбовенко 1977: Р.Б. Исмагилов, В.А. Скарбовенко, Новые находки савроматского оружия в междуречье Волги и Урала. Средневолжская археологическая экспедиция (Куйбышев 1977), 77-92.

Канторович, Шишлов 2014: А.Р. Канторович, А.В. Шишлов, Зооморфная бутероль из курганной группы «Семигорье» и базовая тенденция в реализации сюжета свернувшегося хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле. Вестник Южного научного центра 10 (4), 2014, 85-95.

Клоков, Моисеев 1999: А.Ю. Клоков, Н.Б. Моисеев, Находки скифских мечей и кинжалов в лесостепи. В: Записки Липецкого областного краеведческого общества, 2 (Липецк 1999), 26-42.

Козенкова 1995: В.И. Козенкова, Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. САИ В2-5 (Москва 1995).

Козенкова 2002: В.И. Козенкова, У истоков горского менталитета. Могильник эпохи бронзы - раннего железа у аула Сержень-юрт, Чечня. МИИКНСК, III (Москва 2002).

Козенкова 2007: В.И. Козенкова, Специфика некоторых атрибутов костюма древних «кобанцев» как показатель процесса миграций. В сб.: (Отв. ред. В.И. Козенкова) Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке (Москва 2007), 258-294.

Козубова, Скаков 2012: А. Козубова, А.Ю. Скаков, К вопросу о датировке акинаков типа Posmuş на основании кавказских параллелей. В сб.: Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения (Махачкала 2012), 198-200.

Крупнов 1960: Е.И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа (Москва 1960).

Кулатова 1994: І.М. Кулатова, Біметалевий кинджал з Градизька. ПАЗ 2, 1994, 109-111.

Кулатова 1999: И.Н. Кулатова, Некоторые находки киммерийского времени с территории Полтавщины. Прил. I. В: С.А. Скорый, Киммерийцы в украинской лесотепи (Киев-Полтава 1999), I-VII.

Лаппо-Данилевский 1887: А.С. Лаппо-Данилевский, Скифские древности. ЗОРСА IV, 1887, 352-543.

Ленц 1905: Э.Э. Ленц, Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 г. близ с. Журовки, Киевской губернии. ИАК 14, 1905, 54-68.

Лесков 1979: А.М. Лесков, Киммерийские мечи и кинжалы и происхождение скифского акинака. В сб: Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен. Тезисы докладов (Москва 1979), 47-49.

Литвинский 2001: Б.А. Литвинский, К проблеме происхождения акинака. В: Мит, изкуство, фолклор, 7 (София 2001), 48-60.

Лукьяшко 1994: С.И. Лукьяшко, Новая находка биметаллического кинжала на Нижнем Дону. Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 году, 12, 1994, 140-143.

Лукьяшко 2013: С.И. Лукьяшко, Население Нижнего Дона в предскифское и скифское время (IX-IV вв. до н.э.). Автореф. дис. ...док. ист. наук (Москва 2013).

Маисурадзе, Пирцхалава 2011: В.Г. Маисурадзе, М.С. Пирцхалава, Бутероль из села Патардзеули (Кахетия, Восточная Грузия). ВДИ 3, 2011, 71-77.

Макалатия 1949: С.И. Макалатия, Раскопки Дванского могильника. СА XI, 1949, 225-249.

Максимов, Полесских 1971: Е.К. Максимов, М.Р. Полесских, Заметка об акинаках. СА 2, 1971, 238-242.

Медведев 1999: А.П. Медведев, Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. (Москва 1999).

Мелюкова 1964: А.И. Мелюкова, Вооружение скифов. САИ Д1-4 (Москва 1964).

Моржерин 2010: К.Ю. Моржерин, Меч с Караульной горы. Информационный вестник Саратовского областного музея краеведения 76 (Саратов 2010).

Мулкиджанян 1983: Я.П. Мулкиджанян, Новые находки мечей скифо-сарматского времени в лесостенном Подонье. В сб.: Археологические намятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. (Воронеж 1983), 137-142.

Мурзин 1984: В.Ю. Мурзин, Скифская архаика Северного Причерноморья (Киев 1984).

Новичихин 1990: А.М. Новичихин, Биметаллический кинжал из х. Бужор Анапского района В сб.: Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ (Москва 1990), 61-73.

Новичихин 2006: А.М. Новичихин, Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э (по материалам погребальных памятников) (Анапа 2006).

Островерхов, Охотников 1989: А.С. Островерхов, С.Б. Охотников, О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея. ВДИ 2, 1989, 50-67.

Охотников, Островерхов 1993: С.Б. Охотников, А.С. Островерхов, Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином) (Киев 1993).

Патрушев, Халиков 1982: В.С. Патрушев, А.Х. Халиков, Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник) (Москва 1982).

Переводчикова 1980: Е.В. Переводчикова, Типология и эволюция скифских наверший, СА 2, 1980, 23-44.

Погребова, Раевский 1992: М.Н. Погребова, Д.С. Раевский, Ранние скифы и Древний Восток. К истории становления скифской культуры (Москва 1992).

Придик 1911: Е. Придик, Мельгуновский клад 1763 года. МАР 31 (Санкт-Петербург 1911).

Пьянков 2005: А.В. Пьянков, Бронзовый наконечник ножен акинака из фондов Краснодарского музея-заповедника. В сб: (Отв. ред. В.И. Гуляев) Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского (Москва 2005), 448-450.

Ростовцев 1914: М.И. Ростовцев, Воронежский серебряный сосуд (Петроград 1914).

Ростовцев 1918: М.И. Ростовцев, Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР 37, 1918.

Сергацков 1989: И.В. Сергацков, Новые находки скифского времени в Волгоградской области. СА 2, 1989, 249-251.

Скорый 1982: С.А. Скорый, «Скифские» мечи с лучковидным перекрестьем. В сб.: (Отв. ред. Д.Я. Телегин) Материалы по хронологии археологических памятников Украины (Киев 1982), 83-86.

Скорый, Зимовец 2014: С.А. Скорый, Р.В. Зимовец, Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции (Киев 2014).

Смирнов 1961: К.Ф. Смирнов, Вооружение савроматов. МИА 101, 1961.

Сулава 2006: Н. Сулава, Кавказские фибулы (типология, хронология, генезис). Автореф. дисс. … канд. ист. наук (Тбилиси 2006).

Таиров 2011: А.Д. Таиров, К вопросу о распространении кинжалов с бронзовыми деталями рукояти раннескифского времени. Челябинский гуманитарий 1, 2011, 162–169.

Тереножкин 1975: А.И. Тереножкин, Киммерийские мечи и кинжалы. В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифский мир (Киев 1975), 3-34.

Тереножкин 1976: А.И. Тереножкин, Киммерийцы (Киев 1976).

Техов 1972: Б.В. Техов, Тлийский могильник и проблема хронологии эпохи бронзы - раннего железа Центрального Кавказа. СА 3, 1972, 18-37.

Техов 1980: Б.В. Техов, Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII-VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника). В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифия и Кавказ (Киев 1980), 219-258.

Техов 1980а: Б.В. Техов, Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника) (Москва 1980).

Топал, Бруяко 2012: Д.А. Топал, И.В. Бруяко, Находки клинкового оружия ранних кочевников из Оргеевского района. Stratum plus 3, 2012, 133-144.

Топал 2014: Д.А. Топал, Акинаки на западных рубежах Скифии. Находки скифских мечей и кинжалов на территории Республики Молдова. Tyragetia s.n. VIII/1, 2014, 7-43.

Уварова 1900: П.С. Уварова, Могильники Северного Кавказа. МАК 8, 1900.

Черненко 1979: Е.В. Черненко, Персидские акинаки и скифские мечи. В сб.: Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен. Тезисы докладов (Москва 1979), 90-91.

Черненко 1984: Е.В. Черненко, Скифо-персидская война (Киев 1984).

Членова 1967: Н.Л. Членова, Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры (Москва 1967).

Членова 1972: Н.Л. Членова, Хронология памятников карасукской эпохи (Москва 1972).

Членова 1975: Н.Л. Членова, О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху. Studia Thracica 1. Фракo-скифские культурные связи (София 1975), 69-90.

Шелехань 2013: А.В. Шелехань. Кинжал келермесского типа из собрания Днепропетровского Государственного музея. В сб.: VIII Международная конференция студентов и аспирантов «Проблемы ахеологии Восточной Европы». Материалы конференции. (Ростов-на-Дону 2013), 136-141.

Шишлов и др. 2007: А.В. Шишлов, Н.В. Федоренко, А.В. Колпакова, А.П. Кононенко, Материальная культура Владимировского могильника. Исторические записки 5 (Новороссийск 2007), 4-19.

Шрамко, Фомин, Солнцев 1977: Б.А. Шрамко, Л.Д. Фомин, Л.А. Солнцев, Начальный этап обработки железа в Восточной Европе: доскифский период. СА 1, 1977, 57-74.

Шрамко 1976: Б.А. Шрамко, Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля. В сб: (Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова) Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии (Москва 1976), 194-209.

Шрамко 1984: Б.А. Шрамко, Из истории скифского вооружения. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Черненко) Вооружение скифов и сарматов (Киев 1984), 22-38.

Utilizarea bronzului la producerea pumnalelor akinakai scitice timpurii

Rezumat

Pentru pumnalele akinakai scitice timpurii este caracteristică realizarea lor din bronz, cel mai des în aliaj cu fierul. Tehnologia confecţionării mânerelor bimetalice este pusă în legătură cu „schema cimeriană” în a cărui cadru se confecţionau aşa-numitele pumnale de tip Kabardino-Piatigorsk. Cele mai târzii piese de acest tip sunt atestate în siturile datate la mijlocul sec. VII a. Chr. şi din acest considerent pot fi tratate drept precursoare ale akinakesului scitic. Atelierele scitice au moştenit tehnologia bimetalică de la predecesorii lor şi primele pumnale de acest fel sunt asociate cu tipul Gudermes, apărut la sfârşitul sec. VIII a. Chr. - începutul sec. VII a. Chr. în Caucaz. Akinakai

timpurii sunt cunoscute şi în bazinul Carpatic, fiind confecţionate în totalitate sau parţial din bronz, de tip Posmuş. Descoperirile respective sunt atribuite tradiţiei Kelermes, aceasta din urmă a pătruns în nordul Pontului şi în zona carpato-nistreană tot din Caucaz. Cu privire la pumnalele de tip Posmuş, constatăm că, probabil, acestea reprezintă piese ale unei etape de trecere, combinând tehnologia prelucrării bronzului cu o morfologie nouă. Legătura genetică dintre tipurile Gudermes şi Kelermes este ilustrată prin realizarea mânerelor din trei părţi, centrală fiind în secţiune romboidală cu inel de prindere. Piesele bimetalice sunt de fapt produsul unei evoluţii a pumnalelor „laboratorului caucazian". Totodată, putem presupune că, o perioadă oarecare, piesele date au coexistat cu pumnalele de tip Kabardino-Piatigorsk, probabil în prima jumătate a sec. VII a. Chr. Evoluţia ulterioară a pumnalului akinakai scitic şi răspândirea lui largă în nordul Pontului a condus la renunţarea confecţionării acestuia din bronz, probabil datorită complexităţii tehnologiei şi limitării accesului la materia primă. Însă, morfologia noilor produse, calitativ nouă, a condus la apariţia noilor tipuri de piese. În spaţiul carpato-nistrean, în perioada scitică timpurie, tradiţiile Gudermes şi Kelermes suportă o serie de modificări. Drept rezultat, în Transilvania apar pumnalele de tip Posmuş, iar în Valahia cele de tip Ferigele, al căror areal nu se extinde în afara regiunii şi formează două variante locale. Analiza răspândirii pumnalelor akinakai scitice timpurii ne permite să constatăm că pătrunderea tipului respectiv de armament s-a produs pe două căi: în perioada timpurie, prin nordul regiunii de silvostepă, în Transilvania, şi mai târziu, prin regiunea de sud – în câmpia Bărăganului.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Akinakai de tipul Gudermes. 1 - Polsko Kosovo; 2 - Gudermes (Stepnoj), tum.; 3 - Tlia, m. 85; 4 - Muzeul de istorie din or. Harkiv; 5 - Maslovka; 6 - Pokrovka; 7 - Berezovka-*Muntele Karaulnaia*; 8 - Orbeasca de Sus; 9 - Stremţ; 10 - Bujor; 11 - Kumbulta (Galiat, Faskau); 12 - Lopatino; 13 - Muzeul din or. Zlatoust; 14 - Rajgorod (Prussy), tum. 2; 15 - Šolohovo, tum. 13; 16 - Bogučary; 17 - Gradižsk; 18 - Lapot' (tumulul lui Stenka Razin) lângă or. Kamyšin; 19 - Łubnice; 20 - Steženskij; 21 - Mežgorie-Barabanovo.

Fig. 2. Akinakai de tipul Posmuş (1-9) şi akinakai de origine siberiană (10-13). 1 - Firminiş; 2 - Aiud-*Parc*; 3 - Posmuş; 4 - Tiszabercel; 5, 7 - Mărişelu, gr. 7; 6 - Mărişelu, gr. 4; 8 - Mărişelu, gr. 6; 9 - Budeşti-Fînaţe, gr. 6; 10 - Kîzîltu; 11 - Timašovka; 12 - Borsod; 13 - Ruskie Folvarki.

Fig. 3. Complexe funerale cu akinakai de tipul Posmuş: A - Budeşti-Fînaţe, gr. 6; B - Aiud-*Parc*; C - Mărişelu, gr. 7; D - Mărişelu, gr. 6; E - Mărişelu, gr. 4; F - Posmuş.

Fig. 4. Distribuirea akinakai bimetalice şi din bronz. *A - akinakai din bronz de origine siberiană:* 1 - Borsod; 2 - Ruskie Folvarki (or. Cameniţa); 3 - Timašovka; 4 - Kîzîltu. *B - akinakai de tipul Gudermes:* 1 - Polsko Kosovo; 2 - Orbeasca de Sus; 3 - Stremţ; 4 - Rajgorod; 5 - Gradižsk; 6 - Harkiv; 7 - Bogučary; 8 - Steženskij; 9 - Pokrovka; 10 - Maslovka; 11 - Lopatino; 12 - Berezovka; 13 - Zlatoust; 14 - Lapot'; 15 - Bujor; 16 - Kumbulta; 17 - Stepnoj; 18 - Tlia; 19 - Łubnice; 20 - Šolohovo; 21 - Mežgorie-Barabanovo. *C - akinakai de tipul Posmuş:* 1 - Tiszabercel; 2 - Firminiş; 3 - Aiud; 4 - Budeşti-Fînaţe; 5 - Mărişelu; 6 - Posmuş.

Fig. 5. Buterole în forma de cap de pasăre. 1 - Nižnij Čegem, m. 4; 2 - Nižnij Čegem, gr. 2; 3 - Verhnij Aul; 4-7 - Faskau; 8 - Klivana; 9, 15 - Koban; 10 - Nacargora, m. 495; 11 - Dvani, m. 4; 12 - Ahmylovo, m. 336; 13 - Patardzeuli; 14 - Firminiş; 16 - Vladimirovskij, m. 55; 17 - Majkop; 18 - Tlia, m. 246; 19 - Aleksandrovka; 20 - Sennoe-Nekrasovka; 21 - cetăţuia Paškovskoe-5; 22 - Surb-Haci; 23 - Staryj Krym; 24 - Insula Şerpilor (Leucos); 25 - Nisporeni; 26 - Repeahovataja Moghila (Matusov), m. 2.

Fig. 6. Distribuirea buterolelor în forma de cap de pasăre. *A - tipul digorian (Faskau), B - tipul Koban, C - tipul de tranziţie (Firminiş), D - tipul pontic (Matusov).* 1 - Firminiş; 2 - Nisporeni; 3 - Insula Şerpilor (Leucos); 4 - Repeahovataja Moghila (Matusov); 5 - Sennoe; 6 - Aleksandrovka; 7 - Surb-Haci; 8 - Staryj Krym; 9 - Vladimirovskij; 10 - cetăţuia Paškovskoe; 11 - Majkop; 12 - Verhnij Aul; 13 - Nižnij Čegem; 14 - Faskau; 15 - Koban; 16 - Tlia; 17 - Dvani; 18 - Nacargora; 19 - Klivana; 20 - Patardzeuli; 21 - Ahmylovo.

Бронза в изготовлении раннескифских акинаков

Резюме

Одним из признаков, указывающим на архаичность скифского клинкового оружия, является использование в изготовлении акинака бронзы, чаще всего в сочетании с железом. Технологию изготовления раннескифских биметаллических рукоятей возводят к «киммерийской схеме», в рамках которой изготавливались т. н. кинжалы кабардино-пятигорского типа. Самые поздние из них, скорее всего, доживают до середины VII в. до н.э., поэтому они вполне могут претендовать на роль прототипа скифского акинака. Биметаллическая технология досталась скифским оружейникам в наследство от предшествующей традиции, и первые биметаллические акинаки типа Гудермес возникли на рубеже VIII-VII вв. до н.э. на Кавказе. В Карпатском бассейне также известны раннескифские акинаки, изготовленные полностью либо частично из бронзы, – типа Посмуш. Эти кинжалы относятся к следующей по времени традиции – келермесской, которая также проникла в Причерноморье и в Карпато-Поднестровье с Кавказа. А тип Посмуш, возможно,

являлся переходным звеном, сочетавшим технологию бронзового литья и новую морфологию. О генетической связи акинаков типа Гудермес и Келермес свидетельствует ряд признаков: трехчастная рукоять в виде двух валиков с ромбической перемычкой и петля на рукояти. Биметаллические акинаки являются продуктом дальнейшей эволюции клинкового оружия производства «кавказской лаборатории». Можно предположить, что какое-то время они сосуществуют с кинжалами кабардино-пятигорского типа, например, в первой половине VII в. до н.э. Дальнейшее развитие скифского акинака и его широкое распространение в Причерноморье могли спровоцировать отказ от применения бронзы в связи со сложностями технологии и, возможно, доступом к сырью. Однако морфология нового продукта оказалась более устойчивой, что впоследствии привело к появлению новых типов изделий. В Карпато-Подунавье в раннескифское время происходит творческая переработка гудермесских и келермесских традиций. В результате в Трансильвании появились кинжалы типа Посмуш, а в Валахии – мечи типа Фериджиле, ареал которых не выходит за пределы региона, и они являются локальной особенностью. Анализ распространения раннескифских акинаков позволяет заключить, что проникновение клинкового оружия в Карпато-Подунавье проходило двумя основными маршрутами: на начальном этапе – по северной границе лесостепи в Трансильванию, и чуть позднее – по южной, в бараганскую степь.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Акинаки гудермесского типа. 1 - Полско Косово; 2 - хут. Степной, курган; 3 - Тли, п. 85; 4 - Харьковский исторический музей; 5 - Масловка; 6 - Покровка; 7 - Березовка «Караульная гора»; 8 - Орбяска де Сус; 9 - Стремц; 10 - Бужор; 11 - Кумбулта (Галиат, Фаскау); 12 - Лопатино; 13 - музей г. Златоуста; 14 - Райгород, курган 2; 15 - Шолохово, курган 13; 16 - Богучары; 17 - Градижск; 18 - Лапоть (бугор Стеньки Разина) близ г. Камышина; 19 - Лубнице; 20 - хут. Стеженский; 21 - Межгорье-Барабаново.

Рис. 2. Акинаки типа Посмуш (1-9) и бронзовые акинаки сибирского облика (10-13). 1 - Фирминиш; 2 - Аюд «Парк»; 3 - Посмуш; 4 - Тисаберцаль; 5, 7 - Мэришелу, п. 7; 6 - Мэришелу, п. 4; 8 - Мэришелу, п. 6; 9 - Будешть-Фынаце, п.6; 10 - Кызылту; 11 - Тимашовка; 12 - Боршод; 13 - Русские Фольварки.

Рис. 3. Комплексы с акинаками типа Посмуш: A - Будешть-Фынаце, п. 6; B - Аюд «Парк»; C - Мэришелу, п. 7; D - Мэришелу, п. 6; E - Мэришелу, п. 4; F - Посмуш.

Рис. 4. Распространение бронзовых и биметаллических акинаков. *A - бронзовые акинаки сибирского облика:* 1 - Боршод; 2 - Русские Фольварки (Каменец-Подольский); 3 - Тимашовка; 4 - Кызылту. *B - акинаки типа Гудермес:* 1 - Полско Косово; 2 - Орбяска де Сус; 3 - Стремц; 4 - Райгород; 5 - Градижск; 6 - Харьков; 7 - Богучары; 8 - Стеженский; 9 - Покровка; 10 - Масловка; 11 - Лопатино; 12 - Березовка; 13 - Златоуст; 14 - Лапоть; 15 - Бужор; 16 - Кумбулта; 17 - Степной; 18 - Тли; 19 - Лубнице; 20 - Шолохово; 21 - Межгорье-Барабаново. *C - акинаки типа Посмуш:* 1 - Тисаберцаль; 2 - Фирминиш; 3 - Аюд; 4 - Будешть-Фынаце; 5 - Мэришелу; 6 - Посмуш.

Рис. 5. Бутероли в виде головы хищной птицы. 1 - Нижний Чегем, п. 4; 2 - Нижний Чегем, п. 2; 3 - Верхний Аул; 4-7 - могильник Фаскау; 8 - Кливана; 9, 15 - Кобанский могильник; 10 - Нацаргора, п. 495; 11 - Двани, п.4; 12 - Старший Ахмыловский могильник, п. 336; 13 - Патардзеули; 14 - Фирминиш; 16 - Владимировский могильник, п. 55; 17 - Майкоп; 18 - Тли, п. 246; 19 - Александровка; 20 - Сенное-Некрасовка; 21 - Пашковское городище 5; 22 - Сурб-Хач; 23 - Старый Крым; 24 - о. Змеиный (Левке); 25 - Ниспоренский район; 26 - Репяховатая Могила, гробница 2.

Рис. 6. Распространение бутеролей в виде головы хищной птицы: *A - дигорский тип (Фаскау), B - кобанский тип (Кобань), C - переходный тип (Фирминиш), D - причерноморский тип (Матусов).* 1 - Фирминиш; 2 - Ниспорены; 3 - о. Змеиный (Левке); 4 - Репяховатая Могила (Матусов); 5 - Сенное; 6 - Александровка; 7 - Сурб-Хач; 8 - Старый Крым; 9 - Владимировский могильник; 10 - Пашковское городище; 11 - Майкоп; 12 - Верхний аул; 13 - Нижний Чегем; 14 - Фаскау; 15 - Кобан; 16 - Тли; 17 - Двани; 18 - Нацаргора; 19 - Кливана; 20 - Патардзеули; 21 - Старший Ахмыловский могильник.

10.04.2015

Denis Topal, University High Anthropological School, 10a Zimbrului Str., MD-2024 Chişinău, Republic of Moldova, e-mail: denis.topal@gmail.com

НЕСКОЛЬКО ОБРАЗЦОВ ИСКУССТВА ПАЛЕОЛИТА С ПАМЯТНИКОВ ГРУЗИИ

Гурам Чхатарашвили

Одним из важнейших этапов истории человечества является период древнекаменного века – верхний палеолит, который начался приблизительно 40-35 тыс. лет назад. В это время начинается формирование физического типа современного человека, возрастает количество типов каменных орудий, появляются орудия, сделанные из кости и рога, различные украшения и, что самое главное, зарождается искусство.

Вследствие развития человечества в этот период, расширяются знания первобытного человека о природной среде, что явственно отражается в первобытном искусстве. Как известно, искусство зародилось в начале верхнего палеолита и достигло определенного развития к концу этого периода. К этому времени человек уже способен отразить осознанный им мир в материальной форме. На потолках и стенах пещер он живописно изображает сцены охоты, в которых переданы действия, необходимые для выживания и существования. Первобытной человек не только изготавливает охотничьи орудия, но и изображает охоту, размышляя о том, как удачнее ее провести (Бердзенишвили, Ниорадзе 1991, 139).

Таким образом, искусство верхнего палеолита является исключительно реалистическим и свидетельствует об умственном прогрессе.

На территории Грузии, в отличие от Восточной Европы и Ближнего Востока, не имеется наскальных изображений. Хотя С. Замятниным в 1934 г. была зафиксирована интересная находка в с. Мгвимеви (Чиатурский р-он) (Замятнин 1937, 69-72). В частности, он обнаружил в одной из пещер Мгвимеви нацарапанные рисунки (рис. 1), которые датировал эпохой палеолита. С. Замятнин опубликовал фотографии и графические изображения этих образцов первобытного искусства. К сожалению, сегодня эти рисунки исчезают под воздействием кальцита.

Грузия, и в частности ее западная часть, богата памятниками верхнего палеолита, но количество памятников искусства этого периода здесь не велико. Можно отметить ожерелье из морских раковин (19 шт.) (рис. 2), обнаруженное в Сагварджиле. В верхней части украшения имеется отверстие, сделанное грубым орудием. Здесь же была найдена булавка из кости, плоские орнаментированные бусы треугольной формы (рис. 3), сделанные из камня, и шиловидное орудие, изображающее реалистичную фигурку рыбы (рис. 4) (Киладзе-Бердзенишвили 1953, 567; Чхатараш-

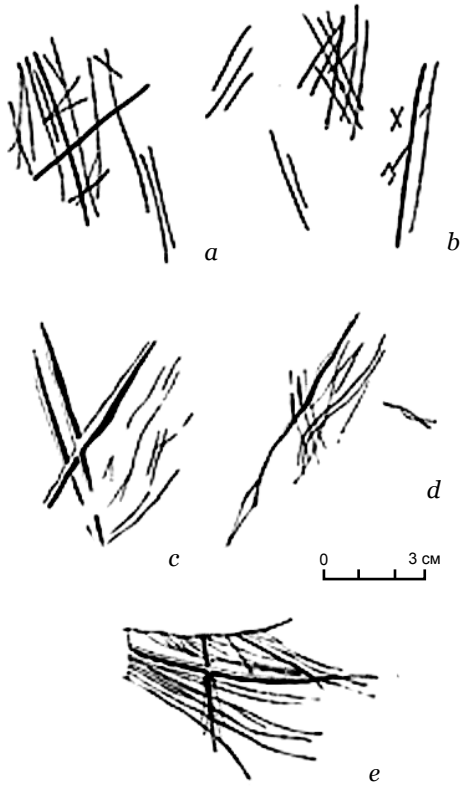


Рис. 1. Нацарапанные рисунки из пещер Мгвимеви.

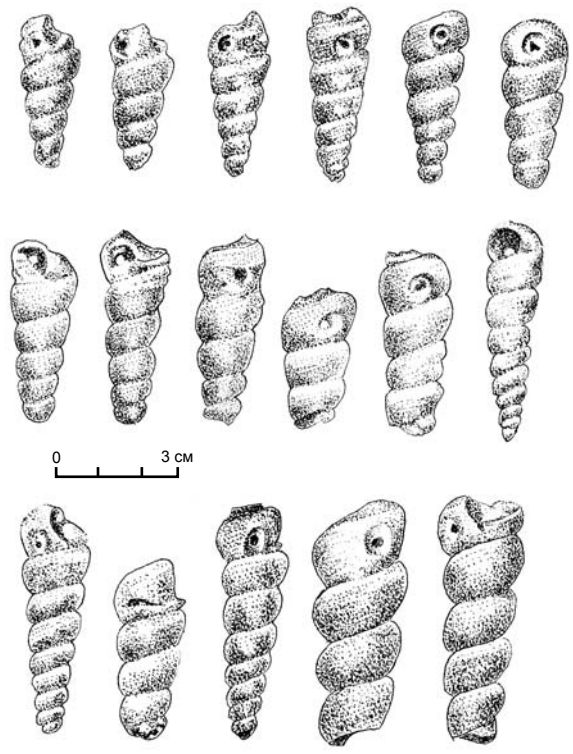


Рис. 2. Сагварджиле. Ожерелье из морских раковин.

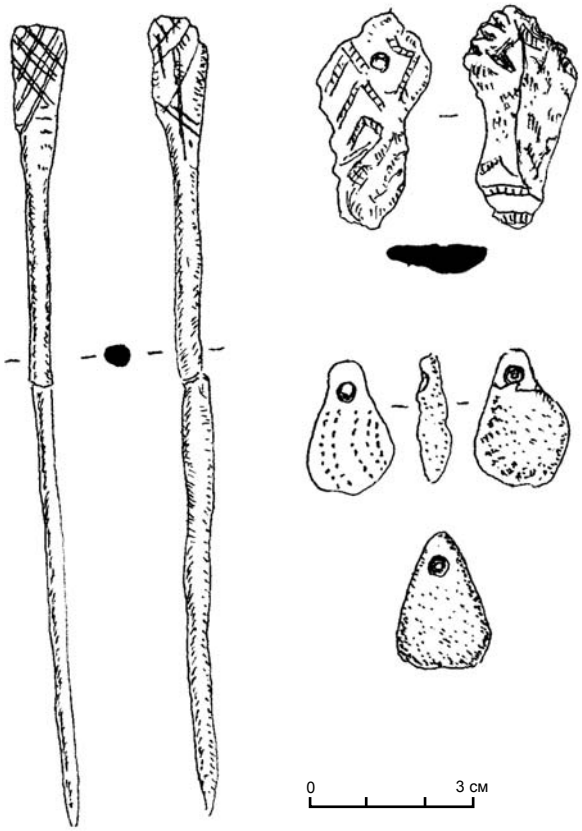


Рис. 3. Сагварджиле. Булавка из кости и плоские орнаментированные бусы треугольной формы.

Рис. 4. Сагварджиле. Фигурка рыбы.

вили 2013, 169-170). Фигурка симметрична, с хорошо выраженной рыбьей головой, рот отмечен маленьким отверстием. По центру головы имеется сквозное отверстие – «глаза», с помощью которого изделие, очевидно, можно было подвешивать.

По технике обработки этот артефакт относится к образцам искусства. Он несет в себе некую символику и, видимо, кроме практического назначения, имел и культово-магический смысл. Интересен и тот факт, что это орудие имеет форму форели. Должно быть, первобытный человек хорошо знал, как выглядит эта рыба, и поклонялся ее изображению (Церетели, Коркия 1991, 2-3).

Можно предположить, что данное изделие является символичным знаком рыбака, отражавшим род деятельности своего владельца. Возможно, по понятиям первобытных людей этот знак приносил удачу в ловле рабы. Таким образом, орудие в форме рыбы из Сагварджиле является явным свидетельством развития рыболовства.

В пещере Гварджилас-клде был найден фрагмент костяного «жезла вождя» (рис. 5) (Тушабрамишвили 1960, 81-83). Предмет отполирован с обеих сторон. На нем изображено по 7 двойных наконечников стрел или копий (Ниорадзе, Ниорадзе 2002, 6).

Весьма интересные и важные находки были обнаружены в пещере Дзудзуана. Охотники-собиратели, жившие в этой пещере, использовали украшения из морских раковин и зубов животных, имевшие культовое значение. Первобытные люди, которые в основном занимались охотой, обрабатывали зубы убитых животных и носили их как амулеты. Таких амулетов в пещере Дзудзуана найдено 10 экз. (Джакели 2008, 23).

Человек эпохи палеолита занимался обработкой не только кости и/или зуба, но и камня. В

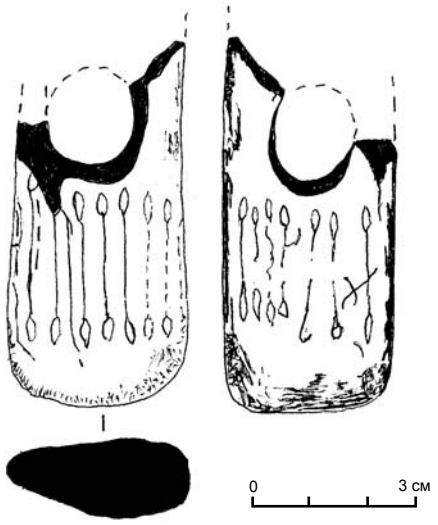


Рис. 5. Гварджилас-Клде. «Жезл вождя».

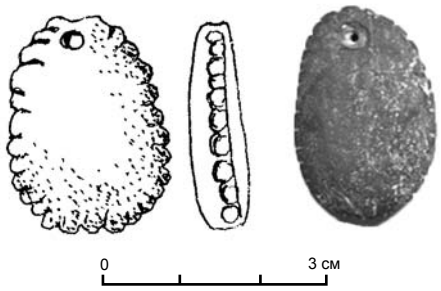


Рис. 6. Дзудзуана. Овальная подвеска.

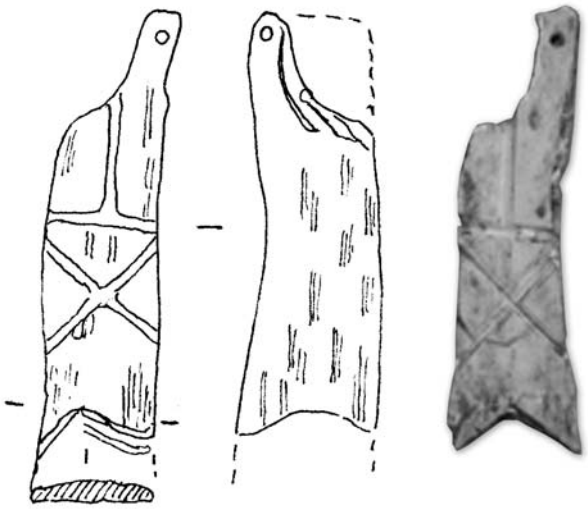


Рис. 7. Дзудзуана. Костяная подвеска с орнаментом.

Рис. 8. Дзудзуана. Фигурка «Венеры».

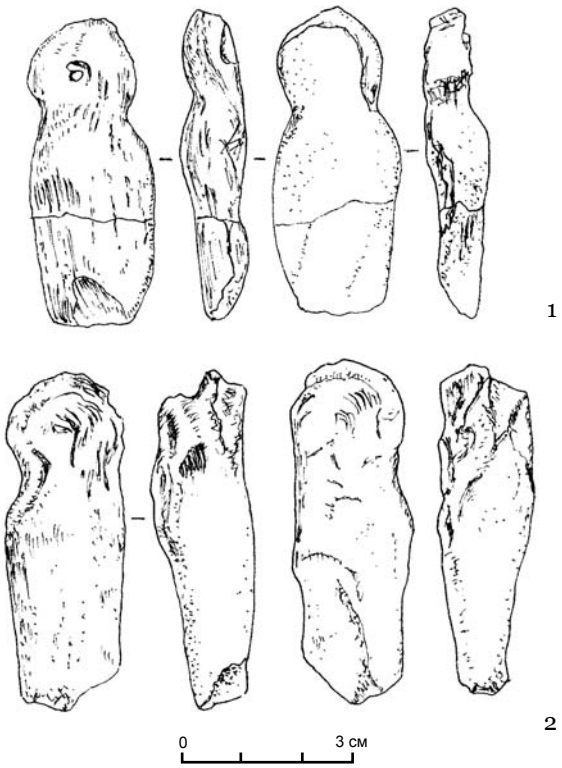


Рис. 9. Окуми. Скульптурные изображения человека.

Дзудзуане было найдено 3 каменных украшения – два из них являются бусинами и одно представляет собой овальную подвеску, имеющую на конце 31 насечку (рис. 6). Трудно определить, является ли насечка только орнаментом, или она имеет символическую нагрузку.

Кроме того, в пещере Дзудзуана была найдена орнаментированная костяная подвеска (рис. 7), датированная 22-21 тыс. лет до н. э., которая может считаться древнейшим украшением. Надо отметить, что на подвеске изображен т.н. наклонный крест, заключенный в круг, и расположенный над ним прямой крест. Как известно, первобытный человек мог легко ориентироваться в окружающей среде, и мож-

Рис. 10. Сацурблия. Бусы.

но предположить, что крест обозначал стороны света, а круг бесконечность (Мешвелиани и др. 2002, 24-25).

Также уникальной находкой можно считать найденную в Дзудзуане фигурку «палеолитической Венеры» (рис. 8). Как известно, на многих западноевропейских памятниках периода верхнего палеолита обнаружены фигурки «Венер», которые связаны с культом плодородия и продолжения рода (Мешвелиани и др. 2009, 27). Также следует отметить костяные скульптурные изображения человека (рис. 9), найденные в пещере Окуми (Абхазия) (Ниорадзе, Ниорадзе 2009, 34).

В 2012 г. в пещере Сацурблия были обнаружены бусы, сделанные из белемнита (рис. 10). Украшение такого типа является редким, и его существование указывает на то, что человек палеолита замечал все «экзотические» предметы и придавал им особую функцию (Мешвелиани и др. 2013, 2-3).

Таким образом, как мы видим, территория Грузии принадлежит к числу очагов зарождения и развития первобытного искусства, о чем свидетельствует несколько десятков палеолитических артефактов.

Библиография

Бердзенишвили, Ниорадзе 1991: Н. Бердзенишвили, М. Ниорадзе, Верхний палеолит. В: Археология Грузии, т. I (Тбилиси 1991), стр. 130-195 (на грузинском языке).

Джакели 2008: Н. Джакели, Древнейшие украшения и другие образцы искусства из памятника верхнепалеолитической стоянки Дзудзуана. В: Международный симпозиум грузинского искусства им. В. Беридзе (Тбилиси 2008), 23-24 (на грузинском языке)

Замятнин 1937: С.Н. Замятнин, Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатуры. СА 3, 1937, 57-77.

Киладзе-Бердзенишвили 1953: Н. Киладзе-Бердзенишвили, Многослойный археологический памятник «Сагварджиле». В: Моамбе, №XIV (Тбилиси 1953), 561-575 (на грузинском языке)

Мешвелиани и др. 2002: Т. Мешвелиани, Н. Джакели, О. Бар-Иосеф, А. Белфер-Коен, Возобновленная археологическая экспедиция в Дзудзуане (итоги полевых работ 2000 г.). Academia 3, 2002, 29-32 (на грузинском языке).

Мешвелиани и др. 2009: Т. Мешвелиани, О. Бар-Иосеф, А. Белфер-Коен, Н. Джакели, Уникальная коллекция грузинского верхнепалеолитического искусства из пещеры Дзудзуана. В сб.: Вестник национального музея Грузии, секция естественных наук и преистории, №1 (Тбилиси 2009), 22-32 (на грузинском языке).

Мешвелиани и др. 2013: Т. Мешвелиани, А. Векуа, Р. Чагелишвили, Н. Джакели, Подвеска из белемнита из пещеры Сацурблия. В сб.: Вестник национального музея Грузии, секция естественных наук и преистории, №5 (Тбилиси 2013), 20-23, (на грузинском языке).

Ниорадзе, Ниорадзе 2002: М. Ниорадзе Г. Ниорадзе, Образцы искусства верхнего палеолита с памятников западной Грузии. Дзиебани сакартвелос археологиаши 9, 2002, 5-14 (на грузинском языке).

Ниорадзе, Ниорадзе 2009: М. Ниорадзе Г. Ниорадзе, Скульптурные изображения палеолитического человека из пещеры Окуми. В сб.: Вестник национального музея Грузии, секция естественных наук и преистории, №1 (Тбилиси 2009), 33-45 (на грузинском языке).

Тушабрамишвили 1960: Д. Тушабрамишвили, Палеолитические останки в Гварджилас-клде (Тбилиси 1960), (на грузинском языке)

Церетели, Коркия 1991: Л.Д. Церетели, Л.О. Коркия, Рыболовство в Грузии в эпоху камня (Тбилиси 1991).

Чхатарашвили 2013: Г. Чхатарашвили, Рыболовство каменной эпохи Западной Грузии (по данным археологических материалов). В сб.: Саисторио Мацне (Батуми 2013), 168-176 (на грузинском языке).

Câteva exemple ale artei paleolitice de pe teritoriul Georgiei

Rezumat

În articol sunt prezentate câteva exemple ale artei paleolitice descoperite pe teritoriul Georgiei. Una dintre cele mai vechi piese, care se datează cu 22000-21000 BP, a fost descoperită la Dzudzuana şi reprezintă un pandantiv ornamentat din os. De asemenea, sunt atestate: coliere, mărgele, figurine din os etc.

Toate aceste descoperiri vin să demonstreze că teritoriul Georgiei poate fi considerat unul dintre cele mai vechi spaţii, unde a apărut şi s-a dezvoltat arta paleolitică.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Imagini incizate din peşterile Mgvimevi.
Fig. 2. Sagvardzhile. Colier din scoici.
Fig. 3. Sagvardzhile. Ac din os şi mărgele de formă triunghiulară ornamentate.
Fig. 4. Sagvardzhile. Figurină de peşte.
Fig. 5. Gvardzhilas-Klde. „Sceptru”.
Fig. 6. Dzudzuana. Pandantiv de formă ovală.
Fig. 7. Dzudzuana. Pandantiv ornamentat din os.
Fig. 8. Dzudzuana. Figurină feminină – „Veneră”.
Fig. 9. Okumi. Figurine antropomorfe.
Fig. 10. Satsurbliya. Mărgele.

Some samples of art of the Paleolithic period from Georgian Stone Age sites

Abstract

In this paper we discussed ancient art and its origin as well as some interesting samples from Georgian Stone Age sites. One of them is the earliest sample of jewelry discovered so far on the territory of Georgia and dates back to 22-21 thousand years BP. Besides there are other interesting samples, such as beads, tools in the form of a fish, adornments and so on.

So, according to the Paleolithic art materials, Georgia can be characterized as one of the oldest places of origin and development of Paleolithic art in Europe.

List of illustrations:

Fig. 1. Scribbled drawings from the Mgvimevi caves.
Fig. 2. Sagvardzhile. A necklace of seashells.
Fig. 3. Sagvardzhile. Bone pin and ornamented flat beads of triangular shape.
Fig. 4. Sagvardzhile. The figurine of a fish.
Fig. 5. Gvardzhilas-Klde. “Leader’s Baton”.
Fig. 6. Dzudzuana. Oval Pendant.
Fig. 7. Dzudzuana. Ornamented bone pendant.
Fig. 8. Dzudzuana. The figurine of “Venus”.
Fig. 9. Okumi. Human sculptures.
Fig. 10. Satsurbliya. Beads.

12.12.2014

Гурам Чхатарашвили, Батумский Археологический Музей, ул. Чавчавадзе, 177-А, Батуми, Грузия, e-mail: gurami.chxa87@yahoo.com

PLASTICA ANTROPOMORFĂ DIN AŞEZAREA CUCUTENI A DE LA DURUITOAREA VECHE I (raionul Râşcani, Republica Moldova)

Stanislav Ţerna
Mariana Vasilache

Introducere

Din cercetările siturilor etapei Cucuteni A de pe teritoriul actual al Republicii Moldova provin mai multe colecţii de plastică antropomorfă, cele mai mari referindu-se la siturile Ruseştii Noi – 51 exemplare (Кусургашева 1970), Druţa I – 100 exemplare (Палагута 1994), Duruitoarea Veche I şi Putineşti III - 120 exemplare (Sorochin 2002, 139). Dintre acestea, doar plastica de la Ruseştii Noi este publicată integral, figurinele de la Druţa rămânând inedite[1], iar colecţiile din Duruitoarea Veche I şi Putineşti III fiind introduse doar parţial în circuitul ştiinţific de către V. Sorochin, de la Duruitoarea fiind publicate 48 din totalul de 82 piese[2] (Sorochin 2002, fig. 123-124; Кетрару 1964, рис. 6/10-12), iar de la Putineşti – 31 din 120 figurine (Sorochin 2002, fig. 122, 128-130). La acestea mai putem adăuga colecţia de la Polivanov Yar III (Ucraina), din bazinul Nistrului, cu 35 exemplare, dintre care au fost ilustrate 25 piese (Попова 2003) (fig. 1A).

Astfel, principalele colecţii de plastică antropomorfă de pe siturile Cucuteni A dintre Prut şi Nistru rămân, cu mici excepţii, publicate insuficient, fapt regretabil în contextul studierii aprofundate a acestei etape cronologice.

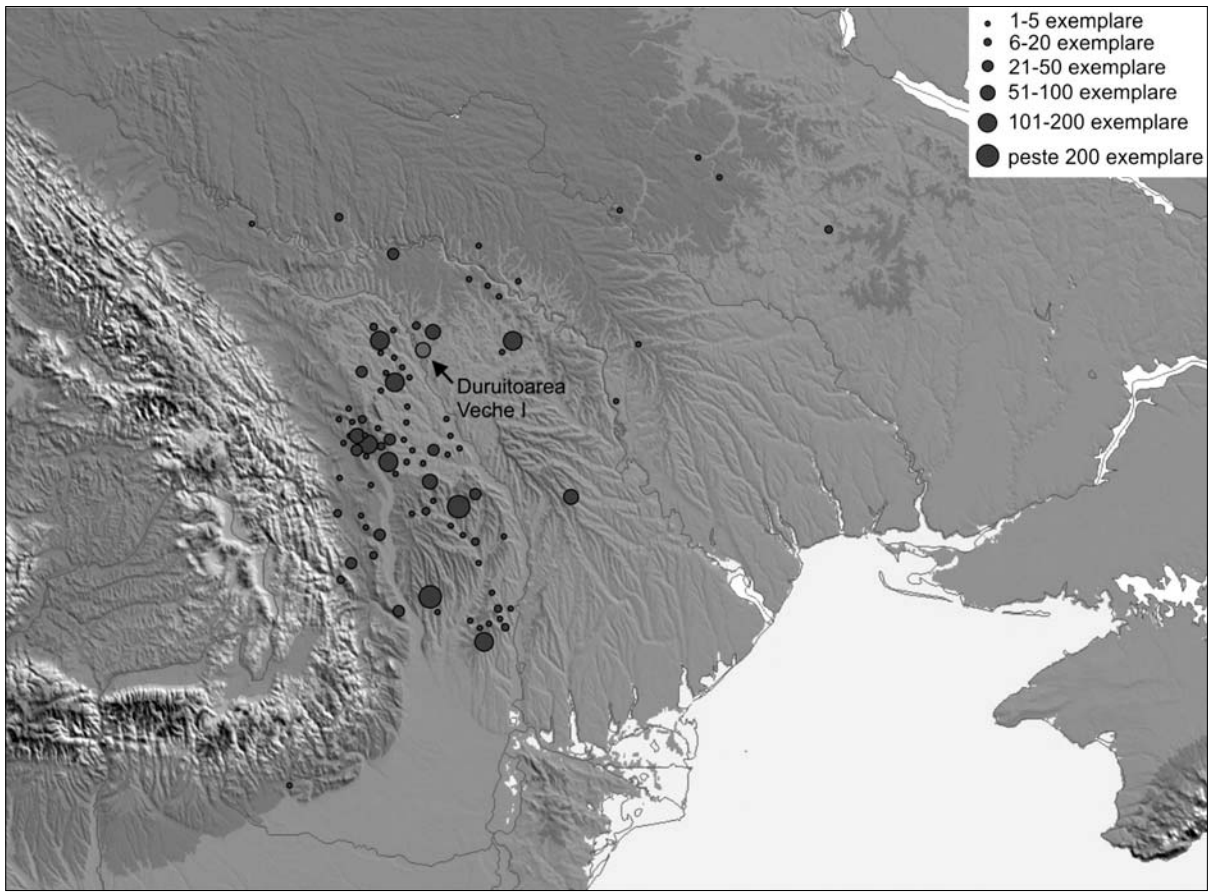
În prezentul articol ne propunem introducerea integrală în circuitul ştiinţific a uneia dintre principalele colecţii de plastică antropomorfă Cucuteni A, cea din aşezarea Duruitoarea Veche I. Pe lângă faptul că mai multe figurine aflate în fondurile ştiinţifice ale Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (Chişinău) sunt inedite, am considerat oportună şi republicarea unor piese ilustrate în monografia lui Victor Sorochin, ale căror desene erau eronate sau incomplete.

Informaţii despre sit

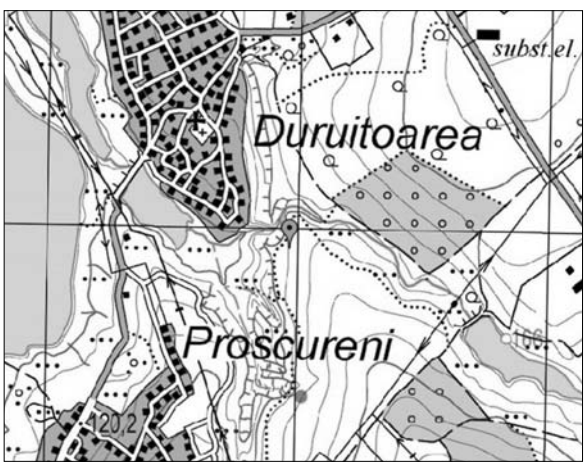
Aşezarea cucuteniană de la Duruitoarea Veche I a fost semnalată în anul 1958 de către N. Chetraru, care a colectat de pe suprafaţa solului mai multe materiale eneolitice (ceramică cu decor incizat, pictat şi canelat, unelte din piatră, silex şi os), incluzând trei fragmente de figurine antropomorfe (Кетрару 1964, 262-265, рис. 6-7; informaţii despre sit şi în Маркевич 1973, nr. 73). Aşezarea se află pe un promontoriu înalt şi abrupt, cu maluri stâncoase (fig. 1B), la 800 m (250 m SE de la extremitatea de sudică a satului - apud Sorochin 1997) spre este de Prut, între pârâul Duruita şi prima terasă a râului Ciugur, având coordonatele geografice 47°52'12.51" N şi 27°15'59.52" E, cu o altitudine de 145 m deasupra nivelului mării (conform datelor oferite de Google Maps). Aceasta ocupa o suprafaţă de aproximativ 6 ha (Popovici 2000) sau 250×250 m (Sorochin 1997).

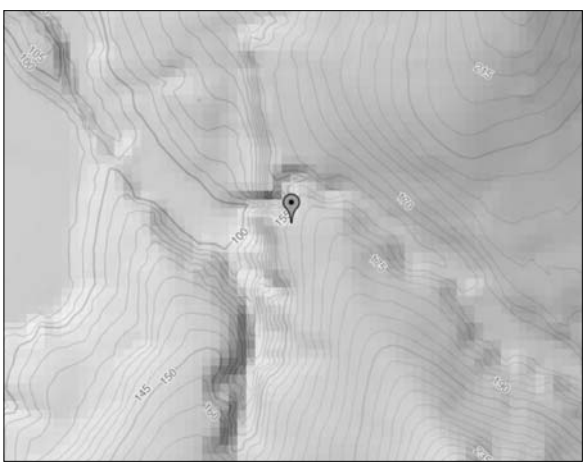
În anul 1973, V. Marchevici şi E. Cernyš au realizat săpături arheologice în cadrul aşezării. Din păcate, toată informaţia despre aceste cercetări se rezumă la o mică notă (Маркевич, Черныш 1974), preluată şi de alţi cercetători care au apelat la materialele din aşezare (Sorokin 1994, 69; Sorochin 2002, 51). Conform acestei note, în cursul săpăturilor a fost dezvelită o locuinţă de suprafaţă cu dimensiunile de 17×6,5 m (Маркевич, Черныш 1974, 424)[3]. Actualmente colecţia numără 492 unităţi: 77 statuete antropomorfe, 6 figurine zoomorfe, 27 vase întregi şi fragmentare, 3 fragmente de plăcuţe din cupru, 5 piese fragmentare din os, 8 pintandere, 14 tesle fragmentare de şist, 2 topoare din şist, dintre care unul întreg şi unul fragmentar, 11 fragmente de râşniţă din gresie şi 9 pietre/frecătoare din gresie. Cea mai mare

[1] Materialele din cercetările de la Druţa se păstrează la Universitatea de Stat din Moscova.
[2] Figurina nr. 33 trebuie să fie datată cu etapa Cucuteni B, conform parametrilor morfologico-stilistici.
[3] Materialele descoperite în urma cercetării locuinţei se află în gestiunea Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei în colecţiile cu numerele de inventar: FB-29592, FA-11883 şi FB-29348, FA-11776.



A





B

Fig. 1. A - Distribuţia siturilor cu plastică antropomorfă din etapa Cucuteni A - Tripolie B1; B - localizarea aşezării Duruitoarea Veche I.

parte a colecţiei constă din unelte şi aşchii de silex – 330 unităţi. Colecţia face parte din fondul de bază şi auxiliar al muzeului. Starea de conservare a pieselor este relativ bună, vasele ceramice urmând a fi restaurate.

Analiza materialului ceramic a permis încadrarea aşezării în etapa A_4 şi descrierea ei drept parte componentă a ultimei grupe cronologice a aspectului cucutenian Drăguşeni-Jura (Sorochin 2002, 171).

Tehnologie

Modalitatea de realizare a statuetelor analizate în acest studiu respectă categoriile menţionate în lucrări de specialitate anterioare (Sorochin 2002). Piesele au fost modelate din mai multe bucăţi (două sau trei, în cazul nostru) şi au fost completate ulterior cu elemente decorative.

Statuetele au fost modelate din pastă fină de lut. Resturi de şamotă de granulaţie mică se întâlnesc în cazul a 15 statuete, restul nu au urme de degresanţi vizibili. O singură statuetă are urme de granule de ocru în pastă (fig. 4/43).

Unul din detaliile tehnologice ale plasticii de la Duruitoarea Veche I rezidă în modalitatea de confecţionare treptată a statuetelor. Membrele sau torsul erau realizate iniţial dintr-un miez de lut, ulterior detaliile fiind unite iar compoziţia acoperită cu un strat fin de lut care întregea piesa şi pe care, ulterior, era aplicat decorul (fig. 2/3, 2/17, 6/58). Din totalul de figurine studiate, 20 de piese fac parte din categoria statuetelor modelate din două părţi, restul pieselor demonstrând indicii de modelare unitară separată din trei părţi – găuri de la tijele de fixare şi cavităţi rămase de la locurile unde se uneau membrele cu torsul (fig. 2/8, 2/11, 2/15, 3/18, 3/20, 3/21, 4/39, 5/54, 6/59, 6/60).

Adăugarea ulterioară a unor porţiuni specifice sau a elementelor de decor poate fi urmărită în cazul statuetelor cu nr. 6, 7, 56, 62 (decorarea taliei cu brâie), 58, 73 (alipirea fesei, -lor), 7, 14, 30 (reprezentarea caracterelor sexuale).

Arderea pieselor a avut loc atât în medii oxidante cât şi reducătoare (fig. 2/10), dar au suferit şi arderi secundare, accidentare sau intenţionate, care au dus la vitrificarea pieselor (fig. 6/67).

Morfologie

Poziţia reprezentărilor antropomorfe este un aspect definitoriu în procesul studiului plasticii cucuteniene. Conform clasificării realizate de D. Monah, statuetele culturii Cucuteni pot fi repartizate în trei mari categorii: 1. reprezentări verticale; 2. reprezentări şezânde şi 3. diverse (Monah 1997). În cazul de faţă, statuetele se încadrează în primele două grupuri/categorii. Cu o încadrare inechivocă în primul grup sunt statuetele din fig. 2/1, 2/2, 2/3, 2/11, 2/15, 3/32, 4/38 şi 5/55. Restul statuetelor corespund criteriului „poziţie verticală”.

Sublinierea caracterului sexual şi apartenenţa la un gen sau altul a fost urmărită în cazul statuetelor din fig. 2/7 şi 2/14 – caractere masculine, şi fig. nr. 3/30 – feminine.

Specifice etapei A şi, respectiv, colecţiei noastre, sunt statuetele antropomorfe cu capul conic sau slab aplatizat/bilobat cu redarea ochilor prin două orificii (fig. 3/33), a nasului printr-o nervură verticală (fig. 2/8) sau prin absenţa detaliilor faciale.

Umerii sunt redaţi prin proeminenţe conice rotunjite (fig. 2/8, 4/38, 7/76) sau lipsesc cu desăvârşire (fig. 3/28, 3/33, 5/47, 6/64, 6/66, 6/68).

Statuetele au trunchiul cvasitriunghiular (fig. 2/8, 5/49, 6/62, 6/66), trapezoidal (fig. 4/37, 4/40) sau cilindric care trece în zona umerilor, mai lată, cu braţele de forma unor amorse orizontale (fig. 2/4, 2/5, 4/38, 7/74, 7/76). Pe reversul statuetei nr. 30 este redată schematic coloana vertebrală.

Coapsele şi fesele sunt proeminente, bombate.

Partea inferioară a statuetelor de asemenea este diferenţiată după maniera în care au fost modelate picioarele. Astfel, cea mai mare parte a statuetelor au fost redate cu picioarele alipite (fig. 2/3, 2/4, 2/5, 4/38), deşi pot fi observate şi exemplare care au avut picioarele redate separat (fig. 2/7, 2/14). Remarcăm faptul că, în cazul nostru, statuetele redate cu picioarele separate au caractere masculine.

Stilistică

Din numărul total de 82 figurine, atribuite fazei Cucuteni A, 64 sunt ornamentate şi 18 nu poartă decor[4]. Decorul este compus din elemente stilistice de mai multe tipuri. Predomină cel incizat (prezent pe 45 fragmente) sau incizat combinat cu şiruri punctate (10 figurine). Elemente plastice ale decorului sunt prezente pe cinci piese; încă pe două decorul plastic este combinat cu cel punctat. Pe alte două piese sunt prezente urme de pictură.

Astfel, marea majoritate a fragmentelor de figurine poartă decor incizat (uneori, în combinaţie cu şiruri din puncte), fapt ce corespunde perfect binecunoscutului canon stilistic al plasticii Cucuteni A.

[4] Nu este exclus ca cel puţin o parte dintre exemplarele nedecorate să fi fost iniţial pictate.

În continuare, vom prezenta ceva mai detaliat fiecare tip de decor.

Decorul incizat separat şi combinat cu punctiform. Vom considera ambele tipuri de ornament împreună, pentru că decorul punctiform practic are un rol secundar faţă de cel incizat, scoţând în evidenţă anumite elemente ornamentale (accesorii?).

Capul figurinelor este în toate cazurile lipsit de decor, acesta începând pe gât, cel mai des în forma unor V-uri succesive, care coboară spre corpul figurinei (fig. 5/49, 6/66, 7/76). Corpul statuetelor, în faţă, poartă un decor alcătuit din linii orizontale, unghiulare sau puţin curbate. Pe unele figurine, acest decor este suplinit de şiruri din puncte; astfel, piesa nr. 49 poartă un şir vertical de puncte pe mijloc, sub V-urile de pe gât şi între liniile laterale incizate, iar pe corpul piesei nr. 66 este prezent un şir orizontal din puncte, încadrat între două linii orizontale (brâu?), deasupra cărora se află V-urile de pe gât, iar dedesubt – linii laterale orizontale. Pe abdomenul figurinelor 4, 5, 30, 37, 47, 81 sunt aplicate figuri mai complexe, rombice, care încadrează incizii oblice, motive spiralate şi, uneori, puncte dispuse cruciform sau organizate în rânduri scurte. Spatele figurinelor poartă aceleaşi motive ornamentale. Şi aici găsim romburi, amplasate însă ceva mai sus (piesele 4, 5, 81) sau mai jos de cele din faţă (piesa 37). Pe una din figurine, a cărei parte inferioară s-a păstrat integral (piesa 4), rombul de pe spinare are la bază un şir de puncte, încadrat între două linii, în forma literei V cu marginile larg desfăcute.

Triunghiul pubic nu este redat clar, însă poate fi dedus din tectonica generală a decorului, anume din poziţionarea laturilor inferioare ale figurilor rombice şi a unor linii oblice în formă de V. Decorul de pe partea inferioară continuă stilistica părţii superioare, cu aceleaşi linii unghiulare incizate ce „înfaşă” picioarele figurinei. Uneori, liniile incizate alternează cu unul sau mai multe şiruri punctate, paralele sau oblice (piesele 21, 39). Se remarcă piesa nr. 10, pe picioarele căreia este aplicat un decor liniar de tip „şorţ”, plasat sub un „brâu” punctat. Fesele figurinelor sunt şi ele ornamentate cu linii unghiulare, semicercuri concentrice, ove şi romburi. Pe piesa nr. 41, este interesantă prezenţa unui brâu punctat deasupra fesei, la baza spinării.

În general, stilistica motivelor ornamentale incizate şi incizate/punctate corespunde canoanelor plasticii Cucuteni A (vezi Погожева 1983, 51-59; Sorochin 2002, 139-147; Monah 2012, 102-108).

Decorul plastic separat şi combinat cu punctiform. Se întâlneşte pe şapte figurine. Pe patru dintre ele (nr. 6, 7, 27, 56) plastic este redată centura în forma unei benzi înguste din lut, aplicată peste fesele figurinei după modelarea acestora; banda este ornamentată printr-un şir de puncte sau incizii scurte verticale. Interesantă este figurina nr. 56, al cărei brâu, în faţă, este compus din discuri miniaturale din lut. Pe o altă figurină, nr. 62, decorul plastic reprezintă o diagonală/eşarfă, modelată şi ea dintr-o bandă subţire de lut, aplicată de pe umărul stâng şi trecută pe sub cel drept. Capetele acesteia sunt suprapuse. Ultima figurină cu decor plastic este cea sub nr. 74, pe spatele căreia se poate observa extremitatea inferioară a unei benzi din lut, cu vârful desfăcut şi două incizii scurte verticale. Din păcate, partea superioară a piesei este ruptă. Cel mai probabil, banda plastică respectivă reprezintă resturile unei coafuri sau ale unui acoperământ pentru cap.

Brâiele şi diagonalele/eşarfele reprezintă un atribut caracteristic plasticii etapei Cucuteni A, respectiv nu vom stărui prea mult asupra analogiilor (vezi o trecere în revistă a acestor elemente în Monah 2012, 102). Interesante sunt două aplicaţii plastice: brâul cu discuri al figurinei nr. 56 şi coafura sau acoperământul pentru cap de la figurina nr. 74. Prima poate reprezenta un brâu compus din discuri de lut sau metal, similare celor din tezaurele cucuteniene de la Brad sau Hăbăşeşti (Dumitrescu 1957; Ursachi 1992), considerate însemne ale puterii şi simboluri ale statutului social (Enea 2008; Mareş 2012, 222 şi urm.; pentru o discuţie mai amplă a discurilor metalice în Europa de sud-est vezi Хансен 2013). În ceea ce priveşte coafura/acoperământul pentru cap, acestea apar foarte rar pe plastica Cucuteni A, căpătând o răspândire mai amplă începând cu etapa Cucuteni AB (Monah 2012, 124; Burdo 2014, 320 şi urm.).

O figurină mai specială este cea sub nr. 64, unde decorul punctiform joacă rol central şi nu auxiliar ca în toate celelalte cazuri. În faţă, aceasta are o combinaţie dintre un şir din şase puncte şi un brâu uşor reliefat, ambele reprezentând un colier (pentru analogii şi discuţie vezi Ţurcanu 2011). Pe spate, alte trei şiruri verticale redau, cel mai probabil, părul personajului antropomorf.

Decorul pictat. Două figurine poartă urme de pictură roşie care, cel mai probabil, acoperea iniţial întreg corpul sau o mare parte a lui.

Fragmentare

Gradul sporit de fragmentare a statuetelor din neo-eneoliticul Europei de sud-est a atras de mai mult timp atenţia specialiştilor, discutându-se despre un probabil caracter intenţionat de spargere a figurinelor şi chiar utilizarea fragmentelor acestora în cadrul unor ritualuri sau stabilirea unor legături social-simbolice dintre membrii aceleiaşi sau diferitor comunităţi (doar câteva titluri: Chapman 2000; Hansen 2007, 351-354; Chapman, Gaydarska 2007; Lazarovici, Lazarovici 2008; Becker 2012; Чепмэн, Гайдарска 2015).

Nu vom insista aici prea mult pe cadrul teoretico-metodologic al cercetării fragmentării figurinelor, pentru aceasta putând fi consultate titlurile de mai sus cu literatura aferentă. Vom evidenţia doar câteva aspecte, care ni se par importante:

– studiul fragmentării trebuie să fie realizat pe un eşantion cât mai mare şi reprezentativ, pe siturile săpate pe scară largă;
– este necesară diferenţierea fragmentelor care puteau proveni de la spargeri accidentale sau spargeri cu aplicarea unui efort fizic minimal, de acele fragmente care ar putea proveni de la spargeri intenţionate, cu aplicarea unui efort fizic considerabil;
– această diferenţiere se poate face doar studiind tehnologia de modelare a statuetelor, inclusiv prin metode experimentale (o tentativă în acest sens în Gheorghiu 2005, 2010), pentru a depista punctele de rezistenţă mecanică maximă şi minimă în construcţia figurinei;
– studiul fragmentării urmează a fi realizat cu atenţie deosebită asupra contextului de descoperire a figurinelor.

După cum s-a indicat la începutul studiului, nu dispunem de date contextuale privind distribuţia plasticii de la Duruitoarea Veche în cadrul locuinţei/sitului. Din această cauză, analiza fragmentării pieselor va fi una redusă.

Astfel, plastica de la Duruitoarea a fost divizată în 22 tipuri de fragmentări, pornind de la morfologia fragmentelor păstrate (fig. 8A), frecvenţa acestor tipuri fiind ilustrată printr-o histogramă (fig. 8B). Pentru 10 fragmente nu a fost posibilă stabilirea exactă a tipului de fragmentare. În rest, cele mai multe figurine prezintă tipurile de fragmentare 4, 7, 11, 12, 17, 18, 20, fiecare dintre ele incluzând cel puţin patru piese. Majoritatea acestor tipuri corespund tehnologiei de modelare a pieselor, fiind vorba despre spargerile longitudinale ale membrelor inferioare, pe axul lung al figurinei, sau spargeri transversale pe corp, perpendiculare axului lung al statuetelor. Aici putem presupune spargerea accidentală sau cu aplicarea unui efort minim (aruncare de la o anumită înălţime etc.). În acelaşi timp, pentru unele tipuri (nr. 2, 7, 19-22) fragmentarea accidentală pare a fi mai puţin probabilă. Spargerea acestor figurine s-a produs pe segmente care au o rezistenţă fizică mai înaltă, necorespunzând locurilor mai subţiri sau de îmbinare a diferitor părţi la modelare. Pentru a le sparge a fost necesar un efort fizic mai considerabil – lovirea cu putere sau utilizarea unei suprafeţe auxiliare. Acestea pot fi considerate rezultate dintr-o spargere intenţionată.

Suntem convinşi, că o analiză mai desfăşurată pe loturi de statuete din diferite etape şi de pe diferite situri, fiind combinată cu un studiu contextual, ar putea furniza un răspuns clar şi statistico-veridic la întrebarea despre fragmentarea intenţionată a plasticii antropomorfe în cultura Cucuteni-Tripolie, dar şi în alte culturi neo-eneolitice din Europa de Sud-Est. Datele succinte prezentate de noi mai sus constituie doar o primă încercare în acest sens, care, abordată separat, nu conţin totuşi prea multă informaţie empirică şi urmează a fi verificată pe materialele altor situri. Considerăm că în viitor studiul fragmentării trebuie să devină o parte componentă obligatorie a cercetării şi introducerii în circuitul ştiinţific a colecţiilor de plastică antropomorfă neo-eneolitică.

Catalogul figurinelor antropomorfe

1. Fragment de statuetă antropomorfă feminină (fig. 2/1) modelată din pastă fină de lut în amestec cu şamotă de granulaţie mică. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-cărămizie. Fragmentul reprezintă coapsa dreaptă. Piesa a fost modelată unitar şi ulterior anexată părţii a doua, indiciu servind gaura de pe interiorul fragmentului, gaură rămasă de la tija de lemn care fixa jumătăţile. Piesa a fost decorată cu incizii liniare orizontale paralele, oblice paralele care formează unghiuri. H – 9,4 cm, l – 4,9 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-113. Inedită. Tip fragmentare 11.

2. Fragment de statuetă antropomorfă feminină (fig. 2/2) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Fragmentul reprezintă coapsa stângă a statuetei modelată separat şi ulterior alipită unei a doua jumătăţi, fapt indicat de micul orificiu din interiorul piesei. Decorul reprezintă incizii în linii, benzi şi spirale cu cercuri concentrice, semiove şi romburi. H – 6,3 cm, l – 5,8 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-112. Inedită. Tip fragmentare 14.

3. Fragment de statuetă antropomorfă feminină (fig. 2/3) modelată din pastă fină de lut în amestec cu şamotă de granulaţie mică. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea galben-cărămizie. Fragmentul reprezintă coapsele separate printr-o incizie verticală şi picioarele unite, de formă triunghiulară. Piesa este decorată cu incizii oblice paralele. În urma "spargerii" piesei pe longitudine a putut fi observată tehnica modelării: miez de lut realizat în prealabil, acoperit ulterior cu o pastă/tencuială care a finisat piesa şi pe care a fost aplicat decorul incizat. H – 9,5 cm, l – 4,3 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-111. Publicată: Sorochin 2002, fig. 124/5. Tip fragmentare 10.

4. Fragment de statuetă antropomorfă feminină (fig. 2/4) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea gri-bej. Piesa este decorată cu incizii oblice paralele pe toată suprafaţa. Pe abdomen a fost incizat un romb care încadrează o spirală orizontală şi trei rânduri de puncte. Abdomenul este aplatizat, coapsele bine evidenţiate şi picioarele unite, conice. H – 10,2 cm, l – 3,4 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-110. Publicată: Sorochin 2002, fig. 124/4. Tip fragmentare 9.

5. Fragment de statuetă antropomorfă feminină (fig. 2/5) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Piesa este decorată cu incizii oblice paralele pe toată suprafaţa. Pe abdomen a fost incizat un romb ce încadrează incizii oblice şi puncte. H – 6,3 cm, l – 2,3 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-109. Publicată: Sorochin 2002, fig. 124/6. Tip fragmentare 9.

6. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 2/6) modelată din pastă de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Fragmentul reprezintă piciorul stâng al unei statuete şezânde (?) care are aplicat în jurul taliei un brâu decorat cu incizii punctiforme. H – 4,9 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-185. Inedită. Tip fragmentare 18.

7. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 2/7) modelată din pastă de lut în amestec cu şamotă de granulaţie mică. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-cărămizie. Fragmentul reprezintă torsul şi piciorul stâng al unei statuete masculine; suprafaţa este netezită iar în jurul taliei a fost aplicat un brâu decorat cu crestături verticale paralele. H – 6,4 cm, l – 3,6 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-184. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/26. Tip fragmentare 21.

8. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 2/8) modelată din pastă de lut. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-cărămizie. Fragmentul reprezintă partea superioară a unei statuete: torsul, umerii şi capul, ultimele redate stilizat prin proeminenţe rotunjite. H – 8,3 cm, l – 3,5 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-183. Publicată: Sorochin 2002, fig. 124/2. Tip fragmentare 2.

9. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 2/9) modelată din pastă de lut. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-cărămizie. Fragmentul este puternic fisurat şi prezintă, probabil, o parte dintr-un picior. H – 3,6 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-182. Inedită. Tip fragmentare necunoscut.

10. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 2/10) modelată din pastă de lut. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea neagră-gri. Fragmentul reprezintă picioarele unei statuete. Suprafaţa a fost decorată cu incizii liniare orizontale şi oblice paralele. H – 5 cm, l – 2,7 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-181. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/13. Tip fragmentare 10.

11. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 2/11) modelată din pastă de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Fragmentul reprezintă piciorul drept al unei statuete. Acesta a fost modelat separat şi ulterior lipit de-al doilea (indiciu – orificiul tijei de fixare). Suprafaţa a fost decorată cu incizii liniare orizontale şi oblice paralele care formează unghiuri şi benzi. H – 4,7 cm, l – 2,2 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-180. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/11. Tip fragmentare 18.

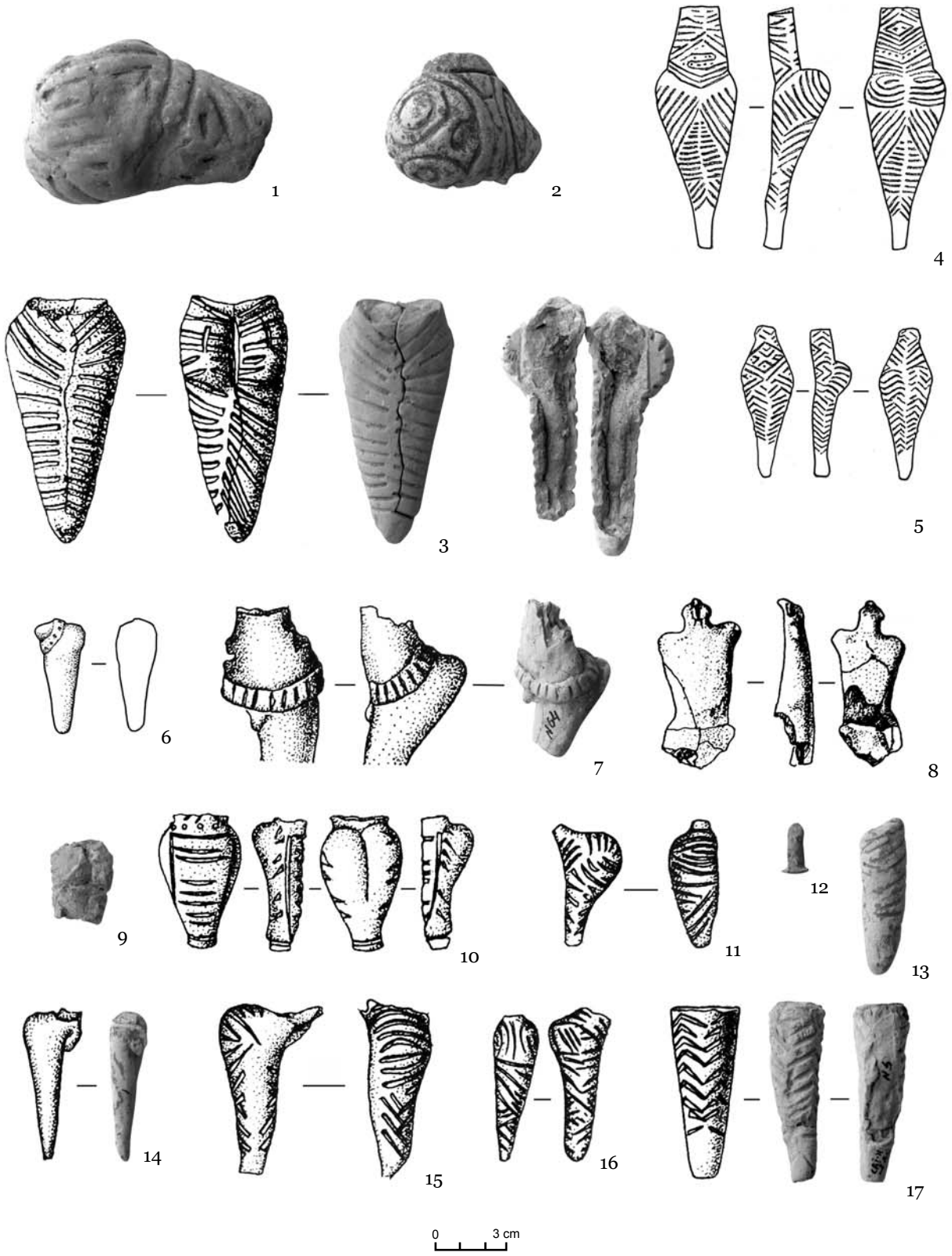


Fig. 2. 1-17 - Plastică antropomorfă din situl Duruitoarea Veche I (cifrele corespund numerotării din catalog).

12. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 2/12) modelată din pastă de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea gri. Fragmentul reprezintă capul (?) unei statuete. H – 2,2 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-179. Inedită. Tip fragmentare 3.

13. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 2/13) modelată din pastă de lut. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea bej-gri. Fragmentul reprezintă piciorul drept al unei statuete. Acesta a fost modelat separat. Suprafaţa a fost decorată cu incizii liniare oblice paralele. H – 6,4 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-178. Inedită. Tip fragmentare 20.

14. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 2/14) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Fragmentul reprezintă piciorul drept al unei statuete antropomorfe masculine, (?) suprafaţa este netezită. În jurul taliei a fost aplicat un brâu de la care a rămas doar urma. De asemenea, pe suprafaţa statuetei pot fi observate urme de vopsea roşie (ocru/pictură?). H – 6,4 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-177. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/28. Tip fragmentare 17.

15. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 2/15) modelată din pastă de lut. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea bej-cărămizie. Fragmentul reprezintă piciorul drept al unei statuete. Acesta a fost modelat separat şi unit printr-o tijă de cel de-al doilea. Suprafaţa a fost decorată cu incizii liniare, oblice, paralele care formează unghiuri. L – 7 cm, l – 3,8 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-176. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/5. Tip fragmentare 17.

16. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 2/16) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea roz-cărămizie. Fragmentul reprezintă piciorul drept. Acesta a fost modelat separat. Suprafaţa figurinei a fost decorată cu incizii oblice paralele care formează zigzaguri verticale. H – 6,3 cm, l – 2,4 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-175. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/4. Tip fragmentare 17.

17. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 2/17) modelată din pastă fină de lut în amestec cu şamotă de granulaţie mică. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea gri-cărămizie. Piesa a fost arsă secundar. Fragmentul reprezintă un picior de statuetă care a fost modelat separat. Pe întreaga compoziţie a fost aplicat un strat subţire de lut pe care a fost realizat decorul. Ornamentul reprezintă incizii liniare oblice paralele care formează zigzaguri. H – 7,4 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-174. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/7. Tip fragmentare 20.

18. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 3/18) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Fragmentul reprezintă piciorul drept al unei statuete. Acesta a fost modelat separat şi ulterior alipit restului compoziţiei. Drept indiciu serveşte orificiul de la tija de fixare. H – 7,3 cm, l – 2,4 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-173. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/6. Tip fragmentare 18.

19. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 3/19) modelată din pastă de lut. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea cărămizie. H – 3,7 cm, l – 1,9 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-172. Inedită. Tip fragmentare 16.

20. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 3/20) modelată din pastă fină de lut. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-galbenă. H – 5,5 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-171. Inedită. Tip fragmentare 17.

21. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 3/21) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Fragmentul reprezintă piciorul drept al unei statuete. Acesta a fost modelat separat şi ulterior alipit întregii compoziţii. Suprafaţa a fost decorată cu incizii liniare oblice şi orizontale paralele care formează benzi şi unghiuri precum şi puncte incizate. H – 3,8 cm, l – 1,9 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-170. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/17. Tip fragmentare 11.

22. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 3/22) modelată din pastă fină de lut. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea galben-cărămizie. Fragmentul reprezintă piciorul drept al statuetei. Acesta a fost modelat individual, ulterior fiind unit cu restul compoziţiei. Întreaga suprafaţă a statuetei a fost acoperită cu un strat subţire de lut, de "finisare", pe care a fost aplicat decorul. Acesta constă din incizii liniare oblice şi orizontale paralele care formează unghiuri. H – 5,3 cm, l – 3,2 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-169. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/14. Tip fragmentare 11.

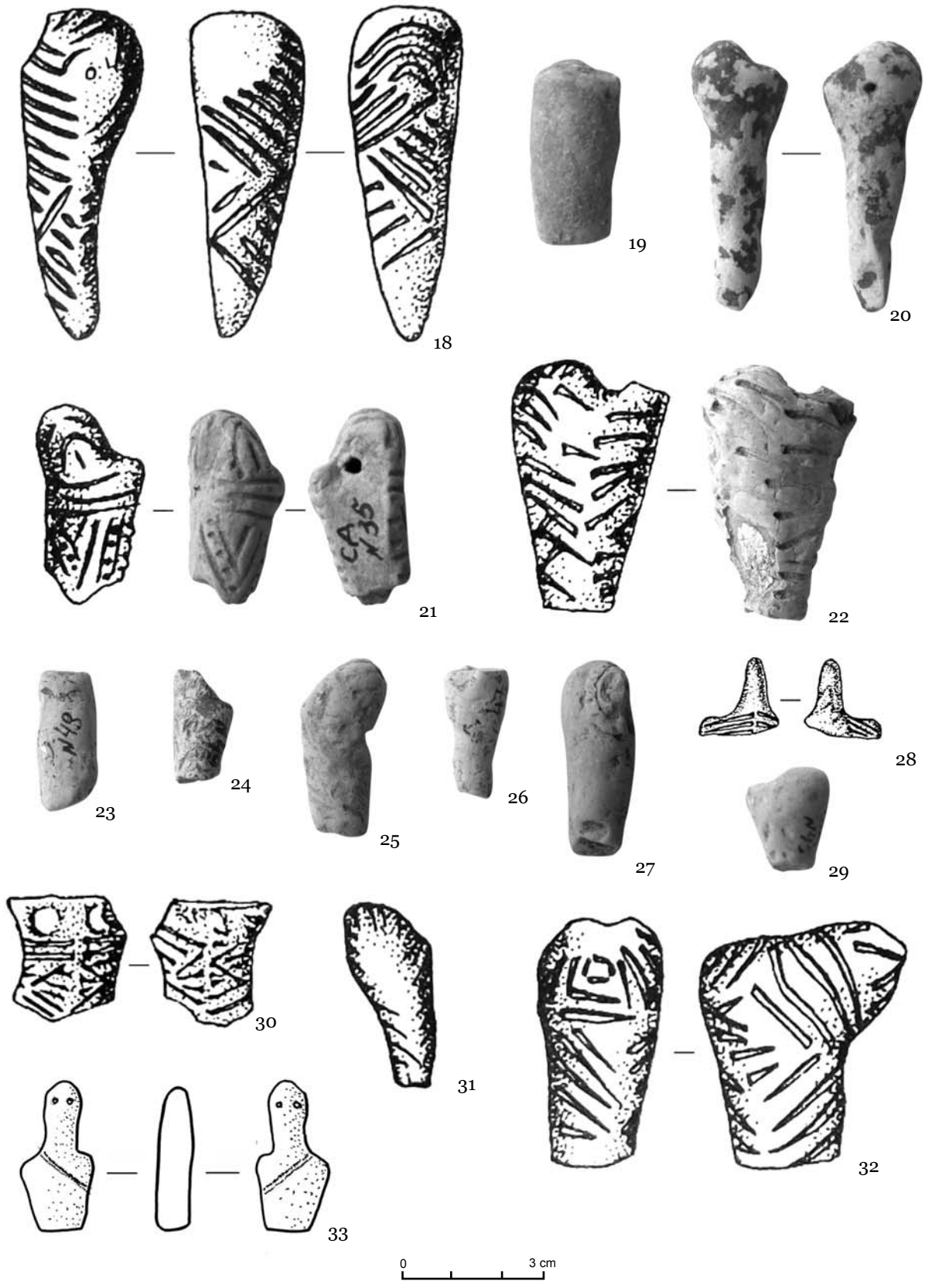


Fig. 3. 18-33 - Plastică antropomorfă din situl Duruitoarea Veche I.

23. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 3/23) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea galben-cărămizie. Fragmentul reprezintă un picior de statuetă care a fost modelat separat. H – 2,9 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-168. Inedită. Tip fragmentare necunoscut.

24. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 3/24) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea bej-cărămizie. Fragmentul reprezintă un picior de statuetă (?). H – 2,3 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-167. Inedită. Tip fragmentare necunoscut.

25. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 3/25) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Fragmentul reprezintă piciorul stâng al unei statuete. Acesta a fost modelat separat şi ulterior alipit restului. H – 3,7 cm, l – 1,6 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-166. Inedită. Tip fragmentare 12.

26. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 3/26) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Fragmentul reprezintă piciorul drept al unei statuete. H – 2,7 cm, l –1,4 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-165. Inedită. Tip fragmentare 20.

27. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 3/27) modelată din pastă fină de lut. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea cărămizie. Fragmentul reprezintă piciorul drept, suprafaţa căruia a fost netezită, iar în jurul taliei i-a fost aplicat un brâu cu crestături verticale. H – 4,2 cm, l – 1,9 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-164. Inedită. Tip fragmentare 11.

28. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 3/28) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Piesa reprezintă partea superioară a unei statuete – umerii şi capul: capul este redat printr-o proeminenţă alungită, cvasicilindrică, iar umărul este rotunjit. Suprafaţa a fost decorată cu linii incizate oblice paralele care formează unghiuri cu vârful orientat în sus. H – 3,3 cm, l – 3,4 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-163. Publicată: Sorochin 2002, fig. 124/10. Tip fragmentare 5.

29. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 3/29) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Piesa reprezintă fesa stângă care mai păstrează orificiul lăsat de tija de fixare. H – 2,1 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-162. Inedită. Tip fragmentare 12.

30. Fragment (fig. 3/30) de statuetă antropomorfă (tors) modelată din pastă fină de lut. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-cărămizie. Piesa are reprezentaţi sânii prin două pastile aplatizate; abdomenul şi spinarea au fost decorate cu incizii liniare oblice paralele care formează unghiuri şi câte un romb pe spinare şi abdomen. H – 2,5 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-161. Publicată: Sorochin 2002, fig. 124/7. Tip fragmentare 7.

31. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 3/31) modelată din pastă fină de lut în amestec cu şamotă de granulaţie mică. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea bej-cărămizie. Piesa a fost modelată separat, ulterior lipită de cea de-a doua parte. Suprafaţa a fost decorată cu incizii liniare oblice paralele care formează unghiuri cu vârful îndreptat în jos, pe latura exterioară a figurinei. H – 4,1 cm, l – 1,5 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-160. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/24. Tip fragmentare 15.

32. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 3/32) modelată din pastă fină de lut în amestec cu degresanţi de granulaţie mică. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea cărămizie. Piesa reprezintă partea stângă (tors şi coapse) a unei statuete în poziţie şezând. Aceasta a fost modelată dintr-o singură bucată; în regiunea coapselor poate fi observată urma tijei care a fixat a doua jumătate a piesei. Suprafaţa a fost decorată cu linii incizate oblice paralele, orizontale şi verticale care formează unghiuri iar pe fesa stângă – un pătrat concentric. H – 4,5 cm, l – 3,6 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-127. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/10. Tip fragmentare 11.

33. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 3/33) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Statueta are gâtul lung şi faţa reprezentată schematic: nasul este redat printr-o nervură verticală, iar ochii prin două perforaţii. Piesa este decorată cu un brâu care porneşte de pe umărul drept şi se încheie sub braţul stâng. H – 3 cm, l – 1,5 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-129.

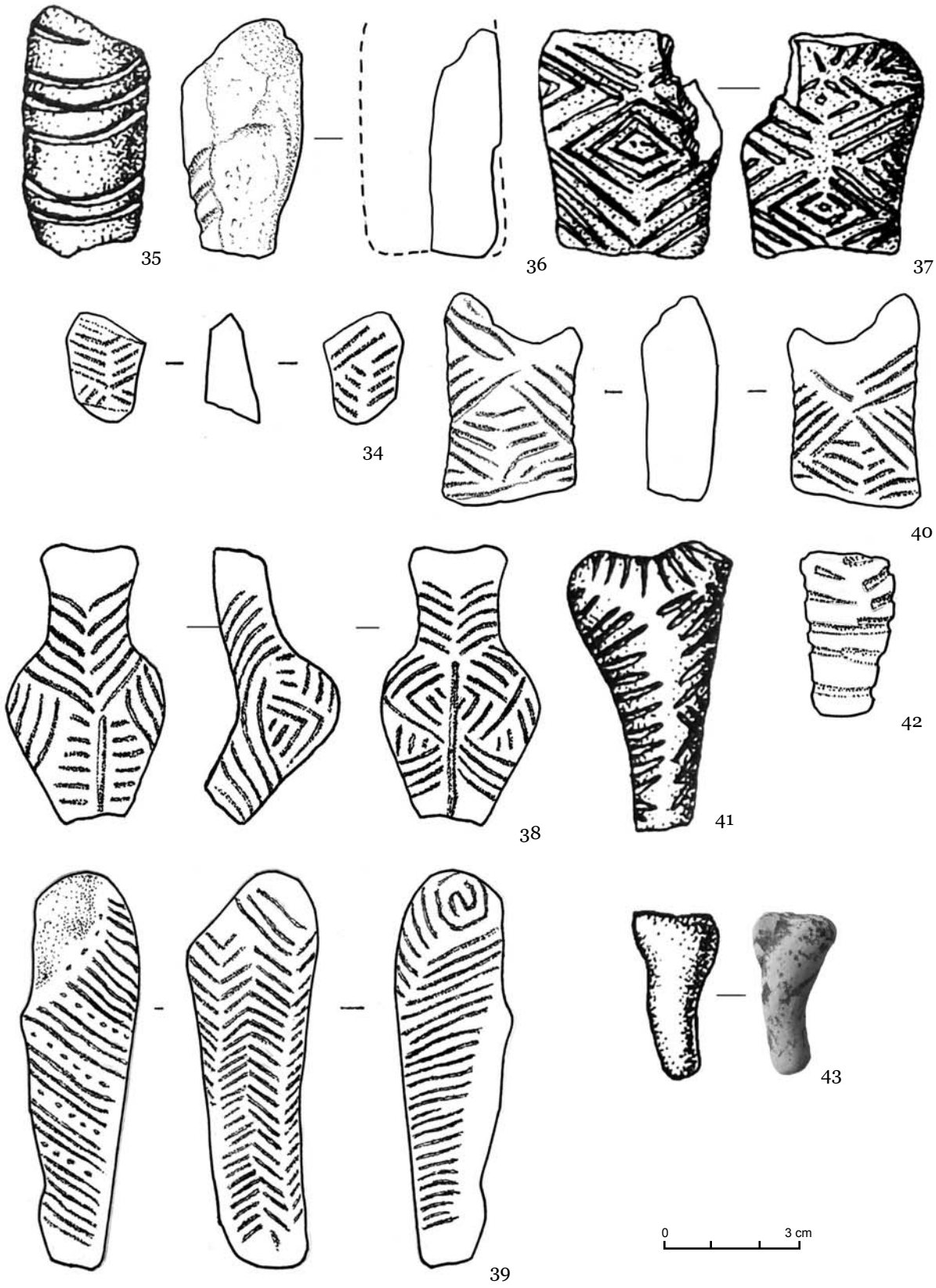


Fig. 4. 34-43 - Plastică antropomorfă din situl Duruitoarea Veche I.

Inedită. Tip fragmentare 4. Datată în etapa Cucuteni B.

34. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 4/34) modelată din pastă fină de lut. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea cărămizie. Fragmentul reprezintă torsul unei statuete care a fost decorată cu linii incizate oblice paralele care formează unghiuri, iar pe abdomen – un romb. H – 2,1 cm, l – 1,6 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-128. Inedită. Tip fragmentare 7.

35. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 4/35) modelată din pastă fină de lut în amestec cu şamotă de granulaţie mică. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea cărămizie. Piesa este decorată cu incizii liniare paralele oblice. H – 4,9 cm, l – 2,3 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-126. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/18. Tip fragmentare necunoscut.

36. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 4/36) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea gri-cărămizie. Piesa a fost decorată cu incizii liniare oblice paralele. H – 5,2 cm, l – 2,5 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-125. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/15. Tip fragmentare 15.

37. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 4/37) modelată din pastă fină de lut în amestec cu şamotă de granulaţie mică. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-cărămizie. Piesa este decorată cu incizii liniare oblice paralele care formează romburi şi unghiuri. H – 4,8 cm, l – 3,2 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-124. Publicată: Sorochin 2002, fig. 124/12. Tip fragmentare 7.

38. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 4/38) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Piesa este modelată în poziţie şezând, decorată cu incizii liniare paralele oblice şi orizontale care formează unghiuri şi triunghiuri. Statuetei îi lipsesc picioarele, de la genunchi în jos, şi capul. H – 3,8 cm, l – 3,4 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-123. Inedită. Tip fragmentare 8.

39. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 4/39) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Piesa a fost modelată în două etape: mai întâi a fost modelat miezul de lut, ulterior părţile au fost lipite, iar suprafaţa a fost acoperită cu un strat din pastă fină de lut peste care a fost aplicat ornamentul. Acesta reprezintă incizii liniare paralele oblice care formează zigzaguri, puncte şi spirale. H – 8,8 cm, l – 2,7 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-122. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/1. Tip fragmentare 18.

40. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 5/40) modelată din pastă fină de lut în amestec cu şamotă de granulaţie mică. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea galben-cărămizie. Piesa reprezintă un fragment de tors şi este decorată cu incizii liniare oblice paralele care formează romburi şi unghiuri. H – 4,7 cm, l – 2,7 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-121. Publicată: Sorochin 2002, fig. 124/8. Tip fragmentare 7.

41. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 5/41) modelată din pastă fină de lut în amestec cu şamotă de granulaţie mică. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-cărămizie. Fragmentul reprezintă coapsa şi piciorul drept modelate separat, mai întâi miezul apoi toată piesa fiind acoperită cu un strat subţire de lut fin peste care s-a aplicat decorul format din incizii liniare oblice paralele şi puncte. H – 6,2 cm, l – 3,5 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-120. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/8. Tip fragmentare 11.

42. Fragment de statuetă antropomorfă feminină (fig. 5/42) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea gri-cărămizie. Piesa a fost decorată cu incizii liniare paralele oblice şi orizontale. H – 3,5 cm, l – 1,9 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-119. Inedită. Tip fragmentare necunoscut.

43. Fragment de statuetă antropomorfă feminină (fig. 5/43) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Piesa reprezintă coapsa şi piciorul stâng. Suprafaţa piesei a fost netezită. H – 3,6 cm, l – 1,8 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-118. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/23. Tip fragmentare 18.

44. Fragment (fig. 5/44) de statuetă antropomorfă (picior) modelată din pastă fină de lut în

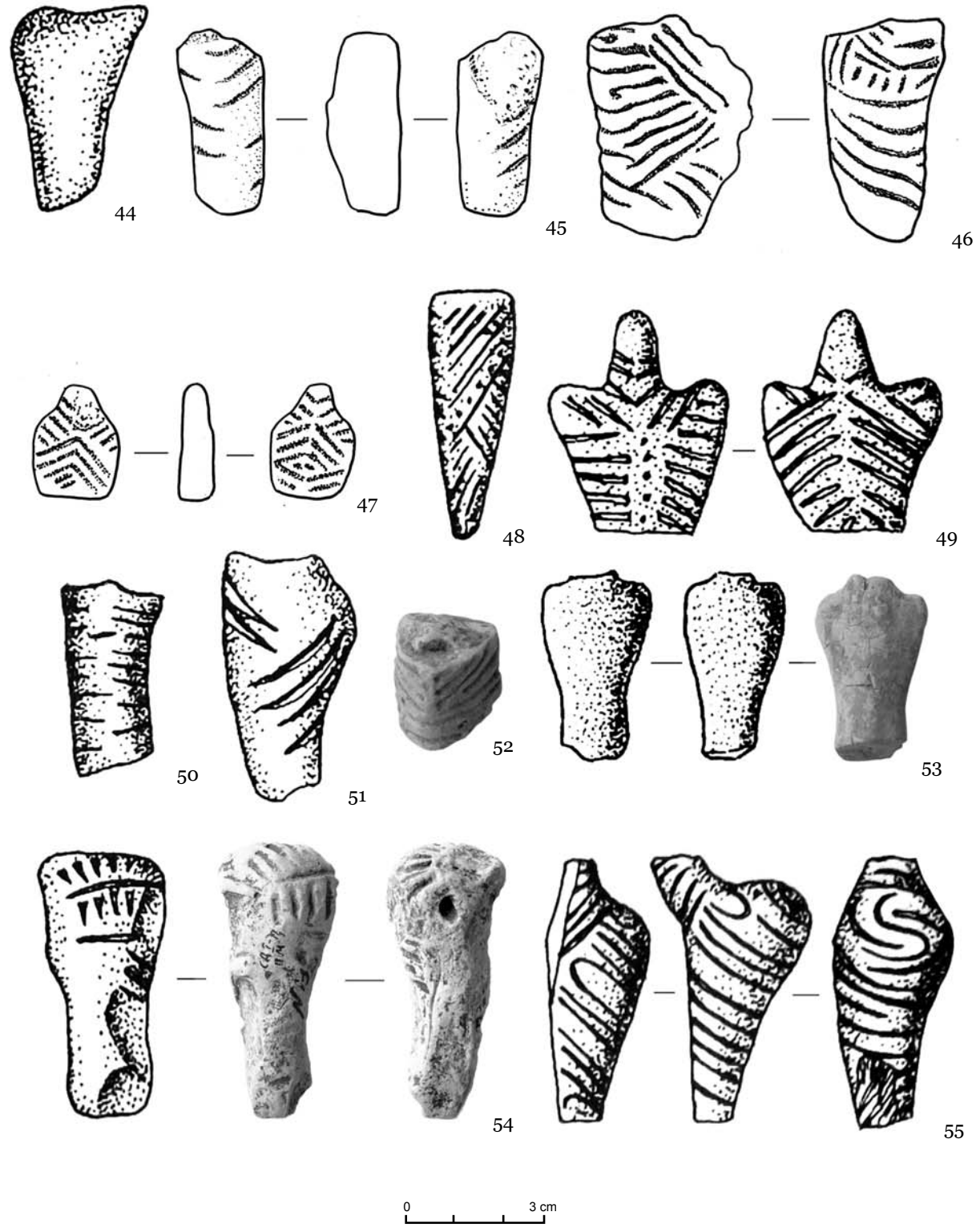


Fig. 5. 44-55 - Plastică antropomorfă din situl Duruitoarea Veche I.

amestec cu şamotă de granulaţie mică. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-cărămizie. Suprafaţa piesei a fost netezită. H – 3,9 cm, l – 2,5 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-117. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/22. Tip fragmentare 11.

45. Fragment (fig. 5/45) de statuetă antropomorfă (picior) modelată din pastă fină de lut în amestec cu şamotă de granulaţie mică. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-cărămizie. Piesa a fost decorată cu incizii liniare oblice paralele care formează unghiuri. H – 3,8 cm, l – 1,7 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-116. Inedită. Tip fragmentare necunoscut.

46. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 5/46) modelată din pastă fină de lut în amestec cu şamotă de granulaţie mică. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-bej. Piesa reprezintă o parte din torsul statuetei şi a fost decorată cu incizii liniare paralele oblice şi orizontale formând unghiuri. H – 4,4 cm, l – 2,5 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-115. Inedită. Tip fragmentare 11.

47. Fragment de statuetă antropomorfă feminină (fig. 5/47) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Piesa reprezintă torsul unei statuete modelate dintr-o singură bucată. Gâtul şi umerii sunt redaţi prin mici proeminenţe rotunjite. Piesa este decorată pe ambele suprafeţe cu linii incizate, oblice paralele care formează, pe faţă şi spate, unghiuri cu vârful orientat în sus. H – 2,4 cm, l – 1,7 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-114. Inedită. Tip fragmentare 4.

48. Fragment (fig. 5/48) de statuetă antropomorfă (picior) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-bej. Piesa a fost decorată cu puncte şi linii incizate oblice paralele care formează unghiuri. H – 5 cm, l – 1,9 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-144. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/12. Tip fragmentare 20.

49. Fragment (fig. 5/49) de statuetă antropomorfă (partea superioară) modelată din pastă fără degresanţi vizibili. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Piesa a fost decorată cu incizii liniare oblice şi orizontale paralele care formează unghiuri, precum şi puncte incizate amplasate vertical pe piept. Suprafaţa pare să fi fost acoperită cu vopsea roşie (?). H – 5,1 cm, l – 3,5 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-143. Publicată: Sorochin 2002, fig. 124/13. Tip fragmentare 4.

50. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 5/50) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-cărămizie. Piesa (piciorul stâng?) a fost decorată cu incizii liniare orizontale paralele. H – 3,9 cm, l – 2,1 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-142. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/16. Tip fragmentare 16.

51. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 5/51) modelată din pastă fină de lut în amestec cu şamotă de granulaţie mică. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea galben-gri. Partea inferioară a fost decorată cu incizii liniare oblice paralele care formează unghiuri. H – 4,1 cm, l – 2,4 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-141. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/21. Tip fragmentare necunoscut.

52. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 5/52) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-cărămizie. Fragmentul poartă urme de culoare roşie (vopsea?) şi un decor format din linii incizate orizontale şi oblice paralele care formează unghiuri şi benzi. H – 2,2 cm, l – 2,2 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-140. Inedită. Tip fragmentare 7.

53. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 5/53) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea galben-cărămizie. Suprafaţa piesei a fost bine netezită (aceasta reprezintă torsul) şi păstrează urme de culoare (pictură?) roşie. Pe piept poate fi observat un şir de incizii punctiforme foarte vagi care ar sugera un colier. H – 3,6 cm, l – 2,3 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-139. Publicată: Sorochin 2002, fig. 124/14. Tip fragmentare 6.

54. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 5/54) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea gri-cărămizie. Piesa reprezintă piciorul stâng al unei statuete în poziţie şezând. Acesta a fost modelat separat, ca ulterior să fie lipit cu al doilea şi cu trunchiul statuetei. Pe stratul moale de lut cu care a fost acoperită această structură

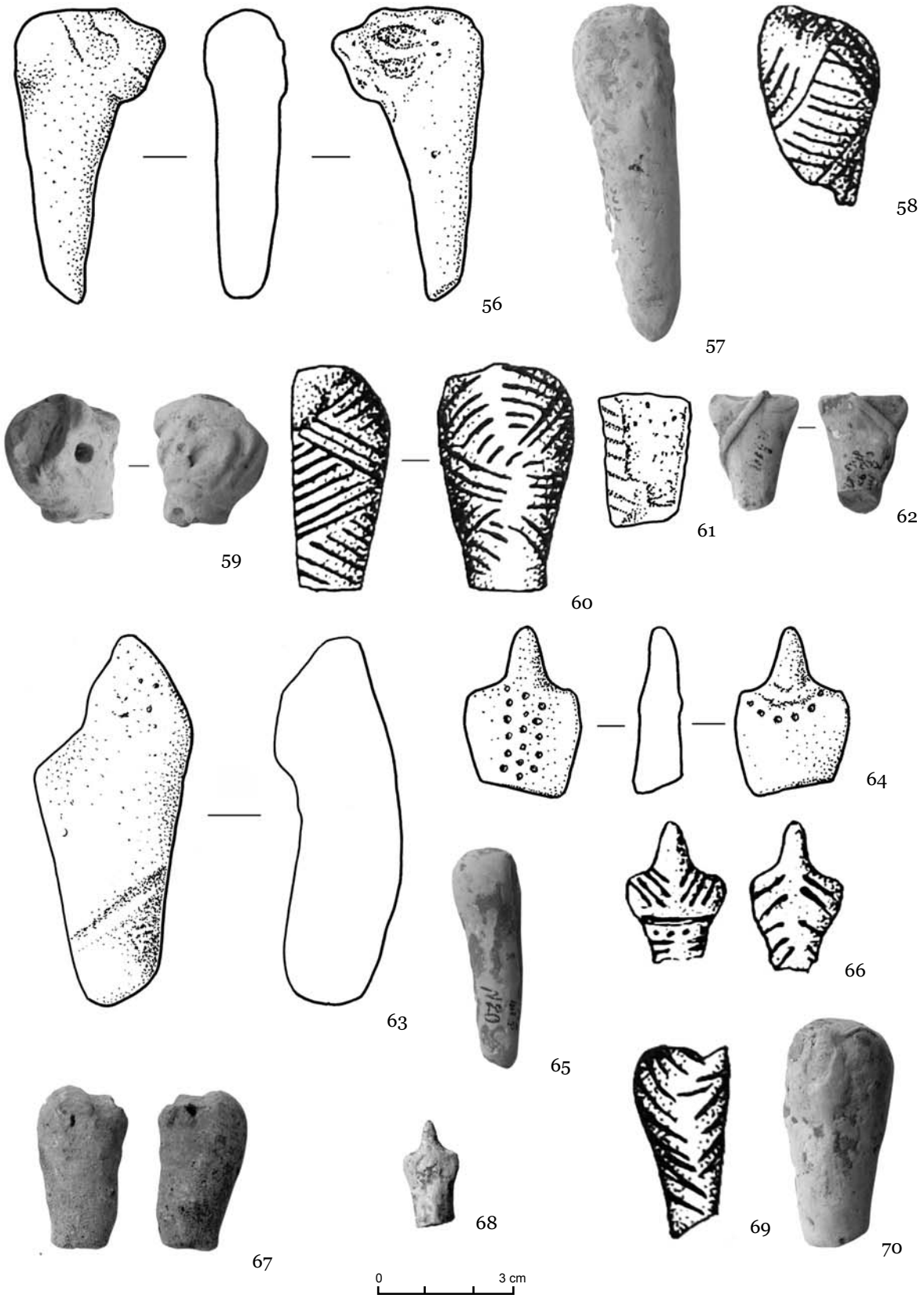


Fig. 6. 56-70 - Plastică antropomorfă din situl Duruitoarea Veche I.

a fost aplicat un decor incizat din linii orizontale şi verticale paralele care formează benzi. H – 2,3 cm, l – 5,7 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-138. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/29. Tip fragmentare 18.

55. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 5/55) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea gri-cărămizie. Piesa reprezintă partea stângă (piciorul şi un fragment din talie) a unei statuete în poziţie aşezată. Decorul constă din linii incizate oblice paralele care formează unghiuri, semiove şi puncte. H – 3,1 cm, l – 4,7 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-137. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/3. Tip fragmentare 12.

56. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 6/56) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea bej-cărămizie. Piesa reprezintă piciorul drept al unei statuete şezând care are un brâu în jurul taliei, terminat cu două discuri. H – 3,1 cm, l – 6,4 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-136. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/27[5]. Tip fragmentare 17.

57. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 6/57) modelată din pastă fină de lut în amestec cu şamotă de granulaţie mică. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea galben-gri. H – 7,2 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-134. Inedită. Tip fragmentare 17.

58. Fragment (fig. 6/58) de statuetă antropomorfă (fesă) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Fesa a fost modelată separat, fiind ulterior lipită de restul compoziţiei. Decorul constă din linii incizate paralele oblice şi orizontale care formează benzi şi unghiuri. H – 4 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-135. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/19. Tip fragmentare 14.

59. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 6/59) modelată din pastă fină de lut în amestec cu şamotă de granulaţie mică. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea cărămizie. Piesa reprezintă coapsa stângă a unei statuete în care s-a păstrat (pe partea internă) locul în care tija fixa cele două jumătăţi. Statueta a fost decorată cu incizii liniare oblice paralele. H – 2,8 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-133. Inedită. Tip fragmentare 14.

60. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 6/60) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea bej-cărămizie. Piesa reprezintă coapsa şi piciorul stâng care au fost modelate separat (poate fi observat orificiul în care a fost fixată tija ce unea ambele jumătăţi). Suprafaţa figurinei a fost decorată cu incizii liniare paralele oblice şi orizontale care formează benzi şi unghiuri. H – 4,8 cm, l – 2,7 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-132. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/20. Tip fragmentare 12.

61. Mic fragment de statuetă antropomorfă (fig. 6/61) modelată din pastă fină de lut în amestec cu degresanţi. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-cărămizie. H – 2,8 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-131. Inedită. Tip fragmentare necunoscut.

62. Fragment (fig. 6/62) de statuetă antropomorfă (tors), modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea gri-cărămizie. Piesa este decorată cu o eşarfă care coboară de pe umărul stâng şi îşi uneşte capetele sub braţul drept. Capetele eşarfei sunt dispuse unul peste altul. H – 2,5 cm, l – 1,9 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-146. Inedită. Tip fragmentare 6.

63. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 6/63) modelată din pastă fină de lut fără degresanţi vizibili. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea gri-cărămizie. Fragmentul reprezintă partea inferioară a unei statuete neornamentate. H – 8,2 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-130. Inedită. Tip fragmentare necunoscut.

64. Fragment (fig. 6/64) de statuetă antropomorfă (partea superioară) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea galben-cărămizie. Piesa reprezintă partea superioară a unei statuete cu umerii rotunjiţi şi capul/gâtul conic. Piesa este decorată cu incizii punctiforme care formează, pe piept, un colier din şase "perle" deasupra cărora sunt plasate două incizii/brâie evidenţiate. Pe spate statueta are acelaşi tip de decor punctiform care compune trei şiruri verticale a câte şase "perle"/puncte. H – 3,6 cm, l – 2,5 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-145. Inedită. Tip fragmentare 4.

[5] Desenul piesei prezentat în studiul lui V. Sorochin este unul incomplet, nefiind redate discurile de lut din componenţa centurii figurinei.

65. Statuetă antropomorfă (fig. 6/65) modelată din pastă fină de lut. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-cărămizie. Piesa reprezintă piciorul stâng al unei statuete. Suprafaţa este atent netezită. H – 4,7 cm, l – 1,4 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-147. Inedită. Tip fragmentare 17.

66. Fragment (fig. 6/66) de statuetă antropomorfă (tors) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea gri-cărămizie. Piesa are umerii rotunjiţi şi gâtul conic; suprafaţa este decorată cu puncte oblice orizontale paralele incizate care formează benzi şi unghiuri. H – 3,5 cm, l – 2 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-148. Publicată: Sorochin 2002, fig. 124/9. Tip fragmentare 4.

67. Fragment (fig. 6/67) de statuetă antropomorfă (picior) realizată din pastă de lut. Piesa este vitrificată. Culoarea gri/neagră-cărămizie. Piesa reprezintă piciorul stâng al unei figurine şezânde, acesta urmând a fi alipit celui de-al doilea. Drept indiciu serveşte orificiul lăsat de tija ce le unea. H – 3,5 cm, l – 1,5 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-149. Inedită. Tip fragmentare 12.

68. Fragment (fig. 6/68) de statuetă antropomorfă (tors) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Piesa are umerii rotunjiţi şi capul redat printr-o proeminenţă conică. Suprafaţa este bine netezită. H – 2,4 cm, l – 1,3 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-151. Inedită. Tip fragmentare 4.

69. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 6/69) modelată din pastă fină de lut. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-cărămizie. Piesa reprezintă piciorul drept al unei figurine care a fost decorată cu linii oblice paralele care formează unghiuri şi zigzaguri. H – 4 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-150. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/25. Tip fragmentare 11.

70. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 6/70) modelată din pastă fină de lut. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-cărămizie. Piesa reprezintă piciorul stâng al figurinei care a fost alipit de-al doilea printr-o tijă. H – 4,8 cm, l – 2,1 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-152. Inedită. Tip fragmentare 12.

71. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 7/71) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Piesa reprezintă piciorul stâng al unei statuete care a fost lipit de-al doilea cu o tijă. Suprafaţa a fost decorată cu incizii liniare oblice, orizontale şi verticale paralele care formează benzi şi unghiuri. H – 2,6 cm, l – 4,6 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-153. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/9. Tip fragmentare 12.

72. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 7/72) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Piesa reprezintă partea superioară a piciorului drept. Suprafaţa a fost decorată cu incizii liniare oblice şi orizontale care formează unghiuri şi benzi. H – 2,7 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-154. Inedită. Tip fragmentare 11.

73. Fragment (fig. 7/73) de statuetă antropomorfă (fesă?) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea gri-cărămizie. Piesa a fost decorată cu semiove şi puncte incizate. D – 1,8 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-156. Inedită. Tip fragmentare 13.

74. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 7/74) modelată din pastă fină de lut. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea gri-cărămizie. Piesa reprezintă torsul unei figurine care are evidenţiat abdomenul, iar pe spinare are o aplicaţie (cosiţă?). H – 5 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-155. Inedită. Tip fragmentare 7.

75. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 7/75) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea cărămizie. Piesa (piciorul drept) a fost modelată separat pentru a fi ulterior lipită restului structurii – drept indiciu serveşte gaura rămasă de la tija de fixare. Suprafaţa a fost decorată cu incizii liniare oblice şi orizontale paralele care formează grupuri, benzi şi unghiuri. H – 5,1cm, l – 2,3 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-158. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/31. Tip fragmentare 11.

76. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 7/76) modelată din pastă fină de lut în amestec cu şamotă de granulaţie mică. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea bej-cărămizie. Statueta are capul aplatizat, umerii rotunjiţi şi abdomenul bombat. Suprafaţa este decorată cu incizii liniare oblice paralele care formează unghiuri. H

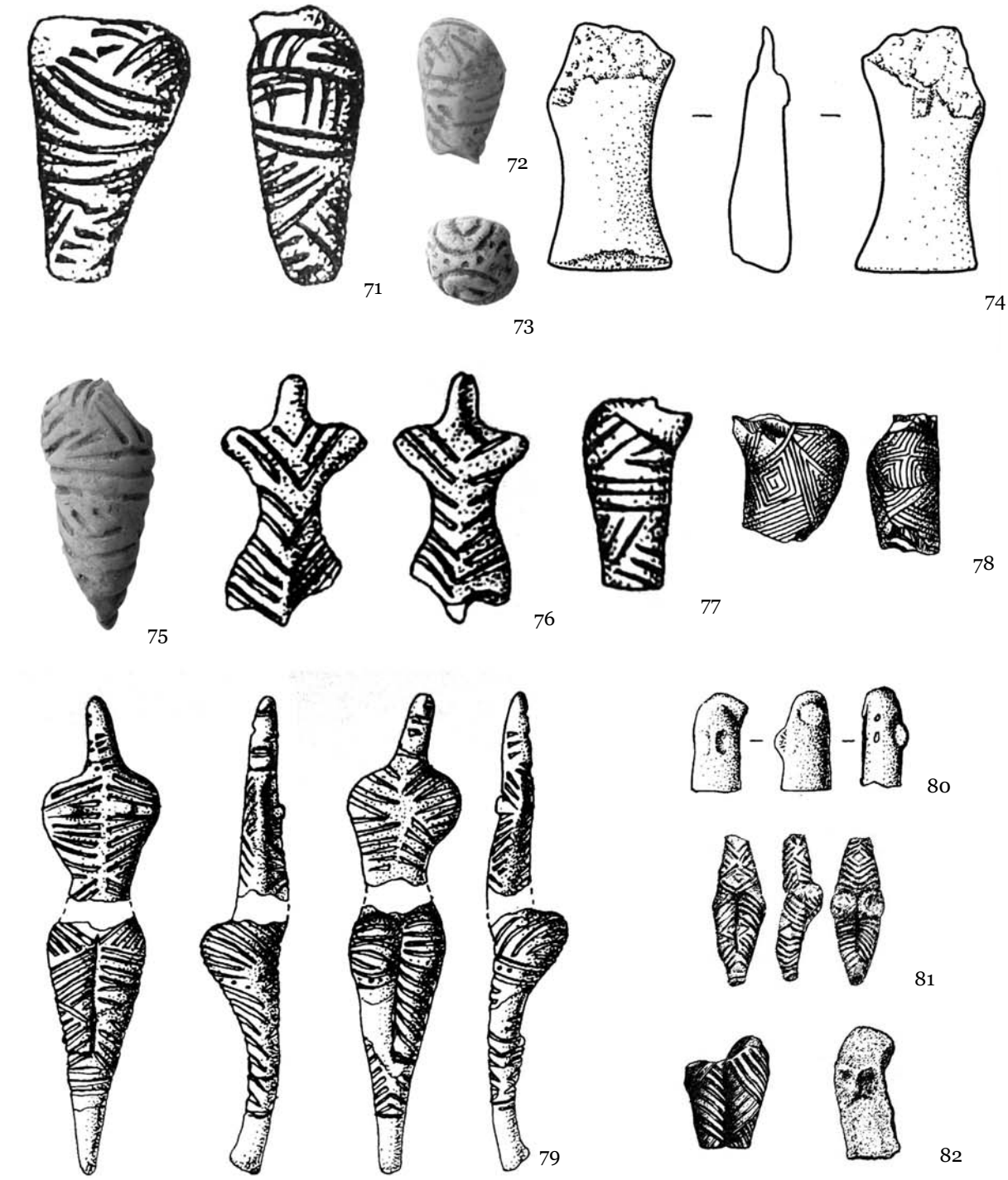
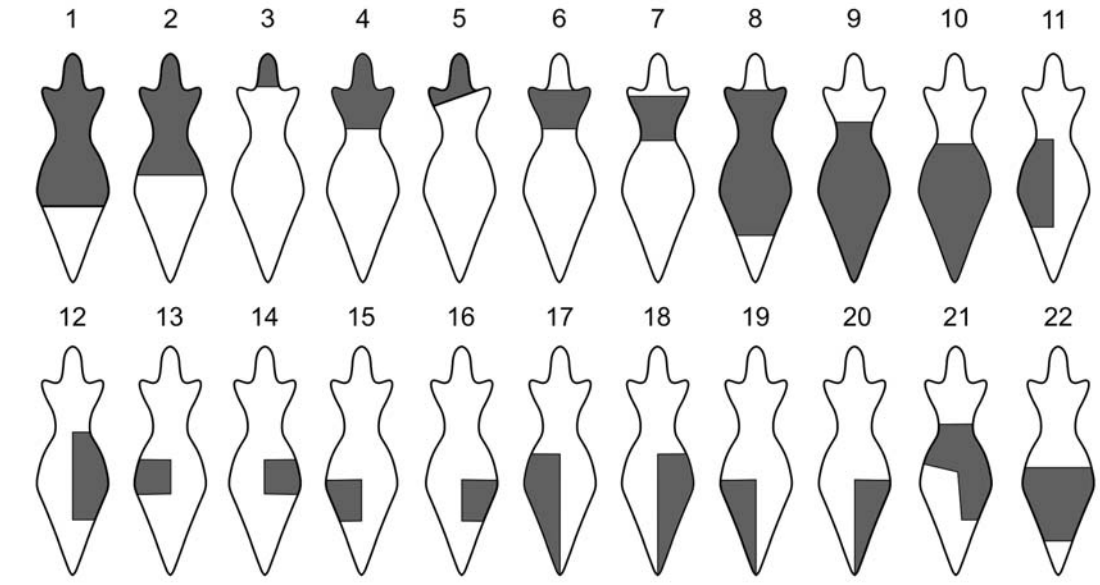
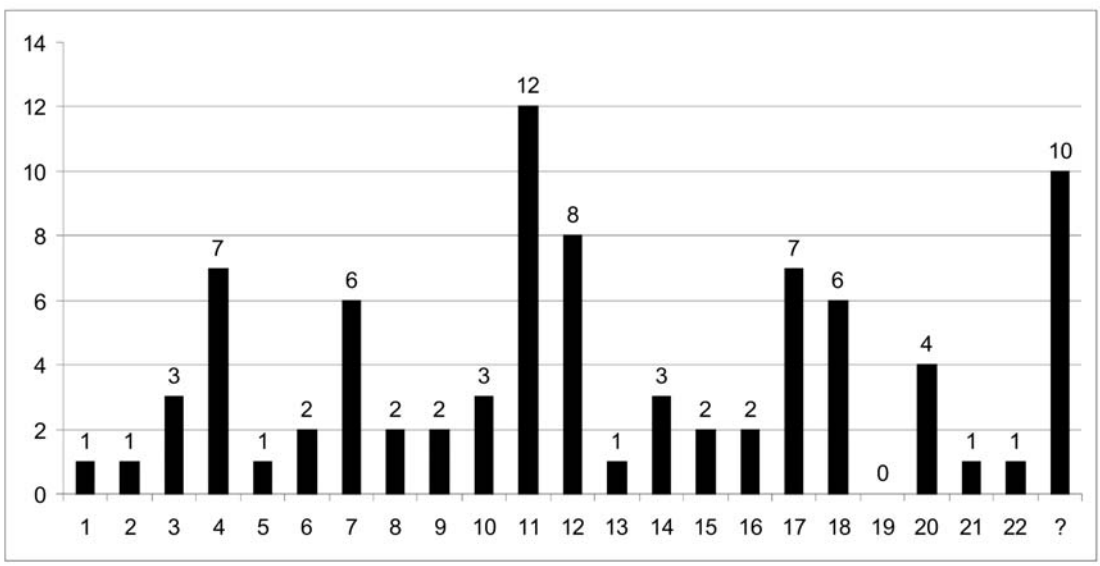


Fig. 7. 71-83 - Plastică antropomorfă din situl Duruitoarea Veche I.



A



B

Fig. 8. A - Schema fragmentării figurinelor; B - histograma cu frecvenţa tipurilor de fragmentare.

– 6,1 cm, l – 3 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-157. Publicată: Sorochin 2002, fig. 124/3. Tip fragmentare 1.

77. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 7/77) modelată din pastă fină de lut. Arderea este completă şi uniformă. Culoarea bej-cărămizie. Piesa a fost modelată separat – piciorul drept şi ulterior lipită de restului structurii. Suprafaţa a fost decorată cu incizii liniare oblice paralele care formează grupuri de unghiuri şi zigzaguri verticale. H – 4,2 cm, l – 1,4 cm. Loc de păstrare: MNIM Chişinău, FA-11883-159. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/30. Tip fragmentare 11.

78. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 7/78). Loc de păstrare: necunoscut. Publicată: Sorochin 2002, fig. 123/2. Tip fragmentare 12.

79. Statuetă antropomorfă (fig. 7/79). Loc de păstrare: necunoscut. Publicată: Sorochin 2002, fig. 124/1. Tip fragmentare 4+10.

80. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 7/80). Loc de păstrare: necunoscut. Publicată: Sorochin 2002, fig. 124/11. Tip fragmentare 3.

81. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 7/81). Loc de păstrare: necunoscut. Publicată: Кетрару 1964, рис. 6/10. Tip fragmentare 8.

82. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 7/82). Loc de păstrare: necunoscut. Publicată: Кетрару 1964, рис. 6/11. Tip fragmentare 22.

83. Fragment de statuetă antropomorfă (fig. 7/83). Loc de păstrare: necunoscut. Publicată: Кетрару 1964, рис. 6/12. Tip fragmentare necunoscut.

Consideraţii finale

În pofida lipsei datelor contextuale, colecţia de plastică din situl Duruitoarea Veche I a furnizat date inedite şi interesante despre figurinele etapei Cucuteni A dintre Prut şi Nistru, incluzând câteva exemplare mai speciale din punct de vedere stilistic. O figurină, ai cărei parametri morfologico-stilistici indică încadrarea în faza Cucuteni B, ar putea reflecta prezenţa unui posibil al doilea nivel de locuire pe sit.

Sperăm ca cercetările ulterioare să fie orientate nu doar pe obţinerea unor noi date, dar şi pe valorificarea/introducerea integrală în circuitul ştiinţific a materialelor inedite din etapa Cucuteni A dintre Prut şi Nistru, fapt ce ar contribui la o mai bună cunoaştere a respectivei faze cronologice nu doar în acest interfluviu, dar şi pe teritoriile învecinate.

Bibliografie

Becker 2012: V. Becker, Zur Zerstörung geschaffen. Figurinen der Kupferzeit Südosteuropas. In: (Hrsg. T. Link, D. Schimmelpfennig), Taphonomische Forschungen (nicht nur) zum Neolithikum, Berichte der AG Neolithikum 3 (Kerpen-Loogh 2012), 221-235.

Burdo 2014: N. Burdo, Anthropomorphic plastic art of Trypillia culture: dialectic of simmilarities and differences. In: (Eds. C.-E. Ursu, S. Ţerna), Anthropomorphism and symbolic behaviour in the Neolithic and Copper Age communities of South-Eastern Europe (Suceava 2014), 303-364.

Chapman 2000: J. Chapman, Fragmentation in prehistory (London - New York 2000).

Chapman, Gaydarska 2007: J. Chapman, B. Gaydarska, Parts and wholes. Fragmentation in prehistoric context (Oxon 2007).

Dumitrescu 1957: Vl. Dumitrescu, Le dépôt d'objets de parure de Hăbăşeşti et le problème des rapports entre les tribus de la civilisation de Cucuteni et les tribus des steppes pontiques. Dacia NS I, 1957, 73-96.

Enea 2008: S. Enea, Some observations on the neolithic and aeneolithic ornaments in the Romanian area. Studia antiqua et archaeologica XIII-XIV, 2008, 25-60.

Gheorghiu 2005: D. Gheorghiu, The controlled fragmentation of anthropomorphic figurines. In: (Eds. Gh. Dumitroaia, J. Chapman, O. Weller, C. Preoteasa, R. Munteanu, D. Nicola, D. Monah), Cucuteni 120 years of research. Time to sum up (Piatra Neamţ 2005), 137-144.

Gheorghiu 2010: D. Gheorghiu, Ritual Technology: An Experimental Approach to Cucuteni-Tripolye Chalcolithic Figurines. In: (Eds. D. Gheorghiu, A. Cyphers), Anthropomorphic and Zoomorphic Miniature Figures in Eurasia, Africa and Meso-America. Morphology, materiality, technology, function and context, BAR International Series 2138 (Oxford 2010), 61-72.

Hansen 2007: S. Hansen, Bilder vom Menschen der Steinzeit. Untersuchungen zur anthropomorphen Plastik der Jungsteinzeit und Kupferzeit in Südosteuropa. Archäologie in Eurasien 20 (Mainz 2007).

Lazarovici, Lazarovici 2008: Gh. Lazarovici, C.-M. Lazarovici, Fragmentarea rituală a idolilor şi obiectelor de cult în neolitic şi epoca cuprului. Acta Musei Tutovensis III, 2008, 7-15.

Mareş 2012: I. Mareş, Metalurgia aramei în civilizaţiile Precucuteni şi Cucuteni (Suceava 2012).

Monah 1997: D. Monah, Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie. BMA III (Piatra Neamţ 1997).

Monah 2012: D. Monah, Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie. BMA XXVII (Piatra Neamţ 2012)

Popovici 2000: D.N. Popovici, Cultura Cucuteni. Faza A. Repertoriul aşezărilor (1). BMA VIII (Piatra Neamţ 2000).

Sorochin 2002: V. Sorochin, Aspectul regional cucutenian Drăguşeni-Jura. BMA XI (Piatra Neamţ 2002).

Sorokin 1997: V. Sorokin, Consideraţii referitoare la aşezările fazei Cucuteni A - Tripolie BI din Ucraina şi Republica Moldova. Memoria Antiquitatis XXI, 1997, 7-82.

Ţurcanu 2011: S. Ţurcanu, Podoabe pentru gât reprezentate pe statuetele antropomorfe ale complexului cultural Cucuteni-Tripolie. Cercetări Istorice XXVII-XXIX, 2011, 9-35.

Ursachi 1992: V. Ursachi, Depozitul de obiecte de podoabă eneolitice de la Brad, com. Negri, jud. Bacău. Carpica 23, 1992, 51-104.

Кетрару 1964: Н. Кетрару, Археологические разведки в долине р. Чугур. В сб.: Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР (Кишинев 1964), 255-272.

Кусургашева 1970: А.П. Кусургашева, Антропоморфная пластика из поселения Новые Русешты I. КСИА 123, 1970, 69-76.

Маркевич 1973: В.И. Маркевич, Памятники эпох неолита и энеолита. Археологическая карта Молдавской ССР, 2 (Кишинев 1973).

Маркевич, Черныш 1974: В.И. Маркевич, Е.К. Черныш, Исследования в Пруто-Днестровском междуречье. В: АО 1973 г. (Москва 1974), 423-424.

Палагута 1994: И.В. Палагута, Трипольское поселение Друцы I в Северной Молдове. В: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (Тирасполь 1994), 51-52.

Погожева 1983: А.П. Погожева, Антропоморфная пластика Триполья (Новосибирск 1983).

Попова 2003: Т.А. Попова, Многослойное поселение Поливанов Яр. К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднестровье (Санкт-Петербург 2003).

Хансен 2013: С. Хансен, Золотые диски эпохи меди. В: Бронзовый век. Европа без границ (Санкт-Петербург 2013), 79-82.

Чепмэн, Гайдарска 2015: Дж. Чепмэн, Б. Гайдарска, Фрагментация в археологии: собирая по кусочкам. Stratum Plus 2, 2015, 85-110.

Anthropomorphic figurines of the Cucuteni A stage from Duruitoarea Veche I (Râşcani District, Republic of Moldova)

Abstract

The article represents the publication of the complete collection of anthropomorphic figurines of Cucuteni A - Tripolye B1 stage from the settlement of Duruitoarea Veche I (Rîşcani District, Republic of Moldova). The figurines were discovered on the surface of the site and in course of the archaeological excavations conducted in 1973, and had previously been published only in part. The collection of figurines from Duruitoarea Veche I is one of the largest for the Cucuteni A_4 sites from the Prut-Dniester interfluve and therefore is of significant scientific interest. The article includes the catalogue of finds as well as analysis of the technology, stylistics, morphology and fragmentation.

List of illustrations:

Fig. 1. A - distribution of sites with anthropomorphic figurines of the Cucuteni A - Tripolye B1 stage; B - localization of the Duruitoarea Veche I settlement.

Fig. 2. 1-17 - anthropomorphic figurines from Duruitoarea Veche I (numbers correspond to the catalogue).

Fig. 3. 18-33 - anthropomorphic figurines from Duruitoarea Veche I.

Fig. 4. 34-43 - anthropomorphic figurines from Duruitoarea Veche I.

Fig. 5. 44-55 - anthropomorphic figurines from Duruitoarea Veche I.

Fig. 6. 56-70 - anthropomorphic figurines from Duruitoarea Veche I.

Fig. 7. 71-83 - anthropomorphic figurines from Duruitoarea Veche I.

Fig. 8. A - fragmentation scheme; B - histogram displaying the frequency of fragmentation types.

Антропоморфная пластика этапа Кукутень А с поселения Дуруитоаря Веке I (район Рышкань, Республика Молдова)

Резюме

Настоящая статья посвящена полной публикации коллекции антропоморфной пластики этапа Кукутень А - Триполье В1 с поселения Дуруитоаря Веке I (район Рышкань, Республика Молдова). Статуэтки происходят с поверхности памятника и из археологических раскопок, проведенных в 1973 году, и ранее были опубликованы лишь частично. Коллекция пластики из Дуруитоаря Веке I является одной из самых крупных для поселений этапа Кукутень A_4 Пруто-Днестровского междуречья и представляет значительный научный интерес. В статье приводится каталог находок с анализом технологии, стилистики, морфологии и фрагментации.

Список иллюстраций:

Рис. 1. А - поселения с антропоморфной пластикой этапа Кукутень А - Триполье В1; В - расположение поселения Дуруитоаря Веке I.

Рис. 2. 1-17 - антропоморфная пластика с поселения Дуруитоаря Веке I (цифры соответствуют нумерации в каталоге).

Рис. 3. 18-33 - антропоморфная пластика с поселения Дуруитоаря Веке I.

Рис. 4. 34-43 - антропоморфная пластика с поселения Дуруитоаря Веке I.

Рис. 5. 44-55 - антропоморфная пластика с поселения Дуруитоаря Веке I.

Рис. 6. 56-70 - антропоморфная пластика с поселения Дуруитоаря Веке I.

Рис. 7. 71-83 - антропоморфная пластика с поселения Дуруитоаря Веке I.

Рис. 8. A - схема фрагментации фигурок; B - гистограмма с частотой типов фрагментации.

15.05.2015

Stanislav Țerna, Şcoala Antropologică Superioară, str. Zimbrului, 10A, MD-2024, Chişinău, Republica Moldova, e-mail: ternastas@mail.ru

Mariana Vasilache, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989, 121A, MD-2012, Chişinău, Republica Moldova, e-mail: marianavasilake@gmail.com

THE ANGLO-UKRAINIAN PROJECT "EARLY URBANISM IN PREHISTORIC EUROPE?" SENDS ITS TRAVELLING EXHIBITION TO CHIŞINAU

John Chapman
Bisserka Gaydarska

Introduction to the Exhibition

One of the principal goals of the Anglo-Ukrainian inter-disciplinary Project, "Early urbanism in prehistoric Europe?: the case of the Trypillia mega-sites, Ukraine" was the dissemination of the results of the Project's research through an international travelling exhibition. The exhibition is structured around research questions rather than the artifacts which the Project made during its excavations. The exhibition has been designed by Christina Unwin, who sought to make the exhibition as accessible and interesting to members of the public as to Trypillia – Cucuteni specialists. The most obvious way of improving accessibility to the exhibition was to translate the text of the exhibition into all of the languages of the host museums and universities.

The exhibition was first opened at the Project's first international Conference – "At the Eastern frontiers of Old Europe" – in Kirovograd (Kirovograd Oblast, Ukraine), 12th - 14th April 2015. The exhibition then moved to the Varna Archaeological Museum , Bulgaria, for July and August before moving to Chişinău, where it was opened on Wednesday 9th September by the Director, Dr. Eugen Sava in the presence of Dr. Igor Manzura, High Anthropological School and colleagues from State University of Moldova and State Pedagogical University of Moldova. At the end of October, the exhibition will move to Budapest, where the School of Archaeological Sciences (Professor Pál Raczky), Eötvös Lórand University, will host the exhibition until the start of the New Year. In the penultimate move, the exhibition travels to the Christian-Albrechts University in Kiel, where it will be displayed in the Graduate School 'Human development in Landscapes', courtesy of Professor Johannes Müller until March 2016. The exhibition finally comes 'home' to Durham University in April 2016, when it will be opened in the Palace Green Library to coincide with the Project's second International Conference, on the theme of "First Cities", 15th - 17th April 2016.

In this short article, we present the results of the research project on Trypillia megasites through the medium of the text of the brochure which accompanies the exhibition. As with the exhibition, the brochure seeks to make this research as accessible as possible to general readers of 'Tyragetia', as to the professional archaeologists who make up an important part of its readership. Readers will therefore need to exercise tolerance with the over-simplifications in the brochure text, while hopefully benefitting from our general, and we believe innovative, approach to European urbanism well before the first cities of the Near East.

The Trypillia - Cucuteni groups (fig. 1)

The Trypillia-Cucuteni groups have been called 'the last great Chalcolithic civilization of Europe' (Monah 1997). Most other people in South East Europe were living in more mobile smaller communities with burial grounds and votive deposits of elaborate metalwork. Dating from 4800 to 2800 cal BC and extending for over two thousand square kilometres, Trypillia-Cucuteni was one of the largest and most enduring Old European groups (Mantu et al. 1997; Menotti, Korvin-Piotrovskiy 2012; Видейко 2004).

From the Carpathian Mountains to the River Dniepr, for two thousand years the Trypillia people maintained their traditions of house-building and house-burning, making anthropomorphic and zoomorphic figurines and fine ceramic wares. The Trypillia-Cucuteni group continued these clay-based practices to reinforce their strong sense of individuality long after other peoples of the Balkan-Carpathian region had ceased to use them (Monah 2012).

Fig. 1. Location map of Trypillia-Cucuteni groups, with some important sites (source: C. Unwin).

The house, the figurine and decorated pottery were the dominant themes of Trypillia everyday visual culture for two millennia. Houses were made to different scales and in different combinations, giving rise to the development of massive sites, or 'megasites', in certain areas of the Trypillia group (Burdo et al. 2013).

Pottery was produced on a larger scale in the late 5th millennium BC. Individual households contributed to the village economy, with communities co-operating in the production of ceramics (Ellis 1984). A standard dwelling house could be converted into a pottery workshop, as at Varvareuka (Маркевич 1981). In this way, specialized trades combining the work of many people were integrated into the domestic sphere. At Nebelivka, each neighbourhood may have made their own pottery, or perhaps several neighbourhoods formed a 'potting village' for the whole settlement. The potters of Trypillia made decorated pottery in both fine and coarse wares. In the West of the region they painted fine wares in different colours, while in the East they incised their designs in the clay. Coarse wares were mostly decorated with incised and impressed designs. Most of the objects used in the mortuary house-burning ceremonies were pottery.

The people of Trypillia expressed their worldview through the design of their houses. Comfortable and secure, their decorated homes were used to ritualize and monumentalize their sense of place for more than seventy successive generations (Burdo et al. 2013).

Over thirty thousand fired clay human and animal forms have been found in the Trypillia-Cucuteni group. Rare sets of complete figurines were placed in buildings interpreted as shrines, while fragmentary figurines – often deliberately broken – were deposited in houses, pits and elsewhere in the settlement (Monah 2012).

In contrast, very few metal objects of copper, silver or gold were deposited or discarded at megasites. The small gold hair ornament, found in the megastructure at Nebelivka during the 2012 excavation season, is a rare exception (Видейко и др. 2013, рис. 22/1).

Two international inter-disciplinary research projects are under way. Durham University and the Kyiv Institute of Archaeology are conducting a joint project (Chapman et al. 2014; 2014a), and a large-scale prospection project in Ukraine and Moldova has been initiated by the Romano-Germanic Commission in cooperation with both the Kyiv Institute of Archaeology and Christian-Albrechts University at Kiel in Germany (Rassmann et al. 2014). The research strategy of these projects provides a platform from which to integrate and interpret a large quantity of new data. The Kyiv-Durham Project's archaeology of the megasites has raised four crucial questions:

- What does a complete megasite plan look like?
- What role did houses play in Trypillia society?
- How did megasite plans develop through time?
- Can we detect a trajectory towards local, European urbanis

Towards a revolutionary methodology

Megasites were first discovered by aerial photography during the late 1960s (Videiko 2012). Subsequent excavations revealed burnt houses dated to the Trypillia cultural group. Since 2009 the results of more refined, larger-scale geophysical surveys have been combined with satellite imagery and reconstructions of the natural environment.

This new research has revolutionary implications for our understanding of megasites and sets an exciting new research and excavation agenda for the next twenty-five years (Chapman et al. 2014a).

Images taken from aerial photographs have been improved by data captured by WorldView-2 satellites. Details can now be seen below one metre at ground level. Potential archaeological features are identified within 25 kilometres of the Nebelivka megasite and then checked for datable pottery on the ground. This has enabled us to build up a sequence of settlement patterns in the immediate area of Nebelivka.

Multi-sensor gradiometers can now detect archaeological features over large areas. During the 2009 summer field season at Nebelivka the Durham team carried out a gradiometer survey over 15 hectares that identified new features in addition to all the main features of the megasite plan (Hale et al. 2010). A detailed geophysical plan of the entire 236-hectare settlement has now been produced (fig. 2). The Frankfurt–Kiel team began their research on Cucuteni Trypillia sites in Moldova in the same year. Both teams have demonstrated the structural similarities between the largest settlements of Nebelivka, Talianky and Majdanetske.

South-central Ukraine is now a dry forest-steppe zone with few wetlands suitable for the preservation of pollen. New insights into stream catchment areas mean that Durham University environmental scientists have been able to find pollen in sediments within two kilometres of Nebelivka. By concentrating the pollen grains in alluvial sediments our team has produced a diagram that has revealed the natural vegetation of the area before people arrived to settle there, the scale of the impact of their megasite, and how the vegetation recovered after they abandoned the settlement (fig. 3).

The Nebelivka plan (fig. 2)

The geophysics team from Archaeological Services, Durham University, have produced the first complete plan of a substantial megasite (Chapman et al. 2014). Nebelivka, which extends over an area of 236 hectares, is the third largest megasite known after Talianky and Majdenetske. The plan has revealed that the internal space was ordered in a far more complex way than was detectable before. It provides new information on the entire megasite, the quarters of its settlement, its neighbourhoods and its individual houses.

The plan shows that the megasite of Nebelivka was defined by a perimeter ditch. Excavation has shown that it was shallow in depth and was probably a symbolic enclosure (fig. 4). The 55-hectare area at the centre of the megasite may have been used by the people of Nebelivka for the maintenance of their animals. They may have cultivated garden plots in the 60 to 125 metre-wide space between the two main building circuits. The area between the outer main circuit and the perimeter ditch may have been where houses and pits were planned and built in a less formal arrangement. Nebelivka has a total of 1,370 houses and 22 larger buildings constructed over the 236 hectares, an average of between six and eight buildings per hectare.

The megasite has been divided into 'quarters', a model used in Near Eastern cities, based on the location of the assembly houses (Fig. 5). The quarters developed in markedly different ways with regard to their composition, size and spacing between assembly houses (fig. 6).

The neighbourhood was the basic building block of Nebelivka society. Over 160 neighbourhoods created the more intimate social spaces within the settlement, with smaller ones comprising three houses and larger ones made up of twenty-five buildings (figs. 7 - 8).

Houses, Assembly Houses and the megastructure

Trypillia archaeology is dominated by houses. Instantly recognizable on the ground by their remains of massive quantities of burnt daub, houses are the most frequently excavated features at megasites. The house was multi-functional and monumental – how it was built, how it was used and how it came to be burned down tell us a great deal about Trypillia society.

Trypillia households had crucial roles within their neighbourhood and their quarter, contributing to the provisioning and maintenance of the huge megasites. People collaborated in ritual practices and household leaders may have met in local groups to take important decisions and to resolve disputes.

Fig. 2. Simplified interpretative geophysical plan of the Nebelivka mega-site (source: D. Hale).

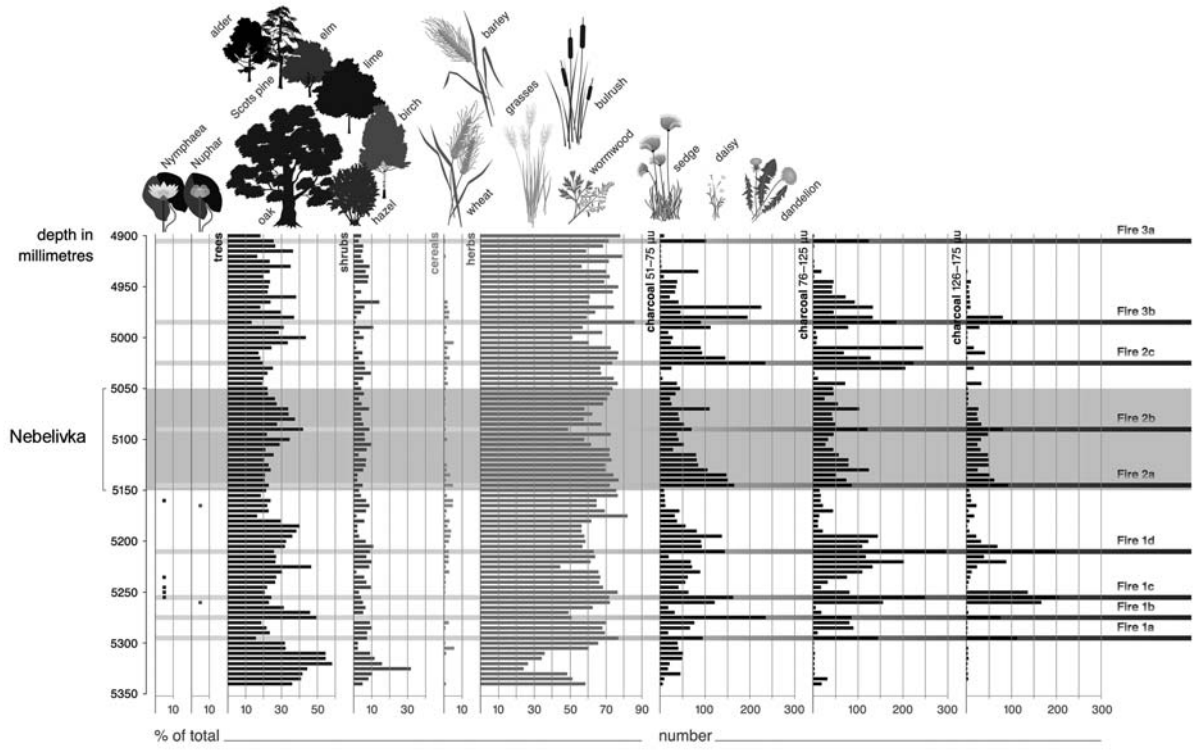


Fig. 3. Interpretative pollen diagram, with charcoal counts, for the Nebelivka 1B core (source: pollen counts: B. Albert; design: C. Unwin).

Fig. 4. Perimeter ditch, North East part of the Nebelivka megasite (source: V. Cherubini).

The inhabitants also shared household practices. Residents, visitors, ritual occupants and ancestors were all involved in the making of tools, food preparation, consumption and ceremonial activities. Such widespread and long-lived rituals often included the use of figurines and models of houses. This was crucial for the social integration of households within both their own neighbourhood and the entire megasite.

Dramatically, houses were deliberately burned at the end of their use. A common 'death-of-house' ritual was conducted by placing a 'dead house assemblage' of objects within the house before it was set alight. House-burning may have formed part of a complex mortuary rite for a person of significance within the community. During the course of this ritual other families placed objects within the house that reflected the status of the dead within wider Trypillia society. The Project built and burned down an experimental Trypillia house in 2014-2015 in order to understand the processes of house-burning in more detail (fig. 9).

The larger buildings at Nebelivka would have been 'Assembly Houses' where people gathered for public meetings. They were constructed around the two principal house circuits, either singly or in groups of two or in three, with floor plans ranging from 120 to 1,320 square metres in size (fig. 2).

In 2012, the largest house at Nebelivka was excavated (Chapman et al. 2014b; Videiko et al. 2013). This 'megastructure' was 22 metres wide and over

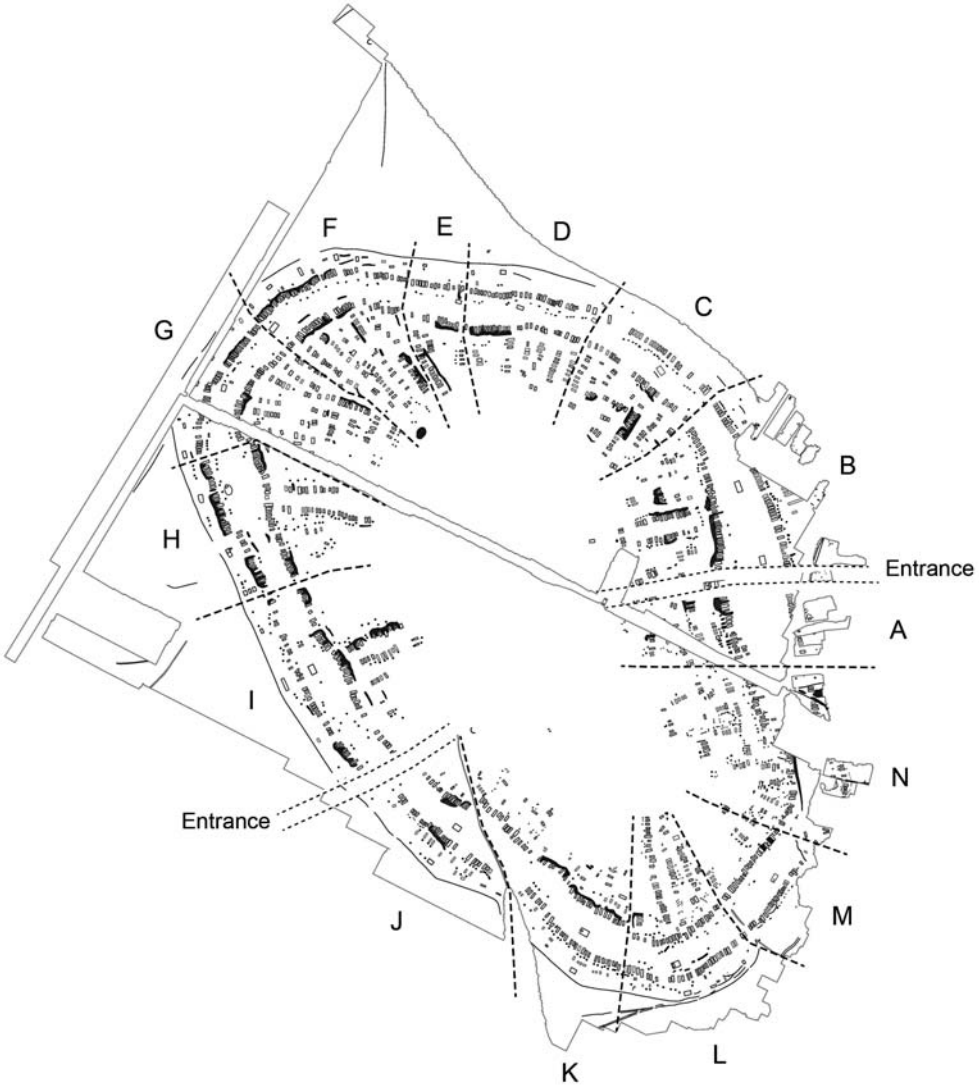


Fig. 5. Division of Nebelivka megasite into 'Quarters' (source: Y. Beadnell).

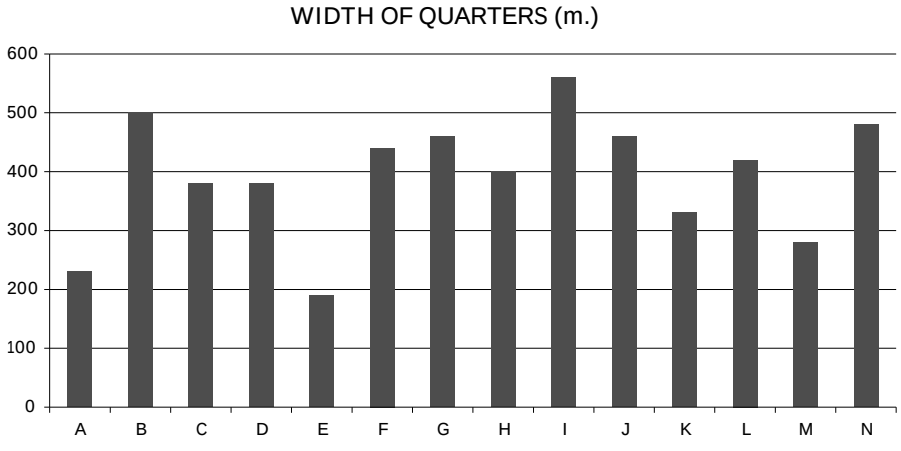


Fig. 6. (a) Spacing and (b) size of Assembly Houses, Nebelivka (source: J. Chapman).

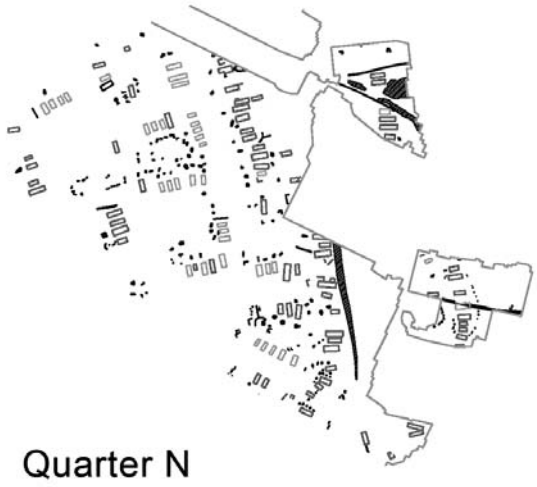


Fig. 7. Neighbourhoods in Quarter, Nebelivka (source: Y. Beadnell).

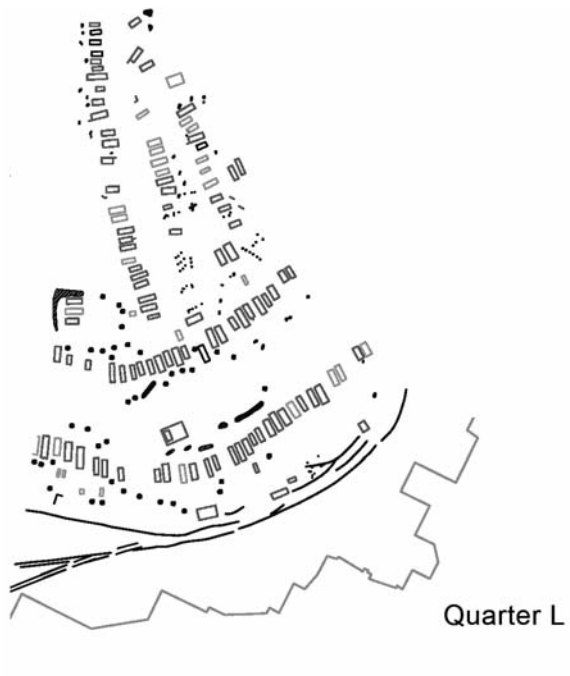


Fig. 8. Neighbourhoods in Quarter , Nebelivka (source: Y. Beadnell).

30m long, with an outdoor courtyard to the East (fig. 10). Objects placed within the house before it was burned included a set of twenty-five miniature vessels containing foodstuffs (fig. 11). A rich cultural layer including broken pottery, animal bones and clay figurines, was found around the building.

The Ukrainian interpretation of this megastructure comprises a fully roofed two-storey temple with timber walls. There were seven altars on the ground floor, and a podium the largest room on the upper floor. The rituals organized within the temple were reflected in the rich deposits of material.

The Durham side' interpretation is that the megastructure was a one-storey public building, partially roofed and with wattle-and-daub walls. There was a range of rooms at the west and the east end, with a central open space for assemblies (fig. 12).

Both interpretations agree that the megastructure was a larger expression of the household and that it co-ordinated the practices of its quarter. The labour required to build the megastructure was fifteen times that required for the construction of a standard dwelling house. The building was fitted with larger versions of the benches, platforms and bins to be found in most of the houses.

Fig. 9. The experimentsal burning of a Trypillia house reconstruction (photo: M. Nebbia).

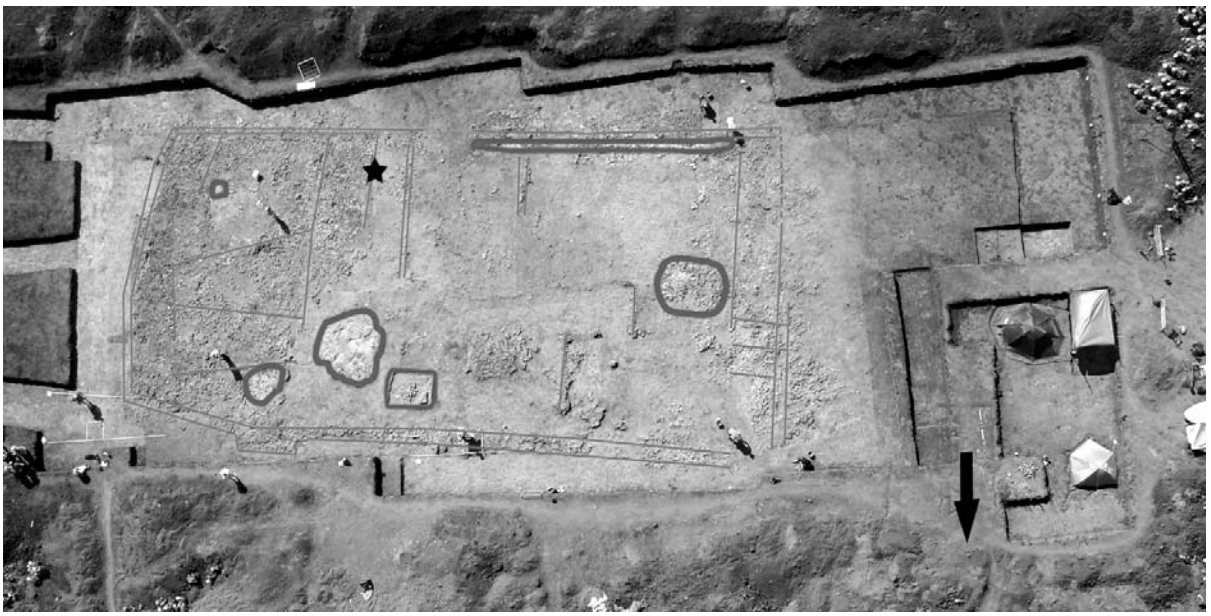


Fig. 10. Kite photo of the Nebelivka mega-structure during excavation (photo: M. Houshold).

About time

The Project has posed three specific questions about the time of the Nebelivka mega-site:

- How long did people live at the megasite?
- Did they burn houses of the same age at the end of their use and replace them with others?
- Or were most of the houses occupied together?

Finding answers to these questions will allow us to determine the population size of a megasite and to show how people lived there through time. To interpret the megasites, it is crucial to establish when the circuits, the radial streets, quarters and neighbourhoods were constructed and for how long each continued to be used.

Fig. 11. Miniature vessel, found near the East end of the Nebelivka mega-structure (photo: M. Videiko).

Radiocarbon dating provides absolute dates for different parts of the megasites. Many samples are needed to date an entire megasite. The AMS (Accelerator Mass Spectrometry) technique can date very small samples, such as charred seeds or animal bone, usually to within sixty or seventy years. The Kiel team has excavated long, thin trenches across circuits of houses and their pits to date each house circuit.

An idea that is new to megasite studies suggests that Nebelivka may not have been permanently occupied. Thousands of people journeying from other places may have gathered there at particular seasons, probably from April to September, for both secular and ritual purposes. They may have exchanged pottery, personal ornaments and gossip, arranging marriage partners and conducting group ceremonies. Perhaps a small number of people remained at Nebelivka to maintain the megasite throughout the year.

Although the main features of the megasite seem to have been deliberately planned, at a smaller scale there are irregularities and quarters and neighbourhoods differ from each other. This sug-

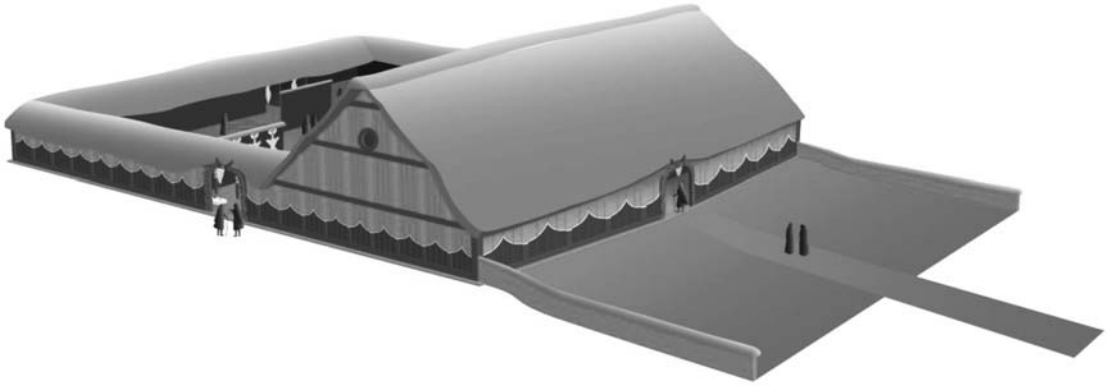


Fig. 12. Reconstruction of the Nebelivka mega-structure according to the Durham view (plan: S. Johnston; design: C. Unwin).

gests that small groups of people may have contributed to the overall plan of Nebelivka in their own way during seasonal gatherings.

This idea is supported by the pollen record. There is no evidence for the large-scale felling of trees that would have been required to build the 1,370 houses at Nebelivka at the same time (fig. 3). Charcoal analysis also suggests that people carried out house-burning ceremonies throughout the life of the megasite and did not burn all the houses together at the end of their use.

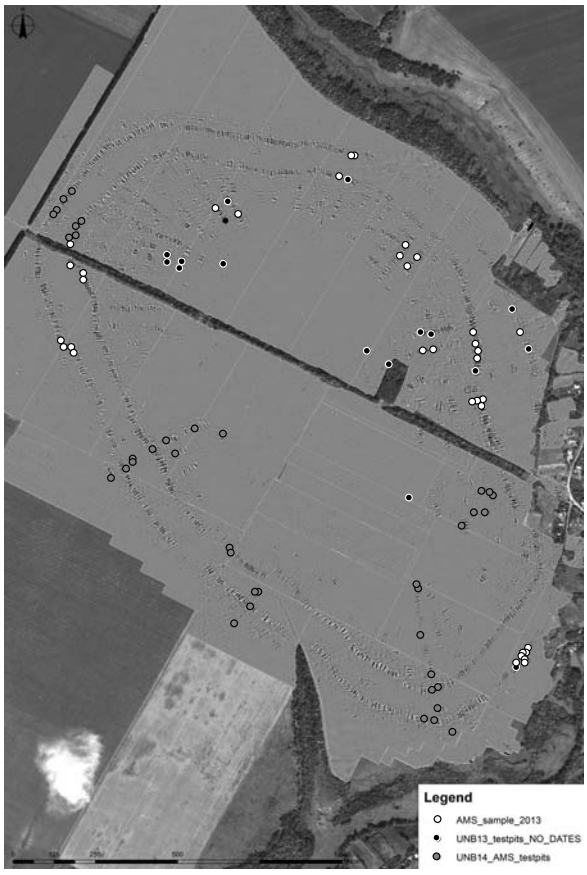


Fig. 13. Location of samples for AMS dating, Nebelivka megasite (source: M. Nebbia).

The results of the AMS dating programme and pollen analysis for Nebelivka make us question whether megasites were permanently occupied by thousands of people.

At Nebelivka we have collected samples for AMS dating from different locations to give an overall picture of how the megasite developed. Over eighty test-pits were excavated where houses had been plotted on the geophysical plan (fig. 13). Deposits were sampled from before the houses were built, from their latest use, and from their destruction by fire. This should enable us to date many of the houses within the life of the megasite and to find out how long people lived in each. When people built and lived at Nebelivka has been calculated using mathematical modelling. The site is most likely to have been occupied for one hundred and seventy years, from around 3970 BC until 3800 BC (fig. 14).

Urbanism and megasites

For at least five thousand years, urbanism has been at the core of human development, yet the study of the subject is in crisis (Gaydarska, submitted). Specialists in geography, anthropology, history and archaeology cannot agree on the reasons for calling a site 'urban', which is how classical Graeco-Roman cities are defined. Alternative concepts such as the 'low-density city' may be

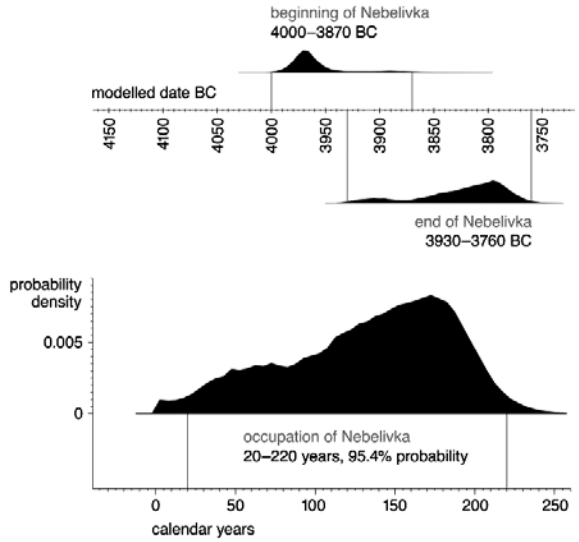


Fig. 14. Modelling of the start and finish of the occupation at the Nebelivka megasite (source: A. Millard).

useful for thinking about megasites (Fletcher, in prep.).

Our research has yet to produce a definitive answer to the number of people living at Nebelivka at any one time. The modelling of all the AMS dates, combined with architectural analysis of the Nebelivka plan, is still in progress. There may have been a few thousand seasonal inhabitants or up to nine thousand people living at the megasite. This large community may have been organized into a hierarchical society based on the thirteen quarters, 160 neighbourhoods and up to 1,370 households.

Leaders of these different groups would have emerged to organize the major logistical effort required to acquire and distribute resources for such a large population. Elite individuals and groups at urban sites generally displayed their status with special objects or by building monumental buildings. However, at the megasites, the pottery, figurines and the houses are very similar and there are no prestigious metal objects. Perhaps the metal objects of the Trypillia populations were placed in an as yet undiscovered extramural mortuary domain?

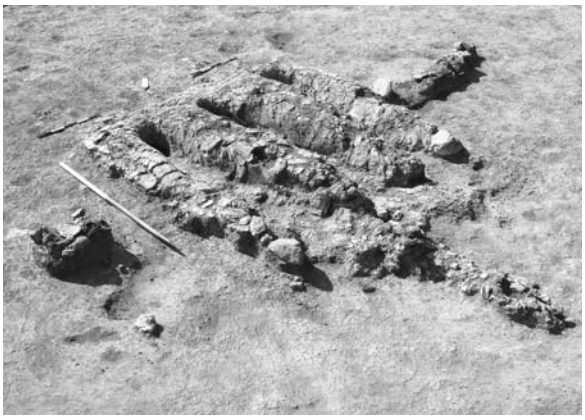


Fig. 15. Communal cooking facility, Nebelivka megasite (photo: M. Videiko).

There is little archaeological evidence so far from Nebelivka that the inhabitants specialized in crafts, but a very large area of the site is still to be excavated. In 2013, the Ukrainian side excavated an unusual fired clay feature which they interpreted as a pottery kiln (Videiko et al. 2015) but the alternative function which explains more of the form of the feature was that this was a communal cooking facility (fig. 15).

Community leaders may have placed objects in the ground in the same way as other people, but it is more likely that the whole community agreed to limit how hierarchy was expressed in accordance with their ancestral or religious beliefs.

Trypillia megasites can therefore be called 'complex non-hierarchical low-density settlements'. If their populations were made up of seasonal summer visitors or immigrants arriving at different times, then the megasites were not truly urban. If, however, their populations generally numbered up to nine thousand, then this would mean that the Trypillia megasites were the first examples of low-density urbanism in the world.

Acknowledgements

For funding: Arts & Humanities Research Council; National Geographic Society; British Academy; Durham University; Kirovograd County Council.

For support: Nebelivka village; Novoarkhangelsk District Council; Kirovograd County Council; Durham University Department of Archaeology; Institute of Archaeology NAS, Kyiv.

For creativity: Chris Unwin (exhibition designer), Aleksandr Diachenko, Stanisław Ţerna, Mariana Vasilaki, Magdolna Szilagyi and René Ohlrau (translation of exhibition text); all the student excavation volunteers.

Bibliography

Burdo et al. 2013: N. Burdo, M. Videiko, J. Chapman, B. Gaydarska, Houses in the archaeology of the Trypillia-Cucuteni groups. In: (Eds. D. Hofmann, J. Smyth) Tracking down the Neolithic house in Europe (London, Springer 2013), 95-116.

Chapman et al. 2014: J. Chapman, M. Videiko, B. Gaydarska, N. Burdo, D. Hale, R. Villis, N. Swann, N. Thomas, P. Edwards, A. Blair, A. Hayes, M. Nebbia, V. Rud, The Planning of the Earliest European Proto-Towns: A New Geophysical Plan of the Trypillia Mega-Site of Nebelivka, Kirovograd Domain, Ukraine. Antiquity Gallery: http://antiquity.ac.uk.ezphost.dur.ac.uk/projgall/chapman339/.

Chapman et al. 2014a: J. Chapman, M.Yu. Videiko, D. Hale, B. Gaydarska, N. Burdo, K. Rassmann, C. Mischka, J. Müller, A. Korvin-Piotrovskiy, V. Kruts, The second phase of the Trypillia mega-site methodological revolution - a new research agenda. European Journal of Archaeology 17/3, 2014, 369-406.

Chapman et al. 2014b: J. Chapman, M.Yu. Videiko, B. Gaydarska, N. Burdo, D. Hale, An Answer to Roland Fletcher's Conundrum?: Preliminary Report on the Excavation of a Trypillia Mega-Structure at Nebelivka, Ukraine. Journal of Neolithic Archaeology 16, 2014, 135-156: http://www.jungsteinsite.de/.

Ellis 1984: L. Ellis, The Cucuteni-Tripolye culture. A study in technology and the origins of complex society. International Series 217 (Oxford, BAR 1984).

Fletcher, in prep.: R. Fletcher, "Cities or big villages?". New approaches to great, anomalous places.

Gaydarska, submitted: B. Gaydarska, The city is dead. Long live the city! (submitted to Antiquity, August 2015).

Hale et al. 2010: D. Hale, J. Chapman, N. Swann, M. Videiko, R. Villis, Early Urbanism in Europe? Geophysical Survey at Nebelivka, Ukraine. In: Recent work in archaeological geophysics. Abstracts (London, Geological Society 2010), 35-36.

Mantu et al. 1997: C.-M. Mantu, Gh. Dumitroaia, A. Tsaravopoulos (eds.). Cucuteni. The last great Chalcolithic civili zation of Europe (Thessaloniki: Athena Printing House 1997).

Menotti, Korvin-Piotrovskiy 2012: F. Menotti, A. Korvin-Piotrovskiy (eds.). The Tripolye Culture Giant-Settlements in Ukraine. Formation, Development and Decline (Oxford: Oxbow Books 2012).

Monah, Monah 1997: D. Monah, F. Monah, The last great Chalcolithic civilization of Old Europe. In: (Eds. C.-M. Mantu, Gh. Dumitroaia, A. Tsaravopoulos,) Cucuteni. The last great Chalcolithic civili zation of Europe (Thessaloniki: Athena Printing House 1997), 15-95.

Monah 2012: D. Monah, Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie. Bibliotheca Memoriae Antiquitatis XXVII (Piatra-Neamţ 2012).

Rassmann et al. 2014: K. Rassmann, R. Ohlrau, R. Hofmann, C. Mischka, N. Burdo, M.Yu. Videjko, J. Müller, High precision Tripolye settlement plans, demographic estimations and settlement organization. Journal of Neolithic Archaeology 16, 2014, 96-134.

Videiko 2012: M.Yu. Videiko, Comprehensive Study of the Large Settlements of the Tripolye Culture: 1971-2011. Stratum Plus 2, 2012, 225-263.

Видейко 2004: М.Ю. Видейко, Енциклопедія трипільської цивілізації, т. 1 (Київ 2004).

Видейко и др. 2013: М. Видейко, Дж. Чапмен, Б. Гейдарская, Н. Бурдо, Э. Овчинников, Г. Пашкевич, Н. Шевченко, Исследования мегаструктуры на поселении трипольской культуры у с. Небелевка в 2012 году. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 97-124.

Маркевич 1981: В.И. Маркевич, Позднетрипольские племена северной Молдавии (Кишинев 1981).

Proiectul anglo-ucrainean „Urbanismul timpuriu în Europa preistorică?" aduce expoziţia itinerantă la Chişinău

Rezumat

Proiectul anglo-ucrainean „Urbanismul timpuriu în Europa preistorică?: cazul mega-siturilor tripoliene" (2012-2016), finanţat AHRC, este un proiect comun organizat de către Universitatea Durham (prof. dr. John Chapman) şi Institutul de Arheologie din Kiev (dr. Mihail Yu. Videiko). Expoziţia itinerantă internaţională care a ajuns acum la Chişinău a fost deja expusă în Ucraina (Muzeul de Istorie din Kirovograd) şi Bulgaria (Muzeul Arheologic din Varna), apoi se va deplasa în Ungaria (Eötvös Loránd University Campus, Budapesta) şi Germania (Universitatea din Kiel) înainte de a ajunge acasă, în Anglia (Universitatea Durham), în aprilie 2016.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta de localizare a grupurilor Trypillia - Cucuteni cu unele situri importante (sursa: C. Unwin).

Fig. 2. Planul geofizic interpretativ simplificat al mega-sitului Nebelivka (sursa: D. Hale).

Fig. 3. Diagrama interpretativă a polenului, cu calcularea cărbunelui, pentru centrul Nebelivka 1B (sursa: calcule polen: B. Albert; design: C. Unwin).

Fig. 4. Perimetrul şanţului, partea de nord-est a mega-sitului Nebelivka (sursa: V. Cherubini).
Fig. 5. Împărţirea mega-sitului de la Nebelivka în „cartiere” (sursa: Y. Beadnell).
Fig. 6. (a) Spaţiul şi (b) mărimea Casei Adunării, Nebelivka (sursa: J. Chapman).
Fig. 7. Cartierul N, Nebelivka (sursa: Y. Beadnell).
Fig. 8. Cartierul L, Nebelivka (sursa: Y. Beadnell).
Fig. 9. Arderea experimentală a casei tripoliene (reconstruite) (foto: M. Nebbia).
Fig. 10. Fotografia aeriană a mega-structurii de la Nebelivka în timpul săpăturilor (foto: M. Sali).
Fig. 11. Vas miniatural descoperit lângă extremitatea de est a mega-structurii de la Nebelivka (foto: M. Videiko).
Fig. 12. Reconstrucţia mega-structurii de la Nebelivka, interpretarea britanică (plan: S. Johnston, design: C. Unwin).
Fig. 13. Locul de amplasare a probelor pentru datarea AMS, mega-situl Nebelivka (sursa: M. Nebbia).
Fig. 14. Modelarea începutului şi sfârşitului ocupaţiei mega-sitului Nebelivka (sursa: A. Millard).
Fig. 15. Facilităţi comunale de gătit, mega-situl Nebelivka (foto: M. Videiko).

Передвижная выставка в рамках англо-украинского проекта «Ранняя урбанизация в доисторической Европе?» в Кишиневе

Резюме

Англо-украинский проект «Ранняя урбанизация в доисторической Европе?: феномен трипольских мегапоселений» (2012-2016), финансируемый Советом по исследованиям в области искусства и гуманитарных наук (AHRC), является совместным проектом Даремского университета (Дж. Чепмэн) и Института археологии НАН Украины (М.Ю. Видейко). Международная передвижная выставка в рамках проекта, которая сейчас прибыла в Кишинев, уже была представлена на Украине (Кировоградский исторический музей) и в Болгарии (Варненский археологический музей), а затем отправится в Венгрию (Будапештский университет им. Лоранда Этвеша) и Германию (Кильский университет). В Даремский университет выставка вернется в апреле 2016 года.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта расположения групп культуры Кукутень-Триполье с указанием нескольких важных поселений (источник: C. Unwin).
Рис. 2. Небелевка. Упрощенный геофизический план мегапоселения (источник: D. Hale).
Рис. 3. Пыльцевая диаграмма с учетом содержания каменного угля, построенная для Небелевки 1B (источник: пыльцевой анализ: B. Albert; построение: C. Unwin).
Рис. 4. Ров по периметру, северо-восточная часть мегапоселения Небелевка (источник: V. Cherubini).
Рис. 5. Разделение мегапоселения Небелевка на «кварталы» (источник: Y. Beadnell).
Рис. 6. Небелевка: (a) расположение и (b) размер «общепоселенческих домов» (источник: J. Chapman).
Рис. 7. Небелевка. Разделение в пределах квартала (источник: Y. Beadnell).
Рис. 8. Небелевка. Разделение в пределах квартала (источник: Y. Beadnell).
Рис. 9. Эксперимент по сожжению реконструкции трипольского дома (фото: M. Nebbia).
Рис. 10. Небелевка. Раскопки «мегаструктуры», аэросъемка с воздушного змея (фото: M. Houshold).
Рис. 11. Небелевка. Миниатюрный сосуд, обнаруженный у восточной стены «мегаструктуры» (фото: М. Видейко).
Рис. 12. Небелевка. Реконструкция «мегаструктуры», выполненная специалистами Даремского университета (план: S. Johnston; построение: C. Unwin).
Рис. 13. Небелевка. Расположение образцов для AMS-датирования (источник: M. Nebbia).
Рис. 14. Моделирование начала и конца периода заселенности мегапоселения Небелевка (источник: A. Millard).
Рис. 15. Небелевка. Общее сооружение для приготовления пищи (фото: М. Видейко).

10.09.2015

Prof. John Chapman, Durham University, South Road Durham DH1 3LE Great Britain, Durham, UK, e-mail: j.c.chapman@durham.ac.uk
Dr. Bisserka Gaydarska, Durham University, South Road Durham DH1 3LE Great Britain, Durham, UK, e-mail: b_gaydarska@yahoo.co.uk

VIAŢA SPIRITUALĂ A COMUNITĂŢILOR NOUA-SABATINOVKA-COSLOGENI PRIN PRISMA ELEMENTELOR NON-FUNERARE DESCOPERITE ÎN AŞEZĂRI

Mariana Sîrbu

Viaţa spirituală a comunităţilor complexului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni este puţin cunoscută, în literatura de specialitate fiind abordată, de regulă, în contextul ritului funerar, şi mai puţin prin prisma inventarului descoperit în cadrul aşezărilor. Incertitudinea cultelor practicate de către purtătorii acestor culturi arheologice face loc mai multor interpretări. Ceramica, care ar putea oferi detalii importante despre viaţa spirituală, este decorată relativ sărac, printr-un număr limitat de motive executate în relief (brâu\brâuri, butoni) şi prin adâncire (alveole, incizii) care nu presupun o simbolistică anume ce ar permite precizarea unor culte practicate de comunităţile respective. Totuşi, latura sacră este bine conturată prin locuri de cult (unele zone din „cenuşare" şi locuinţe, gropi rituale) cât şi prin prezenţa în aşezări a unor piese cărora nu li se poate atribui decât doar o semnificaţie votivă (reprezentări antropomorfe şi zoomorfe, piese din lut ars de formă sferică, semisferică prevăzută cu adâncitură mediană, vase şi rotiţe miniaturale din lut, butoni din os, pandantive ş.a.).

Plastica caracteristică grupului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni este modelată neglijent din pastă lutoasă de slabă calitate, în multe cazuri aceasta păstrând urme de cereale sau pleavă.

Figurinele antropomorfe din lut ars (fig. 1/5-12) sunt cunoscute în urma cercetărilor arheologice efectuate la Mologa (Агульников, Малюкевич 2010, 152, рис. 4/5; Sîrbu 2012, 95, fig. 5/8), Cobîlea (Демченко, Левицки 1992, рис. 2/2; Sava 2005, Abb. 11/1-2), Cândeşti (Florescu, Florescu 1990, 71, fig. 36/1, 2), Nicoleni, Bărboasa, Gârbovăţ (Florescu 1991, fig. 95/2, 3, 5, 6, 7; Tončeva 1991, fig. 9/a-e, 10; Diaconu 2008, 112, fig. 1/1, 3, 5, 6; 2/5; Sîrbu 2012, 95, fig. 5/6, 7), Giurcani, Popeni-Cerchez (Diaconu 2008, 113, fig. 1/4), Zoltan (Cavruc 1997, 98, fig. 5/6; Cavruc 2003, 95), Sava-Zonovo (Tončeva 1991, 30-33, fig. 3, 4), Novokievka (Gerškovič 1999, Taf. 36/1-12; Sîrbu 2012, fig. 8/5). Acestea sunt lucrate stilizat şi rar au trăsături bine conturate, precum cea descoperită la Nicoleni. Pe lângă figurinele modelate din lut, mai sunt cunoscute reprezentările prelucrate din piatră de la Ibăneşti (fig. 1/4), Giurcani (Diaconu 2008, 113, fig. 2/7, 8) şi din os la Popeni-Cerchez (fig. 1/1, 2) şi Truşeşti - Movila din Şesul Jijiei (fig. 1/3) (Diaconu 2008, 113, fig. 2/1-4, 6). Referitor la figurinele lucrate din os, se presupune utilizarea lor ca însemne ale puterii, fiind posibile componente ale unor sceptre (Diaconu 2008, 115)[1]. Faptul că o parte din reprezentările antropomorfe sunt masculine a permis unor cercetători să înainteze opinia conform căreia în perioada târzie a epocii bronzului a avut loc o schimbare pe plan spiritual. Şi anume, generalizarea ipostazelor plastice ale Marelui Zeu, care ar fi înlocuit definitiv cultul Zeiţei Mame (Florescu, Florescu 1990, 71; Diaconu 2014, 269).

Figurinele zoomorfe din lut ars (fig. 2/1-14) descoperite în aşezările complexului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni reprezintă diferite animale (oaia, porcul, calul, bovina). Reprezentări zoomorfe au fost descoperite la Ghindeşti (Мелюкова 1961, 8, рис. 7/1-4; Шарафутдінова 1964, 166; Sava 2005, Abb.11/3-6; Sîrbu 2012, 95, fig. 4/1-4), Mereni (Sava 2002, 77, fig. 3/1-2; Sava 2005, Abb. 11/7-8; Sîrbu 2012, 95, fig. 5/1, 2), Hansca (Никулицэ 1981, рис. 7/7; Sîrbu 2012, 95, fig. 5/4), Odaia-Miciurin (Сава, Кайзер 2011, 304, рис. 91/23; Sîrbu 2012, 95, fig. 5/3), Bălăbăneşti (Никулицэ, Каврук 1986, 79, рис. 2/22), Zoltan (Cavruc 1997, 97, fig. 5/2; Cavruc 2003, 95), Platoneşti (Renţa 2008, fig. 13, 14), Zarečnoe (Черняков 1985, 37), Trihatki (Новицкий 1980, 118, рис. 6), Novoselovka, Kirovo (Новицкий 1980, 116-118, рис. 1-4, 7), Stepovoe (Березанская, Шарафутдинова 1985, рис. 134/12; Залізняк 2005, рис. 30/28; Sîrbu 2012,

[1] Figurina din os descoperită la Truşeşti este prevăzută cu o cavitate şi o perforaţie transversală cu ajutorul căreia se putea fixa în capătul unui baston de lemn, obţinând astfel statut de obiect simbolic (Diaconu 2008, 116).

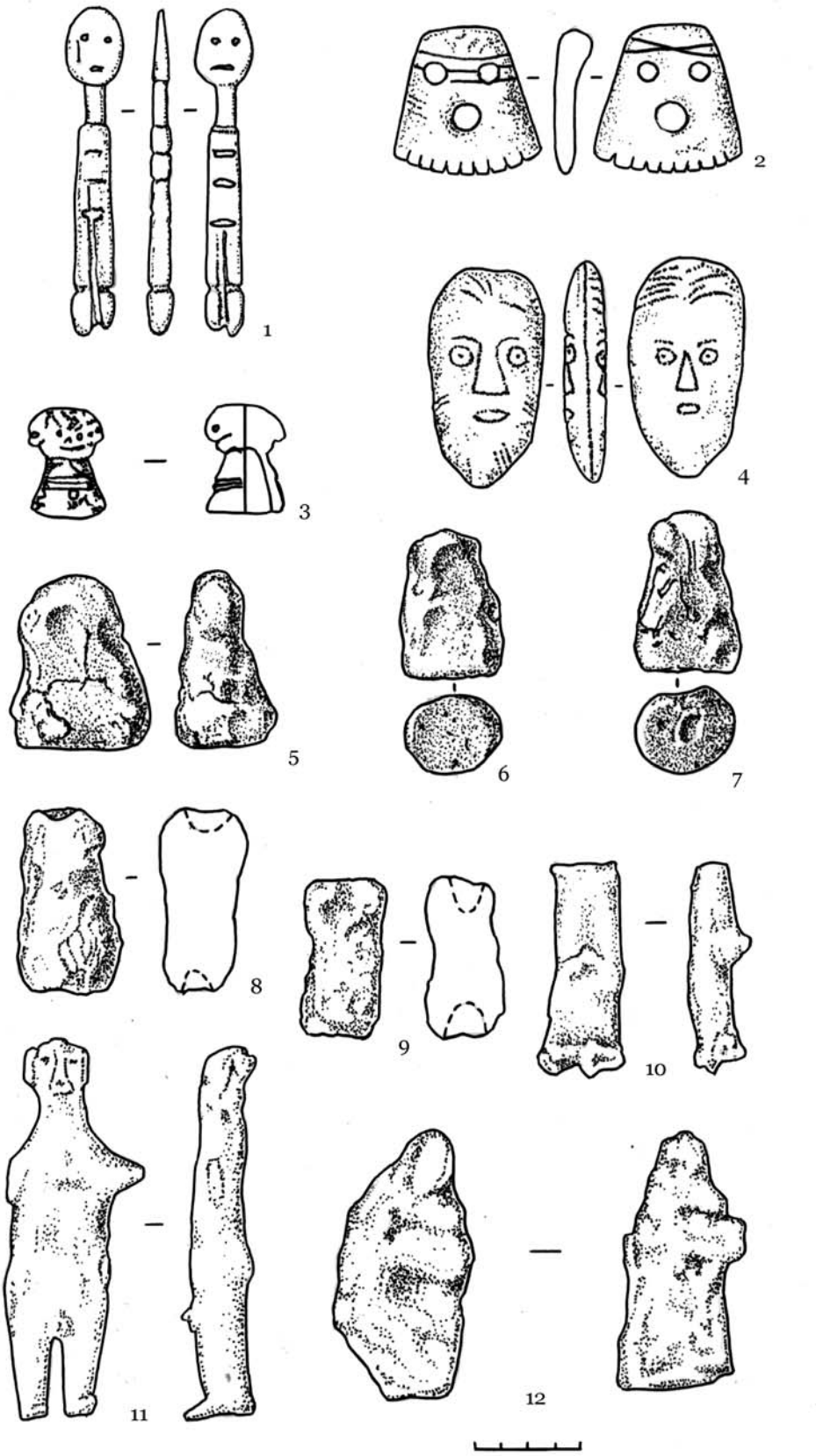


Fig. 1. Reprezentări antropomorfe: 1, 2 - Popeni (după Diaconu 2008, fig. 2/1, 6); 3 - Truşeşti (după Florescu 1991, fig. 154/1); 4 - Ibăneşti (după Diaconu 2008, fig. 2/7); 5-7 - Novokievka (după Gerškovič 1999, Taf. 36/1, 9, 10); 8, 9 - Cobîlea (după Sava 2005, Abb. 11/1, 2); 10, 11 - Nicoleni (după Florescu 1991, fig. 95/2, 3); 12 - Mologa (după Агульников, Малюкевич 2010, рис. 4/5). 1-3 - os; 4 - piatră; 5-12 - lut ars. 1-4, 10-11 - fără scară.

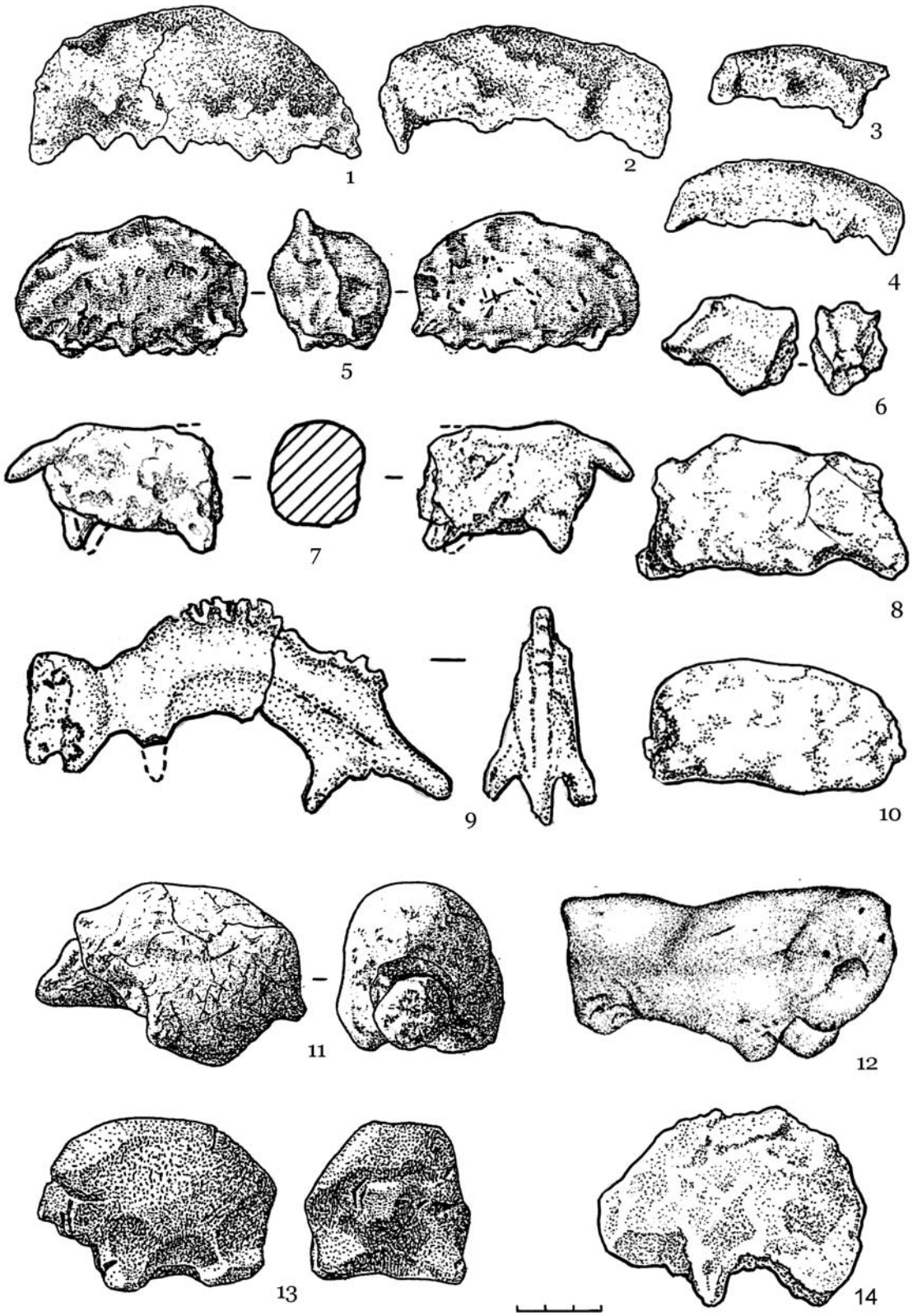


Fig. 2. Reprezentări zoomorfe din lut ars: 1-4 - Ghindeşti (după Мелюкова 1961, рис. 7/1-4); 5, 11, 13 - Novokievka (după Gerškovič 1999, Taf. 18/4, 5; 36/13); 6 - Hansca (după Никулицэ 1981, рис. 7/7); 7 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 91/23); 8, 10 - Mereni (după Sava 2002, fig. 3/1, 2); 9 - Lichitişeni (după Florescu 1991, fig. 95/1); 12 - Platoneşti (după Renţa 2008, fig. 13); 14 - Stepovoe (după Шарафутдинова 1985, рис. 134/12). 9, 12, 14 - fără scară.

fig. 8/8), Novokievka (Gerškovič 1999, Taf. 18/4-5, 36/13, 38/8; Sîrbu 2012, fig. 8/7; Залізняк 2005, рис. 30/27), Čikalovka (Шарафутдінова 1964, 156-157, рис. 6/15). Aici merită a fi menţionată şi figurina zoomorfă descoperită la Lichitişeni (Florescu 1991, fig. 95/1; Sîrbu 2012, 95, fig. 5/5), care nu reprezintă un animal domestic şi nici unul sălbatic ce putea fi vânat în păduri, aceasta amintind mai degrabă o reptilă sau un animal fantastic. Prezenţa figurinelor zoomorfe şi antropomorfe în depuneri rituale, care urmează a fi prezentate mai jos, vorbeşte despre semnificaţia votivă a acestor piese, folosite probabil ca jertfe sau accesorii de cult în practicarea anumitor ritualuri. În acest sens, ipoteza conform căreia acestea ar reprezenta jucării pentru copii este puţin probabilă.

Rotiţele miniaturale din lut ars (fig. 3/1-5) au formă circulară în plan şi bitronconică aplatizată în secţiune, cu butucul proeminent, prevăzut cu orificiu central. Înălţimea acestora variază între 2,0-2,5 cm şi au diametrul de 3,5-4,5 cm. Rotiţe miniaturale au fost descoperite în aşezările de la Cândeşti (Florescu, Florescu 1990, 61-62, fig. 31/3), Olteni (Cavruc 2003, 78, foto nr. 156), Simioneşti (Florescu 1991, fig. 97/2; Sîrbu 2012, 98, fig. 6/3), Zoltan (Cavruc 1997, 98, fig. 5/1), Ulmu (Florescu 1991, fig. 96-A/2; Morintz, Anghelescu 1970, fig. 22/4; Morintz 1978, 134, fig. 73/1), Nisporeni (Дергачев 1973, 92; Дергачев 1986, 177, рис. 51/12; Sîrbu 2012, 98, fig. 6/2), Suruceni (Никулицэ 1979, 7, рис. 8), Calfa (Чеботаренко 1963, 15-16, рис. 13а), Novokievka (Gerškovič 1999, 63, Taf. 38/5, 6; Sîrbu 2012, 98, fig. 8/4-6), Rozanovka (Гребенников, Горбенко 2010, 161). Rotiţe miniaturale din lut ars sunt întâlnite şi în aşezările altor culturi, precum Tei (Leahu 1966, fig. 42/1-4), Costişa (Cavruc, Dumitroaia 2001, Pl. 77/4), Otomani, Wieteberg, Monteoru (Florescu 1979, 62, 102-106, fig. 23/1-5; Florescu, Florescu 1990, 62), Srubnaja (Березанская 1990, 88, рис. 23/2; Gerškovič 1999, 69), Belogrudovka (Тереножкин 1961, 52, рис. 28/7; Березанская 1985, рис. 136/24; Залізняк 2005, рис. 34/7). Analogii se întâlnesc şi în aşezările din perioada hallstattului timpuriu (Дергачев 1976, 51, рис. 33/17; Мелюкова 1980, 16, рис. 15/9; Кашуба 2000, рис. XXXII/6; Mareş et al. 2008, 120-121). În perioada tardivă a epocii bronzului cât şi în perioada Hallstattului timpuriu carul votiv sugera mersul soarelui pe cer din momentul apariţiei până la apus şi consecutivitatea acestui fenomen care avea profunde implicaţii în viaţa omului şi se prezenta printr-un simbol bine ales – roata care se învârte continuu (Florescu 1979, 105). Anterior folosirii carului ca mijloc de transport, acesta a fost *„vehiculul procesiunilor rituale: el plimba simbolul Soarelui sau imaginea zeului solar”* (Eliade 1996, 23).

Rondelele (fig. 3/7-12) lucrate din fragmente ceramice de vas sau din lut ars. Diametrul acestora variază între 2,2 şi 5,3 cm, iar grosimea lor constituie 0,6-2,2 cm. Rondelele au suprafaţa bine şlefuită şi marginile rotunjite. Mai rar sunt descoperite unităţi prevăzute cu un mic orificiu central (Мелюкова 1956, 12-13; Florescu, Florescu 1990, 61) sau cu un şir de împunsături executate în cerc sau haotic pe una din laturi (Florescu 1991, fig. 96/11; 97/12-13; Gerškovič 1999, Taf. 18/2). Rondele s-au descoperit în majoritatea aşezărilor de tip Noua-Sabatinovka-Coslogeni cercetate, printre care menţionăm pe cele de la Ghindeşti (Мелюкова 1956, 12-13), Suruceni (Никулицэ 1979, 8-9, рис. 13), Cobîlea (Демченко, Левицкий 1992, 125; Левицкий 1988, рис. 16/2; 17/4; 32/2; Sîrbu 2012, fig. 6/6, 7), Odaia-Miciurin (Сава, Кайзер 2011, 302, рис. 91/14-20; Sîrbu 2012, fig. 6/4, 5), Cândeşti (Florescu, Florescu 1990, 61, fig. 31/7, 8), Tăvădăreşti (Florescu, Căpitanu 1968, fig. 7/7; Florescu 1991, fig. 96/11), Gârbovăţ (Florescu 1991, fig. 97/12, 13; Sîrbu 2012, fig. 6/8-10), Rotbav (Vulpe, Dietrich, Dietrich 2008, 263), Gorodnicja (Крушельницька 2006, рис. 33/5), Novoselica (Тощев, Черняков 1986, 129), Novokievka (Gerškovič 1999, Taf. 18/2; 33/10, 11; Sîrbu 2012, fig. 8/2). Semnificaţia rondelelor este incertă, iar descoperirea lor în unele cazuri alături de alte piese cu caracter votiv presupune şi lor o atribuţie cultică. Unii specialişti presupun folosirea rondelelor ceramice şi a discurilor de piatră, despre care vom discuta mai jos, în calitate de mosoare (Тощев, Черняков 1986, 129). Cu aceeaşi probabilitate, rondelele din fragmente ceramice de vas puteau reprezenta şlefuitoare sau jetoane pentru joc asemeni astragalilor din os. Ţinem să precizăm că, interpretările sugerate mai sus rămân a fi deocamdată ipoteze de lucru care sperăm să fie verificate în procesul cercetărilor ce vor fi efectuate pe viitor.

Vasele miniaturale (fig. 3/13-18) au de regulă formă de oală sau tigaie. Văscioarele pot avea pereţii drepţi sau uşor evazaţi, cu diametrul gurii vădit mai mare decât cel al bazei. De regulă, baza acestora are marginea uşor reliefată, iar înălţimea lor variază între 3,0-3,7 cm (Шарафутдинова 1982,

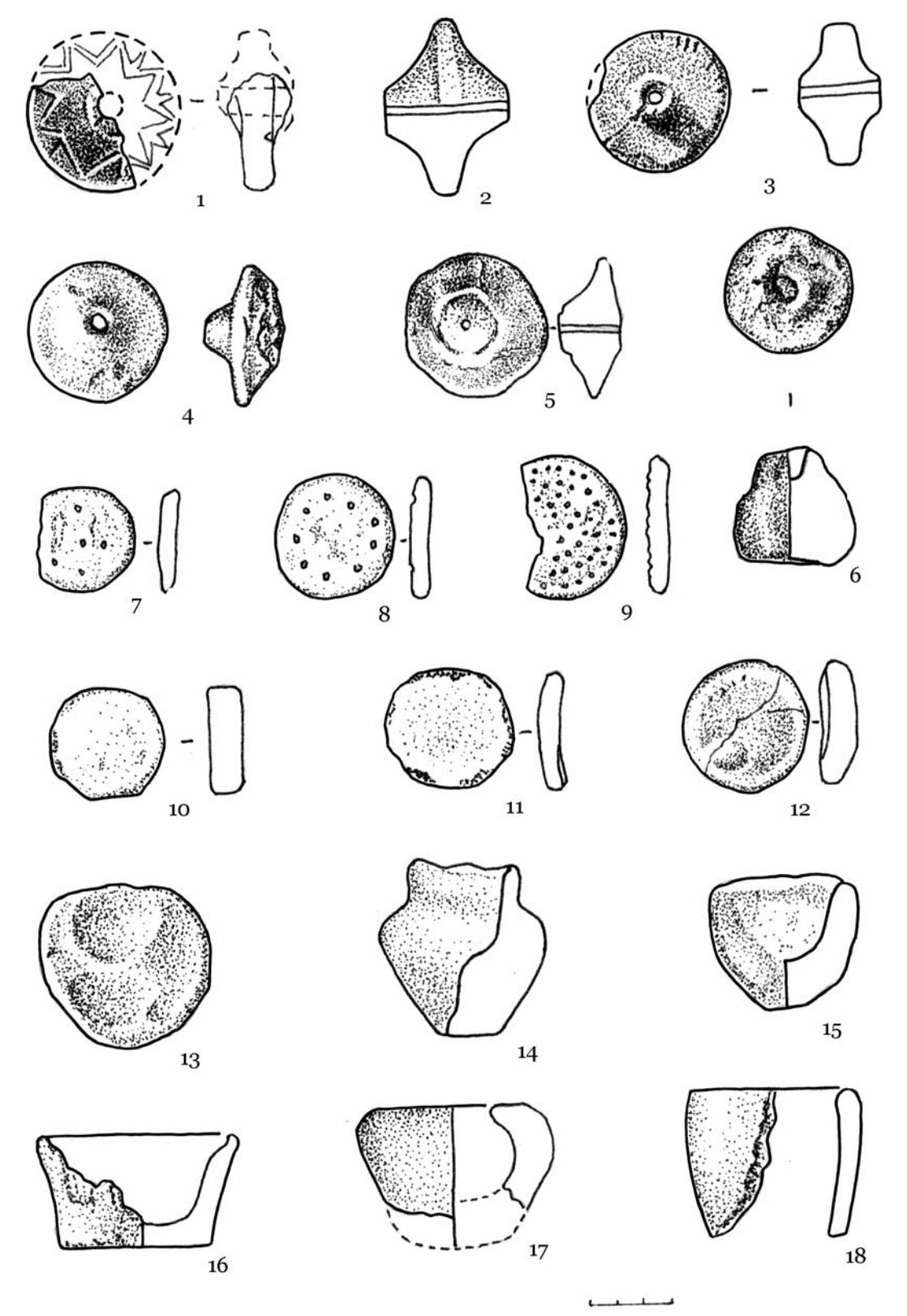


Fig. 3. Rotiţe miniaturale: 1, 3 - Novokievka (după Gerškovic 1999, Taf. 38/5, 6); 2 - Simioneşti (după Florescu 1991, fig. 97/2); 4 - Suruceni (după Никулицэ 1979, рис. 8); 5 - Nisporeni. Rondele: 7-9 - Gârbovăţ (după Florescu 1991, fig. 96/11; 97/12, 13); 10 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 91/19); 11 - Cobîlea (după Левицкий 1988, рис. 17/4); 12 - Novokievka (după Gerškovič 1999, Taf. 18/2).
Vase miniaturale: 6 - Nisporeni; 13 - Olteni (după Buzea 2003, foto 159); 14, 16, 18 - Ostrivec (după Балагурі 1968, рис. 5/14, 21, 22); 15, 17 - Cobîlea (după Levitsckii, Sava 1993, des. 11/7; 13/9). 13-18 - fără scară.

103). Sunt modelate neglijent şi nu se deosebesc prin compoziţia pastei şi arderii de alte vase caracteristice complexului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni. Vase miniaturale au fost descoperite la Ghindeşti[2], Cobîlea (Levitskii, Sava 1993, des. 11/7, 13/9), Ostrivec (Балагурі 1968, 144, рис. 5/14, 21, 22), Mahala (Смирнова 1972, 21, рис. 5/13), Olteni (Cavruc 2003, 79, foto 159), Cândeşti (Florescu, Florescu 1990, fig.18/3), Negrileşti (Diaconu 2014, 150), Rotbav (Vulpe, Dietrich, Dietrich 2009, 188), Sabatinovka, Uškalka, Čikalovka, Zmejevka (Шарафутдинова 1982, 103). În „cenuşarul" nr. 3 cercetat în aşezarea culturii Noua de la Mahala a fost descoperită o concentraţie din 12 vase miniaturale, lângă care au fost găsite şi două piese semisferice din lut prevăzute cu adâncitură pe mijloc, cunoscute în literatura de specialitate şi sub denumirea de „hlebcy" (Смирнова 1972, 16, рис. 1; idem 1993, Abb. 4). În aşezarea de tip Sabatinovka de la Nisporeni a fost găsită o piesă de formă conică, cu capătul de sus adâncit în interior care, probabil, la fel, reprezintă o imitaţie de vas (fig. 3/6). La Zmejevka a fost descoperită o tigaie miniaturală cu diametrul de 5,5 cm şi înălţimea de 1,2 cm (Шарафутдинова 1982, 103). Vase miniaturale sunt cunoscute şi în cadrul culturilor Trzciniec (Залізняк 2005, рис. 28/4), Belogrudovka[3], (Тереножкин 1961, 52, рис. 28/1-4, 6; Березанская 1982, 177; idem 1985, рис. 136/12; Залізняк 2005, рис. 34/42, 49-51), Belozerka (Шарафутдинова 1982, 103); Gava-Holigrady (Mareş et al. 2008, 120-121). Posibil, acestea erau utilizate ca recipiente miniaturale în „scenariul" unui anumit ritual.

Piese de formă sferică, semisferică cu adâncitură mediană, ovală, discoidale şi în formă de covrig (fig. 4/1-16) modelate din lut ars similar după conţinutul pastei celui folosit pentru modelarea figurinelor. Piesele de formă sferică sunt cunoscute în literatura de specialitate sub denumirea de bile, globuleţe, ouşoare sau bulgări (diametrul 5,0-6,0 cm), iar cele de formă semisferică sau oval alungită, prevăzute cu adâncitură mediană – „pâinici", „pâinişoare"[4] (diametrul – 5,0-6,0 cm). O excepţie prezintă cele descoperite în groapa rituală din aşezarea Mologa, dimensiunile cărora variază între 6,0×5,0 cm şi 12,0×4,5 cm (Агульников, Малюкевич 2010, 156). Astfel de piese au fost descoperite *răzleţ* la Ghindeşti (Мелюкова 1961, 22, рис. 7/5, 6), Cobîlea (Левицкий 1988, 13-31, рис. 5/4; 24/2; Sîrbu 2012, 92, fig. 2/6), Ostrivec (Балагурі 1968, 144), Odaia-Miciurin (Сава, Кайзер 2011, 303, рис. 91/1, 3-6; Sîrbu 2012, 92, fig. 2/10, 11; 7/2, 3), Bălăbăneşti (Никулицэ 1983, 19, рис. 5/29), Gura-Galbenei (Дергачев 1973, 100), Lăţeşti, Popeni, Giurcani (Rotaru 1983, fig. 6/3-8, 11-14), Cavadineşti (Dragomir 1959, 456-457, fig. 3/5,6), Rotbav (Dietrich 2011, 117), Zoltan (Cavruc 2003, 95), Coslogeni (Neagu, Nopcea 2007, 472-473), Ciulniţa, Stelnica (Renţa 2008, 28, 36) şi *grupate* la Mahala (Смирнова 1972, 16, 18 рис. 1; 5/14, 15; Smirnova 1993, Abb. 4, 8/14-15; Sîrbu 2012, 92, fig. 2/4, 5), Slobozia-Şireuţi, Costeşti (Дергачев 1969, 116; Дергачев 1976, 41), Petruşeni (Левицкий 1985, рис. 15/19; 16/1-4, 6, 9; Levitsckii, Sava 1993, 93, des. 2; 3/15; Sîrbu 2012, 92, fig. 2/1-3; 7/1), Sarmuza (Агульников 1984, 10; Агульников 2006, 229, рис. 7/2, 4), Căuşeni (Левинский 1986, рис. 6/6; 7/2, 4; 8/5; 9/1-4; Sîrbu 2012, 92, fig. 2/7-9), Cocoara (Лапушнян 1969, 8; Агульников, Левинский 1990, 79), Platoneşti (Reniţa 2008, 32, fig. 15-17), Novoselica (Тощев, Черняков 1986, рис. 4/10-15), Mologa (Агульников, Малюкевич 2010, 156, рис. 4/1-4, 6-11; Sîrbu 2012, 92, fig. 2/12), Novokievka, Uškalka (Gerškovič 1999, 53, 64, 66, Taf. 18/1-3; 37/2-11; 38/1-3; Иванова, Дзнеладзе 2006, 266-267; Sîrbu 2012, fig. 8/3), Gribovka (Иванова, Дзнеладзе 2006, 266, рис. 1/1), Čikalovka (Шарафутдінова 1964, 156-157, рис. 6/12-14). Analogii sunt cunoscute şi în Hallstattul Timpuriu (Кашуба 2000, рис. XXXII/4, 5, 12). În literatura de specialitate acestea sunt considerate a fi simbol al cultului agricol, dat fiind faptul că în pasta multor din ele s-au observat resturi sau urme de cereale (orz, secară, grâu) (Агульников, Левинский 1990, 79). Alţi autori le consideră a fi obiecte folosite în cadrul procesului de gătit (Dietrich 2011, 117). Prezenţa lor în locuinţe, lângă vatră, presupune legătura lor cu cultul focului, al vetrei casei, caracteristic popoarelor de păstori-agricultori (Шарафутдінова 1964, 166). Posibil, împreună cu figurinele zoomorfe, alături de care sunt descoperite în unele cazuri, acestea simbolizau pâinea şi carnea şi reflectau ocupaţiile de bază ale comunităţilor Noua-Sabatinovka-Coslo-

[2] Material inedit. Locul păstrării: Fondurile Muzeului Naţional de Istorie.

[3] În fiecare „cenuşar" de tip Belogrudovka cercetat au fost descoperite în jur de 35 de văscioare de regulă amplasate sub vetre alături de alte piese de cult (Березанская 1982, 177).

[4] Denumirea de „pâinici" este un calc lingvistic al termenului din limba rusă „hlebcy", cu care este denumită această categorie de piese în literatura de specialitate rusă şi ucraineană.

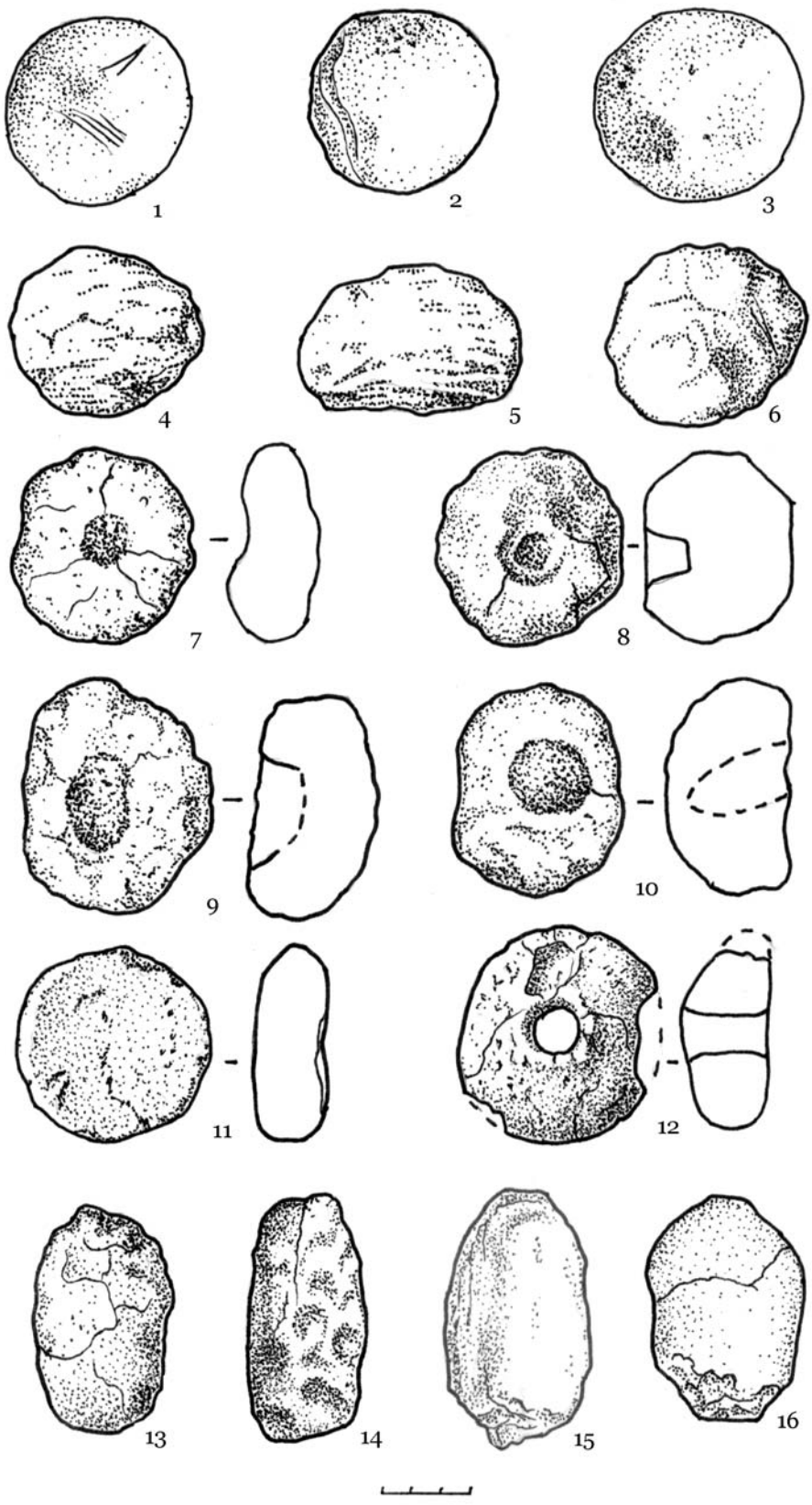


Fig. 4. Piese din lut ars: 1-3, 13 - Petruşeni (după Левицкий 1985, рис. 15/19, 16/1, 3, 6); 4, 5 - Mahala (după Смирнова 1972, рис. 5/14, 15); 6 - Cobîlea (după Левицкий 1988, рис. 24/2); 7 - Giurcani (după Rotaru 1983, fig. 6/6); 8 - Căuşeni (după Левинский 1986, рис. 8/5); 9, 15, 16 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 91/1, 3, 5); 11, 12, 14 - Novokievka (după Gerškovič 1999, Taf. 18/1; 37/8; 38/2); 10 - Mologa (după Агульников, Малюкевич 2010, рис. 4/6).

geni, şi anume – creşterea animalelor şi agricultura. Bilele din lut, la fel ca şi piesele de formă ovală din piatră, ce urmează să fie prezentate mai jos, erau posibil legate de cultul renaşterii şi al fertilităţii (Березанская 1982, 180). Respectarea ritualurilor ce ţineau de aceste practici religioase se făcea cu scopul asigurării bunăstării locuinţei (Березанская 1982, 168). Analogii sunt cunoscute în cadrul mai multor culturi din perioada târzie a epocii bronzului (Корочкова 2009, 26, рис. 2/16, 19), acest cult fiind răspândit de purtătorii culturii Sabatinovka (Тощев, Черняков 1986, 137). Conform datelor descifrate de pe tăbliţele cuneiforme, analogii sunt cunoscute şi în cadrul practicilor votive respectate de comunităţile hitite, care aduceau ca jertfe în cadrul ritualului numit „marea adunare" pâini de diferite forme (zoomorfă, antropomorfă, teomorfă), majoritatea din ele fiind sfărâmate (Тощев, Черняков 1986, 135).

Butonii (fig. 5/1-6) Au formă discoidală şi sunt realizaţi din os, fiind cunoscut doar un exemplar lucrat din corn de cerb. Dimensional butonii se încadrează între 2,3-7,7 cm în diametru. Se împart în trei tipuri: a) butoni cu suport de prindere; b) butoni cu perforaţie centrală; c) butoni neperforaţi (Diaconu, Sîrbu 2014, 127). Din cele 16 exemplare cunoscute la etapa actuală pe întreg arealul grupului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni, doar unul este nedecorat (Diaconu, Sîrbu 2014, 127). Decorul prezintă simbolul solar, redat în manieră statică (raze, cercuri) sau dinamică (spirale) (Diaconu 2014, 270). Butoni au fost descoperiţi la Slobozia-Şireuţi (Дергачев 1969, 117, табл. III/19; Sîrbu 2011, 205, fig. 9/7; Diaconu, Sîrbu 2014, 127, fig. 2/12a-b), Cândeşti (Florescu, Florescu 1990, 71, fig. 34/4), Andrieşeni, Gârbovăţ, Bărboasa, Lichitişeni, Cavadineşti (Florescu 1991, fig. 153/1-8; Diaconu, Sîrbu 2014, 125-127, fig. 2/2-9), Crasnaleuca, Târgu Secuiesc (Cavruc 1998, fig. 2/2, 7; Diaconu, Sîrbu 2014, 126-127, fig. 2/1, 13), Dumeşti, Mihăileni (Diaconu, Sîrbu 2014, 126, fig. 2/10, 11). Alte trei exemplare provin din necropolele Pererîta (Яровой, Курчатов 1988, рис. 8/6; Cavruc 1998, fig. 2/1; Sava 2002a, fig. 36/3; Sîrbu 2011, 205, 214, fig. 9/6; Diaconu, Sîrbu 2014, 126-127, fig. 3/3), Crasnoe (Серова, Яровой 1987, рис. 17/4; Савва 1992, 45-46, рис. 14/14; Sîrbu 2011, 205, 209, fig. 9/8) şi Nagornoe (Савва 1992, 45-46, рис. 14/13; Черниенко 2014, рис. 2/13). Simbolul solar, reprezentat prin ornamentul de pe butoanele de os, ne vorbeşte despre existenţa cultului solar la comunităţile Noua-Sabatinovka-Coslogeni. Reprezentarea simbolică a soarelui se făcea pe piese care, posibil, reprezentau însemne ale puterii, superiorităţii. Piese similare sunt cunoscute şi în cadrul culturilor Srubnaja şi al ceramicii cu multe brâie (Березанская и др. 1994, 165, рис. 52/3-5). Discuri modelate din lut şi prevăzute cu ornament incizat, de regulă reprezentând simbolul soarelui, au fost descoperite şi în aşezările culturii Monteoru (Florescu 1979, 82, 10-108, fig. 8/1, 2). După părerea M. Florescu, raritatea discurilor de lut permite presupunerea că acestea erau purtate de persoane care aveau un anumit rol în cadrul anumitor ritualuri legate de cultul soarelui (Florescu 1979, 82, 108), ceea ce putem admite şi pentru butoanele din os. Simbolul solar este reprezentat şi pe un fragment de măciucă, descoperit în aşezarea culturii Noua de la Slobozia-Şireuţi (Дергачев 1969, 118, табл. III/24).

Pandantivele (fig. 5/7-26). Este dificil de precizat care din pandantivele caracteristice acestor culturi erau simple podoabe şi care aveau semnificaţie votivă. Însă, ţinând cont de anumite criterii, putem presupune că pandantivele cruciform-antropomorfe din bronz, trapezoidale din os şi colţii de animal reprezentau amulete. Amuletele erau purtate cu scopul transmiterii către persoana posesoare a calităţilor reale ale fiinţei sau obiectului reprezentat de amuletă (Florescu 1979, 112).

Pandantivele trapezoidale prelucrate din os plat de animal (fig. 5/8-12) sunt prevăzute în partea superioară cu un orificiu de suspensie. Două pandantive trapezoidale din bronz cu capătul răsucit provin din depozite de bronzuri (Шарафутдинова 1982, рис. 52/8; Sîrbu 2013, 214, fig. 6/4), în aşezări fiind descoperite exemplare prelucrate exclusiv din os, cu dimensiuni ce variază între 4,5-7,2 cm lungime şi 2,3-4,5 cm lăţime. Acestea provin din aşezările Ghindeşti (Мелюкова 1961, рис. 9/4; Sîrbu 2011, 205, fig. 9/2), Petruşeni (Levitskii, Sava 1993, des. 3/11; Sîrbu 2011, 205, fig. 9/3), Odaia-Miciurin (Сава, Кайзер 2011, рис. 84/14; Sîrbu 2011, 205, fig. 9/10) şi Novoselica (Тощев, Черняков 1986, рис. 6/7). Analogie prelucrată din lut ars este cunoscută în cadrul culturii Monteoru (Florescu 1979, 116, fig. 27/3). Probabil, forma trapezoidală a acestora imită figura feminină (Березанская 1982, 176). Un pandantiv din os de formă ovală alungită cu capătul mai îngust uşor dilatat, prevăzut central cu orificiu a fost descoperit în aşeza-

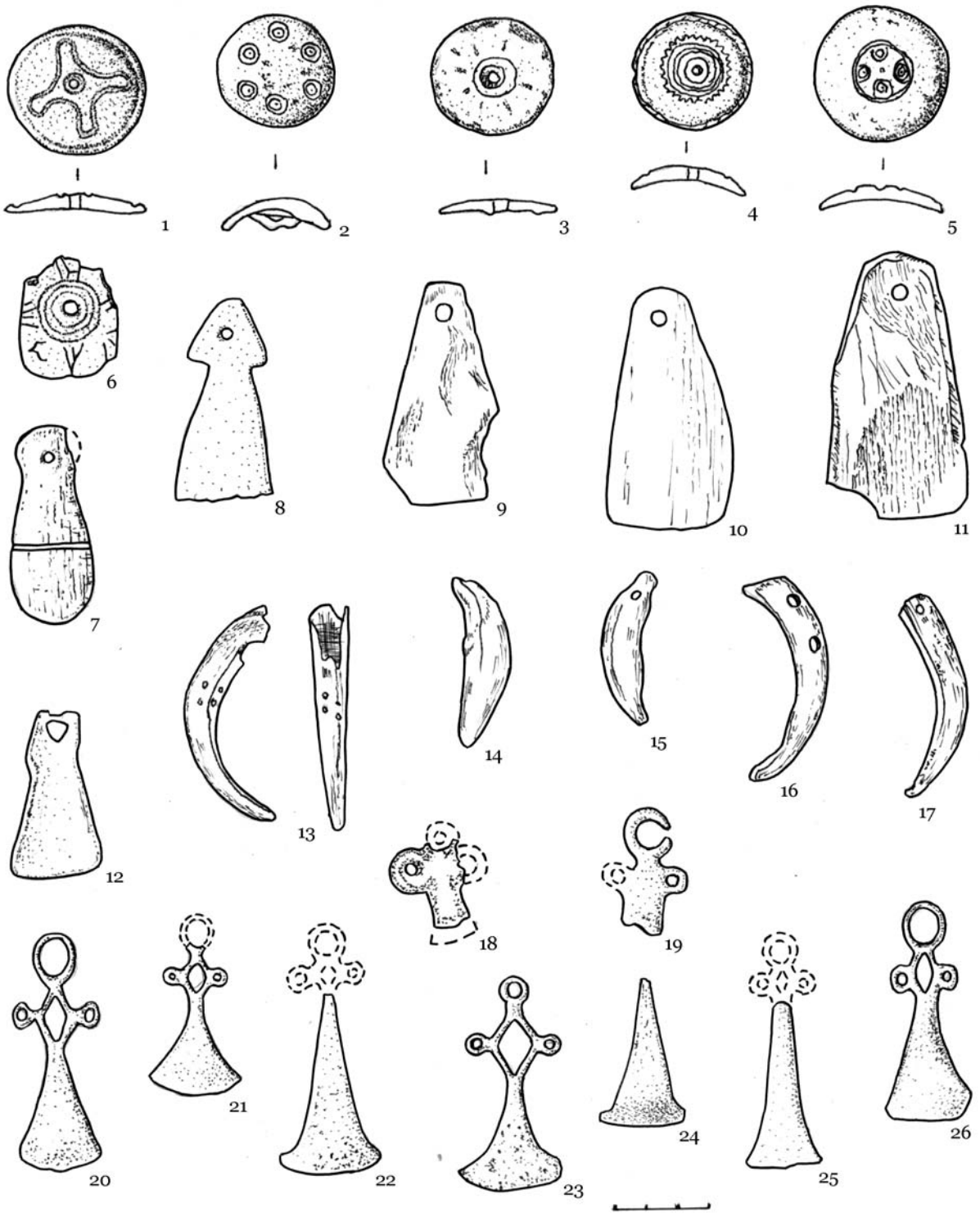


Fig. 5. Butoni din os: 1 - Bărboasa (după Florescu 1991, fig. 153/4); 2 - Cavadineşti (Florecu 1991, fig. 153/8); 3, 4 - Gârbovăţ (după Florescu 1991, fig. 153/3, 7); 5 - Andrieşeni (după Florescu 1991, fig. 153/1); 6 - Slobozia-Şireuţi. Pandantive din os: 7 - Zlatopol' (după Gerškovič 1999, Taf. 10/4); 8 - Slobozia-Şireuţi; 9 - Ghindeşti (după Мелюкова 1961, рис. 9/4); 10 - Novoselica (după Тощев, Черняков 1986, рис. 6/7); 11 - Petruşeni (după Levitsckii, Sava 1993, des. 3/11); 12 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 84/14). Pandantive din dinţi de animale: 13 - Ghindeşti (după Мелюкова 1961, рис. 11/6); 14-16 - Gîrbovăţ (după Florescu 1991, fig. 155/2, 5, 11); 17 - Cavadineşti (după Florescu 1991, fig. 155/10). Pandantive din bronz: 18 - Ostrivec (după Балагурі 1968, рис. 3/8); 19 - Mahala (după Смирнова 1968, рис. 7/I 21); 20, 26 - Ulmi-Liteni (după Diaconu 2012, fig. 1/1, 11); 21 - Mălăieşti (după Diaconu 2012, fig. 2/3); 22, 25 - Ghindeşti (după Dergacev 2012, fig. 8/23, 24); 23 - Belceşti (după Diaconu 2012, fig. 1/12); 24 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 72/26). 1-5, 10, 14-19 - fără scară.

rea culturii Sabatinovka de la Zlatopol' (fig. 5/7) (Gerškovič 1999, Taf. 10/4). Un alt exemplar de pandantiv trapezoidal din os a fost descoperit la Slobozia-Şireuţi. Partea superioară a acestuia se termină în formă de triunghi, prevăzut pe mijloc cu un mic orificiu de suspensie, în ansamblu piesa amintind o siluetă feminină (Дергачев 1969, табл. III/16; Sîrbu 2011, 205, fig. 9/4). O piesă asemănătoare celei descoperite la Slobozia-Şireuţi este cunoscută în aşezarea culturii Srubnaja de la Iličevka (Березанская 1982, рис. 67/5).

Pandantivele din dinte de animal (mistreţ, cerb, porc, câine etc.) (fig. 13-17) posibil reprezentau amulete care erau în strânsă legătură cu cultele practicilor vânătoreşti şi ale creşterii animalelor. Nu este exclus ca acestea să fi fost trofee, simbol al supremaţiei omului asupra animalului. Pandantive din dinte de animal au fost descoperite în aşezările de la Ghindeşti (Мелюкова 1961, рис. 11/6; Sîrbu 2011, 205, fig. 9/9), Căuşeni (Левинский 1986, рис. 5/7, 6/7), Gârbovăţ, Cavadineşti (Florescu 1991, fig. 155/2, 4, 5, 10, 11).

Pandantivele cruciform-antropomorfe (fig. 5/18-26) sunt prelucrate dintr-o placă subţire de bronz, de formă trapezoidală, terminată în partea superioară cu trei braţe circulare, în unele cazuri cu decupaj romboidal central. Lungimea acestora variază între 4,4-11,5 cm. Aceste piese, amintesc prin aspectul lor silueta feminină prezentată stilizat, însuşi decupajul central de formă romboidală fiind cunoscut pentru etapele vechi ale preistoriei ca reprezentare geometrică ce simbolizează feminitatea (Diaconu 2012, 32). Totodată, forma acestor pandantive aminteşte crucea cu ureche (anh) – simbol sirian şi egiptean vechi, hierogliful care simbolizează viaţa şi care este ţinut în mână de zeităţile reprezentate în majoritatea imaginilor cu zei (Свешников 1968, 16). Cele mai multe exemplare ale acestui tip de pandantiv provin din depozite de bronzuri. Depozitarea lor în unele cazuri în stare parţială presupune fragmentarea intenţionată a lor în procesul anumitor practici votive (Diaconu 2012, 32). În cadrul aşezărilor de tip Noua-Sabatinovka, pandantive cruciform-antropomorfe au fost descoperite la Mahala (Смирнова 1969, 15, рис. 7/I21; Дергачев 2012, илл. 8/21; Diaconu 2012, 23, 2/6; Sîrbu 2014, 193, fig. 5/8), Ostivec (Балагурі 1968, рис. 3/8, Дергачев 2012, илл. 8/22; Diaconu 2012, 23, fig. 2/7; Sîrbu 2014, 193, fig. 5/6), Ghindeşti (Мелюкова 1961, рис. 13/3, 4; Дергачев 2012, илл. 8/23,24; Sîrbu 2014, 193, fig. 5/5,7), Odaia-Miciurin (Сава, Кайзер 2011, рис. 72/26; Дергачев 2012, илл. 8/25; Sîrbu 2014, 193, fig. 5/9) Cantemir (Черна, Топал 2013, 192, рис. 2/12), Mălăieşti (Dergacev 2002, 156, pl. 46 B; Diaconu 2012, 23, fig. 2/3), Ghireni (Dascălu 2007, 192, pl. 62/26; Diaconu 2012, 22), Belceşti (Diaconu 2012, 22, fig. 1/12; Дергачев 2012, илл. 8/15). În cadrul depozitelor de bronzuri, pandantive au fost descoperite la Petruşeni (Дергачев 2012, 164, илл. 6/5), Ulmi-Liteni (Petrescu-Dîmboviţa 1964, 257-258, fig. 5/8,9; Petrescu-Dîmboviţa 1977, 77-78, pl. 88/10-11; Florescu 1991, 137, fig. 101/4, 7; Дергачев 2012, илл. 8/9-11; Diaconu 2012, 23, fig. 1/11), Băleni (Petrescu-Dîmboviţa 1977, 73, fig. 74/1-8; Diaconu 2012, 22, fig. 2/11; Дергачев 2012, илл. 8/2-8), Suceava (Diaconu 2012, 23, fig. 1/9), Antonovka (Черняков 1985, рис. 63/3,4; Дергачев 2012, илл. 8/19, 20; Diaconu 2012, 22, fig. 2/1, 2), Deržhiv (Крушельницька 2006, 143, рис. 56/3; Diaconu 2012, 22, fig. 2/5; Дергачев 2012, илл. 8/16), Solonec (Шарафутдинова 1982, рис. 52/1; Дергачев 2012, илл. 8/28; Залізняк 2005, рис. 30/30; Diaconu 2012, 23, fig. 2/12).

Piesele ovale din piatră, amintind forma unui ou (fig. 6/1-6) sunt lucrate de regulă din gresie şi au suprafaţa bine şlefuită. Înălţimea acestora variază între 4,5-5,5 cm iar diametru între 4,0-5,5 cm. Descoperiri de acest tip au fost făcute la Ghindeşti (Мелюкова 1961, рис. 11/5; Sîrbu 2013, 170, fig. 5/13), Odaia-Miciurin (Сава, Кайзер 2011, 294, рис. 87/10, 14; Sîrbu 2013, 170, fig. 5/14), Novoselica (Тощев, Черняков 1986, 129, рис. 6/11; Sîrbu 2013, 170, fig. 5/15), Čikalovka (Шарафутдінова 1964, 165, рис. 7/2, 3, 6), Novokievka (Gerškovič 1999, Taf. 35/9), Zlatopol' (Gerškovič 1999, Taf. 9/1-16; Иванова, Дзнеладзе 2006, 266, рис. 1/2). Pieselor din piatră şi lut de formă ovală descoperite în arealul culturii Sabatinovka li se atribuie cultul „vieţii şi renaşterii", forma ovală fiind caracteristică şi majorităţii gropilor funerare ale acestei culturi (Иванова, Дзнеладзе 2006, 266). Prezenţa acestui tip de piesă în aşezările Noua-Sabatinovka-Coslogeni alături de alte piese cu caracter votiv susţin această ipoteză.

Sceptrele (fig. 6/7-12) reprezintă o categorie de piesă căreia în literatura de specialitate i se atribuie o dublă semnificaţie – de unealtă şi totodată atribut de cult (Черняков 1985, 92; Сава 1987, 69). Sunt lucrate din rocă dură: granit, marmoră, serpetin şi alte specii rare de piatră, au formă

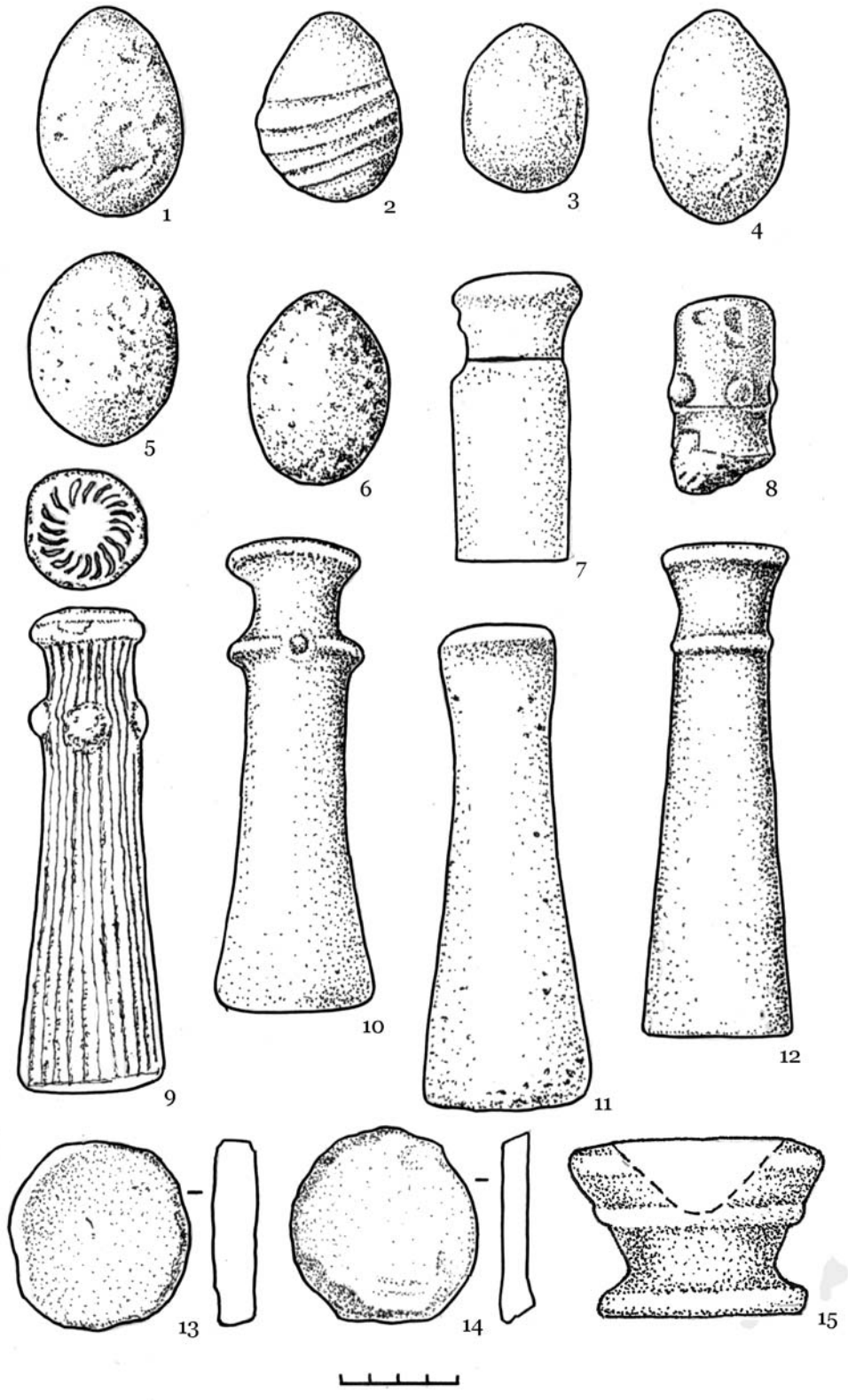


Fig. 6. Piese de formă ovală din piatră: 1, 5, 6 - Čikalovka (după Шарафутдінова 1964, рис. 7/2-6); 2 - Ghindeşti (după Мелюкова 1961, рис. 11/5); 3 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, рис. 87/10); 4 - Novokievka (după Gerškovič 1999, Taf. 35/9). Sceptre: 7, 9 - Chiperceni (după Савва 1987, рис. 2/9; 3/9); 8 - Ghindeşti (după Мелюкова 1961, рис. 11/12); 10 - Čikalovka (după Шарафутдінова 1964, рис. 7/1); 11 - Petreni (după Савва 1987, рис. 2/4); 12 - Voineşti (după Florescu 1991, fig. 158/6). Discuri din piatră: 13 - Slobozia-Şireuţi; 14 - Cuconeşti. Piuă: 15 - Basarabeasca (după Сава 1987, рис. 2/24).

conică alungită, cu capătul superior terminat în formă de buton sau ciupercă, în multe cazuri fiind prevăzut în partea superioară cu patru butoni mai mici, dispuşi simetric. Au suprafaţa bine şlefuită. Uneori sceptrele de acest tip sunt decorate suplimentar cu ornamente. Înălţimea lor atinge 25,0 cm, diametrul părţii inferioare variază între 4, 0 şi 7,5 cm, capătul în formă de ciupercă în unele cazuri atingând 5,0-6,0 cm (Савва 1987, 63). În arealul complexului cultural Noua-Sabatinovka sunt răspândite sceptre de tipul I, II şi foarte rar III din cele cinci tipuri propuse de N. Boroffka (Boroffka, Sava 1998, 19-46, Abb.1-18). În articolul de faţă nu ne propunem o prezentare tipologică a sceptrelor, nici catalogarea şi descrierea arealului de răspândire a acestora, informaţiile respective fiind prezentate într-un studiu amplu semnat de N. Boroffka şi E. Sava (Boroffka, Sava 1998, 17-113).

Sceptre au fost descoperite la Ghindeşti (Мелюкова 1961, рис. 11/12; Сава 1987, рис. 1/23; Boroffka, Sava 1998, 82, Abb.5/2; Sîrbu 2013, 175, fig. 8/4), Chiperceni (Черняков 1985, рис. 42/17; Сава 1987, рис. 2/9, 14; 3/9; Boroffka, Sava 1998, 79, Abb. 2/10; 6/1; 9/6; Sîrbu 3013, 175, fig. 8/1, 3, 6), Petreni (Сава 1987, рис. 2/4; Boroffka, Sava 1998, 88, Abb. 10/14; Sîrbu 2013, fig. 8/2), Konstantinovka (Boroffka, Sava 1998, 84, Abb. 28/2), Novoselovka, Chioselia Mare (Агульников, Мистряну 2014, 201, 204, рис. 3/1, 2; 4/1, 2), Galaţi (Черняков 1985, 91-92, рис. 42/13; Савва 1987, рис. 1/3; Boroffka, Sava 1998, 81, Abb. 2/8; Diaconu, Istina 2011, 56), Cândeşti, Găiceana, Davideni, Măcin (Boroffka, Sava 1998, 79-81,85, Abb. 2/5; 6/5; 7/7; 41/2; 42/1; Diaconu, Istina 2011, 55-56), Vlădicească, Coţofanca, Capidava, Dorobanţu (Черняков 1985, рис. 42/7-9; Сава 1987, рис. 2/3, 8, 17; Boroffka, Sava 1998, 79,81,93, Abb. 5/3; 8/2; 9/7; 28/3; Diaconu, Istina 2011, 56-57), Čikalovka, Vološskoe, Pivdennoe (Черняков 1985, 92, рис. 42/15,20,25; Сава 1987, рис. 1/1,7, 2/15; Boroffka, Sava 1998, 79, 88, 94, Abb. 2/7; 4/10; 6/4), Uškalka, Verhnetarasovka, Vovnigi, Novoselovka (Шарафутдінова 1964, 164, рис. 7/1; Шарафутдинова 1982, рис. 53/4; Черняков 1985, рис. 42/14; Сава 1987, 67, рис. 1/15; 2/6; Boroffka, Sava 1998, 87, 92-94, Abb. 3/4; 8/3). Analogii sunt cunoscute şi în cadrul culturilor Monteoru (Черняков 1985, рис. 42/12, 14; Савва 1987, рис. 1/2, 10; Boroffka, Sava 1998, Abb. 4/2, 4; 7/1, 2; 10/9; 28/1; 41/1, 3; 78; 81; 86; 93), Belozerka (Отрощенко 1985, рис. 142/44; Sîrbu 3013, 175, fig. 11/7). Posibil sceptrele aveau legătură directă cu turnarea metalului, fapt dovedit de unele descoperiri din cadrul depozitelor de bronzuri, unde au fost găsite, împreună cu pive în care s-au depistat urme de minereu (Сава 1987, 69). Unele date etnografice prezintă un statut deosebit al meşterilor în societate şi existenţa unui ritual complicat legat de această meserie (Сава 1987, 69). De exemplu, ca analogie fixată documentar, în ritualul "marii adunări" practicat de hittiţi, participau şi diferiţi meşteri, printre care deseori sunt amintiţi metalurgiştii, care aduceau jertfă zeităţilor obiecte lucrate de ei (Тощев, Черняков 1986, 135). Cu siguranţă, prelucrarea metalului a constituit un moment de cotitură în dezvoltarea comunităţilor perioadei târzii a epocii bronzului. Luând în consideraţie deficitul şi valoarea metalelor în acele timpuri, putem presupune un statut aparte în cadrul comunităţii a meşterilor, însăşi procesul de turnare fiind privit ca un ritual de transformare a metalului. Interesantă este şi ipoteza conform căreia sceptrele puteau fi reprezentări antropomorfe stilizate, folosite în cadrul anumitor practici religioase (Diaconu, Istina 2011, 59). Posibil, sceptrele cu patru protuberanţe şi corpul bogat ornamentat, reprezentau nu numai unelte folosite în procesul de turnare a metalului, dar şi însemne ale superiorităţii în societate a persoanei care deţinea acest tip de piesă. Ornamentul cu patru protuberanţe este cunoscut şi pe unele categorii de ace de păr din os (Ghindeşti, Mahala, Ostrivec, Gârbovăţ, Truşeşti) şi bronz (Ostrivec, Mahala, Teaca, Corlăteni, Văleni, Piatra-Neamţ, Tăvădăreşti, Gârbovăţ).

O dublă semnificaţie, ca şi în cazul sceptrelor, o aveau posibil *pivele din piatră* (fig. 6/15). Arealul de răspândire a acestora corespunde cu cel al sceptrelor cu capăt în formă de ciupercă (Сава 1987, 68). Drept dovadă a legăturii funcţionale dintre aceste două categorii de piese poate servi descoprirea lor împreună în locuinţa nr. 2 de la Alexeevka (Черняков 1985, 92; Сава 1987, 69, рис. 2/22), o descoperire asemănătoare fiind cunoscută şi în aşezarea culturii Andronovo de la Camyšnoe I (Сава 1987, 68, рис. 2/21). Acestea au de regulă formă de binoclu şi sunt de dimensiuni diferite (H: 5,0-10,0 cm). Pivele cunoscute la momentul de faţă provin în majoritatea cazurilor din descoperiri întâmplătoare: Basarabeasca, Dnepropetrovsk (Сава 1987, рис. 2/23, 24), Petreni (Dergacev 2010, 303).

Discurile din piatră (fig. 6/13, 14) prelucrate de regulă din rocă moale de gresie de culoare cenuşiu-gălbuie sau cenuşiu-deschisă, au una sau ambele feţete şlefuite superficial şi doar în puţine cazuri prezintă urme de utilizare intensă. Diametrul acestora variază între 3,9-8,0 cm şi au grosimea de 1,0-2,5 cm. Descoperiri de acest tip s-au făcut la Ghindeşti (Мелюкова 1961, 29, рис. 7/7-9), Roşieticii Vechi (Мелюкова 1956, 31), Slobozia-Şireuţi (Дергачев 1969, 118; Sîrbu 2013, 166, fig. 4/1-4), Cobîlea (Левицкий 1988, рис. 18/2; 29/1; Демченко, Левицкий 1992, 125), Odaia-Miciurin (Сава, Кайзер 2011, 299), Feteşti (Ларина 1986, рис. 5/11, 6/3; Sîrbu 2013, 166, fig. 4/7), Cuconeşti (Sîrbu 2013, 166, fig. 4/5, 6), Ostrivec (Балагурі 1968, 140, рис. 2/43), Nisporeni (Дергачев 1973, рис. 20/26), Novoselica (Тощев, Черняков 1986, рис. 6/30). Funcţionalitatea acestor piese este incertă. Materialul relativ moale din care sunt prelucrate, plus urmele slabe de utilizare de pe suprafaţa acestora, pune la îndoială folosirea lor în calitate de unelte. Marginea neregulată, cu urme de aşchiere, neşlefuită, presupune redarea şi respectarea formei rotunde a piesei încă în faza incipientă a procesului de prelucrare. Toate aceste caracteristici, permit presupunerea că discurile din piatră ar putea reprezenta piese votive, forma rotundă amintind vatra, turtele, soarele – prezente în cultul vetrei, focului sacru, mai ales în contextul în care în unele cazuri acestea au fost descoperite împreună cu piese votive sau în apropierea acestora.

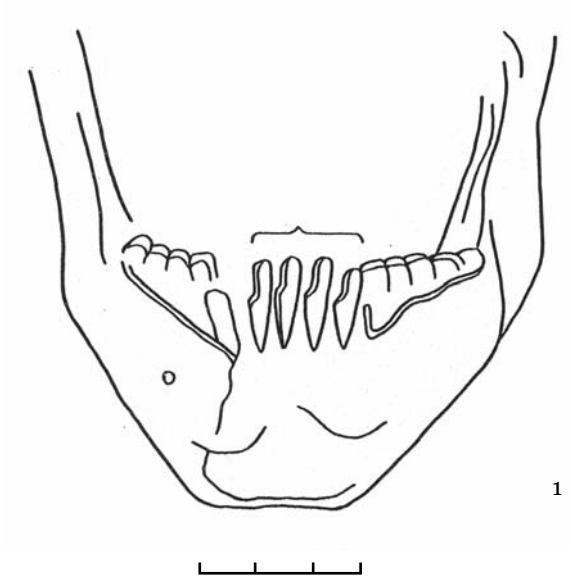
Pentru o imagine mai clară a locului pieselor cu caracter votiv în „cenuşare", locuinţe şi gropi, cât şi pentru argumentarea semnificaţiei cultice a acestora, considerăm necesară o prezentare mai detaliată a contextului descoperirii acestora în aşezări de pe întreg arealul de răspândire a complexului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni.

Spaţiul Carpaţi-Nistru

După cum este deja bine ştiut, „cenuşarele" reprezintă un element specific pentru majoritatea aşezărilor de tip Noua-Sabatinovka-Coslogeni. Semnificaţia acestora este interpretată diferit în literatura de specialitate, fiind considerate vestigii de locuinţe de tip bordei sau de suprafaţă (Petrescu-Dîmboviţa 1953, 449-450; Florescu 1964, 146; Florescu, Căpitanu 1968, 36; Florescu, Florescu 1990, 54-55; Сава, Кайзер 2011, 441-458), complexe formate într-o perioadă îndelungată de timp, ca rezultat al depozitării într-un loc stabilit al cenuşii din vetre şi al obiectelor de uz casnic deteriorate (Смирнова 1969, 14) sau arderii bălegarului, gunoaielor şi resturilor de bucătărie (Dragomir 1961, 152, 157). Rezultatele investigaţiilor arheologice efectuate în cadrul mai multor „cenuşare" au adus în discuţie şi caracterul votiv al unora din ele, acesta fiind atribuit cu precădere „cenuşarelor" culturii Sabatinovka considerate, de majoritatea specialiştilor, locuri în cadrul cărora un rol important îl juca depunerea de ofrande animale si umane (Шарафутдинова 1986, 92-93; Тощев, Черняков 1986, 115-138; Levitskii, Sava 1993, 126; Sava 2005, 91; Vernescu 2013, 144). L. Dietrich este de părerea că istoria „cenuşarelor" este complexă şi începe ca spaţiu de activitate, care, pe parcurs îşi schimbă funcţia, sensul, şi devine în timp loc pentru anumite ritualuri (Dietrich 2013, 242).

În spaţiul dintre Carpaţi şi Nistru sunt cunoscute „cenuşare" în care au fost descoperite posibile locuri de cult sau depuneri rituale. În cenuşarul nr.4, cercetat la Cobîlea, au fost descoperite două concentraţii de oase de bovine aflate în conexiune anatomică inexactă (Левицкий 1988, 13), plus alte patru grupuri a câte două cranii de bovine aşezate cardinal pe suprafaţa „cenuşarului" (Levitskii, Sava 1993, 133, des. 12). Cu siguranţă, schema aşezării acestor cranii pe suprafaţa „cenuşarului" nu este întâmplătoare, ci mai degrabă reprezintă urmele unui ritual amplu. Aici au mai fost descoperite patru bile din lut ars şi un vas miniatural (Levitsckii, Sava 1993, des. 11/7; 13/9). Piese votive au fost descoperite şi în „cenuşarul" nr. 1 din cadrul aceleiaşi aşezări, reprezentate de două figurine antropomorfe puternic stilizate (fig. 1/8, 9), cu corpul cilindric prevăzut cu adâncitură la ambele baze şi suprafaţa acoperită de goluri de formă sferică cu diametrul de 0,2-0,3 cm, probabil urme de cereale (Демченко, Левицкий 1992, рис. 2/2), opt bile din lut ars şi un vas miniatural. Tot aici a fost făcută o descoperire impresionantă, o mandibulă umană (fig. 7/1-3), care cu siguranţă prezintă un accesoriu de cult. Ceea ce atrage o atenţie deosebită, şi reprezintă totodată o practică neobişnuită, este aspectul nefiresc al celor patru dinţi incisivi piliţi în jumătate pe verticală. După toate semnalmentele, această „operaţie" a fost făcută cu mult înainte de moartea individului (Левицкий 1988, 7)[5]. Posibil, piesa era folosită

[5] În raportul de săpătură gropile nu sunt prezentate ca componente ale locuinţei nr. 5 (Дергачев 1976, 41-42), informaţia fiind precizată de autorul săpăturilor în publicaţia din 1982 (Дергачев 1986, 67, рис. 19).



1

2

3

Fig. 7. Cobîlea. Mandibulă umană descoperită în „cenuşarul" nr. 1: 1 - desen (după Levitsckii, Sava 1993, des. 11/9); 2, 3 - foto.

în calitate de pandantiv. În aşezarea culturii Srubnaja de la Iličevka este cunoscut un pandantiv din craniu uman (Березанская 1990, 88).

Recent, prin prisma cercetărilor efectuate la Rotbav, s-a adus în discuţie ideea că „cenuşarele" erau locuri complexe pentru activităţi lucrative dar şi ceremonii cultice. Aspectul ritualic în cadrul „cenuşarului" cercetat la Rotbav este argumentat prin prezenţa concentraţiilor de vase kantharos şi a ceştilor, care foarte probabil aveau funcţia de recipiente pentru diferite tipuri de ofrandă, în primul rând lichidă, după cum indică forma vaselor (Dietrich 2011, 115; Dietrich 2013, 237, 242; Dietrich 2014, 61). În aşezarea culturii Noua de la Rotbav au fost descoperite peste 30 de vase de acest tip, marea majoritate a cărora provin din „cenuşar". Vasele de tip kantharos reprezintă un inventar constant în mormintele culturii Noua (Dietrich 2011, 115). Prezenţa lor *„în cenuşar este probabil legată de anumit „băut festiv" în cadrul unor sărbători speciale a comunităţii"* (Dietrich 2011, 115-117). L. Dietrich este de părerea că forma şi poziţia torţilor cu boton a vaselor de tip kantharos prezintă carcteristici zoomorfe, puternic stilizate, foarte probabil, reprezentând bovine dar şi alte specii cu însemnătate în cadrul real sau mitologic (Dietrich 2011, 117). Tot în baza cercetărilor efectuate în cadrul acestui „cenuşar" a apărut ideea că mai multe din artefactele din bronz descoperite în aşezările culturii Noua ar putea reprezenta de fapt depozite în „cenuşar" (Dietrich 2013, 237, 242). Din categoria piese votive în „cenuşarul" de la Rotbav au mai fost descoperite bile din lut ars, rondele şi vase miniaturale (Vulpe, Dietrich, Dietrich 2008, 263; Vulpe, Dietrich, Dietrich 2009, 188; Dietrich 2011, 117).

O importanţă aparte în studierea problemei legate de viaţa spirituală a comunităţilor Noua-Sabatinovka-Coslogeni o reprezintă „cenuşarul" de la Novoselica, care se diferenţiază prin mai multe aspecte de „cenuşarele" obişnuite caracteristice acestui complex cultural. Localizat separat de aşezare, în luncă, pe malul râului, acesta era înconjurat de un număr mare de gropi, printre care se evidenţiază un loc de sacrificiu. După părerea lui G. Tošev, gropile erau destinate anumitor activităţi rituale (Тощев, Черняков 1986, 134). În partea de S şi S-E a „cenuşarului", au descoperite două cranii de bovine. Lângă craniul localizat în partea de S s-a găsit o cantitate mare de oase de bovină aşezate în conexiune anatomică. Neobişnuită este des-

coperirea făcută în partea de S-E a „cenuşarului”, la adâncimea de 1,1 m. Aici a fost găsit un craniu de cal şi a alte zece exemplare poziţionate pe linie S-V-N-E, îndreptate în direcţie N-V, cărora le lipseau mandibula şi erau aşezate inversat peste unul (Тощев, Черняков 1986, 125, рис. 3). În partea de S-V, S-E şi E a „cenuşarului” au fost descoperite 3 grupe de piese din lut (în total 10 bucăţi) diferite ca formă şi dimensiuni (sferice, dreptunghiulare, turtiţe, covrigi) (Тощев, Черняков 1986, 123, рис. 3). Tot aici a fost descoperită o piesă din piatră în formă de ou. La 2-4 m N-E de „cenuşar” a fost depistat locul de cult menţionat mai sus - o platformă trapezoidală formată din pietre mărunte cu baza clădită din pietre de dimensiuni mari. Pe suprafaţa acesteia au fost găsite fragmente ceramice şi oase de animale, toate cu urme de ardere (Тощев, Черняков 1986, 125, рис. 5/1). În partea de E, platforma continua cu o porţiune de formă semicirculară din lut ars până la culoarea roşie. Sub aceasta, a fost descoperită o groapă de formă ovală uşor adâncită, cu diametrul de 2,0 m, fundul căreia era puternic ars, de culoare roşie-portocalie. Parţial groapa era umplută cu pietre de gresie cu urme de ardere intensă (Тощев, Черняков 1986, 125, рис. 5/2). După părerea autorului săpăturii, construcţia pe unul şi acelaşi loc a unei gropi căptuşite cu piatră, ulterior acoperită cu o platformă de piatră, vorbeşte probabil despre istoria în timp a acestui loc de cult, groapa rituală fiind înlocuită ulterior cu platforma din pietre (Тощев, Черняков 1986, 133). Un loc de cult asemănător a fost descoperit la marginea aşezării de la Majaki, unde au fost localizate urmele unui rug, pete de cenuşă în amestec cu oase calcinate, fragmente ceramice, bucăţi de lut ars, fragmente de figurine, oase de animale şi de peşte (Тощев, Черняков 1986, 137). Cu privire la depunerile de oase de animale, autorii săpăturii sunt de părerea că acestea ar putea reprezenta morminte simbolice ale animalelor implicate în practici ritualice. Posibil, după consumarea cărnii, oasele erau depuse în pielea animalului, obicei cunoscut comunităţilor culturilor Srubnaja şi Andronovo (Тощев, Черняков 1986, 123). În „cenuşarul” de la Novoselica au mai fost descoperite 9 morminte, dintre care două din perioada bronzului târziu, localizate la adâncimea de 1,12 m, aproape pe centrul „cenuşarului”.

Piese cu caracter votiv sunt cunoscute în majoritatea „cenuşarelor” cercetate, acestea fiind descoperite răzleţ sau grupat în cadrul unor locuinţe şi gropi.

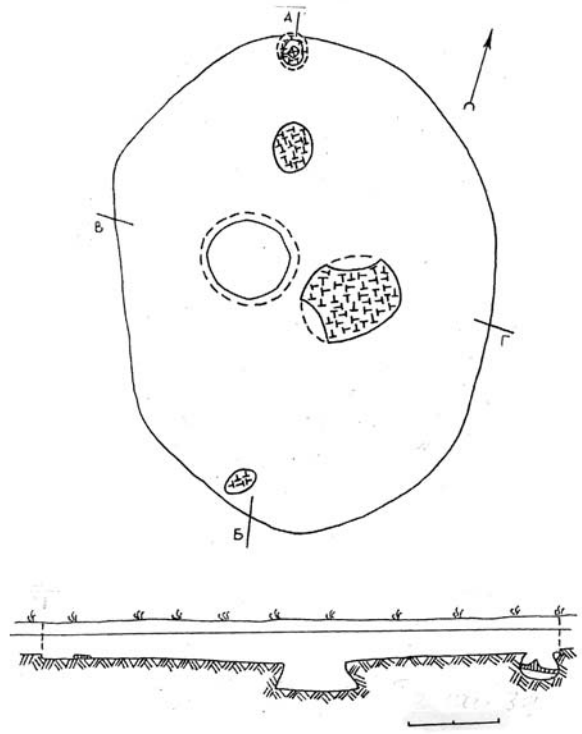


Fig. 8. Tomai. Planul şi secţiunea „cenuşarului” (după Щербакова 1984, табл. V).

În „cenuşarul” nr. 1, cercetat la Ghindeşti, au fost descoperite patru figurine zoomorfe (Мелюкова 1956, 12). Cea mai mare dintre acestea după toate semnalmentele reprezintă un porc, celelalte trei fiind modelate mai stilizat. Plasarea lor aproape pe centrul „cenuşarului” poate fi privită ca o simplă coincidenţă şi în acelaşi timp ca o depunere ritualică, mai ales ţinând cont de faptul că pe lângă figurinele zoomorfe în „cenuşar” au mai fost descoperite piese din lut semisferice cu adâncitură mediană, turtiţe modelate din acelaşi tip de pastă de lut, o piesă din piatră în formă de ou, care la fel reprezintă inventar votiv.

În aşezarea culturii Sabatinovka de la Tomai a fost descoperit un „cenuşar” (fig. 8) de dimensiuni mici (circa 10,5×3,8 m), prezentat de autoarea săpăturii ca locuinţă (Щербакова 1984, 7, табл. 5, 6). Aproximativ în zona de mijloc a acestuia a fost descoperită o vatră masivă (2,0×1,4 m) de formă ovală. Alte două vetre mai mici (0,9×0,7 m şi 0,7×0,35 m) au fost localizate la N şi S-V de vatra centrală. O a patra vatră a fost depistată în cadrul unei gropi de lângă peretele nordic al locuinţei. Aceasta avea formă rotundă şi adâncimea de 0,4 m. Pereţii se lărgeau treptat spre baza

rotunjită al gropii, unsă cu un strat de pastă de lut (2,0-3,0 cm) în amestec cu mult nisip, care de fapt reprezenta vatra (Щербакова 1984, 8-9). Partea inferioară a gropii era aproape pe jumătate umplută cu cenuşă. Pe tot diametrul gropii stratul de cenuşă era acoperit cu un strat subţire de lipitură arsă, modelată pe centru în formă de piramidă. Înălţimea piramidei era de 0,15 m, baza având dimensiunea de 0,2 m. Mai sus, până la nivelul podelei, groapa era acoperită cu cenuşă şi fragmente de trestie calcinată (Щербакова 1984, 9, табл. 6). Posibil, această groapă servea drept loc sacru, destinat practicării unui anumit ritual. La fel, prezenţa celor trei vetre, dintre care una masivă, poziţionată central, permit presupunerea unui loc de cult. Cu toate acestea, inventarul extrem de sărăcăcios descoperit aici, format din resturi de ardere, oase de animale şi fragmente ceramice, nu ne permite colectarea datelor suficiente care ar confirma funcţia cultică a acestui „cenuşar".

O concentraţie de piese din lut a fost descoperită şi în una din gropile locuinţei nr.5[6] din cadrul „cenuşarului" nr. 4 de la Costeşti. Aici a fost localizat conturul a două gropi de formă ovală neregulată, unite între ele. În partea centrală a gropii poziţionate nordic, la adâncimea de 0,85 m a fost descoperită o vatră de lut, alături de care se afla o concentraţie de piese din lut de formă sferică întregi şi fragmentare şi o cană cu două torţi (Дергачев 1976, 41; Дергачев 1982, 68-69). În groapă au mai fost descoperite 139 fragmente de ceramică şi un omoplat crestat. Groapa poziţionată sudic era aproape similară celei nordice după formă şi dimensiuni şi la fel era prevăzută pe peretele vestic cu o nişă largă, uşor adâncită (Дергачев 1976, 42).

O altă depunere ritualică a fost descoperită în cadrul „cenuşarului" nr. 3 de la Mahala. În jumătatea de S a locuinţei nr.3 a fost găsită o vatră din lut bătătorit în interiorul căreia se afla o concentraţie de piese sferice din lut ars. Alte câteva exemplare s-au depistat în groapa de lângă vatră (Смирнова 1972, 17).

Un alt posibil loc de cult a fost descoperit la Samurza. Aici s-au găsit 11 vetre, dintre care două de dimensiuni mai mari, de formă dreptunghiulară (fig. 9) (Агульников 1984, 4-7, рис. 2; Агульников 2006, 221-223, рис. 1/2, 3; 3/4, 7). Construcţia nr. 1 reprezenta o vatră dreptunghiulară în plan cu lungimea de 1,7 m, lăţimea de 1,6 m şi adâncimea de 0,4 m. Pereţii erau căptuşiţi cu plăci masive de gresie neprelucrată, golurile dintre acestea fiind umplute cu lipitură arsă intens. Suprafaţa exterioară a construcţiei era acoperită cu un strat de pietre de dimensiuni mici în amestec cu fragmente de lipitură, fragmente ceramice şi oase calcinate. Baza construcţiei era formată din plăci de piatră cu suprafaţa arsă printre care s-au descoperit cărbuni de lemn şi bucăţi mari de lipitură (Агульников 1984, 4-5; Агульников 2006, 221). A doua construcţie – nr. 9 se afla la distanţa de circa 9,0 m NV de construcţia nr.1, avea formă dreptunghiulară în plan şi reprezenta o concentraţie de pietre cu urme de ardere intensă. Aceasta avea lungimea de 1,7 m şi lăţimea de 1,46 m. Printre pietre au fost descoperite fragmente mari de lipitură, oase de animale şi fragmente ceramice. La distanţa de 0,4-0,45 m de la marginea fiecărui colţ al construcţiei a fost descoperită câte o groapă de par cu diametrul de 0,20-0,22 m şi adâncimea de 0,15 m (Агульников 1984, 6; Агульников 2006, 223), ceea ce presupune că construcţia respectivă era prevăzută cu acoperiş. Alte cinci vetre descoperite în cadrul acestui complex, erau poziţionate în formă de semicerc în jurul construcţiei nr. 9 , iar două la distanţă de 0,8-1,0 m în partea de E şi V a construcţiei. Poziţia centrală a construcţiei faţă de celelalte vetre, faptul că tot acest complex nu a fost descoperite în cadrul unor locuinţe, cât şi aranjarea vetrelor în formă de semicerc, permit presupunerea unui loc de cult în care se practicau anumite ritualuri comune. Locuri de cult prevăzute cu acoperiş sunt cunoscute şi în cadrul culturii Trzciniec (Березанская 1982, 159-161, рис. 157, 158). În vatra nr. 7, a fost descoperită o concentraţie de pietre, lut ars şi oase calcinate, printre care şi un fragment de os uman din regiunea bazinului (Агульников 1984, 5-6; Агульников 2006, 223). În cadrul aceleiaşi aşezări a fost cercetată o locuinţă în zona vetrei căreia s-a găsit o concentraţie de piese din lut de formă sferică şi ovală (Агульников 1984, 10, рис. 3; Агульников 2006, 229, рис. 7/2, 4).

O posibilă vatră de cult a fost descoperită în aşezarea culturii Noua de la Crasnoleuca. Aceasta avea formă pătrată cu una din laturi deschisă, celelalte trei fiind formate din pietre dreptunghiulare. Zona centrală era lipită cu lut, ars intens (Dascălu 2007, 181; Diaconu 2010, 28). Vetre de

[6] În raportul de săpătură gropile nu sunt prezentate ca componente ale locuinţei nr. 5 (Дергачев 1976, 41-42), informaţia fiind precizată de autorul săpăturilor în publicaţia din 1982 (Дергачев 1986, 67, рис. 19).

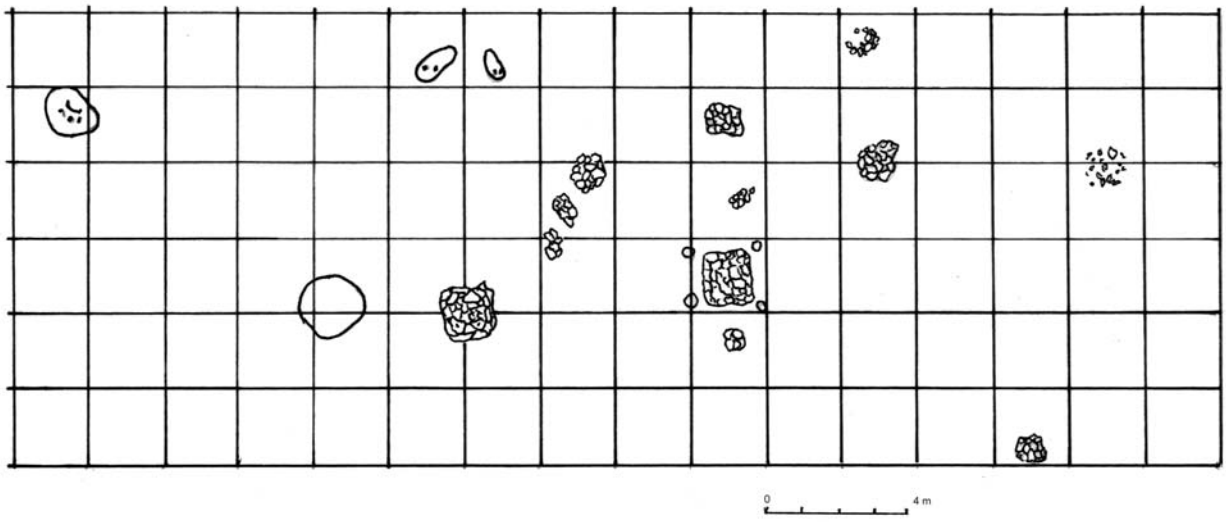
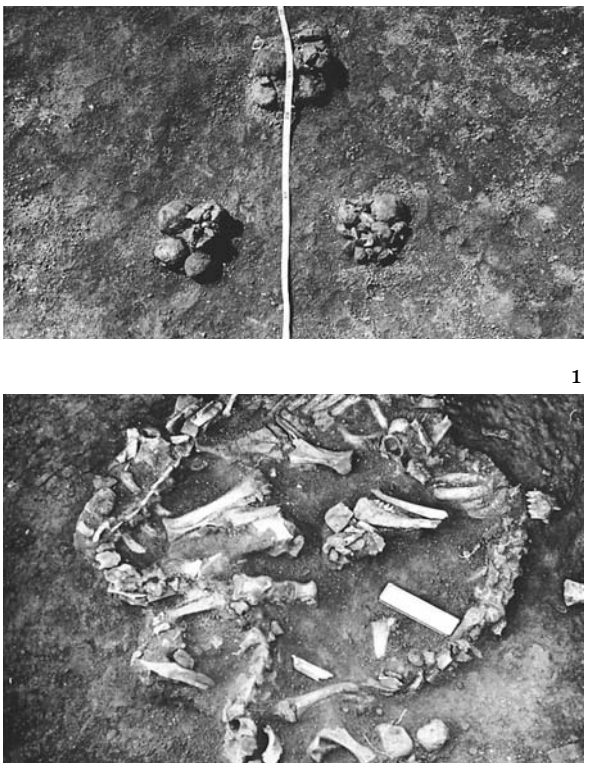


Fig. 9. Samurza. Planul general al şantierului nr. 1 (după Агульников 1984, рис. 2).

cult sunt cunoscute şi în culturile perioadei mijlocii a epocii bronzului (Baltag, Boroffka 1996, 320; Andriţoiu, Rustoiu 1997, 16; Diaconu 2014, 263).

În aşezarea de la Căuşeni materialul de tip Sabatinovka a fost descoperit la nivelul stratului 5, şi după toate semnalmentele reprezenta o depunere rituală. Aici au fost găsite piese din lut de formă semisferică sau semiovală prevăzute cu adâncitură mediană, aşezate în trei grupe care se încadrau schematic într-un triunghi cu laturile egale de 0,6-0,7 m, unul din colţurile căruia era orientat spre N (fig. 10/1) (Левинский 1986, 20-21, рис. 10/I). Alte două exemplare au fost descoperite separat de concentraţiile descrise mai sus. Nu departe de grupurile de piese din lut, a fost găsită o concentraţie de oase de formă circulară regulată în plan, formată din părţi întregi ale spatelui (coloana vertebrală şi vertebrele) a trei exemplare de bovine (fig. 10/2) (Левинский 1986, рис. 10/II). Acestea erau poziţionate la acelaşi nivel, astfel, încât formau parţial conturul marginii concentraţiei. Autorul săpăturilor presupune că aceasta ar reprezenta o groapă de păstrare (Левинский 1986, 21). Cu aceeaşi probabilitate putem însă presupune o depunere ritualică, ţinând cont de prezenţa în apropiere a concentraţiilor de piese din lut ars. Mai mult ca atât, depuneri de oase de animale, după cum s-a menţionat deja, sunt cunoscute şi în „cenuşarele" de la Cobîlea şi Novoselica. Concentraţii de oase în formă circulară şi dreptunghiulară au fost descoperite şi în aşezările culturii Srubnaja (Березанская 1990, 85-86, рис. 23/1).



1

2

Fig. 10. Căuşeni: 1 - depunere votivă de piese din lut (după Левинский 1986, рис. 10/1); 2 - groapă rituală? (după Левинский 1986, рис. 10/2).

În aşezarea culturii Sabatinovka de la Mereni, în una din gropile menajere cercetate (nr.58) au fost descoperite două reprezentări zoomorfe (Sava 2002, 77). Cele două figurine, dintre care la momentul descoperirii una era fragmentată, erau poziţionate central pe baza gropii. Din um-

plutura acesteia mai făceau parte 50 de fragmente ceramice şi 29 fragmente de oase predominant de bovine (Дергачев, Постикэ, Сава 1988, 103). Descoperiri de acest gen sunt cunoscute şi în cadrul altor aşezări de tip Sabatinovka de la est de Nistru, care vor fi prezentate mai jos.

O descoperire deosebită o prezintă groapă ritualică cercetată în cadrul aşezării culturii Sabatinovka de la Mologa. Aceasta avea formă de clopot şi avea adâncimea de 0,85 m (fig. 11/32). La baza gropii, pe mijloc, a fost găsită o piatră de râu de formă rotundă, cu suprafaţa prelucrată şi urme de ardere intensă. Baza gropii era presărată cu oase de câine (cel puţin de la trei exemplare)[7] şi câteva pietre de gresie de dimensiuni mai mici decât a pietrei plasată pe mijloc, printre care un răzuitor de formă ovală cu urme de ardere (fig. 11/11). Grupa materialelor cu tentă cultică a fost găsită la 0,2 m mai sus de baza gropii. Baza era constituită dintr-o aglomeraţie de ceramică de tip Sabatinovka de la cel puţin 12 vase (fig. 11/18-31). În partea de E erau concentrate 16 piese din lut de formă şi configuraţie diferită, toate prevăzute cu adâncitură mediană (fig. 11/1-7, 9-10, 12-17). Acestea acopereau o figurină antropomorfă, lucrată destul de stilizat (fig. 11/8). În partea de sus a gropii, practic pe gura acesteia, pe centru au fost găsite câteva fragmente ceramice neprofilate de tigaie pentru cărbuni. Tot aici, au fost descoperite câteva pietre cu laturile brutal lucrate, o piatră de râu şi o concentraţie nu prea mare de oase de animale (Агульников, Малюкевич 2010, 152). Practic toate piesele din lut descoperite în groapa ritualică de la Mologa au suprafaţa neglijent netezită, de culoare roşie-cafenie, acoperită de goluri lăsate de pleava şi cerealele arse (Агульников, Малюкевич 2010, 156).

Gropi rituale sunt cunoscute şi în arealul Noua-Coslogeni de la V de Prut. În aşezarea de la Cândeşti au fost descoperite câteva astfel de locuri. Două dintre ele au fost localizate în sectorul de V al „cenuşarului" nr. 5 (Florescu, Florescu 1990, 56; Diaconu 2010, 28). Baza gropii situată în partea de N era acoperită cu o lipitură groasă în amestec cu pleavă, peste care ulterior a fost aplicată o lipitură mai subţire. Pe centru era delimitată prin gardină o zonă circulară în plan, cu diametrul de 0,5 m. Aici au fost depistate resturi de cărbune şi cenuşă, câteva oase de animale calcinate aşezate sub un vas de tip borcan (Florescu, Florescu 1990, 56; Diaconu 2010, 28). După părerea autorilor săpăturii acesta reprezenta un loc de venerare a focului sacru, pe vatra delimitată de gardina din lut fiind efectuate ritualuri practicate de micul grup de familii ce locuiau în apropiere (Florescu, Florescu 1990, 56). A doua groapă, situată în partea de S a „cenuşarului" avea pereţii lutuiţi în două straturi de pământ nisipos în amestec cu puţină pleavă. La baza acesteia a fost găsită o vatră cu lipitură groasă, după toate semnalmentele refăcută de trei ori (Florescu, Florescu 1990, 57; Diaconu 2010, 29). Pe marginea gropii a fost descoperit un vas acoperit cu capac în care se afla cenuşă, arsură şi cărbune, probabil adunate de pe vatra din groapă. Vasul se afla pe câteva din plăcile subţiri de gresie aranjate orizontal care încercuiau conturul gropii (Florescu, Florescu 1990, 57; Diaconu 2010, 29). O groapă cu o amenajare aproape identică a fost descoperită şi în cadrul „cenuşarului" nr. 2. Aceasta era prevăzută cu două trepte orientate spre S, lutuite în trei straturi succesive la fel ca şi zona inferioară a gropii care era folosită ca vatră. Pe treapta superioară a fost descoperit un vas de tip borcan iar pe cea inferioară o ceaşcă. Un alt vas de tip borcan acoperea resturile de cărbune şi cenuşă din vatra de la baza gropii (Florescu, Florescu 1990, 57; Diaconu 2010, 29). Conform observaţiilor rezultate în urma cercetării acestei aşezări, autorii săpăturii au presupus că în cazul *„mai multor locuinţe dispuse radial, locul de cult se găsea în centrul suprafeţei delimitate de laturile lor înguste"* (Florescu, Florescu 1990, 57). Inventarul sărăcăcios prezintă date insuficiente, care nu permit confirmarea caracterului cultic al acestor gropi, dar nici nu pot nega complet această ipoteză. Gropile descoperite în aşezarea de la Cândeşti îşi găsesc analogie în cadrul culturii Monteoru, în care de regulă vasele se aşezau cu gura în jos (Floresu 1979, 65 -66). De aici, rezultă că anumite ritualuri practicate de comunităţile Noua de la vest de Prut au păstrat influenţe din cultura Monteoru, acest obicei nefiind cunoscut în partea estică a arealului de răspândire a acestui complex cultural, unde de regulă vasele erau sparte. În aşezarea de la Cândeşti am mai fost descoperite două reprezentări antropomorfe fragmentare. Prima reprezintă

[7] În aşezarea culturii Srubnaja de la Usovo-Ozero au fost descoperite trei morminte simbolice de câini. Ritualul de înmormântare a câinilor este destul de răspândit în multe din culturile epocii bronzului din Europa de Est. Posibil acest rit are legătură cu una din etapele ocupaţiei de bază – păstoritul, în care câinele juca un rol important fiind paznic şi totodată ajutor al ciobanului (Березанская 1990, 88 şi urm.).

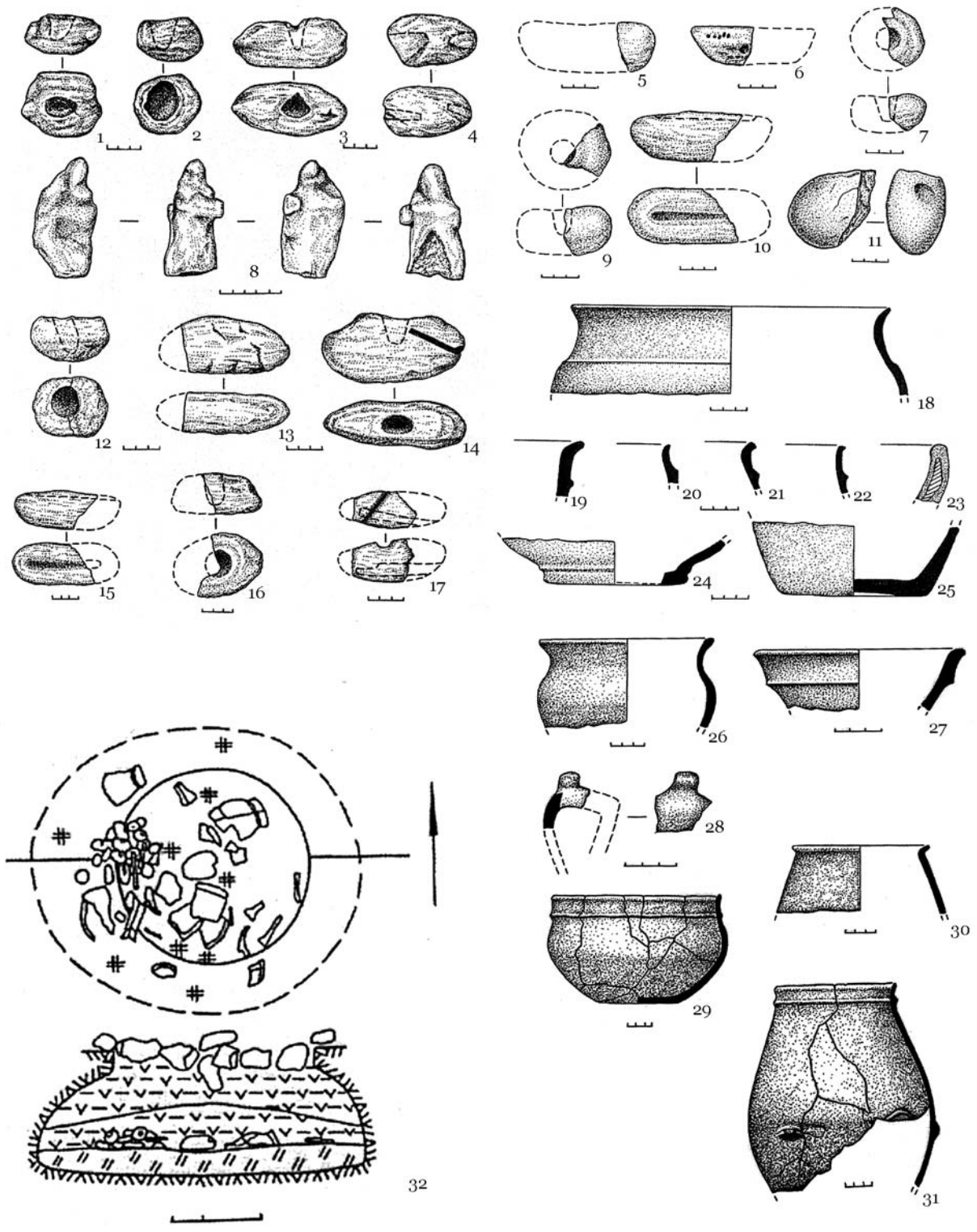


Fig. 11. Mologa: 32 - planul şi secţiunea gropii nr. 21, 1-31 - inventarul gropii nr. 21 (după Агульников, Малюкевич 2010, рис. 2-4).

partea superioară a corpului cu capul de formă quasi-triunghiulară şi nasul mare, puternic reliefat, a doua – partea inferioară a corpului cu laba piciorului accentuată (Florescu, Florescu 1990, 71, fig. 36/1, 2). Prima figurină este similară celor descoperite în aşezarea Monteoru IIa-IIb (Florescu 1979, 75 şi urm.; Florescu, Florecu 1990, 71), iar a doua este asemănătoare celei descoperite în aşezarea Noua de la Nicoleni (Florescu, Florecu 1990, 71). La Cândeşti au mai fost găsite rondele şi pandantive din colţ de mistreţ (Florescu, Florecu 1990, 71, fig. 31/8; 34/6, 7, 9).

În aşezarea culturii Coslogeni de la Platoneşti a fost descoperită o groapă de cult ce conţinea o lentilă de pământ de culoare galbenă bine bătătorit, groasă de circa 4,0-5,0 cm. Pe aceasta erau aşezate două grupuri de piese din lut. Primul grup era format dintr-o figurină zoomorfă înconjurată de bile şi colăcei din lut ars. Al doilea grup era format din bile de lut şi una din piatră. Între cele două grupuri s-au descoperit turte şi fragmente de bile din lut ars şi fragmente din altă figurină zoomorfă (Renţa 2008, 32, fig. 13-17).

Două gropi rituale au fost descoperite la Fântânile, în locul numit „Rât". Acestea aveau formă oval-alungită şi erau situate la circa 1,2 m distanţă una de alta. În umplutura uneia din ele au fost descoperite trei vase întregi (Marinescu 1985, 23, fig. 1/1-3, pl. II/1-3), iar în cea de-a doua – patru vase (Marinescu 1985, 28, fig. 2/1-4, pl. III/1-4), printre care merită menţionat un văscior de formă bitronconică prevăzut cu două torţi vertical dispuse pe umăr şi patru butoane plasate simetric în zona diametrului maxim (Marinescu 1985, 28, pl. III/4).

O altă groapă căreia i s-a atribuit caracter cultic a fost descoperită la Buza S2. Aceasta avea diametrul de 0,6 m şi adâncimea de 0,4 m. În groapă erau depuse vase sparte în antichitate şi piese din os, printre care un omoplat crestat (Wiettenberger 2006, 99).

Alte trei gropi cu posibilă semnificaţie cultică au fost descoperite la Pălatca. Acestea erau situate în apropiere una de alta, fiecare din ele conţinând câteva vase, unele din ele fragmentare (Wiettenberger 2006, 99). În prima groapă, vasul întreg era aşezat cu gura în sus şi acoperit cu o lespede de piatră, în a doua – vasul întreg era aşezat cu gura în jos pe o lespede de piatră, în a treia – vasul întreg era culcat sub o lespede de piatră (Wiettenberger 2006, 99-100).

O groapă cu depuneri de oase umane a fost descoperită în cadrul aşezării culturii Noua de la Zoltan. Umplutura acesteia era formată din resturi de cenuşă şi fragmente de lemn ars, partea inferioară fiind prevăzută cu o aglomeraţie de lut ars (Cavruc 2000, 193, fig.1). Tot aici, s-au descoperit multiple fragmente ceramice specifice epocii bronzului târziu şi două piese prelucrate din os (o daltă şi un străpungător). La adâncimea de 1,5-1,22 m de la suprafaţa actuală a solului, în partea de N-V a gropii, sub un strat de cenuşă, au fost descoperite resturile unui schelet de copil (Cavruc 2000, 193; Diaconu 2010, 30). Acestea nu erau aşezate în conexiune anatomică exactă şi se aflau într-un strat de pământ în amestec cu lut ars, deasupra arsurii de culoare neagră prevăzută cu fragmente mici de lemn ars (Cavruc 2000, 193, fig. 1). În urma cercetărilor efectuate, autorul descoperirii a ajuns la concluzia că aceasta ar reprezenta o groapă rituală, argumentând ideea prin faptul că groapa se află într-o aşezare, nu întruneşte condiţii minime pentru a fi considerată un simplu mormânt, plus că, în cadrul culturii Noua, de regulă, necropolele sunt separate de aşezări (Cavruc 2000, 193). Complexe de cult asemănătoare celui de la Zoltan sunt cunoscute şi în cadrul culturilor Wietenberg (Cavruc, Rotea 2000, 156; Diaconu 2010, 30), Srubnaja (Березанская 1990, 88).

Un spaţiu ritual a fost descoperit la Vlaha. Aici au fost găsite două mâini încrucişate modelate din lut, o vatră şi o râşniţă, toate aflate în apropierea unui mormânt de inhumaţie. Scheletul era acoperit cu cioburi sparte în antichitate (Wiettenberger 2006, 100).

Descoperiri cu depuneri de oase umane sunt cunoscute şi la est de Nistru la Novokievka şi Uškalka care urmează să fie prezentate mai jos.

Spaţiul Nistru-Nipru

Spre deosebire de aşezările de tip Noua-Sabatinovka-Coslogeni din spaţiul Carpaţi-Nistru, în aşezările culturii Sabatinovka de la est de Nistru, în majoritatea locuinţelor cercetate au fost descoperite locuri de cult.

În locuinţa nr. 1 de la Novokievka, lângă vatra de formă ovală cu dimensiunea de 1,0×0,5 m au fost găsite fragmente ceramice de la cel puţin 10 vase, piese din lut de formă conică şi piese din piatră de formă ovală prevăzute cu mici adâncituri (Gerškovič 1999, 53, 83, Taf. 35/1). În locuinţa nr.2 din

cadrul aceleaşi aşezări, în partea de E a vetrei cu diametrul de 0,8 m au fost găsite două gropiţe cu diametrul de 0, 25 şi 0,5 m şi adâncimea de 0,2 m. În imediata apropiere a acestora s-a descoperit o concentraţie de piese discoidale şi sferice, două figurine zoomorfe, toate modelate din lut (fig. 12/1-5) (Gerškovič 1999, 60, Taf. 18/1-5). Ambele figurine sunt modelate stilizat şi reprezintă acelaşi animal (oaia). În locuinţa nr.6, la 0,5 m N-V de vatra nr.1 a fost descoperită o groapă de formă rotundă cu diametrul de 0,2 m şi adâncimea de 0,15 m (fig. 13/1). În interiorul acesteia s-au găsit piese din lut de formă ovală şi discoidală (fig. 13/2-11), sub care era aşezată o figurină zoomorfă, după toate semnalmentele reprezentând un mistreţ (fig. 13/12). Piesa dată este asemănătoare celei descoperite în aşezarea culturii Noua de la Ghindeşti. La 2,2 m distanţă de vatra nr.2, lângă peretele nordic al locuinţei, la adâncimea de 0,7 m a fost găsită o concentraţie de piese din lut de formă discoidală şi ovală (Gerškovič 1999, 65, Taf. 37/1-12).

În aşezarea culturii Sabatinovka de la Čikalovka, în locuinţa nr.3 a fost găsită o concentraţie de lut crud, iar la mică distanţă de acesta – resturile unui rug. În spaţiul dintre ele, la adâncimea de 0,2 m, au fost descoperite câteva concentraţii de piese din lut de formă sferică şi o figurină zoomorfă neglijent modelată (fig. 14/1-4) (Шарафутдінова 1964, 155, рис. 6/12-15). În număr de 20, acestea erau grupate şi aşezate în formă de semicerc pe o porţiune de 1 m². Împreună cu piesele menţionate mai sus au mai fost găsite două pietre de culoare roşie-violetă şi o piesă cilindrică din gresie cu suprafaţa lustruită (Шарафутдінова 1964, 155; Березанская 1990, 88). Prezenţa lângă vatră sau în depunerile cultice a diferitor piese ce reprezentau diverse activităţi practice simbolizau probabil anumite etape de muncă şi totodată arătau cu ce erau obţinute bogăţiile roadei pentru care se mulţumea divinităţii (Florescu 1979, 65, 118). În locuinţa nr. 5, în partea N-V a acesteia, au fost descoperite rămăşiţele unui cuptor cu dimensiunea de 2,8×1,0 m. Sub acesta, la adâncimea de 0,8 m s-au găsit cinci gropiţe nu prea adânci în care erau aşezate piese sferice de diferite dimensiuni, modelate din lut. Deasupra acestor gropiţe ulterior a fost construit cuptorul (Шарафутдінова 1964, 156-157). Merită de menţionat că, în aşezarea de la Čicalovka în patru din cele cinci locuinţe cercetate, sub vatră sau în apropierea acesteia au fost descoperite piese de diferite forme şi figurine zoomorfe modelate din lut (Шарафутдінова 1964, 165; Шарафутдінова 1982, 39 şi urm., рис. 39/5-12; Березанская 1982, 178). Ofrandele depuse sub vatră, înaintea construcţiei acesteia, probabil aveau ca scop obţinerea binevoinţei divinităţilor faţă de căminul respectiv (Florescu 1979, 107). Chiar dacă în locuinţă erau mai multe vetre, de regulă, inventarul cultic era concentrat doar sub sau lângă una din ele, posibil aceasta fiind prima vatră în care s-a aprins focul în locuinţa nouă (Шарафутдинова 1982, 40). Din aşezarea de la Čikalovka provin şi 5 piese de piatră în formă de ou (Шарафутдінова 1964, 165, рис. 7/2, 3, 6), două vase miniaturale şi câteva discuri din piatră (Шарафутдінова 1964, 162, 165).

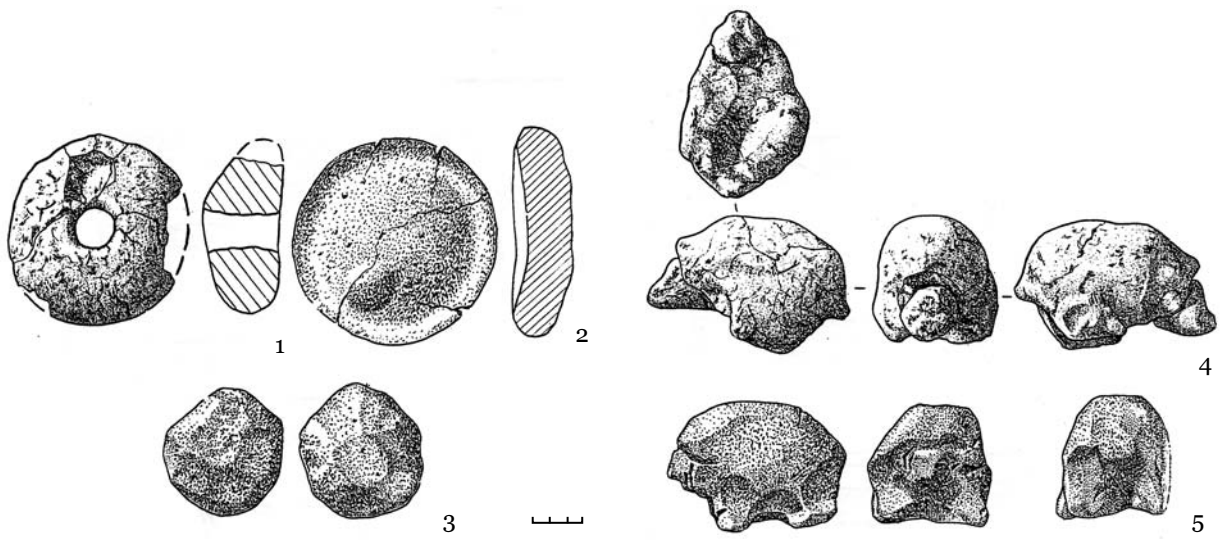


Fig. 13. Novokievka. Locuinţa 6, groapa nr. 1: 1 - planul şi secţiunea gropii nr. 1; 2-12 - inventarul gropii nr. 1 (după Gerškovič 1999, Taf. 37).

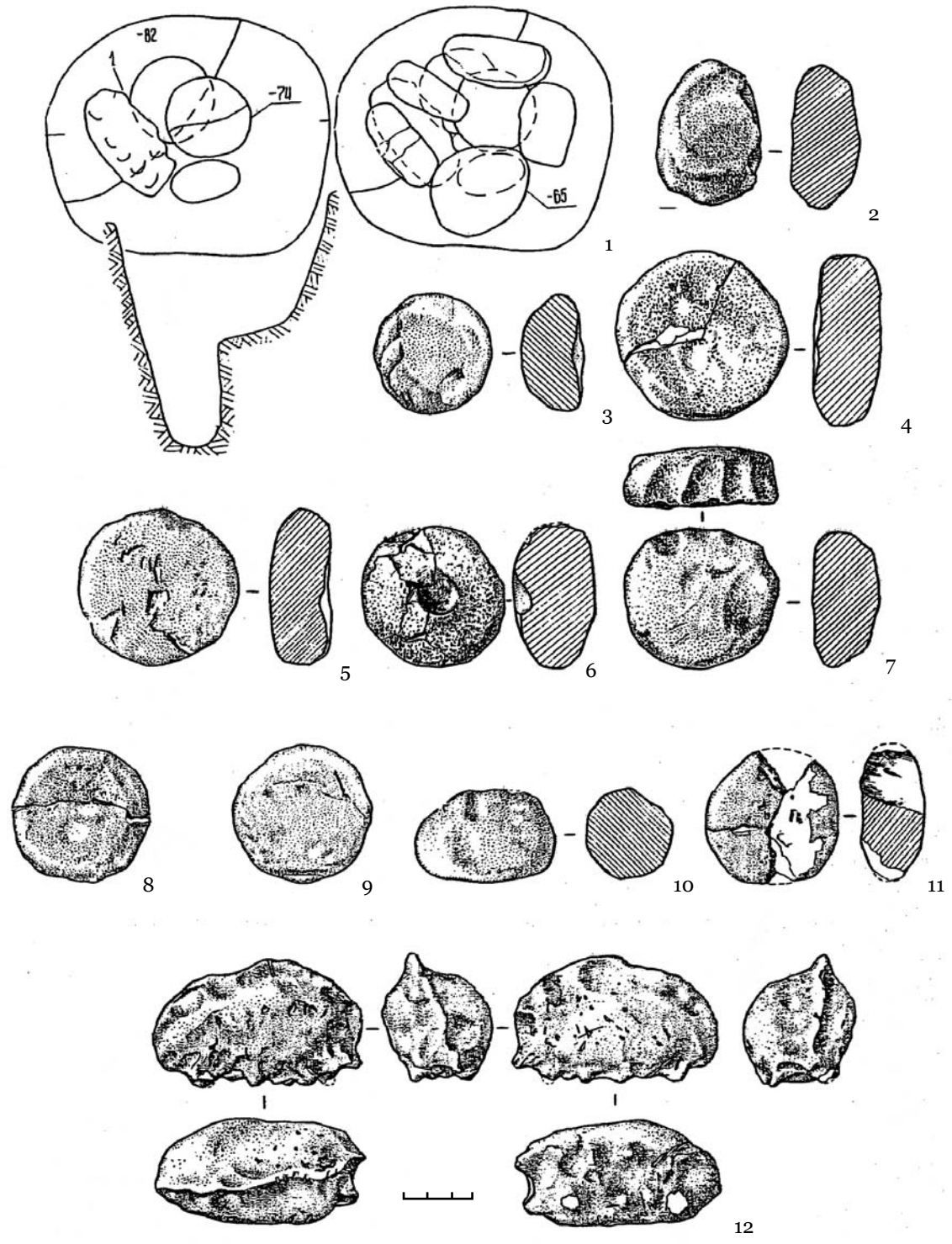


Fig. 13. Novokievka. Locuinţa 6, groapa nr. 1: 1 - planul şi secţiunea gropii nr. 1; 2-12 - inventarul gropii nr. 1 (după Gerškovič 1999, Taf. 37).

Depuneri rituale asemănătoare celor prezentate mai sus sunt cunoscute şi în cadrul altor culturi. De exemplu, în aşezarea culturii Srubnaja de la Usovo-Ozero, în locuinţa nr. 5, a fost descoperită o platformă ovală formată din nisip de culoare negru-roşiatic zgurificat pe centrul căreia erau aşezate piese votive (fig. 15). Acestea reprezentau două figurine zoomorfe (porc şi bovină) dintre care una fragmentară. Pe de o parte şi de alta a figurinelor era aşezată câte o piesă sferică din lut

iar din alte două părţi câte o rotiţă miniaturală. Un fragment de bilă din lut a fost găsit separat în locuinţă (Березанская 1990, 85, рис. 23/2; Gerškovič 1999, 69). În aşezarea aceleaşi culturi de la Iličevka au fost descoperite 11 bile din lut, 4 vase miniaturale şi un fragment de cretă pe care erau încrustate două linii în formă de cruce (Березанская 1982, 166-168). În aşezarea eponimă a culturii Babadag au fost descoperite două gropi mici în care s-au găsit obiecte din lut: „colăcei", vase miniaturale, discuri, pandantive, figurine antropomorfe (Sîrbu, Jugănaru 1999, 92-96, fig. 1-5; Jugănaru 2005, 42, fig. 10/1-42).

În aşezarea culturii Sabatinovka de la Novokievka au fost descoperite trei gropi gospodăreşti în care au fost găsite figurine modelate din lut. În umplutura gropii nr. 6 pe lângă un răzuitor de granit, zgură de ceramică, o scoică şi fragmente de la

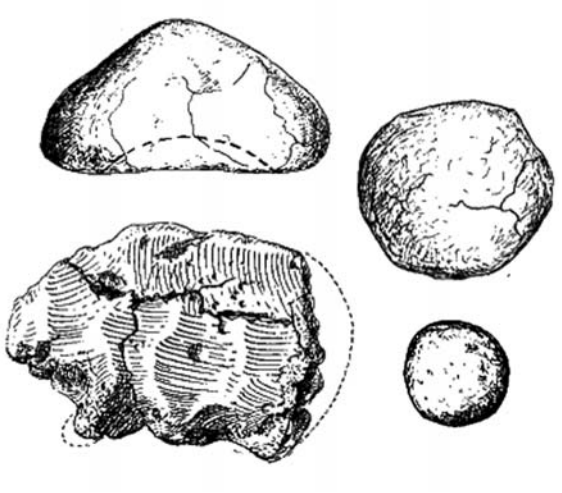


Fig. 14. Čikalovka. Piese votive din lut ars descoperite în cadrul locuinţei nr. 3 (după Шарафутдинова 1964, рис. 6/12-15).

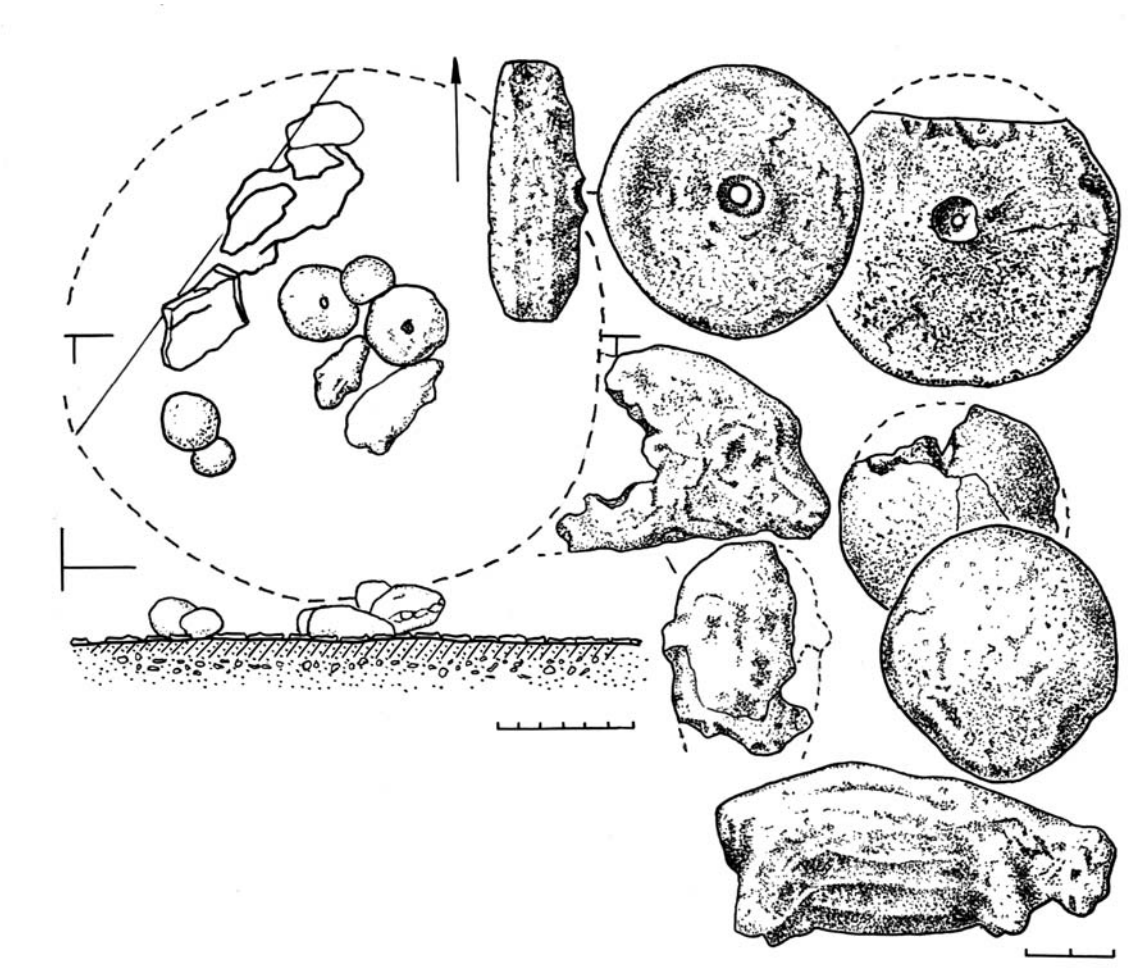


Fig. 15. Usovo-Ozero. Cultura Srubnaja. Locuinţa nr. 5. Piese votive din lut ars (după Березанская 1990, рис. 23/2).

circa 18 vase, au mai fost descoperite două piese ovale şi una discoidală (prevăzută cu orificiu pe centru) şi o figurină zoomorfă puternic stilizată, toate modelate din lut (Gerškovič 1999, 66, Taf. 38/1-4). Alte două gropi descoperite aici, nr. 17 şi nr.18 se uneau printr-un şănţuleţ nu prea adânc. În groapa nr. 17 pe lângă fragmentele de la circa 3-4 vase, un fragment de perete de cuptor prevăzut cu brâuri încrucişate şi zgură de ceramică, au mai fost descoperite un fragment de bilă din lut şi o figurină antropomorfă puternic stilizată (fig. 16/8). Aceasta are forma cifrei 8 în plan şi baza plată (Gerškovič 1999, 63, Taf. 36/8). Alte 11 figurine analogice au fost descoperite în groapa nr. 18 (fig. 16/1-7, 9-12). Aici a mai fost găsită partea inferioară a unei figurine zoomorfe (fig. 16/13), fragmente ceramice de la circa 10 vase, fragmente de piatră şi o piesă din os (Gerškovič 1999, 64, Taf. 36/1-7, 9-13).

Piesele cu caracter votiv descoperite în gropi considerate a fi menajere/gospodăreşti, de regulă sunt privite ca piese ieşite din uz, aruncate împreună cu alte resturi ale vieţii cotidiene. Privit în ansamblu, inventarul gropilor gospodăreşti (Mereni, Novokievka) într-adevăr reprezintă fragmente de unelte, vase, construcţii (în cazul peretelui de cuptor). Cu toate acestea, prezenţa inventarului cultic nu face parte din categoria pieselor ieşite din uz, ci mai degrabă presupune un anumit ritual, ţinând cont de locul ocupat de acestea în cadrul locuinţelor. I. Gerškovič este de părerea că, gropile iniţial menajere, erau folosite repetat în practicarea anumitor ritualuri. Posibil că, la apariţia necesităţii de părăsire a locuinţelor, vechile construcţii erau dezmembrate şi parţial depuse în gropile gospodăreşti în procesul desfăşurării anumitor activităţi cultice (Gerškovič 1999, 77, 82).

În locuinţa nr. 1 de la Uškalka a fost descoperită o măsuţă cu dimensiunea de 0,4×0,6 m şi înaltă de 0,2 m, improvizată din brâuri de lut, probabil reprezentând un altar. Lângă vatra de piatră, într-o gropiţă cu adâncimea de 0,35 m a fost găsită o concentraţie din 12 bile de lut ars, un craniu de bovină şi unul uman, fragmente de piatră şi ceramică (Телегін 1961, 4; Шарафутдинова 1982, 104, рис. 39/1-4; Березанская 1990, 88; Gerškovič 1999, 53, 83). Tot în cadrul acestei aşezări, la 8,0 m E de locuinţa nr. 4 a fost descoperit un mormânt de copil (Gerškovič 1999, 50).

În aşezarea de la Novokievka, două dintre gropile cercetate conţin depuneri de oase umane. În groapa nr. 5, aflată între două locuinţe (nr. 6 şi nr. 7), au fost descoperite două cranii umane, cărbune de lemn, fragmente de zgură de ceramică, pietre şi fragmente ceramice de la circa 12 vase (Gerškovič 1999, 66, Taf. 28/9). În umplutura gropii nr. 35 au fost descoperite fragmente de bile de lut, o piesă din os şi un os uman (Gerškovič 1999, 60). Schelete umane întregi au fost găsite în aşezările de la Ghindeşti (Мелюкова 1961, 9, рис. 2), Novoselica (Тощев, Черняков 1986, 123, 125, рис. 3/12), Stelnica (Renţa 2008, 36). Morminte în aşezări sunt cunoscute şi în aşezările culturii Srubnaja (Березанская 1990, 88-89), Wietenberg (Cavruc, Rotea 2000, 156). Scheletele descoperite în gropi sau „cenuşare", ar putea reprezenta jertfe umane aduse în cazuri excepţionale. De exemplu, acest ritual era practicat de hitiţi, care aduceau ca jertfă prizonieri de război (Тощев, Черняков 1986, 135).

În concluzie, ţinem să enumerăm prezenţa anumitor practici cultuale în cadrul comunităţilor Noua-Sabatinovka-Coslogeni având ca bază, datele oferite de inventarul descoperit în „cenuşare", locuinţe, locuri şi gropi de cult, prezentat mai sus.

Ocupaţia de bază – creşterea animalelor, care asigura subzistenţa comunităţilor Noua-Sabatinovka-Coslogeni, permite presupunerea unei legături spirituale între om şi animal. Fie şi sporadică, prezenţa reprezentărilor zoomorfe în inventarul descoperirilor efectuate în cadrul aşezărilor susţine această ipoteză. Figurinele zoomorfe pot reprezenta şi cultul vânătorii în cazurile când reprezintă animale sălbatice (mistreţul).

Plastica antropomorfă ar putea presupune existenţa unui cult legat de credinţa în idoli creaţi după asemănări specifice omului sau divinizarea unor persoane. În unele cazuri, ca, de exemplu, cel a figurinei antropomorfe descoperite în groapa rituală de la Mologa, putem presupune un ritual de înmormântare a figurinei. Posibil, acest complex reprezintă o imitare de înmormântare de unei jertfe umane sau a unei divinităţi, care în etnografia contemporană s-a transmis ca obiceiul de înmormântare a Caloianului (Агульников, Малюкевич 2010, 160)[8].

[8] În anii secetoşi locuitorii regiunii balcanice şi din zona de N-V a Mării Negre – Bulgaria, România, Republica Moldova şi sudul regiunii Odesa (Ucraina), îngropau ceremonial o figurină de lut mistică numită Caloian (în unele sate din regiunile sudice ale Moldovei – Paparudă sau Germangiu), suflet sau zeitate care aduce ploaia (Агульников, Малюкевич 2010, 160).
Ritualul de înmormântare a figurinelor din lut este larg răspândit în perioada hallstattului timpuriu (Jugănaru 2005, 46).

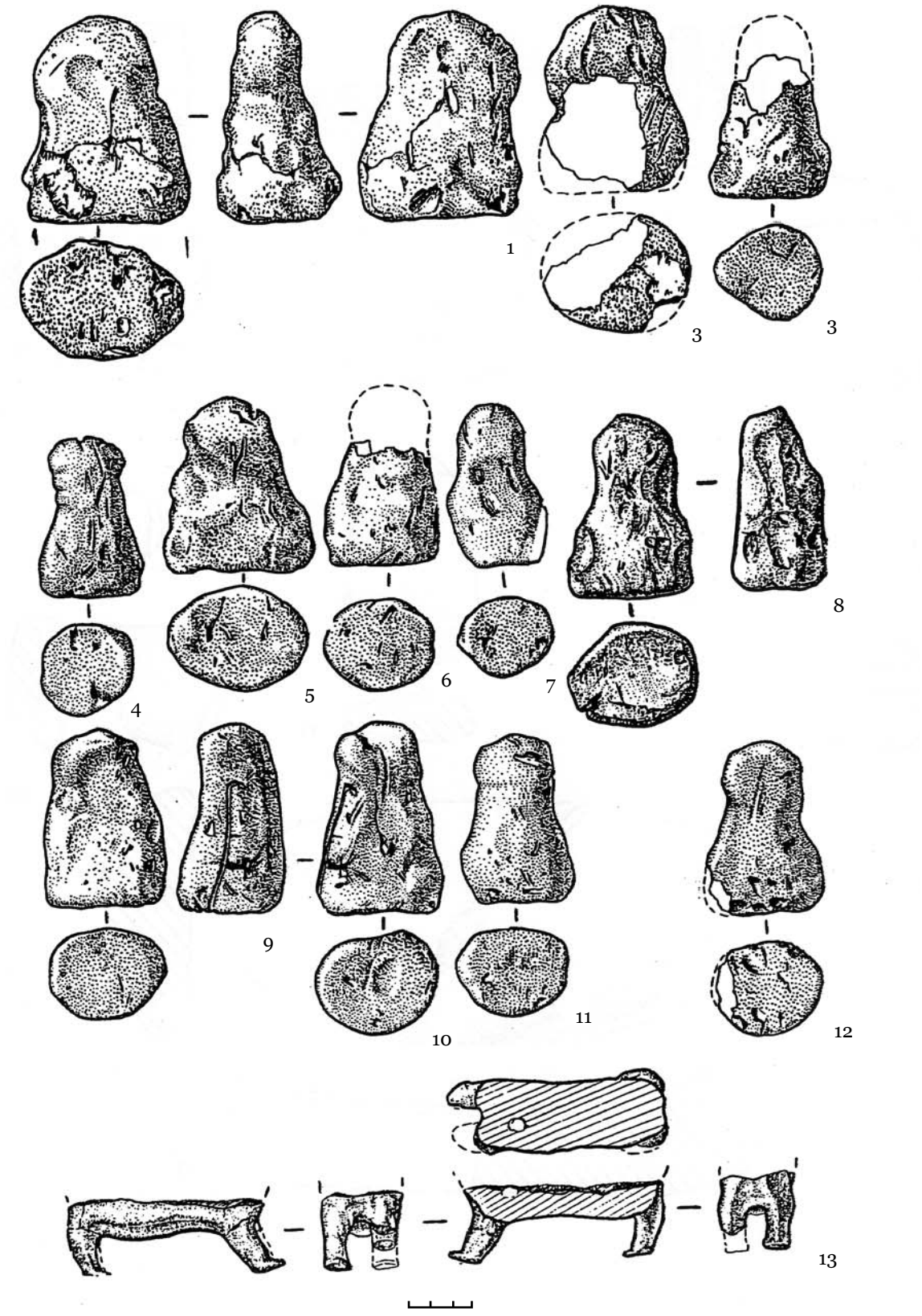


Fig. 16. Novokievka. Piese votive descoperite în gropi din afara locuinţelor: 1-7, 9-13 - groapa nr. 18; 8 - groapa nr. 17 (după Gerškovič 1999, Taf. 36).

Modul semisedentar de viaţă admite practicarea cultului focului, a vetrei casei, fapt demonstrat de depunerile cultice sub vatră sau în apropierea acesteia. Vatra simboliza stabilitatea căminului şi a celor ce locuiau în el timp îndelungat, în acelaşi timp fiind legătura dintre pământ şi cerul cu soarele, prin focul ce se înălţa spre el (Florescu 1979, 106 şi urm.). Ocupaţiile de bază, creşterea animalelor şi agricultura, presupun practicarea mai multor culte legate de sporirea şi protecţia turmelor, bogăţia roadelor, alungarea secetei, chemarea ploii etc.

La baza credinţei era cultul soarelui, fertilităţii şi creşterii (Свешников 1968, 26). Cultul soarelui este prezent prin forma vetrei, roţilor miniaturale de car, butoanele din os şi simbolului solar prezent pe anumite categorii de piese. Despre cultul fertilităţii ne vorbesc reprezentările zoomorfe, antropomorfe, piesele în formă de ou din lut şi piatră, descoperite de regulă lângă vatră.

Înmormântările descoperite în aşezări, redau posibil cultul strămoşilor, practicat ca şi cultul soarelui pretutindeni, şi nu numai în epoca bronzului. Cultul strămoşilor avea ca scop cinstirea prin ofrandele aduse ca jertfă a celor morţi şi chemarea susţinerii acestora în anumite circumstanţe (Florescu 1979, 78).

Reconstruirea aspectelor vieţii spirituale a comunităţii Noua-Sabatinovka-Coslogeni prin prisma inventarului descoperit în aşezări şi a diferitor spaţii menite unor practici rituale nu este deloc simplă, mai ales ţinând cont de condiţiile în care unele atribute şi practici rituale puteau să nu lase urme. Cu toate acestea, putem conchide că componentele credinţelor şi cultelor practicate de comunităţile respective au rezultat din raportarea individului sau a comunităţii la forţele naturii care favorizează fertilitatea solului (soare, lună, apă, pământ) sau la aspecte majore legate de ritmul vieţii cotidiene (naştere, boli, moarte). Datele de care dispunem la momentul de faţă ne permit într-o oarecare măsură perceperea vieţii spirituale a comunităţii Noua-Sabatinovka-Coslogeni, unele interpretări sugerate rămânând deocamdată la nivel de ipoteze de lucru, care sperăm să fie verificate în procesul cercetărilor ce vor fi efectuate pe viitor.

Bibliografie

Andriţoiu, Rustoiu 1997: I. Andriţoiu, I. Rustoiu, Sighişoara-Wietenberg. Descoperiri preistorice şi aşezarea dacică (Bucureşti 1997).

Baltag, Boroffka 1996: Gh. Baltag, N. Boroffka, Materiale arheologice preistorice de la Albeşti, jud. Mureş. SCIVA 47/4, 1996, 375-393.

Boroffka, Sava 1998: N. Boroffka, E. Sava, Zu den steinernen „Zeptern/Stößel-Zeptern“, „Miniatursäulen“ und „Phalli“ der Bronzezeit Eurasiens. Arch. Mitt. Iran 30, 1998, 17-113.

Cavruc 2000: G. Cavruc, Groapă rituală (?) din aşezarea culturii Noua de la Zoltan. Angustia 5 (Arheologie), 2000, 193-198.

Cavruc 1997: V. Cavruc, The final stage of the Early Bronze Age in south-eastern of Transylvania (in the light of new excavations at Zoltan). Thraco-Dacica XVIII/1-2, 1997, 97-133.

Cavruc 1998: V. Cavruc, Once more about the Ponto-Caspic factor in the Formation of the Noua Culture. Thraco-Dacica XIX/1-2, 1998, 93-111.

Cavruc 2003: V. Cavruc, Noi descoperiri arheologice în sud-estul Transilvaniei. Catalog de expoziţie (Sfântu Gheorghe 2003).

Cavruc, Rotea 2000: V. Cavruc, M. Rotea, Locuirea Wietenberg de la Păuleni. Angustia 5 (Arheologie), 2000, 155-172.

Cavruc, Dumitroaia 2001: V. Cavruc, Gh. Dumitroaia, Cultura Costişa în contextul epocii bronzului din România. Catalog de expoziţie (Piatra-Neamţ 2001).

Dascălu 2007: L. Dascălu, Bronzul mijlociu şi târziu în Câmpia Moldovei (Iaşi 2007).

Dergačev 2010: V. Dergačev, Perioada târzie a epocii bronzului. In: Istoria Moldovei. Epoca Preistorică şi Antică (până în sec. V) (Chişinău 2010), 302-312.

Dergačev 2002: V. Dergačev, Die äneolethischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF XX/9 (Stuttgart 2002).

Diaconu 2008: V. Diaconu, Despre plastica antropomorfă a culturii Noua. Acta Musei Tutovensis III, 2008, 112-119.

Diaconu 2010: V. Diaconu, Posibile structuri de cult în Bronzul târziu de la răsărit de Carpaţi. Carpica XXXIX, 2010, 26-31.

Diaconu 2012: V. Diaconu, Discuţii privitoare la unele pandantive specifice bronzului târziu din nord-vestul şi nordul Mării Negre. Peuce S.N X, 2012, 21-38.

Diaconu 2014: V. Diaconu, Cultura Noua în regiunea vestică a Moldovei. Teza de doctor (manuscris) (Iaşi 2014).

Diaconu, Istina 2011: V. Diaconu, L.E. Istina, Un sceptru din piatră atribuit epocii bronzului, provenit de la Măgura, judeţul Bacău. Carpica XL, 2011, 53-62.

Diaconu, Sîrbu 2014: V. Diaconu, M. Sîrbu, Butonii de os şi corn descoperiţi în mediul culturii Noua. Angustia. Studii şi cercetări de Arheologie 17-18, 2014, 125-136.

Dietrich 2011: L. Dietrich, Gânduri asupra dimensiunilor sociale ale vaselor de tip Kantharos din cultura Noua. In: Archaeology: making of and practice. Studies in honor of Mircea Babes at his 70th anniversary (Piteşti 2011), 115-122.

Dietrich 2013: L. Dietrich, Visible workshops for invisible commodities. Leatherworking in the Late Bronze Age Noua culture's 'ashmounds'. In: Din Preistoria Dunării de Jos: 50 de ani de la inceputul cercetărilor arheologice la Babadag (1962-2012): conferinţă naţională: Tulcea, 20-22 septembrie 2012 (Brăila 2013), 227-246.

Dietrich 2014: L. Dietrich, Datele radiocarbon din aşezarea aparţinând epocii bronzului de la Rotbav (jud. Braşov, România). SCIVA 65/1-2, 2014, 59-70.

Dragomir 1959: I.T. Dragomir, Săpăturile arheologice de la Cavadineşti (r. Bereşti, reg. Galaţi). MCA 6, 1959, 453-471.

Dragomir 1961: I.T. Dragomir, Săpăturile arheologice de la Cavadineşti (r. Bereşti, reg. Galaţi). MCA 7, 1961, 151-162.

Eliade 1996: M. Eliade, Făurari şi alchimişti (Bucureşti 1996).

Florescu 1964: A.C. Florescu, Contribuţii la cunoaşterea culturii Noua. ArhMold 2-3, 1964, 143-216.

Florescu 1991: A.C. Florescu, Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Aşezări şi necropole. In: Cultură şi civilizaţie la Dunărea de Jos 9 (Călăraşi 1991).

Florescu, Căpitanu 1968: M. Florescu, V. Căpitanu, Cîteva observaţii privitoare la sfîrşitul epocii bronzului în lumina ultimelor cercetări arheologice efectuate de Muzeul de Istorie din Bacău. Carpica I, 1968, 35-47.

Florescu 1979: M. Florescu, Contribuţii la cunoaşterea concepţiilor despre lume şi viaţă a comunităţilor tribale monteorene. Carpica XI, 1979, 57-134.

Florescu, Florescu 1990: M. Florescu, A. Florescu, Unele observaţii cu privire la geneza culturii Noua în zonele de curbură ale Carpaţilor Răsăriteni. ArhMold 13, 1990, 49-102.

Gerškovič 1999: Ja.P. Gerškovič, Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres., AE, Bd. 7 (Rahden/Westf. 1999).

Jugănaru 2005: G. Jugănaru, Cultura Babadag I (Constanţa 2005).

Leahu 1966: V. Leahu, Cultura Tei (Bucureşti 1966).

Levitsckii, Sava 1993: O.G. Levitsckii, E.N. Sava, Nouvelles recherches des établissements de la culture Noua la zone comprise entre le Prout et le Nistru. Cultură şi civilizaţie la Dunărea de Jos 10, 1993, 125-157.

Mareş et al. 2008: I. Mareş, A. László, B.P. Niculică, M. Ignat, Plastica zoomorfă şi antropomorfă din aşezarea fortificată din prima epocă a fierului, cultura Gava-Holihrady, grupul Grăniceşti, de la Siret-Dealul Ruina, judeţul Suceava. Acta Musei Tutovensis III, 2008, 120-140.

Marinescu 1985: G. Marinescu, Descoperiri de la sfîrşitul epocii bronzului (cultura Noua) în nord-estul Transilvaniei. Apulum 22, 1985, 23-29.

Morintz, Anghelescu 1970: S. Morintz, N. Anghelescu, O nouă cultură a epocii bronzului în România. Cultura de tip Coslogeni. SCIV 21/3, 1970, 373-415.

Morintz 1978: S. Morintz, Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii (I). Epoca bronzului în spaţiul carpato-balcanic (Bucureşti 1978).

Neagu, Nopcea 2007: M. Neagu, C. Nopcea, Cercetările arheologice preventive de la Chirnogeni, jud. Constanţa (2001). Pontica XL, 2007, 471-484.

Petrescu-Dîmboviţa 1953: M. Petrescu-Dîmboviţa, Contribuţii la problema sfîrşitului epocii bronzului şi începutului epocii fierului în Moldova. SCIV IV/3-4, 1953, 443-486.

Petrescu-Dîmboviţa 1964: M. Petrescu-Dîmboviţa, Date noi relativ la descoperirile de obiecte de bronz de la sfîrşitul epocii bronzului şi începutul Hallstatt-ului din Moldova. ArhMold 2-3, 1964, 251-272.

Petrescu-Dîmboviţa 1977: M. Petrescu-Dîmboviţa, Depozitele de bronzuri din România (Bucureşti 1977).

Renţa 2008: E. Renţa, Prima epocă a Fierului pe cursul râului Ialomiţa (Târgovişte 2008).

Rotaru 1983: M. Rotaru, Noi descoperiri de la sfârşitul epocii bronzului în bazinul Elanului. Thraco-Dacica IV/1-2, 73-84.

Sava 2002a: E. Sava, Materiale din epoca bronzului târziu din aşezarea Mereni. ArhMold 25, 2002, 69-92.

Sava 2002b: E. Sava, Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten. PAS, Bd. 19 (Kiel 2002).

Sava 2005: E. Sava, Die spätbronzezeitlichen Aschehügel („Zol'niki") – ein Erklärungsmodell und einige historisch-wirtschaftliche Aspekte. PZ 80, 1, 2005, 65-109.

Savu, Gogâltan 2015: M. Savu, Fl. Gogâltan, Exploring the Fields of Ritual and Symbolism. A Late Bronze Age Discovery from Vlaha, Cluj County. In: (Eds. N.C. Riscuţa, I.V. Ferencz, O. Tutilă Bărbat), Representations, Signs and Symbols. Proceedings of the Symposium on Religion and Magic (Cluj-Napoca 2015), 171-186.

Sîrbu 2011: M. Sîrbu, Industria materiei dure animale în perioada târzie a epocii bronzului (complexul cultural Noua-Sabatinovka). Tyragetia s.n. V/1, 2011, 199-225.

Sîrbu 2012: M. Sîrbu, Piese din lut descoperite în aşezările culturilor Noua-Sabatinovka din spaţiul carpato-nistrean. Tyragetia s.n. VI/1, 2012, 91-111.

Sîrbu 2013: M. Sîrbu, Piese litice descoperite în aşezările culturilor Noua-Sabatinovka din spaţiul pruto-nistrean. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 163-189

Sîrbu 2014: M. Sîrbu, Piese de bronz descoperite în aşezările de tip Noua-Sabatinovka din spaţiul pruto-nistrean. Tyragetia s.n. VIII/1, 2014, 185-203.

Sîrbu, Jugănaru 1999: V. Sîrbu, G. Jugănaru, Practici magice la tracii culturii Babadag. In: Studia in honorem Ion Niculiţă (Chişinău 1999), 92-104.

Smirnova 1993: G. Smirnova, Die Siedlung Mahala IIa und IIb ein Denkmal der Noua I- und II Kultur. Cultură şi civilizaţie la Dunărea de Jos 10, 1993, 57-73.

Tončeva 1991: G. Tončeva, Problèmes de la plastique miniature de l'âge du bronze récent en Bulgarie du Nord-Est. Pontica XXIV (1991), 1993, 29-42.

Vernescu 2013: M. Vernescu, Bărăganul în preistorie (circa 3500-1200 a. Chr.). Perioada de tranziţie de la Eneolitic la epoca Bronzului şi epoca Bronzului (Brăila 2013).

Vulpe, Dietrich, Dietrich 2008: A. Vulpe, O. Dietrich, L. Dietrich, Rotbav, com. Feldioara, jud. Braşov. In: Cronica cercetărilor arheologice din România, campania 2007 (Iaşi 2008), 262-263.

Vulpe, Dietrich, Dietrich 2009: A. Vulpe, O. Dietrich, L. Dietrich, Rotbav, com. Feldioara, jud. Braşov. In: Cronica cercetărilor arheologice din România, campania 2008 (Târgovişte 2009), 187-188.

Wiettenberger 2006: M. Wiettenberger, Cultura Noua din Transilvania. Teza de doctor (manuscris) (Iaşi 2006).

Агульников 2006: С.М. Агульников, Поселения эпохи поздней бронзы в Буджакской степи, Revista Arheologică s.n. II/1-2, 2006, 217-262.

Агульников, Левинский 1990: С.М. Агульников, А.Н. Левинский, Исследования на поселении у г. Кэушень. В сб.: АИМ в 1985 году (Кишинев 1990), 73-89.

Агульников, Малюкевич 2010: С. Агульников, А. Малюкевич, Ритуальный комплекс периода поздней бронзы с поселения Молога II в нижнем Поднестровье. Revista Arheologică s.n. VI/1, 2010, 151-163.

Агульников, Мистряну 2014: С. Агульников, Е. Мистряну, Новые находки каменных орудий на памятниках позднего бронзового века степной зоны. Revista Arheologică s.n. X/1-2, 2014, 203-210.

Балагурі 1968: Е.А. Балагурі, Поселення культури Ноа біля с. Острівець, Івано-Франківської області. Археология 21, 1968, 135-146.

Березанская 1982: С.С. Березанская, Северная Украина в эпоху бронзы (Киев 1982).

Березанская 1985: С.С. Березанская, Белогрудовская культура. В: Археология Украинской ССР, том 1 (Киев 1985), 499-512.

Березанская 1990: С.С. Березанская, Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце (Киев 1990).

Березанская, Шарафутдинова 1985: С.С. Березанская, И.Н. Шарафутдинова, Сабатиновская культура. В: Археология Украинской ССР, том 1 (Киев 1985), 489-499.

Березанская и др. 1994: С.С. Березанская, Е.В. Цвек, В.И. Клочко, С.Н. Ляшко, Ремесло эпохи энеолита и бронзы на Украине (Киев 1994).

Гребенников, Горбенко 2010: В.Б. Гребенников, К.В. Горбенко, Поселения, грунтовые могильники и клады эпохи бронзы на территории Николаевской области (археологическая карта) (Николаев 2010).

Демченко, Левицкий 1992: Т. Демченко, О. Левицкий, Исследования зольников культуры Ноуа у станции Кобыльня. В сб.: АИМ в 1986 г. (Кишинев 1992), 120-135.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у с. Слободка-Ширеуць. В сб.: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Дергачев 1973: В.А. Дергачев, Памятники эпохи бронзы. АКМ, вып. 3 (Кишинев 1973).

Дергачев 1986: В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).

Дергачев 2012: В.А. Дергачев, Новые комплексы и единичные находки металлических предметов поздней бронзы-раннего гальштата на территории Республики Молдова. Revista Arheologică s.n. VIII/1-2, 2012, 161-181.

Залізняк 2005: Л. Залізняк, Археологія України. Курс лекций (Київ 2005).

Кашуба 2000: М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum 3, 2000, 241-488.

Корочкова 2009: О.Н. Корочкова, О западносибирских зольниках эпохи поздней бронзы, РА 1, 2009, 25-35.

Крушельницька 2006: Л.І. Крушельницька, Культура Ноуа на землях України (Львів 2006).

Иванова, Дзнеладзе 2006: С.В. Иванова, Е.С. Дзнеладзе, О культурных универсалиях в эпоху бронзы. В сб.: Матеріали та дослідження з археології східної України, №5 (Луганск 2006), 225-229.

Мелюкова 1961: А.И. Мелюкова, Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА СССР 96, 1961, 5-52.

Никулицэ, Каврук 1986: И.Т. Никулицэ, В.И. Каврук, Раскопки памятников бронзового века у с. Балабанешты. В сб.: АИМ в 1982 г. (Кишинев 1986), 71-83.

Новицкий 1980: Е.Ю. Новицкий, Статуэтки животных, найденные на поселении эпохи бронзы у с. Новоселовка. В сб.: Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя (Киев 1980), 116-118.

Отрощенко 1985: В. Отрощенко, Белозеская культура. В: Археология Украинской ССР, том 1 (Киев 1985), 519-527.

Савва 1987: Е.Н. Савва, К вопросу о пестах-скипетрах эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья. В сб.: Известия Академии наук Молдавской ССР. Серия общественных наук, №1 (Кишинев 1987), 62-71.

Савва 1992: Е.Н. Савва, Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (по материалам погребального обряда) (Кишинев 1992).

Сава, Кайзер 2011: Е. Сава, Э. Кайзер, Поселение с «зольниками» у села Одая, Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования) / E. Sava, E. Kaiser, Die Siedlung mit „Aschehügeln“ beim Dorf Odaia-Miciurin, Republik Moldova. Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen (Chişinău 2011).

Серова, Яровой 1987: Н.Л. Серова, Е.В. Яровой, Григориопольские курганы (Кишинев 1987).

Смирнова 1969: Г.И. Смирнова, Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикрапатье (вторая половина XIII - середина VII вв. до н.э.). В кн: (Отв. ред. Т.Д. Златковская, А.И. Мелюкова) Древние фракийцы в Северном Причерноморье (Москва 1969), 7-34.

Смирнова 1972: Г.И. Смирнова, Новые исследования поселения Магала. АСГЭ 14, 1972, 12-31.

Свешников 1968: И.К. Свешников, О символике вещей михайловских кладов. СА 1, 1968, 10-27.

Телегін 1961: Д.Я. Телегін, Питання видносної хронології пам’яток пізної бронзи Нижнього Подніпровья. Археологія 12, 1961, 3-15.

Тереножкин 1961: А.И. Тереножкин, Предскифский период на Днепровском Правобережье (Киев 1961).

Тощев Черняков 1986: Г.Н. Тощев, И.Т. Черняков, Культовые зольники Сабатиновской культуры. В сб.: Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья (Киев 1986), 115-138.

Церна, Топал 2013: С. Церна, Д. Топал, Два новых клада и единичные находки металлических изделий эпохи бронзы-раннего гальштата с территории Республики Молдова., Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 189-204.

Черниенко 2014: Ю.А. Черниенко, Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы. Stratum Plus 2, 2014, 15-112.

Черняков 1985: И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. (Киев 1985).

Шарафутдінова 1964: І.Н. Шарафутдінова, Поселення епохи пізньої бронзи поблизу Кременчука. Археологія 17, 1964, 153-169.

Шарафутдинова 1982: И.Н. Шарафутдинова, Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы (Киев 1982).

Rapoarte ştiinţifice

Агульников 1984: С.И. Агульников Отчёт раскопках на поселении Самурза I в 1982 г. (Кишинев 1984). Arhiva MNIM, nr. inv. 190.

Дергачев 1976: В.А. Дергачёв, Отчёт об археологических исследованиях Припрутской экспедиции в 1975 году (Кишинев 1976). Arhiva MNIM, nr. inv. 101.

Дергачев, Постикэ, Савва 1988: В.А. Дергачев, Г.И. Постикэ, Е.Н. Савва, Отчёт о полевых исследованиях Пугаченской археологической экспедиции у сс. Мерень и Кирка Новоаненского р-на в 1987 году (Кишинев 1988). Arhiva MNIM, nr. inv. 275.

Лапушнян 1969: В.Л. Лапушнян, Отчет об археологических раскопках поселения Кокора III Кагульского р-на в 1968 г. (Кишинёв 1969). Arhiva MNIM, nr. inv. 46.

Ларина 1986: О. Ларина, Отчёт молдавской экспедиции о работе 1985 г. на поселениях Фетешты I и Фетешты II, с. Фетешты, Единецкий район (Кишинев 1986). Arhiva MNIM, nr. inv. 228.

Левинский 1986: А.Н. Левинский, Отчёт о полевых работах черняховского отряда Каушанской новостроечной археологической экспедиции по исследованию многослойного поселения Кэушень-племсовхоз у пгт. Каушаны, Каушанского р-на в 1985 г. (Кишинев 1986). Arhiva MNIM, nr. inv. 229.

Левицкий 1985: О.Г. Левицкий, Отчёт о полевых исследованиях Фракийской новостроечной археологической экспедиции в 1984 г. (Кишинев 1985). Arhiva MNIM, nr. inv. 214.

Левицкий 1988: О.Г. Левицкий, Раскопки на поселении культуры Ноуа у с. Кобыльня в 1986-1987 г. (Кишинев 1988). Arhiva MNIM, nr. inv. 255.

Мелюкова 1956: А.И. Мелюкова, Отчёт о работе отряда скифской археологии Молдавской археологической экспедиции ИИМК и Молдавского филиала АН СССР в 1956 году (Кишинев 1956). Arhiva MNIM, nr. inv. 380.

Мелюкова 1980: А.И. Мелюкова, Отчёт о работе Западно-Скифской экспедиции в 1979 г. (Кишинев 1980). Arhiva MNIM, nr. inv. 144.

Никулицэ 1979: И.Т. Никулицэ, Отчёт о полевых исследованиях на памятниках бронзового и раннежелезного веков у сёл Данчены и Суручены в 1978 (Кишинев 1979). Arhiva MNIM, nr. inv. 130.

Никулицэ 1981: И.Т. Никулицэ, Отчёт о результатах полевых исследований на археологических памятниках у с. Ханска в 1981 году (Кишинев 1981). Arhiva MNIM, nr. inv. 166.

Никулицэ 1983: И.Т. Никулицэ, Отчет о раскопках археологических памятников у с. Балабанешты (Кишинев 1983). Arhiva MNIM, nr. inv. 180.

Чеботаренко 1963: Г.Ф Чеботаренко, Городище Калфа. Отчёт о раскопках 1962 г. (Кишинев 1963). Arhiva MNIM, nr. inv. 405.

Щербакова 1984: Т.А. Щербакова, Отчёт о полевых исследованиях Томайского отряда Буджакской новостроечной археологической экспедиции на поселении позднеримского времени III-IV вв. н.э. у с. Томай, р-н Чадыр-Лунга МССР в 1983 году (Кишинев 1984). Arhiva MNIM, nr. inv. 206"b".

The spiritual life of the Noua-Sabatinovka-Coslogeni communities through the prism of the non-funerary items found in settlements

Abstract

This article presents and analyzes non-funeral objects of worship, which were found throughout the area of spreading of the complex of Noua-Sabatinovka-Coslogeni cultures. The spiritual aspect of life of these communities is well defined by places of worship (some parts of the "ashpits" and dwellings, ritual pits) and by the presence of votive objects made of clay, stone, bone and bronze (anthropomorphic and zoomorphic representations, small balls, miniature vessels and rollers, buttons, pendants, etc.) in the settlements.

The present study aims to identify features of the Noua-Sabatinovka-Coslogeni communities' spiritual life not related to burial rites based on archaeological data obtained as a result of excavations in the settlements throughout the spread of this complex of cultures.

List of illustrations:

Fig. 1. Anthropomorphic representations: 1, 2 - Popeni (after Diaconu 2008, fig. 2/1, 6); 3 - Truşeşti (after Florescu 1991, fig. 154/1); 4 - Ibăneşti (after Diaconu 2008, fig. 2/7); 5-7 - Novokievka (after Gerškovič 1999, Taf. 36/1, 9, 10); 8, 9 - Cobîlea (after Sava 2005, Abb. 11/1, 2); 10, 11 - Nicoleni (after Florescu 1991, fig. 95/2, 3); 12 - Mologa (after Агульников, Малюкевичь 2010, рис. 4/5). 1-3 - bone; 4 - stone; 5-12 - baked clay. 1-4, 10-11 - without scale.

Fig. 2. Zoomorphic representations made of baked clay: 1-4 - Ghindeşti (after Мелюкова 1961, рис. 7/1-4); 5, 11, 13 - Novokievka (after Gerškovič 1999, Taf. 18/4, 5; 36/13); 6 - Hansca (Никулицэ 1981, рис. 7/7); 7 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 91/23); 8, 10 - Mereni (after Sava 2002, fig. 3/1, 2); 9 - Lichitişeni (after Florescu 1991, fig. 95/1); 12 - Platoneşti (after Renţa 2008, fig. 13); 14 - Stepovoe (after Шарафутдинова 1985, рис. 134/12). 9, 12, 14 - without scale.

Fig. 3. Miniature rollers: 1, 3 - Novokievka (after Gerškovic 1999, Taf. 38/5, 6); 2 - Simioneşti (after Florescu 1991, fig. 97/2); 4 - Suruceni (after Никулицэ 1979, рис. 8); 5 - Nisporeni. Discs: 7-9 - Gârbovăţ (after Florescu 1991, fig. 96/11; 97/12, 13); 10 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 91/19); 11 - Cobîlea (after Левицкий 1988, рис. 17/4); 12 - Novokievka (after Gerškovič 1999, Taf. 18/2). Miniature vessels: 6 - Nisporeni; 13 - Olteni (after Buzea 2003, foto 159); 14, 16, 18 - Ostrivec (after Балагурі 1968, рис. 5/14, 21, 22); 15, 17 - Cobîlea (after Levitsckii, Sava 1993, des. 11/7; 13/9). 13-18 - without scale.

Fig. 4. Objects of baked clay: 1-3, 13 - Petruşeni (after Левицкий 1985, рис. 15/19, 16/1, 3, 6); 4, 5 - Mahala (after Смирнова 1972, рис. 5/14, 15); 6 - Cobîlea (after Левицкий 1988, рис. 24/2); 7 - Giurcani (after Rotaru 1983, fig. 6/6); 8 - Căuşeni (after Левинский 1986, рис. 8/5); 9, 15, 16 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 91/1, 3, 5); 11, 12, 14 - Novokievka (after Gerškovič 1999, Taf. 18/1; 37/8; 38/2); 10 - Mologa (after Агульников, Малюкевичь 2010, рис. 4/6).

Fig. 5. Bone buttons: 1 - Bărboasa (after Florescu 1991, fig. 153/4); 2 - Cavadineşti (Florecu 1991, fig. 153/8); 3, 4 - Gârbovăţ (after Florescu 1991, fig. 153/3, 7); 5 - Andrieşeni (after Florescu 1991, fig. 153/1); 6 - Slobozia-Şireuţi. Bone pendants: 7 - Zlatopol' (after Gerškovič 1999, Taf. 10/4); 8 - Slobozia-Şireuţi; 9 - Ghindeşti (after Мелюкова 1961, рис. 9/4); 10 - Novoselica (after Тощев, Черняков 1986, рис. 6/7); 11 - Petruşeni (after Levitsckii, Sava 1993, des. 3/11); 12 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 84/14). Pendants made of animal teeth: 13 - Ghindeşti (after Мелюкова 1961, рис. 11/6); 14-16 - Gîrbovăţ (after Florescu 1991, fig. 155/2, 5, 11); 17 - Cavadineşti (after Florescu 1991, fig. 155/10). Bronze pendants: 18 - Ostrivec (after Балагурі 1968, рис. 3/8); 19 - Mahala (after Смирнова 1968, рис. 7/I 21); 20, 26 - Ulmi-Liteni (after Diaconu 2012, fig. 1/1, 11); 21 - Mălăieşti (after Diaconu 2012, fig. 2/3); 22, 25 - Ghindeşti (after Dergacev 2012, fig. 8/23, 24); 23 - Belceşti (after Diaconu 2012, fig. 1/12); 24 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 72/26). 1-5, 10, 14-19 - without scale.

Fig. 6. Oval stone objects: 1, 5, 6 - Čikalovka (after Шарафутдінова 1964, рис. 7/2-6); 2 - Ghindeşti (after Мелюкова 1961, рис. 11/5); 3 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, рис. 87/10); 4 - Novokievka (after Gerškovič 1999, Taf. 35/9). Scepters: 7, 9 - Chiperceni (after Савва 1987, рис. 2/9; 3/9); 8 - Ghindeşti (after Мелюкова 1961, рис. 11/12); 10 - Čikalovka (after Шарафутдінова 1964, рис. 7/1); 11 - Petreni (after Савва 1987, рис. 2/4); 12 - Voineşti (after Florescu 1991, fig. 158/6). Stone discs: 13 - Slobozia-Şireuţi; 14 - Cuconeşti. Mortar: 15 - Basarabeasca (after Сава 1987, рис. 2/24).

Fig. 7. Cobîlea. Human mandible found in the "ashpit" no. 1: 1 - drawing (after Levitsckii, Sava 1993, des. 11/9); 2, 3 - photos.

Fig. 8. Tomai. Plan and section of the "ashpit" (after Щербакова 1984, табл. V).

Fig. 9. Samurza. General plan of the excavation no. 1 (after Агульников 1984, рис. 2).

Fig. 10. Căuşeni: 1 - votive deposit of clay objects (after Левинский 1986, рис. 10/1); 2 - ritual pit? (after Левинский 1986, рис. 10/2).

Fig. 11. Mologa: 32 - plan and section of the pit no. 21, 1-31 – findings from the pit no. 21 (after Агульников, Малюкевичь 2010, рис. 2-4).

Fig. 12. Novokievka. Dwelling no. 2. Votive objects of baked clay (after Gerškovič 1999, Taf. 18).

Fig. 13. Novokievka. Dwelling no. 6, pit no. 1: 1 - plan and section of the pit no. 1; 2-12 - findings from the pit no. 1 (after Gerškovič 1999, Taf. 37).

Fig. 14. Čikalovka. Votive objects of baked clay found within the dwelling no. 3 (after Шарафутдінова 1964, рис. 6/12-15).

Fig. 15. Usovo-Ozero. Timber grave culture. Dwelling no. 5. Votive objects of baked clay (after Березанская 1990, рис. 23/2).

Fig. 16. Novokievka. Votive objects found in the pits outside dwellings: 1-7, 9-13 - pit no. 18; 8 - pit no. 17 (after Gerškovič 1999, Taf. 36).

Духовная жизнь сообществ Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень через призму обнаруженных на поселениях элементов, не связанных с погребениями

Резюме

В данной статье представлены и подвергнуты анализу предметы культа, не связанные с погребениями, которые были обнаружены на всей территории распространения комплекса культур Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень. Духовный аспект жизни этих сообществ четко прослеживается по местам религиозного поклонения (некоторые зоны «зольников» и жилищ, ритуальные ямы) и наличию на поселениях вотивных предметов из глины, камня, кости и бронзы (антропоморфного и зооморфные изображения, шарики, миниатюрные сосуды и колесики, пуговицы, подвески и т.д.).

Настоящее исследование имеет целью выявление не связанных с погребальной обрядностью особенностей духовной жизни общин Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень на основе археологических данных, полученных в результате раскопок на поселениях на всей территории распространения этого комплекса культур.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Антропоморфные изображения: 1, 2 - Попень (по Diaconu 2008, fig. 2/1, 6); 3 - Трушешть (по Florescu 1991, fig. 154/1); 4 - Ибэнешть (по Diaconu 2008, fig. 2/7); 5-7 - Новокиевка (по Gerškovič 1999, Taf. 36/1, 9,

10); 8, 9 - Кобыля (по Sava 2005, Abb. 11/1, 2); 10, 11 - Николень (по Florescu 1991, fig. 95/2, 3); 12 - Молога (по Агульников, Малюкевичь 2010, рис. 4/5). 1-3 - кость; 4 - камень; 5-12 - обожженная глина. 1-4, 10-11 - без масштаба.

Рис. 2. Зооморфные изображения из обожженной глины: 1-4 - Гиндешть (по Мелюкова 1961, рис. 7/1-4); 5, 11, 13 - Новокиевка (по Gerškovič 1999, Taf. 18/4, 5; 36/13); 6 - Ханска (Никулицэ 1981, рис. 7/7); 7 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 91/23); 8, 10 - Мерень (по Sava 2002, fig. 3/1, 2); 9 - Ликитишень (по Florescu 1991, fig. 95/1); 12 - Платонешть (по Renţa 2008, fig. 13); 14 - Степовое (по Шарафутдинова 1985, рис. 134/12). 9, 12, 14 - без масштаба.

Рис. 3. Миниатюрные колесики: 1, 3 - Новокиевка (по Gerškovic 1999, Taf. 38/5, 6); 2 - Симионешть (по Florescu 1991, fig. 97/2); 4 - Суручень (по Никулицэ 1979, рис. 8); 5 - Ниспорень. Диски: 7-9 - Гырбовэц (по Florescu 1991, fig. 96/11; 97/12, 13); 10 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 91/19); 11 - Кобыля (по Левицкий 1988, рис. 17/4); 12 - Новокиевка (по Gerškovič 1999, Taf. 18/2). Миниатюрные сосуды: 6 - Ниспорень; 13 - Олтень (по Buzea 2003, foto 159); 14, 16, 18 - Остривец (по Балагурі 1968, рис. 5/14, 21, 22); 15, 17 - Кобыля (по Levitsckii, Sava 1993, des. 11/7; 13/9). 13-18 - без масштаба.

Рис. 4. Предметы из обожженной глины: 1-3, 13 - Петрушень (по Левицкий 1985, рис. 15/19, 16/1, 3, 6); 4, 5 - Махала (по Смирнова 1972, рис. 5/14, 15); 6 - Кобыля (по Левицкий 1988, рис. 24/2); 7 - Джуркань (по Rotaru 1983, fig. 6/6); 8 - Кэушень (по Левинский 1986, рис. 8/5); 9, 15, 16 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 91/1, 3, 5); 11, 12, 14 - Новокиевка (по Gerškovič 1999, Taf. 18/1; 37/8; 38/2); 10 - Молога (по Агульников, Малюкевичь 2010, рис. 4/6).

Рис. 5. Костяные пуговки: 1 - Бэрбоаса (по Florescu 1991, fig. 153/4); 2 - Кавадинешть (Florecu 1991, fig. 153/8); 3, 4 - Гырбовэц (по Florescu 1991, fig. 153/3, 7); 5 - Андриешень (по Florescu 1991, fig. 153/1); 6 - Слобозия-Ширеуць. Костяные подвески: 7 - Златополь (по Gerškovič 1999, Taf. 10/4); 8 - Слобозия-Ширеуць; 9 - Гиндешть (по Мелюкова 1961, рис. 9/4); 10 - Новоселица (по Тощев, Черняков 1986, рис. 6/7); 11 - Петрушень (по Levitsckii, Sava 1993, des. 3/11); 12 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 84/14). Подвески из зубов животных: 13 - Гиндешть (по Мелюкова 1961, рис. 11/6); 14-16 - Гырбовэц (по Florescu 1991, fig. 155/2, 5, 11); 17 - Кавадинешть (по Florescu 1991, fig. 155/10). Бронзовые подвески: 18 - Остривец (по Балагурі 1968, рис. 3/8); 19 - Махала (по Смирнова 1968, рис. 7/I 21); 20, 26 - Улмь-Литень (по Diaconu 2012, fig. 1/1, 11); 21 - Мэлэешть (по Diaconu 2012, fig. 2/3); 22, 25 - Гиндешть (по Dergacev 2012, fig. 8/23, 24); 23 - Белчешть (по Diaconu 2012, fig. 1/12); 24 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 72/26). 1-5, 10, 14-19 - без масштаба.

Рис. 6. Каменные предметы овальной формы: 1, 5, 6 - Чикаловка (по Шарафутдінова 1964, рис. 7/2-6); 2 - Гиндешть (по Мелюкова 1961, рис. 11/5); 3 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, рис. 87/10); 4 - Новокиевка (по Gerškovič 1999, Taf. 35/9). Скипетры: 7, 9 - Киперчень (по Савва 1987, рис. 2/9; 3/9); 8 - Гиндешть (по Мелюкова 1961, рис. 11/12); 10 - Чикаловка (по Шарафутдінова 1964, рис. 7/1); 11 - Петрень (по Савва 1987, рис. 2/4); 12 - Войнешть (по Florescu 1991, fig. 158/6). Каменные диски: 13 - Слобозия-Ширеуць; 14 - Куконешть. Ступа: 15 - Басарабяска (по Сава 1987, рис. 2/24).

Рис. 7. Кобыля. Нижняя челюсть человека, обнаруженная в «зольнике» № 1: 1 - рисунок (поLevitsckii, Sava 1993, des. 11/9); 2, 3 - фотографии.

Рис. 8. Томай. План и разрез «зольника» (по Щербакова 1984, табл. V).

Рис. 9. Самурза. Общий план раскопа № 1 (по Агульников 1984, рис. 2).

Рис. 10. Кэушень: 1 - вотивный клад бронзовых предметов (по Левинский 1986, рис. 10/1); 2 - ритуальная яма? (по Левинский 1986, рис. 10/2).

Рис. 11. Молога: 32 - план и разрез ямы № 21, 1-31 - инвентарь ямы № 21 (по Агульников, Малюкевичь 2010, рис. 2-4).

Рис. 12. Новокиевка. Жилище № 2. Вотивные предметы из обожженной глины (по Gerškovič 1999, Taf. 18).

Рис. 13. Новокиевка. Жилище № 6, яма № 1: 1 - план и разрез ямы № 1; 2-12 - инвентарь ямы № 1 (по Gerškovič 1999, Taf. 37).

Рис. 14. Чикаловка. Вотивные предметы из обожженной глины, обнаруженные в пределах жилища № 3 (по Шарафутдінова 1964, рис. 6/12-15).

Рис. 15. Усово-Озеро. Срубная культура. Жилище № 5. Вотивные предметы из обожженной глины (по Березанская 1990, рис. 23/2).

Рис. 16. Новокиевка. Вотивные предметы, обнаруженные в ямах за пределами жилищ: 1-7, 9-13 - яма № 18; 8 - яма № 17 (по Gerškovič 1999, Taf. 36).

19.03.2015

Mariana Sîrbu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: sirbumary24@yahoo.com

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНА У СЕЛА БАНДЫШОВКА

Юрий Бойко

В августе 1989 г. нами были проведены охранные исследования курганного могильника, расположенного в 0,7 км на юго-запад от юго-западной окраины села Бандышовка (Бандышевка, Бандишівка) Могилев-Подольского района Винницкой области[1]. Группа из 5 насыпей высотой от 1,1 до 6,0 м и диаметром 40-60 м находится на высоком плато правого берега р. Мурафа (левый приток Днестра) (рис. 1). В 1982 г. могильник был осмотрен П.И. Хавлюком. Наша разведка показала, что большинство курганов продолжали разрушаться. Для раскопок был выбран курган, из насыпи которого местные жители, по словам одного из них, вывезли «две машины» камней. К началу исследований насыпь кургана в центральной части имела высоту 1,10 м от уровня современной поверхности (2,15 м от уровня материка), приближаясь в плане к овалу размерами 46,5×49,0 м, ориентированному длинной осью по линии восток-запад (рис. 2/1). Общая стратиграфия насыпи выглядела следующим образом: в центральной части, разрушенной грабителями, от уровня нулевой отметки и до глубины 1,6-1,7 м хорошо прослеживался заплыв грунта, соответствующий контурам грабительского колодца (рис. 2/3). В нем на глубине 0,2-1,6 м встречались остатки каменного заклада (рис. 3/2), а в нижней части – куски обгоревшего дерева. На глубине 0,7-0,8 м в 2 м на ЮЗ от реперной отметки обнаружены кости животного, разбросанные вне анатомического порядка по направлению ВЗ (рис. 2/2; 3/1). В центре насыпи прослежена еще одна линза перемешанного грунта от другого грабительского колодца диаметром в верхней части 5,8 м и глубиной 1,6-1,7 м от нулевой отметки (рис. 2/3). Здесь, начиная с глубины 0,56 м и до глубины 1,6 м, отмечено скопление обго-

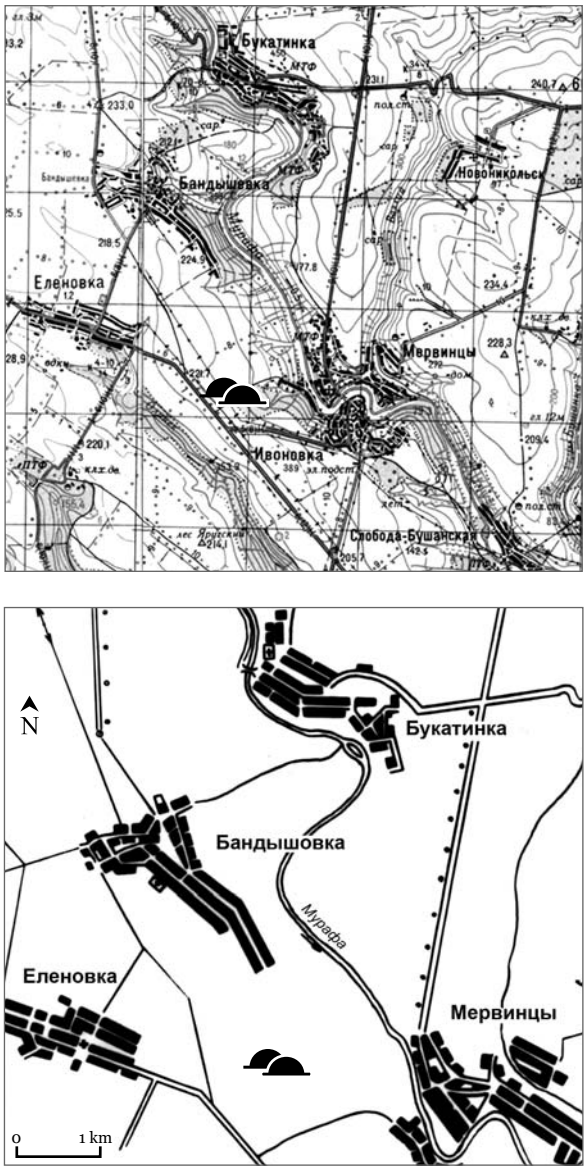


Рис. 1. Географическое и ситуационное расположение курганов у села Бандышовка.

[1] Предварительные результаты исследования этого погребального комплекса уже были несколько раз опубликованы, однако, лишь в обобщенном виде (Загоруйко, Лотоцька 1990, 37-38; Махортых 2003, рис. 9; Махортых 2014, рис. 7; Machortych 1998, Abb. 2). Редколлегия музейного журнала «Tyragetia» выражает автору раскопок Ю.Н. Бойко искреннюю благодарность за согласие опубликовать погребальный комплекс в полной форме.

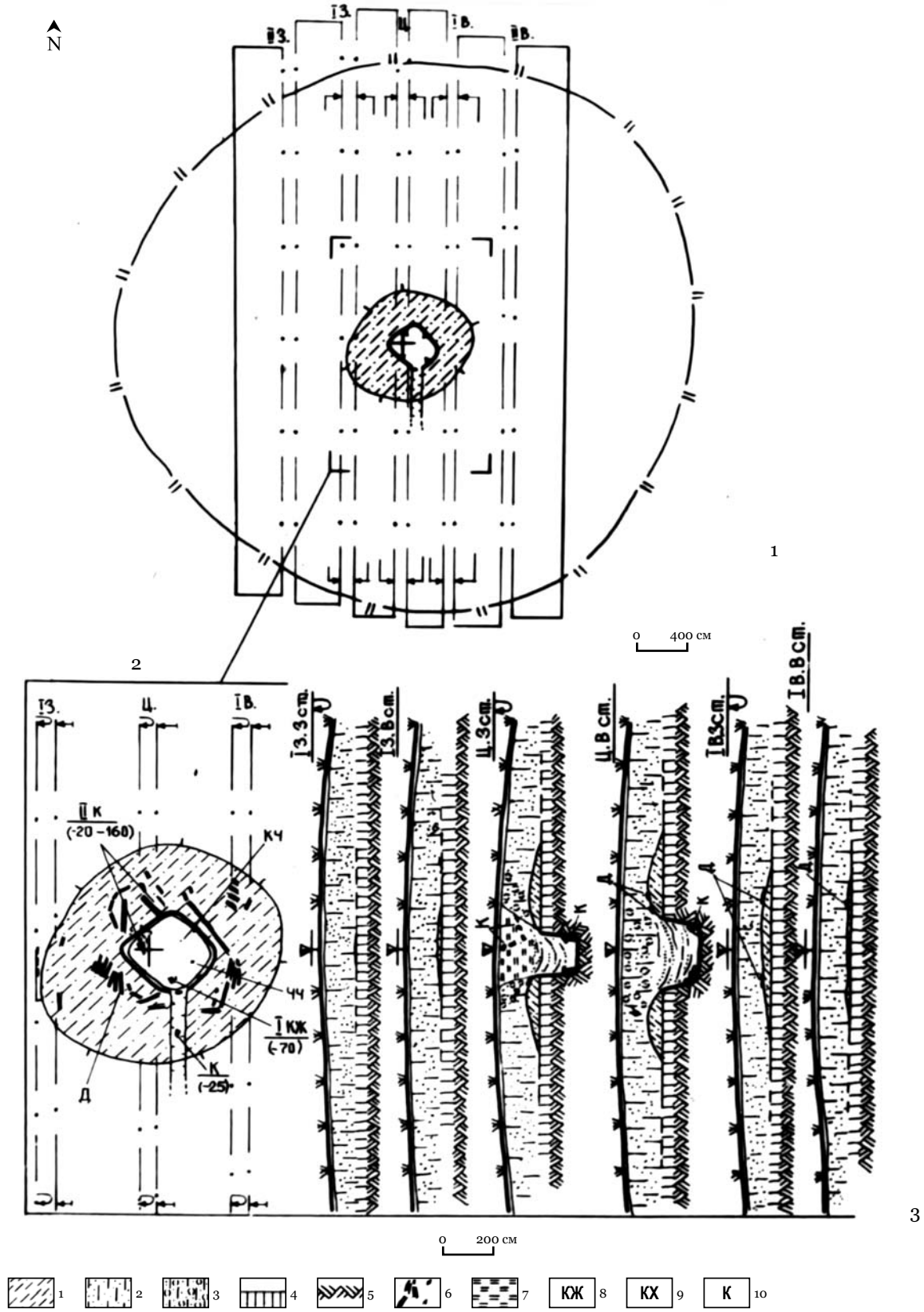
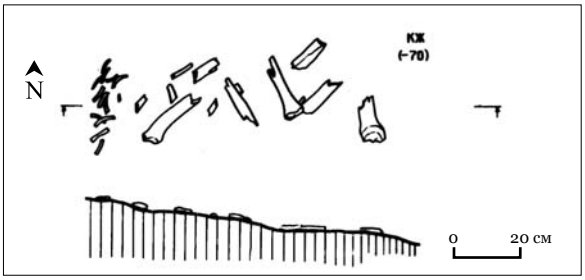


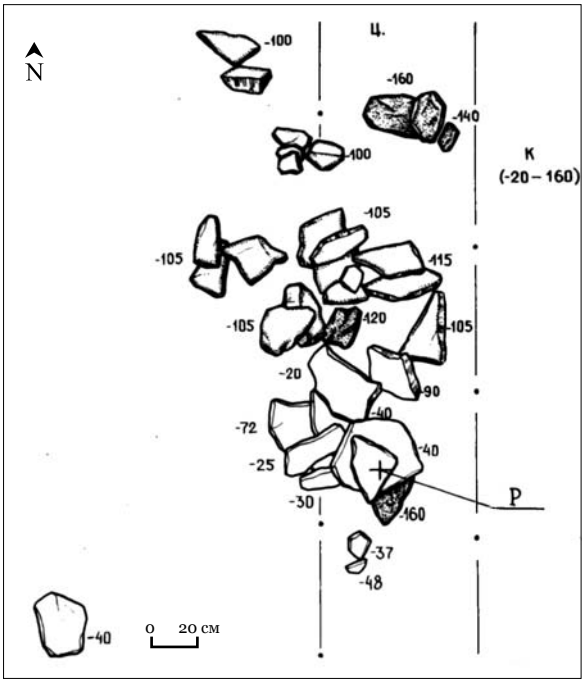
Рис. 2. Бандышовка: 1 - общий план; 2 - план центральной части; 3 - стратиграфия по контрольным бровкам. *Условные обозначения*: 1 - глиняный материковый выброс; 2 - чернозем насыпи; 3 - грунт из первого грабительского раскопа; 4 - погребенная почва; 5 - материковая глина; 6 - обгоревшее дерево; 7 - грунт из второго грабительского раскопа; 8 - кости животного; 9 - кости человека; 10 - камень.

релых деревянных плах и кусков песчаника (рис. 2/2, 3; 4). Общее расположение остатков деревянного перекрытия напоминает прямоугольник размерами 5,7×6,0 м, хотя отдельные фрагменты дерева встречались и за его пределами (рис. 2/2, 3). На глубине 1,36-1,40 м от нулевой отметки показалась верхняя часть кольцевого материкового выкида из могилы шириной 2,9-4,0 м и толщиной в средней части около 0,5 м (рис. 2; 4). Его основание фиксировало уровень погребенной почвы (1,9 м от нулевой отметки, слой мощностью 0,30-0,35 м), под которой находится желтый материковый суглинок. Глиняный выкид окружал погребальную камеру, пятно которой, подпрямоугольной формы, показалось на глубине 1,7 м и было четко оконтурено на уровне погребенной почвы. Сама камера размерами 2,9×3,2 м и глубиной 3,6 м от уровня нулевой отметки (1,7 м от уровня древней поверхности) была ориентирована углами по сторонам света (рис. 2/1, 2; 4; 6). К южному углу ее вел грабительский лаз шириной 0,8 м, перерезавший глиняный выкид и прослеженный на 4 м в сторону южного края насыпи (рис. 2/1; 4; 6). В лучше сохранившейся северной части могилы удалось проследить остатки каменно-деревянных конструкций: снизу стенки имели облицовку из поставленных вертикально плит песчаника высотой около 0,55 м (рис. 6; 7/2, 3). На них отмечен слой обгорелого древесного тлена (рис. 7/3-в), что указывает на бывшее здесь когда-то легкое внутреннее деревянное перекрытие, опиравшееся краями на камни облицовки стен. Другое перекрытие (внешнее) опиралось концами мощных деревянных плах на глиняный выкид из могилы. В центральной части камеры сохранилось много кусков песчаника – частью отброшенных грабителями от юго-восточной стенки, частью упавших вниз после разрушения перекрытий (рис. 6; 7/1, 3). Неоднократное ограбление могилы привело к полному разрушению захоронения. В заполнении камеры на разных глубинах были найдены:

1. фрагмент черепа человека (рис. 4/6);
2. бронзовая пряжка-лунница с тремя дисками и петлей для прикрепления к ременной основе с обратной стороны (рис. 4/1; 8/13); Размеры: длина 3,7 см, внешний диаметр петли 1,0×2,0 см, внутренний – 0,5×1,0 см.
3. восемь бронзовых трубчатых пронизей, сделанных из свернутых спиралью кусков бронзовой проволоки (рис. 4/2; 8/1-8); Размеры различные: длина от 0,5 до 2,0 см; диаметр – 0,4-0,7 см.
4. обломки венчика и ручки бронзовой чаши (рис. 4/3; 8/10-12); Размеры: сохранившиеся части – длина одного 2,3 см; ширина 1,0 см; длина второго 1,5 см; ширина 0,8 см; длина сохранившейся части ручек 0,5-1,0 см.
5. лепное глиняное нелощеное биконическое пряслице светло-коричневого цвета, украшенное оттисками зубчатого штампа (рис. 4/4; 8/9). Размеры: высота 2,5 см, диаметр отверстия 0,5 см, максимальный диаметр 3,0 см.



1



2

Рис. 3. Бандышовка: 1 - остатки жертвоприношения животного; 2 - остатки каменного заклада.

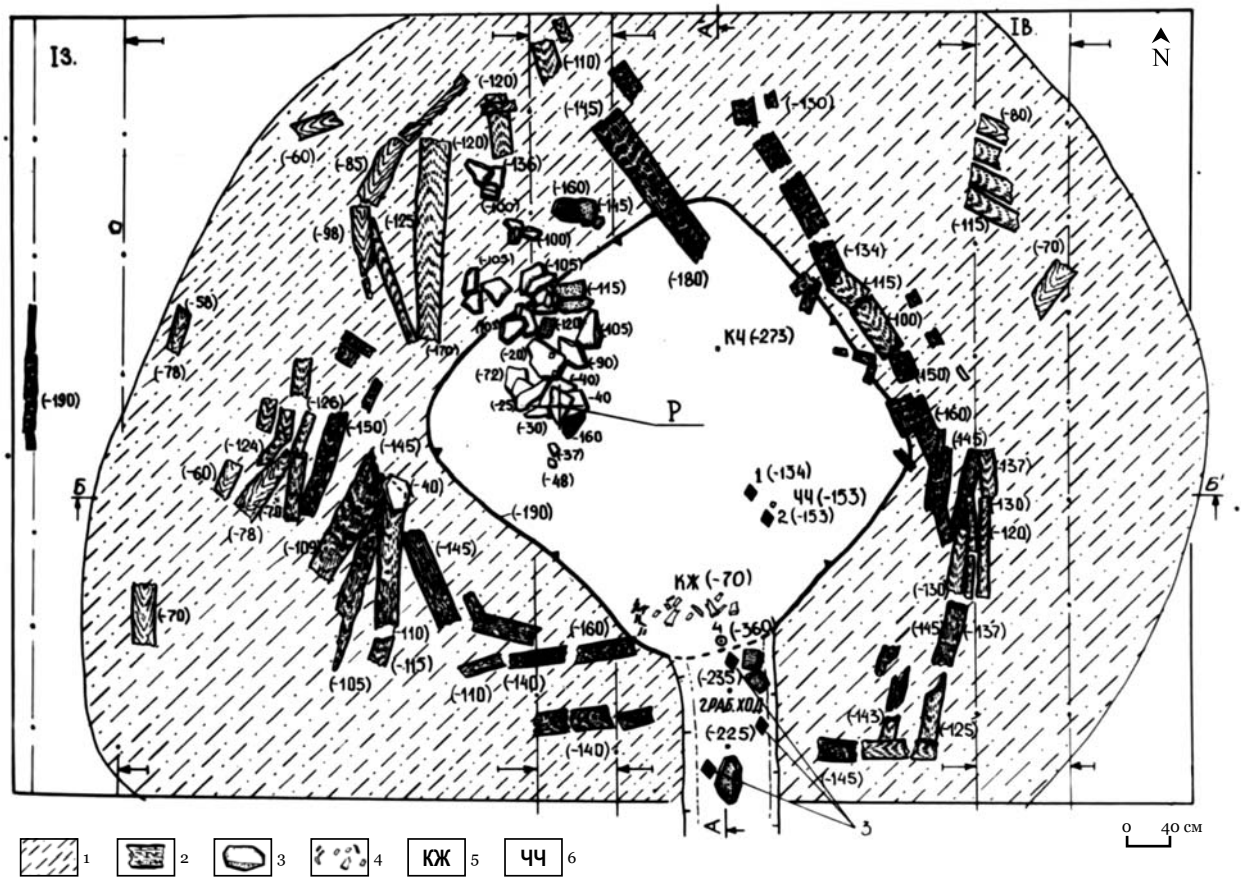


Рис. 4. Бандышовка. Общий план центральной части: 1 - бронзовая пряжка «лунница»; 2 - бронзовые пронизи; 3 - обломки бронзового сосуда; 4 - глиняное прясло. *Условные обозначения*: 1 - глиняный материковый выброс; 2 - дерево перекрытия; 3 - камни (песчаник); 4 - кости животного (тризна в насыпи); 5 - кости человека; 6 - череп человека.

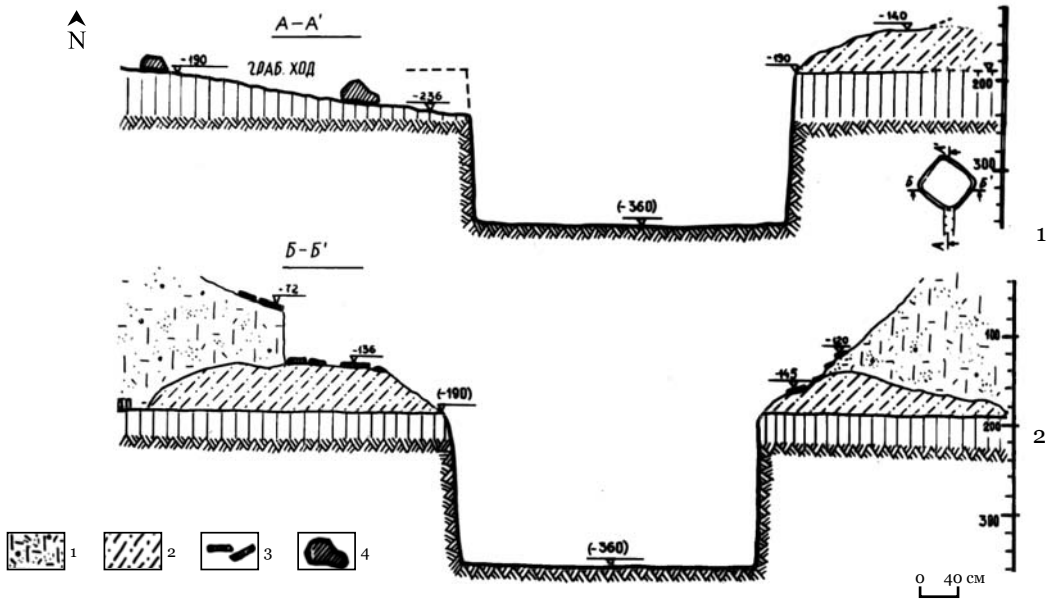


Рис. 5. Бандышовка. Профили могильной камеры: 1 - профиль по линии А-А1; 2 - профиль по линии Б-Б1; 3 - схема построения вертикальных разрезов. *Условные обозначения*: 1 - насыпь; 2 - выкид; 3 - остатки дерева; 4 - камни (песчаник).

Наблюдения, сделанные в процессе раскопок кургана, позволяют нам предложить реконструкцию погребального обряда. Сначала на уровне древнего горизонта была выкопана могильная камера подквадратной формы, ориентированная углами по сторонам света. Выбранная из камеры земля и материковая глина образовали кольцевой выкид. Затем нижняя часть погребальной камеры, примерно на половину высоты, была облицована камнем. После совершения захоронения, видимо, женского, над ним было устроено легкое деревянное перекрытие, опиравшееся концами на вертикальные плиты облицовки стен. Второе перекрытие из деревянных плах было уложено на уровне материкового выкида. Затем дерево было подожжено и горевшие плахи забросаны землей, вперемежку с камнями. После этого была возведена насыпь, в процессе чего над южным углом погребальной камеры прикопали остатки поминальной трапезы.

Вскоре погребение было ограблено через лаз, выведенный на южный угол могилы. Какое-то время спустя его ограбили вторично раскопом сверху. Последний раз комплекс был потревожен сравнительно недавно, также раскопками

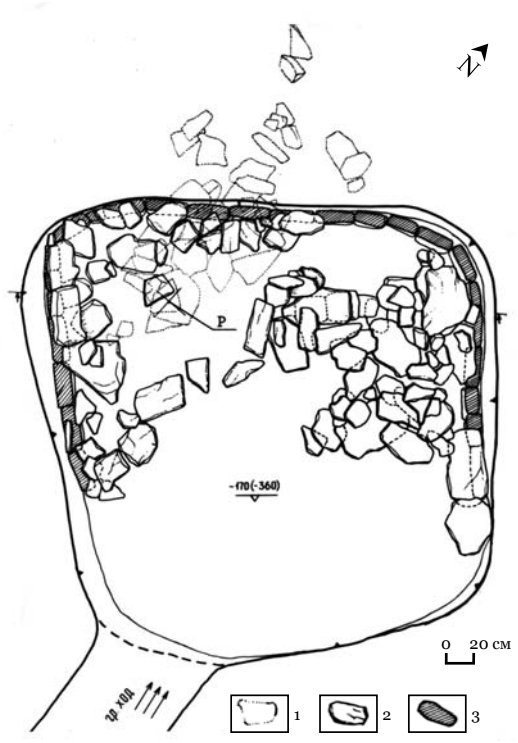


Рис. 6. Бандышовка. Остатки каменных конструкций. *Условные обозначения*: 1 - камни на глубине 20-160 см; 2 - камни в заполнении могильной камеры на глубине 170-360 см; 3 - вертикально установленные камни как облицовка стен.

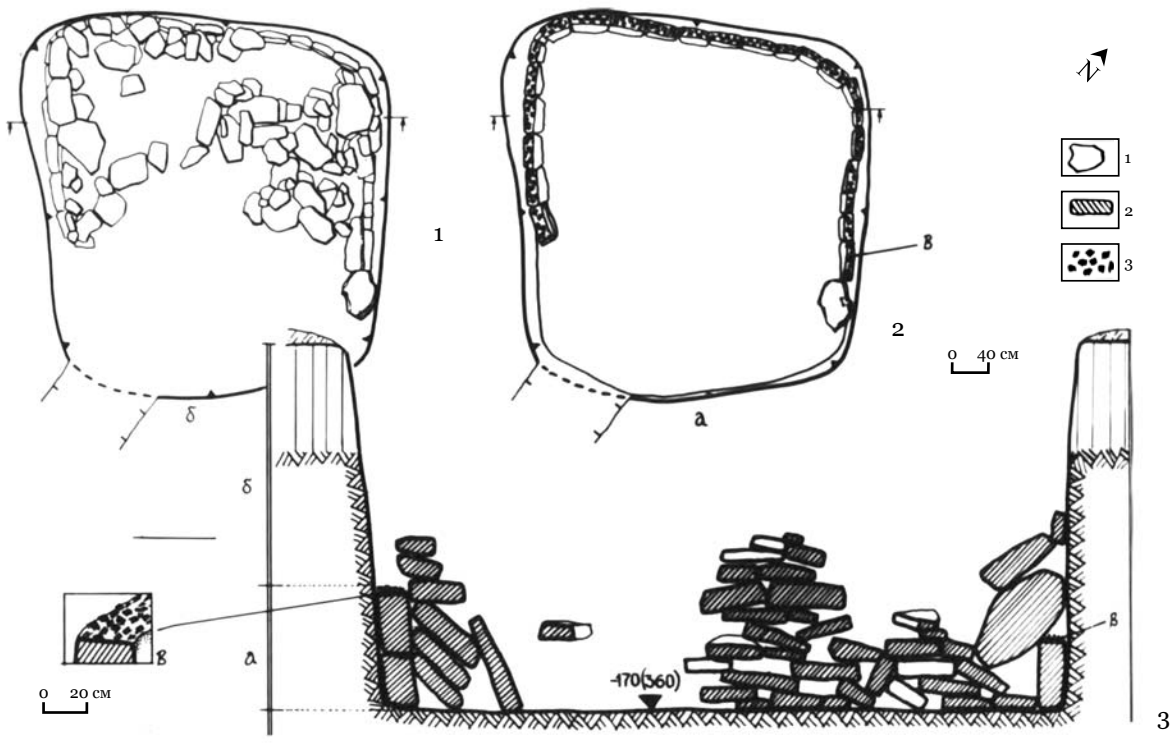


Рис. 7. Бандышовка. Устройство могильной камеры: 1, 2 - горизонтальное сечение; 3 - вертикальное сечение. *Условные обозначения*: 1 - горизонтально лежавшие камни; 2 - камни в вертикальном положении; 3 - древесные угли.

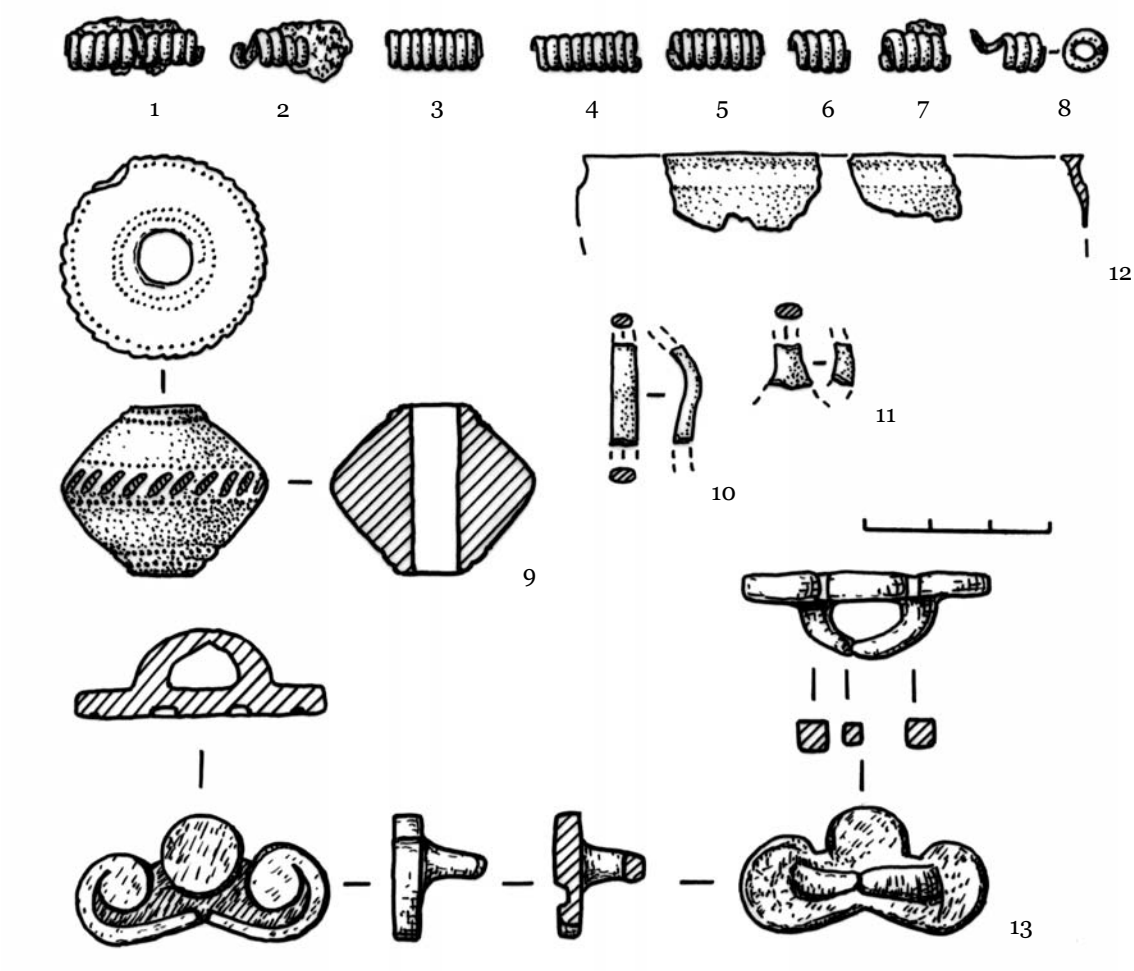


Рис. 8. Бандышовка. Находки в заполнении могильной камеры и из грабительского лаза: 1-8 - бронзовые пронизи; 9 - глиняное пряслице; 10-12 - обломки ручек и венчика от бронзового сосуда; 13 - бронзовая пряжка «лунница».

сверху, при добыче камня из насыпи. Обычай облицовки стенок погребальной камеры каменными плитами в сочетании с деревянным перекрытием, опиравшимся концами на облицовку стен, отмечен в курганах у с. Суворово Измаильского района Одесской области (устье Дуная), в инвентаре которых встречены бляшка-лунница и бронзовые пронизи (Черняков 1977, 30, 33, рис. 1/1; 3/2, 4, 5, 7), аналогичные найденным в погребении у с. Бандышовка. Исследователь отнес эти комплексы к концу IX – началу VIII вв. до н.э. (Черняков 1977, 36). Ориентировка погребальных камер подквадратной формы углами по сторонам света, как и подведение грабительских лазов с южной стороны, отмечена в кургане I у с. Александровка (гр. II) на Днепропетровщине (Ромашко 1980, 77, рис. 3/1), который также датирован IX-VIII вв. до н.э. (Ромашко 1980, 77). Бронзовые чаши-черпаки в степных погребениях киммерийского времени пока не известны. Однако они встречаются на Верхнем и в Среднем Подунавье на рубеже IX-VIII вв. до н.э. (Furmánek 1979, 97, 130, fig. 67, 68). Таким образом, по обряду погребения и инвентарю курган у с. Бандышовка может быть отнесен к рубежу IX-VIII вв., или же к раннему VIII в. до н.э. Он характеризуется чертами, присущими степным киммерийским погребениям на широком пространстве от Среднего Поднепровья до Нижнего Подунавья. С другой стороны, этот комплекс является свидетельством взаимодействия степного населения черногоровского времени с обитателями Левобережья Среднего Поднестровья, находясь географически в центре известного кластера лесостепных памятников начала раннего железного века между Григоровским городищем и курганами у с. Мервинцы (Смирнова 1983, 60-72).

Библиография

Бойко 1990: Ю.Н. Бойко, Отчет об охранных археологических исследованиях на территории Винницкой области в 1989 г. (Винница 1990).

Загоруйко, Лотоцька 1990: В.Т. Загоруйко, Т.Т. Лотоцька, Курган кіммерійського часу біля с. Бандишівка на Вінничині. Науково-практичний семінар «Охорона та охоронні дослідження пам'яток археології на Україні в 1989 р.» (Вінниця, березень 1990 р.). Тези доповідей та повідомлень (Вінниця 1990), 37-38.

Махортых 2003: С.В. Махортых, Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху (Киев 2003).

Махортых 2014: С.В. Махортых, Киммерийцы и население Волго-Камья в раннем железном веке. В сб.: Археология Евразийских степей. Вып 20. Ананьинский мир: истоки, развития, связи, исторические судьбы (Казань 2014), 455-477.

Ромашко 1980: В.А. Ромашко, К вопросу о генезисе киммерийских памятников Днепровского Левобережья (Днепропетровск 1980), 76-82.

Смирнова 1983: Г.И. Смирнова, Материальная культура Григоровского городища: К вопросу формирования чернолесско-жаботинских памятников. В сб.: Археологический сборник. Государственный Эрмитаж. Вып.23: Вопросы происхождения и хронологии скифской культуры (Ленинград 1983), 60-72.

Черняков 1977: И.Т. Черняков, Киммерийские курганы близ устья Дуная. В сб.: Скифы и сарматы (Киев 1977), 29-36.

Furmánek 1979: V. Furmánek, Svedectvo Bronzového veku (Bratislava 1979).

Machortych 1998: S.V. Machotrych, Neues über die Beziehungen der Kimmerier zur Karpaten-Donau-Welt. In: (Hrsgs. B. Hänsel, J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustasch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v. Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 437-449.

Cercetări într-un tumul din raza satului Bandyšovka

Rezumat

Articolul este consacrat analizei rezultatelor investigaţiilor arheologice întreprinse într-unul din tumulii (în total au fost descoperiţi cinci tumuli) din preajma satului Bandyšovka, regiunea Viniţa. Complexul funerar a fost jefuit în repetate rânduri, fiind, de asemenea, distrus parţial ca urmare a extragerii pietrei din mantaua lui. În pofida acestor intervenţii s-a reuşit restabilirea conturului şi a modalităţii de edificare a camerei funerare. Inventarul recuperat din mormânt a fost încadrat cronologic între sfârşitul sec. IX şi începutul sec. VIII a. Chr. şi denotă existenţa unor raporturi culturale dintre comunităţile nomade din nordul Mării Negre şi cele din regiunea de silvostepă.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Localizarea geografică şi planul de situaţie al tumulilor de lângă s. Bandyšovka.

Fig. 2. Bandyšovka: 1 - planul general; 2 - planul zonei centrale; 3 - stratigrafia conform martorilor. *Semne convenţionale:* 1 - lut din groapa funerară; 2 - cernoziom din mantaua tumulului; 3 - sol din primul şanţ al jefuitorilor; 4 - nivelul solului antic; 5 - lut steril; 6 lemn ars; 7 - sol din al doilea şanţ al jefuitorilor; 8 - oase de animale; 9 - oase umane; 10 - pietre.

Fig. 3. Bandyšovka: 1 - urme de sacrificare a unui animal; 2 - construcţie din pietre.

Fig. 4. Bandyšovka. Planul general al zonei centrale: 1 - pandantiv de bronz; 2 - tubuleţe de bronz în formă de spirală; 3 - fragmente ale unui vas de bronz; 4 - fusaiolă de lut. *Semne convenţionale:* 1 - lut steril; 2 - bârne de la acoperirea gropii; 3 - pietre; 4 - oase de animal (sacrificare în mantaua tumulului); 5 - oase umane; 6 - craniu uman.

Fig. 5. Bandyšovka. Secţiunile gropii funerare: 1 - secţiunea pe linia А-А1; 2 - secţiunea pe linia Б-Б1; 3 - schema secţiunilor verticale. *Semne convenţionale:* 1 - mantaua tumulului; 2 - sol aruncat din groapă; 3 - resturi de bârne; 4 - pietre.

Fig. 6. Bandyšovka. Resturi de construcţii de piatră. *Semne convenţionale:* 1 - pietre la adâncimea 20-160 см; 2 - pietre din umplutura gropii la adâncimea 170-360 см; 3 - pietre instalate vertical pe perimetrul pereţilor.

Fig. 7. Bandyšovka. Elemente ale construcţiei gropii funerare. 1, 2 - secţiunea orizontală; 3 - secţiunea verticală. *Semne convenţionale:* 1 - pietre în poziţie orizontală; 2 - pietre în poziţie verticală; 3 - cărbune de lemn.

Fig. 8. Bandyšovka. Piese descoperite în umplutura gropii funerare şi în şanţul de jefuire: 1-8 - tubuleţe (saltaleoni) de bronz în formă de spirală; 9 - fusaiolă de lut; 10-12 - fragmente de la vas de bronz; 13 - pandantiv din bronz.

Research of a tumulus near the Bandyshovka village

Abstract

The article is devoted to analysis of the results of archaeological investigations undertaken in one of the barrows (in all there were discovered five tumuli) near the village of Bandyshovka, Vinnytsia region. The grave was robbed for several times, it was also partially destroyed as a result of extracting stones from its mound. Despite these interventions, it was possible to reconstruct the burial rite. Few finds indicate the development of intercultural relations between nomadic communities in the northern Black Sea region and forrest-steppe at the turn of the 9th - 8th centuries BC.

List of illustrations:

Fig. 1. Geographical and situational location of barrows near the Bandyshovka village.

Fig. 2. Bandyshovka: 1 - general plan; 2 - plan of the central part; 3 - stratigraphy by control edges. *Legend:* 1 - mainland clay ejections; 2 - black earth of the mound; 3 - soil from the first predatory excavation; 4 - buried soil; 5 - mainland clay; 6 - charred wood; 7 - soil from the second predatory excavation; 8 - animal bones; 9 - human bones; 10 - stones.

Fig. 3. Bandyshovka: 1 - remains of an animal sacrifice; 2 - remains of the stone cover.

Fig. 4. Bandyshovka. General plan of the central part: 1 - bronze buckle "lunnitsa"; 2 - bronze beads; 3 - fragments of bronze vessel; 4 - clay spindle whorl. *Legend:* 1 - mainland clay ejections; 2 - wood of the ceiling; 3 - stone (sandstone); 4 - animal bones (grave goods in the mound); 5 - animal bones; 6 - human skull.

Fig. 5. Bandyshovka. Profiles of the burial chamber: 1 - the profile by the line А-А¹; 2 - the profile by the line Б-Б¹; 3 - scheme of the vertical sections. *Legend:* 1 - mound; 2 - outburst; 3 - remains of wood; 4 - stone (sandstone).

Fig. 6. Bandyshovka. Remains of stone structures. *Legend:* 1 - stones at a depth of 20-160 cm; 2 - stones in the filling of the burial chamber at a depth of 170-360 cm; 3 - vertically set stones as wall cladding.

Fig. 7. Bandyshovka. Arrangement of the burial chamber: 1, 2 - horizontal section; 3 - vertical section. Legend: 1 - stones that were lying horizontally; 2 - stones that were arranged vertically; 3 - charcoals.

Fig. 8. Bandyshovka. Findings from the filling of the burial chamber and from a predatory manhole: 1-8 - bronze beads; 9 - clay spindle whorl; 10-12 - fragments of the handles and lip of a bronze vessel; 13 - bronze buckle "lunnitsa".

07.07.2015

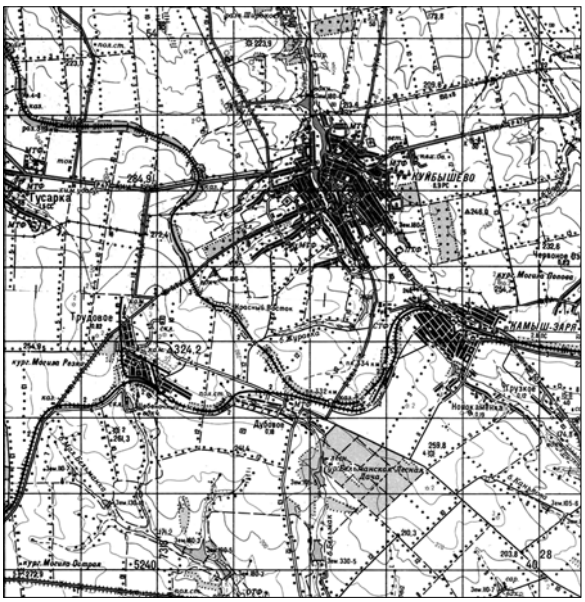
Др. Юрий Бойко, Винницкий национальный аграрный университет, ул. Пирогова, 129, кв. 25, 21037 Винница, Украина, e-mail: youryboy57@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНА № 2 ГРУППЫ «БЕЛЬМАК-МОГИЛА» ВБЛИЗИ СЕЛА ТРУДОВОЕ КУЙБЫШЕВСКОГО РАЙОНА ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ

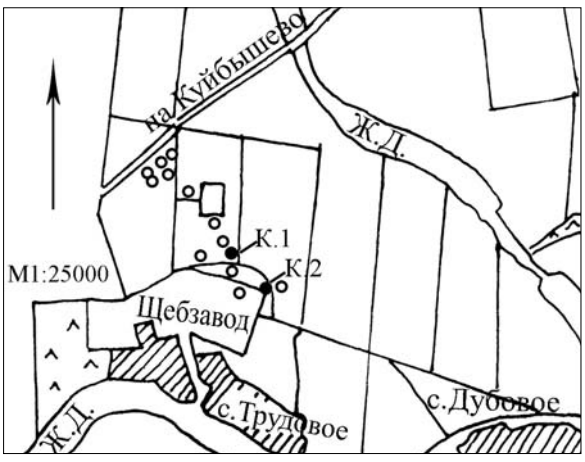
Валерий Самар
Андрей Антонов

В сентябре-октябре 1996 года Восточной археологической экспедицией Запорожской областной инспекции по охране памятников истории и культуры было исследовано два кургана (№1-2) расположенных вблизи села Трудовое Куйбышевского района Запорожской области (рис. 1/а). Исследованные курганы входили в группу знаменитой «Бельмак-Могилы», расположенной на степном плато с отметкой 324 м над уровнем моря. Указанное плато является самой высокой точкой Северного Причерноморья. В окрестностях «Бельмак-Могилы» берут начало р. Сухая Конка, р. Каменка (приток р. Гайчур), р. Грузкая и два безымянных притока р. Берда. «Бельмак-Могила» до последнего времени считалась памятником природы и состояла на учете в органах охраны природы. Южная пола насыпи частично разрушена карьером во время добычи гранита. Нами была произведена небольшая зачистка профиля одной из выборок грунта. Теперь с уверенностью можно утверждать, что «Бельмак-Могила» является искусственной насыпью в виде кургана, а в 1995 году она была поставлена на учет как памятник археологии.

По словам местных жителей, во второй половине 30-х годов прошлого столетия на кургане работала «археологическая экспедиция», которая выкопала шахту по центру кургана и обнаружила на дне шахты «каменную кладку». Со слов многих местных жителей, до создания карьера у южной полы кургана лежала гранитная плита больших размеров, из-под которой вытекал родник. Необходимо отметить, что материком для курганов 2-5 и «Бельмак-Могилы» служит сначала слабоморфологизированная крошка, а затем – очень плотный гранит. Сооружение погребений глубже 0,5 м от уровня дневной поверхности практически



а



б

Рис. 1. Трудовое. Географическое расположение и ситуационный план курганов.

невозможно. В целом группа «Бельмак-Могила» состояла из 14 курганов, из которых в 1996 году были исследованы только два (рис. 1/б). Данная статья посвящена исследованию уникального курганного сооружения, которое

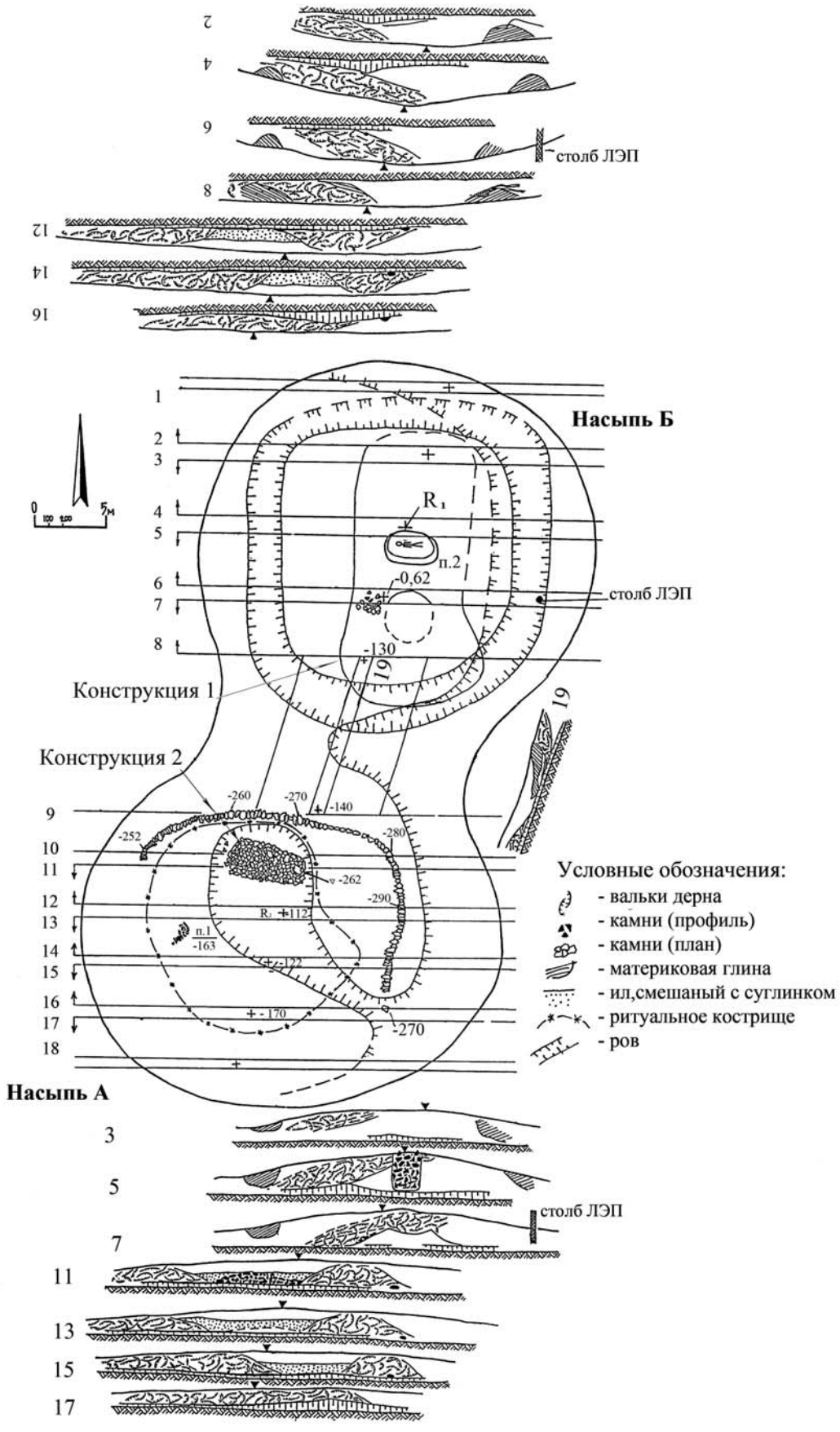


Рис. 2. Трудовое. Общий план и профили кургана № 2.

условно было обозначено во время раскопок под № 2[1].

Курган 2 был расположен в 100 м к востоку «от полы» Бельмак-Могилы. Представлял собой длинный курган из двух насыпей с перемычкой. Насыпь «Б», высотой 3,20 м и диаметром 30 м, была задернована. Насыпь «А», высотой 2,06 м и диаметров около 30 м, интенсивно распахивалась. Необходимость исследований заключалась в том, что через перемычку насыпи «А» и «Б» проходила грунтовая дорога, а через восточную полу насыпи «Б» проходила ЛЭП. К тому же южная пола насыпи разрушалась карьерными работами. На поверхности насыпи «Б», на вершине, в дерновом слое наблюдались отдельные камни гранита. Курган исследовался на снос с оставлением параллельных бровок с помощью бульдозеров ДТ-75 и С-130. Все измерительные работы на кургане производились с помощью теодолита. Реперы были установлены по длинной оси кургана с небольшим отклонением (16°) от оси юг-север. Объективные причины вынудили нас разбивать траншеи (и, соответственно, бровки) четко по линии восток-запад. Поэтому бровки были расположены под небольшим углом к длинной оси кургана. После исследования насыпей «А» и «Б» были заложены две траншеи с оставлением бровки по длинной оси кургана для исследования перемычки. В кургане было обнаружено погребение 1 (жертвоприношение лошади – насыпь «А») и одно впускное погребение киммерийской культуры (погребение 2, насыпь «Б»). Изучение стратиграфии и планиграфии кургана позволяет сделать следующие выводы. Перед сооружением погребального комплекса на подкурганном пространстве находилось два естественных всхолмления, расположенных по диагонали. Первое всхолмление было перекрыто конструкцией 1 (смотри профили 2, 4, 5), второе находилось на входе на площадку, ограниченную валом (насыпь «А», смотри профили 15, 16, 17). В первом случае всхолмление стало основой для сооружения конструкции 1 (погребение 2). Во втором случае оно выполняло, на наш взгляд, определенную смысловую нагрузку, о чем будет сказано ниже. Сооружение погребального комплекса происходило в четыре этапа.

I этап

На этом этапе на подкурганном пространстве насыпи «А» было организовано большое кострище подковообразной формы. Длинной осью кострище было ориентировано по линии ЮВ-СЗ. Подковообразующий изгиб ориентирован к востоку с небольшим отклонением к северу. Юго-западная оконечность кострища доходила до естественного всхолмления насыпи «А». За счет этого восточный его край немного повышался. Но по центру площадки все же отмечена небольшая выборка гумуса, который в дальнейшем, по-видимому, использовался для сооружения южной оконечности конструкции 1 (насыпь «Б»). За счет выборки грунта и повышения погребенной почвы (древнего горизонта) образовалась линзовидная в сечении площадка для ритуального костра. Размеры площадки 16×12 м. Границы площадки четкие, что отражено в профилях бровок (рис. 2). Слой спрессованного пепла достигал 5 см на концах площадки и 20-25 см по центру. Необходимо отметить несколько принципиальных моментов:

– во-первых, в пепле не было крупных фрагментов не полностью перегоревшего дерева. Пепел имел цвет от коричневого до оранжевого.
– во-вторых, погребенная почва (суглинок с вкраплениями гранитной крошки) был прокален на глубину до 10-15 см. Поверхность площадки кострища спеклась до состояния печины.
– в-третьих, в нескольких местах достоверно зафиксированы 2-3 прослойки в толще пепла. Причем отмечены корки замокшего пепла.

Все это позволяет говорить о продолжительности времени существования ритуального костра. Иногда он мог гаситься дождем. В обряде использовались тонкие ветки кустарника и деревьев. По всей площади кострища на разном уровне среди пепла встречались отдельные обгоревшие кости КРС, лошади и овцы/козы. При зачистке 12 профиля в слое пепла найдена стенка разбитого в древности хозяйственного

[1] Данный комплекс уже был частично опубликован: Самар, Антонов 2002, 77-82; Отрощенко, Тупчієнко 2003, 116; Отрощенко, Тупчієнко 2005, 176. Редколлегия журнала «Тирагетия» благодарит авторов за любезное согласие опубликовать комплекс полностью именно в нашем журнале.

сосуда эпохи поздней бронзы (рис. 5/2; фото 1/4). Тесто плотное, с примесями известняка, песка, измельченного шамота, растительными примесями. На внешней ангобированной поверхности отмечены следы заглаживания. Второй фрагмент сосуда, обнаруженный вблизи конструкции 2 на уровне погребенной почвы, также относится к хозяйственной категории (рис. 5/1; фото 1/5). На внутренней поверхности отмечены следы заглаживания штампом. Внешняя поверхность ангобирована и обожжена до песочного цвета. Тесто плотное, с тщательно измельченными примесями шамота, слюды. В изломе сосуд черного цвета.

Уровень погребенной почвы в пределах площадки ритуального костра (под реперами бровок):

профиль	относительно	относительно
16	- 292	- 180
15	- 294	- 182
14	- 298	- 186
13	- 290	- 178
12	- 288	- 176
11	- 263	- 151

По всей площади (особенно сильно – в центре и на СВ оконечности) верх кострища был покрыт плотной коркой пепла.

II этап

Вторым этапом строительства культового комплекса является сооружение конструкции 1 (насыпь «Б») и конструкции 2 (насыпь «А»). На наш взгляд, они сооружались одновременно, если не учитывать, что часть грунта на сооружение конструкции 1 была взята во время подготовки площадки под ритуальный костер. Конструкция 1 представляла собой земляную насыпь продолговатой в плане формы с утолщением на южном конце насыпи. Насыпь вытянута четко по линии юг - север. Насыпь сооружалась, без сомнения, с юга на север, постепенно повышаясь. О такой последовательности сооружения говорит тот факт, что в южной стороне насыпи сконцентрирован черный сильногумусированный грунт, переходящий постепенно в суглинок с незначительной примесью гранитной крошки. Восточная пола конструкции 1 исследована не полностью из-за столба ЛЭП. Длина конструкции 1 около 20 м, ширина – 8 м, ширина южного утолщения – 10 м. Наибольшая высота – в северной части конструкции, 2,3 м над уровнем погребенной почвы. Похоже, что вершина насыпи была уплощена. Ближе к южному утолщению конструкции находилось углубление округлой в плане и полусферической в разрезе формы, реконструируемый диаметр которого – около 3,5 м. Северная оконечность углубления четко читалась в профиле 7 (рис. 2). Пестрое, из вальков дерна, заполнение углубления прослеживалось четко в плане. Дно углубления прокапывалось вручную. Отмечена затечность на дне, которое находилось на уровне погребенной почвы. Глубина углубления – 3,02 м от репера (1,20 м от верха конструкции). К западу от углубления, на склоне насыпи-конструкции было расположено скопление камней необработанного гранита округлой в плане формы диаметром 1,7 м. Только в трех случаях камни были уложены в два ряда. Достаточно долгое время конструкция 1 оставалась открытой, о чем убедительно свидетельствуют значительные (до 20-25 см) затеки у полы конструкции. В профиле 8 (рис. 2) отмечены два мощных затека с прослойкой с восточной стороны; с западной стороны ров также перекрывал трехслойный затек. Южная оконечность насыпи четко фиксировалась в 17 профиле (рис. 2), где отмечен затек и перекрывающая конструкцию 1 пестрая насыпь из вальков дерна. В 9 м к юго-западу от конструкции 1 одновременно сооружалась конструкция 2. Она состояла из насыпи камней полусферической формы и выкладки из камней, расположенных в виде змеевидных рядов (рис. 2). В северо-восточной части располагалась насыпь полусферической формы (рис. 2), сложенная из камней рваного гранита. Камни были уложены на слой пепла. В плане конструкция имела подтрапециевидную форму. Ориентирована длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Более узкий конец ориентирован к востоку. Длина насыпи 5,36 м, ширина у восточного окончания 2,18 м, у западного – 2,83 м. Наивысшая точка конструкции находилась в западной половине, где высота сооружения достигала 0,8 м. Камни больших размеров располагались также в западной части конструкции и по ее краям. У ЮВ оконечности обнаружено большее, нежели в других местах, количество обгоревших и не обгоревших костей животных.

Пространство между камнями было засыпано плотным грунтом с примесями суглинка, высохшего ила. Вся конструкция была слегка наклонена в южном направлении, к центру кургана. В северной части, по краю кострища, располагалась каменная выкладка змеевидных очертаний (рис. 2). Конструкция выложена из камней рваного гранита разных размеров. Наибольшие камни длиной до 0,5-0,6 м были уложены напротив полусферической насыпи конструкции 2. Создается впечатление, что сооружение выкладки продолжалось в южном направлении из камней меньших размеров. Затем, из длинных мелких камней сооружение продолжалось в северном направлении от условного центра. Несмотря на различные размеры камней, внешний контур выкладки был строго соблюден. Камни уложены впритык друг к другу. Перепад высот незначителен. Общая длина выкладки из камней – 31 м. Необходимо отметить, что значительные затеки в полах конструкции 1, корка на поверхности пепла из кострища, плотный (замокший) грунт под конструкцией 2 свидетельствуют о том, что обе конструкции продолжительное время оставались открытыми. Об этом же говорит и наличие необожжённых костей животных вблизи конструкции 2.

III этап

На этом этапе весь ритуальный комплекс был перекрыт фигурной насыпью. Насыпь сложной конструкции была сложена из вальков дерна больших размеров и имела пестрый цвет. Она имела гантелевидную форму и состояла из насыпей «А» и «Б», перекрывающих соответственно конструкции 2 и 1. Сооружалась в несколько приемов, с запада на восток, что зафиксировано по конструктивным досыпкам в профилях 2, 4, 6 (рис. 2) и 3, 7, 15 (рис. 2). Насыпь «Б» полностью (в южной оконечности) или частично (в центре и к северу) перекрывала конструкцию 1. При этом высота кургана увеличилась только в южной части до 2,40 м и незначительно – в центре. Конструктивные досыпки снизу-вверх отличались более светлым цветом. Перекрыв южную оконечность конструкции 1, насыпь резко изгибалась (профиль 19, рис.2) и переходила в фигурную насыпь «А». Насыпь «А», будучи единой с насыпью «Б», имела подковообразную в плане форму с разрывом-проходом в ЮВ части. Насыпь, полностью перекрыв выкладку из камней конструкции 2, не перекрывала полусферическую каменную насыпь конструкции. Оба ответвления подковообразной насыпи в разрезе имели профиль вала, бруствера. Восточный бруствер имел отвесные склоны (рис. 2) и заканчивался в месте ЮВ окончания змеевидной выкладки камней, перекрывая последние. Западный бруствер имел отвесный внутренний склон и пологий внешний (рис. 2) Общий диаметр насыпи «А» составлял 24,5 м. На вершине западного бруствера было обнаружено погребение 1.

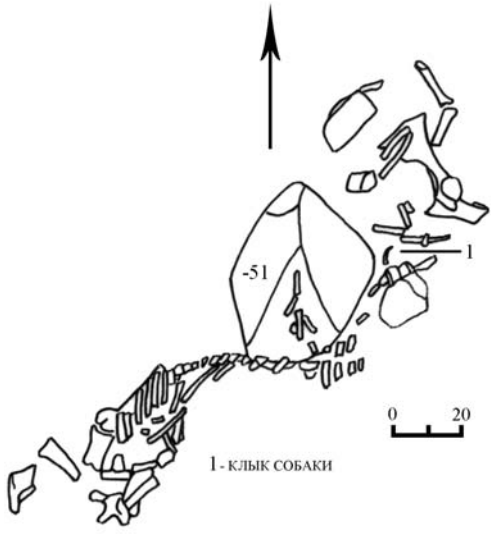


Рис. 3. Трудовое. Общий план погребения № 1.

Погребение 1 – (жертвоприношение лошади) (рис. 3), обнаружено в 6,6 м к ЮЗЗ на глубине 0,51 м от репера 2. На этой глубине обнаружен камень необработанного гранита размерами 0,52×0,42×0,30 м. Этим камнем была придавлена передняя часть скелета лошади в анатомическом состоянии. Череп отсутствовал. Отдельные кости задней части лошади (в том числе крыло таза) были беспорядочно расположены рядом с камнем. Передняя часть ориентирована по линии ЮЗ - СВ. Среди разрозненных костей задней части был обнаружен один клык собаки.

IV этап

На этом этапе ритуальные действия проводились в центре насыпи «А». Примечательно, что разрыв – проход между западным и восточным брустверами – находился в месте од-

ного из естественных всхолмлений, перекрытых насыпью. Таким образом, уровень прохода был немного выше уровня погребенной почвы по центру образовавшейся площадки. К этому этапу открытой оставалась только насыпь камней конструкции 2. Как уже отмечалось, слой пепла покрыт плотной коркой, но никаких следов затоптанности отмечено не было. Оставшаяся ритуальная площадка окружена со всех сторон валом – бруствером насыпи «А». Она имела подпрямоугольную в плане форму с проходом в ЮВ углу. Размеры площадки 9,8×7,2 м. Длина разрыва-прохода – 7 м, ширина – 1,5-3,5 м. Между сооружением насыпи «А» и последующими действиями прошло незначительное время, т.к. в полах насыпи затеки не зафиксированы.

Содержанием IV этапа являлось «закупоривание» насыпи из камней полусферической формы из конструкции 2 и всей ритуальной площадки. Данное «закупоривание» проводилось в два приема. Сначала 2/3 площадки и насыпь были покрыты слоем ила толщиной до 0,35-0,40 м. Ил, по-видимому, доставлялся из поймы ближней реки, т.к. в нем встречались мелкие камушки и незначительное количество речных ракушек. Доставлялся он в сыром виде, потому что его структура достаточно плотная, без значительных трещин. Этот слой ила прокапывался нами в траншеях вблизи конструкции 2, надежно фиксировался в профиле 13 (рис. 2) и профиле 12 (рис. 2). После обмазки илом пространство ритуальной площадки было заполнено суглинком с вкраплениями материковой глины, сухого ила и незначительными – гранитной крошки. Этот слой полностью перекрывал насыпь из камней конструкции 2 и заполнял полностью пространство над ритуальной площадкой и в разрыве-проходе. Этот слой не достигал уровня валов-брустверов, его толщина составляла 0,65-0,90 м над уровнем погребенной почвы. В этом слое спорадически попадались не обгоревшие мелкие кости животных. Впоследствии западная и восточная полы насыпи «Б» и восточная пола насыпи «А» были досыпаны слабогумусированным грунтом серого цвета с вкраплениями чернозема. Насыпь «Б» приобрела округлую форму диаметром около 28 м и высотой 3,20 м над современной поверхностью. Размеры насыпи «А» установить нельзя из-за сильной распаханности. В уже существующую насыпь «Б» кургана №2 было впущено единственное погребение 2 киммерийского времени. С этим погребением связано сооружение рва в насыпи «Б». Ров имел квадратную в плане форму. Ориентирован длинной осью по линии юг - север. Имел линзовидную в разрезе форму с округлым дном. Длина рва по длинной оси и верхнему срезу 23,5 м, ширина – 21 м, глубина – до 1,28 м. Ширина рва по верхнему срезу 2,40-3,30 м. Затеки на дне рва незначительны. По всей протяжённости он сразу после сооружения был забутован чистой материковой глиной. Никаких находок в заполнении рва не было обнаружено.

Погребение 2 (новочеркасское) (рис. 4) прослеживалось с вершины насыпи «Б» под репером. На вершине кургана прослеживались выступающие на поверхность камни рваного гранита. Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами ориентирована длинной осью по линии восток - запад. Стенки погребения отвесные. Погребение снизу доверху забутовано камнями рваного гранита. Между камнями заполнение суглинковое с примесями слабогумусированного грунта. Длина погребения 3,24 м, ширина –

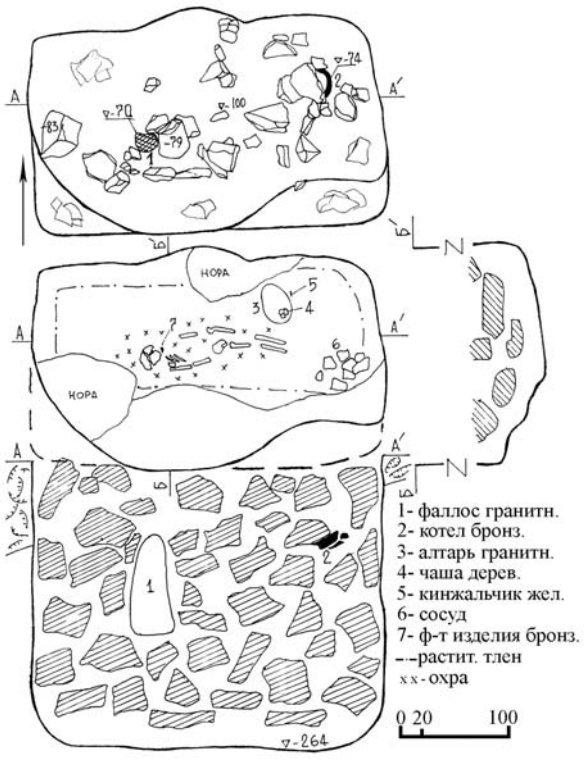


Рис. 4. Трудовое. Общий план и профили погребения № 2.

1,88 м, глубина – 2,64 м. С глубины 0,9 м и до дна на стенках погребения был прослежен растительный тлен белого цвета. Его толщина и фрагменты сохранившейся бересты позволяют предположить, что стены были обшиты берестяными полосками. Дно погребения неровное, понижалось от длинных стенок к центру погребения. На глубине 0,70 м была обнаружена «голова» каменной скульптуры (фаллос (?)). На этой же глубине (0,74 м), недалеко от восточной короткой стенки погребения, обнаружен поврежденный в древности клепаный бронзовый котел. Погребенный взрослый был уложен вытянутым на спине, головой на запад. Костяк был полностью перекрыт берестяным покрывалом. Под костяком обнаружен растительный тлен светло-желтого цвета. Подстилка имела прямоугольную форму. Подстилка под костяком и вокруг него была посыпана красной охрой. Восточная половина дна погребения перед совершением описанных обрядовых действий была обожжена. Зафиксировано большое количество углей. Возле черепа погребенного были обнаружены окислы и разрушившийся фрагмент изделия из бронзовой проволоки маленького диаметра. У левой ноги погребенного найден гранитный алтарь, возле которого лежал однолезвийный нож с горбатой спинкой. На алтаре зафиксирован тлен деревянного сосуда и найдены бронзовые обоймы с гвоздиками. В юго-восточном углу погребения, на дне, обнаружен развал горшка.

1. Алтарь (рис. 5/4; фото 1/8). Изготовлен из гранита светло-серого цвета с розовыми прожилками. Плитка гранита с небольшими естественными раковинами на обеих плоскостях овальной формы была подработана на торцах. В некоторых местах следы подработки отсутствуют. Одна из плоскостей алтаря была слегка подшлифована. Длина алтаря 29,9 см, ширина – 21,2 см, толщина – 3,1 см. Запорожский областной краеведческий музей. Основной фонд «Арх» инв. № 5879.
2. Нож (рис. 6/3; фото 1/6). Однолезвийный с горбатой спинкой (?), железный. Черенок утончается и сужается. На черенке сохранились фрагменты деревянной рукояти. Длина сохранившегося фрагмента 4,6 см (черенка – 2,5 см), ширина лезвия 1,3 см, толщина на спинке 0,5 см. Запорожский областной краеведческий музей. Без инв. №.
3. Деревянный сосуд с бронзовыми обоймами (фото 1/2). Сохранился небольшой фрагмент гладко отшлифованной деревянной чаши, с бронзовым гвоздиком (рис. 6/1-2; фото 1/1-2). Обоймы, судя по сохранившейся части, украшали венчик чаши. Изготовлены из бронзового листа толщиной 0,5 мм.

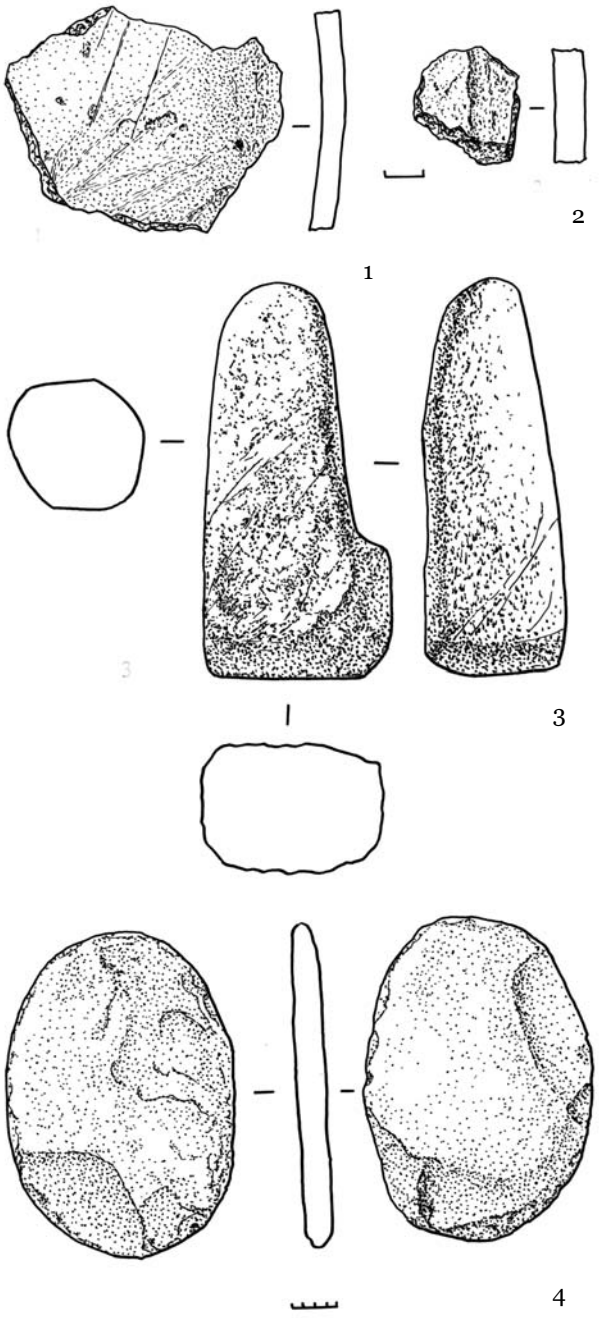


Рис. 5. Трудовое. 1, 2 - фрагменты керамики; 3 - скульптура (фаллос (?); 4 - алтарь.

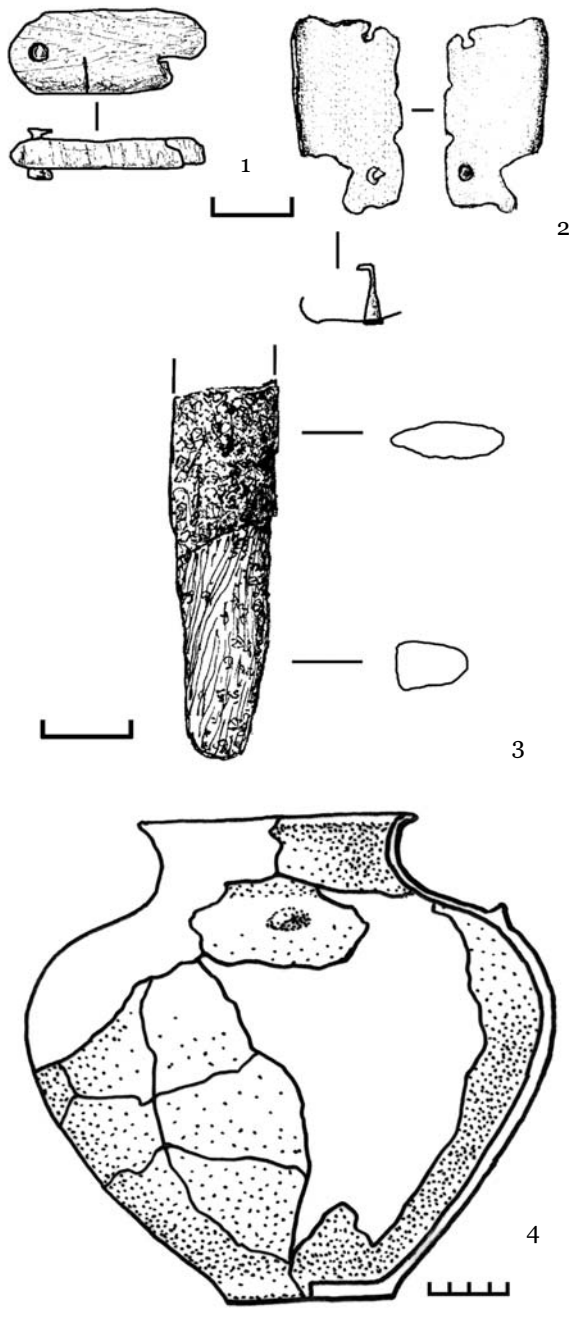


Рис. 6. Трудовое. 1 - фрагменты деревянного сосуда с бронзовой заклепкой; 2 - фрагменты бронзовой обкладки с гвоздиком; 3 - фрагмент железного ножа; 4 - корчага.

Гвоздики имели округлые и подовальные шляпки и раскованные концы. Диаметр хорошо сохранившегося гвоздика 0,2 см. Концы гвоздиков загнуты (фото 1/3), что позволяет говорить о толщине стенки деревянной чаши в пределах 0,6 см. Судя по сохранившемуся фрагменту, чаша была изготовлена из очень плотного дерева. Запорожский областной краеведческий музей. Без инв. №.

4. Корчага керамическая (рис. 6/4; фото 1/7) с плавно отогнутым наружу и приостренным венчиком, невысоким цилиндрическим горлом, плавно переходящим в высоко поднятые плечики, раздутым туловом и ровным дном небольшого диаметра. Стенки сосуда плавно сужаются ко дну. На плечиках сосуда расположены выступы – «шишечки» (сохранилось 2, реконструируемых – 5). Уступы выдавлены изнутри сосуда. Тщательно оформленное дно слегка вогнуто внутрь сосуда. Внутренняя поверхность корчаги очень тщательно заглажена, внешняя – залощена. Тесто хорошо отмучено, плотное, без крупных примесей. Отмечены примеси песка, измельченного песчаника – кровавика. Обжиг сильный, неравномерный. Высота сосуда 25,5 см, диаметр венчика 15 см, плечико – 30 см, диаметр дна – 9 см. Запорожский областной краеведческий музей. Основной фонд, группа «Арх.» инв. № 5878.
5. Котел бронзовый (рис. 7; фото 2-3) с железным венчиком-ободом. Имеет чашевидную форму с отогнутым наружу венчиком, с сужающимися к выпуклому дну стенками. Технологически делится на три части: венчик-обод, стенки и дно. Изготовлен из бронзового листа в следующей последовательности: стенки - дно - венчик. Вначале два листа длиной 64 см и 55 см и шириной 14 см были загнуты, соединены между собой и завальцованы без заклепок. Получившиеся два конца большого листа были наложены друг на друга и заклепаны с помощью 6 бронзовых заклепок. Швы получились почти на концах диаметра. Затем в 3 см и 7 см от верха стенок были выдавлены изнутри два каннелюра, опоясывающие таз в виде двух выступов. О такой последовательности свидетельствует идеальное совпадение каннелюр двух полос на швах. На следующем этапе низ стенок был загнут внутрь под тупым углом. Ширина загнутого бордюра составляла 0,6-0,7 см. Из цельного листа был вырезан круг диаметром 30,5-31,5 см. Лист был расклепан таким образом, что равномерно понижался к центру круга. Образовавшееся дно было впущено внутрь стенок и краями легло на их нижний бордюр. С по-

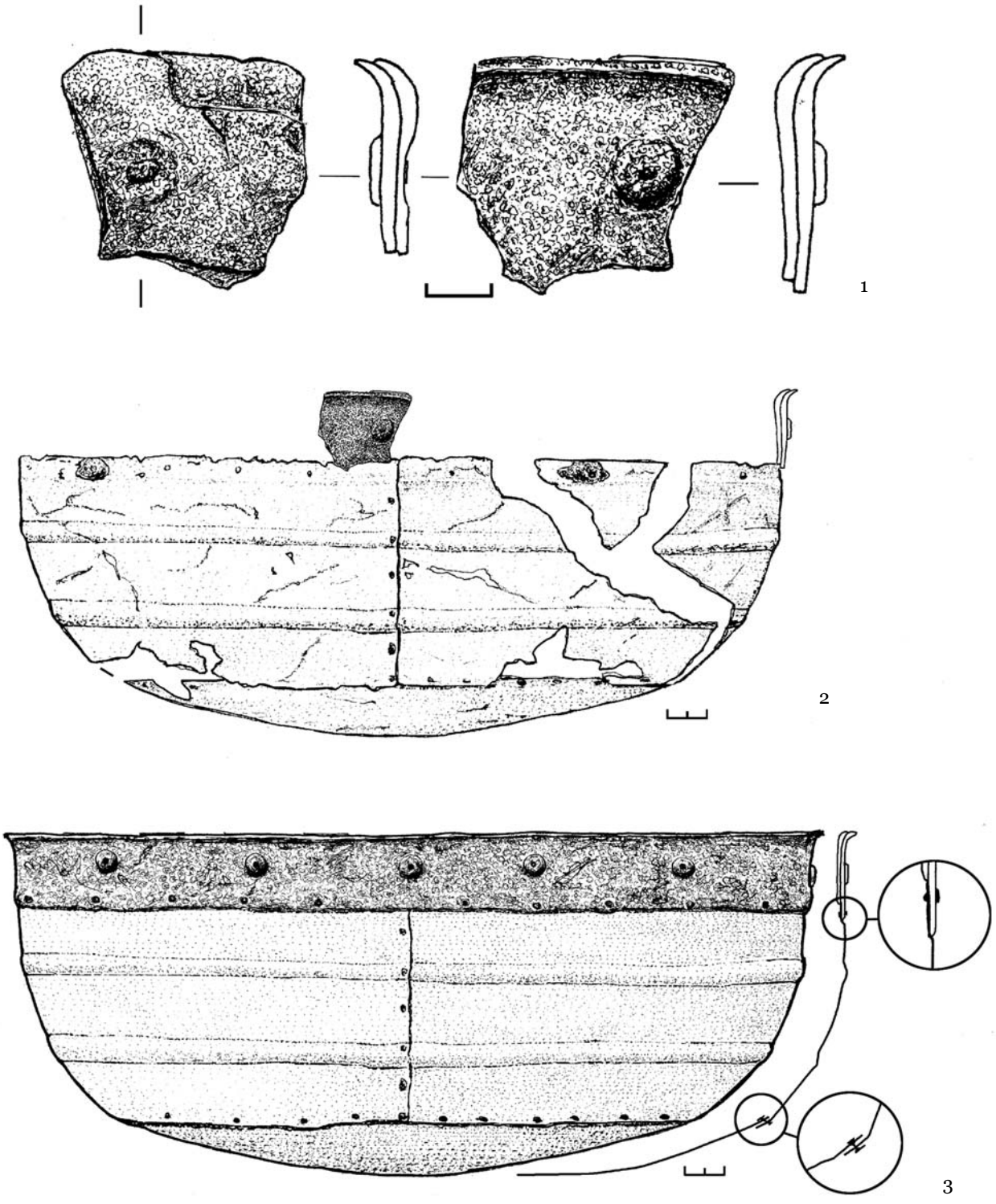


Рис. 7. Трудовое. 1 - фрагмент железного венчика; 2 - бронзовый сосуд; 3 - реконструкция бронзового сосуда.

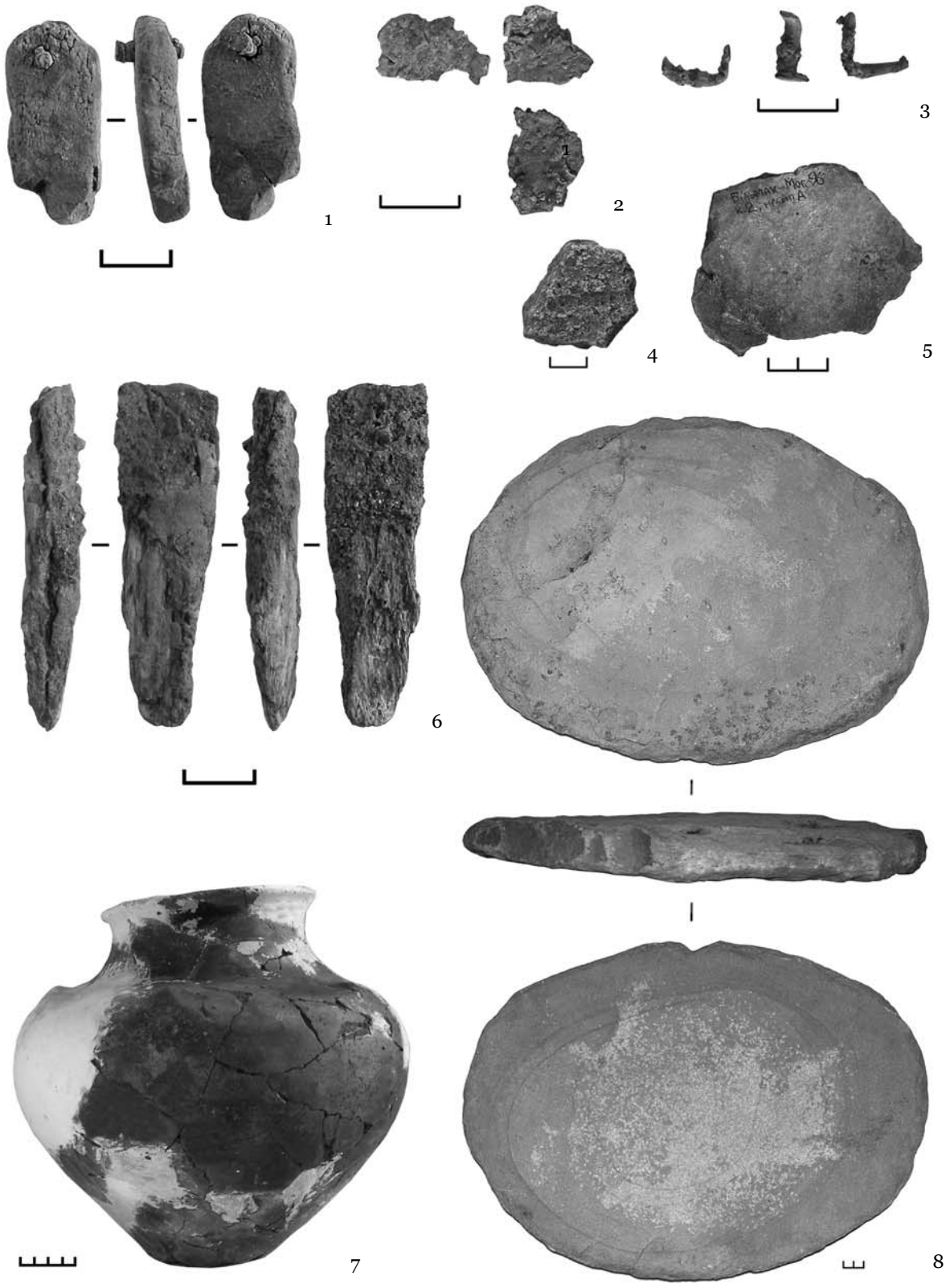
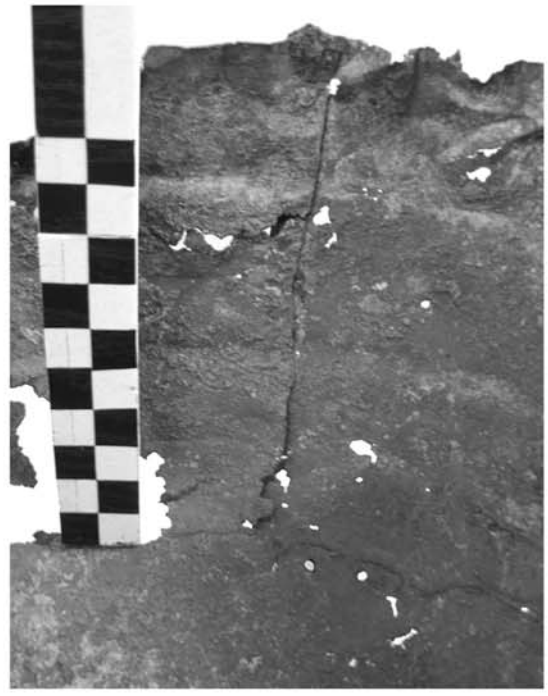


Фото 1. Трудовое. 1 - фрагмент деревянного сосуда; 2 - бронзовые обоймы; 3 - бронзовые гвоздики; 4, 5 - фрагменты керамики; 6 - фрагмент железного ножа; 7 - корчага; 8 - алтарь.

Фото 2. Трудовое. Бронзовый сосуд: 1 - дно; 2 - вид сверху; 3 - общий вид.

мощью бронзовых заклепок, расположенных через 1,5-2,5 см, дно было прикреплено к стенкам. Двусоставной венчик-обод был изготовлен из двух железных полос одинаковой длины, но разной ширины. Длина полос – 1,19-1,20 м, ширина внешней – 3,8 см, внутренней – 2,4 см, толщина – 0,2 см. Две полоски были соединены между собой с помощью аккуратных грибовидных железных заклепок диаметром 1,0 см, которые выполняли и декоративные функции. Затем верхний край обеих полосок был плавно отогнут (отклепан) наружу, при этом обе пластины были спаяны между собой, а край венчика – приострен. После этого полоски были изогнуты и соединены, образуя обод. На следующем этапе верхняя часть была слегка отогнута внутрь котла. Ширина отогнутой полоски составляет 1,1-1,3 см. С внутренней стороны котла, посредине отогнутой полоски, через 2,5-3,0 см были пробиты отверстия под заклепки. Венчик-обод был надет на котел и соединен с ним с помощью небольших железных заклепок. Дно и низ котла закопчены. На дне с внутренней стороны отмечен органический нагар.

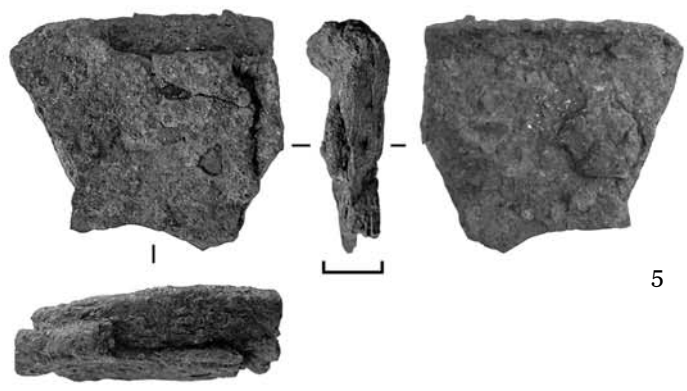
1



2

3

4



5

Фото 3. Трудовое. 1-3 - детали соединения пластин бронзового сосуда; 4 - место соединения железного венчика; 5 - фрагмент железного венчика.

Размеры реконструированного котла: высота 16,8 см, диаметр венчика 40 см, дна в придонной части – 30-31 см. Запорожский областной краеведческий музей. Инв. № НДФ 8802.

6. Скульптура (фаллос (?) (рис. 5/3; фото 4). Изготовлена из слабоморфологизированного гранита серого цвета с прожилками песочного и розового цвета. Представляет собой параллелепипед с подпрямоугольным основанием и приостренной, закругленной верхней частью. Нижняя, меньше обработанная часть скульптуры имеет более четкие грани и не подработанные плоскости. От центра скульптуры по направлению к ее вершине грани менее выражены, плоскости подшлифованы. Верхняя часть скульптуры подработана, имеет коническую форму. Коническая часть расположена со смещением от центра к большей из коротких сторон основания. Общая высота скульптуры – 0,84 м. Основание, трапециевидной в плане формы, имеет высоту 0,3 м, длину – 0,38 м и ширину от 0,18 м до 0,28 м. Диаметр конической части – от 0,17 м до 0,26 м. Площадка на верхней стороне основания перед конической частью – 0,9-0,15 м. Заповедник «Каменные Могилы».

Фото 4. Трудовое. Скульптура (фаллос (?).

Библиография

Самар, Антонов 1999: В.А. Самар, А.Л. Антонов, Отчет об археологических исследованиях Восточной АЭ ЗОИОПИК в 1996 году. Запорожская областная инспекция по охране памятников истории и культуры (Запорожье 1999).

Самар, Антонов 2002: В.А. Самар, А.Л. Антонов, К истории изучения Северного Приазовья-Лукоморья (10 лет Восточной археологической экспедиции). В: Музейний Вісник. Науково-теоретичний щорічник. Заснований у 2001 року. Випуск 2 (Запоріжжя 1999), 77-82.

Отрощенко, Тупчієнко 2003: В.В. Отрощенко, М.П. Тупчієнко, Проблема бронзових клепаних казанів і Донецький гірничо-металургійний центр. В сб.: Проблеми гірничої археології (доповіді II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару) (Алчевськ 2003), 116-123.

Отрощенко, Тупчієнко 2005: В. Отрощенко, М. Тупчієнко, Бронзові клепані казани та донецький гірничо-металургійний центр. В сб.: Проблеми гірничої археології (доповіді II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару) (Алчевськ 2005), 176-188.

Studierea tumulului nr. 2 din grupul „Bel'mak-Mogila" de lângă satul Trudovoe, raionul Kujbyševo, regiunea Zaporož'e

Rezumat

Prin acest articol sunt introduse în circuitul ştiinţific rezultatele investigaţiilor arheologice întreprinse la tumulul nr. 2 de lângă satul Trudovoe. Ca urmare a cercetărilor au fost identificate patru etape în procesul de edificare a tumulului. De asemenea, a fost recuperat un bogat inventar, reprezentat de un cazan de bronz, un altar din granit etc., atribuite culturii cimeriene.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Trudovoe. Amplasarea geografică şi planul de situaţie al tumulilor.

Fig. 2. Trudovoe. Planul general şi profilurile tumulului nr. 2.

Fig. 3. Trudovoe. Planul general al înmormântării nr. 1.

Fig. 4. Trudovoe. Planul general şi profilurile mormântului nr. 2.

Fig. 5. Trudovoe. 1, 2 - fragmente de ceramică; 3 - sculptură (phalos (?); 4 - altar.

Fig. 6. Trudovoe. 1 - fragmente de vas din lemn cu nit din bronz; 2 - fragmente de placă de bronz; 3 - fragment de cuţit din fier; 4 - chiup.

Fig. 7. Trudovoe. 1 - fragment de buză din fier; 2 - vas din bronz; 3 - reconstituirea vasului din bronz.

Foto 1. Trudovoe. 1 - fragment de vas din lemn; 2 - plăci din bronz; 3 - cuie mici din bronz; 4, 5 - fragmente de ceramică; 6 - fragment de cuţit din fier; 7 - chiup; 8 - altar.

Foto 2. Trudovoe. Vas din bronz: 1 - fund; 2 - interiorul vasului; 3 - vedere generală.

Foto 3. Trudovoe. 1-3 - detaliu a conexiunii plăcilor vasului din bronz; 4 - locul conexiunii buzei de fier; 5 - fragment de buză din fier.

Foto 4. Trudovoe. Sculptură (phalos (?).

Research on the burial mound no. 2 of the "Bel'mak-Mogila" group near the village of Trudovoe (Kuibyshevo District, Zaporizhia Region)

Abstract

This paper introduces into the scientific use the results of archaeological investigations undertaken in the burial mound no. 2 near the village of Trudovoe. As a result of the research there were identified four stages in the process of building of the tumulus. There were also discovered many findings, such as a bronze cauldron, a granite altar etc., attributed to the Cimmerian culture.

List of illustrations:

Fig. 1. Trudovoe. Geographical location and situational plan of the mounds.

Fig. 2. Trudovoe General plan and profiles of the mound no. 2.

Fig. 3. Trudovoe. General plan of the burial no. 1.

Fig. 4. Trudovoe. General plan and profiles of burial no. 2

Fig. 5. Trudovoe 1, 2 - fragments of pottery; 3 - sculpture (phallus (?)); 4 - altar.

Fig. 6. Trudovoe. 1 - fragments of a wooden vessel with a bronze rivet; 2 - fragments of a bronze lining with a nail; 3 - fragment of an iron knife; 4 - large pot (korchaga).

Fig. 7. Trudovoe. 1 - fragment of an iron rim; 2 - bronze vessel; 3 - reconstruction of a bronze vessel.

Photo 1. Trudovoe. 1 - fragment of a wooden vessel; 2 - bronze casings; 3 - bronze nails; 4, 5 - fragments of pottery; 6 - fragment of an iron knife; 7 - large pot (korchaga); 8 - altar.

Photo 2. Trudovoe. Bronze vessel: 1 - the bottom; 2 - top view; 3 - general view.

Photo 3. Trudovoe. 1-3 - details of a bronze vessel plates connection; 4 - the place of connection of the iron rim; 5 - fragment of the iron rim.

Photo 4. Trudovoe. Sculpture (phallus (?)).

20.05.2015

Валерий Самар, г. Запорожье, Украина

Андрей Антонов, Запорожский областной краеведческий музей, ул. Чекистов, 29, 69063, г. Запорожье, Украина, e-mail: alant2004@ukr.net

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ СОСУД С ЗООМОРФНОЙ РУЧКОЙ ИЗ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Владимир Фоменко

Настоящая краткая публикация посвящена вводу в научный оборот недавней случайной находки одного металлического сосуда предскифского времени, находящегося в экспозиции археологической выставки Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (далее КБИГИ).

Этот сосуд поступил в КБИГИ в конце 2012 г. и, вероятно, был найден местными жителями в окрестностях селения Заюково (долина реки Баксан, Кабардино-Балкарская республика). О происхождении данного предмета, к сожалению, нет более точных данных. Рядом с селением Заюково известно несколько памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа, в т.ч. не менее трех могильников (Деген-Ковалевский 1935, 11-28; Иессен 1941, 19; Гриневич 1951, 135; Крупнов 1960, 183; Козенкова 1989, 22-23; Дударев 2011а, 10-11; Дударев 2012, 25-26).

Описание предмета. Сосуд типа ситулы с одной ручкой на тулове (рис. 1-3). Поверхность покрыта патиной. Цвет поверхности темно-серый с зелеными пятнами. На внешней поверхности имеются следы копоти. Сосуд сильно деформирован крупной вмятиной сбоку и менее значительными вмятинами в «передней» части тулова и в области венчика. На поверхности вмятин на тулове имеются разрушения металла в виде трещин (рис. 1; 2/А, Б, В, Г). Высота сосуда 20 см. Наибольший диаметр ≈ 23 см. Диаметр края венчика 18 см. Диаметр дна 10 см[1]. Тулово и венчик сосуда скованы из листа металла (бронзы или меди). Края листа металла скреплены заклепками ручки (рис. 3/Б) и более мелкими заклепками, невидными снаружи. Край венчика сосуда разрезан в нескольких местах и загнут наружу, образуя бортик или орнамент. Дно сосуда изготовлено из листа металла (рис. 3/В, Г) и прикреплено к тулову несколькими заклепками, заметными только внутри сосуда. Ручка литая, из металла, с двумя «ушками», присоединена с помощью крупных заклепок (приварена?) к тулову сосуда (рис. 3/А, Б). Создается впечатление, что ручка изготовлена ранее для более качественного сосуда и после разрушения первоначального сосуда использована для более грубого сосуда местного изготовления.

Таким образом, описанный выше сосуд, скорее всего, имеет местное происхождение, в отличие от более качественно изготовленных привозных бронзовых или медных сосудов. В пользу этого говорит грубое изготовление тулова, видимо, вторичное использование зооморфной ручки от более качественного сосуда, а также примитивная имитация орнамента по краю венчика.

Закопченная поверхность сосуда подтверждает предположение С.Л. Дударева об использовании подобных металлических сосудов для приготовления и разогревания пищи (Дударев 2011, 52).

Датировка и культурная принадлежность. Аналогичные металлические сосуды встречаются в Кабардино-Пятигорье (ареал западного локального варианта кобанской культуры) довольно редко по сравнению, например, с Тлийским могильником в Южной Осетии, где медные и бронзовые сосуды в основном вытеснили керамику из состава погребального инвентаря (Техов 1977, 75, рис. 63; Техов 2006, 275, рис. 27/1-11; 403, рис. 5; 404, рис. 7, 8; 439, рис. 58/6).

Наиболее близки по форме сосуды из Жемталинского клада (Крупнов 1960, 437, табл. XV/4, 5), Тырныаузского клада, Бедыкско-

[1] Ввиду сильного изменения формы сосуда точные его размеры установить трудно, потому они указаны приблизительно.

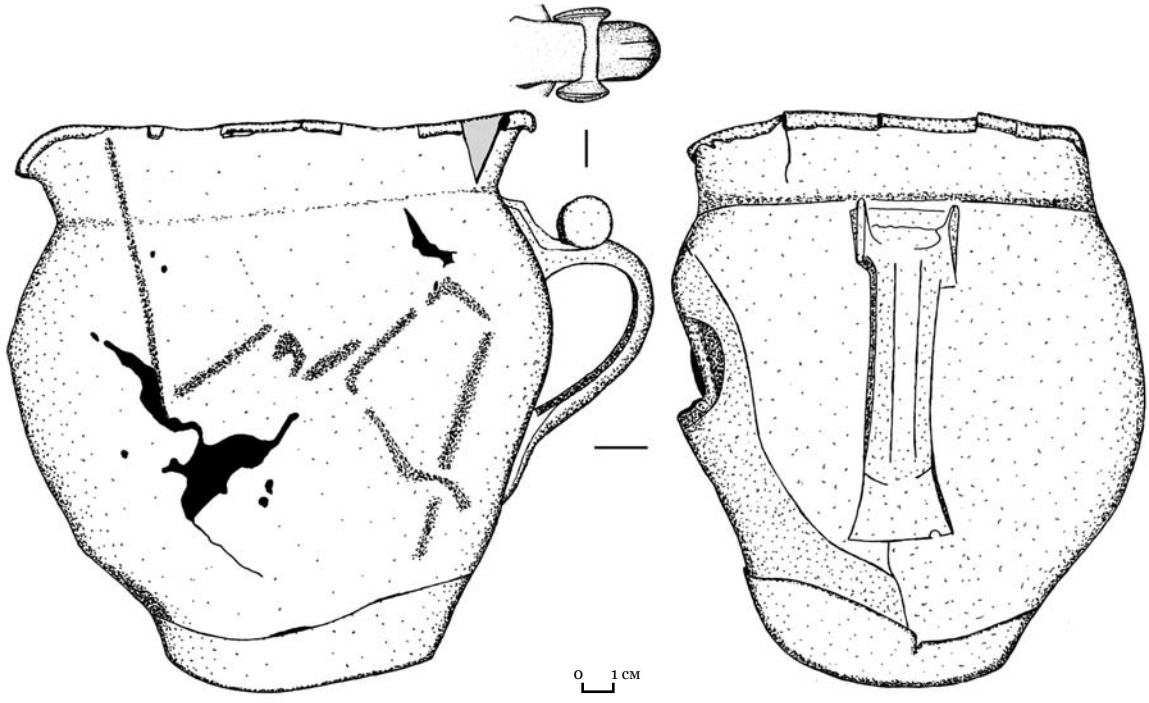


Рис. 1. Металлический сосуд с зооморфной ручкой из Кабардино-Балкарии.

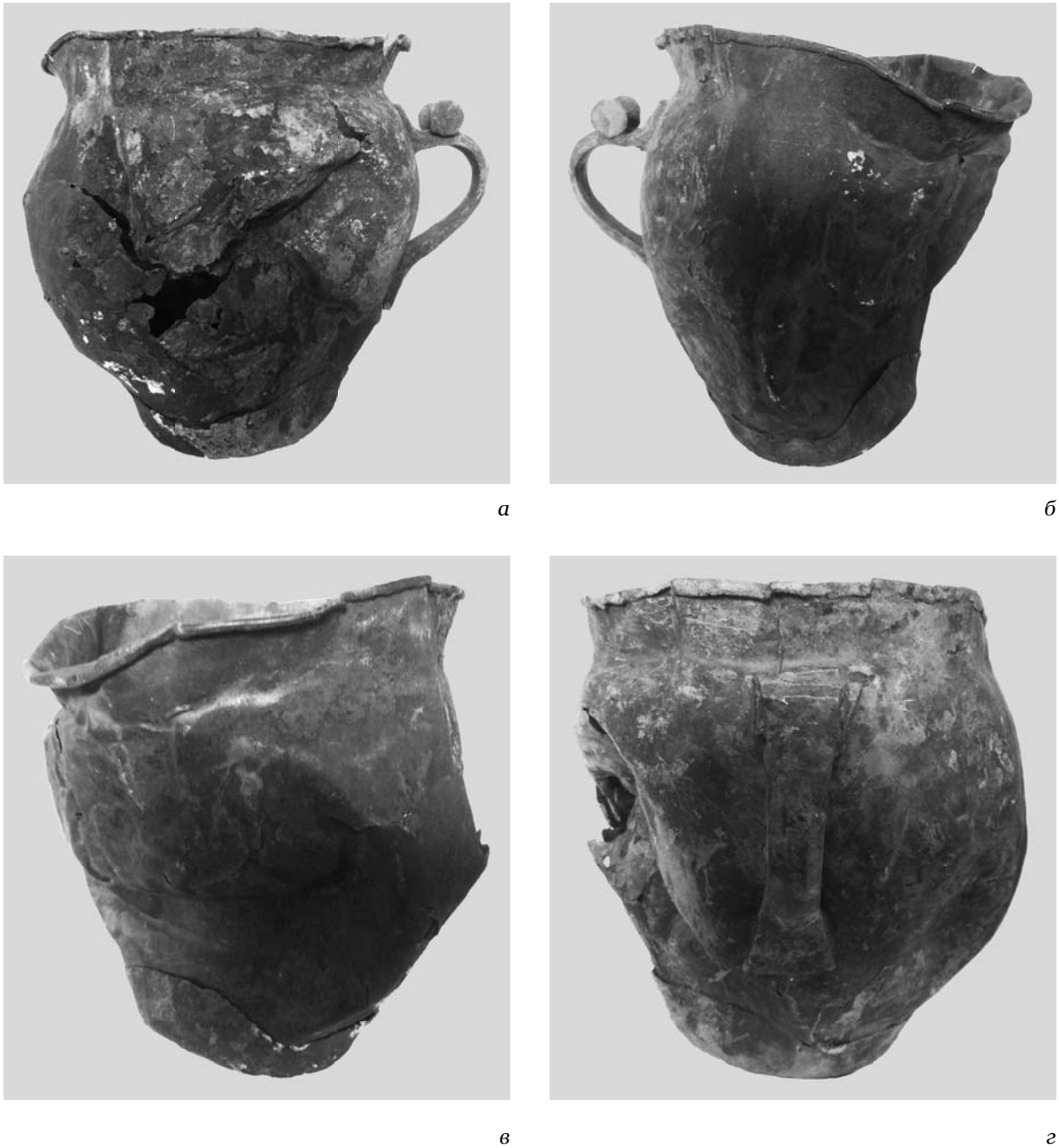
го могильника (Батчаев 1985, табл. 2/1, табл. 3/4), «Кескемского» клада (Дударев 2011, 56, рис. 8, 9), гробницы 3 могильника Терезе (Козенкова 2004, 75, рис. 77; 80, рис. 83/1; 181, табл. 12; 183, табл. 14), кургана 20 у селения Нартан (Батчаев 1985, табл. 48/41). Это позволяет датировать сосуд из экспозиции КБИГИ в пределах VIII - начала VI в. до н.э.

Металлические (бронзовые и медные) сосуды предскифского и раннескифского времени Кабардино-Пятигорья происходят в основном из кладов или являются внекомплексными случайными находками. В погребениях металлическая посуда встречаются очень редко: находка на могильнике у Кисловодской мебельной фабрики[2], погребение № 1 могильника Султан-гора I (Виноградов, Дударев, Рунич 1980, 192, рис. 5/3), гробница 3 могильника Терезе (Козенкова 2004, 75, рис. 77; 80, рис. 83/1; 181, табл. 12, 183, табл. 14), Учкекенский курган (Дударев 1991, табл. 30/3) и др.[3] Исключение составляет Нартанский курганный могильник VI-V вв. до н.э., где «в самых богатых могилах» были обнаружены 20 металлических сосудов или их фрагментов (Барцева 1985, 125).

Таким образом, металлическая (бронзовая и медная) посуда характерна для наиболее богатых захоронений воинов предскифского и раннескифского времени, судя по составу погребального инвентаря (оружие, доспех, упряжь, посуда и др.), принимавших участие в далеких военных походах (Закавказье, Ближний Восток).

В публикации 1985 года Т.Б. Барцева, анализируя состав металла упомянутого Нартанского курганного могильника, пишет, что вся посуда изготовлена из оловянистой бронзы и только ситула была «исполнена из чистомедного рецепта». Местом изготовления металлических сосудов Нартанского могильника, в том числе и ситулы с зооморфными ручками, признаются горные районы Центрального Кавказа (Барцева 1985, 125). К сожалению, условия находки металлического сосуда из экспозиции КБИГИ не известны и спектральный анализ его материала не проводился.

[2] Хранится в фондах Пятигорского краеведческого музея.
[3] В плохо документированных материалах Эшкаконского (Крупнов 1958, 191; Фоменко 1998, 10) и Бедыкского могильников (Батчаев 1985, табл. 3/4) также были найдены металлические сосуды.



а *б*

в *г*

Рис. 2. Металлический сосуд с зооморфной ручкой из Кабардино-Балкарии (общий вид): *а*, *б* - вид с боку; *в* - «передняя» часть; *г* - вид со стороны ручки.

Кроме того, известно, что металлические сосуды в новочеркасскую эпоху (позднейшее предскифское время) попадали в южноевропейские степи (Дударев 2011, 53-54).

Следует сказать также, что в Центральном Предкавказье известна находка клепаного котла эпохи поздней бронзы (Суворовский могильник, курган 4, погребение 2) (Нечитайло 1979, 25-28, рис. 27/1; 28). И его происхождение, видимо, следует связывать с Северным Причерноморьем или Поволжьем (Бочкарев 2010, 208).

Как справедливо отмечают Т. Сорочану и Е.Н. Сава, металлические изделия (в том числе и посуда) в предскифскую эпоху указывают на торгово-обменные (или другие) контакты населения Южного Урала, Северного Кавказа, степей Северного Причерноморья и Карпато-Подунавья (Сорочану, Сава 2014, 203-204).

а *б*

в *г*

Рис. 3. Металлический сосуд с зооморфной ручкой из Кабардино-Балкарии (детали):
а - ручка; *б* - крепления ручки и шов тулова сосуда (вид изнутри); *в*, *г* - дно сосуда.

Библиография

Барцева 1985: Т.Б. Барцева, Химический состав цветного металла из курганного могильник у селения Нартан (по данным спектрального анализа). В сб.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг., т. 2 (Нальчик 1985), 116-134.

Батчаев 1985: В.М. Батчаев, Древности предскифского и скифского периодов. В сб.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг., т. 2 (Нальчик 1985), 7-115.

Бочкарев 2010: В.С. Бочкарев, О металлических котлах эпохи поздней бронзы Восточной Европы. В: В.С. Бочкарев, Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы (Санкт-Петербург 2010), 185-208.

Виноградов, Дударев, Рунич 1980: В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев, А.П. Рунич, Киммерийско-кавказские связи. В сб.: Скифия и Кавказ (Киев 1980), 184-199.

Гриневич 1951: К.Э. Гриневич, Новые данные по археологии Кабарды. МИА, 23 (Москва 1951).

Деген-Ковалевский 1935: Б.Е. Деген-Ковалевский, Работы на строительстве Баксанской ГЭС. В: Известия Государственной академии истории материальной культуры, вып. 110 (Археологические работы академии на новостройках в 1932-1933 гг., II) (Москва-Ленинград 1935), 11-28.

Дударев 1991: С.Л. Дударев, Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром (Грозный 1991).

Дударев 2011: С.Л. Дударев, «Кескемский» клад бронзовых предметов (полная публикация). В: Сборник научных трудов С.Л. Дударева (Москва 2011), 51-60.

Дударев 2011а: С.Л. Дударев, Блеск и горечь древней бронзы (о новых находках у селения Заюково). В сб.: XVI чтения по археологии Средней Кубани (Армавир 2011), 9-20.

Дударев 2012: С.Л. Дударев, О новых находках шлемов ассирийского типа на Северном Кавказе. В: Історія зброї. Альманах № 5-6 / 2012 (Запорожье 2012), 25-33.

Иессен 1941: А.А. Иессен, Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3 (Москва-Ленинград 1941).

Козенкова 1989: В.И. Козенкова, Кобанская культура. Западный вариант. Свод археологических источников, вып. В 2-5 (Москва 1989).

Козенкова 2004: В.И. Козенкова, Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII-VIII в. до н.э. В: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа, вып. 5 (Москва 2004).

Крупнов 1958: Е.И. Крупнов, Киммерийцы на Северном Кавказе. МИА, 68 (Москва 1958), 176-195.

Крупнов 1960: Е.И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа (Москва 1960).

Нечитайло 1979: А.Л. Нечитайло, Суворовский курганный могильник (Киев 1979).

Сорочану, Сава 2014: Т. Сорочану, Е. Сава, Металлические сосуды предскифского периода между Карпатами, Кавказом и Уралом. В сб.: Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции (Москва 2014), 203-204.

Техов 1977: Б.В. Техов, Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. (Москва 1977).

Техов 2006: Б.В. Техов, Археология южной части Осетии (Владикавказ 2006).

Фоменко 1998: В.А. Фоменко, Эшкаконский могильник. В: Из истории народов Северного Кавказа, вып. 2 (Ставрополь 1998), 7-12.

Vasul din metal cu mâner zoomorf din Kabardino-Balkaria

Rezumat

Prin această publicaţie este introdus în circuitul ştiinţific un vas de metal din perioada prescitică, care a intrat în colecţia Institutului de cercetări umanistice din Kabardino-Balkaria în anul 2012. Sunt prezentate forma şi dimensiunile vasului, precum şi analogiile lui în regiunile limitrofe. Recipientul a fost datat în perioada dintre sec. VIII a. Chr. şi începutul sec. VI a. Chr.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Vasul din metal cu mâner zoomorf din Kabardino-Balkaria.

Fig. 2. Vasul din metal cu mâner zoomorf din Kabardino-Balkaria (vedere generală): A, B - vedere laterală; C - partea din faţă; D - vedere dinspre mâner.

Fig. 3. Vasul din metal cu mâner zoomorf din Kabardino-Balkaria (detaliu): A - mânerul, B - fixarea mânerului şi sudura trunchiului vasului (vedere dinspre interior); C, D - fundul vasului.

A metal vessel with the zoomorphic handle from Kabardiano-Balkaria

Abstract

This publication introduces into the scientific use a metal vessel of the pre-Scythian period, which entered the collection of the Kabardino-Balkar Institute of Humanistic Studies in 2012. There are given the shape and size of the vessel as well as its analogies in the surrounding regions. The vessel is dated from the 8th - early 6th centuries BC.

List of illustrations:

Fig. 1. Metal vessel with zoomorphic handle from Kabardino-Balkaria.

Fig. 2. Metal vessel with zoomorphic handle from Kabardino-Balkaria (the general view): A, B - side view; C - front view; D - view from the handle.

Fig. 3. Metal vessel with zoomorphic handle from Kabardino-Balkaria (details): A - the handle; B - rivets of the handle and the weld of the vessel's body (inside view); C, D - bottom.

21.08.2015

Др. Владимир Фоменко, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, ул. Пушкина, д. 18, 360000, г. Нальчик, Россия, e-mail: fva2005@gmail.com

ПАЛЕОЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЗНАМЕНСКОГО ГОРОДИЩА И ЗЕРНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сергей Горбаненко

На данном этапе изучения дьяковской культуры не ставится под сомнение существование у древних племен, населявших бассейны верхнего течения Волги и Оки, земледелия. В некоторых случаях остаются спорными вопросы соотношения земледелия и животноводства для определенных памятников. Для других же получены подтверждения земледельческого характера деятельности их обитателей. Так, для Дьяковского городища по палинологическим анализам установлено, что еще на начальном этапе проживания там людей их влияние проявилось на сведении лесов в округе для обустройства пахотных участков и пастбищ (Спиридонова и др. 2011, 188). Аналогичные сведения получены также и для городища Знаменского. По данным палеопочвоведческого анализа, в результате деятельности человека был изменен характер почвообразовательного процесса: лес сменялся вторичной луговой растительностью (Александровский, Александровская, рукопись). То есть в общих чертах освоение носителями дьяковской культуры некоторых территорий в упрощенном виде можно представить как подсеку с дальнейшим переведением освободившихся участков в перелог. Такая схема (в той или иной степени) вполне характерна для лесных культур железного века в целом, о чем неоднократно сказано в научной литературе.

Одним из важных компонентов для характеристики земледелия, является определение культурных растений, присущих древним земледельцам. В этом отношении дополнительные новые данные по зерновому хозяйству у носителей дьяковской культуры считаем вполне актуальными. С этой целью в научный оборот вводятся материалы со Знаменского городища, а также дается их интерпретация и соотношение с материалами из других памятников дьяковской культуры.

Знаменское городище расположено на правом берегу р. Москва у северо-западной окраины с. Знаменское Одинцовского р-на Московской обл. В 2005 г. на памятнике проведены охранные раскопки под руководством Ю.Д. Разуваева. Общая исследованная площадь составила 1354 м^2. Период существования городища определен в рамках VII в. до н.э. – первых веков н.э. В нем по керамическому комплексу выделено два подпериода: VII-III вв. до н.э. (около 60% материалов, керамика с «текстильной» или «сетчатой» поверхностью) и первые века н.э. (приблизительно 40%, гладкостенная керамика) (Разуваев 2005).

С целью определения палеоэтноботанического спектра памятника (ПБС)[1] нами просмотрена коллекция изделий из глины (около 16 тыс. ед.) на предмет выявления отпечатков зерновок и семян культурных и сорных растений. Снятие отпечатков проводилось по общеупотребимой методике посредством пластичного материала (пластилина), в СССР впервые использованной З.В. Янушевич (Янушевич, Маркевич 1970). В дальнейшем материал определен благодаря его сравнению с ранее определенными аналогичными образцами и широким кругом публикаций на эту тему; отпечатки зерновок сорных растений определены по атласу-определителю сорняков (Веселовський, Лисенко, Манько 1988).

Анализ материала проведен благодаря составлению АБС по количеству. Однако такой АБС не является показательным; он использован лишь как «рабочий инструмент» для дальнейшей интерпретации материала. С этой целью

[1] Как синоним палеоэтноботаническому спектру (ПБС) (Кравченко, Пашкевич 1985), Е.Ю. Лебедевой введено понятие «археоботанический спектр» (АБС) (см.: Лебедева 2008б, 97), как «более корректное»; суть же (процентное соотношение количества зерновок культурных растений) от этого не изменилась.

Рис. 1. Отпечатки проса на грузике.

проведен пересчет ПБС количества зерновок по массе с применением следующих коэффициентов: просо – 1; ячмень пленчатый – 5,5; пшеница двузернянка – 6,2; пшеницы мягкие голозерные – 5,7 (Горбаненко 2012). Именно эти показатели (а не количественные) приняты нами за таковые, которые характеризуют зерновое хозяйство того или иного исследуемого общества. В дальнейшем на этой базе проведен сравнительный анализ с определениями, уже имеющимися для дьяковской культуры.

Отпечатки зерновок культурных и сорных растений обнаружены и на материалах VII-III вв. до н.э., и первых веков н. э. Массовые отпечатки проса на «объемных» изделиях в расчет не принимались. К таковым из материалов дьяковской культуры относятся грузила и «кирпичи»; т.е. изделия, не входящие в категорию посуды (рис. 1). Материал по количеству обнаруженных и идентифицированных отпечатков представлен в табл. 1.

Оба спектра представлены приблизительно одинаковыми соотношениями, незначительные различия между которыми вполне могут быть объяснимы небольшими выборками (рис. 2). Спектры представлены наиболее древними культурными растениями: ячменем пленчатым (*Hordeum vulgare*), пшеницей двузернянкой (*Triticum dicoccon*) и просом (*Panicum miliaceum*), а также пшеницами мягкими голозерными (*Triticum aestivum* s. l.). К культурным растениям относятся также зернобобовые: горох (*Pisum sativum*) и вика эрвилия (*Vicia* sp.?). В незначительном количестве обнаружены также зерновки сорных растений: щетинник (*Setaria* sp.), несколько зерновок не определено (табл. 1).

И набор, и соотношения внутри спектра, в принципе вполне сопоставимы с аналогичными материалами, полученными с других памятников дьяковской культуры. На данный момент для сравнительного анализа ПБС опубликованы данные с четырех памятников разного времени существования дьяковской культуры: Настасьино (Коломенский р-н, Московская обл.) (Антипина, Лебедева 2005, 73-74), Дьяково (Москва) (Гунова и др. 1996, 110-111; Спиридонова и др. 2011, 191), Отмичи (Калининский р-н, Тверская обл.) (Лебедева 2008а), Ростиславль (Озерский р-н, Московская обл.) (Лебедева 2005; Лебедева 2009). Из перечисленных памятников наиболее се-

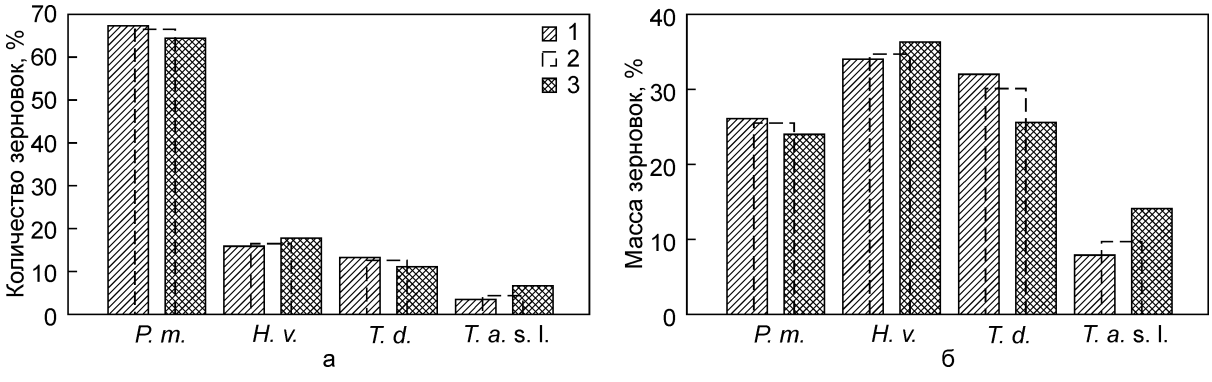


Рис. 2. Диаграмма соотношения зерновок Знаменского городища: а - количество; б - масса. Условные обозначения: P. m. - *Panicum miliaceum* (просо); H. v. - *Hordeum vulgare* (ячмень пленчатый); T. d. - *Triticum dicoccon* (пшеница двузернянка); T. a. s. l. - *Triticum aestivum* s. l. (пшеницы мягкие голозерные); 1 – VII-III вв. до н. э.; 2 - объединенные данные; 3 - первые века н. э.

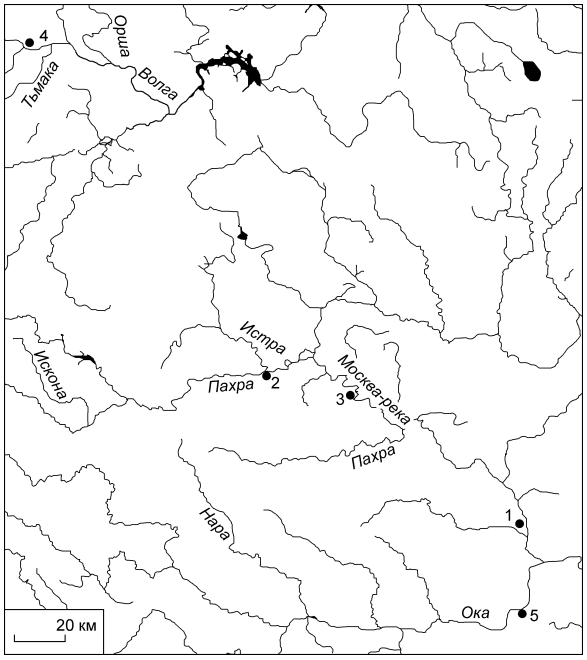


Рис. 3. Карта памятников дьяковской культуры с установленными ПБС: 1 - Настасьино; 2 - Знаменское; 3 - Дьяково; 4 - Отмичи; 5 - Ростиславль.

веро-западное положение занимают Отмичи, наиболее юго-восточное – Ростиславль; расстояние между крайними параллелями – около 220 км (300 км по диагонали) (рис. 3)[2]. Отметим, что в четырех перечисленных случаях материал получен в результате промывок культурного слоя.

При интерпретации и дальнейшем сопоставлении материалов учтены следующие данные. Взята во внимание хронология перечисленных памятников. В случае выделения нескольких АБС по хронологии каждый из них учтен как отдельная единица. Из материалов II в. до н.э. - III в. н.э. Дьяковского городища учтен лишь материал нижнего горизонта верхнего слоя, поскольку остальные данные статистически недостоверны (в остальных случаях, по-видимому, не было возможности предоставить данные о просе в каких-либо измеряемых показателях). Кроме того, данные приведены исключительно в процентном соотношении и без учета показателей различных видов ячменя (пленчатого и голозерного) и пшениц (двузернянки и мягких голозерных), так как из имеющихся публикаций эти данные не всегда доступны (табл. 2; рис. 4).

Как видно из диаграммы, соотношения основных зерновых культур в целом демонстрируют подобную тенденцию: в основном первые места занимает ячмень; просо и объединенные данные по пшеницам в целом близки между собой, но последние чаще всего имеют незначительное преобладание (рис. 4/б).

По результатам кластерного анализа видно, что сходства в первую очередь демонстрируют хронологически близкие данные, территориальные – лишь во вторую (рис. 5).

Благодаря разновременности исследованных памятников можно также предложить реконструкцию развития зернового хозяйства у носителей дьяковской культуры. Мы отдаем себе отчет в том, что данное построение достаточно условно. Видимо, дальнейшие исследования в этом направлении могут внести существенные коррективы в представленный граф, однако, вероятно, он все же демонстрирует в общих чертах тенденции изменений в соотношениях зерновых культур в хозяйстве древних жителей (рис. 6) [3]. Видимо, на начальном этапе развития дьяковской культуры достаточно важную роль играли пшеница и просо (приблизительно по 2/5); ячмень имел второстепенное значение (около 1/5). В дальнейшем же происходит постепенное, достаточно плавное сокращение «лидеров» (приблизительно до 1/5 доли каждого); их место занял ячмень (около 3/5 доли) (рис. 6).

Не исключено, что среди пшениц постепенно стали преобладать мягкие голозерные (более урожайные) виды. Однако для того, чтобы утверждать это с уверенностью, данных явно недостаточно. Такое наблюдение было сделано Н.А. Кирьяновой на материалах из промывки эпонимного памятника: среди пшениц постепенно более важными становились мягкие голозерные виды (в наиболее древних горизонтах представленные единичными зерновка-

[2] По опубликованным данным нами сделаны дальнейшие пересчеты, которые легли в основу составленных диаграмм.

[3] Граф построен по следующему принципу. По абсциссе (хронологической оси) отложены данные времени существования анализируемых памятников, по ординате (процентное соотношение) – процентные данные об основных злаковых культурах на протяжении существования каждого памятника. По отложенным данным построена усредненная кривая изменений соотношений культурных растений в ПБС.

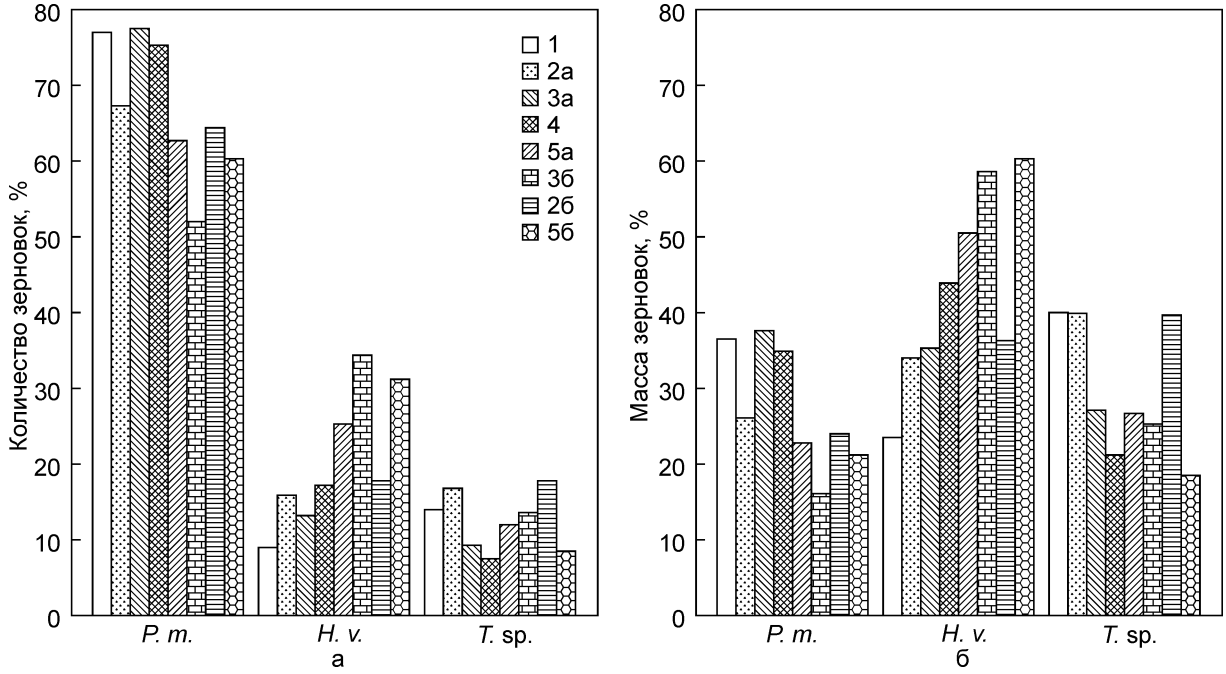


Рис. 4. Сравнительная диаграмма ПБС дьяковских памятников: а - количество; б - масса. Условные обозначения: P. m. - *Panicum miliaceum* (просо); H. v. - *Hordeum vulgare* (ячмень); T. sp. - *Triticum sp.* (пшеницы) (нумерацию памятников см. в табл. 2).

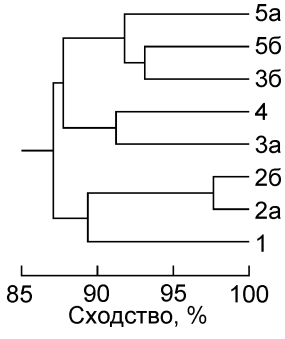


Рис. 5. Кластерный анализ данных ПБС (нумерацию памятников см. в табл. 2).

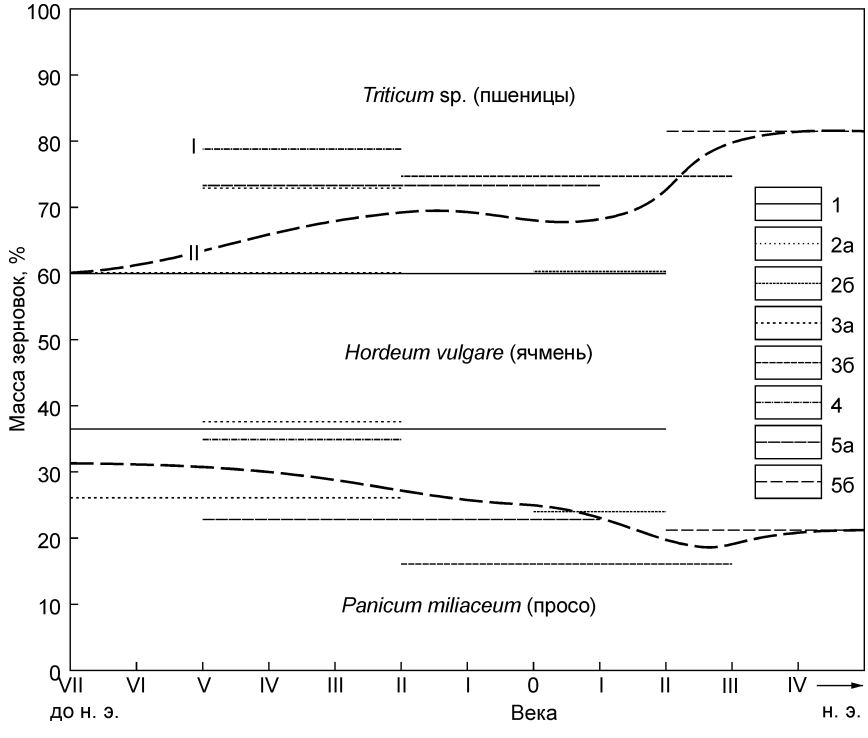


Рис. 6. Граф изменений зернового хозяйства дьяковской культуры во времени: I - данные по памятникам; II - теоретические кривые изменений во времени соотношений массы зерновых культур (нумерацию памятников см. в табл. 2; условные обозначения - на рис. 4).

ми) (Гунова и др. 1996, 110-111; Спиридонова и др. 2011, 191). К сожалению, статистические данные не приведены. По незначительным, в целом, материалам со Знаменского вроде бы можно подтвердить данную тенденцию (см. табл. 1). По данным из Настасьино, пшеница двузернянка там определена в 9% случаев, в 5% зерновки принадлежали пшеницам мягким голозерным (Антипина, Лебедева 2005, 73-74). В пересчете по массе эти показатели 26,5 и 13,5% соответственно. Однако, промывки из памятников Отмичи (Лебедева 2008а) и Ростиславльское (Лебедева 2009) дали ничтожно малые показатели пшениц мягких голозерных. Видимо, окончательный ответ на вопрос о роли пшениц мягких голозерных в зерновом хозяйстве у носителей дьяковской культуры смогут предоставить дальнейшие исследования в этом направлении.

Палеоэтноботанические материалы из четырех памятников юхновской археологической культуры (представленные отпечатками зерновок культурных растений на изделиях из глины) демонстрируют высокий уровень сходства их соотношений внутри ПБС. В их состав входило только 3 вида (отпечатки зерновок пшениц мягких голозерных не обнаружены) (Горбаненко 2013). По массе ячмень пленчатый зафиксирован приблизительно в одинаковых пропорциях с пшеницей двузернянкой. Просо же составляло приблизительно четверть от АБС. Другие злаковые вообще не представлены. Такая ограниченность ассортимента указывает на традиционность земледелия у носителей юхновской культуры. Сходство полученных данных между собой свидетельствует об одинаковом уровне развития земледелия жителей древних поселений Черниговского Подесенья, что логично, учитывая то, что они занимали одну экологическую нишу. Отметим, что эти показатели близки данным начального этапа существования дьяковской культуры.

По данным М.И. Лошенкова, Д.И. Третьякова, на памятниках штрихованной керамики преобладали пшеницы, ячмень (Збаровичи), просо (Качановичи). На памятнике Банцеровщина обнаружен горох. В материалах из Збаровичей обнаружено всего две зерновки ржи (из 347), что привело авторов к мысли о его дикорастущей форме (Лашанкоў, Траццякоў 2007, 89-90).

На памятниках днепро-двинской культуры обугленные палеоэтноботанические материалы найдены на городище Буяново. Они включают зерна пшеницы (не указано до вида), ячменя (не указано до вида) и проса в значительных количествах. К сожалению, статистические данные не приведены. По радиокарбонному анализу слой датирован IV-I вв. до н.э. (Шмидт 1992, 57). Другие данные о культурных растениях днепро-двинской культуры получены при помощи споро-пыльцевого анализа. По результатам этих анализов бесспорно определена пыльца пшениц (Шмидт 1992, табл. А).

М.И. Лошенков опубликовал также результаты анализа отпечатков зерновок культурных растений на керамике из памятников милоградской культуры Черное, Отруби, Красная Горка. По этим данным, на керамике отпечатки проса преобладают на один-два порядка; пшеницы мягкие голозерные, а также ячмень пленчатый представлены единичными отпечатками; присутствуют также отпечатки семян гороха и бобовых (соответственно, Красная Горка: 18, 1, –, –, –; Отруби: 86, 1, 5, 3, 1; Черное: 170, 2, 1, –, 1) (Лошенков 2010, табл. 3, 70-71). Дальнейшие исследования аналогичных милоградских материалов (13 памятников) дали основания к выводам о том, что в ПБК входили просо, мягкая пшеница, ячмень пленчатый, бобовые; рожь была сопутствующим сорняком (Лошенков 2012).

Для культур раннего железного века Беларуси были проведены споро-пыльцевые анализы палеоботанических материалов. Там выявлена пыльца пшениц, ржи, ячменя, овса; зерновых в общем (Симакова 2007, 63). Эти данные расширяют список культурных зерновых, выращиваемых в раннем железном веке в лесной зоне, но не дают возможности провести сравнительный анализ.

Таким образом, краткий обзор палеоэтноботанических материалов «лесных» культур убеждает в том, что они использовали в основном три вида культурных злаковых: ячмень, пшеницу, просо. Фактически мы видим устоявшуюся традицию в выборе зерновых, которые, по наблюдениям П.Н. Третьякова, в «этнографическое время» были характерными для подсечной формы земледелия (Третьяков 1932, 13-15).

У обитателей более южных территорий (в лесостепных ландшафтах) перечень культурных растений включает также и рожь. Так, на карте находок культурных растений скифского времени (в том числе на античных памятниках; всего 103 памятника), приведенной в той же статье Б.А. Шрамко и З.В. Янушевич, находки ржи отмечены на 24 памятниках: 7 – выше границы степи и лесостепи, 17 – ниже. Определенное обобщение рассмотрения комплекса находок по палеоэтноботанике высказано следующим образом. «Таким образом, результаты анализа обугленного зерна и отпечатков на керамике позволяют прийти к выводу, что основными возделываемыми растениями скифской эпохи в лесостепи были пшеница-двузернянка и пленчатый многорядный ячмень, в меньшей степени — мягкая и карликовая пшеница, рожь и просо. Возделывался также и горох, однако остается неясным, каков был удельный вес его посевов» (Шрамко, Янушевич 1985).

По данным Е.Ю. Лебедевой, на Среднем Дону в скифское время «ведущая роль принадлежала просу, две других культуры – пленчатый многорядный ячмень и пшеница двузернянка … выращивались в меньшем объеме. Возможно, возделывался и горох» (Лебедева 2001). Не обнаружена рожь и в материалах городища Россошки (Лебедева 2004; Лебедева, Антипина 2009). По данным А.И. Пузиковой, на керамике со скифских памятников того же региона обнаружены в основном просо и ячмень (Пузикова 1969, 66). По нашим данным (определения 2013 г.), в незначительном количестве отпечатки ржи все же присутствовали на материалах из Среднедонских скифоидных и городецких памятников.

Традиционно сложно что-либо сказать об объемах выращивания бобовых. Отметим лишь, что в незначительном количестве они известны из материалов Дьяковского, Ростиславльского и Знаменского городищ.

* * *

Таким образом, палеоэтноботанические материалы Знаменского городища представлены типичным для дьяковской культуры набором выращиваемых культурных растений. Знаменские материалы в основном демонстрируют средний период развития зернового хозяйства у дьяковской культуры, без значительных преобладаний одних видов над другими. Вероятнее всего, ячмень постепенно вытеснял просо и пшеницу. Открытым остается вопрос о значении пшениц мягких голозерных.

Широкие сравнительные материалы с памятников раннего железного века лесной зоны свидетельствуют о том, что такой набор, и частично – соотношение, характерны для всех «лесных» культур, на что Н.А. Кирьянова ранее уже обращала внимание (Кирьянова 2005). Вполне вероятно, что данный набор, характерный в Восточной Европе для предшествующих периодов, а также для подсечной формы земледелия, закрепился со времен активного использования подсеки и не претерпел существенных изменений после перехода на другие формы земледелия. Такой «бедный» состав выращиваемых зерновых отличает указанные памятники от сравнительных лесостепных материалов.

Таблица 1

Палеоэтноботанический материал со Знаменского городища, экз.

Время	Растения								
	Культурные						Сорные		Итого
	Просо	Ячмень пленчатый	Пшеница двузернянка	Пшеницы мягкие голозерные	Горох	Вика?	Щетинник	Сорняк, не определено	
VII-III вв. до н.э.	76	18	15	4	3	4	4	4	128
Первые века н.э.	29	8	5	3	1	—	3	2	51
Итого	105	26	20	7	4	4	7	6	179

Таблица 2

Сравнительный палеоэтноботанический материал с памятников дьяковской культуры, %

№*	Памятник	Дата, вв.	Просо	Ячмень	Пшеница
1	Настасьино*	VII/VI до н.э. - I/II н.э.	77	9	14
2а	Знаменское	VII-III до н.э.	67,3	15,9	16,8
2б	Знаменское	первые н.э.	64,4	17,8	17,8
3а	Дьяково	V-III до н.э.	77,5	13,2	9,3
3б	Дьяково	II до н.э. - III н.э.	52	34,4	13,6
4	Отмичи	V-III до н.э.	75,3	17,2	7,5
5а	Ростиславль	V до н.э. - первые н.э.	62,7	25,3	12
5б	Ростиславль	2-3 четверть I тыс. н.э.	60,3	31,2	8,5

Примечание. Номер (без буквенного обозначения) соответствует номеру на карте (рис.3) и нумерации на диаграммах (рис.4, 5). * Датировка дана по: Энговатова 2004.

Библиография

Александровский, Александровская: А.Л. Александровский, Е.И. Александровская, Естественнонаучные исследования на Знаменском городище (Рукопись).

Антипина, Лебедева 2005: Е.Е. Антипина, Е.Ю. Лебедева, Опыт комплексного археобиологического исследования земледелия и скотоводства: модели взаимодействия. РА 4, 2005, 70-78.

Веселовський, Лисенко, Манько 1988: І.В. Веселовський, А.К. Лисенко, Ю.П. Манько, Атлас-визначник бур'янів (Київ 1988).

Горбаненко 2012: С.А. Горбаненко, Сельское хозяйство до образования Киевской Руси. В сб.: Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. И.И. Ляпушкина (1902-1968) (Санкт-Петербург 2012), 106-109.

Горбаненко 2013: С.А. Горбаненко, Материалы по земледелию юхновской культуры в Черниговском Подесенье. РА 2, 2013, 62-66.

Гунова и др. 1996: В.С. Гунова, Н.А. Кирьянова, Н.А. Кренке, В.А. Низовцев, Е.А. Спиридонова, Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке. РА 4, 1996, 93-120.

Кирьянова 2005: Н.А. Кирьянова, О находках зерен культурных растений I тысячелетия до н. э. - I тысячелетия н. э. на территории лесной зоны Восточной Европы. В сб.: II Городцовские чтения: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ (Москва, 2003) (Москва 2005, 226-230).

Кравченко, Пашкевич 1985: Н.М. Кравченко, Г.А. Пашкевич, Некоторые проблемы палеоботанических исследований (по материалам Обуховской территориальной группы памятников I тыс. н. э.). В сб.: (Отв. ред. В.Ф. Генинг) Археология и методы исторических конструкцій (Киев 1985), 177-190.

Лебедева 2001: Е.Ю. Лебедева, Новые данные о земледелии на Среднем Дону в скифское время. В сб.: (Отв. ред. В.И. Гуляев) Археология Среднего Дона в скифскую эпоху (Тр. Потуданской экспедиции ИА РАН, 1993-2000 гг.) (Москва 2001), 188-195.

Лебедева 2004: Е.Ю. Лебедева, Итоги археоботанических исследований на Среднем и Нижнем Дону в 2001-2003 гг. В сб.: (Отв. ред. В.И. Гуляев) Археология Среднего Дона в скифскую эпоху (Тр. Потуданской экспедиции ИА РАН, 2001-2003 гг.) (Москва 2004), 119-126.

Лебедева 2005: Е.Ю. Лебедева, Культурные растения Ростиславля: археоботанические материалы из дьяковского городища и древнерусского города. В сб.: (Ред. и сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов) Археология и естественно-научные методы (Москва 2005), 159-180.

Лебедева 2008а: Е.Ю. Лебедева, Результаты археоботанического анализа образцов с городища Отмичи из раскопок 2002 г. (приложение 3). В кн.: И.В. Исланова, Городище Отмичи (Москва 2008), 243-244.

Лебедева 2008б: Е.Ю. Лебедева, Археоботаническая реконструкция древнего земледелия (методические критерии). (Ред. вып. А.П. Бужилова) Opus: междисциплинарные исследования в археологи 6, 2008, 86-109.

Лебедева 2009: Е.Ю. Лебедева, Продолжение археоботанических исследований на Ростиславльском городище дьяковской культуры. Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов 1, 2009, 245-255.

Лебедева, Антипина 2009: Е.Ю. Лебедева, Е.Е. Антипина, Городище Россошки I – «постоянный адрес, или временная прописка?». В сб.: (Отв. ред. В.И. Гуляев) Археология Среднего Дона в скифскую эпоху (Тр. Потуданской экспедиции ИА РАН, 2004-2008 гг.) (Москва 2009), 198-220.

Лошенков 2010: М.И. Лошенков, Археоботанические коллекции с городищ милоградской культуры Черное, Отрубы и Красная горка в Беларуси. РА 2, 2010, 62-71.

Лошенков 2012: М.И. Лошенков, Новые материалы по земледелию населения милоградской культуры. РА 3, 2012, 28-35.

Лашанкоў, Траццякоў 2007: М.І. Лашанкоў, Д.І. Траццякоў, Археабатанічныя матэрыялы жалезнага веку ў зборы Нацыянальнага музея гісторыі і культуры Беларусі. Acta archaeologica Albaruthenica I, 2007, 86-103.

Пузикова 1969: А.И. Пузикова, Поселения Среднего Дона. МИА 151, 1969, 41-81.

Разуваев 2012: Ю.Д. Разуваев, Отчет о раскопках в Одинцовском р-не Московской обл. в 2005 г. (Воронеж 2012, рукопись).

Симакова 2007: Г.И. Симакова, Основные этапы антропогенного преобразования растительного покрова Беларуси в голоцене. Літасфера 2 (27), 2007, 59-69.

Спиридонова и др. 2011: Е.А. Спиридонова, А.С. Алешинская, Н.А. Кирьянова, Н.А. Кренке, Палеоботанические данные (Глава седьмая). В кн.: Н.А. Кренке, Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. - I тыс. н. э. (Москва 2011), 171-193.

Третьяков 1932: П.Н. Третьяков, Подсечное земледелие в Восточной Европе (Ленинград 1932).

Шмидт 1992: Е.А. Шмидт, Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. - III в. н. э.) (Москва 1992).

Шрамко, Янушевич 1985: Б.А. Шрамко, З.В. Янушевич, Культурные растения Скифии. СА 2, 1985, 47-64.

Энговатова 2004: А.В. Энговатова, Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа. Археология Подмосковья 1, 2004, 142-152.

Янушевич, Маркевич 1970: З.В. Янушевич, В.И. Маркевич, Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Пруто-Днестровского междуречья. В сб.: (Отв. ред. З.В. Янушевич) Интродукция культурных растений (Кишинев 1970), 83-110.

Materialele paleobotanice din fortificaţia Znamenskoe şi cultivarea cerealelor în cultura Dyakovo

Rezumat

În articol este realizată o imagine de ansamblu a situaţiei în domeniul cercetării materialelor paleobotanice din arealul culturii Dyakovo. Sunt introduse în circuitul ştiinţific noile materiale din fortificaţia Znamenskoe, care au fost supuse unei analize statistice.

De asemenea, a fost efectuată o analiză comparativă a materialelor reprezentative din întreg arealul culturii Dyakovo. Pe baza tuturor datelor paleobotanice din cultura Dyakovo au fost analizate cultivarea cerealelor de către purtătorii acesteia şi schimbările care au intervenit pe parcursul existenţei acestei culturi (sec. VII a. Chr. - sec. IV p. Chr.). Rezultatele obţinute nu pretind la soluţionarea definitivă a problemei, ci doar detalizează tendinţa comună atestată pentru culturile „de pădure", la care s-a referit anterior şi N.A. Kiryanova.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Amprente de mei pe o greutate din lut.

Fig. 2. Diagrama raportului boabelor din fortificaţia Znamenskoe: a - cantitatea; b - greutatea. Legenda: *P. m.* - *Panicum miliaceum* (mei); *H. v.* - *Hordeum vulgare* (orz); *T. d.* - *Triticum dicoccon*; *T. a.* s. l. - *Triticum aestivum* s. l.; 1 - sec. VII-III a. Chr.; 2 - datele combinate; 3 - primele secole p. Chr.

Fig. 3. Harta monumentelor culturii Dyakovo unde au fost stabilite spectrele paleobotanice (SPB): 1 - Nastas'ino; 2 - Znamenskoe; 3 - Dyakovo; 4 - Otmiči; 5 - Rostislavl'.

Fig. 4. Diagrama comparativă a spectrelor paleobotanice din monumentele culturii Dyakovo: a - cantitatea; b - greutatea. Legenda: *P. m.* - *Panicum miliaceum* (mei); *H. v.* - *Hordeum vulgare* (orz); *T. d.* - *Triticum dicoccon*; *T. sp.* - *Triticum sp.* (pentru numerotarea monumentelor a se vedea tab. 2).

Fig. 5. Analiza cluster a datelor spectrelor paleobotanice (pentru numerotarea monumentelor a se vedea tab. 2).

Fig. 6. Graficul schimbărilor în timp a cultivării cerealelor în arealul culturii Dyakovo: I - datele conform monumentelor; II - curbele teoretice ale schimbării în timp a raporturilor de greutate a culturilor cerealiere. Legenda: *P. m.* - *Panicum miliaceum* (mei); *H. v.* - *Hordeum vulgare* (orz); *T. d.* - *Triticum dicoccon*; *T. sp.* - *Triticum sp.* (pentru numerotarea monumentelor a se vedea tab. 2).

Palaeoethnobotanical materials from Znamenskoe hill-fort and Dyakovo culture grain production

Abstract

The article provides an overview of the study of palaeoethnobotanical materials of Dyakovo culture. It introduces in the scientific circulation new materials from Znamenskoe hill-fort. A statistical analysis of the data obtained from the settlement was carried out.

The authors have conducted a comparative analysis of representative materials from the whole Dyakovo culture. On the basis of the whole complex of data on palaeoethnobotanical materials of the Dyakovo culture there was analyzed grain production and changes in it during the first periods of this culture (from the 7th century BC to the 4th century AD). The results do not pretend to be the final decision; they only specify the general trend for all «forest» cultures, to which N.A. Kiryanova has already drawn attention.

List of illustrations:

Fig. 1. Imprints of millet on a weight.

Fig. 2. Diagram of correlation of grains from Znamenskoe hill-fort: a - quantity; б - mass. Legend: *P. m.* - *Panicum miliaceum* (millet); *H. v.* - *Hordeum vulgare* (barley); *T. d.* - *Triticum dicoccon* (emmer wheat); *T. a.* s. l. - *Triticum aestivum* s. l. (common wheat); 1 – 7th-3rd centuries BC.; 2 - combined data; 3 - first centuries AD.

Fig. 3. Map of Dyakovo culture sites with established palaeoethnobotanical spectrum (PBS): 1 - Nastas'ino; 2 - Znamenskoe; 3 - Dyakovo; 4 - Otmichi; 5 - Rostislavl'.

Fig. 4. Comparative diagram of the PBS of Dyakovo sites: a - quantity; б - mass. Legend: *P. m.* - *Panicum miliaceum* (millet); *H. v.* - *Hordeum vulgare* (barley); *T.* sp. - *Triticum* sp. (wheat) (numbering of sites see at table 2).

Fig. 5. Cluster analysis of PBS data (numbering of sites see at table 2).

Fig. 6. Graph of changes of Dyakovo culture grain production in course of time: I - data on the sites; II - theoretical curves of changes in the mass ratio of cereals in course of time. Legend: *P. m.* - *Panicum miliaceum* (millet); *H. v.* - *Hordeum vulgare* (barley); *T.* sp. - *Triticum* sp. (wheat) (numbering of sites see at table 2).

16.03.2015

Др. Горбаненко Сергей, Институт археологии Национальной академии наук Украины, просп. Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: gorbanenko@gmail.com

DESCOPERIRI DE AMFORE GRECEŞTI ÎN ZONA PECENEAGA DIN VESTUL DOBROGEI

Natalia Mateevici
Mihaela Iacob
Dorel Paraschiv

În zona *Valea Hogii* sau *Cetatea Baltina*, situată la limita comunelor Peceneaga şi Ostrov (la nord de Ostrov), pe un teritoriu cu dimensiunile de 6,5 km pe cca 4,5 km, se găseşte o întinsă aşezare elenistică, care suprapune un *tell* gumelniţean şi o aşezare din prima epocă a fierului. În urma cercetărilor perieghetice de pe suprafaţă sitului au fost recuperate numeroase fragmente de amfore.

În jurul *Movilei Cazacului*, punct situat la sud de Peceneaga, în dreapta şoselei ce duce spre Ostrov, au fost descoperite mai multe fragmente de amfore greceşti.

În punctul *Piscul Sărat* sau *Colţanul Mare,* unde este cunoscut un *quadriburgium din perioada romano-bizantină*, au fost identificate mai multe aşezări, încadrate cronologic între eneolitic (cultura Gumelniţa) şi epoca evului mediu. Materialele de perioadă antică constau din amfore şi din ceramică getică, lucrată cu mână.

La cca 1 km est de Peceneaga şi la vest de *Dealul Nisip*, în zona fostului sediu al CAP, de o parte şi de alta a drumului Peceneaga-Traianu, se găseau mai multe movile, acestea fiind observate pe hărţile militare din 1962. Cantităţi infime de material grecesc au mai fost descoperite în aşa-numitul *punct 18*.

Cel mai numeros lot provine din punctul numit **Baltina** (fig. 1). Analiza fragmentelor de amfore, atât a celor profilate (picioruşe, buze şi ştampile), cât şi a celor neprofilate (pereţi şi toarte), ne-a permis să evidenţiem mai multe centre de producere greceşti, a căror marfă principală – vinul şi uleiul de măsline, aduse în amfore, a pătruns în spaţiul dat: Thasos, Mende, Chios, Heracleea, Sinope. Printre fragmentele de amfore ale centrelor deja cunoscute, au mai fost depistate fragmente de amfore numite „tip Murighiol".

Lotul de fragmente amforisitice de la Peceneaga - Baltina, se evedintiează din punct de vedere cantitativ – 20 piese. Ele se prezintă astfel: Thasos – 9 piese, Heracleea Pontică – 3, Chios – 2, Mende – 1, Sinope – 1, tip Murighiol – 2, un centru mediteraneean necunoscut – 1.

Printre fragmentele de amfore thasiene, cele numeroase sunt picioruşele de vase, majoritatea cărora aparţin unui şi acelaşi tip al amforelor bitronconice varianta II-B-2 (fig. 2/1-5), a căror producere şi circulaţie în regiunile circumpontice revine sferturilor 2 şi 3 ale sec. IV a. Chr. Astfel de vase sunt considerate cele mai răspândite în perioada dată, având o capacitate de 8,2 l, 9,84 l, 11,76 l (Монахов 2003, 76). Cel de al şaselea fragment de picioruş de amforă aparţine unui vas de tip tronconic varianta II-C-2 (fig. 2/6). Produ-

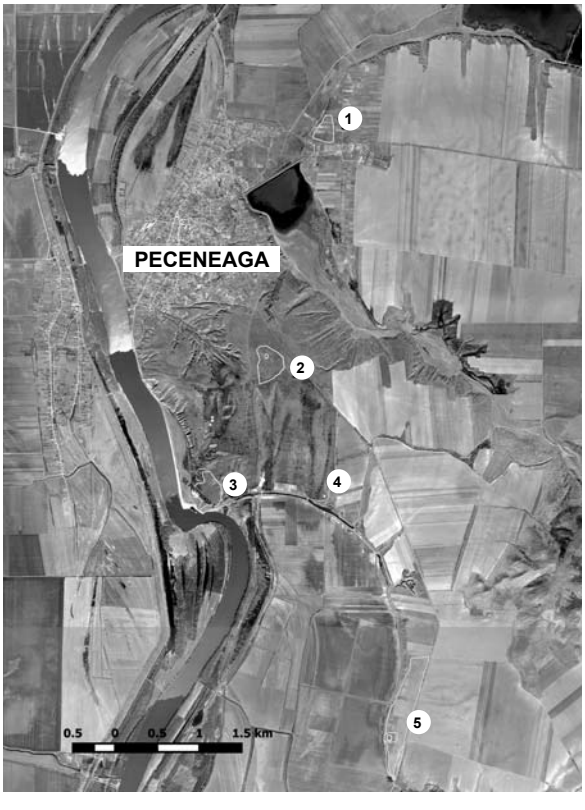


Fig. 1. Harta zonei Peceneaga.

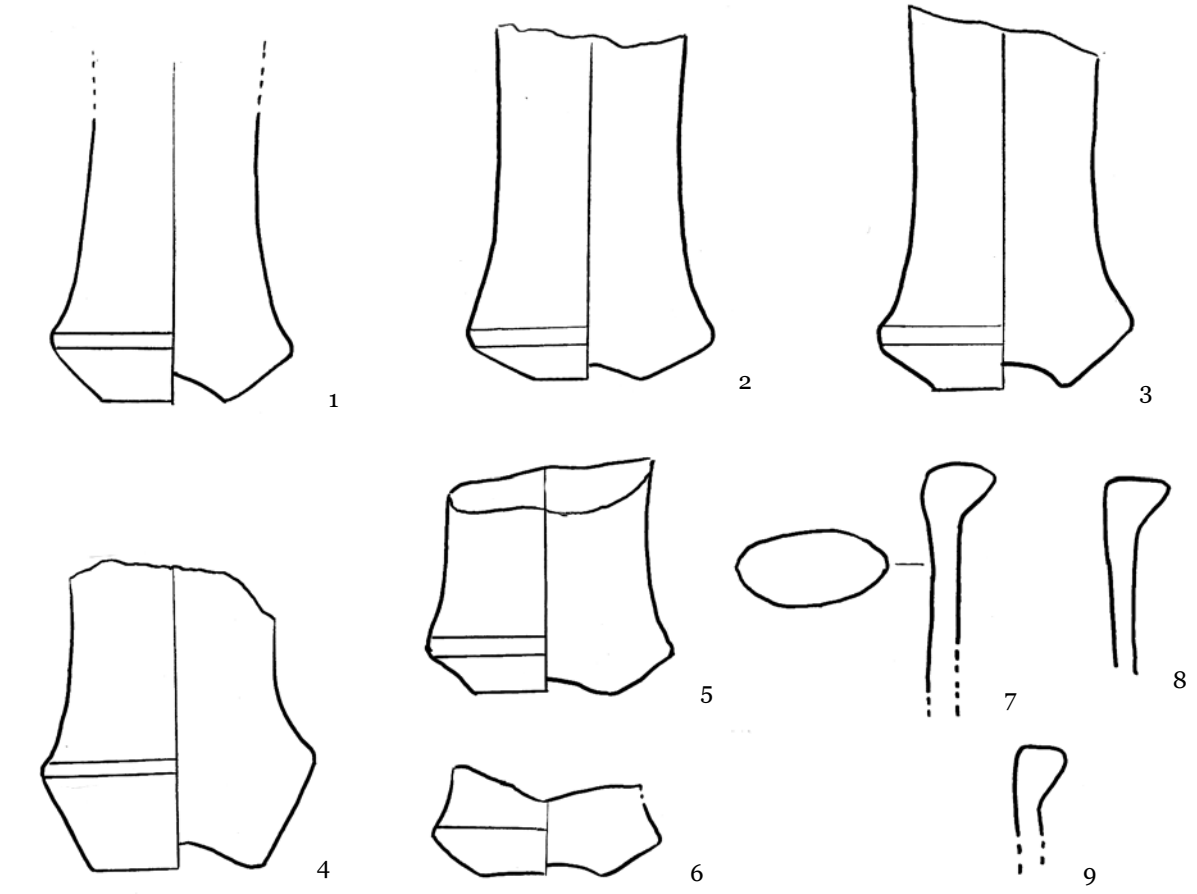


Fig. 2. Fragmente de amfore de la Peceneaga-Baltina: 1-9 - Thasos.

cerea şi răspândirea amforelor acestui tip revine primei jumătăţi ai sec. IV a. Chr., iar capacitatea lor era de 13,13 şi 9,84 litri (Монахов 2003, 76). Printre celelalte fragmente databile de amfore thasiene sunt şi trei fragmente de buze, două dintre care provin de la vase de tip bitronconic varianta II-B-2 (fig. 2/7, 8), iar celălalt aparţine unui vas bitronconic, la fel, dar cu o datare puţin mai târzie – anii ‘40-‘30 ai sec. IV a. Chr. (fig. 2/9). Printre fragmentele de toarte de amfore thasiene au fost depistate şi două ştampile. Prima dintre ele a păstrat legenda aproape întreagă, din care poate fi citit etniconul Θασίων şi numele magistratului Ἀρετών, ca emblemă fiind „delfinul spre dreapta” (fig. 4/1). Datarea ştampilei este încadrată între 345-335 a. Chr. Cea de a doua ştampilă (fig. 4/2), în pofida păstrării fragmentare, a putut totuşi fi reconstituită, prezentându-se astfel – numele producătorului Μεγακλείδης, iar cele două litere păstrate, din primul rând de sus ...φα.., neau permis să reconstituim numele magistratului Τηλέφανης 1, cu emblema „cnemidă”, această informaţie fiind suficientă pentru a atribui ştampila grupei G 2 cu anii între 345-335 ai sec. IV a. Chr. (Garlan 1999, 284, nr. 926).

Un alt centru producător grecesc cunoscut în comerţul grecilor cu lumea barbară a regiunilor pontice şi, în special, nord-vest pontice, este Heracleea Pontică. Printre materialul recoltat la Peceneaga–Baltina sunt şi trei fragmente de buze de amfore heracleote, dintre care 2 exemplare (fig. 3/1, 2) sunt atribuite amforelor de tip I-A-2 (anii ‘70-‘40 ai sec. IV). Unul din aceste fragmente păstrează şi o ştampilă pe gât (fig. 3/2). Amfore heracleote de tipul I-A-2 au o capacitate medie de 8,21 şi 8,46 litri (Монахов 2003, 143). Cel de al treilea fragment de buză (fig. 3/3) aparţine unei amfore pithoide de tipul I-4 (primul sfert al sec. IV a. Chr.), vasele acestui tip aveau o capacitate de 9,85 şi 9,87 litri (Монахов 2003, 143). Fragmentul ştampilei de amfore de Hercaleea, aplicată pe gâtul vasului (fig. 4/4), are un contur figurat, reprezentând un strugure, pe perimetrul căruia este inclusă, englific, legenda, care conţine numele

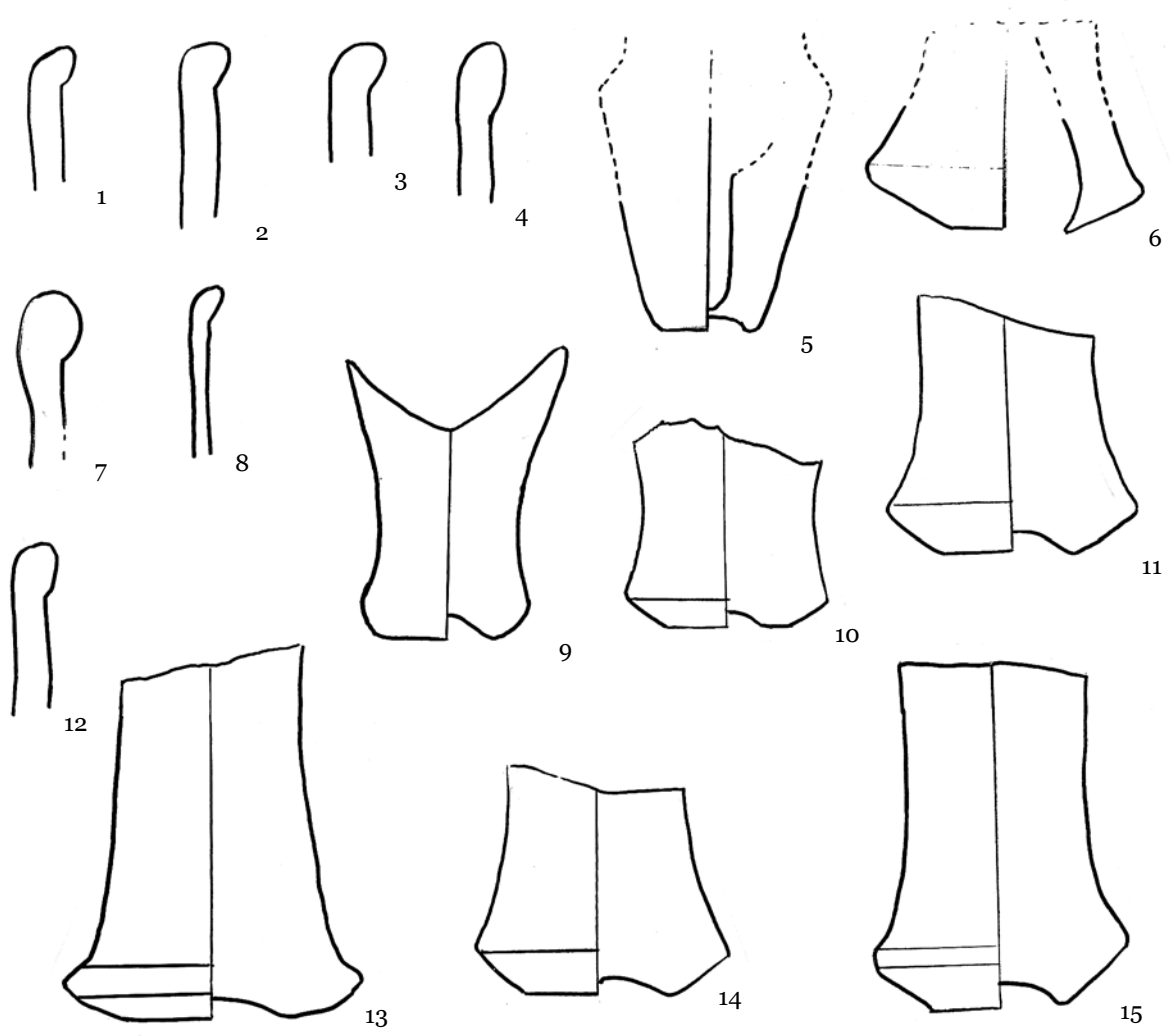


Fig. 3. Fragmente de amfore. Peceneaga-Baltina: 1-3 - Heracleea Pontică; 4, 5 - Chios; 6 - Mende; 7 - Sinope; 8, 9 - tip Murighiol; 10 - centru necunoscut. Peceneaga-Colţanii Mari: 11 - Thasos; 12 - Heracleea Pontică. Peceneaga - Movila Cazacului: 13 - Mende. Peceneaga-CAP: 14 - Thasos. Peceneaga-punct 18: 15 - Thasos.

magistratului Καρακύδης, precedat de prepoziţia ἐπὶ şi numele producătorului (păstrat insuficient, ceea ce nu ne-a permis să reconstituim ştampila în întregime. Se cunoaşte, că acest magistrat a lucrat cu 11 producători. Majoritatea absolută a ştampilelor acestui magistrat au fost figurate, ele având forma unui strugure. Datarea activităţii lui Καρακύδης revine anilor ‘60-‘50 ai sec. IV a. Chr. (Кац 2007, 429).

Printre puţinele fragmente de amfore de Chios, menţionăm o buză şi un picioruş. În pofida păstrării precare fragmentul de picioruş, totuşi, a putut fi reconstituit (fig. 3/5), ceea ce ne-a permis să-l atribuim unui vas de tip nou, care apare la începutul sec. IV a. Chr. şi persistă până în al treilea sfert al sec. IV a. Chr. (tipul V-B, a amforelor cu picior în formă de manşon). Aceiaşi datare o are şi fragmentul de buză de amforă chiotă, care aparţine la fel unei amfore de tip nou (fig. 3, 4). Amforele de tipul V-B fac parte din cele mai răspândite amfore chiote în sec. IV a. Chr, ele fiind şi printre cele mai voluminoase, capacitatea cărora ajunge la 22,40 şi 19,6 litri (Монахов 2003, 24).

Amforele de Mende sunt bine cunoscute în mediul barbar nord-vest pontic deja din sec. V a. Chr., ele devenind mai răspândire în mediul barbar de la începutul sec. IV a. Chr. (Монахов 1999, 34). Fragmentul puternic deteriorat al unui picioruş de amforă de Mende, descoperit la Baltina, are o cavitate mare şi adânca în talpă (fig. 3/6), astfel de particularităţi fiind întâlnite la unele amfore mendiote ale tipului Mellitopol, varianta II-C, a căror datare se încadrează între sfreturile 2 şi 3 ale sec. IV a. Chr. Amforele de Mende sunt considerate

vase de o capacitate mare, iar cele de tipul respectiv ajung la 13, 13 şi 16,4 litri (Монахов 2003, 95).

Printre fragmentele de pereţi şi toarte ale producţiei de Sinope, a fost remarcată şi o buză de la o amforă de tipul pithoid, varianta II-*E* (fig. 3/7), datată cu sferturile 2-3 ale sec. IV a. Chr., vasele acestui tip având capacitatea de 26,26 şi 21,89 litri (Монахов 2003, 159).

Fragmentul unui picioruş (fig. 3/9) a fost atribuit amforelor aşa-numitului tip Murighiol, un centru necunoscut încă şi relativ recent evidenţiat, fiind considerat de unii cercetători ca polis aflat sub influenţa Thasosului (Монахов 1991, 13-14; Монахов 2003, 79). Aceluiaşi tip Murighiol poate fi atribuit şi un fragment de buză de amfore (fig. 3/8). Datarea acestor vase revine primei jumătăţi ai sec. IV a. Chr. Considerăm, că şi picioruşul rămas neindfentificat (fig. 3/10) ar aparţine, cu siguranţă, unui centru, aflat la fel, în orbita de influenţă a Thasosului, datat cu sec. IV a. Chr.

Mult mai puţin numeric este lotul de fragmente de amfore, colectat în punctul **Colţanii Mari** care este compus din şase piese, printre care trei picioruşe, o toartă, o buză şi un capac de amforă. Printre ele menţionăm două picioruşe de amfore thasiene, de amfore de tip bitronconic, doar unul a putut fi datat şi atribuit variantei II-B-2 (fig. 3/11), celălalt picioruş, fragmentar, cu talpa deteriorată puternic, ne-a îngreunat datarea certă. Un alt fragment de picior de amforă a aparţinut unei amfore sinopeene, dar din motivul indicat mai sus, privind păstrarea insuficentă a picioruşului, nu ne putem pronunţată pentru o anumită atribuire cronologică a piesei. O toartă, fără buză, aparţinuse Heracleei Pontice, iar singura buză (fig. 3/12), recuperată la acest punct, aparţinuse unui recipient amforistic chiot de tipul V-B.

Două picioruşe de amfore provin din materialul colectat în punctul **Movila Cazacului,** printre ele numărându-se unul de la o amforă thasiană, altul aparţinând unui recipient de Mende. Doar exemplarul de Mende poate fi atribuit vreunui tip amforistic, întrucât cel de Thasos este păstrat incomplet. Picioruşul de Mende (fig. 3/13) aparţine tipului Mellitopol, variantei II-C (conform clasificării lui Monachov), datată cu sferturile 2-3 ale sec. IV a. Chr. Astfel de vase aveau o capacitatea mare, ea ajungând la 16,4 şi 13,13 litri. În afară de aceste două piese, au fost depistate şi alte fragmente de amfore (pereţi şi toarte) aparţinând producţiei de Thasos, Sinope, Mende.

Un mic lot a fost recuperat în punctul **CAP**, din el facând parte o piesă databilă – picioruşul unei amfore de Thasos, care aparţinuse unui vas bitronconic de tip II-B-2 (fig. 3/14), datat cu sferturile 2 şi 3 ale sec. IV a. Chr. Acest tip de amforă thasiană este considerat cel mai răspândit în acea perioadă, având o capacitate de 8,2 l, 9,84 l, 11,76 l (Монахов 2003, 76).

Un fragment de picioruş de amforă thasiană, aparţinând aceleiaşi variante II-B-2 (fig. 3/15), este descoperit în **punctul 18.**

Analiza lotului de piese profilate, care pot oferi o datare prealabilă a răspândirii amforelor greceşti din zona Peceneaga, conturează un cadru cronologic ce cuprinde în exclusivitate sec IV a. Chr., în special sferturile doi şi trei ale sec. IV a. Chr. În pofida numărului mic al pieselor colectate la suprafaţă, se evidenţiază totuşi un centru grecesc, care are o importanţa şi o răspândire mare în această perioadă – Thasosul. Acest tablou confirmă încă o dată situaţia creată în acea perioadă şi care este tipică pentru zona Dobrogei, unde oraşul Histria era principalul centru distribuitor în mediul barbar al vinului thasian.

Ştampilele

1. Θασίων (fig. 4/1)
Delfin spre dreapta (peşte)
Ἀρετών
Ştampilă în relief, aplicată pe toartă. Thasos. Magistratul Ἀρετών, datează cu anii 345-335 a. Chr. (grupa G2, după Y. Garlan). Bon 1957, nr. 246.

2. [Τηλέ]φα[νης] (fig. 4/2)
cnemidă
[M]εγακλείδ[ης]
Ştampilă în relief, aplicată pe toartă. Thasos. Magistratul Τηλέφανης 1, datează cu anii 345-335 a. Chr. (grupa G2, după Y. Garlan). Avram 1996, nr. 157 *(aceeaşi matrice)*; Garlan 1999, nr. 926 *(aceeaşi matrice)*.

3. ἐπι Καρα[κύδη]ς (fig. 4/3)

Strugure

[.....]

Ştampilă englifică aplicată pe gât. Heracleea Pontică Magistratul Καρακύδης, datează cu anii ‘60-‘50 ai sec. IV a. Chr. (gr. III de magistraţi, după Katz).

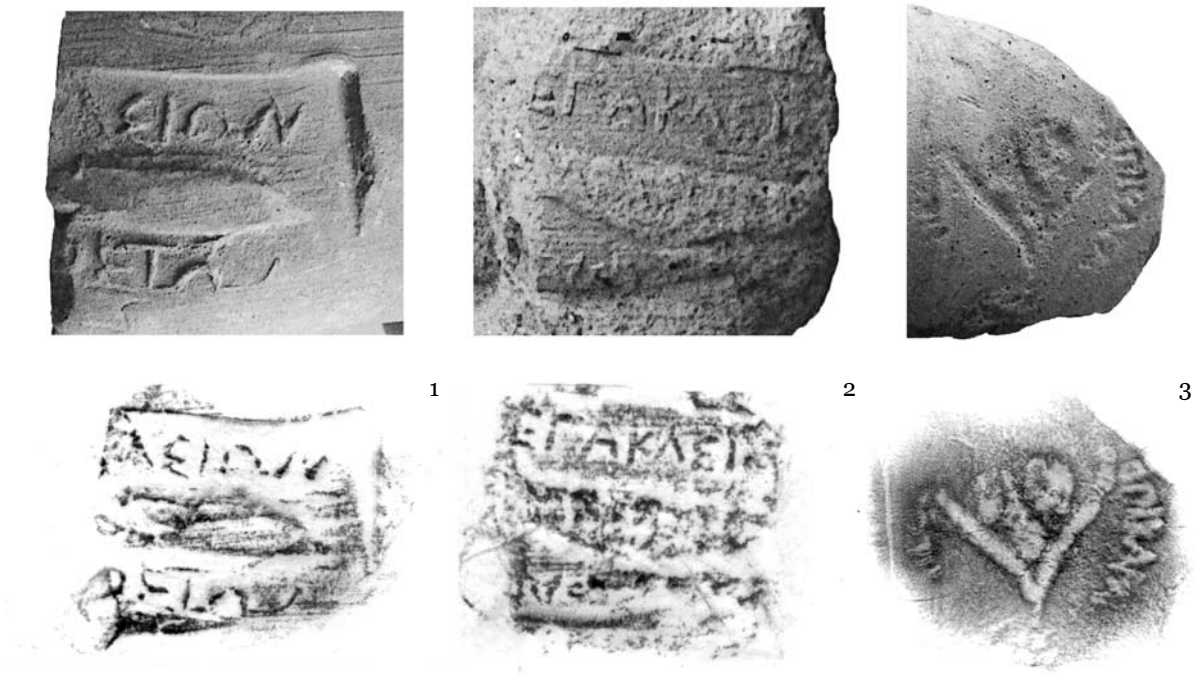


Fig. 4. Ştampilele de amfore de la Peceneaga-Baltina: 1, 2 - Thasos; 3 - Heracleea Pontică.

Bibliografie

Avram 1997: A. Avram, Les timbres amphoriques. Thasos. HISTRIA, VIII (1) (Bucureşti 1996).

Bon 1957: A.M. Bon, A. Bon, Les timbres amphoriques de Thasos. In: Etudes Thasiènnes, IV (Paris 1957).

Garlan 1999: Y. Garlan, Les timbres amphoriques de Thasos. Timbres protothasiens et thasiens anciens (Paris 1999).

Кац 2007: В.И. Кац, Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизмам (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования, вып. XVIII (Симферополь-Керчь 2007).

Монахов 1991: С.Ю. Монахов, Амфоры типа Муригиоль. В сб.: Международные отношения в бассейне Черного Моря в древности и Средние века (Ростов-на-Дону 1991), 13-14.

Монахов 1999: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары (Саратов 1999).

Монахов 2003: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология, каталог-определитель (Москва-Саратов 2003).

New findings of Greek amphorae in the area of Peceneaga in Western Dobrogea

Abstract

The paper presents an analysis of the fragments of Greek amphorae collected during archaeological investigations in Western Dobrogea (Romania), in an area called Peceneaga. The study of amphora fragments revealed the presence of ceramic containers in the barbaric world of Getae in the 4th century BC. These vessels belong to several Greek poleis-manufacturers, which actively traded with this region – Thasos, Heraclea Pontica, Chios, Mende, Sinope, and to the hitherto undefined center, known in the literature as the Murighiol type. The fact that most of the amphora fragments refer to Thasos is a typical picture for the region located in the immediate vicinity of the ancient fortress of Istria – a known transit point for the Thasos imports.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of the area of Peceneaga.

Fig. 2. Fragments of amphorae from Peceneaga-Baltina: 1-9 - Thasos.

Fig. 3. Fragments of amphorae. Peceneaga-Baltina: 1-3 - Heraclea Pontica; 4, 5 - Chios; 6 - Mende; 7 - Sinope; 8, 9 - the Murighiol type; 10 - unknown center. Peceneaga-Colţanii Mari: 11 - Thasos; 12 - Heraclea Pontica. Peceneaga-Movila Cazacului: 13 - Mende. Peceneaga-CAP: 14 - Thasos. Peceneaga - point 18: 15 - Thasos.

Fig. 4. Amphora stamps from Peceneaga-Baltina: 1, 2 - Thasos; 3 - Heraclea Pontica.

Новые находки греческих амфор в зоне Печеняга в западной Добрудже

Резюме

В статье представлен анализ фрагментов греческих амфор, собранных в результате археологических разведок в западной Добрудже (Румыния), в зоне, называемой Печеняга. Изучение амфорных фрагментов выявило присутствие в гетской варварской среде в 4 веке до Р.Х. керамической тары, принадлежащей нескольким греческим полисам-производителям, которые активно торговали с этим регионом, – Фасосу, Гераклее Понтийской, Хиосу, Менде и Синопе, а также амфор из доныне не определенного центра, известного в литературе как тип Муригиол. То, что большая часть амфорных фрагментов относится с Фасосу, является типичной картиной для данного региона, находящегося в непосредственной близости от античной крепости Истрия – известного перевалочного центра для фасосского импорта.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта зоны Печеняга.

Рис. 2. Фрагменты амфор из Печеняги-Балтины: 1-9 - Фасос.

Рис. 3. Фрагменты амфор. Печеняга-Балтина: 1-3 - Гераклея Понтийская; 4, 5 - Хиос; 6 - Менде; 7 - Синопа; 8, 9 - Тип Муригиол; 10 - неизвестный центр. Печеняга-Колцаний-Марь: 11 - Фасос; 12 - Гераклея Понтийская. Печеняга-Мовила-Казакулуй: 13 - Менде. Печеняга-САР: 14 - Фасос. Печеняга-пункт 18: 15 - Фасос.

Рис. 4. Амфорные штампы и Печеняги-Балтины: 1, 2 - Фасос; 3 - Гераклея Понтийская.

10.04.2015

Dr. Natalia Mateevici, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, Chişinău, Republica Moldova, e-mail: amforaelada@yahoo.com

Dr. Mihaela Iacob, Institutul de Cercetări Eco-Muzeale „G. Simion”, str. Gloriei, Parcul Monumentul Independenţei, RO-820009, Tulcea, România

Dr. Dorel Paraschiv, Institutul de Cercetări Eco-Muzeale „G. Simion”, str. Gloriei, Parcul Monumentul Independenţei, RO-820009, Tulcea, România

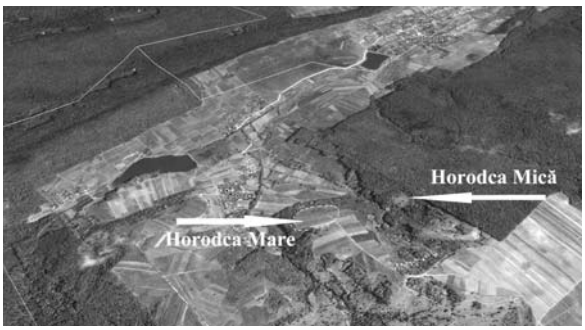
CONSTRUCŢII DEFENSIVE ÎN FORTIFICAŢIA GETICĂ HORODCA MARE, RAIONUL HÂNCEŞTI

Octavian Munteanu

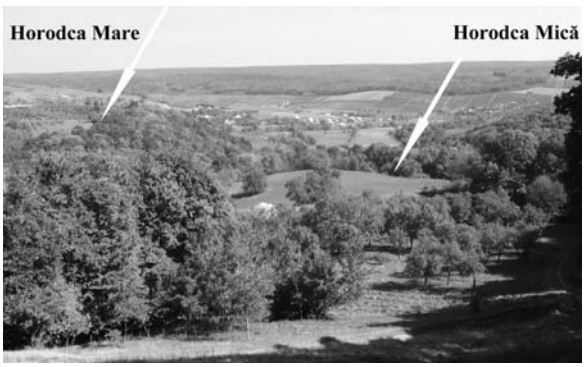
După un şir de publicaţii dedicate fortificaţiei getice de la Horodca Mică (Munteanu, Tentiuc 2014a, 145-165; Munteanu, Tentiuc 2014b, 335-347; Munteanu, Iarmulschi 2013, 269-295; Munteanu 2013b; Munteanu 2013a, 311-328; Munteanu 2012a, 64-77; Munteanu 2012b; Boldureanu, Munteanu 2011, 14-15; Popa et al. 2010, 171-180; Munteanu, Perju 2010, 520-531; Munteanu et al. 2010, 179-198; Munteanu et al. 2009, 61-80; Munteanu 2007, 279-287), ne vom focaliza atenţia, în rândurile ce urmează, asupra unor aspecte ce ţin de caracteristicile sitului Horodca Mare, care este situat în imediata apropiere de cel deja prezentat (fig. 1). Existenţa fortificaţiilor de pe cursul superior al râului Botna a fost menţionată pentru prima dată de către Ştefan Ciobanu (Ciobanu 1924, 57) în perioada interbelică, iar din perioada imediat postbelică, de când s-au întreprins periegheze extinse pe întreg teritoriul Moldovei, acestea aveau să intre în circuitul ştiinţific graţie lui Gheorghe Smirnov şi Tatianei Passek (Пассек 1949, 59; Смирнов 1949, 198-199). Fortificaţiile au fost descoperite în preajma satului Horodca Nouă, raionul Hânceşti, care au şi dat numele siturilor nou descoperite: Horodca Mare şi Horodca Mică (fig. 2). Descrieri laconice privind aceste situri le putem găsi în mai multe publicaţii, însă fără să se fi făcut cercetări de amploare (Смирнов 1949, 198-199; Пассек 1949, 59; Златковская, Полевой 1969, 50; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 49; Hîncu 1993, 70).

Având în vedere slaba studiere a microzonei, cât şi a întregului spaţiu care gravitează spre Prut, echipa de cercetare de la Universitatea Pedagogică „Ion Creangă" a decis să acorde o atenţie mai mare acestor situri, începând cu anul 2007 fiind organizate investigaţii sistematice. Chiar dacă accentul s-a pus pe situl de la Horodca Mică, având în vedere conservarea relativ bună a acestuia, cercetări de teren au fost realizate şi în situl Horodca Mare (Munteanu, Bodareu 2012; Munteanu, Bodareu 2011; Munteanu, Bodareu, 2010; Munteanu, Bodareu 2009, Munteanu, Bodareu 2008). Deşi investigaţiile realizate la Horodca Mare au permis identificarea urmelor de activitate umană ce se raportează la mai multe orizonturi cronologice, în rândurile de mai jos ne vom referi doar la descoperirile de epocă Latène.

Situl Horodca Mare este amplasat pe un promontoriu delimitat dinspre sud/sud-est şi nord/nord-vest de două râpe adânci cu malurile suficient de abrupte (fig. 3; 4). Dinspre nord-est promontoriul are pantele foarte repezi şi se deschide spre valea râului Botna care îşi are izvoarele în imediata apropiere şi pe care o domină de la o altitudine de circa 60 m, reprezentând un excelent punct fortificat natural, doar partea dinspre sud-vest fiind



1



2

Fig. 1. 1 - Ortofotoplan cu amplasarea fortificaţiilor Horodca Mare şi Horodca Mică. Vedere dinspre vest (Google Earht+PRO); 2 - vedere asupra fortificaţiilor Horodca Mare şi Horodca Mică. Vedere dinspre sud.

Fig. 2. Harta Republicii Moldova cu amplasarea localităţii Horodca.

Fig. 3. Horodca Mare. Vedere asupra promontoriului dinspre nord-est.

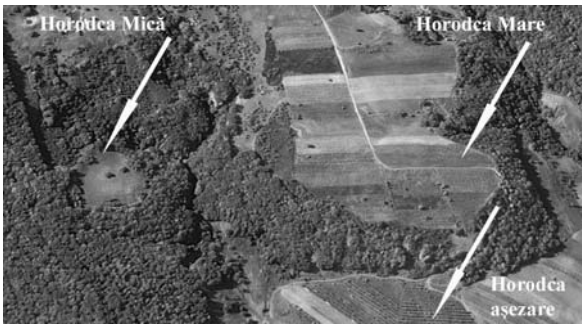


Fig. 4. Ortofotoplan cu amplasarea fortificaţiilor Horodca Mare, Horodca Mică şi a aşezării deschise. Vedere dinspre nord-est (Google Earht Pro).

Fig. 5. Ortofotoplan cu promontoriul *La Cetate* şi amplasarea fortificaţiei Horodca Mare.

Fig. 6. Horodca Mare. Ortofotoplan. Localizarea posibilelor sisteme defensive (Google Earht Pro).

accesibilă, dar care putea fi uşor fortificată artificial graţie condiţiilor existente. Promontoriul are o suprafaţă destul de extinsă (circa 20 ha în total, dintre care partea fortificată ocupa circa 6 ha – fig. 5), fiind orientat cu axa lungă pe direcţia nord-est – sud-vest, iar perieghezele au arătat o prezenţă masivă a urmelor de activitate umană din perioadele eneoliticului, celei de a doua epoci a fierului şi din perioada medievală. Evident, îndreptându-ne atenţia spre microzona din preajma izvoarelor râului Botna, nu am putut evita studierea respectivului sit, chiar dacă lucrările agricole au influenţat decisiv starea şi aşa proastă de conservare a acestuia. Investigaţiile de la Horodca Mare, printre mai multele obiective înaintate de colectivul de cercetare, şi-a propus să lămurească problema sistemului defensiv, despre care doar s-a amintit şi practic nimic nu s-a scris. Ceea ce a rămas de la înaintaşii ce au descoperit siturile, este informaţia despre caracterul defensiv al acestora, inclusiv la Horodca Mare, fără să fi fost documentată într-un fel sau altul respectiva afirmaţie. Şi dacă la Horodca Mică elementele defensive se observă cu ochiul liber fără mari dificultăţi sub forma de valuri masive de pământ, precedate de şanţuri adânci întretăiate de un solid bastion (fig. 6/A-D), la Horodca Mare incertitudinea este

A B C D

Fig. 7. Horodca Mică. Vedere asupra sistemului defensiv dinspre incintă: A - partea sud-estică; B - partea sudică; C - vedere asupra curburii sistemului defensiv din exterior; D - vedere asupra bastionului dinspre zona extra-muros.

cea care plana asupra calificării sitului ca unul cu caracter defensiv, incertitudine determinată, în mare măsură, de faptul că suprafaţa actuală a terenului de pe promontoriul *La Cetate* (sic!) nu a păstrat urme vizibile care ar confirma respectiva aserţiune.

Evident, venind la Horodca, am pornit de la informaţiile lăsate de către cercetătorii din anii postbelici care calificau situl drept o fortificaţie şi nu am avut temei pentru a pune la îndoială respectivele informaţii (în special având în vedere toponimul care desemnează promontoriul în care era amplasat situl), chiar dacă anumite dubii fuseseră exprimate de către unii dintre colegii noştri. Mai mult, lipsa argumentelor ne făcea să fim mai insistenţi în documentarea noastră, apelând la mai multe tipuri de surse pentru a ne justifica punctul de vedere. În acest sens, în primul rând, am căutat să identificăm, printre localnicii din Horodca, persoane în etate care ar fi păstrat în memorie date care ar fi putut să verse lumină asupra informaţiilor ambigue pe care le deţineam. Am fost plăcut surprinşi să aflăm, că localnicii mai ţin minte că înainte de colectivizare, pe promontoriul numit de ei *La Cetate*, se mai păstra un val şi şanţ cu dimensiuni impunătoare, care cu nimic nu ceda celui de la Horodca Mică, ba chiar îl depăşea. Mai mult, am reuşit să obţinem informaţii chiar privind locul în care se afla acest important segment defensiv, înainte de a fi distrus pentru a extinde suprafaţa arabilă inclusă în circuitul spaţiilor prelucrate cu ajutorul tehnicii. Informaţia căpătată ne-a îndemnat să fim mai atenţi la examinarea imaginilor din satelit, care ne-au oferit date concludente în privinţa existenţei liniei defensive pe care ne-au semnalat-o locuitorii cătunului La Roman. Mai mult, aceste imagini au fost de natură să ne ofere date privind existenţa a chiar două linii defensive (fig. 6, liniile ce delimitează traiectoria sistemului defensiv au fost amplasate alături de traiectoria originală pentru a nu denatura vizibilitatea acestora). Primele două tipuri de

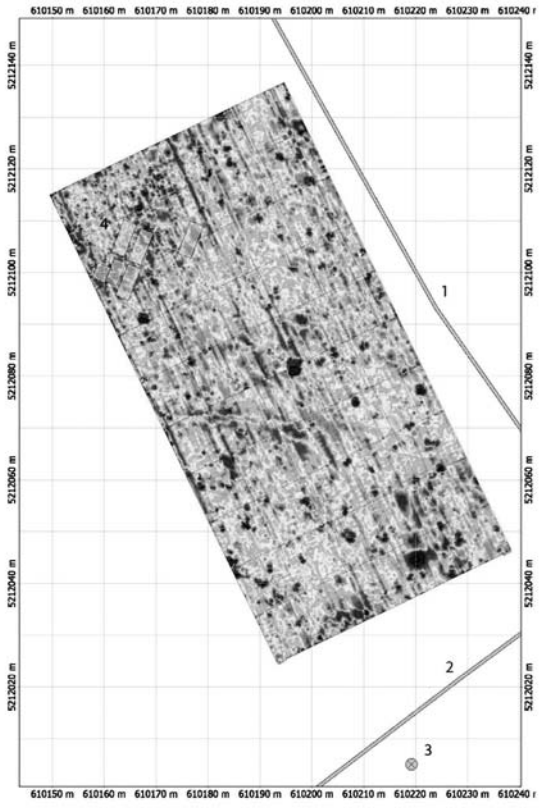


Fig. 8. Horodca Mare. Planul magnetometric al suprafeţei investigate.

Fig. 9. Horodca Mare. Vedere asupra sistemului defensiv de pe marginea nord-estică a promontoriului.

surse au venit să fie completate de prospecţiunile geomagnetice (fig. 8) care au fost realizate în colaborare cu colegi din ţară şi din Germania (Popa et al. 2010a; Popa et al. 2010b). Astfel, în urma documentării cu caracter non-invaziv (Popa et al. 2010a; Popa et al. 2010b), am reuşit să stabilim existenţa liniilor defensive care barau accesul spre promontoriu dinspre sud-vest, urmând ca acestea să fie înţelese mai bine după cercetări tradiţionale de teren, care, la moment, sunt dificil de realizat din cauza activităţilor agricole.

Până a ajunge să ne concentrăm pe studiul spaţiului în care au fost fixate liniile defensive ce barează accesul spre promontoriu din partea sud-vestică, un interes special ne-a fost provocat de observaţiile vizuale ale suprafeţei sitului în partea lui nord-estică, acolo unde accesul spre promontoriu părea a fi mai mult decât dificil, respectiv, prin axiomele stabilite – nu necesita eforturi suplimentare pentru construcţia sistemelor de apărare. Cu toate acestea, de-a lungul segmentului nord-estic al promontoriului care este expus spre valea râului Botna, au fost sesizate denivelări ale suprafeţei solului care se prezentau sub forma unei mici ridicături/ unui val amplasat chiar pe buza pantei de-a lungul întregului spaţiu cuprins între cele două râpe ce delimitau promontoriul. Înălţimea valului în raport cu nivelul de călcare este foarte mică, abia sesizabilă, nedepăşind 0,5 m (fig. 9). O astfel de formă a reliefului de-a lungul pantei abrupte a promontoriului a fost neglijată de majoritatea celor ce au vizitat situl până la momentul cercetării, astfel încât, în cel mai bun caz, aceste elemente topografice „bizare” dacă au şi fost luate în seamă, au fost interpretate (fără să fie cercetate) ca fiind urme de tranşee din cel de-al Doilea Război Mondial. Fiind mai reticenţi faţă de o astfel de explicaţie, dar delimitând clar metamorfozele de pe buza pantei, am lansat ipoteza existenţei unei linii defensive ce urma să bareze spaţiul promontoriului inclusiv în acest loc greu accesibil, creând împreună cu celelalte elemente o barieră circulară, sporind eficacitatea apărării spaţiului (fig. 5).

Pentru a ne verifica ipoteza, au fost organizate cercetări de teren în partea de nord-vest a promontoriului, fiind secţionat valul vizibil la suprafaţa actuală a solului, cu o prelungire şi în panta abruptă care, la prima vedere, s-ar părea că nu necesită astfel de amenajări (fig. 10). Rezultatele s-au dovedit a fi pe măsura aşteptărilor, urmând

Fig. 10. Ortofotoplan cu amplasarea secţiunii în spaţiul sistemului defensiv al fortificaţiei Horodca Mare.

să le prezentăm în cele ce urmează. De la bun început este necesar să specificăm că informaţiile sugestive pentru delimitarea sistemului defensiv au fost obţinute graţie examinării minuţioase a stratigrafiei din secţiunile trasate (demarcaţia complexelor în plan fiind absolut imposibilă). În general, observaţiile de teren, inclusiv datele tabloului stratigrafic, au fost destul de greu perceptibile din cauza unor masive intervenţii în sol ale rozătoarelor, ale căror urme au fost surprinse practic la oricare dintre nivelele cercetate, creând confuzii şi incertitudine în analiza datelor obţinute. Într-un final, totuşi, urmele liniei defensive au putut fi deslușite, urmând a fi prezentate în cele ce urmează. Pentru prezentarea observaţiilor stratigrafice, am utilizat profilul de sud-est al secţiunii, care este mai expresiv decât cel de nord-vest pentru delimitarea elementelor defensive (fig. 11).

Definitorii, pentru explicarea existenţei sistemului defensiv, sunt amenajările fixate în procesul de studiere a stratigrafiei în spaţiul carourilor A5 şi A6 (fig. 11). Astfel, a fost stabilită existenţa a patru gropi pe profilul de sud-est al secţiunii, toate amenajate în stratul de sol de culoare bruncenuşie în asociere cu pigmenţi de lut ars (complexele E, F, G şi H). Gropile au fost sesizate pe un segment de 2,16 m. Dimensiunile gropilor sunt relativ asemănătoare, atât ca formă cât şi ca dimensiune, diferenţa fiind în adâncimea mai mare a gropilor de la extreme. De luat în seamă, că şi pe profilul de nord-vest au fost sesizate urmele altor patru gropi având cam aceleaşi dimensiuni şi caracteristici, care erau amplasate relativ simetric cu cele de pe profilul de sud, cu excepţia gropii de la extrema estică, care era mai îndepărtată de precedenta cu vreo 0,8 m decât în cazul situaţiei urmărite pe profilul de sud-est (fig. 12, complexele A, B, C şi D). Urmele gropilor descoperite sugerau o formă aproximativ circulară în plan, ale căror dimensiuni în partea superioară variau între 0,15 şi 0,19m. Pereţii gropilor erau aproape verticali, îngustând fundul acestora până la 0,1-0,12 m. Adâncimea gropilor varia de la 0,16 m până la 0,34 m (0,16; 0,22; 0,3 şi 0,34 m). Umplutura era constituită din sol relativ afânat, care se deosebea cu greu prin culoarea sa de situaţia atestată în jur şi doar structura acestuia oferea posibilitatea delimitării.

Situaţia constatată ne îndreptăţeşte să admitem că de-a lungul pantei abrupte a promontoriului au fost amenajate patru rânduri de gropi, care, după cum vom vedea mai jos, pot fi interpretate ca reprezentând elemente constitutive ale unui sistem defensiv realizat din bârne de lemn. Un alt element definitoriu al construcţiilor defensive care a fost atestat şi care ne confirmă supoziţiile, este şanţul, care a fost sesizat mai înspre nord-est, în panta abruptă a promontoriului (fig. 13).

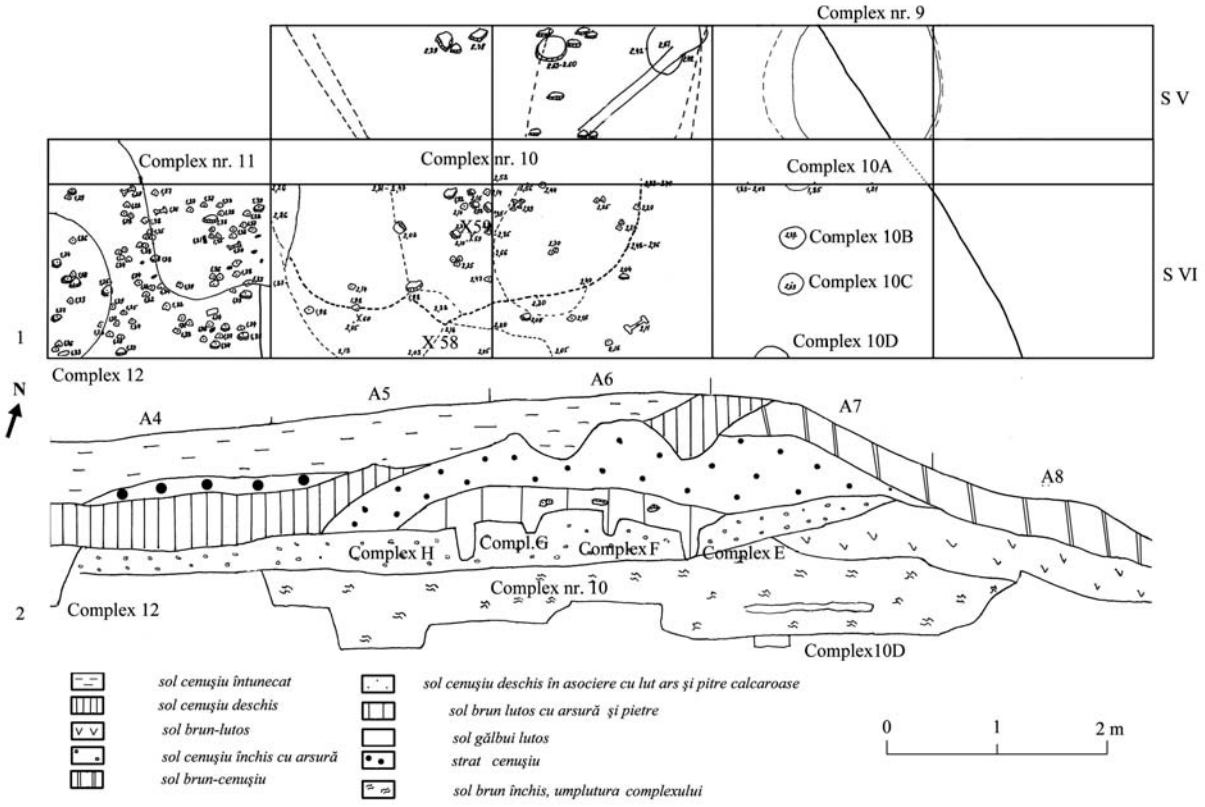


Fig. 11. Horodca Mare. 1 - Planul secţiunilor nr. V şi nr. VI în carourile A4-A8; 2 - profilul de sud-est (inversat) al secţiunii nr. VI în carourile A4-A8.

Acesta se afla la distanţa de circa 6,5 m de la limita gropilor, lăsând loc bermei care este un al treilea element indispensabil al liniilor de fortificare. Dimensiunile exacte ale şanţului nu pot fi oferite la acest moment din cauza cercetării parţiale a acestuia, pereţii fiind înclinaţi spre interior, îngustând fundul acestuia.

Analizând dispunerea celor patru linii de gropi paralele, asociată cu şanţul din faţă şi berma, considerăm că la limita promontoriului a fost amenajată o palisadă complexă, constituită din patru rânduri de pari pe o lăţime ce varia între 2,2 şi 3,2 m, care, după toate probabilităţile, erau legaţi între ei cu nuiele peste care se aplica o lipitură de lut (în acest sens mărturie fiind fragmentele de lipitură de lut ars cu urme de nuiele, dar şi cantitatea mare de cărbune de lemn şi pământ ars din zona gropilor de pari). Spaţiul dintre pereţii de lemn a fost umplut cu pământul care a fost excavat din şanţul săpat chiar în panta abruptă, dar şi fortificat cu material litic. Între palisadă şi şanţ a fost lăsat un spaţiu de 6,5 m – berma, şanţul propriu-zis având adâncimea de circa 1,5 m. Aceste elemente defensive se regăsesc în majoritatea siturilor fortificate ce caracterizează perioada getică (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2007, 27-62; Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, 89-99; Haheu 2008; Zanoci 2011, nota 8).

Dincolo de elementele sistemului defensiv, în spaţiul ocupat de acesta au mai fost descoperite şi alte structuri arheologice, fiind vorba de două gropi şi o locuinţă pe care le vom prezenta succint în cele ce urmează. Din start atenţionăm asupra faptului că structurile arheologice care urmează a fi prezentate au fost descoperite în straturi care preced ridicarea sistemului defensiv, sugerând existenţa unei faze de locuire în perioada getică înainte de fortificarea spaţiului de pe promontoriul *La Cetate*.

Complexe arheologice locative şi auxiliare

Locuinţa adâncită (fig. 11, 12, 15, 16) a fost descoperită la adâncimea de 1,3-1,4 m. Extinderea maximală la deschidere pe linia nord-est – sud-vest era de circa 6,5 m. Pe axa nord-vest – sud-est,

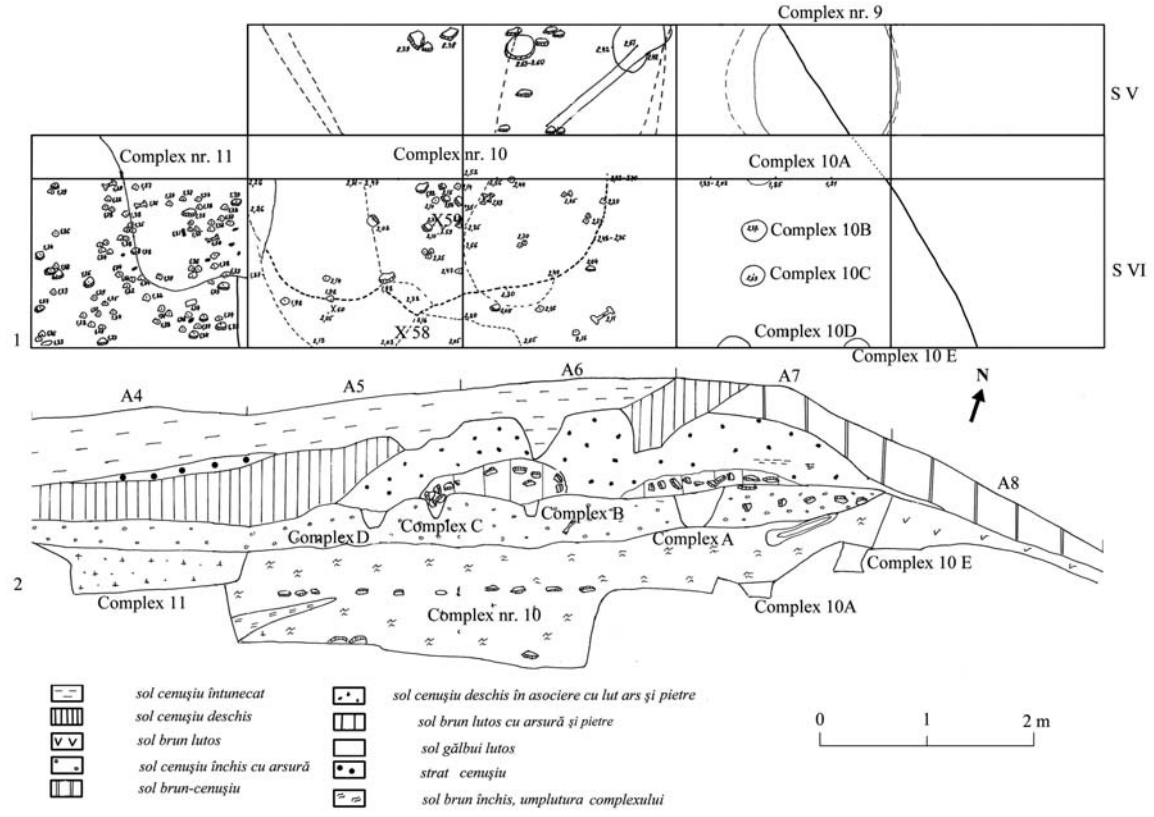


Fig. 12. Horodca Mare. 1 - Planul secţiunilor nr. V şi nr. VI în carourile A4-A8; 2 - profilul de nord-vest al secţiunii nr. VI în carourile A4-A8.

locuinţa a fost cercetată doar în limita secţiunilor trasate (3 m), neavând, pentru moment, date exacte pentru dimensiunile respective. Peretele dinspre sud-vest era aproape vertical, uşor înclinat spre interior, formând o treaptă care nu a putut fi surprinsă clar din cauza unei intervenţii ulterioare în sol – complex nr. 11 (fig. 15). Peretele dinspre nord-est era şi el uşor înclinat în interior. El cobora până la adâncimea de 0,7 de la nivelul descoperirii, după care se forma o treaptă cu lăţimea de 2,54 m. De la marginea treptei peretele cobora cu încă 0,7 m, după care urma fundul locuinţei (fig. 16). De remarcat că treapta a fost atestată nu doar în partea de nord-est a locuinţei, ci practic şi pe întreg conturul ei de est făcând joncţiune cu partea descoperită la sud-est. O imagine clară privind formele şi dimensiunile acestei trepte nu a fost posibil să ne-o facem, din acelaşi motiv al cercetărilor parţiale, or secţiunea nu acoperise întreaga suprafaţă a complexului. La un nivel mai jos de treaptă era localizat fundul propriu-zis al locuinţei cu axa mare orientată nord-est – sud-vest. Fundul complexului avea o suprafaţă neregulată, extinzându-se de la sud-vest spre nord-est pe o lungime de 3,6 m în partea de nord-est fiind delimitate 4 gropi: două gropiţe de par în plan şi două în profil. Gropile de par se prezintă astfel:

Complex 10.A (groapă de par, fig. 11, 12) A fost descoperit în profilul de nord al secţiunii, la adâncimea de 1,78 m. Avea forma rectangulară în secţiune cu lungimea maximă de 0,22 m de-a lungul profilului. Complexul se adâncea până la 0,12 m de la nivelul descoperirii. Umplutura solului era de culoare cenuşie-închisă, fără vestigii arheologice.

Complex 10.B (groapă de par, fig. 11, 12) A fost descoperit la distanţa de 0,36 m mai spre sud de complexul 10A, la adâncimea de 2,08 m. Avea forma aproape circulară în plan cu dimensiunile de 0,19×0,24 m, iar adâncimea era de 0,24 m de la nivelul descoperirii. Umplutura solului era de culoare cenuşie-închisă, fără vestigii arheologice.

Complex 10.C (groapă de par, fig. 11, 12) A fost descoperit la distanţa de 0,24 m mai spre sud de

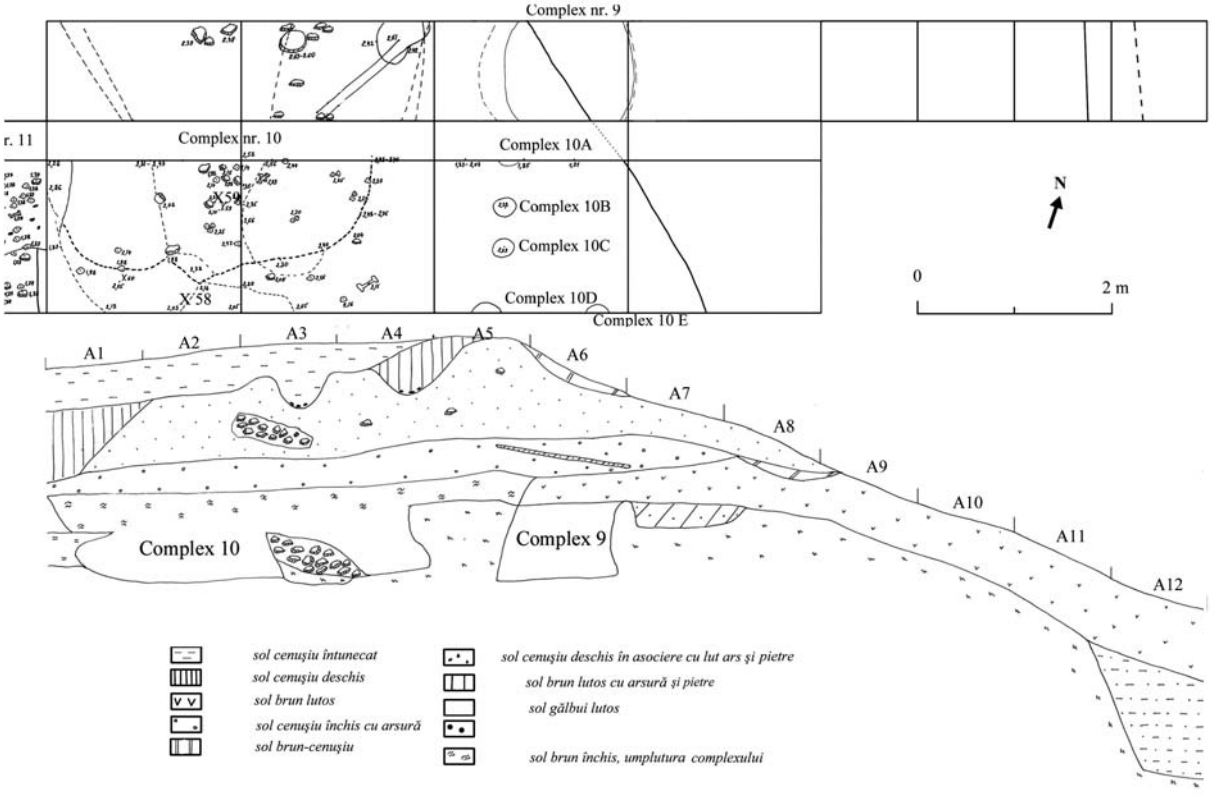


Fig 13. Horodca Mare. 1 - Planul secţiunilor nr. V şi nr. VI; 2 - profilul de nord-vest al secţiunii nr. V în carourile A1-A12.

complexul 10B, la adâncimea de 2,08 m. Avea forma circulară în plan cu diametrul de 0,2 m, iar adâncimea era de 0,24 m de la nivelul descoperirii. Umplutura solului era de culoare cenuşie-închisă, fără vestigii arheologice.

Complex 10.D (groapă de par, fig. 11, 12) A fost descoperit în profilul de sud al secţiunii, la adâncimea de 2,02 m. Avea forma semicirculară în plan cu diametrul maxim de-a lungul profilului de 0,32 m. Complexul se adâncea cu 0,16 m de la nivelul descoperirii. Umplutura solului era de culoare cenuşie-închisă, fără vestigii arheologice.

Complex 10.E (groapă de par, fig. 12). La distanţa de 0,6 m de rândul de gropi menţionat, la adâncimea de 2,02 m pe linia profilului de sud-est, a mai fost descoperită o gropiţă. Ea avea forma semicirculară în plan cu diametrul maxim de-a lungul profilului de 0,3 m. Complexul se adâncea cu 0,3 m de la nivelul descoperirii. Umplutura solului era de culoare cenuşie-închisă, fără vestigii arheologice.

Umplutura locuinţei era relativ omogenă, constituită din sol afânat de culoare cenuşie închisă, în asociere cu lentile de sol lutos-nisipos. În complex au fost descoperite multiple fragmente de cărbune de lemn, lut ars şi vestigii arheologice. În partea de vest a locuinţei a fost descoperită o aglomeraţie de pietre. Pietre separate au mai fost descoperite în umplutura complexului, în special la nivelul concentraţiei de ceramică, care corespunde, în linii mari, cu nivelul primei trepte.

În umplutura complexului au fost descoperite un cuţit de fier (fig. 17/3) şi un obiect cu funcţionalitate neapreciată (fig. 17/4). Cuţitul de fier (fig. 17/3) a fost descoperit la adâncimea de 1,58 m. Piesa este constituită din două părţi: lamă şi limba. Lama este uşor curbată dinspre tăiş, iar spinarea are linia curburii mai accentuată. Lama are vârful ascuţit, având lungimea de 8 cm şi lăţimea maximă de 1,2 cm. Spinarea are grosimea maximală de 0,2 cm. Limba mânerului s-a păstrat parţial şi are lăţimea minimă de 0,5 cm, iar cea maximă – de 0,8 cm. Grosimea este aceeaşi ca şi a lamei, iar lungimea recuperată este de 2,1 cm. Lungimea totală a piesei este de 10,1 cm. Pe limba mânerului s-a păstrat urma unui „ghimpe”. Piesa este puternic corodată.

1 2

Fig. 14. Horodca Mare. Secţiunea nr. V: 1 - vedere generală asupra stratului de sol ars în asociere cu lut ars şi pietre arse; 2 - detaliu.

Obiectul din fier (fig. 17/4) a fost descoperit la adâncimea de 2,1 m şi este lucrat dintr-o vergea de fier cu forma rectangulară în secţiune, având diametrul de 0,2×0,1 cm. Un capăt este ascuţit, iar celălalt se lăţeşte atingând lăţimea de 0,5 cm. Lungimea piesei este de 4,9 cm. Piesa este puternic corodată.

Ceramica. În complex au fost descoperite 100 fragmente de ceramică. La adâncimea de până la 1,8 m au fost descoperite 30 fragmente ceramice, dintre care majoritatea de factură getică, cu cioburi pisate în calitate de degresant. De remarcat fragmente de pereţi decoraţi cu buton şi cu alveole, la care se adaugă o toartă şi un perete de amforă. La adâncimea de la 1,8 m până la 2,6 m – au fost descoperite 70 fragmente ceramice, dintre care atrag atenţia pereţi de la vase getice grosiere de culoare brun-cenuşie decoraţi cu brâu alveolat şi cu buton, dar şi un perete de amforă de culoare cărămizie. Ceramică asemănătoare a fost descoperită în mai multe situri sincrone: Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 87; Munteanu 2014, 60, fig. 9, 10, 11), Măşcăuţi „Dealul cel Mare" (Zanoci 2004, fig. 20), Potârca (Niculiţă, Matveev, Potângă 1999, fig. 7); Saharna Mare (Niculiţă et al. 2013, fig. 58), Saharna Mică (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 14/1-9). În complex au mai fost descoperite 10 oase de animale. Având în vedere materialul descoperit în complex, îl datăm cu perioada culturii getice.

Complex nr. 11 (groapă, fig. 12; 20). A fost descoperit la adâncimea de 1,04 m dinspre NV şi la adâncimea de 1,27 m dinspre SE, practic la nivelul rocii, pe fundalul de culoare gălbuie al acesteia. Complexul a fost surprins şi cercetat parţial, acesta depăşind limitele secţiunii. Partea descoperită avea formă neregulată în plan. De-a lungul profilului de nord complexul avea lungimea de 1,7 m, iar pe linia profilului de est – 1,5 m. Pereţii gropii coborau uşor înclinaţi spre interior până la adâncimea de 1,32 în parte de NV şi 1,52 în partea de SE. De la acea adâncime pereţii capătă o în-

1 2

Fig. 15. Horodca Mare. Locuinţa nr. 10 privită dinspre nord-est: 1 - partea cercetată în secţiunea nr. VI; 2 - partea cercetată în secţiunea nr. V.

1 2

Fig. 16. Horodca Mare. Locuinţa nr. 10 privită dinspre sud-vest: 1 - partea cercetată în secţiunea nr. V; 2 - partea cercetată în secţiunea nr. VI.

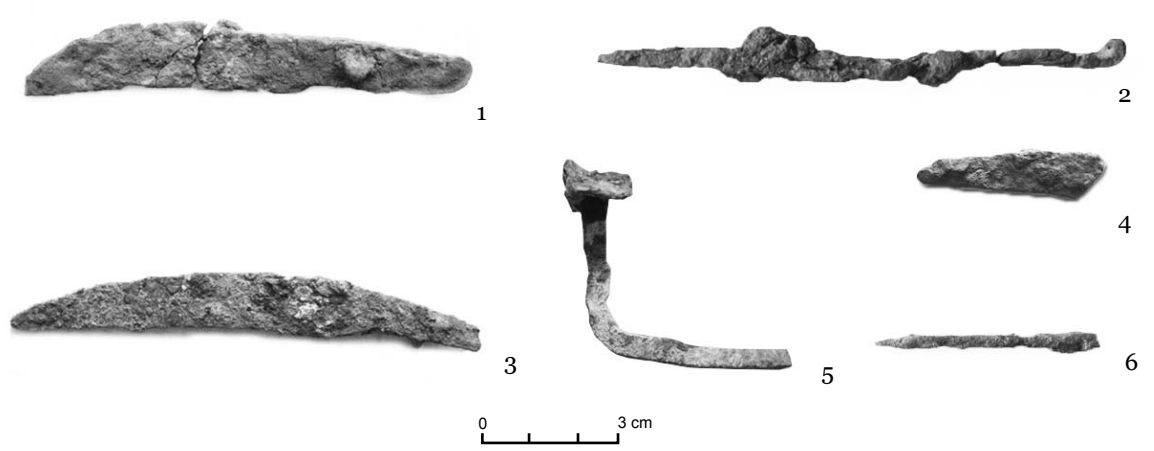


Fig. 17. Horodca Mare. Obiecte de fier descoperite în Secţiunea nr. V: 1, 2, 5, 6 - stratul cultural, 3, 4 - complex nr. 10.

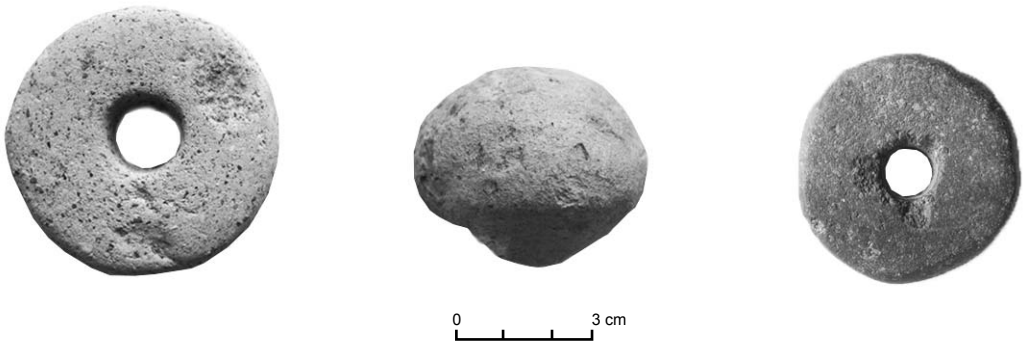


Fig. 18. Horodca Mare. Fusaiole descoperite în Secţiunea nr. VI, stratul cultural.

clinare mai accentuată, aproape verticală, adâncind complexul până la 1,63 m în partea de NV (adâncimea complexului propriu-zis fiind de 0,59 m) şi 1,68 în partea de SE (respectiv adâncimea complexului propriu-zis – 0,4 m). Fundul gropii avea o suprafaţă neregulată, dinspre profilul de est fiind delimitată o gropiţă descoperită la adâncimea de 1,69 m. Avea forma circulară în plan cu dimensiunile de 0,14×0,16 m, iar adâncimea era de 0,12 m. Solul din umplutura gropiţei era de culoare cenuşie-închisă, fără vestigii arheologice.

Umplutura propriu-zisă a gropii era relativ omogenă, constituită din sol afânat de culoare cenuşie închisă, în asociere cu un număr redus de cărbune de lemn şi lut ars. În complex au fost descoperite trei fragmente de ceramică de factură grosieră lucrată cu mâna (pereţi destul de amorfi), având cioburi pisate în calitate de degresant, arderea oxidantă, de culoare brun-gălbuie – posibil getice.

Funcţionalitatea complexului, în contextul cercetării lui parţiale, nu a putut fi apreciată. Având în vedere stratigrafia din preajma complexului nr. 11, care suprapune locuinţa nr. 10 (datată cu perioada getică) şi care, la rândul său, este suprapus de nivelul caracterizat prin multiple fragmente de lut ars (datată şi el cu perioada getică), dar având în vedere şi faptul că cele trei cioburi descoperite ar putea fi atribuite culturii getice, datăm complexul nr. 11 cu aceeaşi perioadă getică.

Complex nr. 12 (groapă, fig. 11, 19). A fost descoperit sub profilul de sud al secţiunii, la adâncimea de 1,14 m, practic la nivelul rocii, pe fundalul de culoare gălbuie al acesteia. Complexul a fost surprins şi cercetat aproape integral, doar o mică parte a acestuia rămânând în afara secţiunii trasate. Având în vedere configuraţia părţii descoperite, admitem forma circulară în plan a complexului care avea diametrul de circa 1,8 m. Pereţii

1 2

Fig. 19. Horodca Mare. Complex nr. 12: 1 - plan la nivelul descoperirii; 2 - profil după degajarea umpluturii.

gropii coborau uşor înclinaţi spre interior până la adâncimea de 1,56 m de la nivelul actual de călcare, or adâncimea complexului propriu-zis era de 0,42 m. Fundul gropii era drept, având diametrul de 1,64 m. Umplutura era relativ omogenă, constituită din sol afânat de culoare cenuşie închisă, în asociere cu un număr redus de cărbune de lemn, lut ars şi vestigii arheologice, dintre care patru pereţi de la un vas grosier getic de culoare gălbuie; un fragment buză de vas grosier cu suprafaţa zgrunţuroasă; un perete de la un vas grosier getic de culoare gălbuie, decorat cu buton şi brâu alveolat; trei pereţi de vas cucutenian şi cinci oase de animale, în asociere cu fragmente de lut ars de dimensiuni mici şi fragmente de cărbune de lemn. Având în vedere vestigiile arheologice descoperite, dar şi tabloul stratigrafic, atribuim complexul culturii getice.

Fig. 20. Horodca Mare. Complex nr. 11.

În perimetrul secţiunii, în afara complexelor descrise au mai fost descoperite şi alte vestigii arheologice. Pe lângă multiplele fragmente de ceramică de factură getică, remarcăm piesele care pot fi atribuite aceluiaşi orizont cultural: un fragment de râşniţă; trei fusaiole (fig. 18); două exemplare de cuţite de fier (fig. 17/1, 6) şi două cuie de fier (fig. 17/5).

Concluzii

Făcând bilanţul celor prezentate, este necesar să constatăm, în primul rând, că analiza complexă a informaţiei disponibile privind situl Horodca Mare a permis identificarea argumentelor privind caracterul defensiv al acestuia. Pentru moment, putem afirma că există indici clari pentru a afirma că accesul pe promontoriul *La Cetate* a fost barat dinspre sud-vest cu două linii defensive.

Un al doilea moment care se desprinde, este că fortificarea spaţiului de pe promontoriu s-a produs nu doar dinspre direcţiile accesibile, ci inclusiv şi la periferiile cu acces relativ îngrădit de condiţiile naturale (situaţie doar bănuită până la aceste investigaţii), elementele defensive descoperite fiind destul de complexe. Sistemul de edificare a fortificaţiei în spaţiul cercetat a fost ancorat cronologic în perioada getică (secolele V-III a. Chr.), fiind unul similar construcţiilor getice din perioada Latène-ului, atât din microzona pe care o cercetăm (Munteanu 2013: 311-328 Munteanu, Iarmulschi 2013a: 269-295), cât şi din spaţii mai extinse (Niculiţă Zanoci, Arnăut 2007, 27-

62; Niculiţă Zanoci, Arnăut 2008, 89-99; Haheu 2008, Zanoci 1998). De remarcat că astfel de situaţii, când erau fortificate şi părţile greu accesibile ale promontoriului, au fost descoperite ulterior de către colegii noştri de la USM şi în alte situri getice din regiunea Nistrului Mijlociu – Saharna Mare, Saharna „La Şanţ", Saharna „Dealul Grimidon" etc. (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2015, 21-47).

În al treilea rând, în urma cercetărilor din spaţiul nord-estic al promontoriului, a fost posibilă delimitarea unui orizont bine reliefat ce se datează cu perioada getică, caracterizându-se prin multiple descoperiri arheologice care atestă o vie locuire a spaţiului atât prin complexele investigate (locative, defensive şi auxiliare), cât şi prin vestigiile descoperite în straturile culturale. În acelaşi context se include şi constatarea privind existenţa unei perioade de locuire de până la fortificarea spaţiului.

Dincolo de aceste constatări, rămân a fi deschise spre discuţie mai multe probleme, printre care importante sunt cele ce pot oferi răspuns la următoarele întrebări. Aparţin oare orizontului getic ambele linii defensive delimitate dinspre sud-vest sau doar numai una? Dacă sunt ambele, atunci cum se corelează între ele, dar şi cu linia defensivă de la limita nord-estică? Cum se corelează între ele perioadele de până la fortificarea spaţiului cu cele din perioada existenţei sistemelor defensive? Cum se corelează din punct de vedere cronologic siturile de la Horodca Mare şi cel de la Horodca Mică, respectiv diversele lor faze de existenţă?

Dacă, însă, nu ambele linii defensive sunt din perioada getică, atunci care dintre ele a fost edificată în a doua jumătate a mileniului I a. Chr., respectiv din ce perioadă datează cealaltă linie defensivă? Care sunt elementele constitutive ale sistemului defensiv din direcţia sud-vestică şi care sunt particularităţile ei? Care era rostul edificării unor astfel de sisteme defensive şi ce funcţii îndeplineau fortificaţiile respective? Cum se încadrează aceste fortificaţii în şirul siturilor getice din microzona cursului superior al râului Botna, dar şi în sens mai larg, în lista descoperirilor ce caracterizează cea de-a doua epocă a fierului în spaţiile est-carpatice?

Şirul întrebărilor-cheie care ne-ar permite să înţelegem mai nuanţat natura fenomenelor ce au definit evoluţia populaţiilor getice din microregiunea prezentată, ar putea continua, însă, pentru a ne apropia de răspunsurile la aceste întrebări, sunt necesare noi investigaţii de teren, care sperăm să urmeze într-un viitor vizibil.

Bibliografie

Boldureanu, Munteanu 2011: A. Boldureanu, O. Munteanu, Monede medievale din sec. al XV-lea descoperite la Horodca Mică. In: Rezumatele comunicărilor la Simpozionul internaţional de numismatică, ed. XXII-a, Chişinău, 15-17 septembrie 2011 (Chişinău 2011), 14-15.

Ciobanu 1924: Şt. Ciobanu, Biserici vechi din Basarabia. Comisiunea Monumentelor Istorice (secţia din Basarabia) (Chişinău 1924).

Haheu 2008: V. Haheu, Sisteme de fortificaţii traco-getice la est de Carpaţi (Chişinău 2008).

Hîncu 1993: I. Hîncu, Cetăţi antice medievale timpurii din Republica Moldova (Chişinău 1993).

Munteanu 2007: O. Munteanu, Preliminarii privind fortificaţia de la Horodca Mică. Tyragetia s.n. I/1, 2007, 279-287.

Munteanu 2008: O. Munteanu, Raport ştiinţific privind rezultatele investigaţiilor arheologice din anul 2007 în microzona fortificaţiilor de la Horodca, raionul Ialoveni (Chişinău 2008). Arhiva MNIM.

Munteanu 2012a: O. Munteanu, Noi piese de metal descoperite la Horodca Mica, r-nul Ialoveni. In: Conferinţa de totalizare a activităţii ştiinţifice şi ştiinţifico-didactice a corpului profesoral didactic a UPS „Ion Creangă", III (Chişinău 2012), 64-77.

Munteanu 2012b: O. Munteanu, Orizontul medieval în incinta fortificaţiei de la Horodca Mică. In: Probleme actuale ale Arheologiei, Etnologiei şi Studiului Artelor. Conferinţa Ştiinţifică cu participare Internaţională. Institutul Patrimoniului Cultural, Chişinău, 31 mai-1 iunie 2012, Rezumatele comunicărilor. (Chişinău 2012), 23-24

Munteanu 2013a: O. Munteanu, Etapele de edificare ale fortificaţiei de la Horodca Mică. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 311-328.

Munteanu 2013b: O. Munteanu, Un depozit de obiecte de fier descoperit în fortificaţia getică Horodca Mica, Republica Moldova. In: Sesiunea ştiinţifică a Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (ediţia XXIII-a), Chişinău, 3-4 octombrie 2013. Rezumatele comunicărilor (Chişinău 2013), 23-24.

Munteanu, **Bodareu 2010:** O. Munteanu, G. Bodareu, Raport ştiinţific privind rezultatele investigaţiilor arheologice din anul 2009 în microzona fortificaţiilor de la Horodca, raionul Ialoveni (Chişinău 2010). Arhiva MNIM.

Munteanu, Bodareu 2011: O. Munteanu, G. Bodareu, Raport ştiinţific privind rezultatele investigaţiilor arheologice din anul 2010 în microzona fortificaţiilor de la Horodca, raionul Ialoveni (Chişinău 2011). Arhiva MNIM.

Munteanu, Bodareu 2012: O. Munteanu, G. Bodareu, Raport ştiinţific privind rezultatele investigaţiilor arheologice din anul 2011 în microzona fortificaţiilor de la Horodca, raionul Ialoveni (Chişinău 2012). Arhiva MNIM.

Munteanu et al 2009: O. Munteanu, V. Iarmulschi, V. Perju, L. Ermurachi, Fortificaţia getică de la Horodca Mică: complexele din incintă cercetate în anii 2006-2007. In: Păstrarea patrimoniului cultural în ţările europene. Materialele conferinţei internaţionale, Chişinău, 25-26 septembrie 2008 (Chişinău 2009), 61-80.

Munteanu et al. 2010: O. Munteanu, V. Iarmulschi, V. Perju, L. Ermurachi, Prima fază de edificare a fortificaţiei de la Horodca Mică. Tyragetia s.n. IV/1, 2010, 179-198.

Munteanu et al. 2014: O. Munteanu, V. Iarmulschi, S. Popovici, Preliminarii privind cercetările arheologice din anul 2013 de la Butuceni, raionul Orhei. In: (Ed. V. Vornic) Arheologia Preventivă în Republica Moldova, vol. I, nr. 1-2 (Chişinău 2014), 55-67.

Munteanu, Iarmulschi 2013: O. Munteanu, V. Iarmulschi, La Fortification Gète de Horodca Mica, R. de Moldavie: techniques de construction et phases de l'édification. In: The Thracians and their Neighbors in the Bronze and Iron Ages. Volume I. Settlements, Fortresses, Artifacts. Proceedings of The 12th International Congress of Thracology. Târgovişte 10-14 september 2013 (Târgovişte 2013), 269-295.

Munteanu, Iarmulschi 2013b: O. Munteanu, V. Iarmulschi, Un depozit de obiecte de fier descoperit în fortificaţia getică Horodca Mica, Republica Moldova. In: Sesiunea ştiinţifică a Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (ediţia XXIII-a), Chişinău, 3-4 octombrie 2013. Rezumatele comunicărilor (Chişinău 2013), 23-24.

Munteanu, Perju 2010: O. Munteanu, V. Perju, Fortificaţia de la Horodca Mică: rezultatele primilor ani de cercetare. In: Probleme ale ştiinţelor socio-umane şi modernizării învăţământului, II (Chişinău 2010), 520-531.

Munteanu, Tentiuc 2014a: O. Munteanu, I. Tentiuc, Orizontul medieval în incinta fortificaţiei de la Horodca Mică. In: (Eds. L. Coadă, P. Parasca) Studii de Arheologie şi Istorie. În onoarea profesorului Gheorghe Postică (Chişinău 2014), 145-165.

Munteanu, Tentiuc 2014b: O. Munteanu, I. Tentiuc, O locuinţă din secolul al XV-lea cercetată în incinta fortificaţiei getice de la Horodca Mică. Tyragetia s.n. VIII/1, 2014, 335-347.

Niculiţă et al. 2013: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, S. Matveev, Investigaţiile arheologice la situl Saharna Mare (2009-2012) (II). Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 219-292.

Niculiţă, Matveev, Potângă 1999: I. Niculiţă. S. Matveev, Ed. Potângă, Cetatea traco-getică Potârca. In: CA-ANT, III (Bucureşti 1999), 279-343.

Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (Bucureşti 2002).

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2007: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Sistemul defensiv al cetăţii din epoca fierului – Saharna Mare. Tyragetia s.n. I/1, 2007, 27-62.

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chişinău 2008).

Niculiţă, Zanoci, Băţ 2015: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Thraco-Getic fortifications in Middle Dniestr region. Sites from Saharna micro-zone. In: (Eds. A. Zanoci, P. Ettel, M. Băţ) Fortified sites from the 1-st millenium BC in Central and South-Eastern Europe. Material of the Moldovan-Romanian-German Colloquium, Saharna, July 24-25, 2014 (Chişinău 2015), 21-47.

Popa et al. 2010a: A. Popa, S. Musteaţă, V. Bikbaev, K. Rassmann, Gh. Postică, O. Munteanu, Gh. Sîrbu, Consideraţii privind sondajele geo-fizice din anul 2009 în Republica Moldova. Revista Arheologică VI/1, 2010, 171-180.

Popa et al. 2010b: A. Popa, S. Musteaţă, V. Bikbaev, K. Rassmann, Gh. Postică, O. Munteanu, Gh. Sîrbu, Rezultate preliminare privind sondajele geofizice din anul 2009 şi perspectivele folosirii magnetometriei în Republica Moldova. In: (Eds S. Musteaţă, A. Popa, J.-P. Abraham) Arheologia între ştiinţă, politică şi economia de piaţă (Chişinău 2010), 145-158.

Zanoci 2004: A. Zanoci, Traco-geţii din bazinul Răutului Inferior. Cetatea Măscăuţi „Dealul cel Mare". Thracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II (Chişinău 2004), 45-81.

Zanoci 2011: A. Zanoci, Tipologia şi evoluţia construcţiilor defensive din spaţiul est-carpatic în secolele XII/XI-III a. Chr. Tyragetia s.n. V/1, 2011, 117-152.

Златковская, Полевой 1969: Т. Златковская, Л. Полевой, Городища пруто-днестровского междуречья IV-III вв. до н.э. и вопросы политической истории гетов. В сб.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье (Москва 1969), 35-60

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В. Лапушнян, И. Никулицэ, М. Романовская, Памятники раннего железного века. АКМ, 4 (Кишинев 1974).

Пассек 1949: Т. Пассек, Археологические разведки в Молдавии. КСИИМК 26, 1949, 57-68.

Смирнов 1949: Г.Д. Смирнов, Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. В сб.: Ученые записки Института истории, языка и литературы, II (Кишинев 1949), 189-202.

Élements defensifs dans la fortification gete du Horodca Mare, districte Hânceşti

Résumé

Bien que connu depuis près d'un siècle, la fortification de Horodca Mare, Hânceşti, n'a pas atteint les chercheurs que depuis quelques années maintenant. En outre, les interprétations occasionnelles de certains de mes collègues ont tendance à exclure le site de la liste des fortifications Gète, en faisant valoir sa position en l'absence de tous les indicateurs palpables de caractère défensif. Cette position est doublement regrettable, car il est venu à négliger les opinions exprimées par les archéologues des générations précédentes. Par conséquent, essayer de récupérer les arguments en faveur de caractère défensif du site du promontoire *La Cetate* (sic!), nous avons rassemblé et analysé les informations provenant de plusieurs sources, ainsi que les résultats de la recherche sur le terrain que nous avons menée en collaboration avec des collègues de l'Université Pédagogique de Chisinau. De cette façon, on a retourné aux collègues les arguments qui démontrent la nature défensive du site, suivie de la présentation des éléments caractéristiques défensifs qui ont été étudié au Horodca Mare.

Liste des figures:

Fig. 1. 1 - Orthophotocarte avec l'emplacement des fortifications Horodca Mare et Horodca Mica. Vue de l'ouest (Google Earht + PRO); 2 - vue des fortifications Horodca Mare et Horodca Mica. Vue du sud.

Fig. 2. La carte avec l'emplacement du village Horodca Moldavie.

Fig. 3. Horodca Mare. Vue de la pointe nord-est.

Fig. 4. Orthophotocarte avec l'emplacement des fortifications Horodca Mare et Horodca Mica. Vue de nord-est (Google Earht + PRO).

Fig. 5. Vue sur le promontoiare avec l'emplacement de la forteresse Horodca Mare (Orthophotocarte).

Fig. 6. Horodca Mare. Orthophotos. Localisation systèmes défensifs potentiels (Google Earht + PRO).

Fig. 7. Horodca Mica. Vue du système défensif: A - partie du sud-est; B - Sud. C - Vue du système défensif de l'extérieur; D - Vue du bastion de l'extérieur.

Fig. 8. Horodca Mare. Plan magnétomètrique.

Fig. 9. Horodca Mare. Vue sur le système défensif située dans le nord-est du promontoire.

Fig. 10 . Orthophotocarte d'emplacement de la section tracée à travers le système défensif Horodca Mare.

Fig. 11. Horodca Mare. 1 - plan du section №V et №VI dans les carrés A4-A8; 2 - profil du Sud-Est (inversé) dans la section №VI, les carrés A4-A8.

Fig. 12. Horodca Mare. 1 - plan du section №V et №VI dans les carrés A4-A8; 2 - profil du Nord-Ouest (inversé) dans la section №VI, les carrés A4-A8.

Fig 13. Horodca Mare. 1 - plan du section №V et №VI; 2 - profil du Nord-Ouest dans la section №°V, les carrés A1-A12.

Fig. 14. Horodca Mare. Section №V: 1 - aperçu de couche de sol brûlé en combinaison avec de l'argile et de pierres brûlées; 2 - détail.

Fig. 15. Horodca Mare. Aperçu sur la maison №10 du nord-est: 1 - la partie exploré dans Section №VI; 2 - la partie explorer dans Section №V.

Fig. 16. Horodca Mare. Aperçu sur la maison №10 du sud-ouest: 1 - la partie exploré dans Section №V; 2 - la partie explorer dans Section №VI.

Fig. 17. Horodca Mare. Les objets en fer trouvé dans la section №V: 1, 2, 5, 6 - dans la couche culturelle; 3, 4 - dans le complexe №10.

Fig. 18. Horodca Mare. Verticilles trouvés dans la couche culturelle de la section №VI.

Fig. 19. Horodca Mare. La fosse №12: 1 - plan au niveau de la détection; 2 - profil après l'enlèvement de la couche de remplissage.

Fig. 20. Horodca Mare. La fosse №11.

Оборонительные сооружения городища Хородка-Маре в Хынчештском районе

Резюме

Несмотря на то, что городище Хородка-Маре в Хынчештском районе известно уже около ста лет, исследования на этом памятнике стали проводиться лишь несколько лет назад. Отсутствие исследований привело некоторых наших коллег к интерпретациям, исключающим этот памятник из числа гетских укреплений на основе якобы отсутствия каких-либо осязаемых признаков оборонного характера. Эта позиция вызывает сожаление, поскольку свидетельствует о пренебрежении мнением предыдущих исследователей-археологов. В данной статье предприняты попытки восстановить аргументы в пользу оборонительного характера памятника с мыса «Ла-Четате» (sic!), для чего были собраны и проанализированы данные из различных источников, а также представлены результаты археологических раскопок, проведенных в последние годы совместно с коллегами из Кишиневского педагогического университета. В результате предпринятых исследований были обнаружены доказательства оборонительного характера памятника, а также выявлены особенности оборонительных сооружений на городище Хородка-Маре.

Список иллюстраций:

Рис. 1. 1 - Ортофотоплан расположения укреплений Хородка-Маре и Хородка-Микэ. Вид с запада (Google Earth Pro); 2 - вид с юга на городища Хородка-Маре и Хородка-Микэ.

Рис. 2. Карта Молдовы с указанием расположения села Хородка.

Рис. 3. Хородка-Маре. Вид на мыс с северо-востока.

Рис. 4. Ортофотоплан расположения укреплений Хородка-Маре, Хородка-Микэ и открытого поселения Хородка. Вид с северо-востока (Google Earth Pro).

Рис. 5. Ортофотоплан мыса с городищем Хородка-Маре.

Рис. 6. Хородка-Маре. Ортофотоплан. Расположение возможных оборонительных систем (Google Earth Pro).

Рис. 7. Хородка-Микэ. Вид на оборонительную систему: А - юго-восточная часть; Б - южная часть; С - вид изгиба оборонительной системы с наружной стороны; D - вид бастиона с наружной стороны.

Рис. 8. Хородка-Маре. План магнитометрических данных исследованной поверхности.

Рис. 9. Хородка-Маре. Вид на оборонительную систему, расположенную на северо-востоке мыса.

Рис. 10. Ортофотоплан местоположения раскопа для исследований оборонительной системы городища Хородка-Маре.

Рис. 11. Хородка-Маре. 1 - План раскопов V и VI в квадратах A4-A8; 2 - Стратиграфия юго-восточного профиля (зеркальное изображение) на раскопе VI в квадратах A4-A8.

Рис. 12. Хородка-Маре. 1 - План раскопов V и VI в квадратах A4-A8; 2 - стратиграфия северо-западной части раскопа VI в квадратах A4-A8 VI.

Рис 13. Хородка-Маре. 1 - План раскопов V и VI; 2 - стратиграфия северо-западной части раскопа V в квадратах A1-A12.

Рис. 14. Хородка-Маре. Раскоп V: 1 - слой сгоревшей почвы в сочетании с глиной и обожженными камнями; 2 - деталь.

Рис. 15. Хородка-Маре. Обзор жилища №10 с северо-востока: 1 - исследованная часть в раскопе VI; 2 - исследованная часть в раскопе V.

Рис. 16. Хородка-Маре. Обзор жилища №10 с юго-запада: 1 - исследованная часть в раскопе V; 2 - исследованная часть в раскопе VI.

Рис. 17. Хородка-Маре. Железные предметы, найденные в раскопе VI: 1, 2, 5, 6 - в культурном слое; 3, 4 - в жилище.

Рис. 18. Хородка-Маре. Пряслица, найденные в культурном слое раскопа VI.

Рис. 19. Хородка-Маре. Яма №12: 1 - план на уровне обнаружения; 2 - профиль после удаления наполнительного слоя.

Рис. 20. Хородка-Маре. Комплекс №11.

03.08.2015

Dr. Octavian Munteanu, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”, str. Ion Creangă, 1, MD-2069 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: ocmunteanu@gmail.com

СВЕТИЛЬНИКИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ СКИФОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Виталий Синика
Николай Тельнов

Жилище является одним из элементов материальной культуры, отражающим приспособление человека к естественным географическим условиям (Гаврилюк 1989, 25; 2013, 399; Синика, Тельнов 2014, 18). В то же время жилище в традиционных обществах является не только важнейшим материальным объектом, но и одним из ключевых символов культуры (Байбурин 1983, 3). В полной мере данные заключения относятся и к скифским жилищам степей Северного Причерноморья.

Стремление смоделировать в погребальной камере скифской катакомбы интерьер жилой постройки или крытой повозки за счёт орнаментации потолка, орнаментации, обмазки и драпировки стенок циновками и тканью отмечалось ещё В.С. Ольховским (1991, 33). При анализе различных конструкций скифских жилищ, зафиксированных в материалах поселенческих и погребальных памятников, мы пришли к выводу о том, что интерьер жилища имитировался также формой погребальных камер скифских катакомб и сечением их сводов, равно как и орнаментацией камер, а в некоторых случаях и дромосов. При этом было подчёркнуто, что ниши различных размеров, зафиксированные в стенках погребальных камер и использовавшиеся для размещения различных сосудов (в первую очередь, светильников), являются дополнительным свидетельством тщательного моделирования жилища (Синика, Тельнов 2014, 34).

В связи с этим представляет особый интерес вопрос о распространении светильников в контексте скифского погребального обряда степного Причерноморья и Крыма. Здесь необходимо заметить, что именно погребальные памятники, особенно те из них, которые сохранились непотревоженными, предоставляют достаточно широкие возможности для анализа использования светильников как предметов быта и элементов интерьера скифского жилища.

До недавнего времени в скифских погребальных комплексах степного Причерноморья и Крыма был известен только 41 светильник, обнаруженный в 34 захоронениях.

Бронзовые светильники происходят из шести скифских погребений в Нижнем Поднепровье (7 экз.).

Один из них был обнаружен на дне ямы в кургане Бабы (рис. 1/2) (ОАК 1900, 135, рис. 258) середины V в. до н.э. (Алексеев 1987, 30)[1], другой – у входа в камеру №5, в северо-западной камере Центральной гробницы кургана Чертомлык (рис. 1/4) (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, 126, кат. 144) третьей четверти IV в. до н.э. (Полин 2014, 449).

Два бронзовых светильника найдены в Толстой Могиле: чаша на полой ножке – в дромосе Центральной гробницы (рис. 1/7), и чаша с возвышением и выемкой в центральной части, с петлевидной ручкой – в хозяйственной нише Боковой гробницы (рис. 1/8) (Мозолевський 1979, 53, 66, 112, 144, 193, рис. 50, 130/1). Дата обоих сооружений определена второй четвертью IV в. до н.э. (Полин 2014, 279).

Бронзовый светильник, аналогичный обнаруженному в Боковой гробнице Толстой Могилы, был найден в кургане 6 у с. Башмачка (рис. 1/6), в камере катакомбы, ближе к входу в дромос (Спицын 1901, 76, рис. 19). Этот курган в своё время был датирован в пределах IV в. до н.э. (Ильинская, Тереножкин 1983, 154). Находка в заполнении погребальной каме-

[1] Аналогией находке из кургана Бабы является светильник из Оланештского клада (рис. 1/3), обнаруженного на правобережье Нижнего Днестра в 1958 г. (Сергеев 1966, 133-135, рис. 1), что было отмечено исследователями (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, 126).

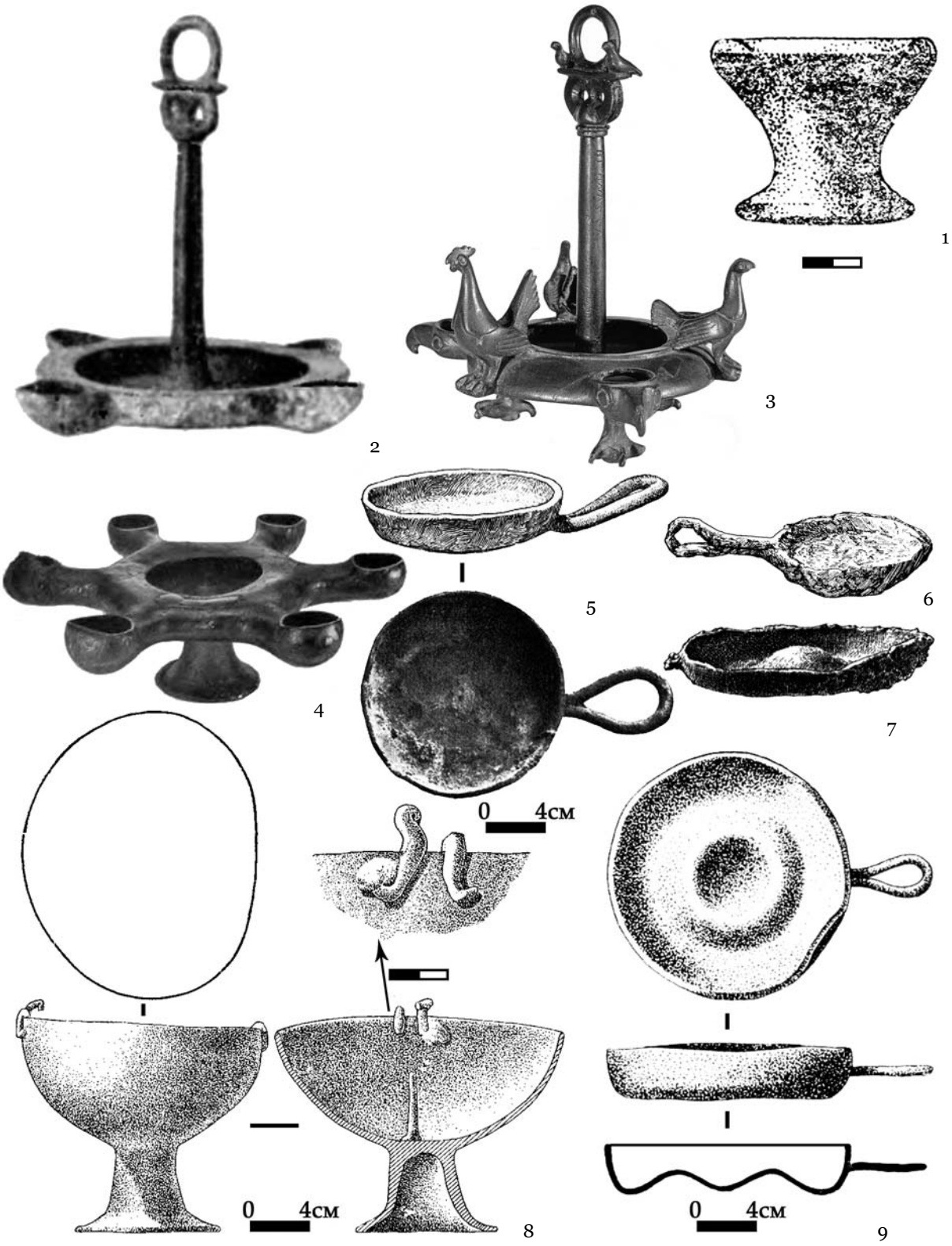


Рис. 1. Гранитный (1), железный (5) и бронзовые (2-4, 6-8) светильники из памятников Северного Причерноморья: 1 - погребение 13/4 у с. Львово (по Евдокимов 1992); 2 - курган Бабы (по ОАК 1900); 3 - Олонештский клад (по Национальный музей 2013); 4 - курган Чертомлык (по Алексеев, Мурзин, Ролле 1991); 5 - курган Огуз (по Спицын 1906); 6 - погребение 4/2 группы Страшной Могилы (по Тереножкин и др. 1973); 7 - курган 6 у с. Башмачка (по Спицын 1901); 8 - Центральная гробница Толстой Могилы (по Мозолевський 1979); 9 - хозяйственная ниша Боковой гробницы Толстой Могилы (по Мозолевський 1979).

ры бляшек с изображением лежащего зайца (Спицын 1901, 76, рис. 14), аналогичных обнаруженным в курганах Чертомлык и Огуз (Полидович, Вольная 2005, 418, рис. 2/8, 9), позволяет ограничить время сооружения кургана 6 у с. Башмачка второй половиной IV в. до н.э.[2]

Ещё один бронзовый светильник, аналогичный обнаруженным в Боковой гробнице Толстой Могилы и кургане 6 у с. Башмачка, найден в каменной галерее, ведущей ко входу в каменный склеп кургана Огуз (рис. 1/5) (ОАК 1896, 79; Спицын 1906, 166, рис. 1, 3). Дата комплекса определена началом третьей четверти IV в. до н.э. (Полин 2014, 484).

Своего рода «гибридную» конструкцию (между светильником из Центральной гробницы Толстой Могилы, с одной стороны, и светильниками из хозяйственной ниши Боковой гробницы Толстой Могилы, курганов 6 у с. Башмачка и Огуз – с другой) представляет собой бронзовый светильник из захоронения 1/1 у с. Водославка. Предмет обнаружен в камере катакомбы, у дромоса, ведущего из колодца подзахоронения. Светильник литой, высотой 6 см, состоит из чашки диаметром 15 см с невысоким, плавно отогнутым бортиком, на полой, расширяющейся книзу ножке (как у светильника из Центральной гробницы Толстой Могилы) высотой 4 см. Посередине чашки возвышение с выемкой внутри, к чаше крепится горизонтальная петлевидная ручка (как у светильников из хозяйственной ниши Боковой гробницы Толстой Могилы и кургана 6 у с. Башмачка); в чашке отмечено большое количество сажи (Кубышев и др. 1984, 44-45, табл. 23). Скифские погребения Водославского могильника были суммарно датированы второй половиной IV в. до н.э. (Куприй 2009, 88), хотя, как позже было показано С.В. Полиным, среди них есть и захоронения, совершённые в более раннее время – в первой половине IV в. до н.э. (Полин 2014, 400, 529-530, рис. 347, 348, 455, 456).

Железные светильники обнаружены в двух скифских погребениях на Нижнем Днепре (2 экз.). Один из них найден в дромосе непотревоженного погребения 4/2 группы Страшной Могилы. Авторами публикации данная находка описана как «железный черпак, состоящий из полусферической чашечки диаметром 11 см и ручки из двойного стержня длиной 7 см, образующего на конце петлю» (рис. 1/5) (Тереножкин и др. 1973, 144, 149, рис. 24, 30/2)[3]. Дата погребения определена в пределах второй-третьей четверти IV в. до н.э. (Полин 2014, 539).

Аналогичный предмет был обнаружен в центре погребальной камеры ограбленного захоронения 6/1 у с. Водославка. Авторами раскопок он совершенно верно был атрибутирован как железный светильник. Изделие состоит из низкой чаши диаметром 13 см, с вертикальным бортиком высотой 3,5 см и горизонтальной петлевидной ручкой длиной 9 см (Кубышев и др. 1984, 67, 69, табл. 34/5).

По нашему мнению, нет никаких оснований интерпретировать находки светильников из погребений 4/2 группы Страшной Могилы и 6/1 у с. Водославка в качестве черпаков, жаровен или сковород. Металлические черпаки из скифских погребальных комплексов Северного Причерноморья имеют иную конструкцию – гораздо более длинную ручку, поставленную либо под прямым, либо под тупым углом по отношению к плоскости верхнего края ковша черпака (Гаврилюк 1989, 64-65, рис. 8/5, 6; 2013, 430, рис. 6.8/4, 5). Жаровни известны только в скифском кургане Гайманова Могила: одна из них (бронзовая) представляет собой два таза, соединённых днищами, вторая (железная) является щипцами-жаровней с длинными ручками (Бидзиля, Полин 2012, 91-92, 332, 372, рис. 119/2,7, 464, 465, 486). Обратим внимание, что с учётом диаметров чашек (11 см и 13 см) и небольшой длины ручки (7 и 9 см), которая нагревалась бы на открытом огне очень быстро, использование указанных выше предметов из погребений 4/2 группы Страшной Могилы и 6/1 у с. Водославка в качестве сковород представляется не только маловероятным, но и невозможным.

Единственный светильник, в виде чашки на ножке, изготовленный из гранита, происходит из погребения 13/4 у с. Львово (рис. 1/1)

[2] Благодарим д.и.н. А.Р. Канторовича за указание аналогий и консультацию относительно датировки кургана 6 у с. Башмачка.

[3] Очевидно, именно этот светильник ошибочно упомянут в качестве находки из группы Свинарёвой Могилы (Колекції 2007, 127).

в Нижнем Поднепровье. Сосуд обнаружен в дромосе основной входной ямы, под камнями заклада, у входа в камеру (Евдокимов 1992, 147, рис. 8/2). Дата комплекса определена в пределах третьей – начала последней четверти IV в. до н.э. (Полин 2014, 603). В кургане Огуз были обнаружены «две каменные, грубые плошки со следами угля и золы» (ОАК 1896, 79), являвшиеся также каменными светильниками – очевидно, в виде небольших чашек.

Гончарные светильники известны в 12 погребениях (13 экз.).

Три из них обнаружены в погребениях могильника Кугурлуй на левобережье Нижнего Дуная. Светлоглиняный светильник происходит из заполнения погребальной камеры ограбленного захоронения 16/1 (рис. 2/1) (Гудкова, Суничук 1984, 45, табл. 95/7; Полин 2014, 585, рис. 533); красноглиняный – из дромоса катакомбы комплекса 18/2 (рис. 2/2) (Гудкова, Суничук 1984, 49, табл. 100/3,4; Полин 2014, 585, рис. 534); буролаковый – из заполнения погребальной камеры ограбленного захоронения 24/1 (рис. 2/3) (Гудкова, Суничук 1984, 55, табл. 111/9; Полин 2014, 585, рис. 535). Все указанные комплексы были датированы С.В Полиным «по контексту могильника» серединой – второй половиной IV в. до н.э., что вызывает некоторое недоумение с точки зрения методики датировки (перенос дат других захоронений на даты указанных?), тем более, что сам исследователь указывает на более широкий диапазон бытования подобных типов светильников – третью четверть IV - вторую четверть III в. до н.э. (Полин 2014, 585). В случае с захоронением 18/2 в качестве дополнительного аргумента привлекается дата погребения 67 (оспариваемая нами далее) грунтового могильника у с. Николаевка с аналогичным сероглиняным (!) светильником. Как представляется, временем совершения погребений 16/1, 18/2 и 24/1 могильника Кугурлуй является конец IV – первая половина III в. до н.э., причём не исключается датировка только III в. до н.э.[4]

Сероглиняный светильник обнаружен в заполнении ямы погребения 67 грунтового могильника у с. Николаевка (рис. 2/4) на левобережье Нижнего Днестра (Мелюкова 1975, 102, 165, рис. 46/6). Это захоронение на основании клейма фасосского магистрата *Deinōpas 1* следует датировать последним десятилетием IV в. до н.э. (Кац 2007, 416, прил. II)[5].

Ещё пять гончарных светильников найдены в четырёх курганах Петуховского могильника на правобережье Нижнего Побужья: $_{2}$J (33) (рис. 2/5) – слева в изголовье одного из погребённых, на дне погребальной камеры; $_{3}$Q (53) (2 экз.) (рис. 2/6,7) – справа в изголовье и справа в ногах одного из погребённых, на дне погребальной камеры; $_{3}$S (56) (рис. 2/8) – слева в ногах одного из погребённых, на дне погребальной камеры; $_{4}$B (59) (рис. 2/9) справа в изголовье и справа в ногах одного из погребённых, на дне погребальной камеры (Ebert 1913, 55, 72, 75, 76, Abb. 57, 82, 85, 86). С.В. Полиным три кургана Петуховского могильника ($_{2}$J, $_{3}$Q, $_{3}$S) были датированы второй половиной II – началом I в. до н. э., а четвёртый ($_{4}$B) – рубежом эр – I в. н.э. (Полин 1992, 36, 38-39, рис. 3/12; 6/10, 12; 7/3; 8/16).

В Нижнем Поднепровье чернолаковый светильник найден в погребальной камере захоронения 1/1 у с. Первомаевка (рис. 2/10). В самой камере было устроено деревянное ладьевидное гробовище, а светильник перед ним был положен таким образом, что оказался в изголовье погребённого (Евдокимов, Фридман 1987, 88, рис. 3/1). Комплекс датирован второй четвертью IV в. до н.э. (Полин 2014, 259).

В Восточном лазе кургана Кара-Тюбе в Северо-Западном Приазовье был обнаружен светильник, изготовленный из придонной части амфоры (рис. 2/11). Комплекс датирован второй четвертью IV в. до н.э. (Болтрик 1993, 190-191, 194, рис. 9/4).

[4] Косвенно об этом могут свидетельствовать гончарные светильники (как с лаковым покрытием, так и без него) из погребений могильника у с. Глиное на левобережье Днестра, даты которых ещё будут рассмотрены в настоящей работе. Впрочем, до полной публикации указанных погребений со светильниками могильника Кугурлуй эта дискуссия выглядит преждевременной.

[5] С.В. Полин датировал данный комплекс на основании суммы дат, полученных при анализе амфоры типа Муригиоль, чернолакового канфара, фасосского клейма и собственно светильника (Полин 2014, 555-556). Опуская здесь подробное изложение аргументов, отметим только, что деятельность фасосского магистрата Дейнопа с эмблемой «букраний» относится к последнему десятилетию IV в. до н.э., на что указывает сам исследователь. При этом, по нашему мнению, никакие другие материалы категорически не противоречат данной датировке.

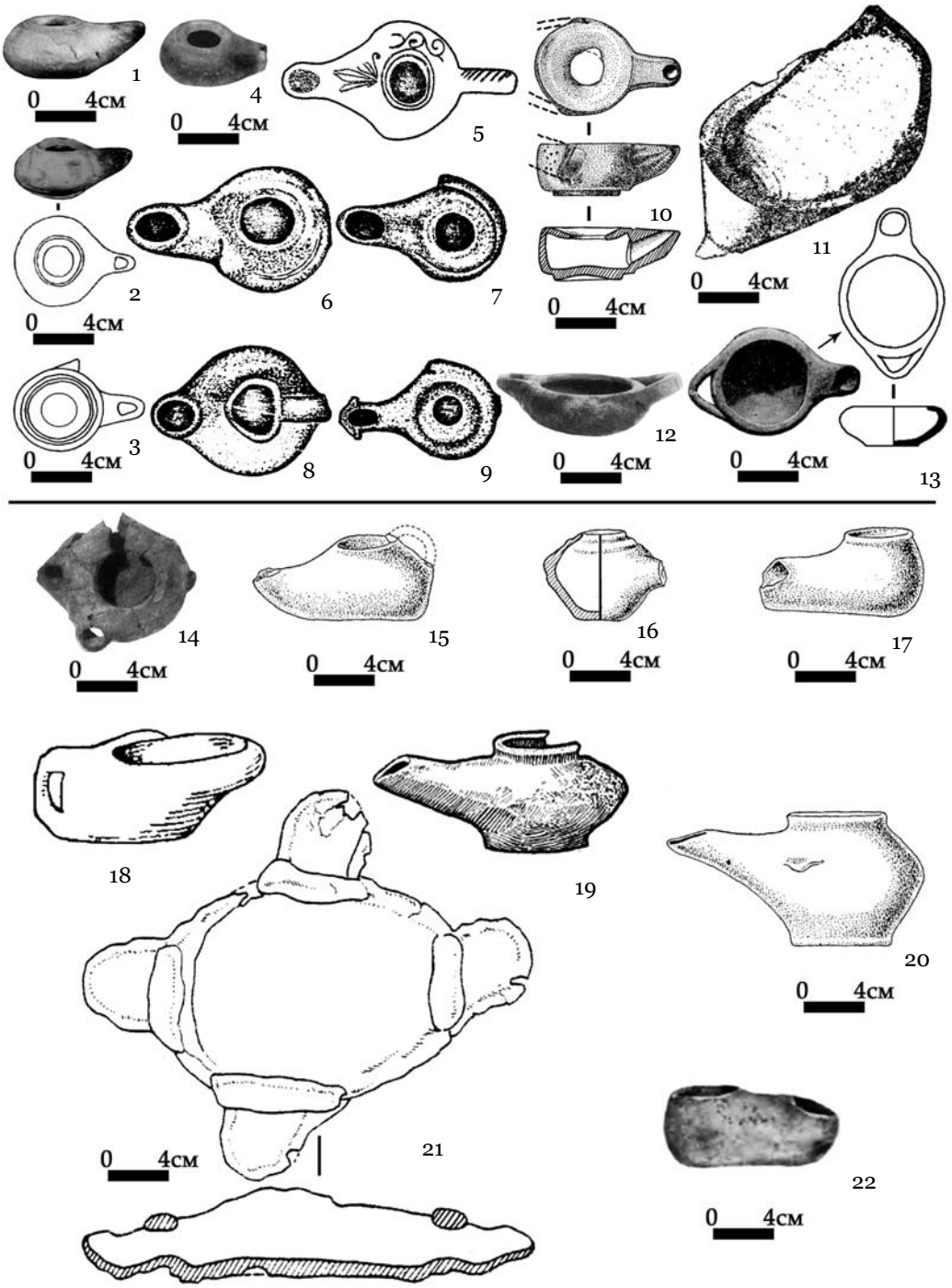


Рис. 2. Гончарные (1-13) и лепные (14-22) светильники из скифских погребальных памятников Северного Причерноморья: 1 - погребение 16/1 могильника Кугурлуй (по Полин 2014); 2 - погребение 18/2 могильника Кугурлуй (по Полин 2014); 3 - погребение 24/1 могильника Кугурлуй (по Полин 2014); 4 - погребение 67 грунтового могильника у с. Николаевка (по Мелюкова 1975); 5 - курган 2J (33) Петуховского могильника (по Полин 1992); 6, 7 - курган 3Q (53) Петуховского могильника (по Полин 1992); 8 - курган 3S (56) Петуховского могильника (по Полин 1992); 9 - курган 4B (59) Петуховского могильника (по Полин 1992); 10 - погребение 1/1 у с. Первомаевка (по Евдокимов, Фридман 1987); 11 - Восточный лаз кургана Кара-Тюбе (по Болтрик 1993); 12 - погребение 60/2 могильника Акташ (по Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988); 13 - погребение 1/2 у хут. Ленино (по Яковенко 1970; Яковенко 1974); 14 - погребение 49 грунтового могильника у с. Николаевка (по Мелюкова 1975); 15 - курган 154 у с. Парканы (по Мелюкова 1962); 16, 17 - курган 159 у с. Парканы (по Мелюкова 1962); 18 - курган 173 у с. Парканы (по Мелюкова 1962); 19 - курган 402 у с. Чобручи (по Фабрициус 1951); 20 - курган 405 у с. Чобручи (по Мелюкова 1962); 21 - курган 9 у с. Нововасильевка (по Гребенников, Ребедайло 1991); 22 - погребение на земляном валу Знаменского городища (по Погребова 1958).

В Крыму известны два захоронения с гончарными светильниками. В погребении 60/2 Акташского могильника был обнаружен сероглиняный светильник (рис. 2/12), лежавший слева от погребённого, на уровне таза (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988, 44, рис. 41/1, фото 1/6). Очевидно, время совершения погребения 60/2 могильника Акташ не выходит за пределы IV в. до н.э. В захоронении 1/2 у хут. Ленино (рис. 2/13) красноглиняный светильник лежал справа в изголовье погребённого, на дне склепа (Яковенко 1970, 127, рис. 18/5; Яковенко, Черненко, Корпусова 1970, 151, 154; Яковенко 1974, 117, рис. 54/10). Комплекс датирован началом IV в. до н.э. (Полин 2014, 416).

Лепные светильники обнаружены в 12 скифских захоронениях (13 экз.).

На левобережье Нижнего Дуная в погребении 8/1 могильника Градешка роль светильника играла лепная чашка рюмкообразной формы, на стенках которой изнутри были отмечены пятна сажи. Сосуд был обнаружен в камере, возле входа в дромос (Гудкова, Суничук 1985, 75, 77, табл. 140/2,3). На основании обнаруженной в захоронении бронзовой фибулы раннелатенской конструкции, с уплощённо-арочной и округлой в сечении спинкой с двумя четырёхвитковыми пружинами, функциональной и фальшивой (Гудкова, Суничук 1985, 6, табл. 139/3, 4; Редина 1993, рис. 9/2; Redina 2005, 233, fig. 2), комплекс следует датировать первой половиной III в. до н.э. (Бруяко 2009, 333, 336, рис. 1/12).

В левобережном Поднестровье лепной светильник был обнаружен в заполнении ямы погребения 49 грунтового могильника у с. Николаевка (рис. 2/14) (Мелюкова 1975, 94, 167, рис. 48/3). Захоронение на основании черлакового канфара с ровным венчиком датируется последней четвертью IV в. до н.э. Черлаковые канфары подобного типа (plain-rimmed kantharoi) по материалам Афинской Агоры датируются второй половиной IV в. до н.э. При этом ближайшая аналогия канфару из погребения 49 могильника у с. Николаевка (с учётом его размеров, характера лакового покрытия и отсутствия орнамента внутри чаши) датирована ок. 325 г. до н.э. и происходит из системы цистерн на квадратах D-E 8-9: 1, заполнявшейся в 330-305 гг. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970, 122, 287, 388, pl. 29, cat. 712)[6].

Также лепные светильники найдены в скифских курганах Тираспольщины III-II вв. до н.э.: у с. Парканы №154 (рис. 2/15) – в заполнении погребальной камеры ограбленной катакомбы; №159 (2 экз.) (рис. 2/16,17) – в заполнении погребальной камеры ограбленной катакомбы; №173 (рис. 2/18) – размещение сосуда не устанавливается; №174 – справа в изголовье погребённого, на дне погребальной камеры[7]; 186 у с. Терновка – справа в изголовье погребённого, на дне погребальной камеры; у с. Чобручи №402 (рис. 2/19) – за головой погребённого, на дне погребальной камеры; №405 (рис. 2/20) – слева в ногах погребённого, на дне погребальной камеры (Мелюкова 1962, 127, 157, табл. 5/4, 7, 14; 7/5, 8; 8/1, рис. 3/13-16).

Есть упоминание о находке лепного светильника в одном из погребений, раскопанных в 1895 г. у с. Троицкое в левобережном Поднестровье (Фабрициус 1951, 14; Черненко и др. 1986, 12), дату которого мы определяем в пределах III-II вв. до н.э. (Тельнов, Синика 2014б, 40)[8].

[6] Данное погребение было датировано С.В. Полиным второй четвертью – не позднее середины IV в. до н.э. (Полин 2014, 368). Применительно к данному захоронению нас не убеждает аргумент, что амфоры типа Муригиоль в Северном Причерноморье содержатся преимущественно в комплексах первой половины IV в. до н.э. Во-первых, фотография амфоры из публикации (Мелюкова 1975, рис. 39/2) не соответствует той, что содержится в отчёте о раскопках, где указано, что её высота составляет 46 см, а максимальный диаметр тулова – 23 см (Мелюкова 1969, 50, рис. 62). Такие размеры для амфор типа Муригиоль не отмечены (Монахов 2003, 203-204, прил. 1). Кроме того, по данным из отчёта (Мелюкова 1969, рис. 63), из захоронения происходит чернолаковый канфар, изображённый в публикации как позиция 9 на рисунке 42, хотя в подписи к данном рисунку ошибочно указано, что канфары под номерами 7 и 9 происходят из погребения 49 (Мелюкова 1975, рис. 42). Очевидно, что при подготовке к изданию материалов могильника у с. Николаевка в обоих случаях были допущены технические ошибки, которые стали причиной неверной датировки С.В. Полиным погребения 49 Николаевского могильника.

[7] Недавно эти курганы у с. Парканы без достаточных оснований были датированы второй четвертью - серединой IV в. до н.э. (курган 173), и второй - третьей четвертью IV в. до н.э. (курган 174) (Полин 2014, 586-587). Однако дискуссия о датировке указанных комплексов выходит далеко за рамки настоящей работы.

[8] Основанием для подобной датировки, кроме наличия самого светильника, являются обстоятельства его находки, а именно характеристики сохранившейся к моменту «раскопок» погребальной камеры (Фабрициус 1951, 14), имеющие множество аналогий на могильнике у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра, который датируется концом IV - третьей четвертью II в. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2012, 7, 10).

На левобережье Ингульца, в Нижнем Поднепровье, лепной светильник найден в кургане 9 у с. Нововасильевка (рис. 2/21). Сосуд был обнаружен в углублении на западной части уступа погребальной ямы, вместе со вкопанной амфорой и двумя чернолаковыми сосудами – киликом и скифосом (Гребенников, Ребедайло 1991, 119-120, рис. 14; Островерхов, Андреева 2009, 113, рис. 1/14). Курган датирован не позднее середины V в. до н.э. (Полин 2014, 202).

Также в Нижнем Поднепровье лепной светильник найден в заполнении погребения II в. до н.э. на земляном валу Знаменского городища (рис. 2/22) (Погребова 1956, 96-97; 1958, 134, рис. 12/5).

О трёх керамических светильниках (гончарные? лепные?) из 8-го Пятибратнего кургана нам известно только то, что они были обнаружены во фрагментах у северной стенки (2 экз.) и в северо-восточном углу (1 экз.) склепа (Шилов 1961, 163). Датировка кургана определена началом третьей четверти IV в. до н.э., а точнее – 345 г. до н.э. (Полин 2014, 434-435)[9].

Завершая перечисление скифских погребений, в которых до недавнего времени были обнаружены светильники, необходимо констатировать, что в V-I вв. до н.э. использование этих предметов в скифской среде было крайне ограниченным (Ольховский 1991, 70, 113, 142; Синика 2012, 268-269). С учётом того, что к настоящему времени в степном Причерноморье и Крыму исследовано около 5000 скифских погребений (Полин 2014, 637), количество известных нам захоронений со светильниками (34) составляет менее 1% от их общего числа[10].

[9] Благодарим к.и.н. С.В. Полина за информацию о данных находках.

[10] Схожая ситуация отмечена и на скифских поселениях, где находки светильников также редки. Они известны, например, среди материалов Надлиманского городища второй половины IV - первой четверти III в. до н.э. (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012, 81-83, 115-117, рис. 34; 56/9; 65; 66) на правобережье Днестра, а также на поселениях у с. Николаевка (второй четверти IV - середины III в. до н.э.) (Мелюкова 1975, 56, рис. 21/5, 7) и Чобручи, в слое III-II вв. до н.э. (Фидельский 2012, 17, рис. 1/10) на левобережье. В Поднепровье находки светильников сделаны на поселении Лысая Гора второй половины V-IV в. до н.э. (Гаврилюк 1989, 31; 2013, 149, 405, рис. 2.14/7) и на Знаменском городище в слоях эллинистического времени (Погребова 1958, 134, 136). В Подонье несколько светильников найдено на Елизаветовском городище, функционирование которого прекращается в первой четверти III в. до н.э. (Марченко, Житников, Копылов 2000, 146, 148, табл. 32, рис. 61/1-5, табл. 70, рис. 115/7).

Указанная цифра может быть скорректирована за счёт новых материалов, полученных при исследовании скифского могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Днестра. Этот курганный могильник был раскопан Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко в 1995-2012 гг. Он датируется концом IV - третьей четвертью II в. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2012, 10). Ранее, при анализе инокультурных влияний на погребальный обряд и материальную культуру могильника у с. Глиное, было отмечено, что греческое влияние, среди прочего, отчётливо прослеживается в устройстве ниш для светильников в катакомбах и в широчайшем использовании светильников в погребальном обряде, в том числе единственного канделябра (Синика 2012, 266, 268-270).

На могильнике у с. Глиное светильники были обнаружены в 46 захоронениях, что составляет более 25% от общего числа (181) скифских погребальных комплексов. В 11 захоронениях было обнаружено по два сосуда: в 10 каждый из двух светильников являлся частью инвентаря каждого из двух погребённых, вне зависимости от того, были ли они внесены в погребальную камеру единовременно (синхронные парные погребения – 52/1, 57/1, 60/1, 76/1) или последовательно (асинхронные погребения – 2/2, 17/1, 33/1, 61/1, 69/2, 88/1); и только одно одиночное погребение (84/1) содержало два светильника. Таким образом, можно констатировать, что на могильнике у с. Глиное нормой погребального обряда было помещение одного светильника для одного погребённого. Даже без антропологических определений, которыми мы в настоящее время не располагаем, очевидно, что нормой обряда также было помещение светильников в погребения только взрослых индивидуумов. Ни в одном детском захоронении светильников найдено не было. Даже в тех случаях, когда костяков погребённых не было в камерах (40/1 – кенотаф; 61/1 – костяки практически не сохранились в результате ограбления), судя по их размерам, они предназначались для захоронения взрослых.

Всего на могильнике найдено 57 светильников: один бронзовый (вместе с железным канделябром), семь гончарных и сорок два леп-

ных, а также семь сосудов или их частей, которые использовались в качестве светильников (из них один гончарный и шесть лепных).

Как нами указывалось ранее, сравнение количества находок светильников на могильнике у с. Глиное и из всех других скифских погребальных памятников свидетельствует о широчайшем распространении обряда помещения светильников в погребальные камеры у нижнеднестровских скифов в III-II вв. до н.э. При этом надо учитывать, что восемь лепных светильников из курганов Тираспольщины были положены в катакомбы тех же скифов, что оставили могильник у с. Глиное; с большой долей уверенности это утверждение относится и к скифской катакомбе, раскопанной в 1895 г. у с. Троицкое (Синика 2012, 269).

Единственный *бронзовый светильник* обнаружен в погребении 31/1 могильника у с. Глиное. Светильник литой, с полусферическим вместилищем на усечённо-коническом кольцевом поддоне. Диск большой, горизонтальный, украшен от края до заливного отверстия тремя концентрическими декоративными желобками. Рожок длинный, подпрямоугольный в плане, с закруглённым носиком и полукруглым отверстием для фитиля. В тыльной части тулова имеется петлевидная вертикальная ручка, образованная изгибом туловища «морского змея». Голова и хвост «змея» симметрично расположены по длинным стенкам тулова. Детали туловища змея – морда, глаза, уши, плавники, хвост – тщательно проработаны после отливки. Слева и справа от ручки, в туловище «змея», несимметрично расположены два отверстия диаметром 0,3 см для крепления крышки. Крышка, очевидно, более поздней, «варварской» работы, что видно по качеству изделия. Сохранившаяся во фрагментах, она крепилась с помощью железной проволоки, остатки которой обнаружены в отверстиях (рис. 3/1). Погребение 31/1 могильника у с. Глиное на основании синопской амфоры с клеймом *Dionysios Dionysiou* с эмблемой «треножник» (Синика 2004б, 111, рис. 1/1; Mateevici 2007, 103, cat. 224) датируется серединой 10-х гг. III в. - 90-ми гг. II в. до н.э. (Кац 2007, прил. VII).

Аналогичный глинянскому бронзовый светильник был обнаружен в «разрушенном погребении» близ хут. Клименков у истоков р. Айдар, притока Северского Донца (рис. 3/2). Это «захоронение» было датировано автором публикации II в. до н.э. (Яценко 1962, 42, 49, рис. 17). В настоящее время комплекс вещей у хут. Клименков обоснованно отнесён к группе кладов III в. - первой половины II в. до н.э. (Зайцев 2012, 69, рис. 1). Практически идентичны размеры (длина и высота) и пропорции светильников из погребения 31/1 у с. Глиное и из клада у хут. Клименков. Отличается только орнамент и способ крепления крышки. У клименковского ручка завязана наверху геракловым узлом, стержни ручки расходятся в разные стороны, их окончания оформлены в виде листьев, прикреплённых к тулову, по бокам которого находятся рельефные изображения Силена и Сатира. Если у светильника из Глиного для крепления оригинальной крышки использовались отверстия в тулове «морского змея», то у клименковского отверстия находились в выступах на тулове.

Немаловажно, что среди инвентаря погребения 31/1 могильника у с. Глиное и клименковского клада присутствуют двухколенчатые удила с трензельными кольцами на окончаниях, С-видные псалии с восьмёрковидными расширениями в центральной части, пластинчатые налобники с крючком и крупные декоративные бляхи конского снаряжения, что, безусловно, сближает указанные комплексы не только хронологически, но и в этнокультурном плане.

Другой аналогией глинянскому является бронзовый светильник из Артюховского кургана (рис. 3/3) на Таманском полуострове. Пропорции этого изделия несколько отличаются от глинянского и клименковского (Толстой, Кондаков 1889, 53, рис. 69; Максимова 1979, 94, рис. 32), при этом сам курган датирован 140-125 гг. до н.э. (Максимова 1979, 8, 140).

Железный канделябр был обнаружен в погребении 31/1 могильника у с. Глиное[11]. Насколько нам известно, этот канделябр является

[11] В первой публикации канделябр был неверно интерпретирован в качестве ритуального предмета (Синика 2004а). На ошибочность подобной интерпретации впервые указал к.и.н. Ю.П. Зайцев, ознакомившись с деталями канделябра в Музее археологии Поднестровья Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

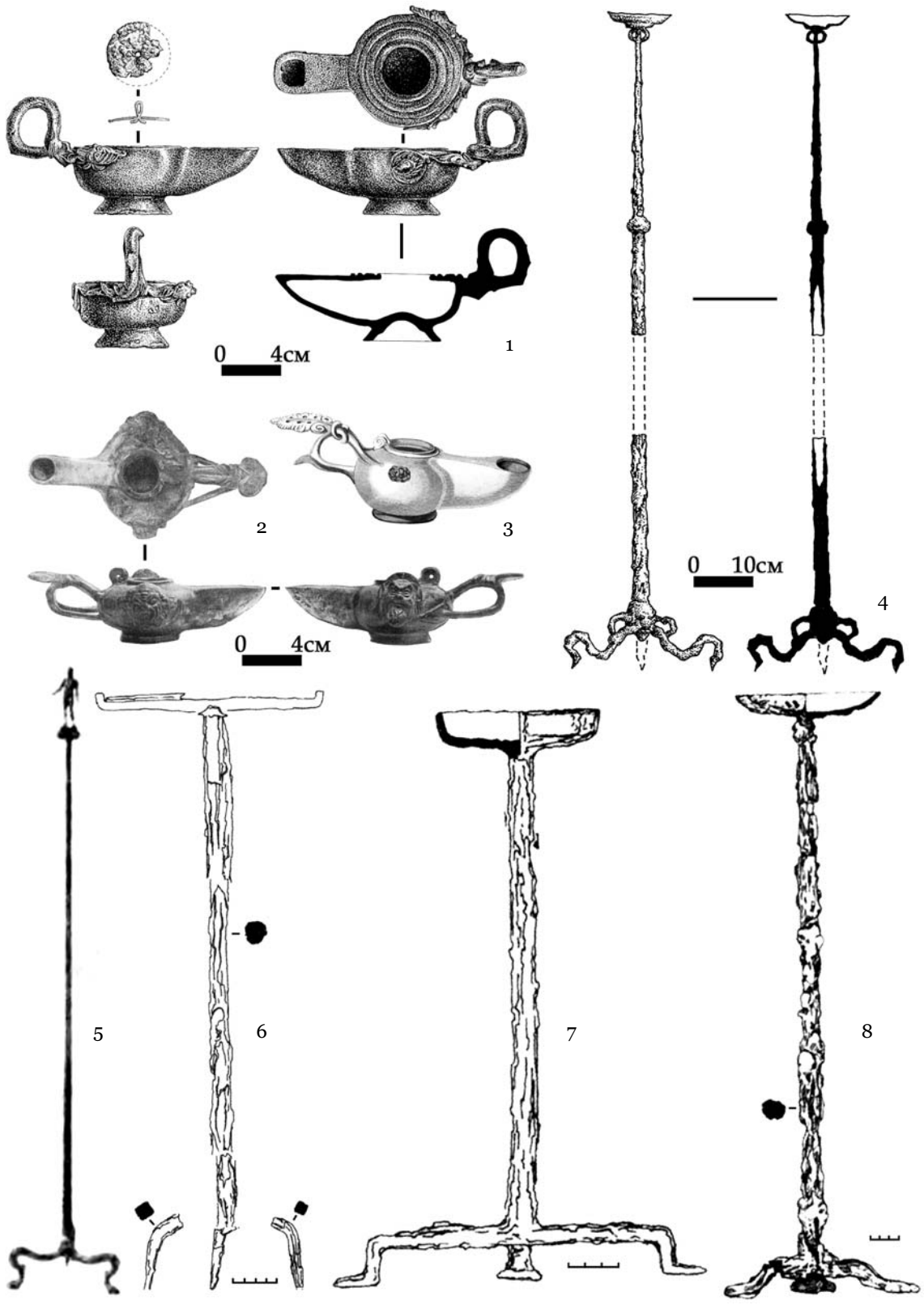


Рис. 3. Бронзовые светильники (1-3) и бронзовый (5) и железные (4, 6-8) канделябры из памятников Северного Причерноморья: 1, 4 - погребение 31/1 могильника у с. Глиное; 2 - клад у хут. Клименков (по Яценко 1962); 3 - Артюховский курган (по Толстой, Кондаков 1889); 5 - курган 24 (1876 г.) на некрополе Нимфея (по Силантьева 1959); 6 - могила 700 Усть-Альминского некрополя (по Пуздровский 2007); 7 - склеп 620 Усть-Альминского некрополя (по Пуздровский 2007); 8 - могила 730 Усть-Альминского некрополя (по Пуздровский 2007).

единственным подобным предметом, известным в скифских погребениях степей Северного Причерноморья и Крыма.

Канделябр высотой ок. 1,1 м представляет собой составное изделие, состоявшее из трёх основных элементов – подставки, навершия и чаши, где и был обнаружен светильник. Стержень подставки снабжён в верхней части втулкой для деревянного перехвата, нижняя часть стержня вставлена в муфту, к которой, в свою очередь, прикреплены три ножки с выгнутыми когтевидными окончаниями. Подставка соединялась с навершием при помощи деревянного перехвата длиной ок. 25 см. Навершие представляет собой стержень, нижняя часть которого свёрнута во втулку для верхней части перехвата. Края втулки сомкнуты, переход от стержня к втулке выделен уплотнительным кольцом. Чаша округлой формы, её приподнятые края образуют невысокий наклонный бортик. Узкое окончание навершия продето в отверстие в центре чаши, а затем расковано. Для жёсткой фиксации чаши использовалась С-видная чека, горизонтально продетая сквозь отверстие в окончании навершия, непосредственно под чашей (рис. 3/4).

Несколько аналогий канделябру из погребения 31/1 могильника у с. Глиное известно в Северном Причерноморье и Крыму, однако они происходят из разновременных скифских комплексов.

Наиболее ранним из них является курган 24 (1876 г.) на некрополе Нимфея, датированный второй четвертью V в. до н.э. В захоронении кургана был найден бронзовый предмет греческой работы, точно атрибутировать который автор публикации не смогла, хотя и указывала, что он может быть канделябром (рис. 3/5). Само погребение было отнесено к немногочисленной группе погребальных комплексов «с местными чертами обряда» (Силантьева 1959, 56-57, 62-64, 104, рис. 30-33)[12].

Спустя значительное время (около 500 лет!) железные канделябры появляются в скифских погребениях I-II вв. н.э. в Западном Крыму. В частности, они известны в склепах 612 и 620 (рис. 3/7), а также в могилах 700 (рис. 3/6) и 730 (рис. 3/8) Усть-Альминского некрополя (Loboda, Puzdrovskij, Zajcev 2002, 335, Abb. 22/4; Puzdrovskij, Zajcev 2004, 243, Abb. 9/4; Зайцев, Мордвинцева 2004, рис. 12/22; Пуздровский 2007, 157, рис. 139/1, 5, 6). Эти крымские находки по морфологии значительно ближе изделию из захоронения 31/1 у с. Глиное на Нижнем Днестре, чем к бронзовым канделябрам из синхронных боспорских склепов, обнаруженным в 1895 г. (Ростовцев 1913, табл. LX) и 1912 г. (Ростовцев 1914, 207-208, рис. 38)

Заметим, что железный канделябр из Глиного, безусловно, в техническом плане был грубым подражанием греческим образцам классического времени, но имел одно существенное достоинство по сравнению с последними – он был разъёмным. Замена деревянного перехвата на более короткий или более длинный позволяла регулировать высоту канделябра, а, соответственно, и условия освещения в тёмное время. Разъёмность канделябра обеспечивала большее удобство при его перемещении за счёт экономии места при складывании и последующей транспортировке (Синика 2012, 270).

Гончарные светильники в количестве восьми экземпляров обнаружены в семи погребениях могильника у с. Глиное. Гончарный светильник из погребения 41/2, изготовленный из ножки амфоры, будет рассмотрен ниже. В коллекции собственно гончарных светильников на могильнике у с. Глиное всего семь экземпляров (12,28% от общего числа светильников).

Три гончарных чернолаковых светильника из погребений 50/1 (рис. 4/4), 84/1 (рис. 4/6) и 88/1 (рис. 4/7) относятся к типу 33A по классификации Р. Хауленда. Профиль их тулова уплощённо-сферической формы, заливное отверстие более или менее вогнуто и подчёркнуто круговой бороздкой, на тулове имеются непроколотые декоративные выступы. Ближайшие аналогии на Афинской Агоре Р. Хауленд датировал второй половиной III в. до н.э. (Howland 1958, 101-103, cat. 434, 439, pl. 15, 42). В связи с накоплением материала дата этого типа светильников была пересмотрена С. Ротроф и установлена в пределах 220-150 гг. до н.э. (Rotroff 1997, 501).

[12] Именно этот предмет упоминает В.С. Ольховский в своей работе при анализе состава инвентаря скифских погребений Крыма V в. до н.э. (Ольховский 1991, 89).

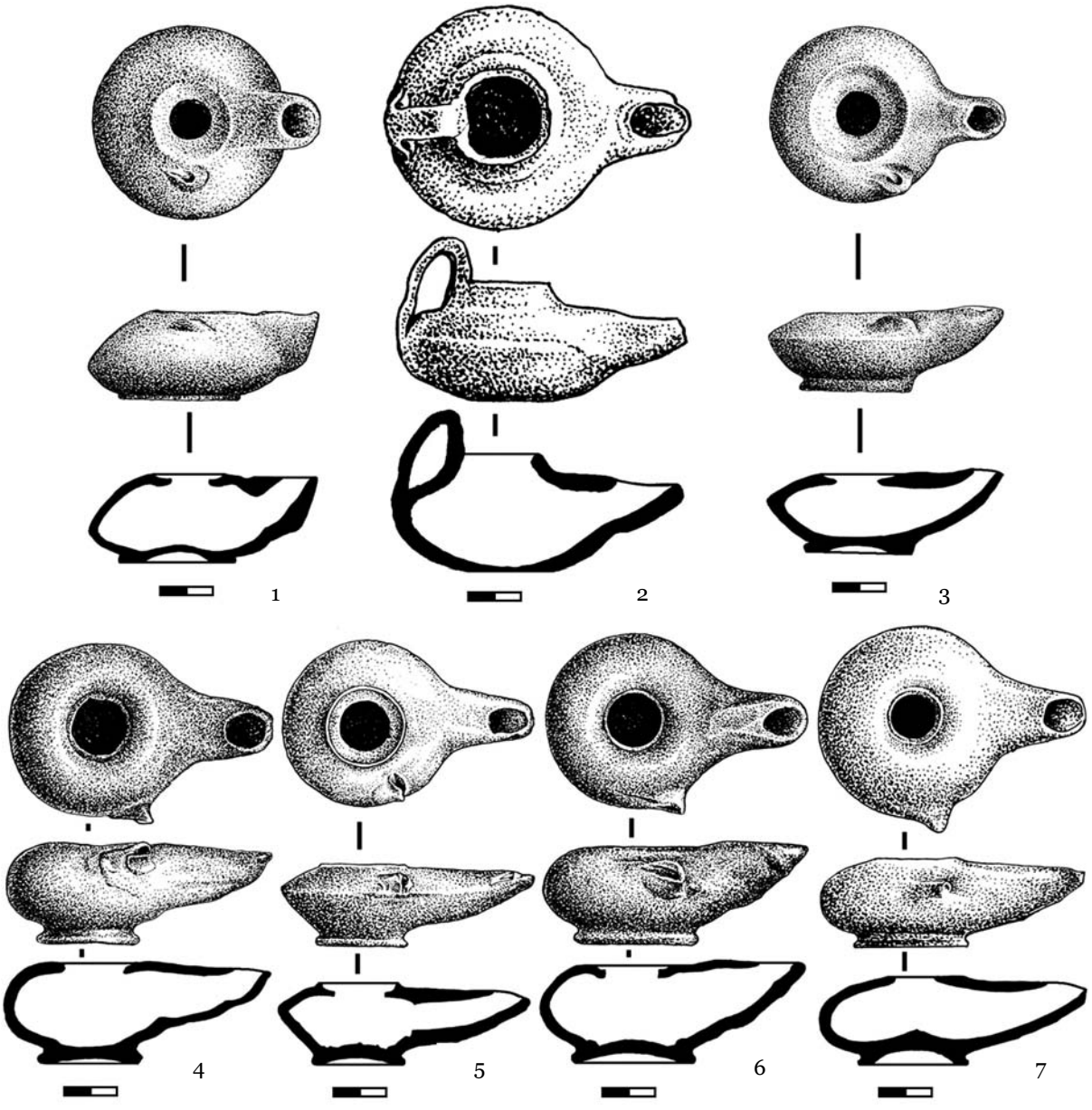


Рис. 4. Гончарные светильники из скифского могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра: 1 - погребение 2/2; 2 - погребение 33/2; 3 - погребение 37/1; 4 - погребение 50/1; 5, 6 - погребение 84/1; 7 - погребение 88/1.

Погребения 50/1 и 88/1 могильника у с. Глиное датируются как по светильникам, так и по другому материалу последней четвертью III в. до н.э.

Три гончарных светильника: чернолаковые из захоронений 2/2 (рис. 4/1), 37/1 (рис. 4/3) и буролаковый из погребения 84/1 (рис. 4/5) принадлежат типу 32 по классификации Р. Хауленда. Основное отличие от типа 33А заключается только в биконическом профиле тулова. Подобные светильники из раскопок Афинской Агоры Р. Хаулендом датированы последней третью III в. – самым началом II в. до н.э. (Howland 1958, 99-101, cat. 429, 430, pl. 15, 41). Время бытования всего этого типа светильников было уточнено С. Ротроф до 220-180 гг. до н.э. (Rotroff 1997, 501).

Захоронения 2/2, 37/1 и 84/1 могильника у с. Глиное датируются как на основании светильников, так и прочего материала первой

четвертью II в. до н.э. Примечательно, что в погребении 84/1 были обнаружены чернолаковый светильник со следами длительного использования типа 33A и буролаковый – практически без следов использования.

Совершенно другим является светильник из погребения 33/2. Его поверхность грубо заглажена и не имеет никаких следов лакового покрытия, глина жёлтого цвета. Тулово сферическое, венчик неотделённый с округлённым краем, дно плоское. Напротив рожка, в тыльной части тулова, располагается высокая ленточная ручка петлевидной формы, с округлой ложбинкой по центру (рис. 4/2).

Данный светильник можно отнести к типу 36B по P. Хауленду, однако все находки на Афинской Агоре представляют собой аттические изделия с лаковым покрытием, датируемые в пределах первой половины III в. до н.э.; при этом ближайшая аналогия происходит из цистерны на квадрате E 14: 1, заполнение которой было датировано сначала второй – третьей четвертью III в. до н.э. (Howland 1958, 117-120, cat. 490, pl. 44), а затем – в пределах последней четверти IV в. - III в. до н.э. (Rotroff 1997, 504). На основании находок позднегераклейской амфоры, а также бронзовой фибулы погребение 33/2 могильника у с. Глиное датируется серединой – третьей четвертью III в. до н.э., что не противоречит датам, которые были предложены P. Хаулендом и C. Ротроф.

Заметим, что два подобных светильника (без покрытия, желтоглиняных) происходят из кургана 56 Петуховского могильника в Нижнем Побужье (Ebert 1913, 75, abb. 85) второй половины II – начала I в. до н. э. (Полин 1992, 39) и из раскопок Мавзолея Неаполя Скифского середины II в. - середины I в. до н.э. (Зайцев 2003, 61) или середины II в. - рубежа II-I вв. до н.э. (Зайцев, Мордвинцева 2004, 187, рис. 12/3). Это по нашему мнению, указывает на местное северопричерноморское происхождение изделий, которые подражали форме аттических образцов.

Лепные светильники наиболее многочисленны в погребениях могильника у с. Глиное. Они представлены 48 находками. Шесть экземпляров будут рассмотрены ниже, вместе с иными сосудами и их фрагментами, использовавшимися в качестве светильников в погребальном обряде. В коллекции собственно лепных светильников на могильнике у с. Глиное насчитывается 42 экземпляра (73,68% от общего числа).

Необходимо отметить, что до настоящего времени по причине отсутствия достаточного количества материала типология лепных светильников скифского времени не была разработана. Имеющаяся представительная коллекция из погребений могильника у с. Глиное (42 экз.), вместе с некоторыми находками из скифских курганов Тираспольщины III-II вв. до н.э. (6 экз.), а также из других скифских погребальных памятников Северного Причерноморья (3 экз.), позволяют осуществить классификацию этих предметов.

Подчеркнём, что предлагаемая типология лепных светильников является открытой и позволяет распределить на основании небольшого количества морфологических признаков все без исключения сосуды по типам, вариантам и подвариантам, вне зависимости от их размеров. Светильники по количеству рожков могут быть отнесены к трём типам, по отсутствию/наличию выделенного поддона или дна – к двум вариантам; по отсутствию/наличию ручки – к двум подвариантам (рис. 5).

Всего при разработке данной типологии был использован 51 светильник.

К **типу I** относится 39 однорожковых светильников.

К *1 варианту* относятся 13 изделий с округлым, овальным, подпрямоугольным в плане туловом, без выделенного дна или поддона, при этом рожок является продолжением плоскости дна. В подвариант A включаются восемь светильников без ручек. Шесть из них происходит из захоронений могильника у с. Глиное: 4/1 (рис. 6/1), 14/2 (рис. 6/5), 17/1 (рис. 6/6), 23/1 (рис. 6/9) и 69/2 (2 экз.) (рис. 8/6,7). Дно светильника из погребения 14/2 снабжено поперечным выступом-подставкой, а на тулове одного из светильников из комплекса 69/2 имеются два небольших противоположных налепа полусферической формы (рис. 8/7). Ещё два подобных светильника обнаружены в кургане 159 у с. Парканы (рис. 2/17) на Нижнем Днестре (Мелюкова 1962, 157, рис. 3/15) и

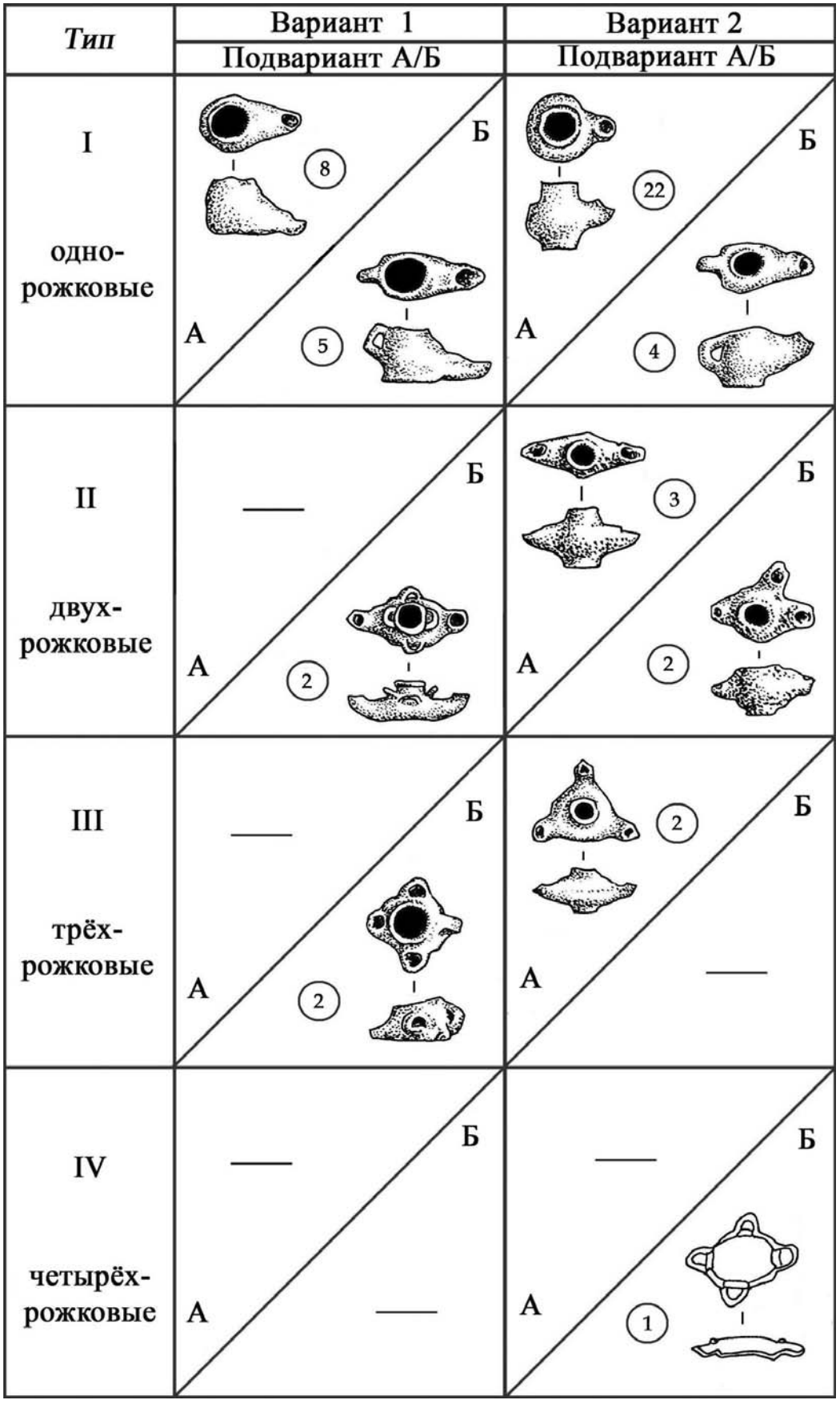


Рис. 5. Типология лепных светильников.

в погребении на земляном валу Знаменского городища (рис. 2/22) в Нижнем Поднепровье (Погребова 1958, 134, рис. 12/5). К подварианту Б относятся три светильника из погребений могильника у с. Глиное: 60/1 (рис. 7/11), 60/2 (рис. 8/1) и 78/3 (рис. 8/10) – с вертикальной петлевидной ручкой, прикреплённой с тыльной части тулова. Из погребений Тираспольщины происходит два подобных светильника: целый – из кургана 173 у с. Парканы (рис. 2/18), и с обломанной в древности ручкой – из кургана 154 у с. Парканы (рис. 2/15) (Мелюкова 1962, 157, рис. 3/16).

Ко *2 варианту* относятся 26 светильников с выделенным дном или кольцевым поддоном. Рожки приподняты кверху, косо или прямо срезаны. Подвариант А представлен 19 экземплярами без ручек из 16 захоронений могильника у с. Глиное – 7/1 (рис. 6/2), 10/1 (рис. 6/3), 33/1 (рис. 6/10), 40/1 (рис. 6/13), 49/1 (рис. 6/14), 52/1 (2 экз.) (рис. 7/2,3), 55/1 (рис. 7/6), 57/1 (2 экз.) (рис. 7/8,9), 61/1 (2 экз.) (рис. 8/2,3), 66/1 (рис. 8/5), 74/1 (рис. 8/8), 76/1 (рис. 8/9), 79/1 (рис. 8/11), 86/1 (рис. 8/12), 88/1 (рис. 9/1) и 96/1 (рис. 9/4). Аналогичные светильники известны в погребениях курганов 159 у с. Парканы (рис. 2/16), 402 (рис. 2/19) и 405 (рис. 2/20) у с. Чобручи (Фабрициус 1951, 18, табл. XVI/9; Мелюкова 1962, 157, рис. 3/13,14). В трёх случаях (захоронения 49/1, 55/1, 76/1 могильника у с. Глиное, а также курган 405 у с. Чобручи) на светильниках отмечено по два полусферических противоположных налепа на тулове. К подварианту Б относятся четыре светильника из погребений могильника у с. Глиное: 11/1 (рис. 6/4), 18/2 (рис. 6/8), 54/3 (рис. 7/5) – с вертикальными петлевидными ручками; из погребения 18/1 (рис. 6/7) – со сплошной ручкой-ушком.

К **типу II** относятся семь двухрожковых светильников, обнаруженных на могильнике у с. Глиное. В *1 варианте* (без выделенного дна или поддона) отмечены две находки, которые относятся к подварианту Б (с ручками-петлями для подвешивания). Светильник из погребения 54/2 имел ладьевидную форму тулова, расположенные диаметрально противоположно рожки и четыре петлевидных ручки, использовавшихся для подвешивания (рис. 7/4). Светильник из комплекса 91/2 характеризуется округлым туловом и рожками, расположенными V-образно, которые вместе с ручкой, имеющей отверстие для подвешивания, делят окружность на три равных сегмента (рис. 9/2). *2 вариант* (с выделенным дном или поддоном) представлен пятью находками. В погребениях 60/1 (рис. 7/10), 63/1 (рис. 8/4) и 92/1 (рис. 9/3) находились экземпляры, принадлежащие подварианту А (без ручек). Для подварианта А характерно расположение рожков по одной оси, диаметрально противоположно. Светильники из погребения 38/1 (рис. 6/12) и 112/1 (рис. 9/5) включаются в подвариант Б (с ручками-петлями для подвешивания). В одном случае в подварианте Б рожки располагаются на тулове V-образно и в совокупности с ручкой-упором делят окружность на три почти равных сегмента (38/1); во втором – рожки расположены диаметрально противоположно, а ручка-петля находится посередине между ними (112/1).

Обнаружено всего четыре трёхрожковых светильника **III типа**. *Вариант 1* (без выделенного дна или поддона) представлен двумя находками из погребения 56/1 могильника у с. Глиное (рис. 7/7) и 49 грунтового могильника у с. Николаевка (рис. 2/14) (Мелюкова 1975, 94, 167, рис. 48/3). Обе находки относятся к подварианту Б (с ручками). Светильник из Глиного снабжён петлевидной вертикальной ручкой, а николаевская находка – горизонтальной, утраченной к моменту помещения изделия в захоронение. К *варианту 2* (с выделенным дном или поддоном) относятся два светильника подварианта А (без ручек) из захоронений 33/1 (рис. 6/11) и 51/1 (рис. 7/1) могильника у с. Глиное. Симметрично расположенные рожки делят окружность на три равных сегмента.

В настоящее время в скифских погребальных памятниках Северного Причерноморья и Крыма известен всего один четырёхрожковый светильник **IV типа** – из кургана 9 у с. Нововасильевка Николаевской области (Гребенников, Ребедайло 1991, 119-120, рис. 14). Этот светильник с выделенным дном в виде блюдца относится к *варианту 2*, а наличие четырёх вертикальных петлевидных ручек над каждым из рожков позволяет включить его в подвариант Б.

Помимо собственно светильников на могильнике у с. Глиное в их качестве (вторично) ис-

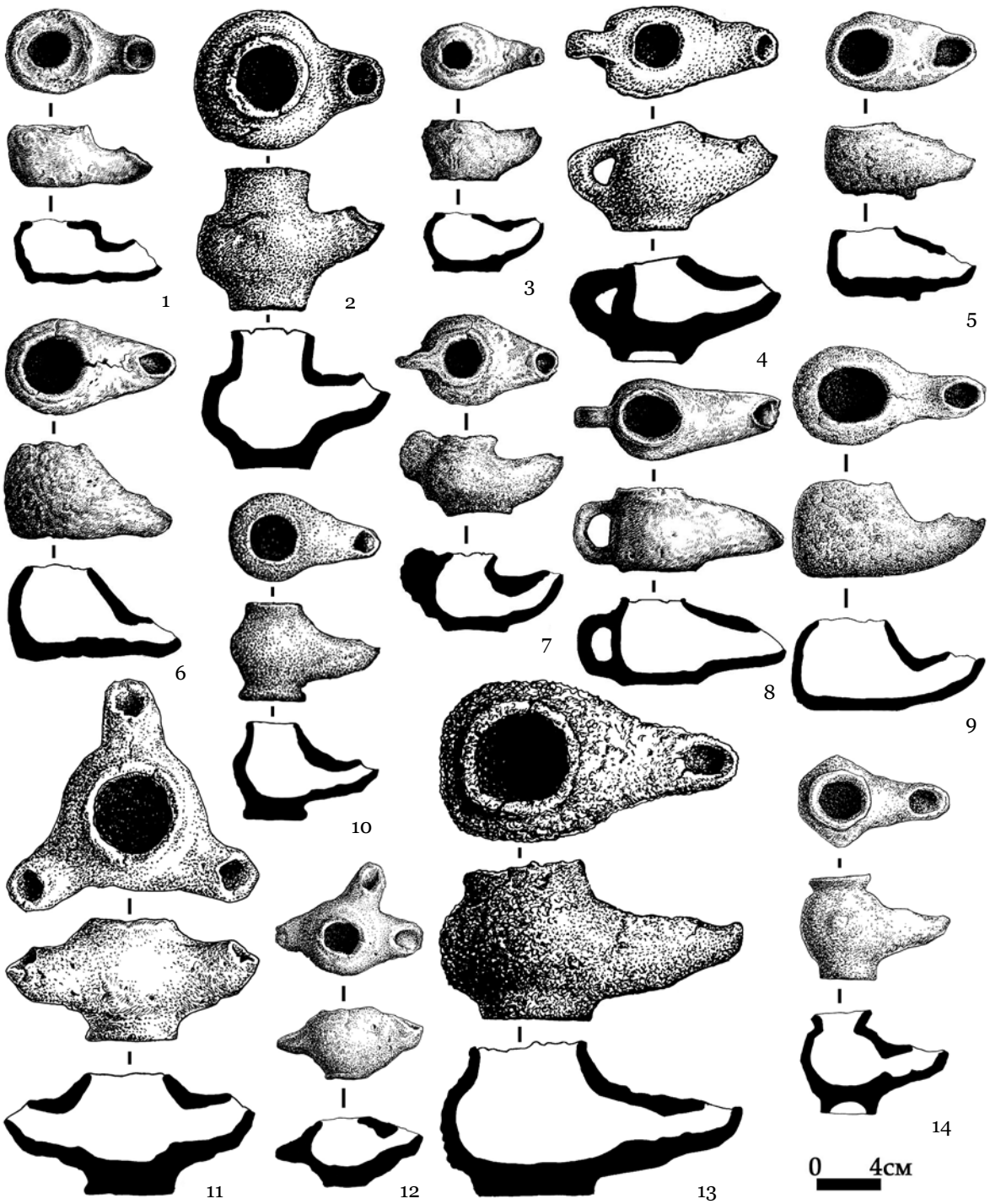


Рис. 6. Лепные светильники из скифского могильника у с. Глиное: 1 - погребение 4/1; 2 - погребение 7/1; 3 - погребение 10/1; 4 - погребение 11/1; 5 - погребение 14/2; 6 - погребение 17/1; 7 - погребение 18/1; 8 - погребение 18/2; 9 - погребение 23/1; 10, 11 - погребение 33/1; 12 - погребение 38/1; 13 - погребение 40/1; 14 - погребение 49/1.

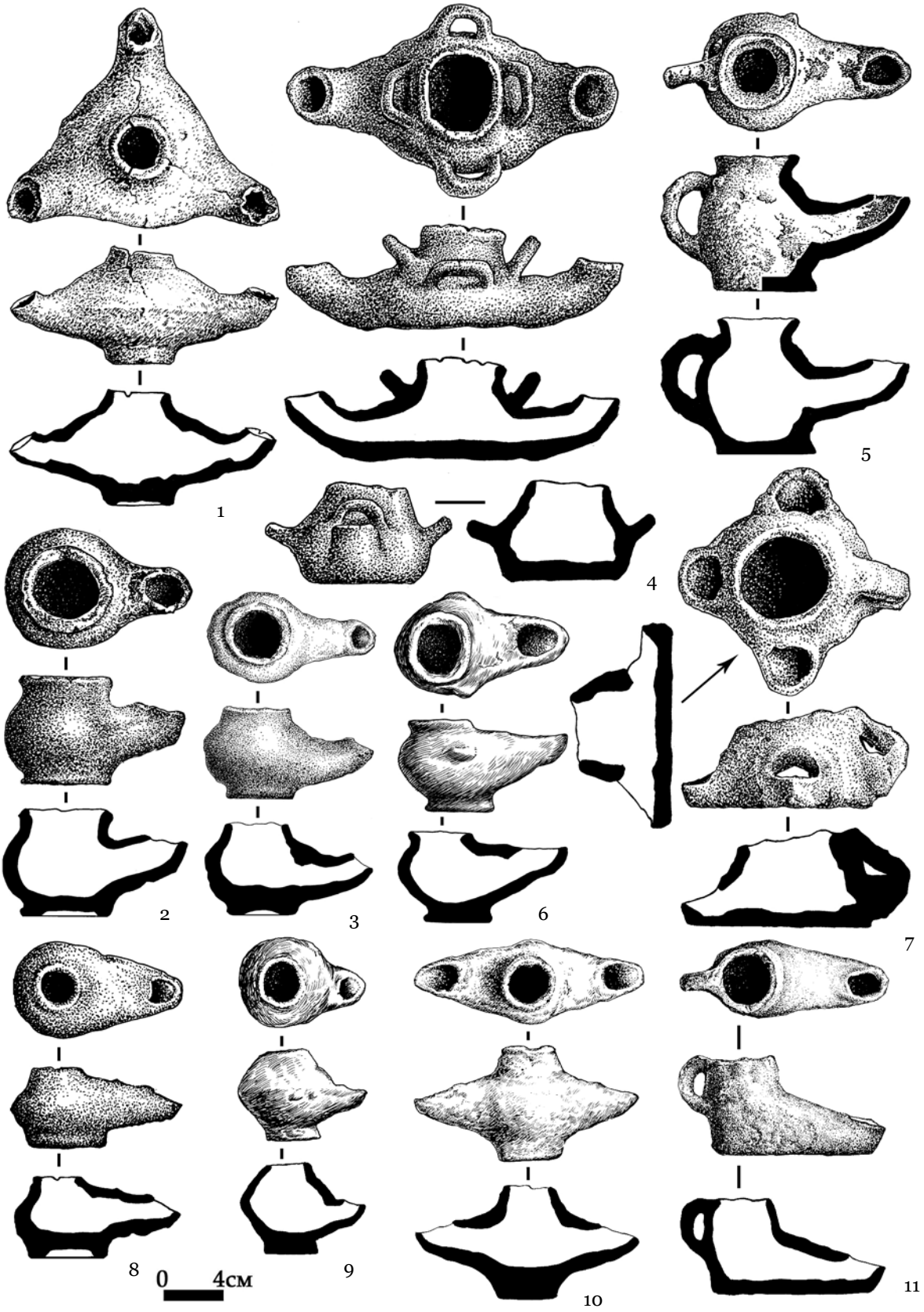


Рис. 7. Лепные светильники из скифского могильника у с. Глиное: 1 - погребение 51/1; 2, 3 - погребение 52/1; 4 - погребение 54/2; 5 - погребение 54/3; 6 - погребение 55/1; 7 - погребение 56/1; 8, 9 - погребение 57/1; 10, 11 - погребение 60/1.

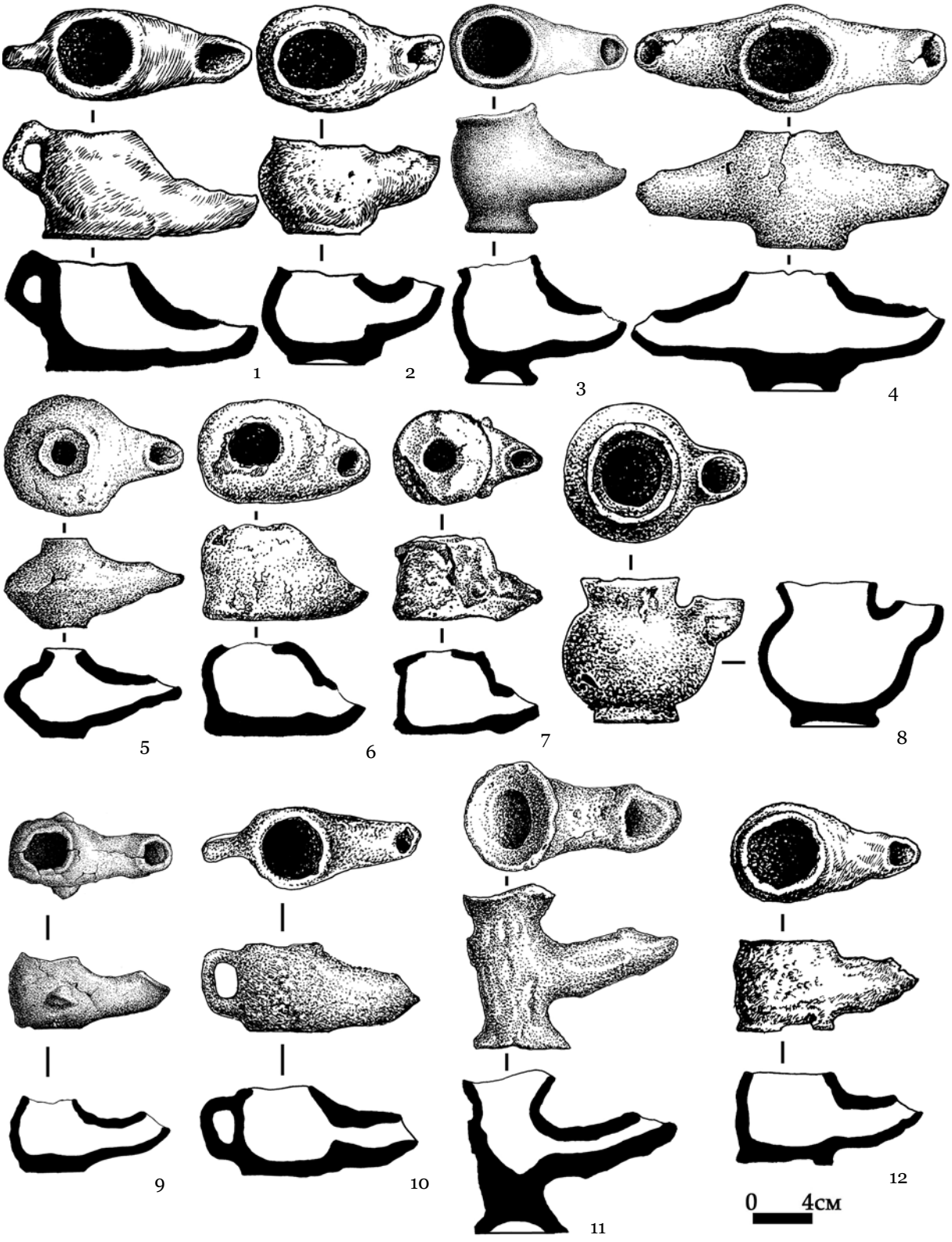


Рис. 8. Лепные светильники из скифского могильника у с. Глиное: 1 - погребение 60/2; 2, 3 - погребение 61/1; 4 - погребение 63/1; 5 - погребение 66/1; 6, 7 - погребение 69/2; 8 - погребение 74/1; 9 - погребение 76/1; 10 - погребение 78/3; 11 - погребение 79/1; 12 - погребение 86/1.

пользовались и другие сосуды или их фрагменты. Подобные находки были зафиксированы в семи погребальных комплексах (12,28% от общего числа светильников); при этом в каждом случае на сосудах отмечены следы копоти, а также остатки сгоревшего фитиля.

Только в одном захоронении (41/2) в качестве светильника была использована ножка амфоры (рис. 9/6), как в уже упоминавшемся погребении 2 кургана Кара-Тюбе в Северо-Западном Приазовье (Болтрик 1993, 190-191, рис. 9/4).

В двух погребениях (3/1 (рис. 9/8), 76/1 (рис. 9/11)) роль светильников играли лепные чашки. Аналогичная ситуация, как мы уже указывали, зафиксирована в захоронении 8/1 могильника Градешка на Нижнем Дунае (Гудкова, Суничук 1985, 75, 77, табл. 140/2,3).

Ещё в четырёх комплексах на могильнике у с. Глиное в качестве светильников в катакомбы были положены нижние части лепных сосудов: 2/2 – поддон миски (рис. 9/7), 13/1 – дно миски (рис. 9/9), 17/1 – придонная часть горшка (рис. 9/10), 80/1 – нижняя часть кувшина (?) (рис. 9/12). И хотя нам не известны другие скифские погребальные комплексы, где роль светильников играли нижние части лепных сосудов, о более широком распространении данной практики свидетельствуют случаи вторичного использования сосудов или их фрагментов для освещения жилых комплексов на поселениях. Так, на поселении у с. Николаевка на левобережье Нижнего Днестра для этой цели применялась чашка (Мелюкова 1975, 57, рис. 21/4), а на поселении Лысая гора в Поднепровье – поддон лепного сосуда (Гаврилюк 1989, 29, рис. 3/2, 4/1).

Достоверно установлено изначальное расположение 52 светильников в погребальных комплексах могильника у с. Глиное. Ещё пять светильников из захоронений 2/2 (чернолаковый – погребение потревожено при подзахоронении), 50/1 (чернолаковый – погребение ограблено при подзахоронении), 61/1 (два лепных – погребение ограблено) и 88/1 (лепной – погребение ограблено при подзахоронении) были обнаружены в перемещённом состоянии.

Один из светильников из погребения 88/1 (гончарный) находился в нише длинной стенки входной ямы, у входа в дромос.

В одном из погребений (7/1) светильник был обнаружен во входной яме, у входа в дромос катакомбы, а в другом (69/2) – в самом дромосе. Аналогичное или близкое к этому размещение светильников, как указывалось выше, было неоднократно зафиксировано ранее: в северо-западной камере Центральной гробницы кургана Чертомлык, перед входом в дромос (?) камеры №5; Градешка 18/2, Страшная Могила 4/2, Львово 13/4, Центральная гробница Толстой Могилы – в дромосе; Огуз – в каменной галерее, ведущей к входу в каменный склеп; Градешка 8/1, курган 6 у с. Башмачка, Водославка 1/1 – в камере, у входа в дромос.

В погребальных камерах катакомб могильника у с. Глиное отмечены следующие позиции размещения светильников: пять случаев – за головой погребённых (2/2, 13/1, 54/2, 55/1, 60/1); 21 случай – справа в изголовье (3/1, 4/1, 10/1, 11/1, 14/2, 17/1, 18/2, 33/1, 33/2, 49/1, 52/1, 54/3, 57/1, 63/1, 66/1, 78/3, 84/1, 86/1, 91/2, 92/1, 112/1); четыре случая – слева в изголовье (37/1, 51/1, 52/1, 84/1); два случая – у правого плеча (31/1, 57/1); два случая – у левого плеча (60/2, 79/1); два случая – у правого локтя (23/1, 60/1); один случай – справа у таза (80/1); один случай – слева у таза (41/2); один случай – у правого бедра (76/1); три случая – справа в ногах (56/1, 69/2, 76/1); пять случаев – слева в ногах (17/1, 33/1, 38/1, 74/1, 96/1), один случай – ниже ног погребённого (18/1). В погребении 40/1, представлявшем собой единственный на могильнике кенотаф, светильник был обнаружен на дне погребальной камеры.

Указанное размещение светильников в комплексах находит аналогии в скифских курганах Тираспольщины, поскольку они были возведены теми же скифами, что оставили могильник у с. Глиное. Так, в кургане 402 у с. Чобручи светильник находился за головой погребённого, в курганах 186 у с. Терновка и 174 у с. Парканы – справа в изголовье, а в кургане 405 у с. Чобручи – слева в ногах (Мелюкова 1962, 127, табл. 5, 6, 7).

Подобное размещение характерно и для светильников из склепов Петуховского могильника в Нижнем Побужье, которые датированы временем от второй половины II в. до н.э. и позднее: $_{2}$J (33) – слева в изголовье; $_{4}$B (59) –

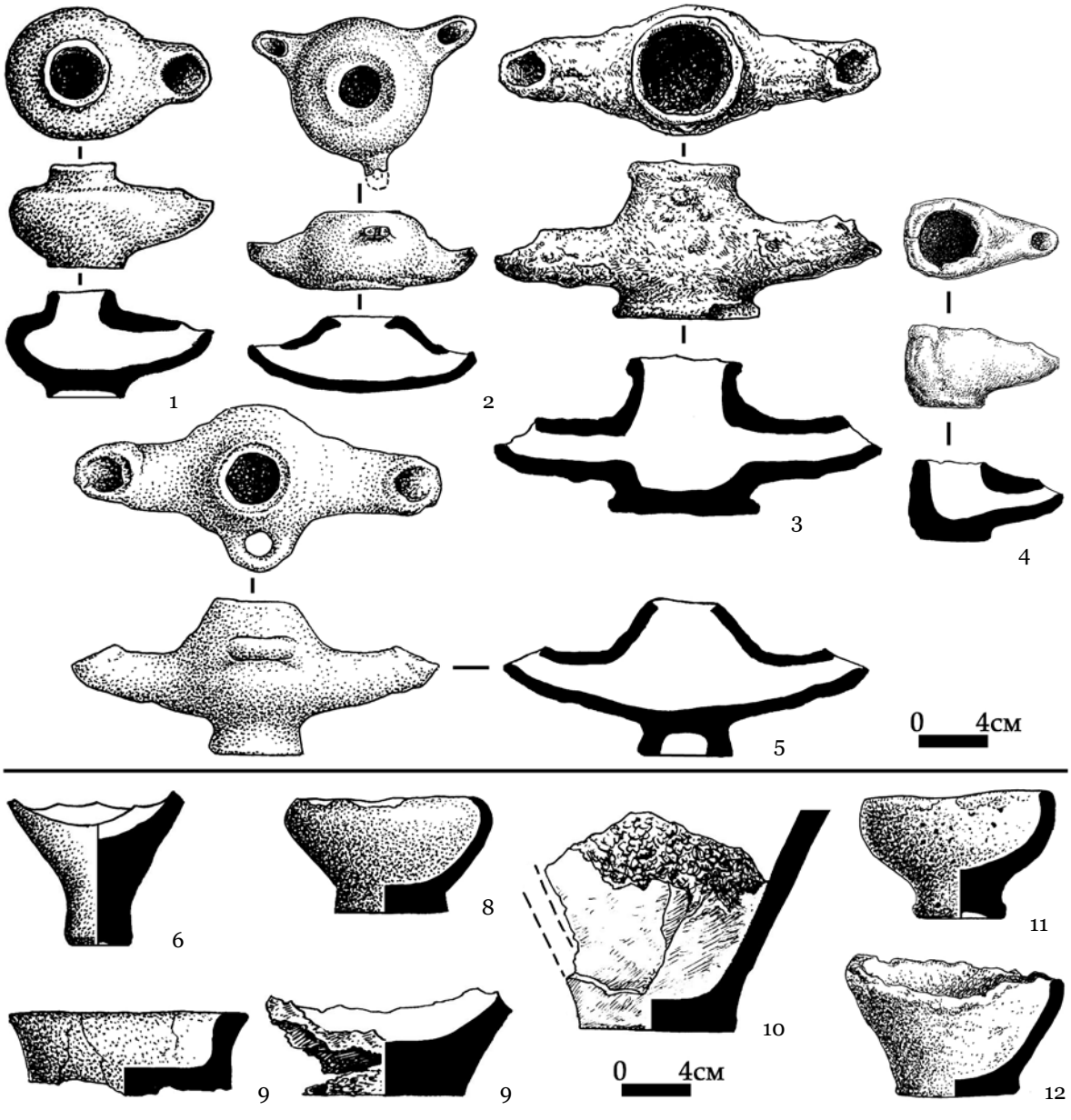


Рис. 9. Лепные светильники (1-5), а также гончарный (6) и лепные (7-12) сосуды, использовавшиеся в качестве светильников, из скифского могильника у с. Глиное: 1 - погребение 88/1; 2 - погребение 91/2; 3 - погребение 92/1; 4 - погребение 96/1; 5 - погребение 112/1; 6 - ножка амфоры из погребения 41/2; 7 - поддон миски из погребения 2/2; 8 - чашка из погребения 3/1; 9 - дно миски из погребения 13/1; 10 - нижняя часть горшка из погребения 17/1; 11 - чашка из погребения 76/1; 12 - нижняя часть кувшина (?) из погребения 80/1.

справа в изголовье; $_3$Q (53) (2 экз.) – один светильник справа в изголовье, а второй – справа в ногах; $_3$S (56) – слева в ногах.

Впрочем, и в скифских погребениях более раннего времени (IV в. до н.э.) отмечены различные позиции светильников: Первомаевка 1/1 (Поднепровье) – за головой погребённого (в камере катакомбы); Ленино 1/2 (Крым) – справа в изголовье (на дне склепа); Акташский могильник (Крым), погребение 60/2 – слева от погребённого, на уровне таза (на дне ямы).

Анализ размещения светильников не только в погребениях могильника у с. Глиное, но и из других памятников Северного Причерноморья (в том числе и более ранних – IV в. до н.э.)

свидетельствует о том, что, вне зависимости от вида погребального сооружения (яма, склеп, катакомба), в большинстве случаев светильники ставили возле головы погребённого.

Необходимо отметить, что данное наблюдение может и не вполне точно отражать реальную (т.е. изначальную) ситуацию, особенно на могильнике у с. Глиное, где все погребальные сооружения, вид которых был установлен, представляли собой катакомбы. В десяти захоронениях, благодаря уникальной степени сохранности погребальных сооружений, удалось зафиксировать 12 специальных ниш, устроенных для светильников. Об одной из них, во входной яме погребения 88/1, мы уже упоминали. Остальные 11 ниш были устроены в стенках погребальных камер. В пяти нишах (52/1 – обе ниши, 56/1, 84/1 – одна из двух ниш, 88/1) светильники находились вплоть до момента расчистки погребальных камер, в шести других случаях – выпали из ниш и находились в непосредственной близости (33/1, 37/1, 54/2, 76/1, 84/1 – одна из двух ниш, 92/1). В первичном парном захоронении в катакомбе 52/1 для каждого из погребённых было сделано по одной нише, куда было положено по одному светильнику. В одиночном захоронении 84/1 в камере были устроены две ниши, в каждой из которых было по одному светильнику. На могильнике у с. Глиное зафиксировано следующее размещение ниш для светильников: 54/2 – за головой погребённых, в северной стене камеры; 52/1, 84/1, 92/1 – справа в изголовье, в северо-западном углу камеры; 33/1 – справа в изголовье, в юго-западном углу камеры; 37/1, 52/1, 84/1 – слева в изголовье, в северо-восточном углу камеры; 56/1, 76/1 – справа в ногах, в западной стене камеры; 96/1 – слева в ногах, в восточной стене камеры.

Сравнение данных о размещении ниш со светильниками и размещении светильников вне ниш может свидетельствовать о том, что на могильнике у с. Глиное при сооружении катакомб значительное количество светильников находилось в специальных нишах, устроенных в камерах. Очевидно, что из-за отслоения стен множества погребальных камер эти ниши не были зафиксированы в ходе исследования.

Несомненно, что устройство ниш для светильников в погребальных камерах катакомб в качестве элемента интерьера жилища было заимствовано нижнеднестровскими скифами у греков. Об этом свидетельствует как широкое распространение самих светильников на могильнике у с. Глиное, подражающих, как правило, греческим образцам, так и имеющиеся аналогии на некрополе Ольвии, где «в ряде склепов в стенках камер вырезали по одной или по две прямоугольные ниши для светильников» (Папанова 2006, 93, 95, 106; Синика 2012, 266)[13].

В заключение настоящей работы необходимо констатировать её главные положения.

1. Хронологически скифские погребальные комплексы Северного Причерноморья и Крыма, где были обнаружены светильники, распределяются неравномерно.

Только две находки происходят из захоронений V в. до н.э. – в курганах Бабы и №9 у с. Нововасильевка.

В IV в. до н.э. количество светильников в скифских погребениях существенно увеличивается. Это 19 изделий из курганов Огуз (3 экз.), Толстая Могила (2 экз.), №6 у с. Башмачка, 8-го Пятибратнего (3 экз.), Кара-Тюбе, а также погребений 49 и 67 грунтового могильника у с. Николаевка, 1/1 и 6/1 у с. Водославка, 4/2 группы Страшной Могилы, 13/4 у с. Львово, 1/1 у с. Первомаевка, 1/2 у хут. Ленино и 60/2 могильника Акташ.

Однако только в III-I вв. до н.э. светильники стали массово (76 экз.) использоваться в скифском погребальном обряде, о чём свидетельствуют находки из Подунавья (Кугурлуй 16/1, 18/2, 24/1; Градешка 8/1), Поднестровья (курганы 154, 159 (2 экз.), 173, 174 у с. Парканы; 186 у с. Терновка; 402, 405 у с. Чобручи; из с. Троицкое; могильник у с. Глиное), Побужья (курганы $_{2}$J, $_{3}$Q (2 экз.), $_{3}$S, $_{4}$B Петуховского могильника) и Поднепровья (погребение на земляном валу Знаменского городища).

Несмотря на то, что в настоящее время большинство светильников известно в погребени-

[13] При этом находка светильника в хозяйственной нише Боковой гробницы из Толстой Могилы отражает совершенно иной элемент конструкции катакомб: ниша не была устроена специально для светильника, а предназначалась для ряда предметов, в том числе бронзового котла, двух деревянных блюд с жертвенной пищей и двух железных ножей (Мозолевський 1979, 112, рис. 30, 96).

ях могильника у с. Глиное (57 экз.), и шире, в курганах III-II вв. на левобережье Днестра (66 экз.), у нас есть все основания связывать их широкое распространение в погребальном обряде с процессом непрерывной седентаризации скифского населения в указанное время. Только в условиях оседлости такое широкое использование светильников стало возможным.

О переходе скифского населения левобережья Нижнего Поднестровья от кочевого к преимущественно оседлому образу жизни свидетельствуют анализ греческого (Синика 2012, 272) и фракийского (Тельнов, Синика 2012, 77-78) влияний на погребальный обряд и материальную культуру, традиция устройства погребальных камер катакомб (реже дромосов) в виде наземных жилищ (Синика, Тельнов 2014б, 35), а также комплекс вооружения (Синика, Тельнов 2014а, 360) и миски как наиболее распространённый вид столовой посуды (Тельнов, Синика 2014а, 311-312) на могильнике у с. Глиное. Относительно скифских памятников Нижнего Поднепровья, в настоящее время считается, что уже с начала или середины IV в. до н.э. начался процесс оседания степных скифов (Гаврилюк 2013, 94-184, 321).

2. Бронзовые и гончарные светильники из скифских курганов степного Причерноморья и Крыма, безусловно, являлись греческими импортами, вне зависимости от времени (V-I вв. до н.э.) или места (метрополия или городаколонии Северного Причерноморья) их производства.

Железные светильники из погребений 4/2 группы Страшной могилы и 6/1 у с. Водославка (по всей видимости, подражавшие бронзовым образцам, в частности, из курганов Огуз, №6 у с. Башмачка и из хозяйственной ниши Боковой гробницы Толстой Могилы), можно относить к продукции местных кузнецов. С учётом того, что данные погребальные комплексы располагались в Нижнем Поднепровье, т.е. в непосредственной близости к Каменскому городищу, где зафиксированы следы металлургического производства (Граков 1954, 115-127), данное предположение представляется обоснованным.

Все лепные светильники, несомненно, являются продукцией скифских ремесленников. Только один лепной светильник происходит из погребения V в. до н.э. (курган 9 у с. Нововасильевка), все остальные – из захоронений последней четверти IV-II в. до н.э. При этом все они, без исключения, более или менее искусно подражали гончарным и бронзовым (?) светильникам с рожками греческого производства. В полной мере вывод о подражании греческим образцам относится к железным канделябрам из могильника у с. Глиное в Нижнем Поднестровье (конец III в. до н.э.) и Усть-Альминского некрополя (I-II вв. н.э.) в Крыму.

Таким образом, необходимо констатировать, что форма лепных светильников, их широкое распространение в скифских захоронениях конца IV-II в. до н.э. и устройство специальных ниш в погребальных камерах катакомб, а также конструкция железных канделябров являются свидетельством греческого влияния на погребальный обряд и материальную культуру скифского населения степного Причерноморья и Крыма. Это влияние, как мы уже указывали, могло оказаться столь ощутимым только при условии оседлости скифов, а значит, и наличия постоянных контактов с греческим населением (Синика 2012, 272; Синика, Тельнов 2014б, 34).

3. Наличие специальных ниш, неоднократно зафиксированных в катакомбах скифского могильника у с. Глиное, свидетельствует о том, что, будучи неотъемлемой частью материальной культуры скифского населения Нижнего Поднестровья в III-II вв. до н.э., светильники в то же время стали неотъемлемой частью интерьера скифского жилища. Вне зависимости от типа жилища (кибитки или наземного дома), которое имитировалось погребальной камерой катакомбы, во многих из них, вероятно, предусматривались специальные места для установки предметов, предназначенных для освещения помещения (Синика, Тельнов 2014б, 34). В других случаях светильники могли располагаться на полу жилища (или на дне ямы или камеры катакомбы применительно к погребальному сооружению), либо подвешиваться на крюки или гвозди в тех случаях, когда конструкция светильника предполагала такую возможность.

Библиография

Алексеев 1987: А.Ю. Алексеев, О датах скифских курганов Бабы и Раскопана Могила. СГЭ LII, 1987, 28-31.

Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: А.Ю. Алексеев, В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н.э.) (Киев 1991).

Байбурин 1983: А.К. Байбурин, Жилище в обрядах и представлениях восточных славян (Ленинград 1983).

Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988: С.С. Бессонова, Е.П. Бунятян, Н.А. Гаврилюк, Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму (Киев 1988).

Бидзиля, Полин 2012: В.И. Бидзиля, С.В. Полин, Скифский царский курган Гайманова Могила (Киев 2012).

Болтрик 1993: Ю.В. Болтрик, Курган Кара-Тюбе. ДСПК IV, 183-197.

Бруяко 2009: Бруяко И.В. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя. Stratum plus 3, 2005-2009, 329-370.

Гаврилюк 1989: Н.А. Гаврилюк, Домашнее производство и быт степных скифов (Киев 1989).

Гаврилюк 2013: Н.А. Гаврилюк, Экономика Степной Скифии VI-III вв. до н.э. (Киев 2013).

Граков 1954: Б.Н. Граков, Каменское городище на Днепре. МИА 36, 1954.

Гребенников, Ребедайло 1991: Ю.С. Гребенников, Г.П. Ребедайло, Скифское погребение V в. до н.э. на Ингульце. В: (Отв. ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян) Курганы Степной Скифии (Киев 1991), 117-122.

Гудкова, Суничук 1985: А.В. Гудкова, Е.Ф. Суничук, Полевой отчёт Орловского курганного отряда Буджакской археологической экспедиции в 1984 г. Архив ИА НАНУ. № 1984/3а (Киев 1985).

Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: Г.А. Дзис-Райко, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, Городище Надлиманское IV-III вв. до н.э. в Нижнем Поднестровье (МАСП. Монографическая серия, №3) (Одесса 2012).

Евдокимов 1992: Г.Л. Евдокимов, Скифский курган у с. Львово на Херсонщине. ДСПК III, 1992, 136-148.

Евдокимов, Фридман 1987: Г.Л. Евдокимов, М.И. Фридман, Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине. В: (Отв. ред. Е.В. Черненко) Курганы Степной Скифии (Киев 1987), 85-115.

Зайцев 2003: Ю.П. Зайцев, Неаполь Скифский (II в. до н.э. - III в н.э.) (Симферополь 2003).

Зайцев, Мордвинцева 2004: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева, Варварские погребения Крыма 2 в. до н.э. - 1 в. н.э. Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004 (Краснодар 2004), 174-204.

Ильинская, Тереножкин 1983: В.А. Ильинская, А. И. Тереножкин, Скифия VII-IV вв. до н.э. (Киев 1983).

Колекції 2007: Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України. Каталог (Київ 2007).

Кубышев и др. 1984: А.И. Кубышев, В.В. Дорофеев, Ю.А. Шилов, А.Л. Нечитайло, С.А. Куприй, Н.П. Шевченко, Ю.И. Толкачёв, А.Ш. Амирханов, М.И. Абикулова, В.П. Былкова, Отчёт о работах Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской областях (Киев 1984).

Кац 2007: В.И. Кац, Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). БИ, XVIII.

Куприй 2009: С.А. Куприй, Оригинальные погребальные сооружения скифского времени из Присивашья. ССПіК XV, 2009, 85-89.

Максимова 1979: М.И. Максимова, Артюховский курган (Ленинград 1979).

Марченко, Житников, Копылов 2000: К.К. Марченко, В.Г. Житников, В.П. Копылов, Елизаветовское городище на Дону. Pontus Septentrionalis. II (Москва 2000).

Мелюкова 1962: А.И. Мелюкова, Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемпковских). МИА 115, 1962, 114-166.

Мелюкова 1969: А.И. Мелюкова, Отчёт о работе Западно-скифской экспедиции в 1968 г. (Москва 1969).

Мелюкова 1975: А.И. Мелюкова, Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка (Москва 1975).

Мозолевський 1979: Б.М. Мозолевський, Товста Могила (Київ 1979).

Монахов 2003: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре (Москва–Саратов 2003).

Национальный музей 2013: Национальный музей истории Молдовы: 1983-2013 (Кишинёв 2013).

ОАК 1896: Отчёт Императорской археологической комиссии за 1894 год (Санкт-Петербург 1896).

ОАК 1900: Отчёт Императорской археологической комиссии за 1897 год (Санкт-Петербург 1900).

Ольховский 1991: В.С. Ольховский, Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.) (Москва 1991).

Островерхов, Андреева 2009: А.С. Островерхов, О.С. Андреева, Стеклянные геммы с изображением копытных животных в Скифии. ССПіК XV, 2009, 111-116.

Папанова 2006: В.А. Папанова, Урочище Сто могил – некрополь Ольвии Понтийской (Киев 2006).

Погребова 1956: Н.Н. Погребова, Погребение на земляном валу акрополя Каменского городища. КСИИМК 63, 1956, 94-97.

Погребова 1958: Н.Н. Погребова, Позднескифские городища на Нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское). МИА 64, 1958, 103-247.

Полидович, Вольная 2005: Ю.Б. Полидович, Г.Н. Вольная, Образ зайца в скифском искусстве. В: (Глав. ред. В.И. Гуляев) Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. Сб. статей (Москва 2005), 415-436.

Полин 1992: С.В. Полин, От Скифии к Сарматии (Киев 1992).

Полин 2014: С.В. Полин, Скифский Золотобалковский курганный могильник V-IV вв. до н.э. на Херсонщине (Киев 2014).

Пуздровский 2007: А.Е. Пуздровский, Крымская Скифия II в. до н.э. - III в. н.э. Погребальные памятники (Симферополь 2007).

Редина 1993: Е.Ф. Редина, Классификация фибул из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья. В сб.: (Отв. ред. С.Б. Охотников) Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического музея (Одесса 1993), 50-52.

Ростовцев 1913: М.И. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. Табл. I-CXII (Санкт-Петербург 1913).

Ростовцев 1914: М.И. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России. Текст. Т. I. Описание и исследование памятников (Санкт-Петербург 1914).

Сергеев 1966: Г.П. Сергеев, Олонештский античный клад. ВДИ 2, 1966, 132-142.

Силантьева 1959: Л.Ф. Силантьева, Некрополь Нимфея. МИА 69, 1959, 5-107.

Синика 2004а: В.С. Синика, Артефакт с зооморфным навершием из кургана 31 могильника позднескифского времени у с. Глиное. В: (Отв. ред. Д.Г. Савинов) Изобразительные памятники: стиль, эпоха композиции. Материалы тематической научной конференции (1-4 декабря 2004 г., Санкт-Петербург) (Санкт-Петербург 2004), 138-142.

Синика 2004б: В.С. Синика, К вопросу о хронологии памятников Тираспольской группы. В: (Глав. ред. Н.М. Куковальская) Причерноморье, Крым и Русь в истории и культуре. Часть I. Материалы II Судакской международной научной конференции (12-16 сентября 2004 г., Киев) (Киев-Судак 2004), 110-113.

Синика 2012: В.С. Синика, О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника III-II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. В сб.: (Отв. ред. А.А. Пригарин) Человек в истории и культуре. Вып. 2. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко (Одесса 2012), 264-272.

Синика, Тельнов 2014: В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Скифские жилища IV-II вв. до н.э. в Северном Причерноморье. В сб.: (Гол. ред. С.А. Скорий) Археологія і давня історія України. Вип. 2 (13). Археологія: можливості реконструкцій (Київ 2014), 18-36.

Синика, Тельнов 2015: В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника конца IV - II в. до н.э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье. В сб.: (Отв. ред. С.И. Лукьяшко) Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти А.И. Мелюковой (Кагальник, 2014) (Ростов-на-Дону 2015), 180-190.

Спицын 1901: А.А. Спицын, Раскопки, произведённые в 1897 г. близ д. Башмачки Екатеринославского уезда. ИИАК 1, 1901, 69-79.

Спицын 1906: А.А. Спицын, Серогозские курганы. ИИАК 19, 157-174.

Тельнов, Синика 2012: Н.П. Тельнов, В.С. Синика, Фракийские влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов III-II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. Revista arheologică s.n. VIII/1-2, 2012, 69-83.

Тельнов, Синика 2014а: Н.П. Тельнов, В.С. Синика, Миски из скифских погребальных памятников конца IV – II в. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. Tyragetia s.n. VIII/1, 2014, 287-316.

Тельнов, Синика 2014б: Н.П. Тельнов, В.С. Синика, Скифские памятники в степном Поднестровье: история изучения и современное состояние источниковой базы. Русин 2 (36), 2014, 29-54.

Тельнов, Четвериков, Синика 2012: Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования). В: (Отв. ред. Н.П. Тельнов) Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н.э. Материалы Международной научной конференции (Тирасполь, 2012) (Тирасполь 2012), 5-15.

Тереножкин и др. 1973: А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская, Е.В. Черненко, Б.Н. Мозолевский, Скифские курганы Никопольщины. В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифские древности (Киев 1973), 113-186.

Толстой, Кондаков 1889: И. Толстой, Н. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1. Классические древности южной России (Санкт-Петербург 1889).

Фабрициус 1951: И.В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Вып. 1. (Киев 1951).

Фидельский 2012: С.А. Фидельский, Поселение Чобручи на Нижнем Днестре в III-II вв. до н.э. В: (Отв. ред. Н.П. Тельнов) Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н.э. Материалы Международной научной конференции (Тирасполь, 2012) (Тирасполь 2012), 16-20.

Шилов 1961: В.П. Шилов, Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. СА 1, 1961, 150-168.

Черненко и др. 1986: Е.В. Черненко, С.С. Бессонова, Ю.В. Болтрик, С.В. Полин, С.А. Скорый, Н.М. Бокий, Ю.С. Гребенников, Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья (Киев 1986).

Яковенко 1970: Э.В. Яковенко, Рядовые скифские погребение в курганах Восточного Крыма. В сб.: (Отв. ред. А.М. Лесков) Древности Восточного Крыма (Киев 1970), 113-135.

Яковенко 1974: Е.В. Яковенко, Скіфи Східного Криму в V-III ст. до н.е. (Київ 1974).

Яковенко, Черненко, Корпусова 1970: Э.В. Яковенко, Е.В. Черненко, В.Н. Корпусова, Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма. В сб.: (Отв. ред. А.М. Лесков) Древности Восточного Крыма (Киев 1970), 136-179.

Яценко 1962: И.В. Яценко, Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца. КСИА 89, 1962, 42-50.

Ebert 1913: M. Ebert, Ausgrabungen auf dem Gute Maritsin, Gouv. Cherson (Süd-Russland). PZ V, 1913, 1-80.

Howland 1958: R.H. Howland, Greek lamps and they survivals. The Athenian Agora. Vol. IV (Princeton – NJ. 1958).

Loboda, Puzdrovskij, Zajcev 2002: I.I. Loboda, A.E. Puzdrovskij, J.P. Zajcev, Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996. Eurasia Antiqua 8, 2002, 295-346.

Mateevici 2007: N. Mateevici, Amforele greceşti în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI - începutul sec. II a. Chr. (Chişinău 2007).

Puzdrovskij, Zajcev, 2004: A.E. Puzdrovskij, J.P. Zajcev, Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma, Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1999. Eurasia Antiqua 10, 2004, 229-267.

Redina 2005: E. Redina, Scytho-Thracian cultural contacts in the northwestern Black Sea littoral. In: The Culture of Thracians and their Neighbours. Proceedings of the International Symposium in Memory of Prof. Mieczyslaw Domaradzki, with a Round Table «Archaeological Map of Bulgaria», BAR Intern. Ser. (London 2005), 231-238.

Rotroff 1997: S. Rotroff, Hellenistic pottery: Athenian and imported wheelmade table ware and related material. The Athenian Agora. Vol. XXIX (Princeton – NJ. 1997).

Sparkes, Talcott 1970: B.A. Sparkes, L. Talcott, Black and plain pottery of 6th, 5th and 4th centuries B.C. The Athenian Agora. Vol. XII (Princeton – NJ. 1970).

Opaiţele în ritualul funerar al sciţilor din nordul Mării Negre

Rezumat

Articolul este consacrat analizei locului pe care îl ocupă opaiţele în ritualul funerar al sciţilor din nordul Mării Negre. Sunt studiate opaiţele din metal (din bronz şi din fier), precum şi cele din lut, lucrate cu mâna sau la roata olarului. S-a stabilit că opaiţele confecţionate din bronz şi cele la roata olarului prezentau importuri greceşti; opaiţele din fier erau produse de meşterii locali, iar cele modelate cu mâna erau executate, la fel, de olarii din mediul barbar, dar după prototipul celor greceşti. Pentru opaiţele lucrate cu mâna, în articol, este propusă o clasificare în funcţie de particularităţile morfologice.

Răspândirea, mai largă, în sec. III-II a. Chr. în comparaţie cu perioada anterioară, a opaiţelor în complexele funerare scitice vine să demonstreze procesul de sedentarizare a acestor comunităţi. De asemenea, sunt evidente influenţele greceşti asupra ritualului funerar şi a culturii materiale scitice.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Opaiţe din granit (1), fier (5) şi bronz (2-4, 6-8), descoperite la monumentele din nordul Mării Negre: 1 - mormântul 13/4 de la L'vovo (după Евдокимов 1992); 2 - tumulul Baby (după ОАК 1900); 3 - tezaurul de la Olăneşti (după Национальный музей 2013); 4 - tumulul Čertomlyk (după Алексеев, Мурзин, Ролле 1991); 5 - mormântul 4/2 din grupul Strašnaja Mogila (după Тереножкин и др. 1973); 6 - tumulul 6 de la Bašmačka (după Спицын 1901); 7 - mormântul principal de la Tolstaja Mogila (după Мозолевський 1979); 8 - mormântul lateral de la Tolstaja Mogila (по Мозолевський 1979).

Fig. 2. Opaiţe lucrate la roata olarului (1-13) şi modelate cu mâna (14-22) din complexele funerare din nordul Mării Negre: 1 - mormântul 16/1 din necropola de la Kugurluj (după Полин 2014); 2 - mormântul 18/2 din necropola de la Kugurluj (după Полин 2014); 3 - mormântul 24/1 din necropola de la Kugurluj (după Полин 2014); 4 - mormântul 67 din necropola plană de la Nicolaevka (după Мелюкова 1975); 5 - tumulul $_{2}$J (33) din necropola Petuhov (după Полин 1992); 6, 7 - tumulul $_{3}$Q (53) din necropola Petuhov (după Полин 1992); 8 - tumulul $_{3}$S (56) din necropola Petuhov (după Полин 1992); 9 - tumulul $_{4}$B (59) din necropola Petuhov (după Полин 1992); 10 - mormântul 1/1 de la Pervomaevka (după Евдокимов, Фридман 1987); 11 - tumulul Kara-Tjube (după Болтрик 1993); 12 - mormântul 60/2 din necropola Aktaš (după Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988); 13 - mormântul 1/2 de la Lenino (după Яковенко 1970; Яковенко 1974); 14 - mormântul 49 din necropola plană de la Nicolaevka (după Мелюкова 1975); 15 - tumulul 154 de la Parcani (după Мелюкова 1962); 16, 17 - tumulul 159 de la Parcani (după Мелюкова 1962); 18 - tumulul 173 de la Parcani (după Мелюкова 1962); 19 - tumulul 402 de la Cioburci (după Фабрициус 1951); 20 - tumulul 405 de la Cioburci (după Мелюкова 1962); 21 - tumulul 9 de la Novovasil'vka (după Гребенников, Ребедайло 1991); 22 – mormântul de pe valul fortificaţiei de la Znamensk (după Погребова 1958).

Fig. 3. Opaiţe din bronz (1-3) şi candelabre din bronz (5) şi fier (4, 6-8), descoperite la monumentele din nordul Mării Negre: 1, 4 - mormântul 31/1 din necropola de la Hlinaia; 2 - tezaurul de la Klimenkov (după Яценко 1962); 3 - tumulul de la Artjuhov (după Толстой, Кондаков 1889); 5 - tumulul 24 (a. 1876) din necropola de la Nymphaion (după Силантьева 1959); 6 - mormântul 700 din necropola Ust'-Al'min (după Пуздровский 2007); 7 - cripta 620 din necropola Ust'-Al'min (după Пуздровский 2007); 8 - mormântul 730 din necropola Ust'-Al'min (după Пуздровский 2007).

Рис. 4. Opaiţe lucrate la roata olarului din necropola scitică de la Hlinaia: 1 - mormântul 2/2; 2 - mormântul 33/2; 3 - mormântul 37/1; 4 - mormântul 50/1; 5, 6 - mormântul 84/1; 7 - mormântul 88/1.

Fig. 5. Tipologia opaiţelor modelate cu mâna.

Fig. 6. Opaiţe modelate cu mâna din necropola scitică de la Hlinaia: 1 - mormântul 4/1; 2 - mormântul 7/1; 3 - mormântul 10/1; 4 - mormântul 11/1; 5 - mormântul 14/2; 6 - mormântul 17/1; 7 - mormântul 18/1; 8 - mormântul 18/2; 9 - mormântul 23/1; 10, 11 - mormântul 33/1; 12 - mormântul 38/1; 13 - mormântul 40/1; 14 - mormântul 49/1.

Fig. 7. Opaiţe modelate cu mâna din necropola scitică de la Hlinaia: 1 - mormântul 51/1; 2, 3 - mormântul 52/1; 4 - mormântul 54/2; 5 - mormântul 54/3; 6 - mormântul 55/1; 7 - mormântul 56/1; 8, 9 - mormântul 57/1; 10, 11 - mormântul 60/1.

Fig. 8. Opaiţe modelate cu mâna din necropola scitică de la Hlinaia: 1 - mormântul 60/2; 2, 3 - mormântul 61/1; 4 - mormântul 63/1; 5 - mormântul 66/1; 6, 7 - mormântul 69/2; 8 - mormântul 74/1; 9 - mormântul 76/1; 10 - mormântul 78/3; 11 - mormântul 79/1; 12 - mormântul 86/1.

Fig. 9. Opaiţe modelate cu mâna (1-5) şi vase lucrate la roată (6) şi modelate cu mâna (7-12), utilizate ca opaiţe din necropola scitică de la Hlinaia: 1 - mormântul 88/1; 2 - mormântul 91/2; 3 - mormântul 92/1; 4 - mormântul 96/1; 5 - mormântul 112/1; 6 - mormântul 41/2; 7 - mormântul 2/2; 8 - mormântul 3/1; 9 - mormântul 13/1; 10 - mormântul 17/1; 11 - mormântul 76/1; 12 - mormântul 80/1.

Lamps in the funeral practice of the Scythians of the North Black Sea littoral

Abstract

The article analyzes the place of the lamps in the funeral practice of the Scythians of the Northern Black Sea littoral. Metal (bronze and iron), as well as wheel made and hand-made lamps are examined. It is indicated that the bronze and wheel made lamps are Greek imports; iron lamps are products of local blacksmiths; hand-made lamps are imitations of Greek wheel made models. A typology that takes into account the morphological features of all vessels is done for hand-made lamps. The wide spread of the lamps in Scythian burial complexes in the North Black Sea littoral in 3rd-2nd centuries BC in comparison with the previous time, testifies about transition to a sedentary way of life of Scythian population at this time and about Greek influence on its funeral practice and material culture.

List of illustrations:

Fig. 1. Granite (1), iron (6) and bronze (2-5, 7-9) lamps from the monuments of North Black Sea littoral: 1 - burial 13/4 L'vovo (after Евдокимов 1992); 2 - barrow Baba (after Национальный музей 2013); 3 - Olăneşti hoard (after Сергеев 1966); 4 - barrow Chertomlyk (after Алексеев, Мурзин, Ролле 1991); 5 - barrow Oguz (after Спицын 1906); 6 - burial 4/2 of Strashnaya Mogila group (after Тереножкин и др. 1973); 7 - barrow 6 Bashmachka (after Спицын 1901); 8 - Central tomb of the Tolstaya Mogila (after Мозолевський 1979); 9 - household niche of the Lateral tomb of the Tolstaya Mogila (after Мозолевський 1979).

Fig. 2. Wheel-made (1-13) and handmade (14-22) lamps from the Scythian burial monuments of the North Black Sea littoral: 1 - burial 16/1 of the Kugurluy cemetery (after Полин 2014); 2 - burial 18/2 of the Kugurluy cemetery (after Полин 2014); 3 - burial 24/1 of the Kugurluy cemetery (after Полин 2014); 4 - burial 67 of the soil cemetery Nikolaevka (after Мелюкова 1975); 5 - barrow $_{2}$J (33) of the Petukhovka cemetery (after Полин 1992); 6, 7 - barrow $_{3}$Q (53) of the Petukhovka cemetery (after Полин 1992); 8 - barrow $_{3}$S (56) of the Petukhovka cemetery (after Полин 1992); 9 - barrow $_{4}$B (59) of the Petukhovka cemetery (after Полин 1992); 10 - burial 1/1 Pervomaevka (after Евдокимов, Фридман 1987); 11 - East manhole of the Kara-Tiube barrow (after Болтрик 1993); 12 - burial 60/2 of the Aktash cemetery (after Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988); 13 - burial 1/2 Lenino (after Яковенко 1970; Яковенко 1974); 14 - burial 49 of the soil cemetery Nikolaevka (after Мелюкова 1975); 15 - barrow 154 Parkany (after Мелюкова 1962); 16, 17 - barrow 159 Parkany (after Мелюкова 1962); 18 - barrow 173 Parkany (after Мелюкова 1962); 19 - barrow 402 Chobruchi (after Фабрициус 1951); 20 - barrow 405 Chobruchi (after Мелюкова 1962); 21 - barrow 9 Novovasil'evka (after Гребенников, Ребедайло 1991); 22 - burial on the earthwork of the Znamenskoe settlement (after Погребова 1958).

Fig. 3. Bronze lamps (1-3) and bronze (5) and iron (4, 6-8) candelabras from the monuments of the North Black Sea littoral: 1, 4 - burial 31/1 of the Glinoe cemetery; 2 - Klimenkov hoard (after Яценко 1962); 3 - Artyuhovsky barrow (after Толстой, Кондаков 1889); 5 - barrow 24 (1876) on the Nymphaeum necropolis (after Силантьева 1959); 6 - burial 700 of the Ust'-Alma necropolis (after Пуздровский 2007); 7 - vault 620 of the Ust'-Alma necropolis (after Пуздровский 2007); 8 - burial 730 of the Ust'-Alma necropolis (after Пуздровский 2007).

Fig. 4. Wheel made lamps from the Scythian cemetery of Glinoe on the left bank of the Lower Dniester: 1 - burial 2/2; 2 - burial 33/2; 3 - burial 37/1; 4 - burial 50/1; 5, 6 - burial 84/1; 7 - burial 88/1.

Fig. 5. Typology of the hand-made lamps.

Fig. 6. Hand-made lamps from the Scythian cemetery of Glinoe: 1 - burial l4/1; 2 - burial 7/1; 3 - burial 10/1; 4 - burial 11/1; 5 - burial 14/2; 6 - burial 17/1; 7 - burial 18/1; 8 - burial 18/2; 9 - burial 23/1; 10, 11 - burial 33/1; 12 - burial 38/1; 13 - burial 40/1; 14 - burial 49/1.

Fig. 7. Hand-made lamps from the Scythian cemetery of Glinoe: 1 - burial 51/1; 2, 3 - burial 52/1; 4 - burial 54/2; 5 - burial 54/3; 6 - burial 55/1; 7 - burial 56/1; 8, 9 - burial 57/1; 10, 11 - burial 60/1.

Fig. 8. Hand-made from the Scythian cemetery of Glinoe: 1 - burial 60/2; 2, 3 - burial 61/1; 4 - burial 63/1; 5 - burial 66/1; 6, 7 - burial 69/2; 8 - burial 74/1; 9 - burial 76/1; 10 - burial 78/3; 11 - burial 79/1; 12 - burial 86/1.

Fig. 9. Hand-made lamps (1-5) as well as wheel made (6) and hand-made (7-12) vessels used as lamps, from the Scythian cemetery of Glinoe: 1 - burial 88/1; 2 - burial 91/2; 3 - burial 92/1; 4 - burial 96/1; 5 - burial 112/1; 6 - foot of the amphorae from the burial 41/2; 7 – foot-ring of the bowl from the burial 2/2; 8 - cup from burial 3/1; 9 - the bottom of the bowl from the burial 13/1; 10 - the lower part of the pot from the burial 17/1; 11 - cup from burial 76/1; 12 - the lower part of the jug (?) from the burial 80/1.

22.01.2015

Др. Виталий Синика, Научно-исследовательская лаборатория «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября 128, 3300 Тирасполь, e-mail: sinica80@mail.ru

Др. Николай Тельнов, Институт культурного наследия АН РМ, бульвар Штефан чел Маре 1, MD-2022 Кишинёв, Республика Молдова, e-mail: telnovnikolai@mail.ru

NOI DESCOPERIRI ARHEOLOGICE DIN EPOCA FIERULUI ÎN PREAJMA SATULUI MANA, RAIONUL ORHEI

Aurel Zanoci, Octavian Munteanu
Ion Tentiuc, Valeriu Bubulici

Introducere

În primăvara anului 2011, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei a intrat în posesia unor importante piese arheologice[1] (o situlă din bronz, o strachină din ceramică, o spadă din fier, un vârf de lance, o pereche de pinteni, un umbo de scut, o brăţară spiralică din fier etc.), provenite dintr-un sit din preajma satului Mana, raionul Orhei. Conform informaţiei donatorului, situla care conţinea resturi de oase calcinate, cenuşă şi fragmente de lemn carbonizat, a fost descoperită într-o groapă. Restul pieselor menţionate au fost atestate în aceeaşi groapă, împreună cu situla. Ca urmare a analizei setului de artefacte şi a contextului descoperirii s-a ajuns la concluzia că ar putea fi vorba despre o înmormântare de incineraţie.

Pentru a clarifica situaţia pe teren şi a localiza înmormântarea, în iunie 2015 au fost întreprinse cercetări de suprafaţă pe situl de unde proveneau descoperirile, precum şi în spaţiul adiacent acestuia.

Mediul fizico-geografic

Microzona în care este localizat situl de la Mana se află în partea centrală a Codrilor Republicii Moldova şi ocupă partea vestică a actualului raion Orhei. Această regiune este traversată de râul Vatici, care izvorăşte de pe versanţii nordici din preajma satului Tabăra, la distanţa de cca 1,2 km de la limita estica a lui. Râul curge în direcţia nord-estică într-o vale relativ simetrică, care se lărgeşte considerabil înainte de a se vărsa în Răut, la distanţa de circa 16 km de la izvorul său. În preajma satului Mana, râul Vatici este alimentat de mai multe pâraie care şerpuiesc prin văile adânci, fragmentând puternic relieful microzonei, orientat de la nord-vest spre sud-est, în care altitudinea scade de la 350 spre 250 m. Altitudinea medie a cumpenelor de ape este de 300-150 m, având o densitate a fragmentării de 3-4 km/km² în partea nordică.

Suma temperaturilor de peste 0° C este de 3600°, care întrunesc 272 zile anual. Temperatura medie a lunii iulie este de +21° C, iar a lunii ianuarie de -3,5° C. Precipitaţiile ajung în partea nordică la 400 mm şi în cea sudică la 350 mm în perioada caldă, iar în cea rece – la cca 100 mm. Radiaţia solară este de 86 kcal/cm² în perioada caldă şi de 28 kcal/cm² în perioada rece (Софрони, Молдован, Стоев 1990; Danilescu 1999, 41).

Aceste condiţii au oferit spaţiului o vegetaţie silvică bogată care ocupă o suprafaţă de aproximativ 16% din teritoriu şi este reprezentată de păduri de foioase de tip central-european. Reprezentativi pentru vegetaţia Codrilor sunt fagul, gorunul şi stejarul comun. În etajul inferior al acestor păduri se dezvoltă un şir de arbuşti şi subarbuşti: sorbul, jugastrul, părul pădureţ, mărul pădureţ, cornul, alunul, păducelul, dârmozul etc. (Danilescu 1999, 73).

Regiunea se caracterizează prin suprafeţe considerabile de soluri de pădure, cu două tipuri principale: soluri brune şi soluri cenuşii de pădure şi soluri cu cernoziomuri podzolite şi levigate. Solurile brune şi solurile cenuşii de pădure (peste 40% din suprafaţă) se află sub pădurile de fag, stejar şi carpen, frasin şi stejar, ale părţii celei mai înalte a Codrilor, la altitudini cuprinse de obicei între 200 şi 350 m (Урсу 1977; Крупеников, Подымов 1987; Conea, Vintilă, Canarache 1977).

Siturile din preajma localităţii Mana

Ca urmare a prospecţiunilor arheologice întreprinse în apropierea satului Mana au fost descoperite trei fortificaţii (fig. 1)[2].

[1] Donator Serghei Golubev, sculptor.

[2] În urma cercetărilor de teren, realizate în anii '50-'70 ai sec. XX, în preajma satului Mana au fost atestate două aşezări: una de tip Poieneşti-Lucaşeuca (Mana I) şi, cea de-a doua – Sântana de Mureş-Černjahov (Mana II) (Levițki 1993, 34). Siturile descoperite de noi, respectiv, vor căpăta denumirile de Mana III, Mana IV şi Mana V.

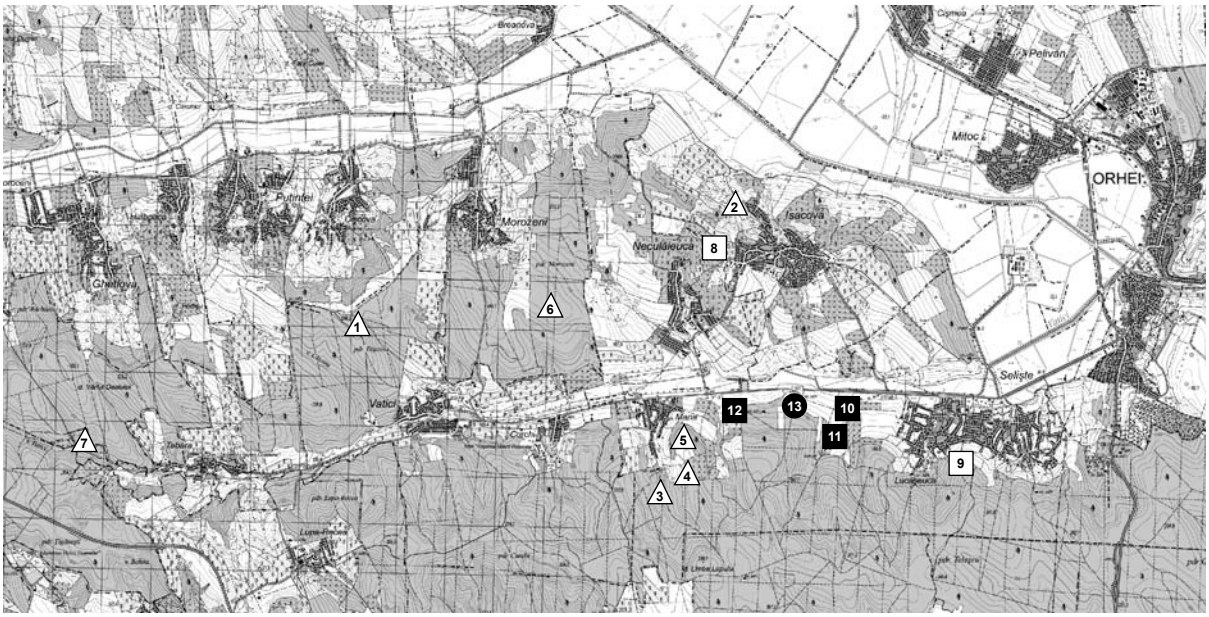


Fig. 1. Răspândirea siturilor din a doua jumătate a mil. I a. Chr. în bazinul râului Vatici (*situri traco-getice*: fortificaţii (△) - 1. Dâşcova; 2. Isacova; 3. Mana III; 4. Mana IV; 5. Mana V; 6. Morozeni; 7. Tabăra; aşezări deschise (□) - 8. Isacova; 9. Selişte. *situri Poieneşti-Lucaşeuca*: aşezări deschise (■) - 10. Lucaşeuca I; 11. Lucaşeuca II; 12. Mana I; necropole (●) - 13. Lucaşeuca III).

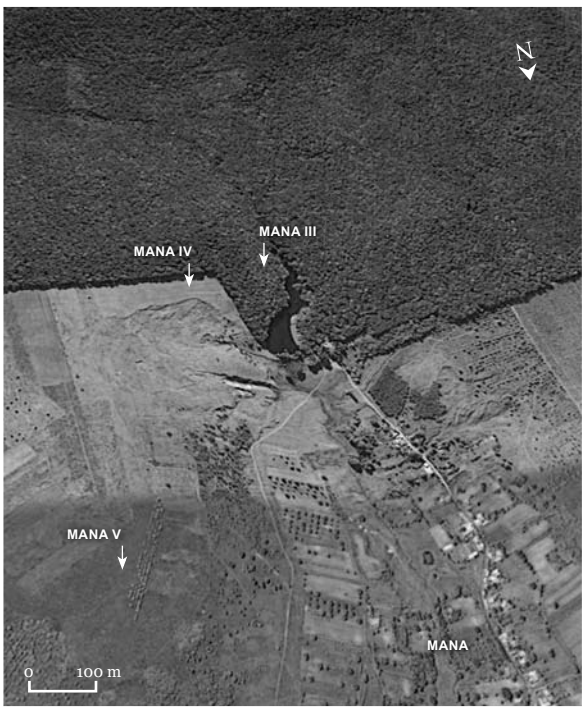


Fig. 2. Amplasarea fortificaţiilor din apropierea satului Mana.

Fortificaţia *Mana III* (coordonatele sitului: 47° 19' 26" N, 28° 41' 10" E) se află la cca 1 km sud de satul Mana şi este amplasată pe un promontoriu (altitudinea absolută cca 165 m) împădurit de formă quasi-triunghiulară format la confluenţa a două hârtoape adânci (fig. 3/1-3). Laturile lui de vest şi de est sunt abrupte[3], iar cea de nord – înclinată. În prezent vestigii ale elementelor defensive artificiale pot fi urmărite doar în părţile de nord şi de sud ale cetăţii. Astfel, pe capătul de nord al promontoriului se observă un val cu şanţ adiacent cu lungimea de cca 20 m, orientat nord-vest - sud-est. Lăţimea valului la bază este de cca 7 m, iar înălţimea maximă – de cca 1,5 m. Şanţul are o deschidere la gură de cca 6 m şi o adâncime de cca 0,6 m. Pe latura de sud, fortificaţia a fost apărată cu o linie defensivă, constituită, la fel, din val şi şanţ, care descriu un arc de cerc cu lungimea de cca 45 m. Valul are în prezent lăţimea la bază de cca 10 m şi înălţimea de cca 1,2 m. Şanţul are lăţimea de cca 6,5 m şi adâncimea de cca 1 m (fig. 3/4). Incinta fortificaţiei, cu suprafaţa de cca 0,18 ha, avea lungimea de cca 60 m, iar lăţimea varia de la 20 la 40 m.

În urma cercetărilor de teren, efectuate în interiorul cetăţii, la suprafaţa solului au fost descoperite mai multe fragmente de ceramică şi bucăţi de lut ars (fig. 4/8, 9). De asemenea, a fost stabilit şi cercetat locul înmormântării de incineraţie[4].

[3] Actualmente diferenţa de nivel dintre suprafaţa fortificaţiei şi fundul hârtoapelor este de cca 6 m.

[4] Pentru descrierea înmormântării şi a inventarului ei a se vedea articolul semnat de I. Tentiuc, V. Bubulici, A. Simalcsik din numărul de faţă al revistei (p. 221-248).

1

Ceramica descoperită este reprezentată de fragmente de la recipiente modelate cu mâna (16 fr.) şi lucrate la roata olarului (2 fr.).

Cea modelată cu mâna a fost confecţionată din pastă de lut cu adaus de şamotă. Arderea este incompletă şi neuniformă. Culoarea variază de la cărămiziu la cenuşiu. Din această categorie se evidenţiază: două fragmente de buză de oală (fig. 4/4, 5), două fragmente de pereţi de oală cu suporturi aplatizate (fig. 4/1, 2) şi un fragment de fund de oală (fig. 4/3).

Ceramică similară este cunoscută în siturile traco-getice din bazinul Răutului Inferior – Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 87), Măşcăuţi „Dealul cel Mare" (Zanoci 2004, fig. 20), Potârca (Niculiţă, Matveev, Potângă 1999, fig. 7) etc., la cele din regiunea Nistrului Mijlociu – Saharna Mare (Niculiţă et al. 2013, fig. 58), Saharna Mică (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 14/1-9), precum şi în alte teritorii populate de aceste comunităţi (Teodor 1999, fig. 25).

Fragmentele de ceramica lucrată la roata olarului, după particularităţile lor, au făcut parte dintr-o amforă grecească (fig. 4/6, 7).

2

3

4

Fig. 3. Mana III. 1 - planul-schemă al fortificaţiei; 2 - promontoriul pe care este amplasată cetatea (vedere dinspre nord-est); 3 - canionul de pe latura de est a cetăţii (vedere dinspre sud); 4 - „valul" şi şanţul de pe latura de sud (vedere dinspre vest).

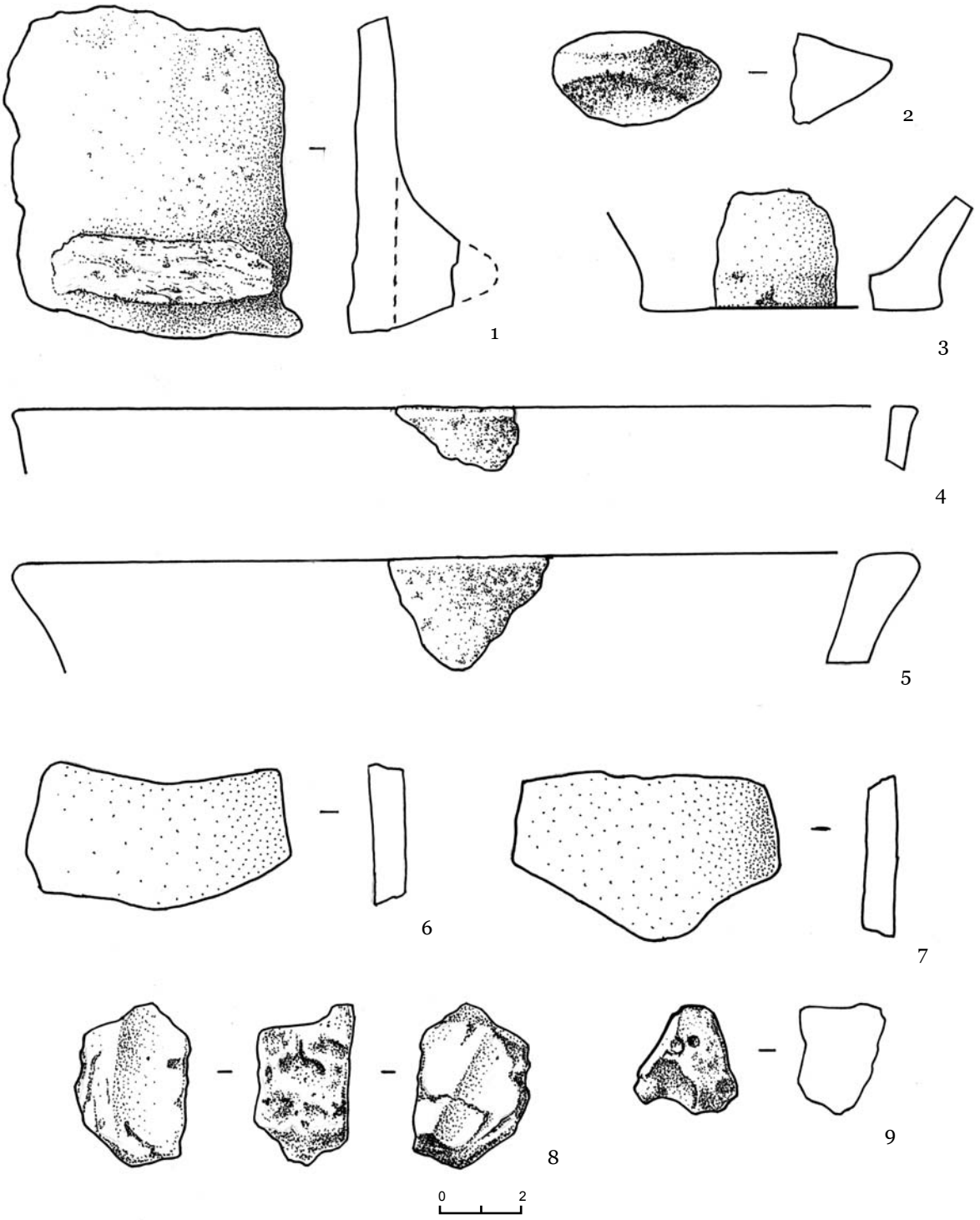


Fig. 4. Mana III. Materiale descoperite la suprafaţa solului: 1-5 - fragmente de ceramică modelată cu mâna; 6, 7 - fragmente de amfore greceşti; 8, 9 - bucăţi de lut ars.

De pe suprafaţa sitului, dintr-un context arheologic neclar, provin trei piese din fier[5]: o fibulă, o agrafă circulară şi o brăţară.

Fibula din fier (fig. 5/1). Fibulă de dimensiuni mici, puternic arcuită, cu resort bilateral din 12 spire (6+6), cu arcul îngroşat şi coardă exterioară. Acul s-a păstrat fragmentar, iar port-agrafa lipseşte. Lungimea păstrată a piesei este de 3,8 cm. Având în vedere caracteristicile părţii păstra-

[5] Pentru descrierea înmormântării şi a inventarului ei a se vedea articolul semnat de I. Tentiuc, V. Bubulici, A. Simalcsik din numărul de faţă al revistei (p. 221-248).

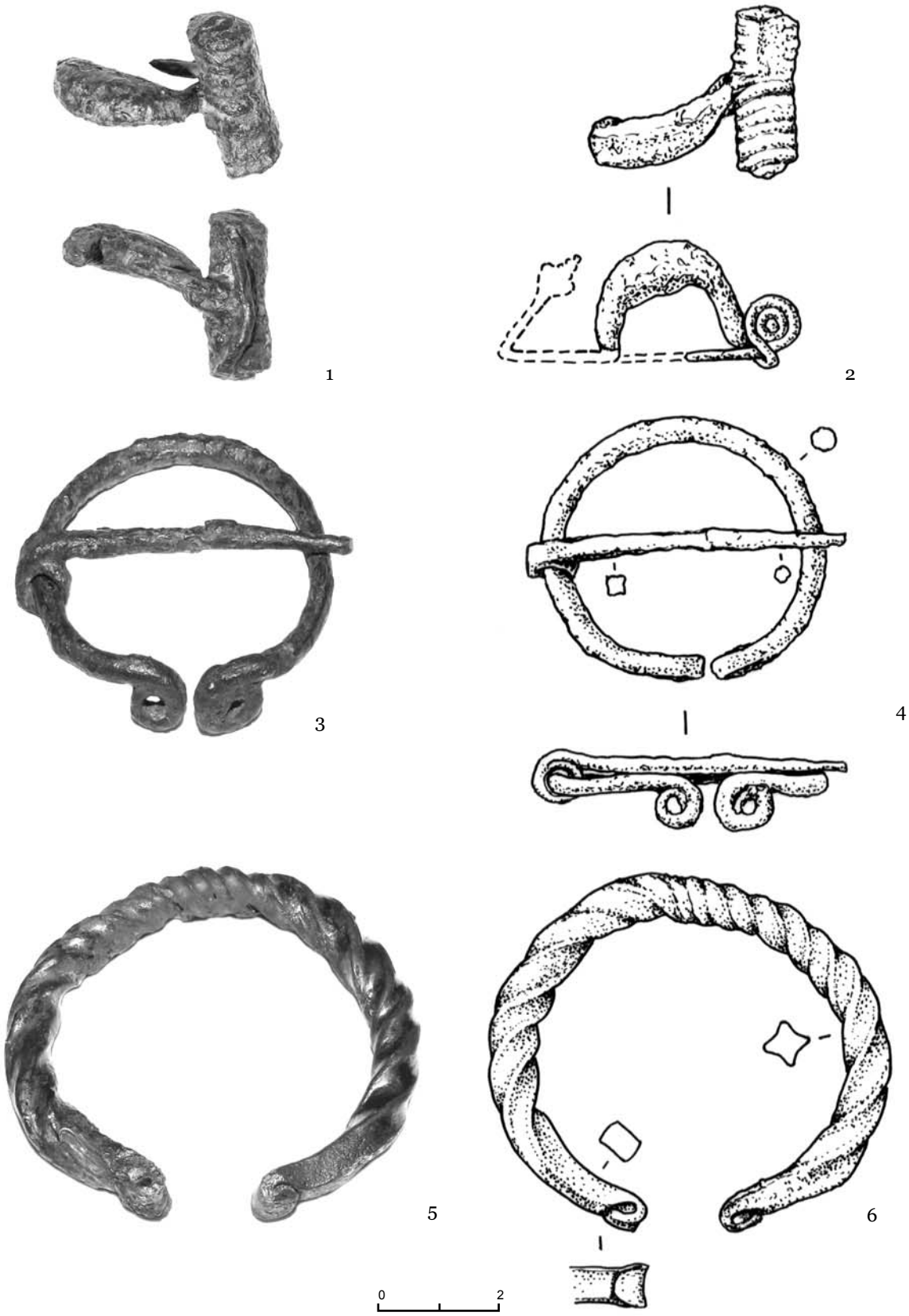
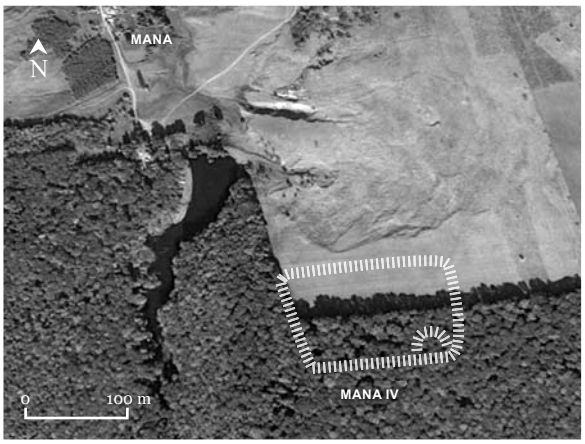


Fig. 5. Mana III. Piese din fier descoperite fortuit.

te, piesa poate fi raportată la categoria fibulelor de tip Dux, definită în urma descoperirii unui tezaur în preajma localităţii Duchcov din Cehia (lb. germană: Dux). Respectivul tip de accesorii vestimentare se caracterizează prin piciorul îndoit către arc, prezentând o proeminenţă sferică pe acesta. Ea reprezintă forma evoluată a fibulelor specifice LtA şi precede fibulele cu piciorul prins de arc, din perioada mijlocie a celei de-a doua epoci a fierului (Karl 2006, 619). Acest tip de agrafe face parte din podoabele caracteristice pentru arealul central-European în secolul al IV-lea a. Chr., extinzându-se ulterior spre est. Fibulele de tip Dux apar în spaţiul carpatic încă din perioada primului orizont al locuirii celtice în Transilvania, datat de către S. Berecki cu ultimele decenii ale secolului IV a. Chr. (subfaza LtB1) (Berecki 2008, 52). Fibulele de tip Dux continuă să fie utilizate şi în Latène B2, inclusiv în spaţiul extra-carpatic (Топал 2012, 169-171, fig. 2/1-5), confirmare fiind exemplarele de la Buneşti-Avereşti, jud. Vaslui (Zirra 1991, 179, fig. 1/8), de la Bâzdâna-Cetate, jud. Dolj (Tătulea 1984, 102, fig. 7/4), de la Saharna Mare (Niculiţă et al. 2013, fig. 15/4; fig. 51/6), de la Saharna Mică (Кашуба, Хахеу, Левицкий 2002, fig. LIII/1) etc. Pornind de la cele expuse anterior, putem data fibula descoperită la Mana cu perioada LtB, respectiv cu intervalul de timp cuprins între sfârşitul secolului al IV-lea şi începutul secolului al III-lea a. Chr.



1

3

2

Fig. 6. Mana IV. 1 - planul-schemă al fortificaţiei; 2 - „valul” cetăţii (vedere dinspre est); 3 - „citadela” (vedere dinspre vest).

2. Agrafă circulară din fier cu capetele răsucite (Ringfibeln) (fig. 5/2). A fost confecţionată dintr-o bară rotundă în secţiune, cu diametrul de 0,4 cm. Piesa de formă circulară cu diametrul extern de 4,3×4,7 cm are extremităţile apropiate şi răsucite în formă de volute, dispuse perpendicular pe axa inelului. Acul, care se subţiază spre capăt, este confecţionat din bară cu diametrul de 0,3 cm şi lungimea de 5,5 cm. Astfel de fibule au fost descoperite atât în arealul culturii Zarubinec (Кухаренко 1964, 36; Еременко 1997, 158), cât şi în cadrul culturilor din nordul Germaniei din perioade sincrone (Tuitjer 1987, 137).

3. Brăţară din bară torsionată, cu capetele aplatizate şi îndoite în exterior (fibulă ?, fig. 5/3). A fost confecţionată dintr-o bară de fier rectangulară în secţiune, cu dimensiunile de 0,4×0,6 cm. Diametrul exterior al brăţării este de 6,2 cm, iar cel interior de aproximativ 4,6 cm. Brăţara este ruptă în două părţi aproximativ egale şi poartă urme de foc. Ca şi fibula circulară cu capetele răsucite, piesa torsionată îşi are corespondenţe în mediul culturilor din nordul Germaniei din perioada Latène-ului târziu.

Plecând de la nivelul actual de cercetare a sitului de la Mana III, se poate afirma că iniţial aici a existat o fortificaţie traco-getică care a fost distrusă sau abandonată odată cu penetrarea în această zonă a comunităţilor Poieneşti-Lucaşeuca (sau într-o perioadă de până la declanşarea acestui fenomen). Ulterior promontoriul a fost în vizorul comunităţilor ce au lăsat vestigiile de tip Poieneşti-Lucaşeuca, drept dovadă fiind înmormântarea de incineraţie de la periferia de nord a sitului şi piesele din fier descoperite fortuit pe suprafaţa sitului.

Fortificaţia *Mana IV* (coordonatele sitului: 47° 19’ 39” N, 28° 41’ 22” E) se află la cca 0,8 km sud-est de localitate, la est de cetatea Mana III (fig. 6/1). Ea a fost amplasată pe o terasă înaltă (altitudinea absolută cca 180 m), mărginită dinspre vest de un canion adânc[6] pe al cărui fund actualmente se află un iaz. Incinta, de formă quasi-poligonală cu dimensiunile de cca 300×230 m (cca 7 ha), a fost delimitată la nord, est şi sud de un „val” cu

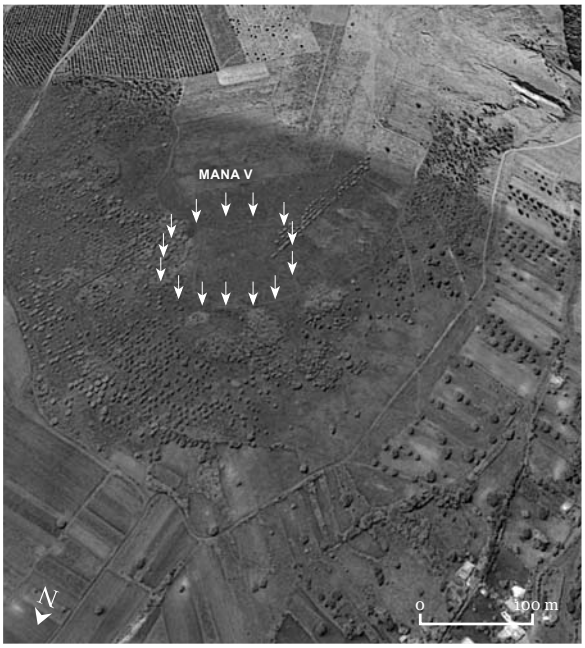


Fig. 7. Mana V. Ortofotoplanul fortificaţiei (după Google Earth).

lungimea totală de cca 0,8 km, iar dinspre vest de malul abrupt al canionului. În prezent suprafaţa cetăţii este ocupată de pădure, în proporţie de cca 75%, ceea ce a condus la deteriorarea sistemului defensiv artificial. Mai bine s-au păstrat urmele „valului” pe porţiunea neîmpădurită (fig. 6/2). Aici el are lăţimea la bază de cca 7 m şi înălţimea de 0,6-0,8 m.

În partea de sud-vest a fortificaţiei se evidenţiază o mică incintă (cca 50×30 m) de formă semicirculară, delimitată dinspre nord, est şi sud de un „val”, iar dinspre vest de malul abrupt al canionului (fig. 6/3). Actualmente „valul” are lăţimea la bază de cca 4 m, iar înălţimea – de cca 0,7 m. În prezent, în această incintă pot fi observate penetrări ale apei la suprafaţa solului. De asemenea, aici a fost atestată şi o fântână părăsită. Astfel, putem trage concluzia că zona respectivă este bogată în apă potabilă, fapt care i-a îndemnat pe locuitorii sitului să o apere prin intermediul unui sistem defensiv artificial.

Cercetările perieghetice efectuate în fortificaţia Mana IV nu au scos în evidenţă careva materiale care ar permite o încadrare cronologică a sitului. Însă, ţinând cont de prezenţa unei fortificaţii traco-getice de proporţii mici (Mana III) în imediata apropiere, se poate presupune că cea din punctul Mana IV, cu suprafaţa de cca 7 ha, a funcţionat în aceeaşi perioadă şi a servit drept loc de refugiu.

[6] Piesele au fost recuperate de la Serghei Golubev, care ne-a informat că fibula şi agrafa au fost descoperite în incinta cetăţii, la suprafaţa solului, iar brăţara – pe fundul canionului din preajma sitului. Donatorul menţionează şi un cuţit din fier cu lama curbată care, spre regretul nostru, nu a putut fi recuperat.

Fortificaţia *Mana V* (coordonatele sitului: 47° 20' 10" N, 28° 41' 29" E) se află la cca 0,5 km est de satul Mana, cca 0,8 km sud de şoseaua Orhei - Călăraşi şi cca 1,1 km nord-est de situl Mana III (fig. 7). Ea este amplasată pe un bot de deal (altitudinea absolută cca 175 m) ce se înalţă deasupra văii râului Vatici cu cca 95 m. Cetatea, de formă quasi-ovală cu dimensiunile de cca 100×65 m (cca 0,5 ha), a fost apărată de jur-împrejur cu un sistem defensiv artificial care, actualmente are aspectul unui „val" abia vizibil la suprafaţa solului. În locurile mai bine conservate el atinge lăţimea la bază de cca 3-4 m şi înălţimea de 0,3-0,5 m. Cercetările de suprafaţă nu au scos în evidenţă ceva materiale arheologice care ar putea permite încadrarea cronologică a acestui sit. Însă, este foarte probabil că această fortificaţie, de dimensiuni reduse, a avut funcţie de avanpost, menit să supravegheze bazinul râului Vatici, precum şi culoarul prin care se putea ajunge la fortificaţia Mana III.

Locul siturilor de la Mana în contextul descoperirilor arheologice din a doua jumătate a mil. I a. Chr. în bazinul râului Vatici

Fortificaţiile din preajma satului Mana nu sunt singurele situri din epoca fierului cunoscute în bazinul râului Vatici. Perieghezele şi investigaţiile arheologice întreprinse în această regiune, începând cu anii '50 ai secolului trecut, au scos în evidenţă mai multe monumente din epoca fierului (fig. 1) care, în linii generale, ţin de două orizonturi cultural-cronologice: traco-getic (sec. IV-III a. Chr.) şi Poieneşti-Lucaşeuca (sec. II-I a. Chr.).

Astfel, comunităţilor traco-getice au fost atribuite patru fortificaţii (exceptând pe cele din preajma s. Mana) şi două aşezări civile, iar culturii Poieneşti-Lucaşeuca – trei aşezări civile şi o necropolă.

Cu excepţia aşezării Lucaşeuca II şi a necropolei Lucaşeuca III, unde au fost întreprinse investigaţii arheologice în anii '50 ai secolului XX, restul siturilor rămân a fi cunoscute doar prin cercetări de suprafaţă.

Situri traco-getice

Fortificaţia *Dâşcova* (r-nul Orhei) se află la cca 1,5-2,0 km sud de sat, în locul numit „Ponoare" („La Ponoare") sau „Cetăţuia" („La Cetăţuie"). Cetatea este amplasată pe un promontoriu format de două râpe laterale şi are incinta de formă circulară cu diametrul de cca 150 m. Dinspre platou situl a fost apărat prin intermediul unui val cu şanţ adiacent, care descriu un semicerc. Sistemul defensiv este puternic aplatizat.

Descoperită şi periegheze – I. Hâncu (1989).

Bibl. Hâncu 1993, 79-80; Leviţki 1993, 31; Zanoci 1998, 130; Arnăut 2003, 212; Haheu 2008, 70.

Cetatea *Isacova* (r-nul Orhei) este situată la marginea de nord-vest a localităţii, în punctul „Cetăţuia". Fortificaţia este amplasată pe un promontoriu apărat natural pe trei laturi de pante abrupte. Incinta, cu dimensiunile de 200×60 m, ocupă partea centrală a promontoriului şi era fortificată pe două laturi opuse prin intermediul valurilor cu şanţuri adiacente.

De la suprafaţa solului au fost recoltate fragmente de ceramică traco-getică şi de la amfore elenistice.

Descoperită de G. Fedorov (1950).

Bibl. Федоров 1952, 42; Златковская, Полевой 1969, 50; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 48; Hâncu 1993, 83-84; Zanoci 1998, 137; Arnăut 2003, 228; Haheu 2008, 73.

Fortificaţia *Morozeni* (r-nul Orhei) este situată la sud-est de sat, în punctul „Horodinca", pe un promontoriu format de două râpe laterale. Incinta de formă quasi-triunghiulară, cu suprafaţa de cca 0,4 ha, a fost apărată pe latura accesibilă prin intermediul unui val cu şanţ adiacent. Valul, în momentul descoperirii sitului, se mai păstra pe o înălţime de cca 1 m, iar şanţul avea adâncimea de cca 0,5 m. De la suprafaţă au fost recoltate fragmente de ceramică traco-getică.

Descoperită de I. Hâncu (1985).

Bibl. Hâncu 1993, 87-88; Zanoci 1998, 140; Arnăut 2003, 237; Haheu 2008, 75.

Cetatea *Tabăra* (r-nul Orhei) este situată la cca 1,5 km vest de localitate în punctul numit „La Crucea lui Titu". Cetatea este amplasată pe un promontoriu de formă triunghiulară, format de bifurcaţia văii adânci şi înguste „Râpa Sâcâi". Incinta, cu suprafaţa de 130×60 m, a fost fortificată pe latura accesibilă prin intermediul unui val cu şanţ adiacent, ce descriu în plan o linie curbă. Rămăşiţele valului se mai păstrează pe o înălţime de cca 1 m, iar şanţul are adâncimea de cca 2,4 m. Din sondajul cu dimensiunile 6×3 m au fost recoltate fragmente de ceramică traco-getică şi un fragment de amforă de Heraclea Pontică.

Descoperită şi sondaje – A. Levinschi, S. Covalenco, S. Bodean (2004).

Bibl. Levinschi, Covalenco, Bodean 2006, 39-40; Haheu 2008, 80-81.

Aşezarea *Selişte* (r-nul Orhei) se află la marginea de sud-vest a satului, pe panta unui deal. Parţial este ocupată de sat, altă parte – de viile sătenilor. De la suprafaţă au fost recoltate fragmente de ceramică Cucuteni-Tripolie şi getică.

Descoperită şi periegheze – V. Haheu (1984).

Bibl. Leviţki 1993, 33; Arnăut 2003, 261.

Situl *Isacova* (r-nul Orhei) este amplasat pe panta unei văi, la vest de localitate, în dreapta drumului ce desparte moşiile satelor Isacova şi Niculaeuca. De la suprafaţă au fost recoltate fragmente de ceramică traco-getică şi Sântana de Mureş - Černjahov.

Bibl. Leviţki 1993, 14; Arnăut 2003, 228.

Situri Poieneşti-Luceşeuca

Aşezarea *Lucaşeuca I* (r-nul Orhei) este situată la cca 1 km vest de sat pe panta văii Pecina, pe malul unui pârâu. În afară de materialele de tip Poieneşti-Lucaşeuca, situl mai conţine urme de locuire ale culturii Sântana de Mureş - Černjahov şi din perioada medievală.

Descoperită de E. Rikman (1953).

Bibl. Рикман 1957, 57; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 80.

Situl *Lucaşeuca II* (r-nul Orhei) este amplasat în apropierea aşezării Lucaşeuca I, la distanţa de 1,5-2,0 km vest de sat, în punctul numit de localnici „În Fund". Aşezarea, cu suprafaţa de cca 200×100 m, este limitată la est şi la vest de două pâraie.

Ca urmare a cercetărilor arheologice au fost descoperite vestigiile a şase locuinţe şi nouă gropi menajere, precum şi un bogat material arheologic atribuit culturii Poieneşti-Lucaşeuca. De asemenea, pe suprafaţa aşezării au fost atestate urme de locuire din perioada culturii Sântana de Mureş - Černjahov şi perioada medievală timpurie.

Descoperită de E. Rikman (1957). Cercetări arheologice – R. Vulpe şi M. Romanovskaja (1957); R. Vulpe şi I. Hâncu (1958); M. Romanovskaja (1959).

Bibl. Романовская 1962; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 80.

Aşezarea *Mana* (r-nul Orhei), cu suprafaţa de 400×300 m, se află la cca 1 km est de sat pe prima terasă a unui pârâu. De la suprafaţa sitului au fost recoltate fragmente de ceramică de tip Poieneşti-Lucaşeuca, Sântana de Mureş - Černjahov şi medievală timpurie.

Descoperită de I. Rafalovič (1973).

Bibl. Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 85-86; Leviţki 1993, 34.

Necropola *Lucaşeuca III* (r-nul Orhei) se află la cca 1,5 km vest de aşezarea Lucaşeuca II şi la cca 0,8 km sud faţă de şoseaua Orhei - Călăraşi, pe un promontoriu.

Au fost cercetate 21 înmormântări de incineraţie, caracteristice pentru cultura Poieneşti-Lucaşeuca. Necropola suprapune o aşezare hallstattiană timpurie. La rândul său ea a fost afectată de niveluri de locuire de tip Sântana de Mureş - Černjahov şi din perioada medievală.

Descoperită şi cercetări arheologice – G. Fedorov (1950, 1953, 1954, 1957).

Bibl. Федоров 1957; Федоров 1960; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 79-80.

Concluzii

Astfel, pornind de la cele expuse mai sus, se poate constata că bazinul râului Vatici a prezentat un interes sporit pentru comunităţile din a doua jumătate a mileniului I a. Chr. În aşa-numita perioadă traco-getică în această microzonă a existat o „aglomeraţie" de situri, compusă din cca şapte fortificaţii şi două aşezări deschise[7]. Fortificaţiile au fost înşiruite pe ambele maluri ale râului Vatici, fiind amplasate pe locuri înalte cu bune posibilităţi de supraveghere a spaţiului înconjurător. Din punctul nostru de vedere, ele au avut misiunea de a controla accesul prin bazinul acestui râu spre Răut, al cărui afluent este. În această perioadă „aglomeraţii" similare sunt atestate în mai multe regiuni populate de comunităţile traco-getice, cum ar fi: bazinul superior al Botnei (Munteanu 2015, 64-80), bazinul Răutului Inferior (Zanoci 2004, 45), bazinul Nistrului Mijlociu, în microzonele Saharna (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2015, 21-46) şi Horodişte-Ţipova (Zanoci, Niculiţă, Băţ 2015, 81-100) etc.

În secolele următoare (II-I a. Chr.) în această regiune se instalează comunităţile purtătoare ale culturii Poieneşti-Lucaşeuca, a căror prezenţă este documentată prin trei/patru aşezări, o necropolă şi un mormânt izolat (Mana III).

[7] Numărul mic al aşezărilor civile poate fi explicat, probabil, prin gradul insuficient de cercetare a acestei regiuni.

Bibliografie

Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi (Chişinău 2003).

Babeş 1993: M. Babeş, Die Poieneşti-Lukaševka-Kultur: ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt (Bonn 1993).

Berecki 2008: S. Berecki, The Chronology of the Celtic Discoveries from Transylvania. In: (Eds. V. Sîrbu, D. Lucian) Funerary Practices of the Bronze and Iron Ages in Central and South-Eastern Europe. Proceedings of the 9th International Colloquium of Funerary Archaeology from Bistriţa, May 9th-11th, 2008 (Cluj-Napoca 2008), 47-65.

Conea, Vintilă, Canarache 1977: A. Conea, I. Vintilă, A. Canarache, Dicţionar de ştiinţa solului (Bucureşti 1977).

Danilescu 1999: I. Danilescu, Studiu landşaftic al părţii centrale şi sud-estice din Republica Moldova. Teză de doctorat susţinută la Universitatea A. I. Cuza, Iaşi, 1999 (manuscris).

Fowler 1960: E Fowler, The Origin and Development oft he Penannular Brooch in Europe. Proc. Prehist. Soc. 26, 1960, 149-177.

Haheu 2008: V. Haheu, Sisteme de fortificaţii traco-getice la est de Carpaţi (Chişinău 2008).

Hâncu 1993: I. Hâncu, Cetăţi antice şi medievale timpurii din Republica Moldova (Chişinău 1993).

Karl 2006: R. Karl, Duchcov. In: J.T. Koch (ed.), Celtic Culture. A Historical Encyclopedia, vol. I (Santa Barbara, Colorado, Oxford 2006), 619.

Levinschi, Covalenco, Bodean 2006: A. Levinschi, S. Covalenco, S. Bodean, Noi vestigii getice în zona Codrilor Moldovei. Tyragetia XV, 2006, 34-43.

Leviţki 1993: O. Leviţki, Repertoriul monumentelor arheologice din Republica Moldova. Raionul Orhei (Chișinău 1993). Arhiva MNIM, inv. nr. 30.

Munteanu 2015: O. Munteanu, Landscape and Getic populations in the upper course of the Botna river. In: (Eds. A. Zanoci, P. Ettel, M. Băţ) Fortified sites from the 1st millennium BC in Central and South-Eastern Europe. Materials of the Moldovan-Romanian-German Colloquium (Saharna, July 24th-26th, 2014) (Chişinău 2015), 63-80.

Niculiţă, Matveev, Potângă 1999: I. Niculiţă. S. Matveev, Ed. Potângă, Cetatea traco-getică Potârca. In: CA-ANT, III (Bucureşti 1999), 279-343.

Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (Bucureşti 2002).

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chişinău 2008).

Niculiţă, Zanoci, Băţ 2015: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Thraco-Getic fortifications in Middle Dniester region. Sites from Saharna micro-zone. In: (Eds. A. Zanoci, P. Ettel, M. Băţ) Fortified sites from the 1st millennium BC in Central and South-Eastern Europe. Materials of the Moldovan-Romanian-German Colloquium (Saharna, July 24th-26th, 2014) (Chişinău 2015), 21-46.

Niculiţă et al. 2013: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, S. Matveev, Investigaţiile arheologice la situl Saharna Mare (2009-2012) (II). Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 219-292.

Tătulea 1984: C.-M. Tătulea, Aşezarea geto-dacică fortificată de la Bîzdîna, judeţul Dolj. Consideraţii preliminare. Thraco-Dacica V/1-2 ,1984, 92-109.

Teodor 1999: S. Teodor, Regiunile est-carpatice ale României în secolele V-II î. Hr. Consideraţii generale şu repertoriu arheologic (Bucureşti 1999).

Tuitjer 1986: H.-G. Tuitjer, Iron Age Penannular Brooches from Northern Germany. Ant. Journal 66, 1986, 121-124.

Zanoci 1998: A. Zanoci, Fortificaţiile geto-dacice din spaţiul extracarpatic în secolele VII-III a. Chr. (Bucureşti 1998).

Zanoci 2004: A. Zanoci, Traco-geţii din bazinul Răutului Inferior. Cetatea Măscăuţi „Dealul cel Mare". In: Thracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II (Chişinău 2004), 45-81.

Zanoci, Niculiţă, Băţ 2015: A. Zanoci, I. Niculiţă, M. Băţ, Fortifications and open settlements of the 1st millennium BC in the micro-zone of Horodişte-Ţipova. In: (Eds. A. Zanoci, P. Ettel, M. Băţ) Fortified sites from the 1st millennium BC in Central and South-Eastern Europe. Materials of the Moldovan-Romanian-German Colloquium (Saharna, July 24th-26th, 2014) (Chişinău 2015), 81-100.

Zirra 1991: V.V. Zirra, Les plus anciennes fibules laténiennes en Roumanie. Dacia N.S. 35, 1991, 177-184.

Еременко 1997: В.Е. Еременко, «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура (Санкт-Петербург 1997).

Златковская, Полевой 1969: Т.Д. Златковская, Л.Л. Полевой, Городища Пруто-Днестровского междуречья IV-III вв до н.э. и вопросы политической истории гетов. В сб.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье (Москва 1969), 35-53.

Кухаренко 1964: Ю.В. Кухаренко, Зарубинецкая культура. САИ, вып. Д 1-19 (Москва 1964).

Крупеников, Подымов 1987: И.А. Крупеников, Б.П. Подымов, Классификация и систематический список почв Молдавии (Кишинев 1987).

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. В: АКМ вып. 4 (Кишинев 1974).

Мелюкова 1958: А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, 64, 1958, 5-102

Кашуба, Хахеу, Левицкий 2002: М.Т. Кашуба, В.П. Хахеу, О.Г. Левицкий, Фрако-гетские древности в южной лесостепи Среднего Днестра (культурно-хронологическая систематизация материалов из раскопок второй половины XX века. Stratum plus 3, 2002, 118-223.

Рикман 1957: Э.А. Рикман, Раскопки селищ первых веков нашей эры в Приднестровье. В сб.: КСИИМК, вып. 68 (Москва 1957).

Романовская 1962: М. Романовская, Селище Лукашевка II (по материалам раскопок 1959 г. СА 3, 1962, 293-298.

Софрони, Молдован, Стоев 1990: В.Е. Софрони, А.И. Молдован, В.Г. Стоев, Агроэкологические аспекты склонового земледелия в Молдавии (Кишинев 1990).

Топал 2012: Д. Топал, Новые находки раннелатенских импортов между Днестром и Прутом. В сб.: Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н.э. Материалы международной научной конференции, 16-19 октября 2012 г. (Тирасполь 2012), 169-171.

Урсу 1977: А.Ф. Урсу, Природные условья и география почв Молдавии (Кишинев 1977).

Федоров 1952: Г. Федоров, Отчет о полевых работах Славяно-Днестровской экспедиции за 1950 г. (Кишинев 1952). Arhiva MNIM, inv. nr. 401.

Федоров 1957: Г. Федоров, Лукашевский могильник. В сб.: КСИИМК, вып. 68 (Москва 1957).

Федоров 1960: Г. Федоров, Население Пруто-Днестровского междуречья в I тыс. н.э. МИА, вып. 89 (Москва 1960).

New archaeological discoveries of the Iron Age sites near the village of Mana, Orhei District

Abstract

As a result of archaeological investigations carried out in June 2015 near the village of Mana, there were found three fortified settlements: Mana III, Mana IV, and Mana V.

The hill fort of Mana III, an area of about 0,18 ha, is located on the promontory at a distance of 1 km south of the village. From the east and west sides the fort was protected by steep slopes of the promontory, and from the north and south sides – by "ramparts" and ditches. On the surface of the settlement there were found fragments of the Thraco-Getic hand-made pottery and fragments of Greek amphorae, due to which the settlement can be attributed to the Thraco-Getic period. Also, at the site there was investigated a cremation burial typical for the Poieneşti-Lukashevka culture.

The hill fort of Mana IV is located 0.8 km south-east of the village, on the terrace, which has a steep slope to the west. From the north, east and south it was protected by an earthen "rampart". The area of the monument is about 7 hectares.

The fortress of Mana V, an area of about 0.5 hectares, is located on a hill 0.5 km east of the village. It has a circular shape and was protected by a circular "rampart".

All these sites are located in the basin of the Vatici River, right tributary of the Răut. Besides the hill forts near the village of Mana, in the region there were previously found four fortified settlements (Tabăra, Morozeni, Dâşcova, Isacova) and two open settlements (Isacova, Selişte) relating to the Thraco-Getic period. Also, in the Vatici Basin several sites of the Poieneşti-Lukashevka culture were investigated – the settlements of Lukashevka I, Lukashevka II, Mana I, and the burial ground of Lukashevka III.

List of illustrations:

Fig. 1. Spread of archaeological sites of the second half of the 1st millennium BC in the Vatici Basin.

Fig. 2. Location of fortifications near the village of Mana.

Fig. 3. Mana III. 1 - layout of the settlement; 2 - the promontory on which the fort is located (view from the north-east); 3 - canyon on the eastern outskirts of the hill fort (view from the south); 4 - "rampart" and ditch on the north side of the hill fort (view from the west).

Fig. 4. Mana III. The archaeological materials found on the surface of the settlement: 1-5 - hand-made pottery; 6, 7 - fragments of Greek amphorae; 8, 9 - fragments of clay plastering.

Fig. 5. Mana III. Objects made of iron found on the surface of the settlement.

Fig. 6. Mana IV. 1 - layout of the settlement; 2 - "rampart" of the hill fort (view from the east); 3 - "citadel" (view from the west).

Fig. 7. Mana V. Orthophotomap of the settlement (by Google Earth).

Новые археологические открытия периода железного века вблизи села Мана, района Орхей

Резюме

В результате археологических разведок, проведенных в июне 2015 г. вблизи села Мана, были выявлены три городища: Мана III, Мана IV и Мана V.

Городище Мана III, площадью около 0,18 га, расположено на мысу в 1 км к югу от села. С востока и запада крепость была защищена крутыми склонами мыса, а с севера и юга – «валами» и рвами. На поверхности городища были обнаружены фрагменты фрако-гетской лепной керамики и фрагменты греческих амфор, что позволяет отнести городище к фрако-гетскому периоду. Также на памятнике было исследовано погребение, совершенное по обряду трупосожжения, инвентарь которого характерен для поенешть-лукашевской культуры.

Городище Мана IV находится на расстоянии 0,8 км к юго-востоку от села и расположено на террасе, имеющей с запада крутой склон. С севера, востока и юга оно было защищено земляным «валом». Площадь памятника около 7 га.

Крепость Мана V, площадью около 0,5 га, расположено на возвышенности в 0,5 км к востоку от села. Она имеет округлую форму и была защищена кольцевым «валом».

Все эти памятники находятся в бассейне реки Ватич, правого притока Реута. Кроме городищ у села Мана, в этом регионе ранее были обнаружены еще четыре городища (Табэра, Морозень, Дышкова, Исакова) и два открытых поселения (Исакова, Селиште), относящихся к фрако-гетскому периоду. Также в бассейне Ватича были исследованы несколько памятников Поенешть-лукашевской культуры – поселения Лукашеука I, Лукашеука II, Мана I и могильник Лукашеука III.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Распространение археологических памятников второй половины I тыс. до н.э. в бассейне реки Ватич.

Рис. 2. Расположение городищ вблизи села Мана.

Рис. 3. Мана III. 1 - план-схема городища; 2 - мыс, на котором расположено городище (вид с северо-востока); 3 - каньон на восточной окраине городища (вид с юга); 4 - «вал» и ров с северной стороны городища (вид с запада).

Рис. 4. Мана III. Археологические материалы, обнаруженные на поверхности городища: 1-5 - лепная керамика; 6, 7 - фрагменты греческих амфор; 8, 9 - фрагменты глиняной обмазки.

Рис. 5. Мана III. Предметы из железа, обнаруженные на поверхности городища.

Рис. 6. Мана IV. 1 - план-схема городища; 2 - «вал» городища (вид с востока); 3 - «цитадель» (вид с запада).

Рис. 7. Мана V. Ортофотоплан городища (по Google Earth).

20.07.2015

Dr. Aurel Zanoci, Universitatea de Stat din Moldova, str. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: azanoci@gmail.com

Dr. Octavian Munteanu, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă", str. Ion Creangă, 1, MD-2069 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: ocmunteanu@gmail.com

Dr. Ion Tentiuc, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: ion_tentiuc@yahoo.com

Valeriu Bubulici, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: vbubulici@mail.ru

A CREMATION BURIAL OF A HORSEMAN NEAR THE VILLAGE OF MANA (the Orhei district)

Ion Tentiuc
Valeriu Bubulici
Angela Simalcsik

Introduction

In 2011, the National Museum of History of Moldova (Chişinău) acquired archaeological objects that, according to a person who donated it to the museum, were all found at one spot near the village of Mana, the Orhei district[1]. The clearly funerary context of the artifacts that included intentionally bent weapons required the further investigation of the discovery site, and a team of museum researchers went to Mana to explore this site and gather additional information on the origin of the objects. A surface survey conducted at the place (fig. 1) that was named Mana III, resulted in localization of a burial pit with remains of a cremated burial and its full investigation. The team was also able to establish both geographical[2] and archaeological contexts of the discovery – the elements absolutely necessary for understanding the complex phenomena related to geographical and anthropogenic environment correlated with burial practices (fig. 2/1-3). It was established that the isolated cremation grave[3] was located on the southeast end of a high promontory formed by two deep ravines. The area between these two ravines proved to be well-suited for building in the Getae period fortification (the 4th-3rd centuries BC) protected by an artificial defensive system made of a rampart and a ditch separated the site from the field, and another rampart made between two ravines.

In order to determine the burial pit's outline and shape, and to find the rest of burial goods the research team conducted archaeological exca-

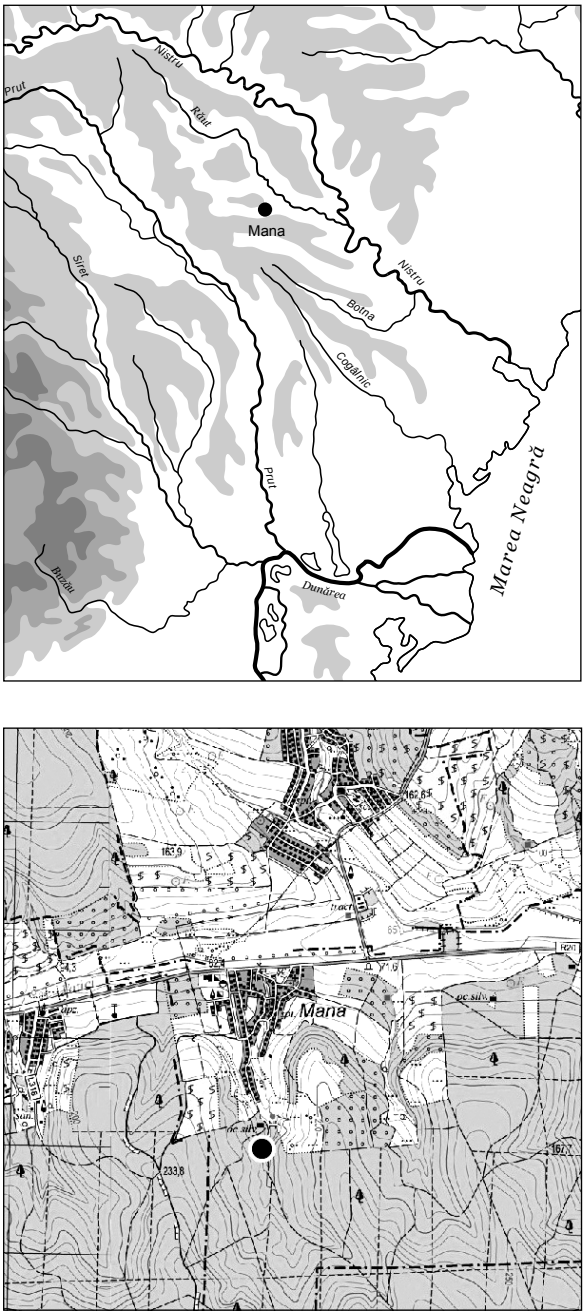
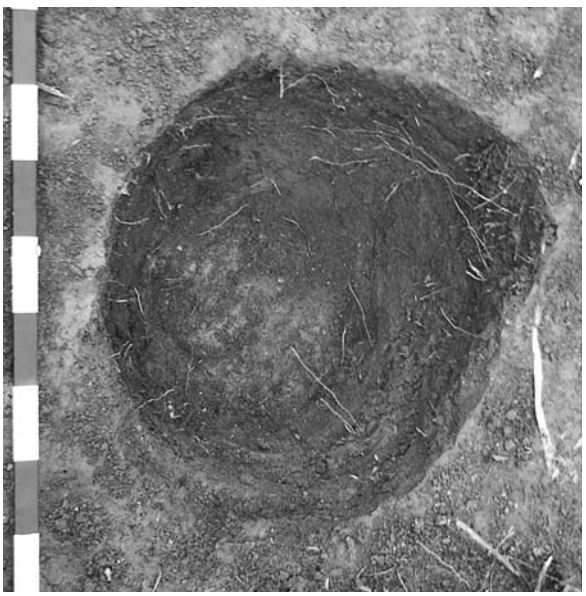


Fig. 1. Map with indication of the cremation grave near the village of Mana.

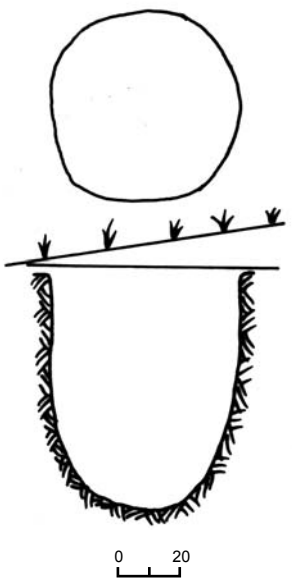
[1] The objects were donated to the Museum by sculptor S. Golubev, who helped us in locating the discovery site.
[2] For more details on works at the Mana III site and the cremation grave, see: A. Zanoci, O. Munteanu, I. Tentiuc, V. Bubulici in this issue (p. 209-220).
[3] The cremation grave will be considered an isolated grave until further systematic archaeological excavations at Mana III prove otherwise.

1

2



3



4

Fig. 2. Mana III. Cremation grave.

vations. The pit was circular in plan, measuring 58×63 cm. Out of 78 cm depth, the pit had 30 cm of vertical walls from the surface level, become narrower below, and formed a rounded bottom (fig. 2/4). The incinerated bones thrown by the discoverers and small fragments of an iron scabbard were found in the pit fill and at its bottom. Among the finds was also another iron object, probably, from a belt buckle. There was also an iron fragment, supposedly from one of the clamps used to fasten and embellished the scabbard.

The study of incinerated remains concluded that the grave belonged to a young man of 14-16 years old. Among the human bones the discovered were also ten burned bear claws. It seems that these claws belonged to a bearskin cloak, incinerated together with the deceased young warrior.

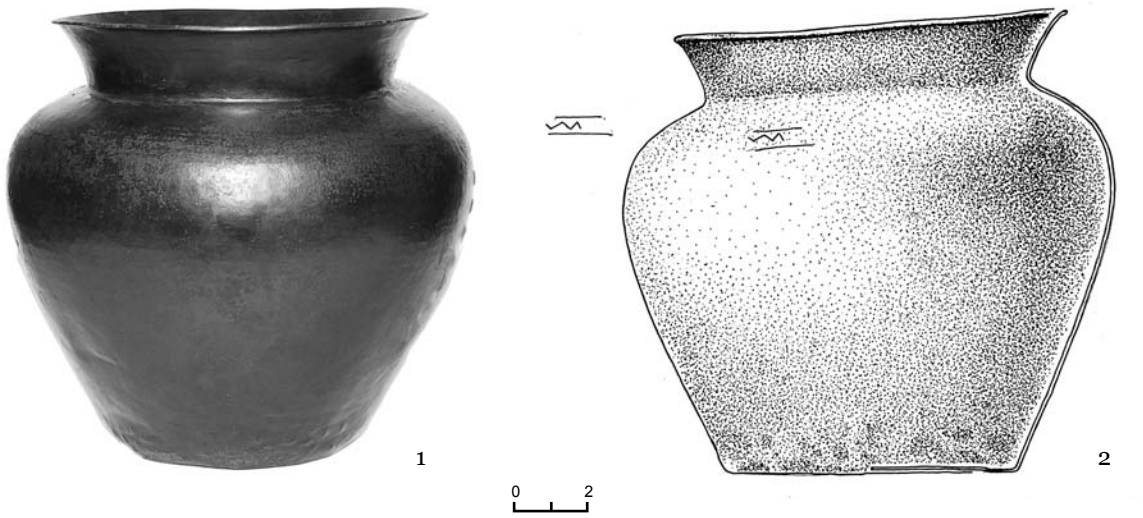


Fig. 3. Mana III. Bronze situla (urn).

I. Description of objects

1. Bronze situla (used as an urn) (fig. 3/1-2). The vessel is made out of the bronze sheets of about 0,1 cm thick. Its conical neck of 4,2 cm long ends with a bent and thickened rim, up to 0,2 cm outwards.

The situla has the high and rounded shoulders; its walls become thinner towards the flat bottom, with a slight rise in the middle of it. The bottom was repaired and fixed with 32 rivets, 29 of which preserved in place. The height of the vessel that has the beveled neck ranges between 23,5 and 24,6 cm; the diameter of the rim – 20,8 cm, the diameter of the neck – 17,1 cm; the maximum diameter (at the shoulders' level) – 26,8 cm of, and the bottom diameter measures between 15,5 and 16,8 cm (fig. 3/2). A zigzag line resembling a rune (which seems to be done from right to left) was incised on the shoulders in a pseudo-cartouche of 0,8 cm width that was formed by two, also incised, parallel lines of 2,6 (the upper one) and 3,2 cm (the lower one) length.

2. Ceramic bowl (fig. 4/1-2). It was modeled by hand from fine clay mixed with fine sand and small limestone concretions, and completely and evenly fired. The black polished bowl with smooth lustre surface partially lost its shine and has some matte spots. The bowl has the beveled and faceted rim, rounded shoulders, and narrow and flattened bottom. The diameter of the rim measures 28,5 – 29,1 cm, the diameter of the bottom is 8,6-9,3 cm,

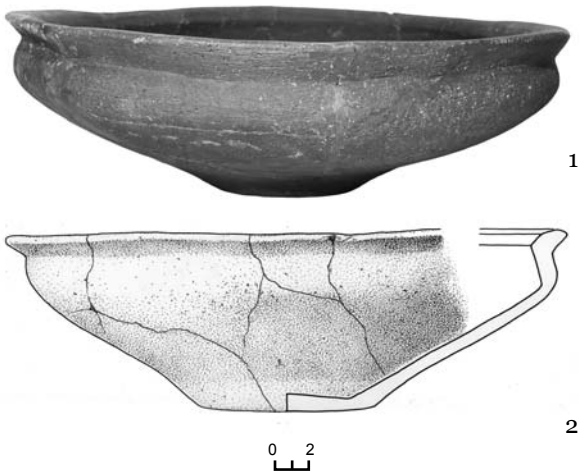


Fig. 4. Mana III. Hand-made bowl (lid).

with height of 9,1-9,5 cm. The vessel was in an accidental fire or happened to be nearby, because its inner and outer surfaces are covered with a layer of soot of about 0,1-0,2 cm thick.

3. Iron sword (fig. 5/1-2). The blade of the sword is bent several times; it was obviously done on purpose, according to a ritual. The sword's length is 102,3 cm, width – 4,7 cm. The blade of 86,0 cm length is double-edged, with a fuller in the middle. The blade has a rounded point; transition from the blade to the handle (for installing the guard) is achieved by gradual tapering, from 2,8-2,3 cm; this form sometimes is incorrectly called "bell-shaped". The sword's grip of 16,3 cm length is quadrangular in the cross-section measuring

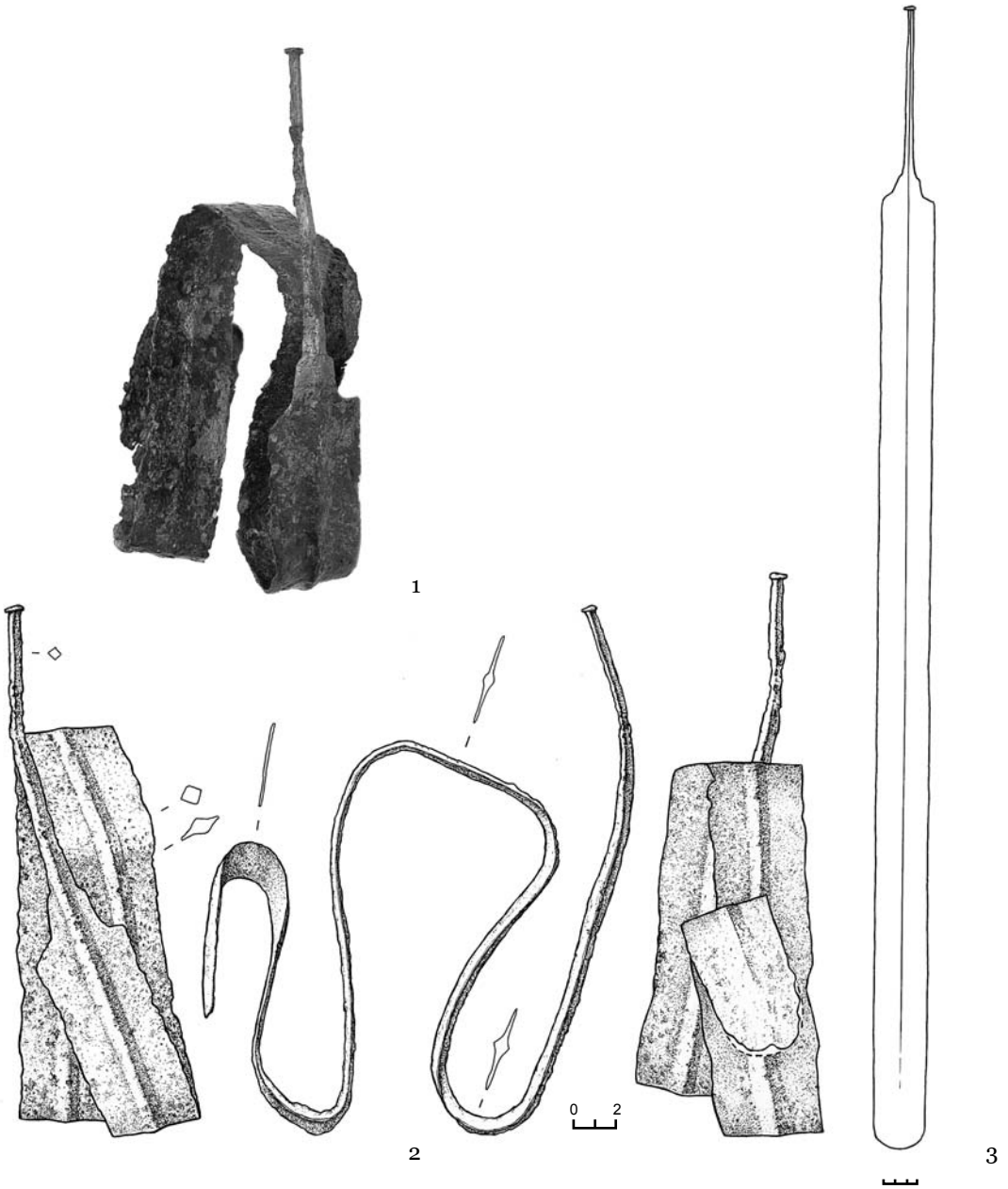


Fig. 5. Mana III. Double-edged sword.

0,8×0,4 cm. The grip tapers towards the small semi-spherical knob of 0,8×1,0 cm in size.

4. Iron scabbard (fig. 6/1-2). The scabbard is preserved only in fragments of different sizes. Its restored length is about 84 cm and width – 5,5-5,6 cm. Two parts of the scabbard were additionally fastened by the metal band running lengthwise. The remains of décor made by the blacksmith's forge are preserved on the upper part of the face: two adjacent buttons are placed perpendicular to the scabbard length and through embossed ribs with small knobes connected to the scabbard's edge. On the reverse of the scabbard is a hanger for attaching the scabbard to the belt. It is made out of an iron sheet (?) and fixed to the scabbard with two rivets placed 5,0 cm apart; its length – 8,5 cm and width – 1,8 cm; the ends of this element were rounded while the middle part was bent forming the area of 0,6×2,5 cm. The partially preserved termination of the scabbard is short, with slightly rounded end, with two spikes on each side.

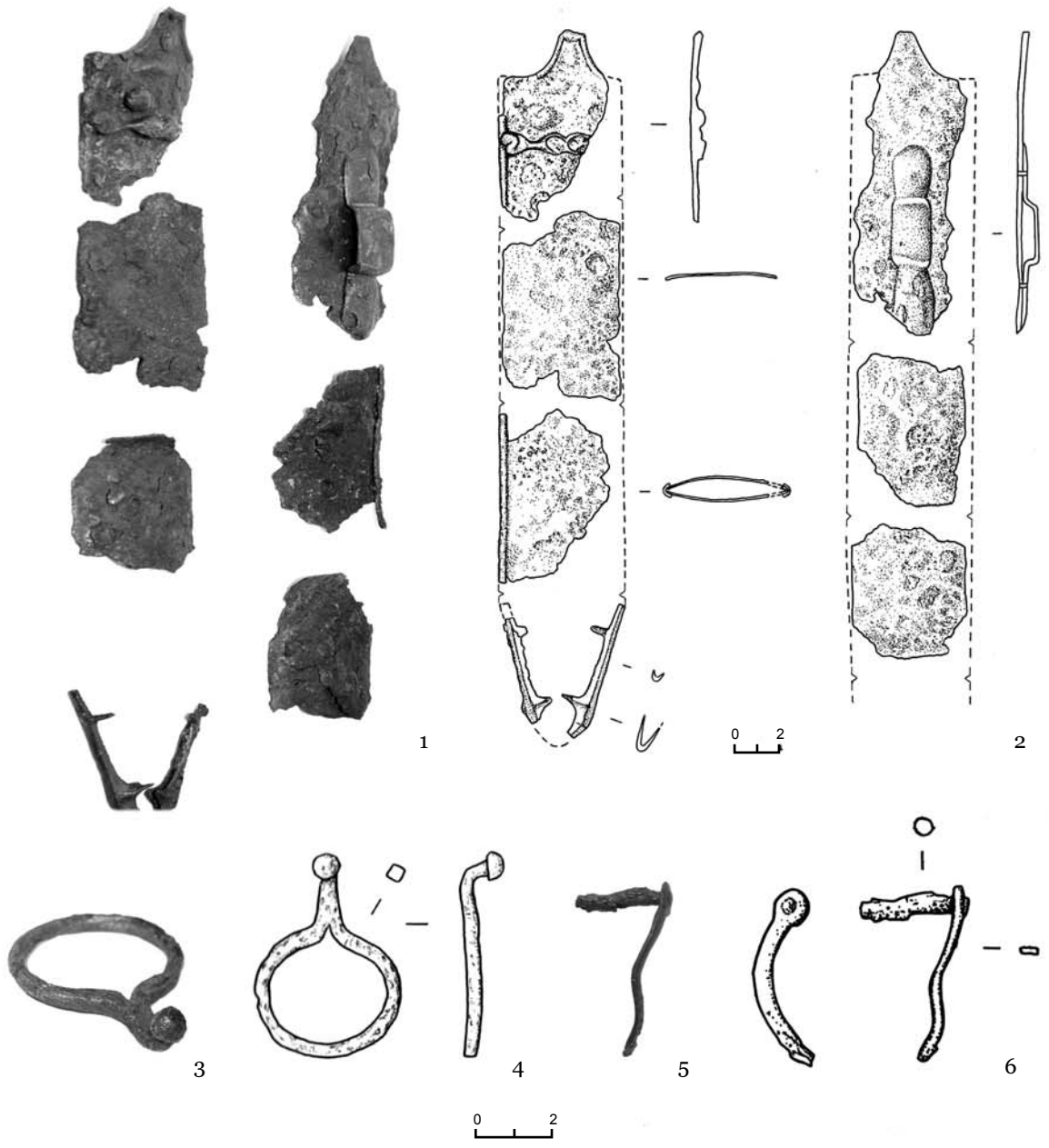


Fig. 6. Mana III. Iron scabbard (1-2), iron attaching hanger (3-4) and iron clam (5-6).

5. Iron spearhead (fig. 7/1-2). The spearhead has been bent on purpose before cremation. It belongs to the category of spearheads with short sockets round in the cross-section, and the long leaf-shaped and narrow blade with the rhombic cross-section. The bent spearhead is 23,5 cm long, and its original length was 48,8 cm with width of 3,5 cm. The maximum thickness of the blade is 1,2 cm. The socket is 7,5 cm long. At the base, it is oval in shape measuring 1,6×1,7 cm. The socket has two holes for pegs that fixed the spearhead to the shaft.

6. Shield umbo (fig. 8/1-2). Among the items deposited with the funerary urn was the central metal part of a shield – an umbo with a hemispherical dome. Only the domed part of the shield boss has been preserved in a satisfactory condition. The umbo was made out of a metal sheet of 0,2-0,3 cm thick on average. Based on its remains, we were able to make a graphical reconstruction of this piece. The diameter of the shield boss, including the rim is 17,8 cm, with total height of 6,6 cm. A diameter of the domed part at the base is 11,8 cm.

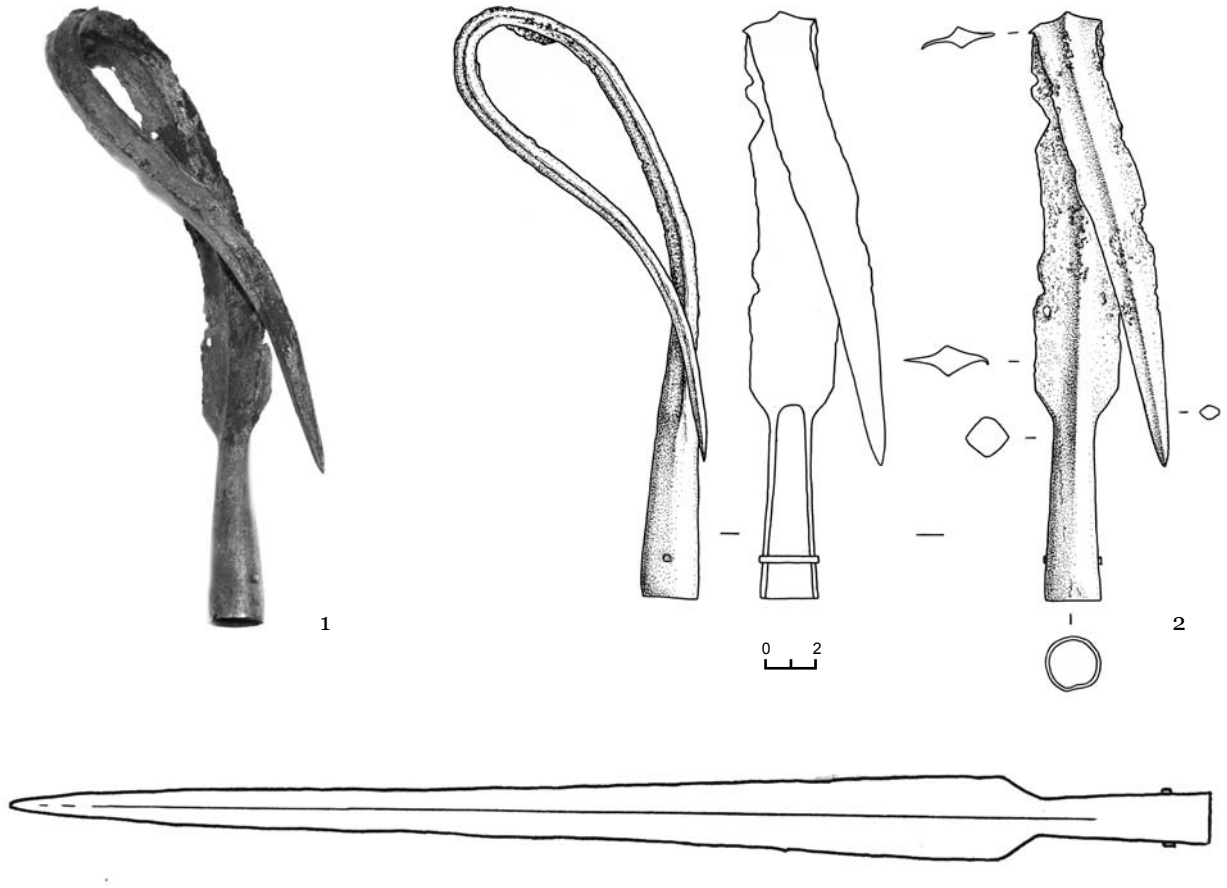


Fig. 7. Mana III. Iron spearhead.

The rim, strictly horizontal, has an average width of 3,6 cm. From the level of the rim, dome's walls are slightly tampered for 1,5 cm to the diameter of 11, 4 cm. There are six circular holes for the rivets; they are made at approximately equal distances between each other. All six rivets have been preserved. They have circular heads with diameter ranging from 2,8 to 3,1 cm. Their shanks were bent at 1,5 cm below the head at the right angle, and bent again close to the end, at the distance of 2,2 cm from the head of the rivet. Thus, the length of the rivets comes to about 4,2-4,3 cm. Taking this into consideration, we believe that the thickness of the wooden shield, to which the umbo was attached, reached 1,5 cm. There were also two decorative cuts on the rim made on both sides of the dome, one across another; their diameter is 2,0 cm (fig. 8/3-4).

7. Iron spurs (2 pieces) (fig. 9/1-2). Their arms, nearly semicircular, are made out of a rod 0,3 cm thick, with the sharp neck of 2,2-2,3 cm in length and stationary studs of 2,3 cm in diameter. The distances between the ends are 6,0 cm and 6,3 cm respectively, and their lengths are 2,3 cm and 2,4 cm.

8. Iron attaching hanger (for the belt?) (fig. 6/3-4). It is made out of the rectangular iron rod shaped like a round link, with ends joint together and terminating in the button finial of 0,7 cm in diameter. The rode is of 0,4-0,5 cm thick; the outer diameter of the link – 3,7 cm.

9. Iron spiral bracelet with button ends (fig. 10/1-2). The bracelet is made of a circular rod of 0,4 cm thick. It forms two incomplete spirals and to leaving the ends open. These open ends form semispherical buttons with a diameter of 0,7 cm. The front side of each button is decorated with two perpendicular lines of punched dots crossing in the center. The bracelet has the inner diameter of 6,5 cm, and the outer diameter of 7,3 cm.

10. *Iron clamp* (fig. 6/5-6). The clamp is made out of a flat rectangular rod, with one end widened, where there is a round hole of 0,5 cm in diameter for a rivet that still preserved. The preserved length of the clamp is 4,6 cm; its surface was care-

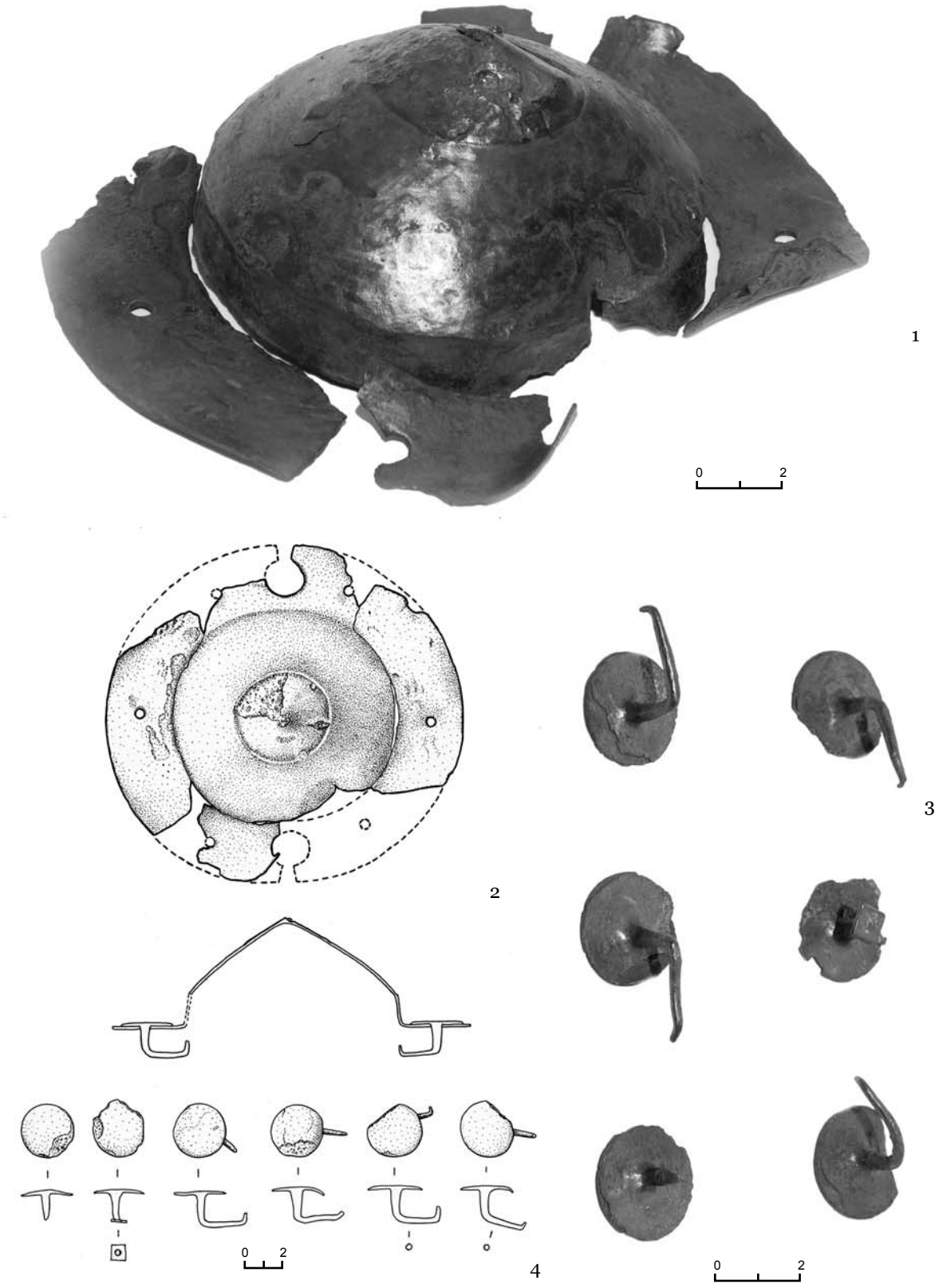


Fig. 8. Mana III. Iron umbo (1-2) and rivets for its fastening to the shield (3-4).

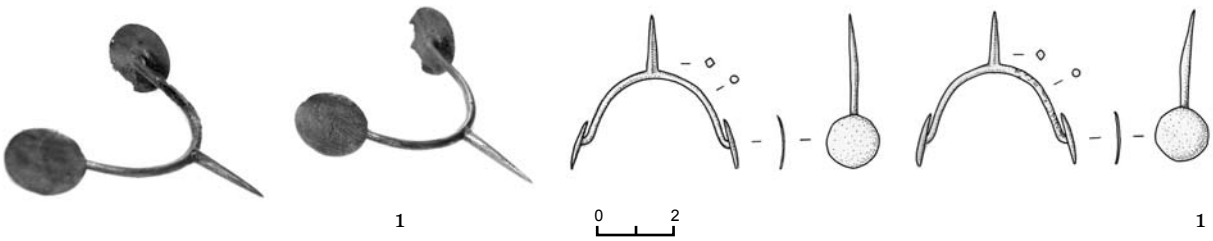


Fig. 9. Mana III. Iron spurs.

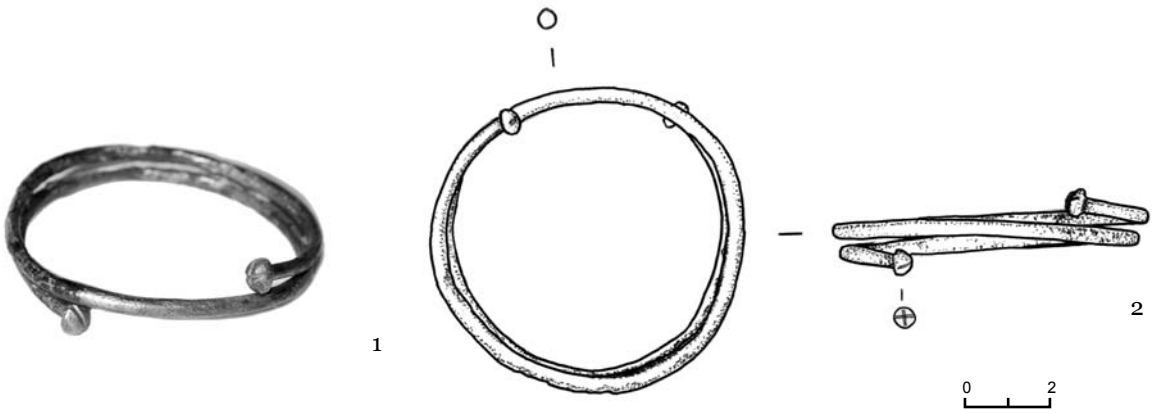


Fig. 10. Mana III. Iron double spiral bracelet.

fully polished. It seems to be one of the clamps used to strengthen and embellish the scabbard.

11. *Bear claws* (10 pieces) (fig. 11/1-2). The claws were found together with the iron clamp among the cremated human bones recovered by our team in 2015 from the bottom of the burial pit, where they were thrown by the discoverers. The degree the bear claws were burned matches the degree of the burned human bones placed in the bronze urn. An archaeozoological analysis determined that the claws belonged to the front paws of a mature bear. As a result of incineration, the length of the claws preserved only partially; their length varies from 2,1 cm to 4,3 cm.

II. Cultural framework of the burial rite

The assemblage (the iron sword, the scabbard, the spearhead, the shield umbo, the iron spurs, and the belt hook) accompanied the incinerated remains in the bronze situla suggests that the Mana III grave was a burial of a warrior horseman. The presence of the black ceramic bowl with a polished surface and faceted rim found along with the bronze urn, allows us to attribute this funerary complex to the Poieneşti-Lucaşeuca culture, and taken into account the association of the bearers of this culture with the Bastarnae, attribute the grave to one of them. In the East Carpathian area there are over 130 known sites of this cultural group, 120 of which are settlements, and 15 are flat necropolises or isolated burials. So far, only several necropolises associated with the Poieneşti-Lucaşeuca culture were excavated. The best known of them are the following: Poieneşti (the Vaslui county) – 115 graves (Vulpe 1953; Babeş 1993, 208-214; Babeş, Miriţoiu, Istrate, Coman 1980, 38-39); Boroseşti (the Iaşi county) – 150 graves (Babeş 1993, 183-192); Lucaşeuca (the Orhei district) – 21 graves (Федоров 1957, 51-62; Федоров 1960, 22-25); Dolineni (the Cernăuţi region) – 24 graves (Смирнова 1981, 193-201), and Buhăieşti (the Vaslui county) – 3 graves (Babeş 1993, 194). They are dated to the 2nd-1st centuries BC (Babeş 1993, 182-227; Babeş 2010, 548-550), or to the end of the 3rd - second half of the 1st century BC (Pačkova 2010, 542-543; Iarmulschi 2013, 41).

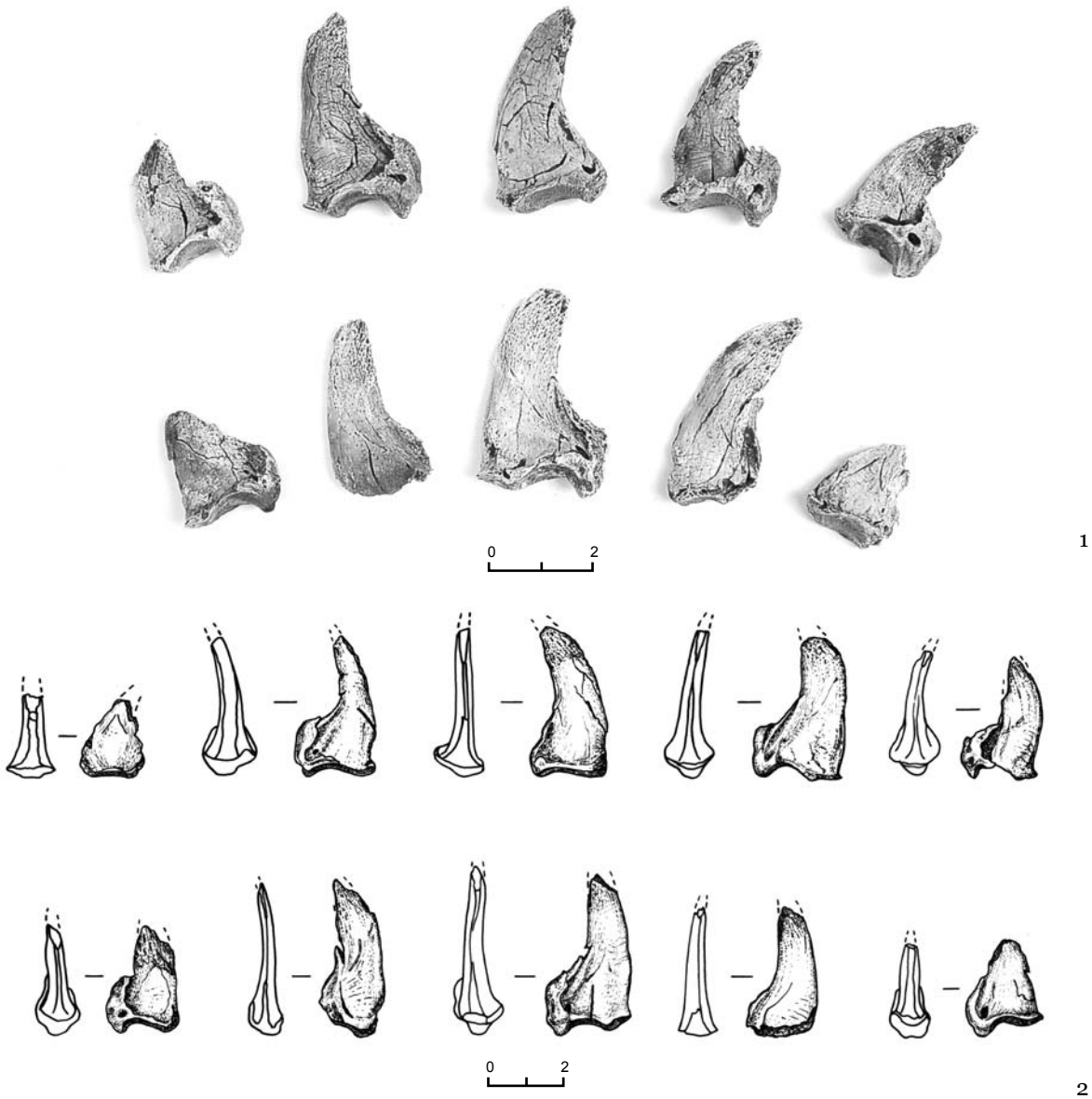


Fig. 11. Mana III. Burned animal remains.
The distal (terminal) phalanges of a mature bear (*Ursus arctos*).

In determining the archaeological culture to which belongs the Mana III grave, the bowl which, according to the description given by the discoverer, was placed on a top of the funerary urn, i.e. served as a lid for the funerary urn, has a special significance. The hand-made black bowl with the lustre surface and faceted rim have parallels, both in technology and shape, with clay vessels found in graves of the Lucaşeuca necropolis (M. 1, M. 3, M. 5, M. 10, M.12, M. 15, and M.16) (Федоров 1957, 51-57, рис. 17/1, 5, 7, 9, 12, 15; 19/5) situated near the Lucaşeuca settlement; both sites were excavated in the 1960s of the 20th century (Федоров 1957, 51-62; Федоров 1960, 22-25; Романовская 1962, 293-298)[4]. The closest parallels to the bowls of this type, also used as lids for funerary urns in cremation graves, are necropolises at Poieneşti (e.g, see M. 84; M. 377; M. 561, etc.) (Babeş 1993, Taf. 33/377b; 37/561b) and Boroseşti (see M. 13, M. 17, M. 21, M. 23, M. 52, M. 68 etc.) (Babeş 1993, Taf. 2/13b; 3/17b; 4/21b; 4/23b; 7/52b; 8/68b etc.).

[4] The Lucaşeuca settlement and necropolis are located approximately 3,7 km west of the Mana III grave.

It is necessary to emphasize that besides the above-mentioned ground necropolises of the Poieneşti-Lucaşeuca culture, numerous isolated cremation graves dated to the same period have been explored in the East Carpathian area. The isolated cremation graves were discovered at Bădeni (the Iaşi county) (Sanie 1973, 427, pl. 11/3; Sanie 1981, 60, pl. 56/3), Cârligi (the Bacău county) (Mitrea 1980, 433-434, fig. 2-3), Costuleni (the Iaşi county) (Babeş 1993, 195), Cruglic (the Cernăuţi region) (Тимощук, Винокур 1962, 73-76), Glăvăneşti (the Iaşi county) (Babeş 1993, 200), Grynchuk (the Hmelnitski region) (Пачкова 1979, 113-114), Mihoveni (the Suceava county) (Ursulescu, Batariuc 1978, 89-106; Babeş 1993, 206), Răcătău (Bacău) (Vulpe, Căpitanu 1971, 155-164), Satu Nou (the Vaslui county) (Babeş 1993, 215), and Sipoteni (the Călăraşi region) (Сергеев 1956, 135-141; Федоров, 1960, 25-26).

The Poieneşti-Lucaseuca culture belongs to the La Tène cultures formed at the end of the 3rd century BC and beginning of the next century that spread across a huge region between Scandinavia in the north and the Black Sea in the south. The population inhabited this territory used hand-made pottery, weapons and armour made in the Celtic tradition (iron swords, spearheads, spurs among others), and practiced exclusively cremation to bury their dead. According to some researchers, the culture had three main phases of its development (Babeş 2010, 548) or, according to others, four stages (Еременко 1997, 105-118) or four phases (Iarmulschi 2013, 33-37) in the east part of the East Carpathians region. As an archaeological and a cultural phenomenon, the Poieneşti-Lucaseuca culture disappeared in the first quarter of the 1st century BC, although its bearers, whose name is connected to the origin and evolution of this culture in the East Carpathians – the Bastarnae, appears episodically in works of ancient authors up to the first four centuries of the new era (Eutropius IX, 25; Orosius VII, 25, 12), as it has been rightly pointed out by the researchers studied this phenomenon (Babeş, 2010, 542-543)

* * *

The funerary rite of the Mana III grave – the placing of the cremated remains with accompanied burial goods in a covered urn – finds most parallels in the La Tène cultures in the north of Central Europe, like the Przeworsk culture and the Oksywsk culture. They share typical features such as cremation for burial, the presence of weapons intentionally damaged by bending, and a burial pit as a type of grave. Except the Kraghede group, the Jastorf culture, another culture in the Germanic milieu between the rivers Oder and Elbe, did not practice leaving any weapons,. It is believed that the custom of depositing weapons (and tools) in cremation graves was borrowed from the Celts (Kostrzevski 1919, 106, fig. 99). The weapons (especially the larger ones – swords, spearheads, and others) were damaged by bending before being deposited in graves. However, it is suggested that the Getae-Dacians from the Ferigile group practiced this ritual from the 4th century BC (Vulpe 1959, 243; Vulpe 1976, 213).

1. Burials in bronze situlae

The bronze situla discovered at Mana III has no bail attachments, nor does it have a handle. This type of situla is dated to the 2th - 1st century BC and belongs to Eggers type 23, according to Redina and Simonenko (Редина, Симоненко 2002, 84); to Eggers type 20, according to Eremenko (Еременко 1997, 177), or it is similar to Eggers types 20-22, according to Raev (Раев 1986, 350). Zaitsev, however, believes that it is inappropriate to associate similar situlae with any type in Eggers' classification because such vessels were not in use in Germany Magna during the period in question (Зайцев 2005, 93).

From this period, two cremation graves are known in the East Carpathian region, where incinerated remains were deposited in the bronze situlae. In the first case, it was an accidental find made during the construction works near the village of Sipoteni (Călăraşi); it is dated to the 2nd century BC (Сергеев 1956, 135-139, рис. 2 and 3; Федоров 1960, 25-26). The bronze urn contained calcined bones, one fragment of a black vessel with polished surface, a silver fibula, an iron ring with close ends, and another piece of iron in the deformed state. The silver fibula found in the grave at Sipoteni is identical to the iron fibula from Grave M. 9 discovered in the Lucaşeuca necropolis (Feodorov 1957, 55, fig. 18/5; Федоров 1960, 22-25), and belongs to the middle La Tène scheme (group II), type II.3b or, according to Kostrzewski, to type B. Also at Sipoteni, another

bronze situla (Eggers type 20) did not contain cremated remains (or maybe they were thrown away by the discoverers) (Сергеев 1956, рис. 1). It is believed that the cremation grave at Sipoteni could be a part of a destroyed necropolis (Еременко 1997, 116)[5]. These Sipoteni situlae are identical to the bronze vessel with cremated remains discovered at Mana III.

The second cremated burial in the bronze situla came from Răcătău (Bacău). This was also an accidental find, and though the burial pit was badly destroyed during farming activities, it was professionally studied and well documented. Here, among the belongings of a warrior (metal rings from *lorica hamata*, fragments of a sword, and others) one unbroken bronze vessel (*chaudron en bronze*, according to the authors) and the remains of another one were discovered, both representing ritual burial goods in a cremation grave dated to the first half of the 1st century BC (Vulpe, Căpitanu 1971, 155-164) or to the end of the 1st century BC (Babeş 1970, 233 and note 66). Ceramic fragments found in the cultural layer near the discovery place are typical for the Poieneşti-Lucaşeuca culture that allowed scholars to identify the grave as a burial of a Bastarnae (Vulpe, Căpitanu 1971, 163-164). Thus, the bronze vessel found at Răcătău cannot be attributed to Eggers type 20 (Rustoiu 2005, 33-34).

It is assumed that the accidental find supposedly originated from Bădeni (the Iaşi county), by analogy with other data collected over time, could be a cremation grave in a bronze situla without attaching hangers and handles. Also at Bădeni, the finds included a blade of a dagger and a fragment of a bracelet (Sanie 1981, 60, fig. 56/3; Chirica, Tanasachi 1985, 365). The situla, as the one discovered at Sipoteni, is identical to the bronze vessel found at Mana III.

Situlae belonging to Eggers type 20, or similar to this type, are known from Brad (the Bacău county) (Ursachi 1995, 132, pl. 15/16), Craiva (the Alba county) (Glodariu 1976, 196), and Tilişca (the Sibiu county) (Glodariu 1976, 201, nr. 32a). A bronze situla of this type came from a rich cremation grave in Barrow II at Cugir (the Alba county) that is dated to the first half of the 1st century BC (Crişan 1994, 388). It features attaching hangers and served as a funerary urn (Rustoiu, 2009, 33-34).

Several bronze situlae, identical or almost identical to the vessel discovered at Mana III, came from assemblages known as "*strange deposits*" (Щукин 1994, 97-98). The "*strange deposits*" contain artifacts dated to the 2nd-1st centuries BC. They include bronze situlae unearthed during excavations of barrows at Bădragii Noi (the Edineţ district) (Яровой, Чирков 1989, 20-22, рис. 14/1), Veselaia Dolina (the Tarutino district, the Odessa region) (Редина, Симоненко 2002, 78-96); Mar'evka (the Domanevskiy district, the Nikolaev region) (Raev, Simonenko, Treister 1991, 483-488), Chisten'koe (Simferopol, Crimea) (Симоненко 2001, 92-104), Novocherkassk, etc. M. Babeş suggests that situlae from Bădragii Noi and from Bădeni can be dated to the first half of the 1st century BC (Babeş 1993, 87-88, note). According to the study conducted by Redina and Simonenko, these bronze vessels were included in some *cult complexes* connected to the Sarmatian warriors (Редина, Симоненко 2002, 86). Eremenko suggests that the bronze situlae discovered in *Sarmatia* could be assigned to the Laten C2 type, or 200-120 BC (Еременко 1997, 177). However, it is believed that they could appear in the area controlled by Sarmatians as a result of their participation in the military campaigns led by Mithridates VI Pontus against the Romans in the beginning of the 1st century BC, while the objects from Mana III, including the bronze situla, can be dated to the 2nd-1st centuries BC but no earlier than the second half of the 2nd-1st centuries BC; this conclusion is based on the analysis of similar materials given in works of Redina and Simonenko (Редина, Симоненко 2002, 85-86; Симоненко 2011, 49). D. Spânu assumes that the bronze situlae were a part of first Italic imports to Transylvania and the Lower Danube area (Spânu 2003, 5).

2. Graves with weapons

Materials associated with the Mana III cremation grave – the iron sword, scabbard, iron spearhead, shield umbo, iron spurs, and the belt hook – are undoubtedly the objects that belonged to a warrior horseman.

It should be noted that out of about 360 studied graves from the massive Poieneşti-Lucaşeuca

[5] Considering the discovery of two situlae at Sipoteni, some researchers believe that they belonged to two different graves (see: Iarmulschi 2013, 37).

culture, weapons were found only in two of them (Babeş 1985, 198-200). These are Grave no. 29 (with a double-edged sword of the mid-La Tène type, a rectangular shield umbo, a spearhead, a knife, and a fibula) in the Boroseşti necropolis (Iaşi) (Babeş 1993, 185, Taf. 5) and a grave from Răcătău (Bacău) (with a double-edged sword, a circular umbo and a shield set, a chain armor, and two bronze vessels) dated to the first half of the 1st century BC (Vulpe, Căpitanu 1971, 161). Another case is a sword of the Celtic type from Corni-La Hrubă (Botoşani) (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970, 299; Paunescu, Şadurschi, Chirica 1976, 83) – an accidental find without the definite archaeological context.

The iron sword found in the Mana III grave belongs to the middle La Tène Celtic type found in funerary assemblages dated earlier than the middle phase of the early pre-Roman period, or La Tène D1, i.e. 120-60 BC. P. Luczkiewicz included the swords of about 100 cm length into type I/1 (Luczkiewicz 2006, 23-76). A Celtic sword bent ritually was discovered in a rich grave at Cugir (the Alba region) (Crişan 1980, 81-87), and a sword of the Celtic type similar to the latter one is known from Corcova (the Mehedinţi region) (Sîrbu 2004, fig. 17/1; Sîrbu, Rustoiu, Crăciunescu 1999, fig. 1). An identical weapon was found with a cremation burial unearthed in 1973 at Mangalia (Rustoiu 2000, 278), while other three swords of the Celtic type – at Aiud (Ferencz 1970, 73-81).

Some iron swords, similar to the one deposited in the Mana III grave, came from the cremation graves (M. 11, M. 12 and M. 13) of the Malaja Kopanja necropolis (Čelennizta and Serednij Grunok), and from several complexes without cremated remains at the same site (Котигорошко 2009, 59-133). V. Kotigoroshko offered a typology that placed these swords into distinct periods (Котигорошко 2008). Those discovered at the Malaja Kopanja-Čelennizta necropolis were assigned to the horizon corresponding to the La Tène D1 phase that dated to 120-60 BC, while those found at Serednij Grunok and at Malaja Kopania were dated to the end of the 1st century – beginning of the 2nd century AD (Котигорошко 2008). Their features, such as the rounded tip of the scabbard, attaching hangers, rounded rivets, the "bell-shaped" scabbard guard, and the rounded tip of the blade, are typical for the Celtic swords of the end of the 2nd – beginning of the 1st century BC.

Among the latest discoveries of swords is the one found near the village of Šipivtzy (the Ternopil region, Ukraine) in 2000. There, an excavated cremation grave contained some fragments of handmade vessels and an iron sword with scabbard, similar to the one from the Mana III grave. The sword has a rounded tip and 101,4 cm in length, with the blade of 3,4-4,3 cm width. Also at Šipivtzy, a belt hook similar to the hook from Mana III was unearthed. It is important that nearby the village of Šipivtzy (to the southwest of it) was located a settlement of the Poieneşti-Lucaşeuca culture (Михайловський 2010, 107-110). It should also be mentioned a similar cremation grave near the village of Mutin (the Sumy region, Ukraine) (Терпиловский 2010, 146-153; Терпиловский, Билинская 2010, 101-111). There, the incinerated remains were deposited in a bronze situla with attaching hangers and a handle; the vessel was covered with an iron umbo. The assemblage included a sword and a spearhead (both bent ritually), two spurs (identical to those from the Mana III grave), a fibula, a knife, and parts of a belt. The authors attributed the grave to the end of the 1st century BC - early 1st century AD (Терпиловский, Билинская 2010, 110-111).

Close parallels to the iron scabbard from the Mana III grave were found in necropolises of Boroseşti (M. 29) (Babeş 1993, Taf. 5/d) and Malaja Kopanja (Котигорошко 2009, 59-133), in isolated graves at Mangalia and Histria (Rustoiu 2000, 278), and in the already mentioned tumulus grave at Cugir (the Alba district) (Crişan 1980, 81-87).

An iron hook from a belt is a rare find among burial goods. We found parallels to our object at Malaja Kopanja (the Vinogradov district, the Transcarpathia) (Kotigoroşko 2004, 403, fig. 2/13.) and at Šipivtzy (the Ternopil region) (Михайловський 2010, 107-110). In order to date the hook from the Mana III assemblage we should use a hook found in Grave no. 7 of the San Bernardo necropolis in the northern Italy. The grave contained a similar sword and an identical hook. The author dated the grave between 120-100 and 90-80 BC (Martin-Kilcher 1998, Tab. 31/2a).

The iron spearhead with a very long and narrow blade, and a short shaft belongs to L/2 type in P. Luczkiewicz's classification (Luczkiewicz 2006, 99-145). The object from Mana III has close,

though not identical, parallels with those found at Răcătău, Căpâlna, Cozia, Grădiştea Muncelului, Costeşti etc. (Glodariu, Iaroslavschi 1979, 132-134).

The iron shield umbo from the Mana III grave can be compared with a fragmentary umbo from Barrow 4 (damaged by agricultural works) at Popeşti (the Giurgiu region) where it was found along with a sword with a bent scabbard, a spearhead, and fragments of the mail shirt among others that are dated to the 1st century BC (Vulpe 1976, 193-215, fig. 14/5); with the umbo from a cremated grave of the 2nd century BC found at Cetăţeni (the Argeş region), and other discoveries at Dubova (the Mehedinţi region) (Spânu 2001-2002, 83-132), Lăceni (the Teleorman county) (Moscalu 1977, 331, fig. 7), Luncari-Piatra Roşie (Glodariu, Iaroslavschi 1979, 129-132, fig. 73/6), Căpâlna (the Alba region) (Glodariu, Moga 1989, 105, fig. 83/16), and at Cugir (the Alba region) (Crişan 1980, 81). To the south of the Danube, in Bulgaria, the iron umbo was unearthed at Borovan (Montana), Kamburovo (Târgovişte), at Plevna (Loveci), etc (Moscalu 1977, 335-336; Bârcă 1997, 83-85). Many of them were discovered in assemblages dated to the 2nd-1st centuries BC, but most of them – to the 1st century BC (Glodariu, Iaroslavschi 1979, 130; Bârcă 1997, 83-84; Constantin 2011).

The iron spurs are also important items for the analysis of the Mana III grave. They belong to the subgroup A in Ghinalski's classification, or type II by Dima (Dima 2001, 180) and can be dated to the late pre-Roman period. The closest parallels to them are found at Brad (the Bacău region) (Ursachi 1995, pl. 49), at Răcătău (the Bacău region), (Căpitanu 1985, 53-54, fig. 15), Pietroasele-Gruiu Dării (the Buzău region) (Dupoi, Sîrbu 2001, 34, fig. 54/1-4), Dubova (the Mehedinţi region) (Spânu 2001-2002, 83-133), Ocniţa (the Vâlcea region) (Berciu 1981, 38, pl. 39/5), Popeşti (the Argeş county) (Vulpe 1966), at Măgura Moigradului (the Zalău region) (Matei, Pop 2001, pl. 2/3), Mereşti (the Harghita region) (Crişan 1994, 377-432) and Malaja Kopanja (the Transcarpathian region, Ukraine) (Kotigoroşko 2004, 405, fig. 5/31). From the analysis we undertook and the catalogue of spurs compiled by Dima (Dima 2005, 179-195) it follows that spurs were in use in the time interval between the 1st century BC and 1st century AD. Based on the evidence from 27 sites, in 19 cases spurs were found in archaeological contexts that provide grounds for the establishment of their dating as the 1st century BC - 1st century AD; in five cases assemblages with spurs were dated to the 2nd-1st centuries BC, and only in four cases it was impossible to determine the date of a site or a find. The absolute majority of these spurs were made of iron; however, a few bronze spurs were found as well (Dima 2005, 179-183 and Catalogue at p. 183-186).

Wearing spurs was the privilege of the military aristocracy. Given the fact that in most cases assemblages include only one spur, it is believed that spurs were worn only on one leg (Dima 2005, 183), but there are several funerary assemblages of the Przeworsk and the Oksywsk cultures, Poland, where grave goods included not one but two spurs (Luszkiewicz 2006, 146, Tabl. 8). We believe that the fact of presence only one spur among the burial goods has a different explanation, namely, it was a distinctive sign of social elites of the period.

3. Graves with double spiral bracelets

Though there are several burial complexes with bracelets of the same chronological period, there is no single bracelet identical to the one from the Mana III assemblage. Bracelets made of iron, bronze, gold, and silver were found in the Poieneşti-Lucaşeuca cultural milieu and archeological cultures of neighboring regions. Those found in the necropolis of Lucaşeuca could be considred among the closest parallels to the Mana bracelet. There, fragments from iron bracelets were discovered in graves M. 1, M. 10, M. 17, and M. 18. Fragments from the bronze bracelets preserved in three graves – M. 4, M. 10 (2 pieces), and M. 11. Grave no. 10, besides the fragments from two bronze bracelets (one tubular and another one made out of round wire), also contained five fragments from silver bracelets made out of spiral wire (Babeş 1993, Taf. 49). A fragment from a gold bracelet was unearthed in another grave, M. 6. Iron or bronze bracelets were also found in necropolises at Boroseşti (Babeş 1993, Taf. 15/13), Aradul Nou, M. 2 (Rustoiu 2005, 47, fig. 2/1-2), Malaja Kopanja (the Vinogradov district, the Transcarpathian region) (Kotigoroşko 2004, 403, fig. 6/37), and others.

Among the features that distinguish the bracelet from Mana from the other bracelets are the

ends terminating with buttons. An iron bracelet with the button ends similar to the Mana one was found in M. 136, however its wire was made and ornamented in a different way (Babeş 1993, Taf. 15/13). A spiral bronze bracelet from Grave M. 581 at Poieneşti (Babeş 1993, 213, Taf. 38/9) has the ends slightly thinned. Several iron bracelets from the Dolineni necropolis (Cernăuţi region) (M. 2, M. 4, M. 7 and M. 21) have wire ends that were also made differently (Babeş 1993, Taf. 47 şi Taf. 48).

Bronze bracelets of a closer type, type 3, discovered in women's graves from the late La Tène necropolis at Giubiasco in southern Switzerland (Pernet, Carlevaro 2006, 117-199) with the diameter (ca. 8 cm) are very similar to the piece from Mana (ca. 7 cm) (see also: M. 16/5; M. 365/1; M. 434/5 and M. 464/4).

Other silver double spiral bracelets came from hoards in Transylvania and Crişana. They correspond to D4 type in Kurt Horedt's typology (Horedt 1973, 140, Abb. 6) and are associated with fibulas with knots of the Dacian milieu that date to the beginning - mid - 1st century BC (Spânu 2003, 12). D. Spânu proposed for these bracelets the term *bracelets with double torsade* (Spânu 2003, 11). Equally practical could be the term *spiral*. Therefore, we use the term *double/triple spiral* for bracelets that curl two/three times around the wrist.

III. The dating of the Mana III grave

The presence of the discussed above objects in the same assemblage – the bronze situla, the handmade ceramic bowl, the sword of the Celtic tradition, the iron scabbard, the spearhead, the shield umbo, the iron spurs, the iron hook, and the iron spiral bracelet with button ends – allows us to date the Mana III grave to the end of the 2nd century - beginning or mid - 1st century BC, or 120-60 BC. It is based on reasons such as the Celts (as it is suggested by scholars) could have begun using spurs around 120-100 BC, in the La Tène D1 phase (Еременко, Щукин 1992, 87; Godlowski 1977, Tabl. VI/6, 14), while the rectangular shield umbos were replaced during the same time period by the circular ones (Еременко, Щукин 1992, 87, рис. 1/7).

Some datable objects suggest that, with great probability, the cremation grave at Mana III was made in the first half of the 1st century BC.

IV. Cultural identification and historical context

Both funeral rites and burial goods suggest that the deceased was a horseman warrior. The presence of the iron bracelet, an item usually discovered in women's graves, in the assemblage with typical military goods raises some questions, for instance, as it was noted by Mircea Babes, whether the Mana grave could be a double one. The analysis of several recently excavated pre-Roman necropolises with military equipment revealed that objects of personal adornment, including the bracelets, were also a part of burial goods (Pernet, Carlevaro 2006, 117-119), although the most bracelets were found with women's burials.

It should be noted that the panoply and the composition of the assemblage accompanied the horseman warrior buried in the Mana III grave are very similar to the ones discovered in the graves of the Padea-Panagjurski Kolonii cultural group, excavated by Z. Wozniak at the Lower Danube, in the area stretching across north-western Bulgaria, north-eastern Serbia and north-western regions of Oltenia (Wozniak 1974, 74-126). Similarity between the funerary rite and ritual of the Padea-Panagjurski Kolonii group with that of the Poieneşti-Lucaşeuca made Wozniak to suggest that cremation practiced in military necropolises, the flat or tumulus ones, was a result of the influence of the Germanic environment of the Poieneşti-Lucaşeuca culture or other pre-Roman cultures inhabited the northern area of Central Europe (Wozniak 1974, 81-82). The presence of items of military equipment and harness of the Celtic tradition in the cremation grave at Mana could be explained by the military campaigns of the Bastarnae against the Romans in the beginning of the 1st century BC. In this regard it is important to mention Ferencz's hypothesis, according to which contacts and influences between the Bastarnae and the Celts took place at the time of their penetration into Transilvania (Ferencz 2006, 49-71), a phenomenon documented by archaeological excavations at Moreşti (the Mureş county) and Şeuşa (the Alba county) were the Bastarnae assemblages were found.

As for the Mana III grave, we believe that the complete panoply could reflect more likely the contacts of the Bastarnae from the area of the Poieneşti-Lucaşeuca culture with the area of Padea-Panagjurski Kolonii group where burials with

weapons ritually damaged, such as those found at Popeşti, Radovanu, Cetăţeni, Cepari or Lăceni were found.

V. An osteological analysis of human and animal bones

The bronze urn at the Mana III site contained two types of the burned bones remains – the human and animal ones.

Research methods. At the initial stage of osteological analyses, the remains were cleaned and divided by categories. The human remains were separated from contaminants (ash, charcoal, small stones, soil, etc.) and animal bones[6].

Skeletal animal remains were studied according to T.R.Whyte's methodology (Whyte 2001, 437-448), and their anatomical and taxonomical identifications were done according to methods of M. Udrescu, L. Bejenaru, and C. Hriscu (Udrescu, Bejenaru, Hriscu 1999), as well as E.J. Reitz & E.S. Wing (Reitz, Wing 2008).

The human bones were weighed, separated, and calculated by categories (cranial, spinal, pelvic, pectoral, limbs, and undefined). Due to the extremly fragmentary state of the bones and lack of a significant amount of bones, it was impossible to reconstruct a skeleton.

The establishment of the age at death was made by the analysis of formation of teeth and ossification of the bone endings, and also on the basis of metric values in cranial and appendicular skeleton's segments, according to methodology of Moorrees, Fanning, and Hunt (C.F.A. Moorrees, E.A. Fanning, E.E. Hunt 1963,1490-1502); D.H. Ubelaker (Ubelaker 1989, 35-38); J.I. MeKinley, Ch. Roberts (MeKinley, Roberts 1993); S. Mays (Mays 1998, 205-224); T.D. White and P.A. Folkens (White, Folkens 2005); M. Schaefer, S. Black, and L. Scheuer (Schaefer, Black, Scheuer 2009).

For the sex determination, the following indicators were used: the thickness of the cranial bones (parietal) and the thickness of the postcranial bones (femur, humerus, radius), muscle insertions development levels, the massiveness and robustness of the bones, according to methods of Gy. Acsadi and J. Nemeskeri (Acsadi, Nemeskeri 1970); D. Brothwell (Brothwell 1981, 72; Brothwell 1989, 303-316); J.I. MeKinley and Ch. Roberts (McKinley, Roberts 1993); J. Wahl (Wahl 1996, 339-359); S. Mays (Mays 1998, 205-224); T.D. White and P.A. Folkens (White, Folkens 2005).

The degree of burning and temperature of burning were determined morphoscopically, using the RGB color scale with 12 color levels (from the unburnt bone to the heavily calcined one) offered by P.L. Walker, K.W.P. Miller and R. Richman (Walker, Miller, Richman 2008, 129-136).

Determination of the degree of cracking and fracturing on the bone surface was done using the method developed by P. Shipman (Shipman 1984, 307-325), D.H. Ubelaker (Ubelaker 1989, 35-38), J.I. McKinley and Ch. Roberts (McKinley, Roberts 1993), S. Mays (Mays 1998, 205-224), T.R. Whyte (Whyte 2001, 437-448), and S.S. Symes et al. (Symes et al. 2012).

Biometric measurments on skeletal remains were taken according to methodology applied by L. Bondioli, D. Formenti and L. Salvadei (Bondioli, Formenti, Salvadei 1994, 385-398), S. Mays (Mays 1998, 205-224), J. McKinley (McKinley 2000, 403-421), M. Brickley, J.I. McKinley (Brickley, McKinley 2004, 9-13); D.H. Ubelaker (Ubelaker 1989, 35-38); Schmidt and S.S. Symes (Schmidt, Symes 2008), J.B. Devlin and N.P. Herrmann (Devlin, Herrmann 2008, 109-128), S.I. Fairgrieve (Fairgrieve 2008). Based on their size, the classification distinguished the following groups: large fragments (over 10 mm); median fragments (between 5 and 10 mm); small fragments (between 2 and 5 mm); very small fragments (less than 2 mm). The separation of the fragments was done using three sieves that had the corresponding meshes (10 мм, 5 мм, and 2 мм).

The presence/absence of the *ante mortem* traumas were analyzed according to methodology of E.J. Pope and O.C. Smith (Pope, Smith 2004, 431-440).

The evaluation of bones condition at the moment of cremation (burned in green or dry status) was done using the methodology suggested by C. Wells (Wells 1960, 29-37), M.D. Thurman and J. Willmore (Thurman, Willmore 1981, 275-283), R. Heglar (Heglar 1984, 148-158); F. Guillon (Guil-

[6] The analysis of animal remains was done thanks to archaeozoologist Dr. Luminita Bejenaru, Professor at the Faculty of Biology, "Alexandru Ioan Cuza" University of Iaşi, and paleontologist Dr. Theodore Obada, Researcher at the Institute of Zoology, the Academy of Sciences of Moldova. We are grateful for their help and assistance with this article.

lon 1986, 191-194), D.H. Ubelaker (Ubelaker 1989, 35-38; Ubelaker 2009, 1-5), J.E. Buikstra and M. Swegle (Buikstra, Swegle 1989, 247-258); T.R. Whyte (Whyte 2001, 437-448), S.I. Fairgrieve (Fairgrieve 2008); S.S. Symes et al. (Symes et al. 2012).

An osteological analysis of faunal remains. Animal bones have remained preserved relatively well and that is what made their identification and classification simpler. In total there were 12 bones found. At the moment, two of them lack any features for their identification. Ten bones were determined, taxonomically and anatomically, as distal/terminal phalanges (corresponding to claw) of a mature bear – *Ursus arctos* (fig. 11). Judging by the features of the phalanges' surface, the burning temperature was *circa* 700-800°C; it points out that bones were burned in dry status, i.e. *post mortem*. The surface coloration is not even and varies from white-yellowish to yellow-brownish. Cracks and longitudinal irregular fractures are clearly visible. There are no transversal curvilinear cracks, as well as the warping and deformation. All phalanges preserved their anatomical shape. It should be noted that the burning temperature of the bear phalanges (700-800°C) is also traced on the preserved fragments of skull, ribs, and diaphysis of the humerus. Thus, it suggests that the bear claws were incinerated in the same funeral fire that the human body was. It also suggests that the deceased were placed on or covered in the bear hide. Such cases are known in Iron Age Europe (Schonfelder 1994, 217-227). Since the Mana III grave contained 10 claw phalanges that correspond with only two paws, it gives us ground to assume that the bear hide was used as a cloak.

An osteological analysis of human remains. The remains of incinerated human bones in the bronze situla are represented by the fragments whose state of preservation is relatively satisfactory. It seems that the funeral urn where the remains were place was a factor in their conservation, protecting them from further destruction.

The human remains belong to a single individual – a teen of 14-16 year old (the age group – *juvenis*)

The sex of the deceased has been determined using the morphological (visual) method based on the bone projections left by the muscle insertions, by postcranial epiphyses (had of the humerus and proximal epiphysis of the tibia) and biometrical methods – by the thickness of the parietal in the proximity of the coronal suture (5-6 mm), by the thicknesses of the compact diaphyseal wall of the femur (5,1 mm), humerus (3,2 mm) and radius (2,1 mm). The age at death has been determined by unossified proximal epiphysis of the humerus (up to 16 years old) and by proximal epiphysis of the first distal phalange from the right foot (*circa* 14-15 years old) (fig. 12). An additional element for the age determination was the left permanent mandibular first molar (the only one tooth discovered in the funeral urn), that has the complete closed root apex and the crown with slight traces of wear (fig. 13).

The total weight of the cremated human remains found in the urn is 1200 g, and the total number of the preserved incinerated fragments – circa 550. Most of them measured in the range of 5-10 mm (medium) and 2-5 mm (small). Also preserved were the larger fragments that measures over 10 mm, and very small ones that were less than 2 mm. Bones found in the urn were from all parts of the skeleton: skull, spine, scapular girdle, pelvic girdle, upper and lower limbs.

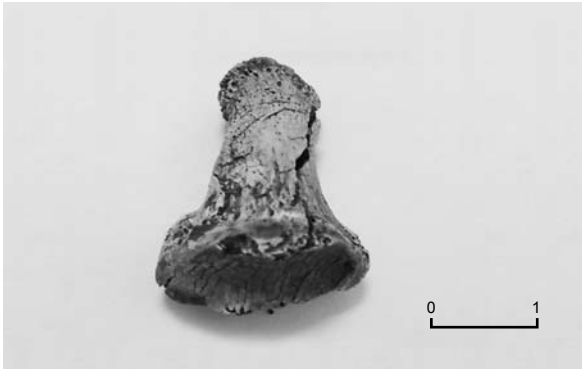


Fig. 12. Mana III. Burned human remains. Male, 14-16 years old. The first distal phalanx from the right foot.

Fig. 13. Mana III. Burned human remains. Male, 14-16 years old. The first mandibular permanent molar.

There were 34 fragments of skull identified, with total weight of 68,6 g; they belonged to the frontal, parietals (petrous region) (fig. 14) and the right mandibular condyle (fig. 15). The larger fragment was a part of the parietal bone, from the proximity of the coronal suture; it measures 41×31 mm with 5 mm width. Teeth are represented only by the left permanent lower first molar; it preserved in a good shape. Its attrition type (physiological wear) is minimal. There were no traces of pathological alteration.

Postcranial skeleton is represented by 500 fragments; they weight approximatly 1000 g. Identified fragments belonged to the spine (13), hip bones (5), clavicle (1), ribs (15), epiphyses (5), metaphyses (23), diaphyses (350), and the first distal phalange from the right foot. Due to the very small size, approximately 100 burned human bones cannot be defined. The larger fragment out of the postcratnial segment is the lumbar vertebral body that measures 35 x 38 mm (fig. 16), followed by the thoracic vertebral body – 30×27 mm (fig. 16), the cervical vertebral body, the shaft of the femur – 68×19 mm, and a rib fragment – 25×11 mm.

Cracking and fracturing patterns of the bone surface is typical for incineration at high temperatures in the burned bone in ”green status”. Fragments of the neurocranium have reticular and quite pronounced cracks. It can be seen on both external (*tabula externa ossis cranii*) and internal (*tabula interna ossis cranii*) skull surfa-

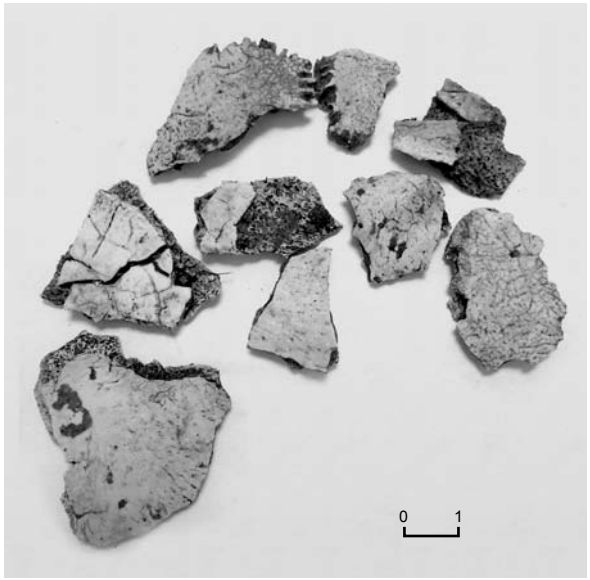


Fig. 14. Mana III. Burned human remains. Male, 14-16 years old. Fragments of the skull.

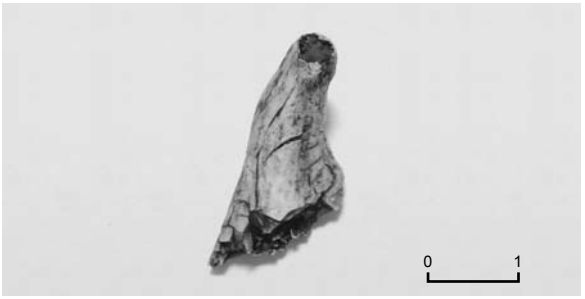


Fig. 15. Mana III. Burned human remains. Male, 14-16 years old. The right mandibular condyle.

Fig. 16. Mana III. Burned human remains. Male, 14-16 years old. Spine bones: a - lumbar vertebra; b - thoracic vertebra).

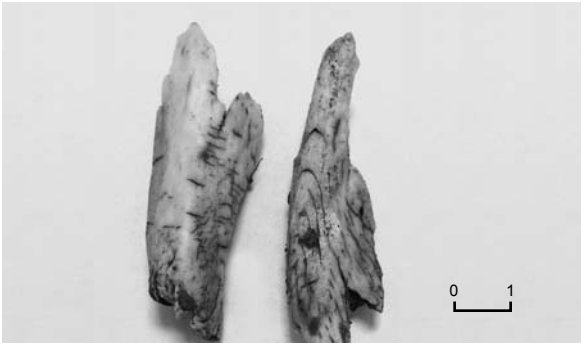


Fig. 17. Mana III. Burned human remains. Male, 14-16 years old. Diaphysis fragments of the humerus.

Fig. 18. Mana III. Burned human remains. Male, 14-16 years old. Diaphysis fragments of the femur.

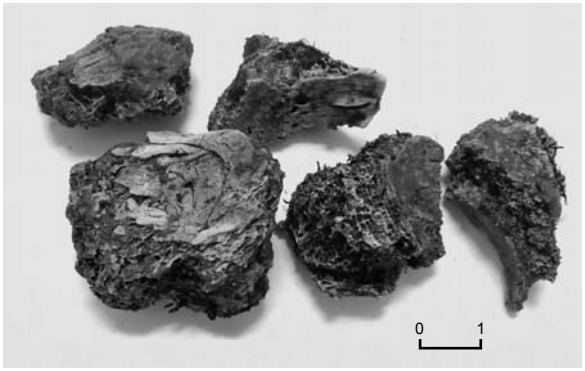


Fig. 19. Mana III. Burned human remains. Male, 14-16 years old. Fragments of the hip bones.

Fig. 20. Mana III. Burned human remains. Male, 14-16 years old. The proximal epiphysis of the humerus.

Fig. 21. Mana III. Burned human remains. Male, 14-16 years old old. The charred diaphysis fragments of radius.

Fig. 22. Mana III. Burned human remains. Male, 14-16 years old. The diaphysis of the radius with traces of the “white-coat”.

ce. The surface of postcranial fragments is greatly fractured as well. Bones with medium degree of cremation have longitudinal and irregular cracks, generally not deep.

The impact of high temperatures displays diaphyses of the upper and lower limbs. They have longitudinal cracks but mostly curvilinear cracks located transversally to the bone’s axis (fig. 17-18). The diaphysis fragments are almost fully calcined and, when struck, produce a metallic sound.

The fragments of the hip bones contain dip cracks (fig. 19). Unlike the more compact diaphyses, the limb epiphyses have been covered with cracks similar to the outer layer of the neurocranium, i.e. according to the reticular model while the metaphyses of long bones show the notched cracks (fig. 20).

Some skeletal remains were left only charred (fig. 21), while others were warped and deformed under the temperature impact. There is also a “white-coat” phenomenon but mostly on the diaphysis fragments of the upper limbs (fig. 22). The presence of such a phenomenon suggests that bones were burned in the ”green status”. Almost all fragments bear traces of fire (ash, charcoal) pointing to the medium degree of burning (400-500°C).

The color gamma corresponds with the model of bone surface damage from the fire temperature. This temperature mode varies in the range of 200-900°C. The cranial remains point to the temperature of 600-800°C, and fragments of postcranial bones – to 700-800°C; practically all these bones are calcined. Only a small number of human remains, according to the color RGB scheme, reached 900°C. All of them represent the shafts from the femurs and humeri. The lower temperatures, 500-700°C, are recorded for the foot remains and the fragments from lumbar vertebra. A temperature for the bones of the thoracic spine did not exceed 400-500°C. A temperature mode of 300-400°C was recorded for the hip bones, and the ends of the bones which is articulates to girdles (the humeral and the femoral proximal epiphyses). The lower temperature (200°C) was recorded for the parts of the cervical spine.

The analysis of the cremated human remains shows that the majority of fragments, according

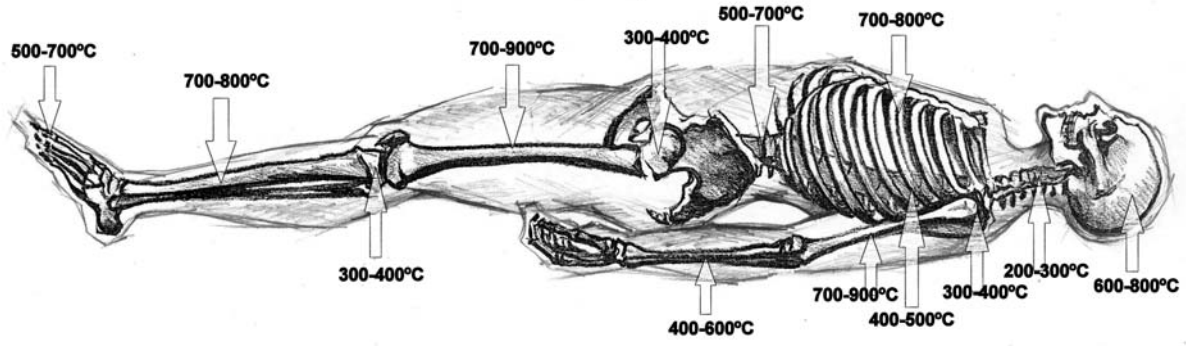


Fig. 23. Mana III. Male, 14-16 yers old. Maximal temperature mode by the color gamma and bone-cracking model.

to the color gamma, belong to the temperature mode varied between 600 and 800°C. Only some bone remains point to the temperature close to 900°C, such in a case with the shafts of the arm and thigh bones. We believe that this temperature was reached as a result of use, as a fuel, the hard sorts of wood for the ritual fire, as well as the moving of the human bones to the center of the fire during their incineration.

Among the discovered human remains do not exists any one fragment with the smooth edges. This means that the bone fragmentation happened during the process of burning but not *perimortem*, that allows us to suggest non violent death of the deceased.. All bone remains are the chips, and this is a typical result of the burning process. There were no any pathologic features on the cranial or postcranial bones.

We assume that the cremation of the deceased was done at a high temperature but, however, not completely. The high temperature of the funeral fire reached only around the skull, ribs, arms, thighs and partially around the shins.

As it was mentioned above, the remains of the fire (ash, charcoal) have been traced only on part of postcranial remains; it's present also the "white-coat" phenomenon; when struck, the bones in the high degree of calcinations (fragments of the skull, scapular girdle, and limbs diaphyses) produce a metallic sound. And the analysis revealed the so-called warped and deformed phenomenon.

In the end, it should be noted that morphoscopic characteristics of the skeletal remains of this young male (*juvenis*) point out to the uneven and incomplete incineration in the "green" condition. The chart in fig. 23 shows the zone of temperature modes identified on the basis of the color gamma and the model of the bone surface cracking.

Analogies. Archaeologists discovered and studied a significant amount of cremated burials in funerary urns/situlae. However, there is still no complete or at least partial anthropological analysis of the preserved bones. The closest parallel to the Mana III grave are two copper vessels near the village of Sipoteni in the Călăraşi District of the Republic of Moldova, where one of the vessels was used as a funerary urn and contained the burned human bones (Сергеев 1956, 135-141). We undertook an osteological analysis of these bones, and it allowed us to compare them with the human remains from the Mana urn, and reveal the similarities and significant differences between the two finds[7].

Both urns (from Mana III and Sipoteni) contained the remains of only one male individual. However, the deceased were of different age – a teen (*juvenis*) in Mana III and an adult of 20-30 years old in Sipoteni. The remains from the Sipoteni urn represented almost all skeletal bones. A degree of the bones' fragmentation is lesser and the fragments themselves are bigger than those found in the Mana urn. Judging by the color gamma, the human remains from Sipoteni reflect the temperature mode in the range of 700-900°C.

The temperature of the funeral fire reached 900°C at the skull, ribs, upper and lower limbs that resulted in their calcinations. When struck, the calcined human bones from the Sipoteni urn

[7] The content of the funeral urn found in 1954 in Sipoteni is still in a process of study. The results of the detailed anthropological analysis of bones from the Sipoteni urn will be published in the near future.

produce a metallic sound. The temperature mode of 500-700°C was identified for the spine, girdles and the epiphyses of the bones which is articulates to girdles.

Many skeletal fragments bear the evidence of warping and deformation. Also, here there is the "white-coat" phenomenon. As a result of the high temperature of the funeral fire, almost all bone fragments from the Sipoteni urn has sharp edges at the places of fracture. Only one diaphysis fragment of the shaft of the radius shows the rounded and smooth edges; it suggests that the man had a broken forearm either *ante mortem* or *perimortem*. It is hard to give a definite diagnosis before the completion of the paleopathological analysis of the skeletal remains. There were no traces of other pathological processes.

An evaluation of the human skeletal remains from the two situlae/funeral urns allowed us to determine their as burned in the "green" state. Meanwhile, the adult male buried in the Sipoteni urn was cremated on the funeral ritual fire with the higher temperature, more intensively, and almost completely. Another important differentiation is the presence/absence of paleofaunistic remains. As it was stated above, the funeral urn from Mana III contained 10 terminal phalanges (that corresponds to two paws) of a mature bear, while the bronze situla from Sipoteni did not include any faunistic materials.

Conclusions

The objects included in the assemblage discovered in the Mana III grave – the bronze situla of the Roman origin, the hand-made ceramic bowl of the Poieneşti-Lucaşeuca (Bastarnae) type, and the iron objects from the equipment of the warrior horseman bearing the Celtic La Tène influences – indicate a true amalgam of contacts, influences, and interconnections that took place in a period of massive population migrations. They reflect the penetration of the northern Bastarnae into the East Carpathians, who left the Poieneşti-Lucaşeuca culture of the Celtic milieu in the Carpathian Basin, and whose influence in the south and east of the Carpathians is reflected in types of weapons borrowed by the Getae-Dacians, while the Roman armies advanced from the south. All these reflect a period of political changes and interconnections between populations of the Getae-Dacians, the Celts, and the Bastarnae, and/or partially the Sarmatians penetrated from the east.

An important aspect of the cremation grave of a warrior horseman found at Mana, along with the rich set of weapons of the La Tene type, accessories and jewelry is the presence of the distal phalanges (claws) of a bear, burned together with human bones and burial goods. Their number – ten – suggests a "set" of bones that represents two front paws of the animal. As it was suggested above, the distal phalanges could be a part of a "cloak" worn by a young horseman warrior, and this "cloak" was made out of bearskin "embellished" with front paws. Before the deceased was put on the pyre, he was provided with full horseman equipment, and the "cloak" as a part of his military dress was burned with him.

It is possible to suggest that the cremation grave of the horseman warrior from the Mana III grave was made in the first half or the mid-1st century BC, probably as a result of Burebista's Pontic campaign and conquests of eastern Dacia around 55 BC, when he conquered Olbia at the mouth of the Bug River (Rădulescu, Suceveanu 2010, 677-680) and, according to some researchers (Щукин 1994, 169), his army reached as far as the Dnieper region, forcing the Bastarnae and the Sarmatians to move to the east.

Bibliography

Acsadi, Nemeskeri 1970: Gy. Acsadi, J. Nemeskeri, History of Human Life Span and Mortality, (Budapest 1970).

Andriţoiu, Rustoiu 1997: I. Andriţoiu, A. Rustoiu, Sighişoara-Wietenberg (Bucureşti 1997).

Ardeleanu 2009: M. Ardeleanu, Istoria timpurie a vandalilor. Surse literare antice şi realităţi arheologice. Marmaţia 9/1, Arheologie, 2009, 147-170.

Babeş 1969: M. Babeş, Noi date privind arheologia şi istoria bastarnilor (O „fibulă pomeraniană" descoperită în România). SCIV 20, 1969, 197-217.

Babeş 1970: M. Babeş, Daci şi bastarni. Memoria Antiquitatis II, 1970, 215-236.

Babeş 1985: M. Babeş, Date arheologice şi istorice privind partea de nord-est a Daciei în ultimele secole înaintea erei noastre. SCIVA 36/3, 1985, 183-214.

Babeş 1993: M. Babeş, Die Poienești-Lukasevka Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum ostlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Cristi Geburt, Saarbrucker beitrage zur altertumkunde, Band 30 (Bonn 1993).

Babeş 2010: M. Babeş, Celţii în spaţiul carpato-dunărean. In: Istoria României, vol. I, Moştenirea timpurilor îndepărtate, ed. A II-a, revăzută şi adăugită (Bucureşti 2010), 530-541.

Babeş 2010a. M. Babeş, Bastarnii în răsăritul Daciei. In: Istoria României, vol. I, Moştenirea timpurilor îndepărtate, ed. A II-a, revăzută şi adăugită (Bucureşti 2010), 541-550.

Babeş et al. 1980: M. Babeş, N. Miriţoiu, M. Istrate, Gh. Coman, Raport preliminar privind reluarea săpăturilor de la Poienești – 1979. In: Acta Moldaviae Meridionalis. Anuarul Muzeului județean Vaslui, II, 1980, 35-44.

Bârcă 1997: V. Bârcă, Echipamentul şi armamentul defensiv al geto-dacilor în preajma războaielor daco-romane. Istros VIII, 1997, 83-96.

Berciu 1981: D. Berciu, Buridava dacică (Bucureşti 1981).

Bolla et al. 1991: M. Bolla, C. Boube, J.-P. Guillamet, Le situles. In: (Eds. Feugere M., Rolley) La vaiselle tardo-republicaine en bronze. Actes de la table rond CNRS organisee du 26 au 28 avril 1990 pur l'UPR 290 (Lates) et le GRD 125 (Dijon) (Dijon 1991), 7-22.

Bondioli, Formenti, Salvadei 1994: L. Bondioli, D. Formenti, L. Salvadei, Metodologie di analisi quantitative di resti umani combusti. Bullettino di Paletnologia Italiana, 85, 1994, 385-398.

Breščak 1982: D. Breščak, Antično bronasto posoje Slovenije. Situle 22/1, 1982, 17-46.

Brickley McKinley 2004: M. Brickley, J. I. McKinley, Guidelines to the Standards for Recording Human Remains. Institute of Field Archaeologists, BABAO (Southampton 2004), 9-13.

Brothwell 1981: D. Brothwell, Digging Up Bones: The Excavation, Treatment, and Study of Human Skeletal Remains (Ithaca 1981).

Brothwell 1989: D. Brothwell, The relationship of tooth wear to aging. In: (Ed. M.Y. Ýţcan) Age Markers in the Human Skeleton (Illinois 1989), 303-316.

Buikstra, Swegle 1989: J.E. Buikstra, M. Swegle, Bone Modification Due to Burning: Experimental Evidence. In: (Eds. R. Bonnichsen, M. H. Sorg) Bone Modification, Orono, ME, Center for the Study of the First Americans, 1989, 247-258.

Căpitanu 1976: V. Căpitanu, Principalele rezultate ale săpăturilor arheologice în aşezarea geto-dacică de la Răcătău. Carpica 8, 1976, 49-120.

Căpitanu 1985: V. Căpitanu, Unelte şi arme de fier descoperite în aşezarea geto-dacică de la Răcătău, com. Horgeşti, jud. Bacău. Carpica 17, 1985, 41-74.

Căpitanu 1992: V. Căpitanu, Noi contribuţii la cunoaşterea civilizaţiei geto-dacice în bazinul Siretului Mijlociu. Dava de la Răcătău. Carpica 23/1, 1992, 131-192.

Cociş 1984: S. Cociş, Fibule romane în Dacia preromană. Acta Museu Porolissensis 8, 1984, 149-157.

Cociş 1984: S. Cociş, Fibulele din Dacia romană (Cluj-Napoca 2004).

Conovici 1992: N. Conovici, Începuturile culturii Poienești-Lucaşeuca şi prezenţa bastarnilor în Dobrogea. SCIVA 43/1, 1992, 3-15.

Constantin 2011: C.-P. Constantin, Piese de echipament defensiv la geto-daci. Umbo-uri de scut. In: Identităţi culturale locale şi regionale în context european. Studii de arheologie şi antropologie istorică. In memoriam Alexandru V. Matei. Bibliotheca Musei Porolissensis, XIII (Cluj-Napoca 2011).

Crişan 1974: I.H. Crişan, Precizări în legătură cu descoperirile celtice de la Aiud. Studii şi comunicări Bruckental 18, 1974, 71-92.

Crişan 1980: I.H. Crişan, Necropola dacică de la Cugir. Consideraţii preliminare. Apuluim XVIII, 1980, 81-87.

Crişan 1999: I.H. Crişan, Cugir. In: Enciclopedia arheologiei şi istoriei vechi a României, vol. I, A-C (Bucureşti 1999), 387-388.

Crişan 1994: V. Crişan, Aşezarea dacică de la Mereşti (jud. Harghita). Cercetările arheologice din anii 1986-1993. Acta Musei Napocensis 31/I, 1994, 377-432.

Crişan 2000: V. Crişan, Dacii din estul Transilvaniei (Sfântu Gheorghe 2000).

Crişan 2000: V. Crişan, Aspecte privind relaţiile dacilor din estul Transilvaniei cu ţinuturile extracarpatice (sec. II a. Chr. - I. p. Chr.). Istros X, 2000, 139-149.

Devlin, Herrmann 2008: J.B. Devlin, N.P. Herrmann, Bone colour as an interpretive tool of the depositional history of archaeological cremains. In: (Eds. W. Schmidt, S.A. Symes) The Analysis of Burned Human Remains, Elsevier Ltd. (London 2008), 109-128.

Dima 2001: C. Dima, Pinteni dacici din epoca regatului. Sargetia XXXIII, 2005, 179-195.

Dupoi, Sîrbu 2001: V. Dupoi, V. Sîrbu, Incinta dacică fortificată de la Pietroasele-Gruiu Dării, judeţul Buzău (I) (Buzău 2001).

Eggers 1951: H. Eggers, Der romische import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte, Bd. 1 (Hamburg 1951).

Eskenasy 1974: V. Eskenasy, Date preliminare despre necropola romană de la Steisîngeorgiu (jud. Hunedoara). SCIVA 28/2, 1974, 2, 603-609.

Fairgrieve 2008: S.I. Fairgrieve, Forensic Cremation. Recovery and Analysis (New York 2008).

Fedorov 1959: G.B. Fedorov, Rezultatele şi problemele principale ale cercetărilor arheologice din sud-vestul URSS referitoare la primul mileniu al e.n. SCIV 10/2, 1959, 371-408.

Ferencz 1970: I.V. Ferencz, Despre o spadă celtică descoperită la Aiud. Apulum 8, 1970, 73-81.

Glodariu, Iaroslavschi 1979: I. Glodariu, E. Iaroslavschi, Civilizaţia fierului la daci (sec. II î.e.n. - I e.n.) (Cluj-Napoca 1979).

Godlowski 1977: K. Godlowski, Okres latenski w Europie (Krakow 1977).

Guillon 1986: F. Guillon, Brules frais ou brules secs? Anthropologie physique et Archéologie, CNRS (Paris 1986), 191-194.

Hânceanu 2007: G.D. Hânceanu, Ceramica bastarnă din aşezarea de la Roşiori-Dulceşti (jud. Neamţ). ArhMold XXX, 2007, 277-286.

Heglar 1984: R. Heglar, Burned Remains. In: (Eds. T.A. Rathbun, J.E. Buikstra) Human Identification: Case Studies in Forensic Anthropology, 1984, Springfield, IL: Charles C. Thomas, 148-158.

Iarmulschi 2012: V. Iarmulschi, Contribuţii la poziţia cronologică a necropolei de tip Poieneşti-Lucaşeuca de la Dolinjany. Revista arheologică s.n. IX/1-2, 2012, 84-92.

Iarmulschi 2013: V. Iarmulschi, Unele consideraţii privind cronologia şi periodizarea culturii Poieneşti-Lucaşeuca. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 29-52.

Kostrzewski 1919: J. Kostrzewski, Die ostgermanische kultur der spätlatenzeit. In: Mannus-Bibliothek, Nr. 18-19 (Leipzig-Würzburg 1919).

Kotigoroşko 1995: V.G. Kotigoroşko, Ţinuturile Tisei Superioare în veacurile III î.e.n. - V e.n. (perioadele La Tène şi romană) (Bucureşti 1995).

Kotigoroşko 2004: V.G. Kotigoroşko, Necropola aşezării fortificate de la Malaja Kopanja. Sargetia XII-XXI/1, 2000-2004, 63-69.

Łuczkiewicz 2006: P. Łuczkiewicz, Uzbrojenie ludności ziem Polski w młodszym okresie przedrzymskym (Lublin 2006).

Martin-Kilcher 1998: S. Martin-Kilcher, Gräber der spatten Republik und der fruhen Kaiserzeit am Lago Maggiore: Tradition und Romanisierung. In: (Eds. P. Fasold, T. Fischer, H. von Hesberg, M. Witteyer) Bestattungssitte und Kulturelle Identitat. Grabanlangen und Grabbeigaben der fruhen romischen Kaiserzeit in Italien und den Nordwest-Provinzen. Xantener Berichte 7 (Köln 1998), 191-252.

Matei, Pop 2001: Al. V. Matei, H. Pop, Măgura Moigradului. Zona Sacră (sec. I î. Hr.) şi aşezarea dacică
fortificată (sec. I. d. Hr.). In: Studii de istorie antică. Omagiu profesorului Ioan Glodariu (Cluj-Napoca 2001), 253-277.

Mays 1998: S. Mays, The archaeology of human bones, Ed. Routledge (London, New York 1998), 205-224.

Mândescu 2003: D. Mândescu, Arme din situl geto-dac de la Cetăţeni. Buletinul Muzeului Militar Naţional s.n. I/II, 2003, 26-31.

McKinley 2000: J. McKinley, The analysis of cremated bone. In: (Eds. M. Cox, S. Mays) Human Osteology: In Archeology and Forensic Science (London 2000), 403-421.

McKinley, Roberts 1993: J.I. McKinley, Ch. Roberts, Excavation and post-excavation treatment of cremated and inhumed human remains, IFA Technical Paper 13, 1993.

Mitrea 1980: I. Mitrea, Şantierul arheologic Izvoare-Bahna. MCA XIV, 1980, 433-434.

Moorrees, Fanning, Hunt 1963: C.F.A. Moorrees, E.A. Fanning, E.E. Hunt, Age variation of formation stages for ten permanent teeth. Journal of Dental Research 42, 1963, 1490-1502.

Moscalu 1977: E. Moscalu, Sur les rites funeraires des Geto-Daces de la Plaine du Danube. Dacia N.S. XXI, 1977, 329-340.

Munteanu, Iarmulschi 2005: O. Munteanu, V. Iarmulschi, Cultura Poieneşti-Lucaşeuca: repere cronologice. In: Anuarul Asociației Naționale a Tinerilor Istorici, 6 (Chișinău 2005), 16-20.

Nicolaescu-Plopşor 1948: C.S. Nicolaescu-Plopşor, Antiquités celtiques en Oltenie. Dacia XI-XII, (1945-1946), 1948, 17-33.

Pačkova 2010: S. Pačkova, Cultura Poieneşti-Lucaşeuca. In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică (până în sec. V) (Chişinău 2010), 528-543.

Paunescu, Şadurschi, Chirica 1976: Al. Paunescu, P. Şadurschi, V. Chirica, Repertoriul arheologic al judeţului Botoşani, vol. I (Bucureşti 1976).

Pernet, Carlevaro 2006: L. Pernet, E. Carlevaro, La necropoli di Giubiasco (TI), vol. II, Le tombes de La Tene finale et d'epoque romaine (Zürich 2006).

Pope, Smith 2004: E.J. Pope, O.C. Smith, Identification of Traumatic Injury in Burned Cranial Bone: An Experimental Approach. Journal of Forensic Sciences 49, 3, 2004, 431-440.

Protase 1971: D. Protase, Riturile funerare la daci şi daco-romani (Bucureşti 1971).

Raev, Simonenko, Treister 1991: B.A. Raev, A.V. Simonenko, M.J. Treister, Etrusci-Italik and Celtic Helmets in Eastern Europe. In: Jahrbuch des Romisch-Germanisch Zentralmuseums Mainz, Bd. 38, 1991, 483-488.

Rapin 1999: A. Rapin, L'armanent celtique en Europe: chronologie de son evolution technologique du Ve au Ier s. av. J.-C. Gladius XIX, 1999, 33-66.

Reitz, Wing 2008: E.J. Reitz, E.S. Wing, Zooarchaeology, IInd edition (Cambridge 2008).

Romanovskaja 1994: M. Romanovskaja, Aşezarea de la Ulmu. ArhMold XI, 1987, 207-226.

Rustoiu 1987: A. Rustoiu, Fibulele din Dacia preromană (Bucureşti 1987).

Rustoiu 1994: A. Rustoiu, Observaţii privind înmormântările tumulare din Dacia preromană (sec. I î.e.n. - I. e.n.). In: Studii de istoria Transilvaniei (Cluj-Napoca 1994), 33-40.

Rustoiu 2000: A. Rustoiu, Mercenari „barbari" la Histria şi Callatis în sec. I a. Chr. Interpretări arheologice şi istorice. Istros X, 2000, 277-287.

Rustoiu 2002: A. Rustoiu, Războinici şi artizani de prestigiu în Dacia preromană (Cluj-Napoca 2002).

Rustoiu 2009: A. Rustoiu, A Late Republican bronze situla (Eggers type 20) from Cugir (Alba County), Romania. Instrumentum 29, juin 2009, 33-34.

Rustoiu, Sîrbu, Ferencz 2002: A. Rustoiu, V. Sîrbu, I.V. Ferencz, Mormântul tumular dacic de la Călan (jud. Hunedoara). Sargetia XXX, 2001-2002, 111-127.

Rusu, Bandula 1970: M. Rusu, O. Bandula, Mormântul unei căpetenii celtice de la Ciumeşti (Baia Mare 1970).

Sanie 1973: S. Sanie, Importuri elenistice şi romane în cîteva cetăţi şi aşezări dacice din Moldova. SCIV 24/3, 1973, 407-434.

Sanie 1981: S. Sanie, Civilizaţia romană la est de Carpaţi şi romanitatea pe teritoriul Moldovei (sec. II î.e.n. - III e.n.) (Iaşi 1981).

Sanie 1993: S. Sanie, La civilisation romaine et la romanisation a l est des Carpates. In: Actes du XII Congres International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques, Bratislava, 1-2 september 1991, 3 (Bratislava 1993), 344-351.

Schaefer, Black, Scheuer 2009: M. Schaefer, S. Black, L. Scheuer, Juvenile osteology, Elsevier Academic Press (Burlington, San Diego, London 2009).

Shipman 1984: P. Shipman, Burnt bones and teeth: an experimental study of color, morphology, crystal structure and shrinkage. Journal of Archaeological Science 11, 4, 1984, 307-325.

Sîrbu 1994: V. Sîrbu, Mormintele tumulare din zona carpato-dunăreană (sec. I î. de Chr. - I d. Chr.). Istros VII, 1994, 123-159.

Sîrbu 2004: V. Sîrbu, Les Thraces entre les Carpaters, les Balcans et la Mer Noire (Ve s. av. J.-C. - Ier s. apr. J.-C.). Quatre conferences donnees a la Sorbonne (Brăila 2004).

Sîrbu et al. 1999: V. Sîrbu, A. Rustoiu, G. Crăciunescu, Descoperiri funerare din La Tène-ul târziu din zona Porţilor de Fier. Thraco-Dacica XX, 1999, 217-229.

Smirnova, Megei 1995: G.I. Smirnova, V.F. Megei, Necropola plană de tip Poieneşti-Lukasevka de la Dolinjany. SCIVA 46/2, 1995, 133-160.

Spânu 2001-2002: D. Spânu, Un mormânt de epocă târzie Latene de la Dubova. SCIVA 52-53, 2001-2002, 83-133.

Spânu 2014: D. Spânu, Un posibil inventar funerar Latène târziu din zona Porţilor de Fier. In: European Archaeology online, Extras, http: //www.archaeology.ro/dsh_portile.htm

Symes et al. 2012: S.S. Symes, D.K. Dirkmaat, S. Ousley, E. Chapman, L. Cabo, Recovery and Interpretation of Burned Human Remains, Final Technical Report, National Institute of Justice (Washington 2012).

Teodor 1973: S. Teodor, Bastarnii pe teritoriul Moldovei. In: Studii şi materiale. Suceava 3, 1973, 37-46.

Teodor 1987: S. Teodor, Cercetările arheologice de la Ciurea, judeţul Iaşi. ArhMold XI, 1987, 65-102.

Tkaciuk 1994: M. Tkaciuk, Manifestări culturale din secolele V-I a. Chr. Thraco-Dacica XV/1-2, 1994, 215-256.

Tcaciuc, Zasâpchin 2000: M. Tcaciuc, G. Zasâpchin, Date noi de la cetatea Rudi-La Şanţuri. Caracterizarea tipologică şi cronologică a complexelor închise. Tyragetia. Anuar IX, 2000, 101-112.

Thurman, Willmore 1981: M. D. Thurman, J. Willmore, A Replicative Cremation Experiment, North American Archaeologist, 1981, 2, 275-283.

Torbov, Anastassov 2008: N. Torbov, J. Anastassov, Le groupe "Padea-Panagjurski Kolonii": reexamen des ensembles funeraires des IIe et Ier s. av. J.-C. du nord-ouest de la Bulgarie. In: (Eds. V. Sîrbu, I. Stîngă) The Iron Gates Age: settlements, necropolises, treasures. Proceedings of the International Colloquium (Drobeta-Turnu Severin 2008), 95-107.

Ubelaker 1989: D.H. Ubelaker, Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation (Washington 1989), 35-38.

Ubelaker 2009: D.H. Ubelaker, The forensic evaluation of burned skeletal remains: A synthesis. Forensic Science International 183, 1-3, 2009, 1-5.

Udrescu, Bejenaru, Hriscu 1999: M. Udrescu, L. Bejenaru, C. Hriscu, Introducere în arheozoologie (Iaşi 1999).

Ursachi 1995: V. Ursachi, Zargidava. Cetatea dacică de la Brad (Bucureşti 1995).

Vulpe 1976: Al. Vulpe, La nécropole tumulaire gète de Popeşti. Thraco-Dacica I, 1976, 193-215.

Vulpe, Căpitanu 1971: Al. Vulpe, V. Căpitanu, Une tombe isolee de l'epoque de Latene a Răcătău. Apulum IX, 1971, 155-164.

Vulpe 1949: R. Vulpe, Săpăturile de la Poieneşti din 1949 (Bucureşti 1953).

Wahl 1996: J. Wahl, Erfahrungen zur metrischen Geschlechtsdiagnose bei Leichenbränden. „Homo" 47 (1-3), 1996, 339-359.

Walker, Miller, Richman 2008: P.L. Walker, K.W.P. Miller, R. Richman, Time, temperature, and oxygen availability: an experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bone. In: (Eds. C.W. Schmidt, S.A. Symes) The Analysis of Burned Human Remains (London 2008), 129-136.

Wells 1960: C. Wells, A Study of Cremation. Antiquity 34, 1960, 29-37.

Whyte 2001: T.R. Whyte, Distinguishing Remains of Human Cremations from Burned Animal Bones. Journal of Field Archaeology 28, 3/4, 2001, 437-448.

White, Folkens 2005: T.D. White, P.A. Folkens, The Human bone manual, Elsevier Academic Press (Burlington, San Diego, London 2005).

Wozniak 1974: Z. Wozniak, Wschodnie pogranicze kultury Latenskiej (Wroclaw-Warszawa-Krakow-Gdansk 1974).

Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: N. Zaharia, M. Petrescu-Dîmboviţa, Em. Zaharia, Aşezări din Moldova. De la paleolitic până în secolul al XVIII-lea (Bucureşti 1970).

Zirra 1971: Vl. Zirra, Beitrage zur kenhtnis des keltischen Latene in Rumaniein. Dacia N.S. XV, 1971, 180-197.

Zirra 1972: Vl. Zirra, Noi necropole celtice în nord-vestul României. Studii şi comunicări. Satu Mare 2, 1972, 151-205.

Zirra 1976: Vl. Zirra, Le problème des Celtes dans l'espace du Bas-Danube. Thraco-Dacica I, 1976, 175-182.

Еременко 1997: В.Е. Еременко, "Кельтская вуаль" и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III-I вв. н.э. в Центральной и Восточной Европе (Санкт Петербург 1997).

Еременко 1998: В.Е. Еременко, К вопросу о хронологии восточного Латена и позднего предримского времени. АСГЭ 33, 1998, 61-89.

Еременко 1999: В.Е. Еременко, Пересмотр относительной хронологии восточного Латена и поздней предримского времени: постановка проблемы. Археологія 4, 1999, 140-148.

Еременко, Щукин 1992: В.Е. Еременко, М.Б. Щукин, Кимвры, тевтоны, кельтоскифы и некоторые вопросы хронологии рубежа среднего и позднего латена. В сб.: Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени (Санкт Петербург 1992), 80-115.

Котигорошко 2008: В.Г. Котигорошко, Мечи Малокопаньского могильника. В сб.: Карпатика. Збірник науковых проць, вып. 37 (Ужгород 2008), 35-45.

Котигорошко 2009: В.Г. Котигорошко, Малокопаньский некрополь (ур. Челленица). В сб.: Карпатика. Збірник науковых проць, вып. 38 (Ужгород 2009), 58-133.

Котигорошко 2010: В.Г. Котигорошко, Результаты исследования Малокопаньского могильника. В сб.: Карпатика. Збірник науковых проць, вып. 39 (Ужгород 2010), 58-88.

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. Археологическая карта Молдавской ССР, Вып. 4 (Кишинев 1974).

Мачинский 1966: Д.Н. Мачинский, К вопросу о датировке, происхождения и этнической принадлежности памятриков типа Поянешть-Лукашевка. В сб.: Археология Старого и Нового света (Москва 1966), 82-96.

Милошевиh 1980: П. Милошевиh, Римски налази у Сави код Сремске Раче. Старинар. Нова серија XXXI, 1980, 35-41.

Михайловський 2010: Я.А. Михайловський, Спроба культурноі атрибуції поховання з мечем з с. Шипівці. В: Археологія і давняя і історія України, вып. 2 (Київ 2010), 107-110.

Пачкова 1979: С.П. Пачкова, Урнове трупоспалення в с. Гринчук на Середньому Дністрі. Археологія 19, 1979, 113-115.

Пачкова 2006: С.П. Пачкова, Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы (Киев 2006).

Пачкова, Романовская 1993: С.П. Пачкова, М.А. Романовская, Памятники Карпато-Днестровского региона конца I тыс. до н.э. В сб.: Славяне на Днестре и Дунае (Киев 1993), 48-77.

Редина, Симоненко 2002: Е.Ф. Редина, А.В. Симоненко, "Клад" конца II-I в. до н.э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы. В сб.: Материалы и исследования по археологии Кубани, вып. II (Краснодар 2002), 78-96.

Романовская 1962: М.А. Романовская, Селище Лукашевка II. СА 2, 1962, 292-298.

Сергеев 1956: Г.П. Сергеев, Находка медных сосудов в Молдавии. В сб.: Известия Молдавского Филиала АН СССР, 4 (31) (Кишинев 1956), 135-141.

Симоненко 1993: А.В. Симоненко, "Клады" снаряжения всадника II-I вв. до н.э.: опыт классификации и этнической интерпретации. В: Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов (Краснодар 1993), 89-90.

Симоненко 2001: А.В. Симоненко, Погребение у с. Чистенькое и "странные" комплексы последних веков до н.э. В: Нижневолжский археологический вестник, вып. 4 (Волгоград 2001), 92-104.

Смирнова 1981: Г.И. Смирнова, Могильник типа Поенешть-Лукашевка у с. Долиняны на Буковине. СА 3, 1981, 193-201.

Федоров 1957: Г.Б. Федоров, Лукашевский могильник. КСИИМК 68, 1957, 51-62.

Терпиловский 2010: Р. Терпиловский, Трупосожжение рубежа эр и памятники типа Харьевка в Среднем Посемье. In: Inter ambo maria. Contacts Between Scandinavia and Crimea in the Roman Period, International conference, October, 21-25, 2010, Gaspra, Crimea, Ukraine. Abstracts (Simferopol 2010), 146-153.

Терпиловский, Билинская 2010: Р. Терпиловский, Л.И. Билинская, Трупосожжение знатного воина рубежа эр на Сейме. В сб.: Germania-Sarmatia II. Сборник научных статей по археологии народов Центральной и Восточной Европы посвященных памяти М.Б. Щукина (Калининград 2010), 101-111.

Тимощук, Винокур 1962: Б. А. Тимощук, И. С. Винокур, Памятники эпохи полей погребений на Буковине. КСИА 90, 1962, 73-76.

Ткачук 1991: М. Ткачук, Новые данные к исследованию памятников типа Поянешть-Лукашевка по материалам Старого Орхея. В сб.: Археологические исследования в Старом Орхее (Кишинев 1991), 44-53.

Щукин 1991: М.Б. Щукин, Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (к методике историко-археологического сопоставлений). АСГЭ 31, 1991, 90-106.

Щукин 1993: М.Б. Щукин, Проблема бастарнов и этнического определения Поянешты-Лукашевской и Зарубинецкой культур. Петербургский археологический вестник 6, 1993, 89-96.

Щукин 1994: М.Б. Щукин, На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий 3 в. до н.э. - 1 в. н.э. в Восточной и Центральной Европе (Санкт Петербург 1994).

Щукин 2004: М.Б. Щукин, Умбон из кургана "Садовый" под Новочеркасском. В сб.: Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей посвященный 77-летию Л.С. Клейна (Санкт Петербург 2004), 445-455.

Яровой, Чирков 1989: Е.В. Яровой, А.Ю. Чирков, Отчет о полевых исследованиях Прутской новостроечной экспедиции в 1988 г. (Кишинев 1989). AAMNIM, nr. inv. 287.

Un mormânt de incineraţie al unui călăreţ războinic descoperit lângă satul Mana (Orhei)

Rezumat

În anul 2011 Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei a intrat în posesia unui lot important de piese arheologice. Componenţa setului de artefacte: situlă de bronz (fig. 3); strachină-capac din ceramică (fig. 4); spadă din fier (fig. 5) şi teaca sa (fig. 6/1-2); vârf de lance din fier (fig. 7) (acestea de la urmă îndoite intenţionat); o pereche de pinteni din fier (fig. 9); umbo de scut, din fier, de formă circulară în plan şi piramidală în secţiune (fig. 8/1-2); brăţară din

fier, dublu spiralată, cu terminaţiile în butoni (fig. 10), o verigă din fier cu buton lateral (de la centiron -?) (fig. 6/3-4) la care s-a adăugat o scoabă din fier (de la teacă - ?) (fig. 6/5-6), a permis să constatăm că acestea fac parte din inventarul unui mormânt de incineraţie al unui călăreţ războinic.

Analiza antropologică a oaselor incinerate a făcut să se înţeleagă că mormântul a aparţinut unui tânăr de circa 14-16 ani (fig. 14-24). Totodată, printre oasele umane incinerate au fost identificate 10 falange distale (gheare) de la membrele anterioare ale unui urs matur. Se pare că tânărul călăreţ războinic a fost incinerat împreună cu „mantia" sa din blană de urs, purtată pe spate (fig. 11-13).

Corelarea tuturor materialelor componente ca inventar funerar în mormântul de incineraţie, inclusiv a străchinii care a servit în calitate de capac pentru urna funerară, (modelată de mână, de culoare neagră şi omogen lustruită, cu buza evazată şi faţetată, pereţii cu umerii rotunjiţi şi fundul îngust şi plat), aparţinând faciesului culturii Poieneşti-Luceşeuca, analogiile identificate privind ritul şi ritualul funerar (Babeş 1993, 181-227), a permis să încadrăm acest complex în perioada La Tène D1 sau, în termeni de cronologie absolută, în anii 120-60 a. Chr., poate mai aproape de mijlocul secolului I a. Chr. (chiar dacă unele elemente – pintenii de fier – ne fac să ne gândim şi la sfârşitul acestui secol).

Descoperirea mormântului de incineraţie de lângă s. Mana (Orhei) (fig. 1), situat la o distanţă de doar circa 3,5 km spre sud-vest de aşezarea şi necropola de la Lucaşeuca, prezenţa unei situle de bronz (romane) în calitate de urnă funerară, asocierea de arme, piese de harnaşament şi de podoabă, de evidentă tradiţie sau influenţă celtică, scoaterea la lumina zilei a străchinii-capac, modelată de mână, de tradiţie bastarnică, reflectă mişcările masive de populaţie în Europa de Nord, Centrală şi de Est, prin pătrunderea dinspre nordul Europei a primilor germanici (a bastarnilor), înaintarea celţilor din interiorul bazinului carpatic spre sud şi est, ofensiva armatelor romane dinspre Peninsula Balcanică, dar şi complexitatea situaţiei politico-militare şi demografice din ultimele două secole ale mileniului I a. Chr. din spaţiul est-carpatic şi pruto-nistrean.

Dacă ancorarea cronologică propusă de noi (mijlocul secolului I a. Chr.) este corectă, atunci mormântul de la Mana poate fi pus în legătură cu campania pontică şi cu răsunătoarele cuceriri ale lui Burebista din răsăritul Daciei când, pe la anul 55 a. Chr., respingând pe bastarni spre nord şi pe sarmaţi spre est, acesta cucereşte Olbia, la gurile Bugului (Rădulescu, Suceveanu 2010, 677-680), ajungând până la Nipru, unde dispar mai multe fortificaţii din această perioadă (Gavrilovka, Zolotaja Balka), iar altele, în regiunile limitrofe, se construiesc cu înfrigurare (Щукин 1994, 169).

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta cu locul descoperiri mormântului de incineraţie de la Mana.

Fig. 2. Mana III. Groapa mormântului de incinerare.

Fig. 3. Mana III. Situla de bronz-urnă.

Fig. 4. Strachina-capac din ceramică, lucrată de mână.

Fig. 5. Mana III. Spadă din fier cu două tăişuri.

Fig. 6. Mana III. Teaca (1-2), verigă din fier cu buton (3-4) şi scoabă din fier (5-6).

Fig. 7. Mana III. Vârf de lance din fier.

Fig. 8. Mana III. Umbo-ul de fier de la scut (1-2) şi cuiele de prindere (3-4).

Fig. 9. Mana III. Pinteni din fier.

Fig. 10. Mana III. Brăţara spiralată din fier cu terminaţii în butoni.

Fig. 11. Mana III. Resturi animale incinerate provenite de la *Ursus arctos ssp*. Falangele distale ale membrelor anterioare.

Fig. 12. Mana III. Resturi umane incinerate. Bărbat, 14-16 ani. Falanga I distală a membrului inferior drept.

Fig. 13. Mana III. Resturi umane incinerate. Bărbat, 14-16 ani. Molarul I inferior stâng definitiv.

Fig. 14. Mana III. Resturi umane incinerate. Bărbat, 14-16 ani. Fragmente craniene.

Fig. 15. Mana III. Resturi umane incinerate. Bărbat, 14-16 ani. Condil mandibular drept.

Fig. 16. Mana III. Resturi umane incinerate. Bărbat, 14-16 ani. Corpuri vertebrale (stânga – lombar, dreapta – toracal).

Fig. 17. Mana III. Resturi umane incinerate. Bărbat, 14-16 ani. Humerus, fragmente din diafiză.

Fig. 18. Mana III. Resturi umane incinerate. Bărbat, 14-16 ani. Femur, fragmente din diafiză.

Fig. 19. Mana III. Resturi umane incinerate. Bărbat, 14-16 ani. Fragmente provenite din oasele coxale.

Fig. 20. Mana III. Resturi umane incinerate. Bărbat, 14-16 ani. Humerus, epifiză proximală.

Fig. 21. Mana III. Resturi umane incinerate. Bărbat, 14-16 ani. Fragmente din diafizele radiusului rămase în stadiul de carbonizare.

Fig. 22. Mana III. Resturi umane incinerate. Bărbat, 14-16 ani. Fragment din diafiza unui radius, „placare în alb".

Fig. 23. Mana III. Bărbat, 14-16 ani. Temperaturile maxime conform coloristicii şi modelului de fisurare ale peretelui osos.

Погребение с трупосожжением вооруженного всадника у с. Мана (р-н Орхей)

Резюме

В 2011 году в Национальный Музей Истории Молдовы был передан комплекс очень интересных археологических предметов. Его состав, включавший бронзовую ситулу (рис. 3), лепную миску (рис. 4), длинный обоюдоострый железный меч (рис. 5) с ножнами (рис. 6/1-2), железный наконечник копья (рис. 7) (оба эти предмета были преднамеренно погнуты), парные шпоры (рис. 9), круглый в плане и пирамидальный в профиле железный умбон (рис. 8/1-2) с заклепками (рис. 8/3-4), железный двухспиральный браслет с окончаниями в виде бутончиков (рис. 10) и железную застежку для портупеи (рис. 6/3-4), к которым позднее добавились железная скоба от ножен (?), позволил определить эти предметы как инвентарь погребения с трупосожжением, принадлежавшим вооруженному всаднику.

Антропологический анализ останков костей из урны показал, что они принадлежали юноше 14-16 лет (рис. 14-24). Следует отметить, что среди обожженных человеческих костей были выявлены 10 конечных фаланг (когтей) передних лап взрослого медведя (рис. 11-13). Предположительно, они были частью «мантии» из шкуры медведя, сожженной вместе с молодым воином.

Корреляция всех обнаруженных материалов, входивших в погребальный инвентарь трупосожжения, в том числе и лепной чернолощенной широкой миски с граненным венчиком, с округлобоким туловом и узким плоским дном, относящейся к кругу памятников Поенешть-Лукашевской культуры, а также аналогии погребальной обрядности (Babeş 1993, 181-227), позволили отнести комплекс к позднелатенскому периоду Латен DI или, в абсолютных датах, к 120-60 гг. до н.э., возможно, ближе к середине I века до н.э. (хотя некоторые предметы, такие как парные шпоры, могут указывать и на конец I века до н.э.).

Место обнаружения погребения с трупосожжением у с. Мана (р-н Орхей) (рис. 1), находящееся на расстоянии всего около 3,7 км к западу от поселения и могильника Лукашевка, наличие бронзовой (римской) ситулы в качестве погребальной урны, состав предметов вооружения и украшений явно кельтского происхождения или латенизированных традиций, чернолощеная лепная миска-крышка бастарнского круга – все эти материалы отражают как сложные процессы перемен, экспансий и перемещений населения Северной, Центральной и Восточной Европы, проникновения первых германцев (бастарнов) из Северной Европы, наступления кельтов из Карпатской котловины на юг и на восток и продвижение римских легионов на Балканах, так и комплексную военно-политическую и демографическую/этническую ситуацию последних двух столетий I тысячелетия до н.э. к востоку от Карпат и в Пруто-Днестровском междуречье.

Если наши предположения относительно хронологической привязки погребения верны (середина первого века до н.э.), то захоронение можно связать с понтийской кампанией и восточными завоеваниями Буребисты, когда в 55 г. до н.э., вытесняя бастарнов на север и сарматов на восток, он завоевывает Ольвию в устьях Южного Буга (Rădulescu, Suceveanu 2010, 677--680), проникая до Днепра, где разрушение ряда городищ (Гавриловка, Золотая Балка и др.) этого времени связывают с гетским наступлением, в то время как на соседних территориях начинается спешное строительство других (Щукин 1994, 169).

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта места обнаружения погребения с трупосожжением у с. Мана.

Рис. 2. Мана III. Погребальная яма с сожжением.

Рис. 3. Мана III. Бронзовая ситула-урна.

Рис. 4. Мана III. Лепная миска-крышка.

Рис. 5. Мана III. Обоюдоострый железный меч.

Рис. 6. Мана III. Железные ножны (1-2), застежка от портупеи (3-4) и железная скоба (5-6).

Рис. 7. Мана III. Железный наконечник копья.

Рис. 8. Мана III. Железный умбон (1-2) и гвозди для его крепления (3-4).

Рис. 9. Мана III. Железные шпоры.

Рис. 10. Мана III. Железный двухспиральный браслет.

Рис. 11. Мана III. Остатки сожжения животного происхождения Дистальные фаланги передних лап взрослого медведя *Ursus arctos ssp*.

Рис. 12. Мана III. Остатки сожжения костей человека. Юноша 14-16 лет. Дистальная фаланга правой передней конечности.

Рис. 13. Мана III. Остатки сожжения костей человека. Юноша 14-16 лет. Первый моляр нижней челюсти.

Рис. 14. Мана III. Остатки сожжения костей человека. Юноша 14-16 лет. Фрагменты черепной коробки.

Рис. 15. Мана III. Остатки сожжения костей человека. Юноша 14-16 лет. Мыщелок правой нижней челюсти.

Рис. 16. Мана III. Остатки сожжения костей человека. Юноша 14-16 лет. Кости позвоночного столба: a - поясничный, b - грудной клетки.

Рис. 17/7. Мана III. Остатки сожжения костей человека. Юноша 14-16 лет. Фрагменты диафиза плечевой кости.

Рис. 18. Мана III. Остатки сожжения костей человека. Юноша 14-16 лет. Фрагменты диафиза бедренной кости.

Рис. 19. Мана III. Остатки сожжения костей человека. Юноша 14-16 лет. Фрагменты тазовых костей.

Рис. 20. Мана III. Остатки сожжения костей человека. Юноша 14-16 лет. Плечевая кость. Проксимальный эпифиз.

Рис. 21. Мана III. Остатки сожжения костей человека. Юноша 14-16 лет. Фрагменты диафизов верхних конечностей в стадии обугливания.

Рис. 22. Мана III. Остатки сожжения костей человека. Юноша 14-16 лет. Фрагменты диафизов верхних конечностей со следами „white-coat".

Рис. 23. Мана III. Юноша 14-16 лет. Максимальный температурный режим по цветовой гамме и модели костных повреждений.

03.08.2015

Dr. Ion Tentiuc, National Museum of History of Moldova, 121-A 31 August str., MD-2012 Chişinău, Republic of Moldova, e-mail: ion_tentiuc@yahoo.com

Valeriu Bubulici, National Museum of History of Moldova, 121-A 31 August str., MD-2012 Chişinău, Republic of Moldova, e-mail: vbubulici@mail.ru

Dr. Angela Simalcsik, Romanian Academy - Iaşi Branch, Department of Anthropological Research, Th. Codrescu Street, No. 2, Iaşi, Romania, e-mail: angellisimal@yahoo.com

GRAPHIC REPRESENTATIONS IN ROMANIAN ARCHAEOLOGY. AN OVERVIEW REGARDING LATE IRON AGE DWELLINGS[1]

Monica Nicolăescu

Archaeological representation is considered a field which focuses on the ways through which archaeologists provide knowledge about the past by referring to the different modes of presenting their findings. They were ultimately classified in academic and non-academic manners, and the first category was mostly related to writing and less to „imaging". Visual representations were associated with non-academic discourses and in this manner the subject of archaeological representation was considered by most archaeologists as outside the domain of their professional responsibility (Moser 2001, 262).

Nowadays, the importance of representations in archaeology is being mentioned more often and defined as a way of communication between archaeologists. The representation is considered the production of meaning through a visual language of communicating about the past. Of course, the notion of representation includes palette of various discussions: about photography, about arts and representing arts, about archaeological excavation technique (Llobera 2010, 195), about cultural influences in archaeology (Moser, Smiles 2005), about cultural heritage and so on.

But referring to representation, we refer to visualization. Visualization has been defined as the transformation of data or any sort of information into a representation that can be perceived (Llobera 2010, 195).

This paper tries to briefly discuss about how information regarding habitation structures researched in various Late Iron Age settlements from Muntenia were transformed into representations and to what extent these representations could be considered as part of a visual communication about the Late Iron Age in southern Romania. The intention is not to classify the types of dwellings encountered in the Getic-Dacian settlements from this geographical area, but to make a few remarks regarding the way in which these were represented.

The technical literature mentions the following settlements in which dwellings were documented: Alexandria-Pădurea Vedea, Bălăceanca Ecluză, Bălteni (Buzău), Bărcăneşti, Bila „La Fântână", Borduşani, Bragadiru, Bucureşti „Aleea Scroviştea", Bucureşti „Băneasa Lac", Bucureşti „Căţelu Nou", Bucureşti Griviţa, Buzău „La SE de FUM", Căscioarele „Şuviţa Horatului", Căscioarele „Cătălui", Căscioarele „La E de Valea Coşarului", Căscioarele „Coinea I", Căscioarele „Suharna", Căscioarele „Coinea II", Cătunu „Viişoara", Cârlomăneşti, Cetăţeni, Chirnogi, Ciolăneştii din Deal, Crăsanii de Jos, Grerăseni, Giurgeni, Grădiştea „Movila Crestată", Greaca „Valea Fântânilor", Greaca „La Slom", Iedera de Jos, Milcov, Mironeşti „Coastă", Mironeşti „Conacul lui Palade", Olteni Teleorman, Pietrosu Costeşti, Pietroşani (Teleorman), Popeşti, Prundu „La Stână", Radovanu „Gorgana a doua", Radovanu „Gorgana întâi", Săruleşti, Schitu „Gaura Despei", Schitu „La Conac", Sibiciu de Sus, Sprâncenata, Tânganu, Târcov, Tinosu, Valea Lupului, Vlădiceasca „Ochiul lui Velicu", Vlădiceasca „Ghergălăul Mare" Zimnicea and Zlata (fig. 1). From among these, only few were researched through systematic excavations and even fewer were published.

Apparently, the data base for making an analysis over the habitation structures is sufficient and comprehensive, as we are talking about over 50 settlements in which dwellings are mentioned to have been discovered. But what we have to take into consideration first is that all the above mentioned settlements were researched differently and this seriously influenced the state of the information which we rely on. For this reason, all typologies made will not be considered in this paper.

[1] Paper made within Minerva project, „Cooperation for the elite careers in doctoral and post-doctoral research", POSDRU contract no. 159/1.5/S/137832.

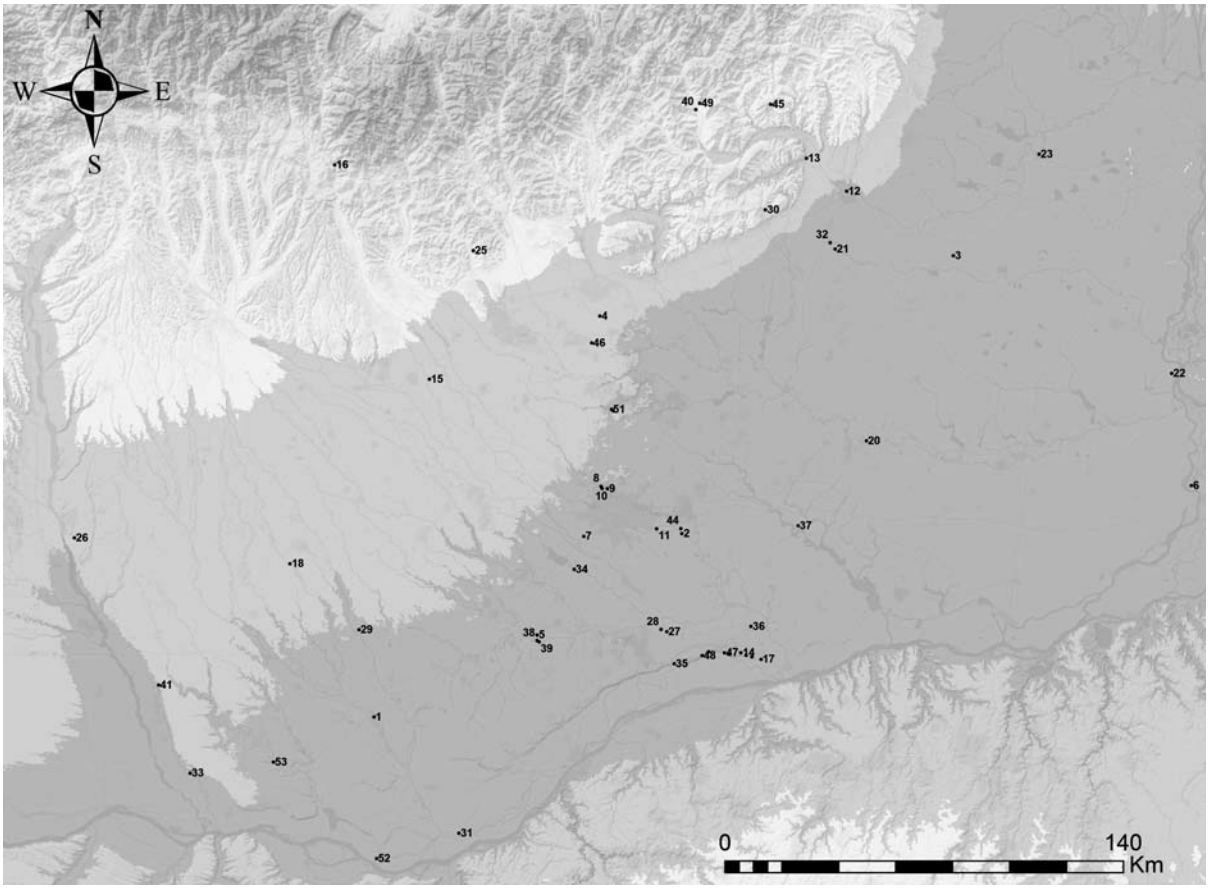


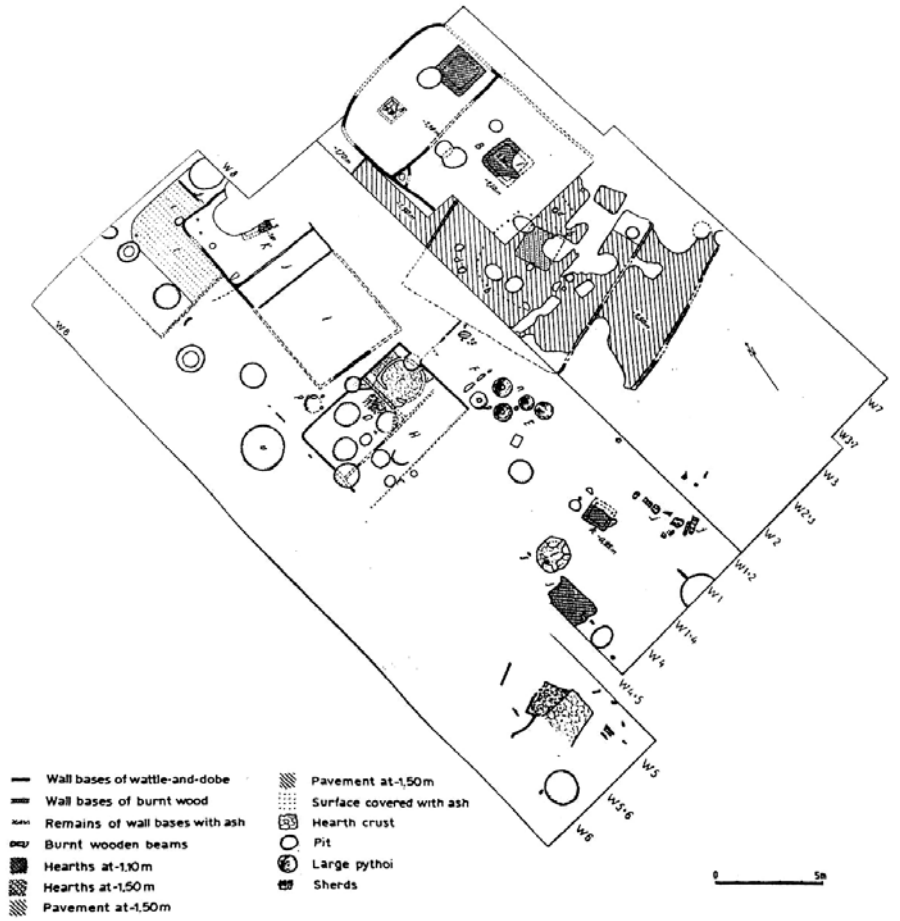
Fig. 1. The map with all the places where dwellings were found, mentioned or documented: 1. Alexandria; 2. Bălăceanca; 3. Bălteni; 4. Bărcăneşti; 5. Bila; 6. Borduşani; 7. Bragadiru; 8. Bucureşti - Lacul Griviţa; 9. Bucureşti - Băneasa Lac; 10. Bucureşti - Aleea Scroviştea; 11. Bucureşti - Căţelu; 12. Buzău; 13. Cârlomăneşti; 14. Cătălui; 15. Cătunu; 16. Cetăţeni; 17. Chirnogi; 18. Ciolăneştii din Deal; 19. Coinea; 20. Crăsani; 21. Gherăseni; 22. Giurgeni; 23. Grădiştea; 24. Greaca „La Slom"; 25. Iedera; 26. Milcov; 27. Mironeşti „Conacul lui Palade"; 28. Mironeşti Coastă; 29. Olteni; 30. Pietroasa Mică; 31. Pietroşani; 32. Pietrosu - Costeşti; 33. Pleaşov; 34. Popeşti; 35. Prundu; 36. Radovanu „Gorgana întâi", „Gorgana a doua"; 37. Săruleşti; 38. Schitu Gaura Despei; 39. Schitu „La Conac"; 40. Sibiciu de Sus; 41. Sprâncenata; 42. Suharna; 43. Şuviţa Hotarului; 44. Tânganu; 45. Târcov; 46. Tinosu; 47. Valea Coşarului; 48. Valea Fântânilor; 49. Valea Lupului; 50. Vlădiceasca „Ochiul lui Velicu"; 51. Vlădiceasca „Ghergălăul Mare"; 52. Zimnicea „Cetate"; 53. Zlata;

The way in which habitation structures are found by archaeologists is very different from their original form, for this reason being more difficult to identify them. The excavation method is rather a decisive factor in their identification and documentation. Most of the finds consist of lenses or yellow clay leveling traces, burnt adobe or stone agglomerations, which are, in many cases, pierced by pits or later complexes. In such context, the partial research of these complexes doesn't come as a shock among the archaeological literature. Finding a habitation complex is considered enough and their illustration not a necessity.

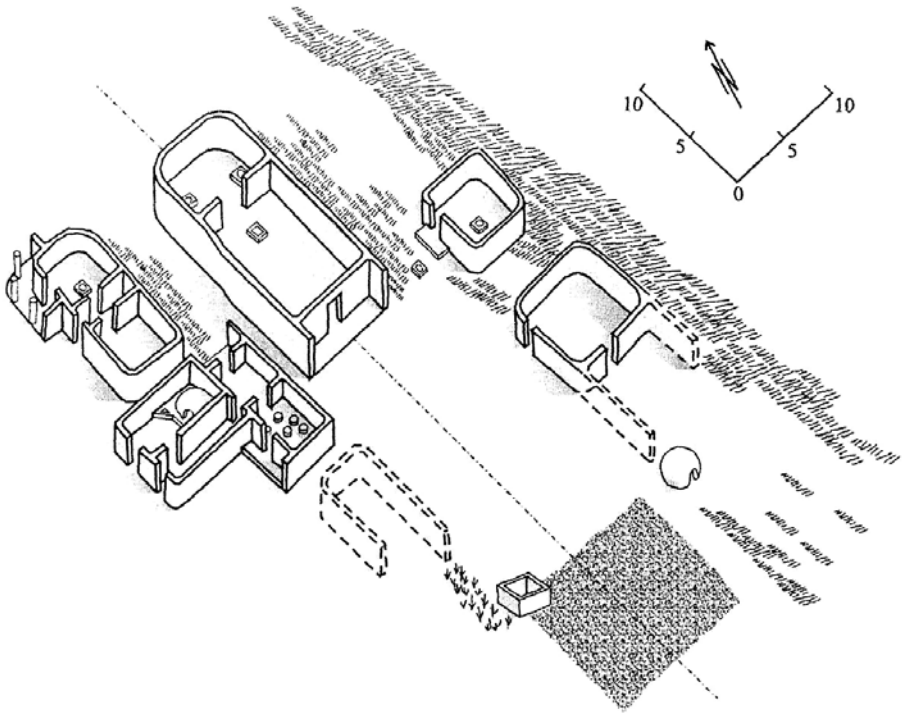
Looking at all dwelling discoveries made in south-eastern Romania's area (Muntenia), one must specify that very few are illustrated. Representations consist mainly of sketches of some limits observed during the excavations. Rare are the cases in which the illustrations offer a certain visual perspective of the respective limits found in the ground.

Systematic excavations

Generally, the settlements will be grouped depending on the research type. Those sites in which systematic excavations have been made are, usually the large Getic-Dacian settlements from southern Romania, which are considered, in historical and archaeological terms the concrete manifestation of the phase traditionally known as „classical period of the Getic-Dacian civilization"

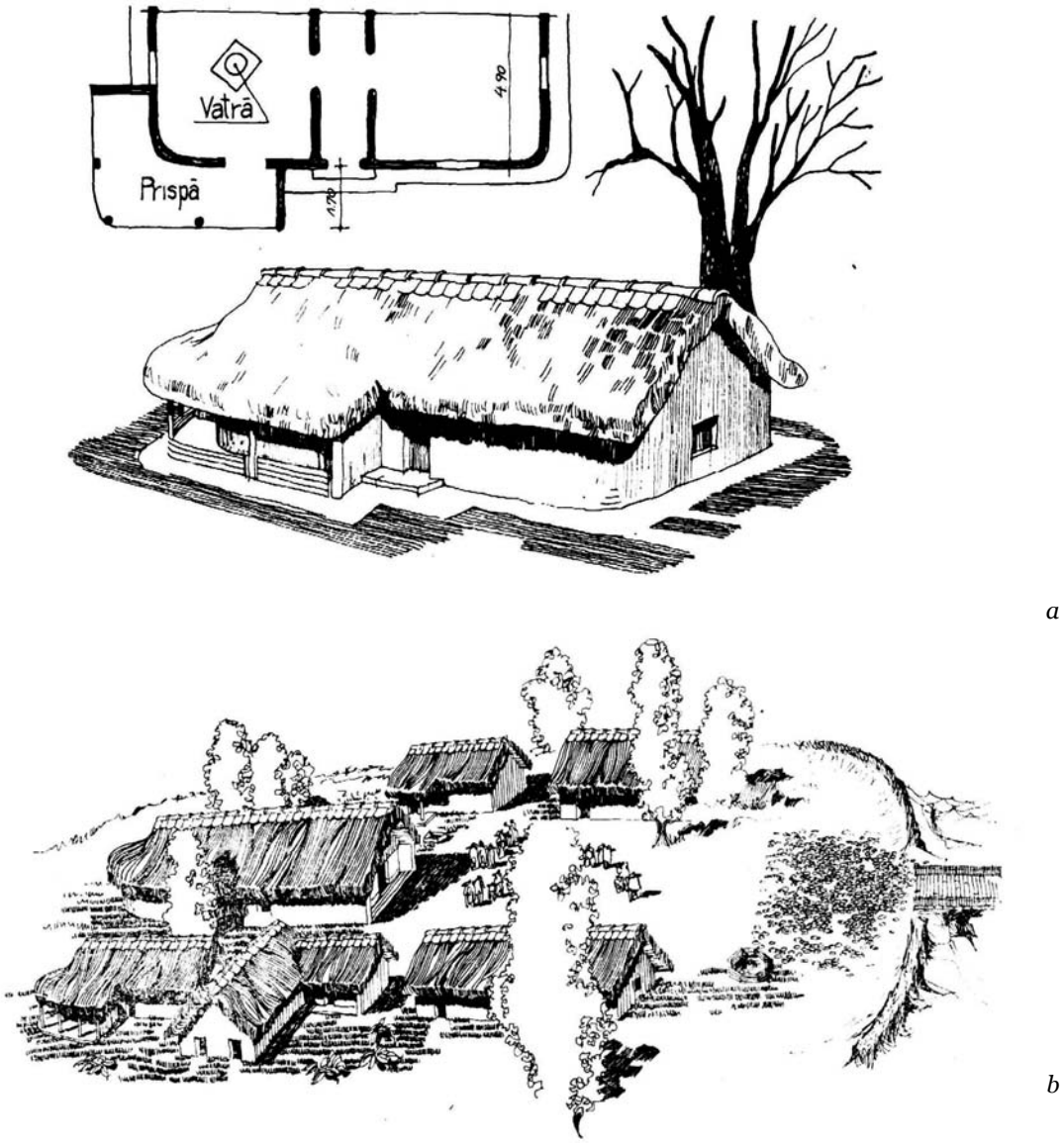


a



b

Fig. 2. The elite residential quarter from Popeşti: a - Sector „W" (after Vulpe 2004-2005, 25, fig. 3); b - Reconstruction made by D. Antonescu in 1978 (after Vulpe 2004-2005, 29, fig. 7).



a

b

Fig. 2. The elite residential quarter from Popeşti: *a* - Sector „W" (after Vulpe 2004-2005, 25, fig. 3); *b* - Reconstruction made by D. Antonescu in 1978 (after Vulpe 2004-2005, 29, fig. 7).

(Babeş 2010a, 520). The settlements which can be chronologically framed in the period between the 2nd century B.C and the 1st Century A.D represent large territorial structures whose central places were considered the Dava types (also referred as the acropolises), centers of political and commercial life, of craft productions and religious activities (Babeş 2010, 130).

The existence within these large settlements of certain monumental structures of impressive sizes with special characteristics (apse, association with decorated hearths), put into slightly obscurity all those other constructions of modest characteristics and dimensions. Thus, one can find among the various representations of the discoveries made in the main Getic-Dacian settlements from Muntenia only images of the special areas or places within the respective sites.

Along these lines, the case of Popeşti settlement is exemplary: even if the authors of the researches mention a large number of rectangular constructions which contained hearths, with adjacent cellars which have been discovered and documented during the excavation campaigns, the focus of the publications regarding this site was made on the presentation and illustration of the so-called

elite residential quarter. The total number of these buildings was not yet published and there are no mentions in the archaeological literature which could lead to the estimation of the habitation structures encountered on the acropolis at Popeşti „Nucet", or on the other sectors. The referrals were only made in several excavation reports, without any graphic representations (Palincaş 1997; Trohani 1997; Vulpe 1997).

The images that are, however, associated with the settlement from Popeşti, and finally, with the Getae-Dacians from the Muntenia's area are the ones that outline the residential assemble from the „W" sector on the acropolis (Vulpe 1959; Vulpe 1960). Within this entire complex (fig. 2), a special place is attributed, in the habitation structures context, to the „porch house", a large house with two rooms separated by a corridor, which was considered very similar to the plan of a modern peasant house (Vulpe 2004-2005, 29). This structure benefited of several graphic reconstructions (fig. 3a) which became representative for Getic-Dacian household images in Muntenia area (Antonescu 1984, 183; Babeş 1996, 323, fig. 158; Vulpe 2005-2005, 29)

At Cârlomăneşti Dava type settlement, the presence of habitation structures is mentioned through, indeed, through hardly perceptible remains or traces, due to the perforation of the pits belonging to later levels. Built on the ground surface, they were often dismantled and leveled or destroyed by subsequent interventions (Babeş 2010b, 128).

In terms of illustration, both from the old and recent excavations only the structures with impressive dimensions and features were emphasized (Babeş 2010b, 139, pl 2; Matei, Măgureanu 2014, 230-240; Măgureanu 2014, 254). Regarding the surfaces excavated in the 1970's, two stone structures were identified, firstly described as edifice B by the author of the excavations, a rectangular building with an apse, and a quadrilateral edifice with 5×5 rows of pole pits. The representation of the last one is made in connection with excavation details which makes possible its larger visualization, underlying a unique structure in the area from outside the Carpathians (fig. 4a).

From the recent excavations, only three constructions considered „habitation structures" from the recent excavation were emphasized, namely Edifice no. 1, Edifice no. 17 and Edifice no. 18. Located in the central area of the plateau from Cîrlomăneşti, these are the remains of three buildings of impressive sizes, with decorated fireplaces inside, which are believed to have had a public/cultic role within this Dava settlement. Also, edifice no. 17 had an assumed annex, structure no. 25, with an unknown functionality (Matei, Măgureanu 2014). All structures were represented in surface plan and in chronological sequence, in a useful manner (fig. 4b) for the interested viewers, leaving the possibility of interpretation from various perspectives. Adding colors to the plans successfully makes the findings even more perceivable, by presenting in the same image the different complexes attributed to different moments, which could be related to different functionalities. This type of illustration can be significant in talking about the landscape and internal organization of the entire settlement, as it outlines through perceivable means, concepts such private space, public space or sacred space. In this way, the fact that certain areas of the „Cetăţuia" plateau can be designated as special becomes an obvious one.

The exquisite visual presentations of the large structures found on the plateau contrasts with the lack of any representations concerning the modest buildings which have been mentioned among the discoveries. The proper understanding of the entire settlement, which is ultimately considered a Dava type one, depends on the publication of all habitation structures that have been found over the recent and older excavation campaigns, as Cârlomăneşti being an ideal case of research in such type of site.

The site from Grădiştea „Movila Crestată" is one of the few ones that benefited of a wide publication. The general plan of the excavations made on „Movila Crestată" show a slightly alignment of the habitation structures on the plateau's margins (Sîrbu 1996a, 111), which could indicate a certain delimitation between public and private areas. Regarding the habitation complexes, this site brings significant details for the understanding of the huts, which in this case have distinctive characteristics: access steps and earth benches. The representation of such complexes in a three-dimensional perspective makes possible the visualization of an elaborate structure which could be not perceived by other means of illustration,

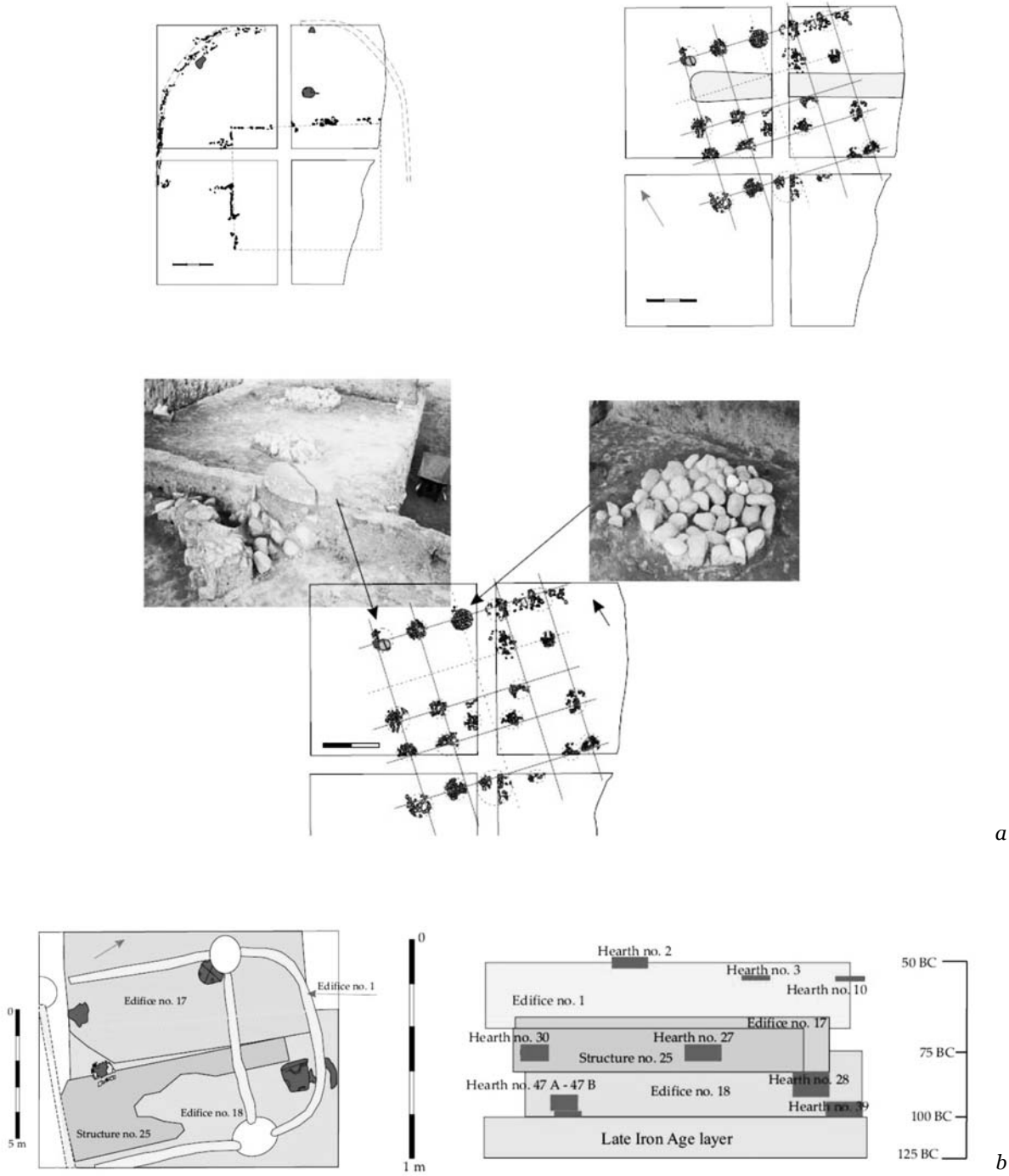
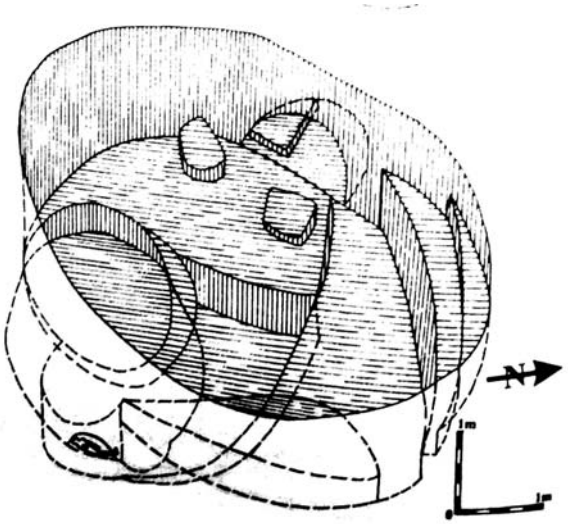


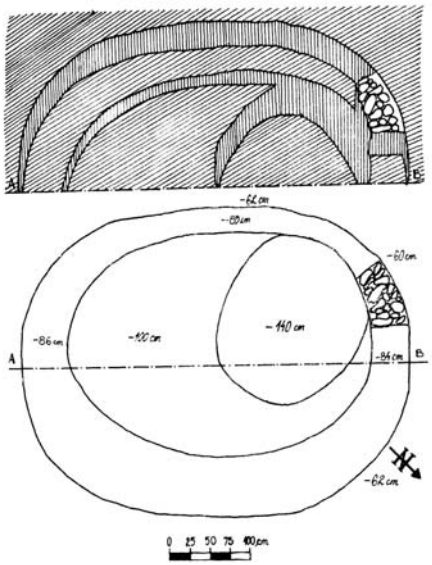
Fig. 4. Cârlomăneşti „Cetăţuia": *a* - representations of the structures documented in 1972-1973 (after Măgureanu 2014, 254-257, fig. 4-7); *b* - Representations of the edifices found in the recent excavations (after Matei, Măgureanu 2014, 240, fig. 12).

not even through pictures. Considering the fact that this type of habitation structure is a common one for the „Movila Crestată" settlement, the huts representations became iconic (fig. 5).

The settlement at Borduşani was also published, although the researched part represents only an estimated 4% of the entire site (Trohani 2006, 91). The habitation structures investigated in the northern part of the settlement, 13 in number, were believed to have been structured among an incipient urbanization plan, indicated by their rows disposal (Trohani 2006, 91). Unfor-



a



b

Fig. 5. Grădiştea „Movila Crestată": *a* - representation of hut no. 17 from (after Sîrbu 2004, 100, fig. 6); *b* - representation of hut no. 9 (after Sîrbu 1996, 1996, 162, fig. 6).

tunately, the illustrations do not value entirely the conclusions made regarding the habitation from Borduşani, as it is made entirely of sketches which do not offer a real perception of the structures within the space (fig. 6a).

In the settlement from Bragadiru, where over 20 habitation structures were identified, one situation is considered different and meant to be mentioned: the partial overlaying of a an oval hut by a quadrilateral surface dwelling (fig. 6b).

At Cetăţeni, even if the excavations have a long history (Măndescu 2006, 19-25), the only graphic representation of a habitation structure from the „open settlement" can be encountered among the documentation of the latest researches made between 2002 -2004. For this reason, surface dwelling no. 1, which is considered representative for the final stage of the habitation from Cetăţeni, becomes representative by itself (fig. 7).

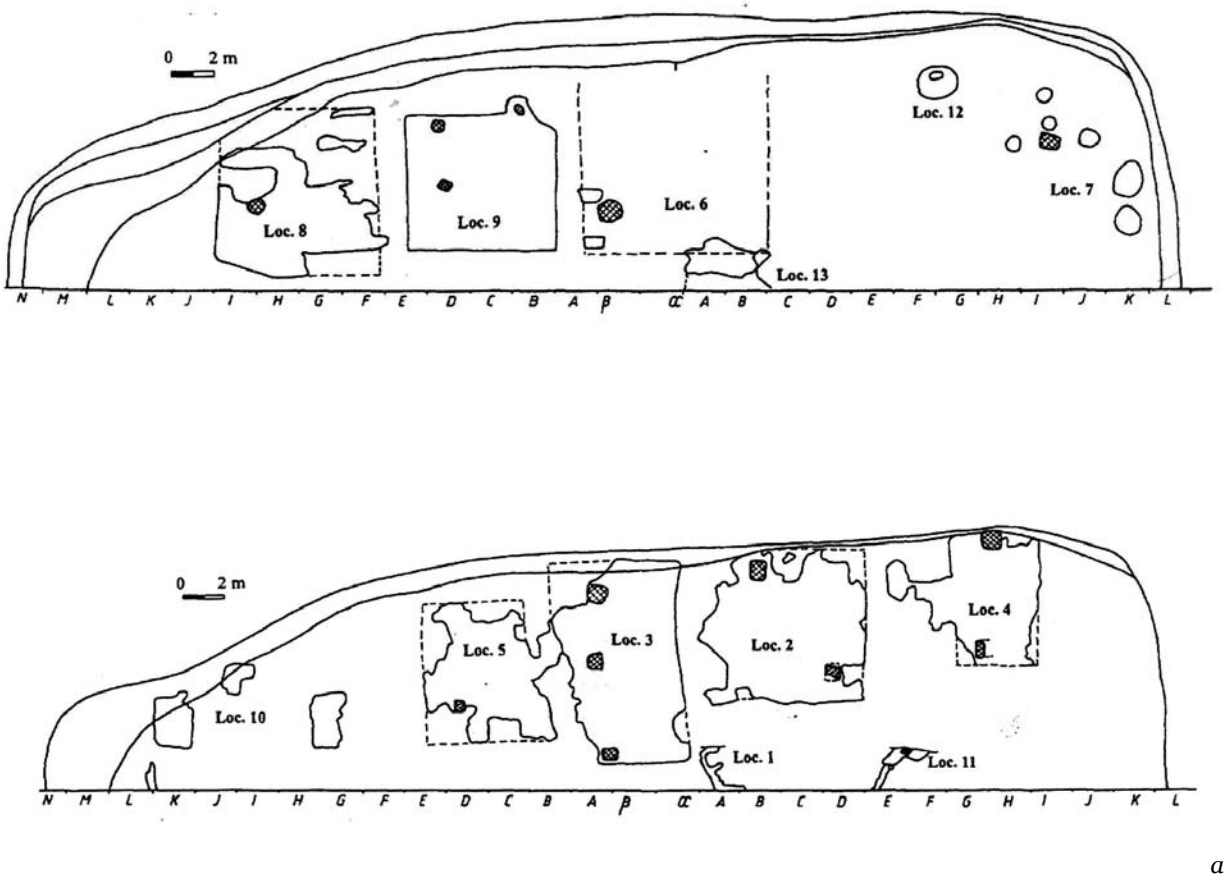
Regarding the Radovanu „Gorgana a doua" establishment, much has been said, but little has been shown. The habitations structures were presented in an ample recent study (Şerbănescu et al. 2012) which contains detailed specifications of all dwellings researched at Radovanu, including the ones from the „Gorgana întâi", but the only representations were some pictures capturing different phases of the excavations. In this way, there is no single plan of a dwelling or such habitation structure from Radovanu which could support the other impressive discoveries, like the decorated hearths.

In terms of visualization of the habitation structures, settlements like Piscul Crasani, Pietroasa Mică or Târcov, which are in ongoing research, have the potential of changing substantially the entire perception of the Late Iron Age houses, by their mentioned discoveries. The proper representation of these discoveries can offer an understandable image which can lead to the covering of a less known aspect of this chronological phase in the area from outside the Carpathians.

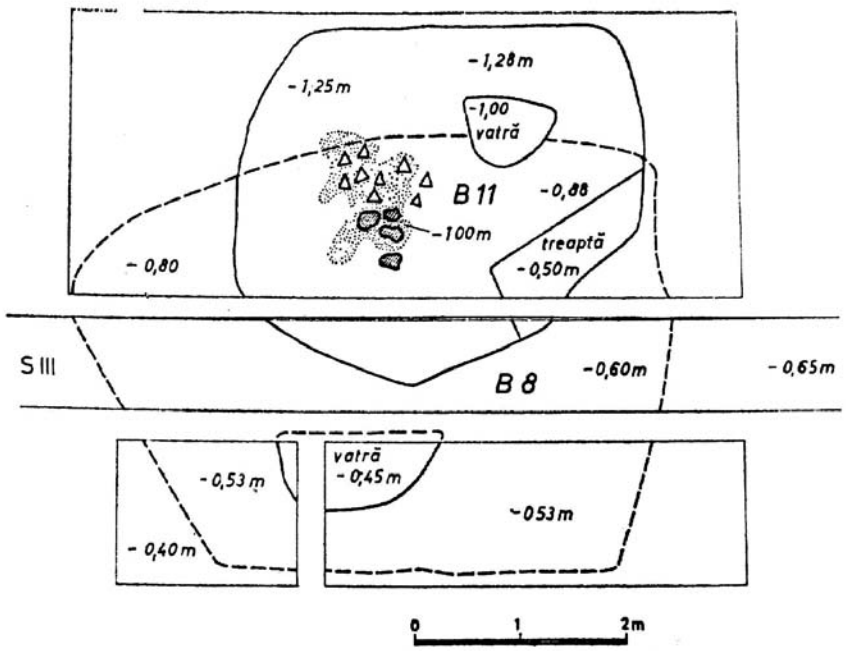
Other types of excavations

At Chirnogi „Rudărie", from among 15 dwellings which have been documented, almost all were represented (Trohani 1975a). Unfortunately, these are extremely schematic (fig. 7) and make hard a proper interpretation, especially when a general plan of the excavations with the emplacement of the complexes is missing.

The same situation can be mentioned for the settlements at Vladiceasca, both „Ghergălăul Mare" and „Ochiul lui Velicu" (Trohani 1975b; Trohani 1976; Trohani 1983), Bucureşti „Aleea Scroviştea" (Alexandrescu et al. 2007), Bucureşti „Băneasa Lac" (Măgureanu, Bojică 2007), Bărcăneşti (Paveleţ, Anton 2010).


0 2 m
Loc. 8
Loc. 9
Loc. 6
Loc. 12
Loc. 7
Loc. 13
N M L K J I H G F E D C B A β α A B C D E F G H I J K L
0 2 m
Loc. 10
Loc. 5
Loc. 3
Loc. 2
Loc. 4
Loc. 1
Loc. 11
N M L K J I H G F E D C B A β α A B C D E F G H I J K L

a



b

Fig. 6. a - The inferior and superior levels of habitation from Bordușani „Popină" (after Trohani 2005, pl. 5); b - dwellings no. 8 and 11 from Bragadiru (after Turcu 1979, fig. 8).

A different situation can be encountered in the case of the settlements from Căscioarele-Greaca-Prundu area, which benefited of an ample publication with consistent illustration of the complexes (Sîrbu et al. 1996). In this area several settlements were researched, considered as integrated part of a larger area of discoveries. All researches were illustrated in spatial context of the entire surface considered to be attributed to the respective settlement. The only disputable aspect can be considered the use of certain conventional signs, which lead to an excessive load of the images, resulting in an ambiguous image of the complexes (fig. 8b).

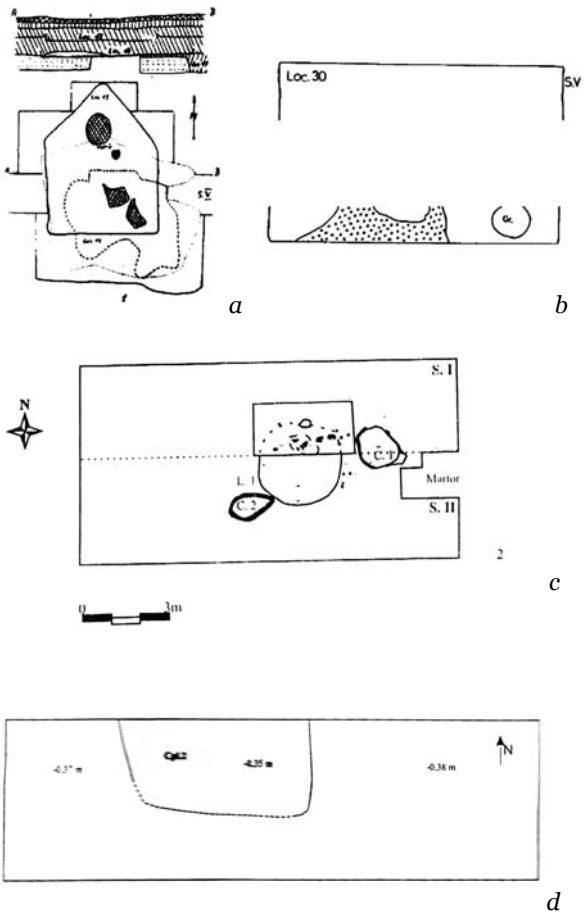


Fig. 7. Different representations of habitation structures: a - Chirnogi (after Trohani 1975a, 131, fig. 5); b - Vlădiceasca (after Trohani 1976, fig. 2), c - Bucureşti „Aleea Scroviştea" (after Alexandrescu et al. 2007, pl. 4), d - Bucureşti „Băneasa Lac" (after Măgureanu, Bojică 2007, fig. 3).

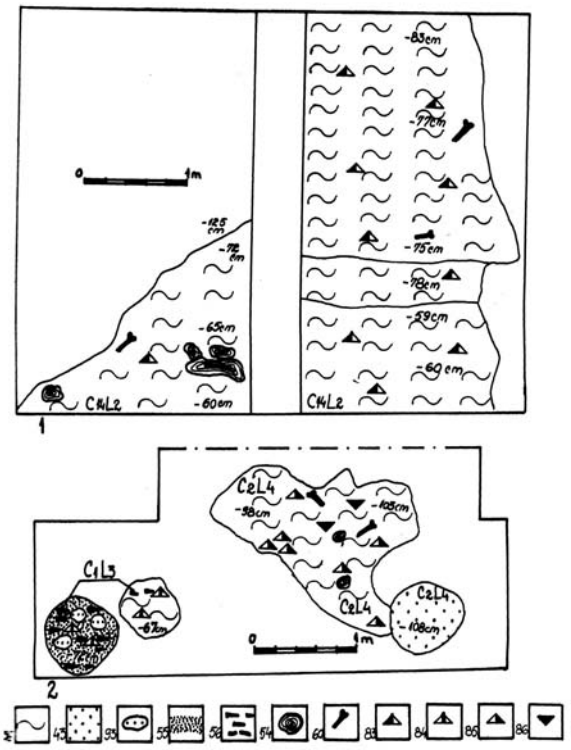


Fig. 8. Representation of several dwellings from Căscioarele „Valea Coşarului" (after Sîrbu et al. 1996, 257, fig. 80).

Concluding remarks

The impact of a representation.

To what extent did all these representations did transmit knowledge? In the general referrals about the Getic-Dacian dwellings, the main recurrent images are the ones depicting the structures within the so-called residential quarter found at Popeşti „Nucet" in sector „W". This situation is not a random one, and outlines a certain fact related to the different ways of converting archaeological information in visual ways of communication. In the same respect, attempts of experimental archaeology which had as purpose the reconstruction of several ancient houses representative for Muntenia area, dating from the second Iron Age, were inspired also by the situations encountered at Popeşti site, and not others, even if it is not a singular case (Ganciu 2013).

Other representations, even if constituted arguments for the elaboration of different typologies (which only regard the general form of the habitation structures), have not had an impact that could be compared to Popeşti site.

Do all these habitation complexes really look alike? Surely that the houses constructed on several Late Iron Age settlements from this area were not identical. They must have been specific to the different environment characteristics and surroundings, and in concordance with a certain set of unidentifiable rules of social order and display, aspects which cannot be perceived within actual excavations.

What can be done in the actual state of the researches regarding the habitation structures is a focus on the types of visual dissemination of the results, in the way made in case of the Cârlomăneşti settlement, with the mention that it is worth emphasizing not only the monumental and special discoveries, but also the „common" ones.

Bibliography

Alexandrescu et al. 2007: C. Alexandrescu, D. Măgureanu, N. Palincaş, A. Măgureanu, C. Bojică, Cercetările arheologice preventive de la Dămăroaia. Note privind săpăturile din 2005 şi 2006 din aleea Scroviştea. Cercetări Arheologice în Bucureşti VII, 2007, 127-178.

Babeş 1996: M. Babeş, Locuinţă. In: Enciclopedia arheologiei şi istoriei vechi a României, vol. II (D-L), 1996, 321-324.

Babeş 2010a: M. Babeş, Geto-dacii de la Dromichaites la Burebista. In: M. Petrescu-Dâmboviţa, A. Vulpe (coord.) Istoria Românilor, vol. I: Moştenirea timpurilor îndepărtate, ediţia a II-a (Bucureşti 2010), 517-523.

Babeş 2010b: M. Babeş, Staţiunea geto-dacă de la Cârlomăneşti: *dava* sau centru religios?. Mousaios XV, 2010, 123-146.

Ganciu 2013: I. Ganciu, Parcul arheologic Asair, între istorie şi experiment.
http://www.historia.ro/exclusiv_web/actualitate/articol/parcul-arheologic-asair-ntre-istorie-experiment

Llobera 2010: M. Llobera, Archaeological Visualization: Towards an Archaeological Information Science (AISc). Journal of Archaeological Method and Theory 18, 2001, 193-223.

Matei, Măgureanu 2014: S. Matei, D. Măgureanu, Public space – private space in the dava of Cârlomăneşti, Buzău County. Mousaios XIX, 2014, 219-240.

Măgureanu 2014: D. Măgureanu, Considerations on certain types of public edifices investigated at Cârlomăneşti (Buzău County). Mousaios XIX, 2014, 241-257.

Măgureanu, Bojică 2007: D. Măgureanu, C. Bojică, Băneasa Lac. Descoperiri de epocă Latène. Cercetări Arheologice în Bucureşti VII, 2007, 101-124.

Moser 2001: S. Moser, Archaeological representation: the visual conventions for constructing knowledge about the past. In: (Ed. I. Hodder) Archaeological Theory Today (Cambridge 2001), 262-283.

Moser, Smiles 2005: S. Moser, S. Smiles, The image in question. In: (Eds. S. Moser, S. Smiles) Envisioning the Past: Archaeology and the Image (Oxford 2005), 1-13.

Palincaş 1997: N. Palincaş, Scurtă prezentare a săpăturilor din sectorul Σ al aşezării de la Popeşti (Jud. Giurgiu). Campaniile 1988-1993. Cercetări Arheologice X, 1997, 173-197.

Paveleţ, Anton 2010: E. Paveleţ, A. Anton, Date privind aşezarea getică de la Bărcăneşti, jud. Prahova. Mousaios XV, 2010, 89-121.

Sîrbu et al. 1996: V. Sîrbu, P. Damian, O. Damian, E. Alexandrescu, S. Pandrea, E. Safta, A. Niculescu, Aşezări din zona Căscioarele-Greaca-Prundu - Mileniile I î. Hr - I d. Hr. (Brăila 1996).

Sîrbu 1996: V. Sîrbu, Dava getică de la Grădiştea, judeţul Brăila (I). (Brăila 1996).

Sîrbu 2004: V. Sîrbu, Două bordeie dacice din dava de la Grădiştea, jud. Brăila. Istros XI, 2004, 83-111.

Şerbănescu et al. 2012: D. Şerbănescu, C. Schuster, A.S. Morintz, L. Mecu, Recent archaeological investigations of the Radovanu Davae in Călăraşi county. Constructions and fire installations. Thraco-Dacica XXV-XXVI (2010-2011), 2012, 101-122.

Trohani 1975a: G. Trohani, Săpăturile arheologice efectuate la Chirnogi, jud. Ilfov, în anii 1971-1972. Cercetări Arheologice I, 1975, 127-151.

Trohani 1975b: G. Trohani, Raport asupra săpăturilor arheologice efectuate în aşezarea geto-dacică de la Vlădiceasca, jud. Ilfov, în anul 1973. Cercetări Arheologice I, 1975, 151-175.

Trohani 1976: G. Trohani, Săpăturile din aşezarea geto-dacă de la Vlădiceasca. Cercetări Arheologice II, 1976, 87-135.

Trohani 1983: G. Thohani, Cercetările arheologice de la Vlădiceasca, punctul „Ochiul lui Velicu", com. Valea Argovei, jud. Călăraşi. Cercetări Arheologice VI, 1983, 31-43.

Trohani 1997: G. Trohani, Aşezarea de la Popeşti, jud. Giurgiu. Campaniile 1988-1991, Secţiunea π. Raport preliminar. Cercetări Arheologice X, 1997, 193-274.

Trohani 2005: G. Trohani, Locuirea getică din partea de nord a Popinei Borduşani, comuna Borduşani, judeţul Ialomiţa, I. Locuinţele şi gropile (Târgovişte 2005).

Trohani 2006: G. Trohani, Locuirea getică din partea de nord a Popinei Borduşani, comuna Borduşani, judeţul Ialomiţa, II. Interpretarea materialului descoperit (Târgovişte 2006).

Turcu 1979: M. Turcu, Geto-dacii din Câmpia Munteniei (Bucureşti 1979).

Vulpe 1959: R. Vulpe, Şantierul arheologic Popeşti. MCA VI, 1959, 307-325.

Vulpe 1960: R. Vulpe, Şantierul arheologic Popeşti. MCA VII, 1960, 321-339.

Vulpe 1997: A. Vulpe, Săpăturile de la Popeşti. Prezentarea campaniilor 1988-1993. Cercetări Arheologice X, 1997, 163-172.

Vulpe 2004-2005: A. Vulpe, 50 years of systematic archaeological excavations at the Pre and protohistoric site at Popeşti. Dacia NS XLVIII-XLIX, 2004-2005, 19-37.

Reprezentări grafice în arheologia românească. O schiţă asupra structurilor de locuire din cea de-a doua epocă a fierului

Rezumat

Lucrarea de faţă încearcă să sintetizeze dimensiunea importanţei reprezentărilor grafice, făcând referire la situaţia structurilor de locuire găsite şi documentate în aşezările din zona Munteniei, care pot fi încadrate în perioada secolelor II a. Chr. - I p. Chr. Fără intenţia de a clasifica sau a încadra în vreo tipologie complexele sau aşezările menţionate, lucrarea ia în considerare felul în care au fost ilustrate complexele de locuire caracteristice celei de-a doua epoci a fierului şi modalitatea în care respectivele reprezentări sunt relevante pentru înţelegerea complexelor de locuire din perioada menţionată.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta cu toate punctele în care au fost menţionate, identificate sau documentate structuri de locuire.

Fig. 2. „Cartierul rezidenţial" de la Popeşti: a - Sectorul „W" (după Vulpe 2004-2005, 25, fig. 3); b - reconstituire făcută de D. Antonescu în 1978 (după Vulpe 2004-2005, 29, fig. 7).

Fig. 3. „Cartierul rezidenţial" de la Popeşti: a - reconstituirea casei cu prispă (după Antonescu 1984, 26, fig. 12); b - reconstituire a întregului sector (după Antonescu 1984, 183, fig. 103).

Fig. 4. Cârlomăneşti „Cetăţuia": a - reprezentări ale structurilor documentate în campaniile 1972-1973 (după Măgureanu 2014, 254-257, fig. 4-7); b - reprezentări ale edificiilor identificate în urma săpăturilor recente (după Matei, Măgureanu 2014, 240, fig. 12).

Fig. 5. Grădiştea „Movila Crestată": a - reprezentarea bordeiului nr. 17 (după Sîrbu 2004, 100, fig. 6); b - reprezentarea bordeiului nr. 9 (după Sîrbu 1996, 1996, 162, fig. 6).

Fig. 6. a - Nivelul inferior şi superior de locuire de la Borduşani „Popină" (după Trohani 2005, pl. 5); b - locuinţele nr. 8 şi 11 de la Bragadiru (după Turcu 1979, fig. 8).

Fig. 7. Diferite reprezentări de structuri de locuire: a - Chirnogi (după Trohani 1975a, 131, fig. 5); b - Vlădiceasca (după Trohani 1976, fig. 2); c - Bucureşti „Aleea Scroviştea" (după Alexandrescu et al. 2007, pl. 4); d - Bucureşti „Băneasa Lac" (după Măgureanu, Bojică 2007, fig. 3).

Fig. 8. Reprezentări de structuri de locuire de la Căscioarele „Valea Coşarului" (după Sîrbu et al. 1996, 257, fig. 80).

Графические изображения в румынской археологии. Обзор жилищ позднего железного века

Резюме

В данной статье сделана попытка продемонстрировать значимость графических изображений на основе обзора жилищ, обнаруженных в Мунтении на поселениях II века до н.э. - I века н.э.

Не углубляясь в классификацию или типологизацию данных комплексов или поселений, автор статьи рассматривает, каким образом были проиллюстрированы жилищные комплексы позднего железного века, и выявляет значение рассмотренных иллюстраций для понимания этих памятников.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта с указанием мест, где были обнаружены, идентифицированы или задокументированы жилищные структуры.

Рис. 2. «Элитный» жилищный комплекс в Попешть: a - участок «W» (по Vulpe 2004-2005, 25, fig. 3); b - реконструкция, сделанная Д. Антонеску в 1978 г. (по Vulpe 2004-2005, 29, fig. 7).

Рис. 3. «Элитный» жилищный комплекс в Попешть: a - реконструкция «дома с крыльцом» (по Antonescu 1984, 26, fig. 12); b - реконструкция всего участка (по Antonescu 1984, 183, рис. 103).

Рис. 4. Кырломэнэшть «Четэцуя»: a - изображения памятников, найденных в 1972-1973 гг. (по Măgureanu 2014, 254-257, fig. 4-7); b - изображения сооружений, найденных во время недавних раскопк (по Matei, Măgureanu 2014, 240, fig. 12).

Рис. 5. Грэдиштя «Мовила Крестатэ»: a - изображение помещения № 17 (по Sîrbu 2004, 100, fig. 6); b - изображение помещения № 9 (по Sîrbu 1996, 162, fig. 6).

Рис. 6. a - Нижний и верхний жилые слои в Бордушань «Попина» (по Trohani 2005, pl. 5); b - жилища №№ 8 и 11 из Брагадиру (по Turcu 1979, fig. 8).

Рис. 7. Различные изображения жилищных структур: a - Кирноджи (по Trohani 1975a, 131, fig. 5); b - Влэдичаска (по Trohani 1976, fig. 2); c - Бухарест «Алея Скровиштя» (по Alexandrescu et al. 2007, pl. 4); d - Бухарест «Бэняса Лак» (по Măgureanu, Bojică 2007, fig. 3).

Рис. 8. Изображения жилищных структур из Кэсчиоареле «Валя Кошарулуй» (по Sîrbu et al. 1996, 257, fig. 80).

17.02.2015

Monica Nicolăescu, „Vasile Pârvan" Institute of Archaeology of the Romanian Academy, 11 Henri Coandă str., RO-010667 Bucharest, Romania, e-mail: monica.nicolaescu@gmail.com.

ЕКАТЕРИНОВКА – ОДНОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ СЫНТАНА-ДЕ-МУРЕШ–ЧЕРНЯХОВ

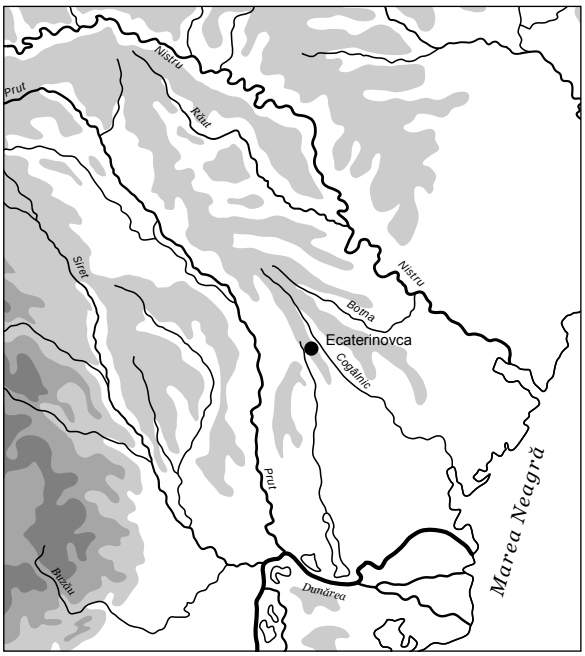
Иван Власенко

Татьяна Щербакова

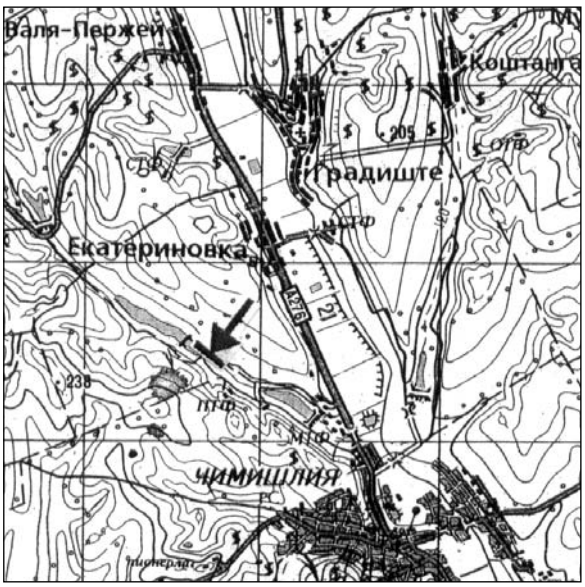
В 1978 г. Степная новостроечная археологическая экспедиция Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР провела спасательные раскопки на однослойном поселении культуры Сынтана-де-Муреш–Черняхов у с. Екатериновка Чимишлийского района в зоне строительства противоэрозийного пруда (Щербакова, Власенко 1979а; Щербакова, Власенко 1979б, 491). Целью настоящей публикации является введение в научный оборот полученных материалов. Памятник открыт в 1967 г. В.А. Дергачевым (Рикман 1975, 61), но его местоположение было указано не совсем точно.

Поселение (рис. 1) расположено в 2,5-3,5 км к юго-западу от села Екатериновка, в долине на пологом склоне восточного берега ручья Джепарул (приток р. Когыльник), в 0,5 км к северу от птицефермы, и вытянуто с северо-запада на юго-восток на 1000 м при ширине около 150 м. Его площадь не превышает 4-4,5 га. Территория селища ежегодно распахивалась под однолетние сельхозкультуры.

На поселении заложено 4 раскопа, вскрывших в общей сложности около 1800 м² площади. В результате было установлено, что от уровня современной дневной поверхности до глубины 0,5-0,6 м во всех раскопах залегал тяжелый плотный чернозем, глубже переходящий в суглинок и стерильную материковую глину. Культурные остатки в виде керамики, древесных угольков, мелких фрагментов обожженной глиняной обмазки, костей животных[1] и вещевых находок были сосредоточены в черноземе, а пятна сооружений обозначились в суглинке и глине[2]. Необходимо отметить, что во время землеройных работ по возведению плотины пруда значительно пострадал, а ме-



1



2

Рис. 1. Расположение поселения Екатериновка на топографической карте (1) и на карте Республики Молдова (2).

[1] Кости животных были определены доктором биологических наук А.И. Давидом.

[2] Промеры глубин производились от современной дневной поверхности.

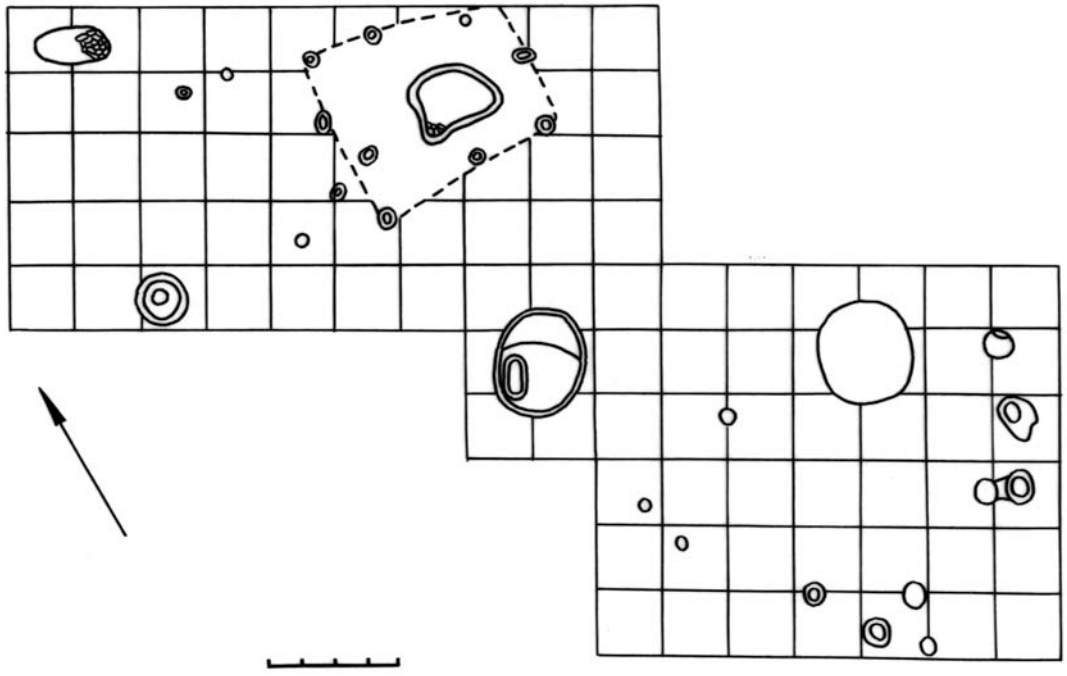


Рис. 2. Екатериновка. План донной части раскопа III.

стами был полностью разрушен культурный слой в юго-восточной части памятника, где, видимо, и была сосредоточена большая часть сооружений. Поэтому здесь сохранились остатки только тех построек, которые были значительно углублены в материк.

Раскоп I разбит в 200 м к юго-востоку от дамбы существовавшего пруда, в 3 м к юго-западу от полевой дороги Чимишлия-Екатериновка. Раскоп был прямоугольной формы со сторонами 50 и 20 м, длинной осью ориентирован с севера на юг, с отклонением к востоку в 30°. Поверхность его имела небольшой уклон к западу. В раскопе было снято три пласта, в которых собрано 733 фрагмента керамики. Из них в первом пласте найден 261 фрагмент, во втором – 437 и в третьем – 35 фрагментов.

Кроме того, в первом пласте выявлено несколько индивидуальных находок: глиняное пряслице округлой формы со слегка вдавленными основаниями (рис. 5/9), глиняное пряслице биусеченно-конической формы с сильно вогнутыми основаниями (рис. 5/12), стамеска (?) из округлого в сечении железного стержня, рабочий конец расклепан и заострен (рис. 5/8).

В южной части раскопа в материке обозначились контуры шести ям различного назначения, расположенных без определенного порядка. Они были округлыми или овальными в плане, цилиндрическими или усечено-коническими в разрезе, диаметром от 0,6 до 1,5 м, глубиной до 1 м. Заполнены ямы черноземом, смешанным с золой и мелкими древесными угольками, а в одном случае древесным тленом темно-бурого цвета. В заполнении трех ям было найдено в общей сложности 29 фрагментов керамики. Таким образом, в раскопе I было собрано 762 фрагмента керамики.

Таблица 1

Керамический материал из раскопа I

Группы керамики	В	С	Д	Р	Всего
Серая шероховатая	66	401	47	3	517
Серая гладкая	18	107	8	3	136
Красная шероховатая	-	36	-	-	36
Красная гладкая	1	29	1	1	32
Лепная	1	4	-	-	5
Амфоры красноглиняные	2	27	-	1	30
Амфоры светлоглиняные	1	3	-	1	5
Краснолаковая	-	1	-	-	1
Итого	**89**	**608**	**56**	**9**	**762**

Раскоп II с целью уточнения стратиграфии культурного слоя был разбит в 50 м к северу от раскопа I. Он имел вид траншеи длиной 24 м, шириной 2 м, длинной осью ориентированной с востока на запад. В культурном слое найдено 206 фрагментов керамики: в первом пласте – 115, во втором – 42 и 49 в третьем. В западной части раскопа обнаружена небольшая яма усеченно-конической формы, диаметром по верхнему контуру 0,6 м, по дну – 0,3 м, глубиной 0,85 м. В рыхлом золистом заполнении ямы найден фрагмент стенки красноглиняной амфоры. Итого, в раскопе II было выявлено 207 фрагментов керамики.

Таблица 2

Керамический материал из раскопа II

Группы керамики	В	С	Д	Всего
Серая шероховатая	17	91	10	118
Серая гладкая	10	50	4	64
Красная гладкая	-	11	-	11
Амфоры красноглиняные	-	14	-	14
Итого	**27**	**166**	**14**	**207**

Таким образом, первые два раскопа общей площадью 1048 м² , заложенные в северо-западной стороне поселения и частично входившие в зону затопления строящегося пруда, не дали ожидаемых результатов. По всей видимости, здесь находилась периферия поселения.

Раскоп III (рис. 2) в виде прямоугольника длиной 20 м, шириной 10 м, ориентированного с северо-запада на юго-восток, заложен в центральной части поселения, в 120 м к югу от раскопа I, и вплотную примыкал к грунтовой дороге Чимишлия-Екатериновка.

В связи с тем, что культурный слой к юго-востоку от раскопа III был снят на глубину 0,5-0,6 м и в материке, проступившем в трассах бульдозера обозначились пятна углубленных сооружений, к юго-восточному углу раскопа была сделана прирезка длиной от 12 до 18 м, шириной 12 м. Площадь прирезки составила 180 м², а общая площадь раскопа III возросла до 380 м². В раскопе, исключая прирезку, было снято три пласта, в которых найдено 705 фрагментов гончарной керамики. Из них первый пласт содержал 292 фрагмента, второй 357 и третий – 56 фрагментов. Во втором пласте найден фрагмент точильного бруска из мелкозернистого песчаника (рис. 5/14), на одной из граней имеется желобок, образовавшийся при заточке колющих инструментов.

В раскопе III обнаружены следующие сооружения: наземное жилище 1 столбовой конструкции, выносная купольная печь 1, 3 крупные ямы, из них две хозяйственного назначения, одна – мусорная, а также 14 меньших ям, среди которых большинство, видимо, были столбовыми.

Жилище 1 (рис. 2) занимало северо-восточную часть раскопа и представляло собой остатки наземной постройки столбовой конструкции с отопительным сооружением в виде очага. Жилище в плане подтрапециевидной формы обозначилось по 9 столбовым ямам (1-9), расположенным по периметру. Оно осевой линией ориентировано с востока на запад. Длина жилища 7 м, ширина 4,6-5,8 м. Общая площадь достигала 36,5 м². В центре на глубине 0,65-0,7 м обнаружен очаг в форме полуовала размерами 0,7×0,7 м, имевший вид вымостки из плоских обожженных песчаниковых камней небольшого размера, уложенных в один слой, вплотную друг к другу.

К очагу с востока примыкала овальная в плане предтопочная яма, длинной осью ориентированная с северо-запада на юго-восток. Длина ямы 3,2 м, ширина 2,8 м, глубина 0,8 м. Стенки ямы плавно скошены к ровному горизонтальному дну. Котлован был заполнен золой смешанной с черноземом, костями животных и 5 обломками гончарной керамики. А на глубине 0,65-0,8 м выявлены две вещевые находки – двусторонняя стилевидная костяная проколка (рис. 5/5), овальная в сечении, с хорошо заточенными концами и залощенной поверхностью. Подобные проколки найдены на поселениях Делакеу и Мындрешты (Рикман 1967, 172; Тентюк 1990, 164-165); призматическая 14-гранная бусина (рис. 5/3) со слегка изогнутыми гранями, выполненная из полупрозрачного голубого стекла. По классификации Е.М. Алексеевой она относится к 139 типу (Алексеева 1978, 71, табл. 33/44).

Среди столбовых ям, обозначивших контуры сооружения, преобладают округлые в плане и

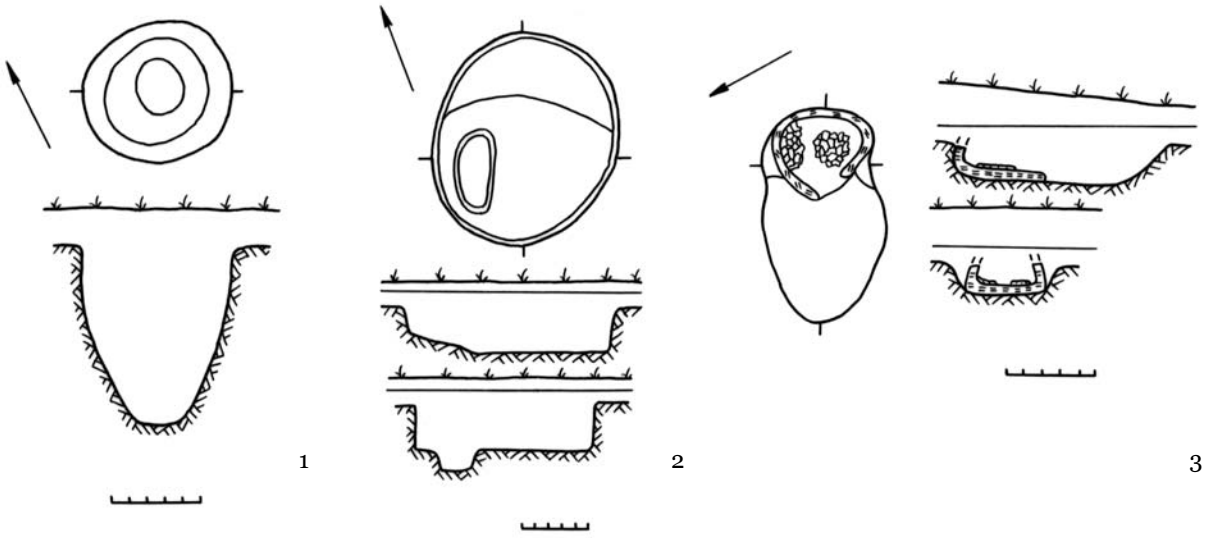


Рис. 3. Екатериновка. Раскоп III. Планы и разрезы сооружений: 1 - яма 1А; 2 - яма 2А; 3 - печь 1.

усечено-конические в сечении. Диаметр ям по верхнему контуру от 0,4 до 0,8 м и от 0,3 до 0,6 м по дну, глубина от 0,8 до 0,9 м. Заполнены котлованы ям рыхлым черноземом с примесью древесного тлена, а иногда и мелких угольков; в двух ямах были расчищены остатки сгнивших столбов диаметром 0,15-0,2 м. Пол в жилище не прослеживался: видимо, он залегал в черноземе и был разрушен вспашкой. Крыша, по всей видимости, была двускатной, опиравшейся на каркасно-столбовые стены, обмазанные глиной. А так как жилище не горело, то не было развала обожженной глиняной обмазки. Данное жилище можно отнести к дому средней площади (Рикман 1975б, 105), ориентировка которого совпадает с ориентировкой большинства черняховских домов подобного типа (Рикман 1975б, 109).

Печь I (рис. 3/3). Выносная купольная печь с предпечной ямой, выявлена в северо-западной части раскопа в 6 м к северо-западу от жилища 1 после разборки развала обожженной глиняной обмазки. Она представляла собой подковообразное сооружение, выполненное из глины с обильной примесью включений растительного характера. Устьем печь была обращена на запад. Размеры печи по линии север-юг – 1,1 м, по линии восток-запад – 0,9 м. Толщина сохранившихся стен достигала 0,1 м. В северной части их высота доходила до 0,1 м, в южной до 0,15 м. С восточной стороны стенка не сохранилась. Под печи находился на глубине 0,8 м и состоял из смешанной с песком глины, мощностью 0,15 м. Четко прослеживались следы ремонта пода в виде напластования двух слоев обмазки. Толщина их не превышала 0,015 м. О том, что печь была купольной, свидетельствуют крупные обломки свода. Кроме развала обмазки заполнение печи состояло из золы с включением древесного угля, обуглившихся зерен проса, пшеницы и ячменя[3], мелких обожженных костей животных и 12 фрагментов гончарной керамики.

С запада к печи примыкала предпечная яма в плане полуовальной формы, длинной осью ориентированная с востока на запад. Длина ямы 1,5 м, ширина 1,3 м, глубина 0,9 м. Стенки котлована ямы плавно закруглялись ко дну. Заполнение состояло из рыхлого чернозема, смешанного с золой и древесными углями, незначительного количества костей животных, а также 10 фрагментов гончарной керамики.

В раскопе выявлен ряд ям различного назначения, из которых можно выделить хозяйственную яму-хранилище 1А (рис. 3/1), расположенную в юго-западной части раскопа, в 6,4 м к западу от жилища 1. Стенки ямы до глубины 1,2 м вертикальные, ниже они, резко сужаясь, переходят к круглому, слегка вогнутому к центру дну. Нижняя часть ямы была обожжена до ярко-красного цвета. Толщина прожога не превышала 0,01-0,015 м. Размеры ямы: верхний диаметр 1,7 м, средний диаметр

[3] Определение доктора биологических наук З.В. Янушевич.

1,5-1,2 м, диаметр дна 0,55 м, глубина 2,3 м. Котлован ямы был заполнен золой с включениями костей животных, мелких фрагментов обожженной глиняной обмазки и 363 фрагментов керамики. Из заполнения был восстановлен профиль усеченно-конической сероглиняной миски на низком кольцевом поддоне (рис. 7/4).

Кроме того, в яме на глубине 0,9 м найден фрагмент пряслица грибовидной формы (рис. 5/15) и фрагмент многосоставной бусины из синего полупрозрачного стекла (рис. 5/2). По всей видимости, первоначально яма служила хранилищем, а в последствии использовалась в качестве мусорной.

Яма 2 (рис. 3/2) выявлена в юго-восточной части раскопа, в 5 м к югу от жилища 1. Котлован ямы в плане овальной формы, ориентирован осевой линией с северо-востока на юго-запад. Стенки слегка скошены ко дну. Горизонтальное ровное дно плавно возвышается в северо-восточной части. В западной части ямы, в дне имеется овальной формы углубление. Осевая линия углубления совпадает с осевой линией ямы. Яма была заполнена золой с включением фрагментов костей животных, древесных угольков, мелких фрагментов глиняной обмазки и 25 фрагментов керамики. Размеры верхнего контура ямы – 3,3×2,8 м, размеры дна 3,1×2,7 м, глубина 1,1 м. Размеры углубления по верхнему контуру 1,3×0,7 м, по дну 1,1×0,5 м, глубина углубления 1,4 м (или 0,3 м от уровня дна ямы). По всей видимости, яма имела хозяйственное назначение.

К западу от жилища 1 в раскопе обнаружены четыре столбовые ямы (10-13), округлые в плане, диаметром от 0,4 до 0,5 м, в сечении имеющие форму усеченного конуса или цилиндра, глубиной от 0,7 до 0,9 м. Ямы заполнены черноземом, а яма 10, примыкающая к жилищу 1, в заполнении содержала мелкие древесные угольки и древесный тлен.

В прирезке выявлено 11 ям различного назначения. Среди них в северо-восточной части выделяется цилиндрическая яма 17 довольно больших размеров (диаметр 3 м, глубина 0,9 м), по всей вероятности, использовавшаяся в качестве мусорной. Котлован ямы заполнен золой с включением частиц древесного угля, костей животных, мелких обломков глиняной обмазки и 85 фрагментов гончарной керамики. Остальные 10 ям (14-16, 18-24) меньших размеров были расположены без видимого порядка в юго-западной и восточной частях прирезки.

Ямы были обычно круглой в плане формы (одна овальная и одна восьмерковидная), диаметром от 0,35 до 1,1-1,35 м (преобладает диаметр от 0,6 до 0,8 м), цилиндрическими в сечении (реже – усеченно-коническими, а одна – ступенчатой). Диаметр дна ям от 0,3 до 0,8 м (преобладает диаметр от 0,4 до 0,7 м). Глубина от 0,7 до 1,1 м (обычно от 0,85 до 1,05 м). В большинстве своем ямы заполнены черноземом, реже – черноземом с примесью мелких древесных углей, костей животных, золы и мелких фрагментов обожженной глиняной обмазки. В заполнении ямы 22, кроме всего, было найдено 12 обломков керамики и фрагмент лезвия железного ножа (рис. 5/11). Хотя в заполнении ям не было ни древесного тлена, ни остатков истлевших или обуглившихся столбов, они, тем не менее, могли использоваться в качестве столбовых, а несколько более крупных из них – иметь иное назначение.

Всего в раскопе III вместе с прирезкой найдено 1219 фрагментов керамики, из них 705 в пластах и 514 в заполнении сооружений.

Таблица 3

Керамический материал из раскопа III

Группы керамики	В	С	Д	Р	Всего
Серая шероховатая	52	474	69	1	596
Серая гладкая	54	395	35	9	493
Красная шероховатая	-	6	-	-	6
Красная гладкая	6	66	-	1	73
Лепная	2	14	2	-	18
Амфоры красноглиняные	2	21	1	1	24
Амфоры светлоглиняные	-	5	-	1	6
Краснолаковая	1	2	-	-	3
Итого	116	983	107	13	1219

Раскоп IV (рис. 4) разбит в 30 м к юго-востоку от раскопа I. В плане имел форму прямоугольника, ориентированного с северо-запада на юго-восток с отклонением к западу в 10°.

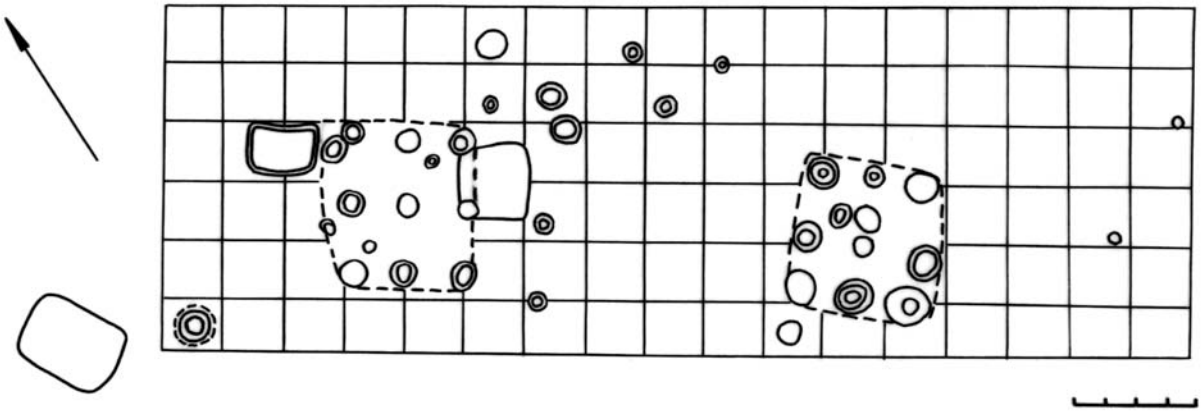


Рис. 4. Екатериновка. План донной части раскопа IV.

Длина раскопа 34 м, ширина 12 м. Общая площадь 408 м².

Стратиграфия раскопа IV идентична стратиграфии других раскопов.

В первом пласте выявлено 104 фрагмента гончарной керамики и 4 вещевые находки – глиняное пряслице эллипсовидной формы (рис. 5/13); фрагмент округлой бусины из черного глухого стекла с четырьмя линиями фестончатого орнамента, выполненного из непрозрачной красной пасты (рис. 5/4); фрагмент спиралевидного сверла, изготовленного из четырехгранного в сечении железного стержня (рис. 5/6); бронзовая прогнутая подвязная двучленная фибула с узкой ножкой и вертикальной пластиной для удержания оси пружины (рис. 5/7). По классификации А.К. Амброза она относится к I серии южных фибул, второму варианту и датируется IV в. (Амброз 1966,66). Длина фибулы 6,3 см, длина пружины 3 см, сечение спинки 0,7×0,2 см, длина иглы 4,8 см.

Во втором пласте собрано 63 фрагмента гончарной керамики, найден обломок точильного бруска из мелкозернистого песчаника с отверстием для подвешивания (рис. 5/16) и фрагмент костяной прямоугольной пластинки с отверстием – видимо, обломок трехчастного гребня (рис. 5/10).

Третий пласт содержал 30 фрагментов керамики и после его зачистки выявлено два комплекса наземных построек столбовой конструкции, два углубленных сооружения возле комплекса I, а также 12 ям, расположенных без видимого порядка и не входивших в состав каких-либо сооружений. Кроме того, в западном углу раскопа обнаружена яма-хранилище 1А, а неподалеку от нее, за пределами раскопа – полуземлянка 1.

Комплекс I (рис. 4) обнаружен в западной части раскопа по трем четким рядам столбовых ям в количестве 13 единиц (ямы 1-13), образовавшим прямоугольник, углами ориентированный по сторонам света, площадью 24,5 м², со сторонами 5,4×4,5 м. Ямы круглые в плане, диаметром по верхнему краю от 0,4 до 0,95 м, в сечении – цилиндрические или усеченно-конические, диаметром дна от 0,3 до 0,9 м, глубиной от 0,7 до 1 м. Котлованы ям заполнены черноземом, золой, древесным тленом, угольками и керамикой. У дна двух ям расчищены остатки истлевших столбов диаметром 0,2 м. В заполнении пяти столбовых ям комплекса найдено 10 фрагментов серой гончарной керамики. Следов пола не обнаружено, отопительное сооружение отсутствовало. Таким образом, комплекс I можно отнести к остаткам наземной постройки столбовой конструкции, имевшей хозяйственное назначение.

К комплексу с двух сторон примыкали прямоугольные углубленные сооружения, видимо, каким-то образом с ним связанные.

Одно из них – *углубленное сооружение 1* длиной 2,2-1,7 м, шириной 1,7 м, глубиной 0,85 м, ориентировано осевой линией с северо-запада на юго-восток, примыкало к северному углу комплекса. Котлован сооружения в плане приближался к трапециевидной форме со скругленными углами. Стенки слегка скошены к ровному, горизонтальному дну. Сооружение

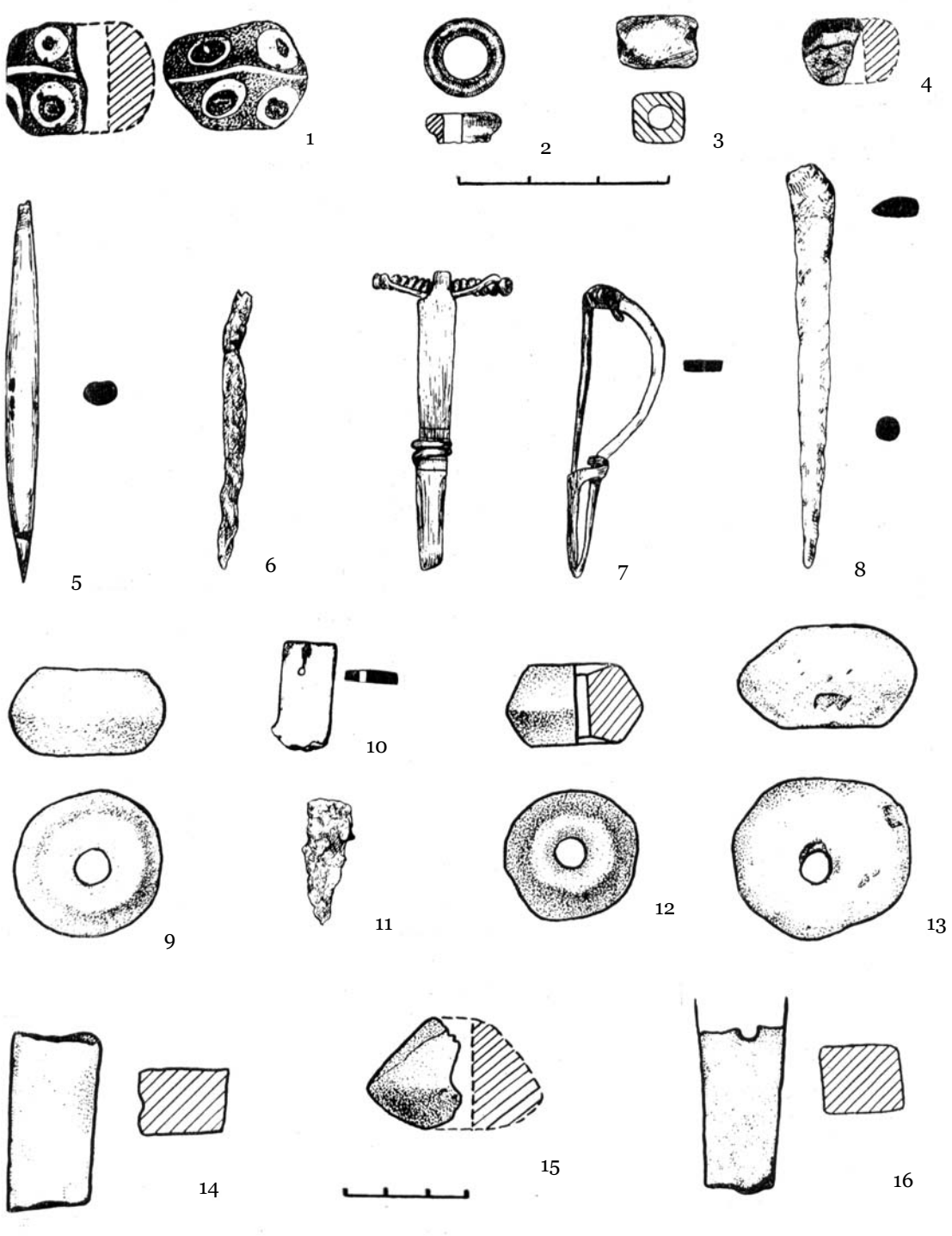


Рис. 5. Екатериновка. Индивидуальные находки: 1-4 - из стекла и стеклянной пасты; 6, 8, 11 - из железа; 7 - из бронзы; 9, 12, 13, 15 - из глины; 14, 16 - из камня.

было заполнено рыхлым золистым черноземом и 42 фрагментами гончарной керамики.

Углубленное сооружение 2 примыкало к комплексу I с восточной стороны. Его котлован в плане приближался к квадрату со скругленными углами (размеры 2,4×2,3 м, глубина 0,85 м). Северо-западный и юго-западный углы сооружения отсутствовали, так как были срезаны столбовыми ямами комплекса I, что свидетельствует о его более раннем происхождении. Заполнено сооружение рыхлым золистым черноземом. Находки отсутствовали.

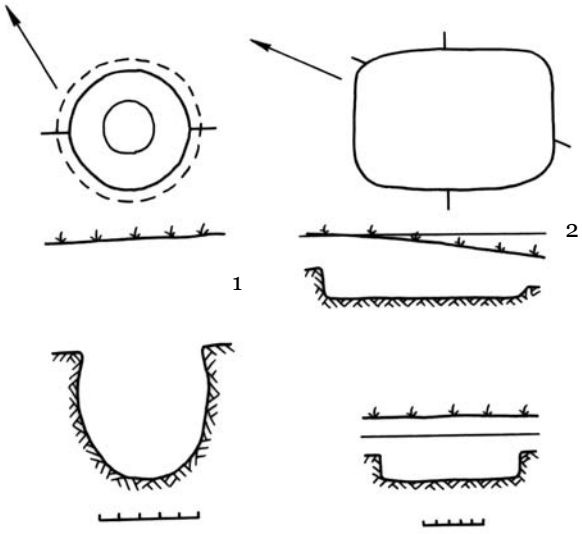


Рис. 6. Екатериновка. Раскоп IV. Планы и разрезы сооружений: 1 - яма 1А; 2 - землянка 1.

Комплекс II (рис. 4) находился в 11 м к юго-востоку от комплекса I и был очень на него похож. Он образован тремя рядами 11 столбовых ям (23-25 - 27-34), сформировавших фигуру, близкую к квадрату, ориентированную углами по сторонам света, площадью 20,25 м², со сторонами 4,5×4,5 м. Преобладающее большинство ям в плане имело круглую, реже овальную форму. В сечении форма ям цилиндрическая либо усеченно-коническая. Диаметр по верхнему контуру от 0,7 до 1,55 м (преобладает диаметр от 0,8-0,95 до 1,35 м), диаметр по дну от 0,35 до 1,25 м (обычно от 0,6 до 0,8-0,95 м). Глубина от 0,8 до 1,2 м (преобладают ямы глубиной от 0,85 до 1,05 м).

Ямы заполнены рыхлым золистым черноземом, содержащим частицы темно-бурого древесного тлена, реже древесных угольков и мелких фрагментов глиняной обмазки. В пяти ямах комплекса найдено 34 фрагмента керамики, а в двух ямах у дна расчищены остатки вертикально поставленных истлевших столбов (диаметр одного из них 0,18 м). В комплексе II не найдено ни отопительного сооружения, ни следов от пола. Видимо, это наземное сооружение столбовой конструкции имело хозяйственное назначение.

Комплексы I и II – наземные постройки столовой конструкции без отопительных сооружений, очень напоминают зернохранилища черняховского поселения у с. Будешты (Щербакова, Чеботаренко 1973, 101-102). Только в отличие от зернохранилищ они содержали в интерьере вместо объемных хозяйственных ям столбовые ямы меньших размеров. По всей видимости, эти комплексы имели иное хозяйственное назначение и служили сараями или амбарами.

К юго-востоку и востоку от комплекса I в центральной части раскопа выявлено 9 ям (14-22), расположенных разрозненно. Ямы в плане обычно круглой формы (реже овальной), в сечении имели форму усеченного конуса (реже цилиндра). Диаметр верхнего контура ям от 0,45 до 1,1 м (преобладает диаметр от 0,55 до 0,95 м). Диаметр дна от 0,25 до 0,85 м (обычно от 0,35 до 0,75 м). Глубина от 0,8 до 0,9 м. Все ямы заполнены рыхлым золистым черноземом.

В яме 14 залегал слой мелких фрагментов обмазки толщиной 0,1-0,15 м и было найдено 5 обломков керамики. Яма 16 заполнена древесными угольками, а на ее дне расчищены остатки обуглившегося столба диаметром 0,25 м. В заполнении котлована ямы 19 прослеживался древесный тлен, а у дна выявлены остатки истлевшего столба диаметром 0,2 м.

В юго-восточной части раскопа обнаружены 3 ямы без находок. Одна из них (яма 26) примыкала с юга к комплексу II и, возможно, в него входила. Форма ее цилиндрическая, диаметр – 0,7 м, глубина – 0,8 м. Заполнение – золистый чернозем и древесный темно-бурый тлен. Остальные две ямы – 35 и 36 – меньших размеров – диаметром 0,15-0,45 м, глубиной 0,8-0,85 м, заполнены рыхлым золистым черноземом.

В большинстве своем ямы были столбовыми, хотя более крупные из них могли иметь хозяйственное назначение.

Яма-хранилище 1А (рис. 6/1) обозначилась в 4,3 м к западу от комплекса I, в западном углу раскопа IV на глубине 1,1 м, при зачистке трассы бульдозера. В плане она круглая. В разрезе котлован ямы имел плавные округлобокие очертания, сужающиеся к округлому, слегка вогнутому к центру дну. Стенки ямы были обожжены до ярко-красного цвета. На них прослеживались отпечатки злаков. Толщина прожога не превышала 0,01-0,015 м. Диаметр верхнего края ямы 1,2 м, наибольший диаметр

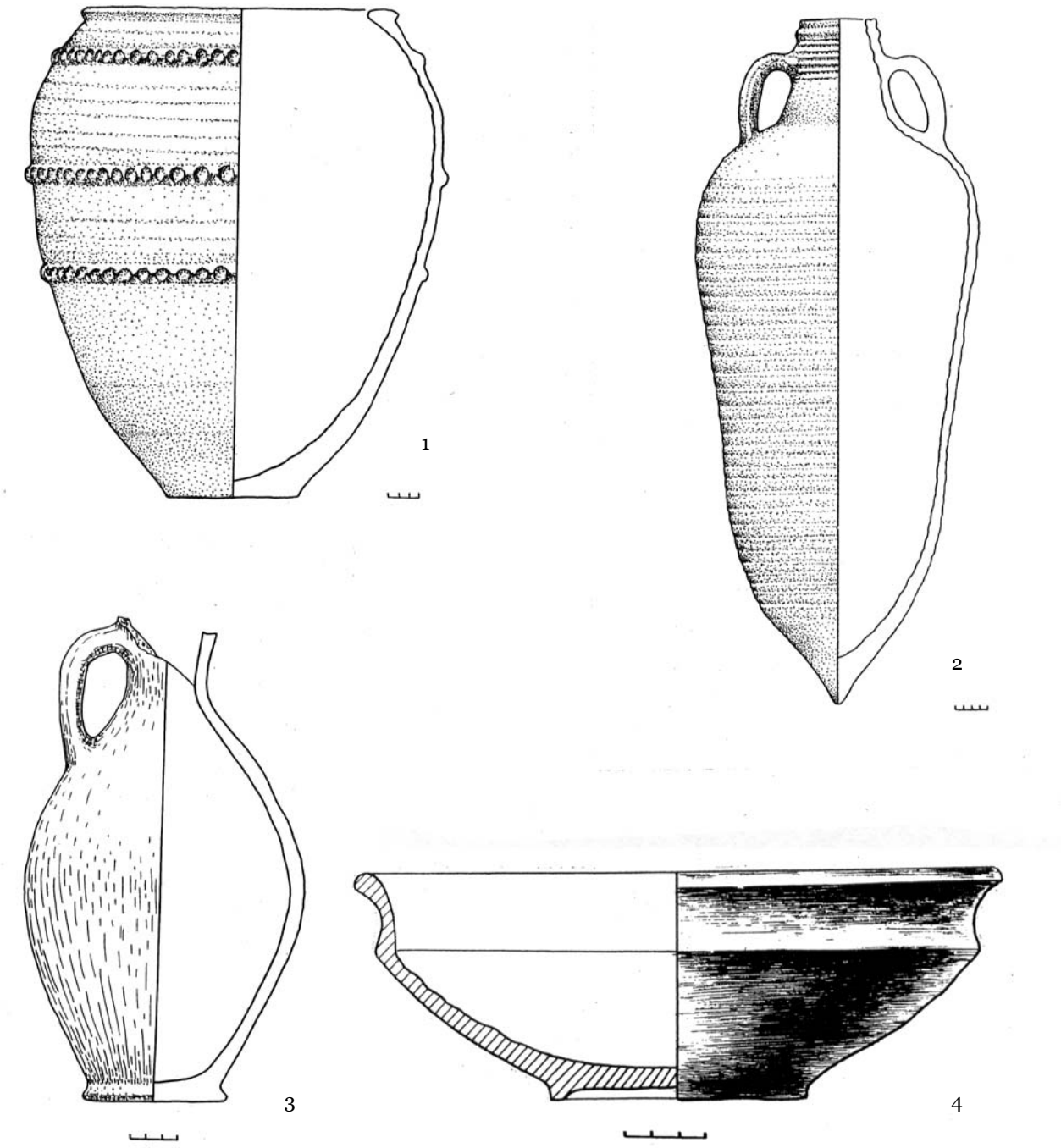


Рис. 7. Екатериновка. Керамика: 1-3 - из заполнения ямы 1А раскопа IV;
4 - из заполнения ямы 1А раскопа III.

1,4 м, диаметр дна 0,5 м, глубина от уровня обнаружения 1,3 м, а от современной дневной поверхности – 2,4 м. Котлован ямы заполнен черноземом с включением обугливших зерен проса, костей животных и 26 фрагментов керамики. Кроме того, в котловане ямы было обнаружено пять керамических сосудов, развалившихся под тяжестью бульдозера и реставрированных в последствии.

Зерновик (рис. 7/1) – крупный широкогорлый сосуд стройных пропорций. Тулово яйцевидной формы плавно сужается к днищу. Сосуд снабжен массивным венчиком-площадкой, оттянутым вовнутрь. На хорошо заглаженной поверхности видны следы от медленного круга в виде слабого рифления. Тулово покрыто тремя поясками налепных валиков, моделированных пальцевыми вдавлениями. Тесто

хорошо подготовлено, без видимых примесей. Обжиг полный. Цвет серый. Высота сосуда 45 см, диаметр горловины 29 см, наибольший диаметр 39 см, диаметр дна 12,3 см, ширина площадки венчика 3,3 см, толщина налепных валиков 1 см.

Зерновик (рис.8/2) – крупный широкогорлый сосуд с сильно раздутым, почти шаровидным туловом, коротким массивным венчиком-площадкой, оттянутым вовнутрь. Дно плоское, небольшого диаметра. Тулово покрыто тремя поясками массивных налепных валиков, моделированных пальцевыми вдавлениями. Сосуд изготовлен на медленном круге в ленточной технике. Поверхность хорошо заглажена и слегка подлощена. Тесто хорошо подготовлено, без видимых примесей. Обжиг полный. Цвет серый. Высота сосуда 45 см, диаметр горловины 29,3 см, наибольший диаметр 46,5 см, диаметр дна 9,5 см, ширина площадки венчика 3,7 см, толщина налепных валиков 2 см.

Округлобокий гончарный горшок (рис. 8/1), наиболее широкая часть которого приходится на середину тулова. Венчик короткий, отогнут, площадка венчика оттянута вовнутрь. Днище плитчатое, хорошо выражено. Тесто хорошо подготовлено, с незначительной примесью дресвы. Сосуд не орнаментирован, поверхность обработана небрежно. Обжиг полный, цвет серый. Высота сосуда 32,5 см, наибольший диаметр 36 см, диаметр венчика 23,5 см, диаметр днища 13 см, ширина площадки венчика 3 см. Судя по форме и размерам это сосуд также можно отнести к зерновикам. Хотя обломки этих сосудов и часты на черняховских поселениях, целых зерновиков найдено не так уж и много (Рикман 1975б, 137).

В заполнении зерновиков и крупного горшка были найдены обуглившиеся зерна проса.

Крупная красноглиняная амфора (рис. 7/2) с покрытым каннелюрами вытянутым туловом и шлемовидным дном, широкой, короткой, цилиндрической, расширяющейся книзу горловиной. Венчик небольшой, срезан горизонтально, сверху и с боков профилирован желобками. Ручки короткие, слабо профилированные. Ножка небольшая, конусовидная. Рифление более четко прослеживается в нижней части. На горловине процарапаны знаки “NC”, на тулове прослеживаются слабые следы метки, нанесенной красной краской.

Высота амфоры 82 см, наибольший диаметр 38 см, высота горловины 12 см, диаметр горловины 10 см, высота ручек 12 см, сечение ручек 4×2,8 см. Подобного типа амфоры производились во второй половине IV в. на территории Римской империи и были распространены в Восточной Европе (Зеест 1960, 120; Кропоткин 1970, 9), в том числе и в Днестровско-Прутском междуречье (Рикман 1975б, 222).

Одноручный низкогорлый кувшин (рис. 7/3). Корпус кувшина яйцевидной формы, переходит в узкое горло, видимо, расширенное

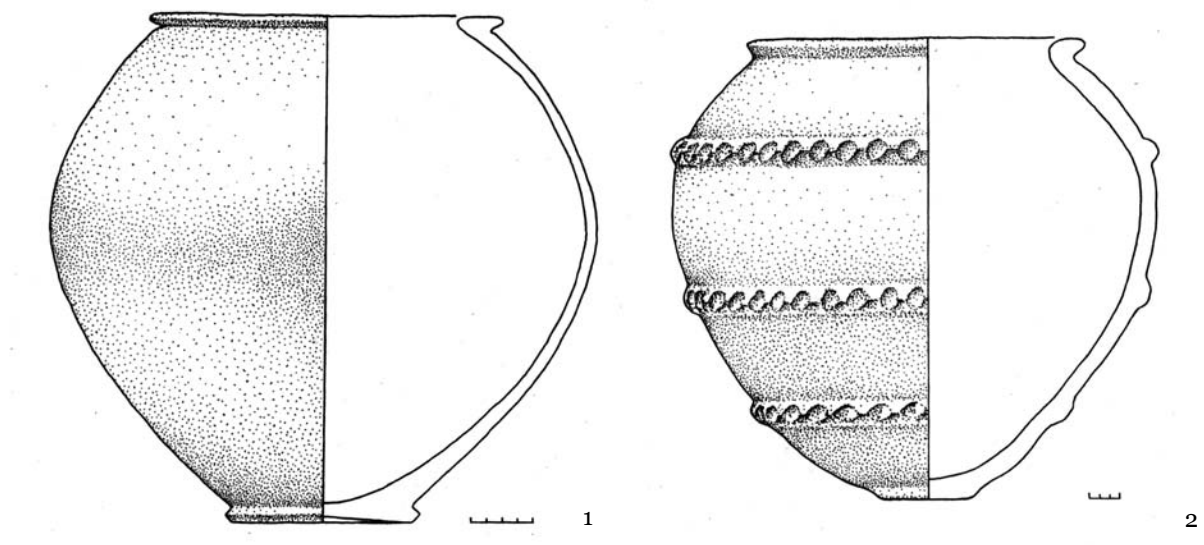


Рис. 8. Екатериновка. Керамика из заполнения ямы 1А раскопа IV.

кверху (часть горловины отсутствует). Ручка овальная в сечении с продольным, ассиметрично расположенным желобком. Днище плитчатое, хорошо выражено. Поверхность заглажена и подлощена вертикальными полосками. Тесто хорошо подготовлено, без видимых примесей. Обжиг полный. Цвет серый. Высота кувшина 29 см, наибольший диаметр 17,5 см, диаметр горловины 4,5 см, диаметр дна 8 см, высота ручки 8 см, сечение ручки 2,3×1,6 см.

Землянка 1 (рис. 6/2) была выявлена в 3,1 м к северо-западу от ямы 1А за пределами раскопа IV при зачистке трассы бульдозера на глубине 0,65 м. Котлован землянки размером 3,4×2,25 м имел в плане прямоугольную форму со скругленными углами, ориентирован длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Стенки отвесные. Дно ровное, горизонтальное. Глубина 0,8-1,1 м. Отопительного сооружения не обнаружено. Котлован землянки заполнен золистым черноземом с включением костей животных и 409 фрагментов керамики. Кроме того в заполнении найден фрагмент глазчатой бусины из темно-синего полупрозрачного стекла (рис. 5/1). Бусина крупная, округлая в плане, обвитая поперек белой пастовой нитью. Глазки плоские, кольчатые, образованы чередующимися белыми и синими дисками.

Один из них состоял из напластования непрозрачной коричневой и белой пасты. По всей видимости, землянка имела хозяйственное назначение.

Таблица 4

Керамический материал из раскопа IV и землянки 1

Группы керамики	В	С	Д	Р	Всего
Серая шероховатая	38	246	41	1	326
Серая гладкая	53	222	24	5	304
Красная гладкая	1	30	1	-	32
Лепная	1	5	-	-	6
Амфоры красноглиняные	-	44	-	2	46
Амфоры светлоглиняные	-	7	-	1	8
Краснолаковая	-	1	-	-	1
Итого	**93**	**555**	**66**	**9**	**723**

Керамика поселения Екатериновка аналогична керамике других черняховских поселений. Она делится на местную и импортную, а местная, в свою очередь, на кухонную и столовую. Кухонная керамика представлена горшками, из состава которых выделяются тарные сосуды-зерновики. Столовая керамика представлена мисками, кувшинами, вазами, кубками и кружками. Привозная керамика представлена амфорами и краснолаковыми сосудами.

Необходимо отметить, что почти вся посуда очень фрагментирована, что не позволяет провести ее достоверную типологическую классификацию. В связи с этим в основу классификации керамики нами были положены принципы технологического характера. Четко различающиеся керамические группы выделены по составу глиняного теста и характеру обжига.

2911 фрагментов керамики, собранной на поселении, были распределены по следующим группам: серая шероховатая – 1557 (53,48%), серая гладкая – 997 (34,25%), красная шероховатая – 42 (1,44%), красная гладкая – 148 (5,08%), лепная – 29 (1%), амфоры красноглиняные – 114 (3,9%), амфоры светлоглиняные – 19 (0,65%), краснолаковая – 5 (0,17%); также имеется 5 целых сосудов из заполнения ямы 1А раскопа IV и профиль миски из ямы 1А раскопа III.

Процентное соотношение групп керамики памятника примерно соответствует черняховским поселениям региона (Рикман 1975 б, 170-172). На поселении господствует местная гончарная керамика, процент лепной весьма незначителен. Среди гончарной преобладает серая шероховатая кухонная. На втором месте серая столовая гладкая. Третье место занимает красная гладкая. Красной шероховатой значительно меньше, чем на синхронных памятниках, а процент импортной приближается к другим поселениям.

Остеология. После керамики самым массовым материалом являлись кости животных. Всего на поселении найдено 365 определимых костей, принадлежащих 45 особям.

Таблица 5

Распределение остеологического материала по раскопам

Наименование животных	Раскоп I	Раскоп II	Раскоп III	Раскоп IV	Всего
Крупный рогатый скот	8/2[4]	15/1	177/13	78/4	278/20
Мелкий рогатый скот	4/1	-	43/10	5/1	52/12
Свинья домашняя	1/1	-	25/7	-	26/8
Лошадь	1/1	-	6/2	-	7/3
Собака	-	-	1/1	-	1/1
Заяц	-	-	-	1/1	1/1
Итого	**14/5**	**15/1**	**252/33**	**84/6**	**365/45**

Таким образом, остеологический материал свидетельствует о том, что жители поселения Екатериновка занимались преимущественно домашним животноводством. Первое место принадлежало разведению крупного рогатого скота (278 костей от 20 особей), далее шел мелкий рогатый скот (52 кости от 12 особей), свинья домашняя (16 костей от 8 особей) и лошадь (7 костей от 3 особей). Кроме того, найден 1 клык собаки. Охота не играла существенной роли в жизни обитателей. Лишь в заполнении одной из ям раскопа IV найдена часть скелета зайца.

Заключение. Исследование черняховского селища у с. Екатериновка дало новые материалы для изучения племен черняховской культуры. Исходя из датировки обломков и одной целой широкогорлой красноглиняной амфоры с вытянутым реберчатым туловом и округлым шлемовидным дном, принадлежащей по Э.А. Рикману к IV группе – типа Делакеу, Комрат, Собарь (Рикман 1975б, 217), памятник относится ко второй половине IV в. Не противоречит этой дате и прогнутая подвязная бронзовая фибула.

Ассортимент столовой и кухонной керамики поселения обычен для памятников Сынтана-де-Муреш–Черняхов. Находки из культурного слоя и сооружений не отличаются особым разнообразием. Основным занятием жителей было земледелие и животноводство, о чем свидетельствуют зерновые ямы-хранилища с обожженными стенками, тарные сосуды-зерновики, обуглившиеся зерна проса, пшеницы и ячменя, а также многочисленные костные остатки, принадлежащие исключительно домашним животным.

О характере домостроительства судить по имеющимся данным весьма сложно. Однако с полным основанием можно утверждать, что основным типом построек, как жилых, так и хозяйственных были наземные глинобитные сооружения с каркасно-столбовой конструкцией стен, преобладающие на большей части памятников культуры Сынтана-де-Муреш–Черняхов в Днестровско-Прутском междуречье (Рикман 1975б, 79; Рикман 1975в, 87).

По нашему мнению, поселение прекратило свое существование не в результате разгрома и сожжения, а в результате запустения. О том, что наземные сооружения не горели, а были покинуты жителями, свидетельствует полное отсутствие сплошных развалов обожженной глиняной обмазки на всей территории поселения. Подобная картина наблюдалась исследователями при раскопках некоторых черняховских поселений (Смиленко, Брайчевский 1967, 44). Жители покинули жилища, унеся основное имущество, видимо, непосредственно перед гунским нашествием во второй половине или в последней четверти IV в., и больше не возвращались. Об этом косвенно может свидетельствовать слабая насыщенность культурного слоя индивидуальными предметами, отсутствие скоплений обожженной глиняной обмазки, преобладание в заполнении столбовых ям наземных сооружений древесного тлена или остатков истлевших столбов довольно большого диаметра, а также находки целых крупных тяжелых сосудов – амфор и зерновиков в ямах-хранилищах[5].

[4] В числителе дается количество костей, в знаменателе – количество особей.

[5] По свидетельству очевидцев, в заполнении разрытых бульдозеристами углубленных сооружений были найдены целые сосуды, среди которых преобладали зерновики и амфоры, разбитые ими в поисках сокровищ.

Библиография

Алексеева 1978: Е.М. Алексеева, Античные бусы Северного Причерноморья. САИ, вып. Г1-12 (Москва 1978).

Амброз 1966: А.К. Амброз, Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н.э.- IV в. н.э). САИ, вып. Д1-30 (Москва 1966).

Зеест 1960: И.Б. Зеест, Керамическая тара Боспора. МИА 83 (Москва 1960).

Кропоткин 1970: В.В. Кропоткин, Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э.- V в. н.э). САИ, вып. Д1-27 (Москва 1970).

Рикман 1967: Э.А. Рикман, Черняховское селище Делакеу (Молдавия). МИА 139, 1967.

Рикман 1975а: Э.А. Рикман, Памятники сарматов и племен черняховской культуры. АКМ, вып. 5 (Кишинев 1975).

Рикман 1975б: Э.А. Рикман, Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашай эры (Москва 1975).

Рикман 1975в: Э.А. Рикман, Жилище племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья. В сб.: Древнее жилище народов Восточной Европы (Москва 1975), 50-87.

Тентюк 1990: И.С. Тентюк, Поселение первых веков нашей эры у с. Мындрешты. В сб.: АИМ в 1985 г. (Кишинев 1990), 162-176.

Смиленко, Брайчевский 1967: А.Т. Смиленко, М.Ю. Брайчевский, Черняховское поселение Леськи близ города Черкасс. МИА 139 (Москва 1967).

Щербакова, Чеботоренко 1973: Т.А. Щербакова, Г.Ф. Чеботоренко, Усадьба на поселении первых веков н. э. у. с. Будешты. В сб. АИМ 1973 (Кишинев 1974), 93-104.

Щербакова, Власенко 1979а: Т.А. Щербакова, И.Г. Власенко, Отчет о раскопках Степной новостроечной экспедиции в 1978 г. Архив НМИМ, инв. №131 (Кишинев 1979).

Щербакова, Власенко 1979б: Т.А. Щербакова, И.Г. Власенко, Работы Степной (черняховской) новостроечной экспедиции. В сб.: АО за 1978 г. (Москва 1979), 491.

Ecaterinovca – aşezare a culturii Sântana de Mureş - Černjahov

Rezumat

În anul 1978 au fost realizate cercetări arheologice de salvare la aşezarea culturii Sântana de Mureş - Černjahov din preajma satului Ecaterinovca, raionul Cimişlia. Ca urmare a investigaţiilor efectuate pe o suprafaţă de cca 1800 m² au fost descoperite trei construcţii de suprafaţă din carcasă de lemn, unse cu lut, dintre care una a fost utilizată drept locuinţă, iar restul având destinaţie gospodărească. De asemenea, au fost atestate: un bordei, două gropi de provizii, gropi menajere, gropi de la pari, precum şi un cuptor mobil din lut. În una din gropile de provizii au fost descoperite cinci vase întregi: trei chiupuri în care s-a atestat mei carbonizat; o amforă masivă din lut de culoare roşie cu trunchiul canelat; un urcior de culoare cenuşie cu gâtul îngust şi cu o singură toartă.

Sortimentul ceramicii rudimentare şi al celei fine este obişnuit pentru monumentele acestei culturi. Predomină fragmentele de ceramică cenuşie lucrată la roată şi cele ale amforelor de culoare roşie. Procentajul ceramicii modelată cu mâna este nesemnificativ. De asemenea, au fost descoperite piese din: lut, fier, piatră, os, sticlă şi bronz. Pornind de la datarea amforei cu gâtul larg şi a fibulei din bronz, aşezarea Ecaterinovca a fost încadrată în sec. IV.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Amplasarea aşezării Ecaterinovca pe harta topografică (1) şi pe harta Republicii Moldova (2).

Fig. 2. Ecaterinovca. Planul secţiunii III.

Fig. 3. Ecaterinovca. Secţiunea III. Planurile şi profilurile complexelor: 1 - groapa 1A; 2 - groapa 2A; 3 - cuptorul 1.

Fig. 4. Ecaterinovca. Planul secţiunii IV.

Fig. 5. Ecaterinovca. Piese individuale: 1-4 - din sticlă şi din pastă sticloasă; 6, 8, 11 - din fier; 7 - din bronz; 9, 12, 13, 15 - din lut; 14, 16 - din piatră.

Fig. 6. Ecaterinovca. Secţiunea IV. Planurile şi profilurile complexelor: 1 - groapa 1A; 2 - bordeiul 1.

Fig. 7. Ecaterinovca. Ceramică: 1 - din umplutura gropii 1A, secţiunea IV; 4 - din umplutura gropii 1A, secţiunea III.

Fig. 8. Ecaterinovca. Ceramică din umplutura gropii 1A, secţiunea IV.

Ecaterinovca – single-layer settlement of the Sântana de Mureş-Chernyakhov culture

Abstract

In 1978, on a single-layer settlement of the Sântana de Mureş-Chernyakhov culture near the village of Ecaterinovca (Cimişlia District) rescue excavations were carried out. On an area of about 1,800 sq. m. there were identified three ground pillar structures, one of which served as a dwelling while the other two were of household destination, a dugout without heating facilities, two storage pits with burnt walls, garbage pits, many pits of poles, as well as a remote wattle-and-daub frame oven. In one of the storage pits there were found five whole vessels: three large seed vessels with the remnants of charred millet, a massive wide-necked red-figure amphora with fluted body and helmet bottom, and a narrow-necked gray-clay single-handed jug. The range of fine and cooking ware is common for sites of this culture. Fragments of rough and smooth gray wheel-made pottery prevail; there are fragments of amphorae made of red clay and light-colored clay. The percentage of hand-modeled ceramics is negligible. There were found individual objects made of clay, iron, stone, bone, glass, and bronze. Based on the dating of the wide-necked amphora and a bronze fibula the Ecaterinovca settlement dates back to the 4th century.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of the Ecaterinovca settlement on the topographic map (1) and the map of the Republic of Moldova (2).

Fig. 2. Ecaterinovca. Plan of the bottom part of the excavation III.

Fig. 3. Ecaterinovca. Excavation III. Plans and sections of structures: 1 - pit 1A, 2 - pit 2A, 3 - oven 1.

Fig. 4. Ecaterinovca. Plan of the bottom part of the excavation IV.

Fig. 5. Ecaterinovca. Individual founds: 1-4 - of glass and glass paste; 6, 8, 11 - of iron; 7 - of bronze; 9, 12, 13, 15 - of clay; 14, 16 - of stone.

Fig. 6. Ecaterinovca. Excavation IV. Plans and sections of structures: 1 - pit 1A, 2 - dugout 1.

Fig. 7. Ecaterinovca. Pottery: 1-3 - from the filling of the pit 1A, excavation IV; 4 - from the filling of the pit 1A, excavation III.

Fig. 8. Ecaterinovca. Pottery from the filling of the pit 1A, excavation IV.

01.07.2015

Иван Власенко, Национальный музей истории Молдовы, ул. 31 Августа 1989, 121A, MD-2012, Кишинэу, Республика Молдова

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ДРЕВНЕРУССКОГО БЕРЕСТЬЯ[1]

Виталий Козюба

Летописный город Берестье, после проведенных в нем П.Ф. Лысенко в 1969-1981 гг. раскопок, стал, без преувеличения, жемчужиной средневековой археологии Восточной Европы. Благодаря хорошей сохранности органических остатков на памятнике удалось получить уникальную информацию о жизни и быте этого волостного центра Волынского княжества в XII-XIV вв. Результаты масштабного и кропотливого труда известного белорусского исследователя по изучению топографии, застройки, материальной культуры жителей Берестья представлены в монографии „Берестье", вышедшей в 1985 г. (Лысенко 1985). По некоторым позициям находки из Берестья превзошли (количественно и качественно) аналогичные материалы из Новгорода – признанного лидера археологического изучения материальной культуры средневековых городов Руси.[1]

П.Ф. Лысенко, основываясь на результатах своих раскопок и анализе картографических материалов XVII-XVIII вв., предложил реконструкцию топографии древнего Берестья. Согласно ей, древнерусский город Берестье располагался при впадении р. Мухавец в Западный Буг. При этом детинец города находился на левом (южном) берегу левого рукава Мухавца и занимал мыс треугольной формы, западная сторона которого выходила на Буг, а северная – к Мухавцу. Южная и юго-восточная стороны мыса ограничивались дугообразным рвом, защищавшим детинец с напольной стороны (рис. 1). Площадь детинца составляла около 1 га, а въезд в него, скорее всего, находился с юго-восточной стороны (Лысенко 1985, 36, 386). Именно эту часть города активно исследовал П.Ф. Лысенко, а над его раскопами расположен павильон археологического музея «Берестье». По письменным и картографическим источникам XVI-XVII вв. здесь в период Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) существовал замок, на месте которого при строительстве Брестской крепости в XIX в. был возведен пятиугольный редюит, входивший в систему Волынского укрепления крепости и располагавшийся на Госпитальном острове.

Посад древнерусского Берестья находился напротив детинца, к северу от него, на острове, образованном левым и правым рукавами Мухавца при впадении последнего в Буг. Площадь окольного города заметно превышала площадь детинца. В период ВКЛ и позднее на острове размещалась основная часть города, а при строительстве Брестской крепости на этом Центральном острове была сооружена цитадель.

Эта схема исторической топографии Берестья, предложенная авторитетным исследователем, стала общепринятой и активно используется как в специальной, так и популярной литературе (Археологія 1993, 98; Карабушкіна 1999, 59). Вместе с тем существует ряд вопросов по древнейшей истории Берестья, которые нуждаются в уточнении, а возможно, и в частичном их пересмотре.

I. Место расположения детинца Берестья

Еще в XIX в. ориентиром для размещения летописного Берестья исследователям служило месторасположение его позднесредневекового замка. Поэтому на картах территории Руси того времени город обозначали на южном, левом берегу Мухавца при впадении того в Буг (Грушевський 1905, 600-601, карта). По мнению П.А. Раппопорта, древний детинец Берестья располагался на мысу, расположен-

[1] Автор выражает большую признательность исследователям прошлого Берестья – А.Д. Никитчику, И.Б. Лавровской, Д.В. Турченяку и А. Божкову за консультации и оказанное внимание к предложенной работе.

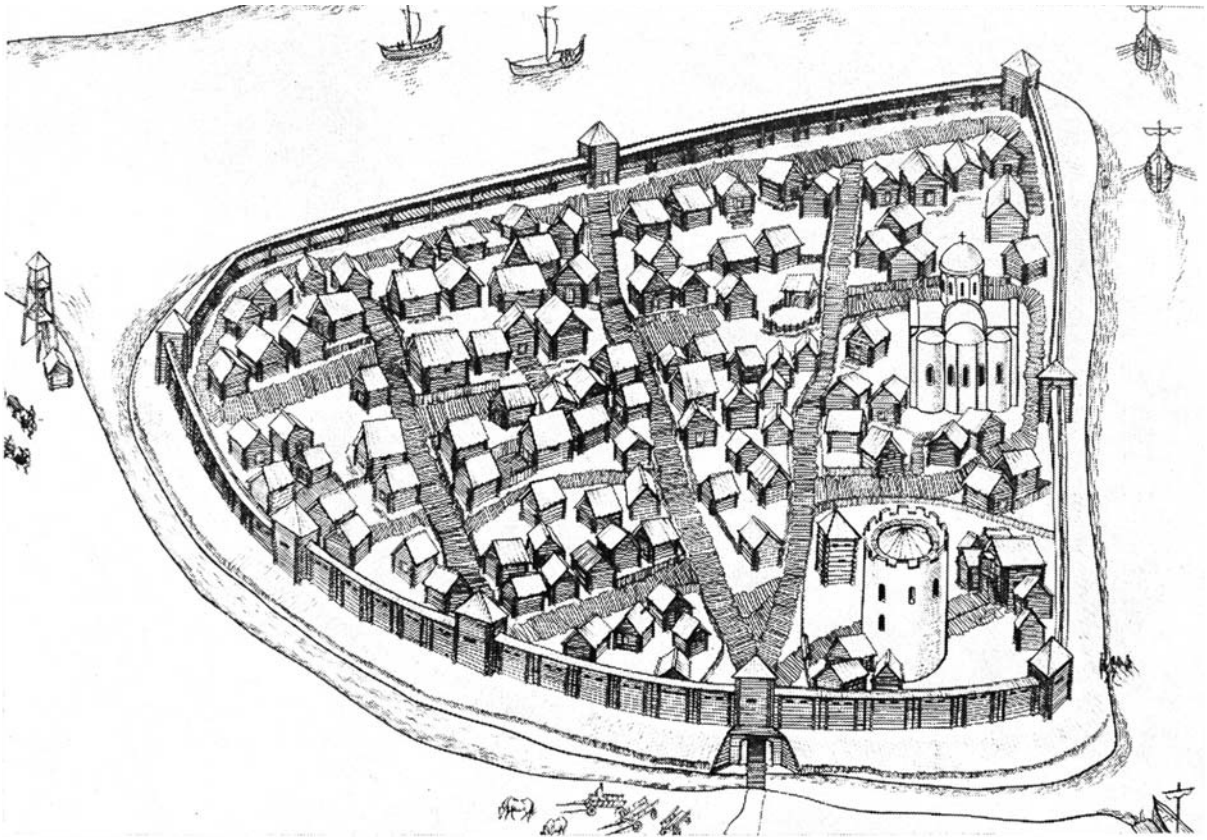


Рис. 1. Детинец древнего Берестья (реконструкция П.Ф. Лысенко).

ном при слиянии названых рек, и после строительства Брестской крепости оказался на территории Волынского форштадта (Раппопорт 1967, 42). Раскопки П.Ф. Лысенко конца 60-70-х гг. XX в. подтвердили эту локализацию. В последнее время несколькими белорусскими исследователями была высказана мысль, что раскопанный П.Ф. Лысенко широкой площадью участок древнерусского Берестья принадлежит не его детинцу, а является составной частью окольного города. При этом среди аргументов за пересмотр устоявшейся точки зрения называют (или могут назвать): очень высокую плотность застройки; не «элитарный» характер объектов и находок; расположение на топком, болотистом, низменном месте; находку древнейших материалов на Центральном острове. Рассмотрим, насколько весомы эти аргументы.

Действительно, плотность застройки южной части Берестья чрезвычайно высока, если сравнивать ее с усадьбами Новгорода и Киева. Но подобная плотность застройки известна, например, в Изборске. Высокая плотность застройки свидетельствует скорее в пользу расположения ее в детинце, чем в окольном городе. В городах Древней Руси, как правило, застройка детинцев была более плотной, чем в других частях этих городов, и это было связано с безопасностью, престижностью и, возможно, другими (лучшая санитария) обстоятельствами.

До начала масштабных раскопок древнерусских городов во второй половине XX в. считалось, что детинцы были исключительно элитарными районами городов, где размещались княжеские и боярские дворы и где жила социальная верхушка общества. Археологические исследования показали, что рядом с богатыми усадьбами в центре средневековых городов располагались жилища рядового городского населения, а также ремесленные мастерские (Раппопорт 1967, 187). Например, в Киеве в древнейшей части Верхнего города в разные годы найдены ювелирные, косторезная, стеклоделательная мастерские и несколько горнов (Килиевич 1982, 168-170). Массовые находки в Берестье орудий уборки урожая и

его переработки (Лысенко 1985, 343-360) подтверждают сделанный исследователями ранее вывод о тесной связи средневековых городов с их сельской округой (Куза 1989, 130-131; Толочко 1989, 79-99).

Раскопки пригорода летописного Звенигорода (Галицкое княжество), осуществленные К.И. Свешниковым в 1982-1991 гг., показали, что в городских кварталах за пределами укреплений уровень материальной культуры ничем не отличался от центральных частей исследованных городов. Находки художественных изделий и украшений из золота, серебра, янтаря, многочисленной стеклянной посуды, берестяных грамот и других эпиграфических памятников в Звенигороде подтверждают это наблюдение. Важно отметить, что часто элитарным индикатором детинцев городов являются клады. Их отсутствие при раскопках Берестья свидетельствует только об одном – в истории города в XII-XIV вв. не существовало обстоятельств, которые привели бы к сокрытию кладов.

Расположение детинца Берестья в низменном месте, с постоянной угрозой подтопления в половодье, очевидно, действительно создавало, особенно на ранней стадии существования города, некоторые неудобства. Но культурный слой, благодаря сохранению органики, достаточно быстро наращивался, и детинец постепенно поднимался над поймой. Кроме того, топографические условия расположения окольного города на соседнем острове ничем принципиально не отличались от детинца.

В 2006 г. на Центральном острове, на территории окольного города древнерусского Берестья, при земляных работах был найден объект с печью и керамикой, датированный П.Ф. Лысенко второй половиной X в. Поскольку на детинце при раскопках до материка было исследовано 528 м², т.е. более четверти всей раскопанной площади, и при этом не обнаружено материалов ранее первой половины XI в., возникло сомнение в правильности локализации детинца Берестья на месте позднесредневекового замка города. Оно было бы справедливым, если бы топографическая эволюция Берестья развивалась в рамках схемы:

1. Древнейшее городище;
2. Городище + открытый посад;
3. Детинец + окольный город.

Эта схема является наиболее типичной, но не единственной для пространственного развития городов Руси. В Киеве начало города связывают с городищем на Замковой горе, а его дальнейшее развитие происходило на соседней Старокиевской горе. Перемещение центра города также известно на материалах столицы древлян Искоростеня, где после уничтожения княгиней Ольгой в 945 г. городища № 1 новый центр города позднее формируется на месте городища № 3 (Звіздецький 2008, 7-12). Вполне возможно, что история Берестья началась с открытого сельского поселения на Центральном острове, которое могло занимать значительную или даже всю (более 20 га) его площадь. По статистике, сельские поселения, появившиеся в IX-X вв., были по площади значительно крупнее (иногда на порядок), чем возникшие в XII-XIII вв, что подтверждается материалами из зоны Полесья как Западной Беларуси, так и Левобережной Украины (Лысенко 1999, 77; Шекун, Веремейчик 1988, 96-98). Таким образом, схема, по которой поселение на Центральном острове возникло в X в., а городище на южном берегу Мухавца – на рубеже X-XI или в первые десятилетия XI в., не противоречит известным на сегодня археологическим материалам.

Не исключено даже, что укрепление XI в. было очень простым (небольшой вал, частокол), ведь его изолированность на острове (о чем далее) максимально использовала природные рубежи. Более мощные укрепления могли появиться в XII и даже XIII вв. (эпизод с Владимиром Васильковичем, который «зроуби Берестїи» – Ипатьевская 2001, стлб. 925). Подобные серьезные подновления старых укреплений или даже строительство новых внутри существующих известны на примере других городов, например, Владимира на Клязьме, когда в 1192 г. Всеволод Юрьевич «заложи дѣтинѣць» (Ипатьевская 2001, стлб. 673).

В защиту локализации детинца Берестья на месте замка можно привести еще несколько соображений. Площадь детинца многократно (примерно в 20 раз) уступала окольному городу на месте цитадели XIX в., и это неравенство является характерным для летописных городов Руси. Например, площадь детинца столицы Волынского княжества Владимира состав-

ляла 1,5 га, а его окольного города – около 40 га, что в 26 раз больше. Кроме того, противникам рассматриваемой локализации детинца нужно либо обосновать тезис, что город вообще не был двухчастным (детинец + окольный город), а состоял из единого укрепления, либо предложить свою локализацию детинца, которая бы опиралась на археологический материал. При этом, вероятно, потребуется еще и объяснить когда, каким образом и почему в Берестье на новом месте возник замок, известный по описаниям и планам XVI-XVII вв.

Очень важен еще один момент. В истории Берестья XIII-XVI вв., которая относительно полно, по сравнению с другими городами, освещена в письменных источниках, не говоря уже об археологических материалах, не зафиксировано событий, которые бы кардинально повлияли на топографию центральной части города и привели бы к радикальному переформатированию его планировки. Очевидно, подобных катастрофических обстоятельств могло бы быть только три, и при этом они должны были случиться *одновременно* – полное уничтожение деревянного города в результате пожара, полная или массовая гибель или уход его жителей и временная пауза в существовании Берестья как населенного пункта. Ни монголо-татарское завоевание, ни европейская пандемия чумы середины XIV в. – самые реальные по своему масштабу кандидаты на трагическую паузу в жизни города – таковыми не стали. Древнерусский период жизни Берестья плавно перешел в литовский. Об этом же говорит отсутствие кладов с его территории, о чем уже упоминалось выше. Поэтому историческая *преемственность* детинец – замок выглядит естественной и органичной.

Разумеется, каждое из этих соображений само по себе не является абсолютным, а вот их совокупность позволяет оценить вывод о локализации детинца Берестья на южном берегу Мухавца как достаточно аргументированный.

II. Топография детинца

Остров или мыс? Во всех публикациях, посвященных истории Бреста, сообщается, что Берестье возник на треугольном мысу (иногда даже уточняется, что тот был высоким), который с напольной южной стороны ограничивался рвом, соединявшим Буг и Мухавец (Лысенко 1985, 386; Археологія 1993, 98).

Но такой вывод не кажется очевидным. На известных планах Бреста 1657 и 1740 гг. замок города расположен на *острове* между двумя рукавами Мухавца. При этом следует отметить интересную деталь – на плане 1657 г. замок занимает около половины площади острова, а рукав реки имеет естественное русло и никак непосредственно не вовлечен в систему укреплений замка (рис. 2). Напротив, на плане 1740 г. рукав реки проходит вплотную к упомянутому укреплению с его южной стороны. Трудно судить, искусственно ли он был перемещен ближе к укреплениям, или это произошло естественным образом. О втором варианте вроде бы свидетельствует расположение рукава Мухавца в низменной болотистой пойменной зоне, заливаемой паводком, о чем под № 16 отмечено в экспликации к плану 1740 г. Такая микротопография из-за исторических колебаний водности Буга и Мухавца могла приводить к изменению конфигурации протоки. И еще – при некоей условности упомянутого масштабированного плана 1740 г. он фиксирует разную ширину рукава Мухавца на юг от замка, что было бы маловероятным при искусственном характере трассы этого рукава (рис. 3).

Существование рукава Мухавца, отрезающего остров, можно подтвердить и наличием гидронима – р. Шлеерка, до исчезновения последней в результате фортификационного строительства XIX в.

Таким образом, картографический материал XVII-XVIII вв. и сам рельеф этой части Замухавечья не подтверждают существование мыса при впадении одного из рукавов Мухавца в Буг. Нет никаких свидетельств наличия некоего возвышения берега, *окончанием* которого якобы и являлся мыс, *отрезанный* рвом от этого возвышения. Небольшое возвышение-*останец* действительно находилось при впадении Мухавца в Буг, и располагалось оно, вероятно, на острове.

Существование островных городищ X-XI вв. хорошо известно на территории Руси. П.А. Раппопорт даже выделил их в отдельный тип. Как правило, эти городища сооружались на возвышениях (часто – дюнного происхож-

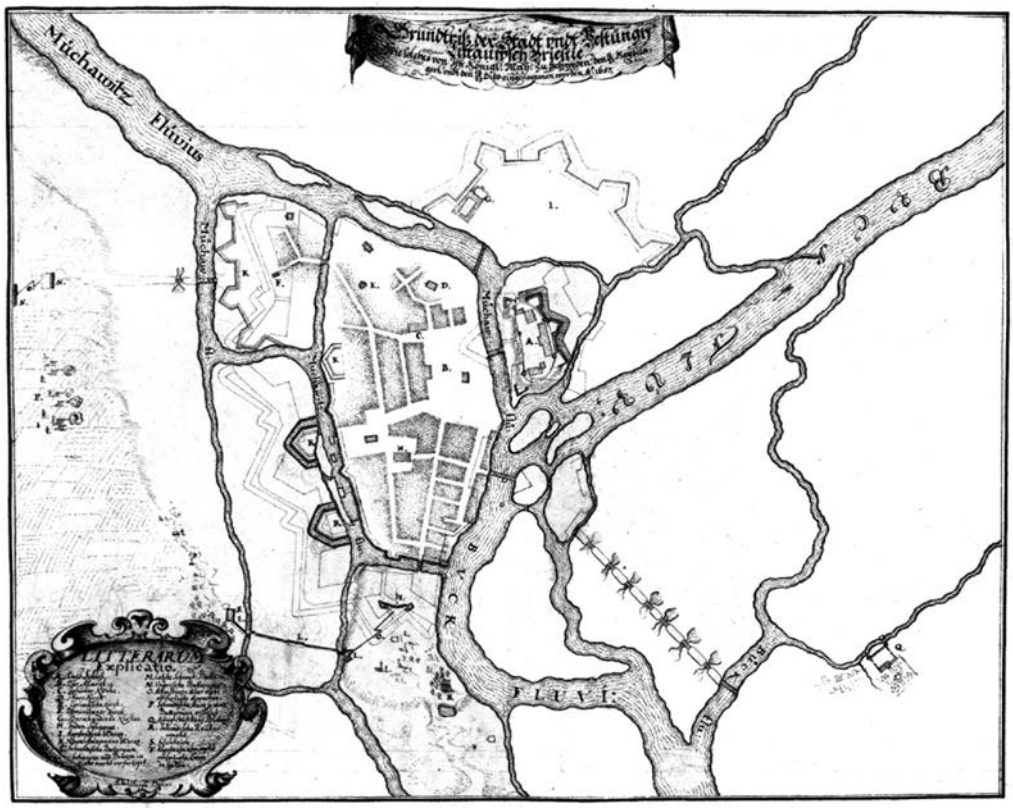


Рис. 2. План Берестья 1657 г.

дения) в широких заливных поймах рек или среди болотистых низменностей. Такие городища известны в Волынской (Ратно, Чернечгородок), Туровской (Залужье, Бесова Гора (Городец), Переров), Смоленской (Волоковая, Деребуж, Жичицы) землях. Часть из них располагалась на возвышениях высотой всего 2-3 м над окружающей местностью (Раппопорт 1967, 31-32, 74-75, 94-95). В Западной Руси концентрация островных городищ наблюдается в бассейнах Немана, Западного Буга и Припяти (Раппопорт 1967, 197, рис. 153). Известны примеры расположения древнерусских городов или их детинцев на острове (Луческ, Борисов, Кобрин) (Раппопорт 1967, 32, 67, 91; Колосок 1976, 217-221). Вероятно, и строительство древнейшего укрепления Берестья связано с небольшим песчаным возвышением на острове при впадении Мухавца в Буг, о чем говорит песчаный материк на детинце (Лысенко 1985, 38-39). Подобные песчаные дюны и останцы в поймах рек, по наблюдению О.В. Иова, вообще являются преобладающими (более 50% всех памятников) на этой территории среди мест поселений древнерусского времени (Иов 1991, 15).

Форма детинца. Утверждение, что детинец Берестья имел треугольную форму, также очень популярно в литературе. Понятно, откуда оно происходит – если укрепление занимало мыс (а мысы чаще всего имеют треугольную форму) и с двух сторон было ограничено руслами рек, а с третьей – рвом, то, естественно, оно должно было иметь треугольную форму. М.А. Ткачевым даже приводится размер позднесредневекового треугольного замчища – 234×187×234 м (Археологія 1993, 100), и это при том, что уже более 150 лет на месте детинца/замка стоит *пятиугольный* бастион крепости XIX в.

На плане 1657 г. хорошо видны очертания холма, на котором расположен замок. Характерными штрихами обозначены склон холма, обращенный к Мухавцу, склон на берегу Буга и его (склона) продолжение при впадении рукава Мухавца в Буг (юго-западная часть замка), а также окончание холма в северо-восточной части замка. Укреплениями (3 бастиона), очевидно, первой половины – середины XVII в., была нарушена естественная конфигурация холма с южной и юго-восточной сторон,

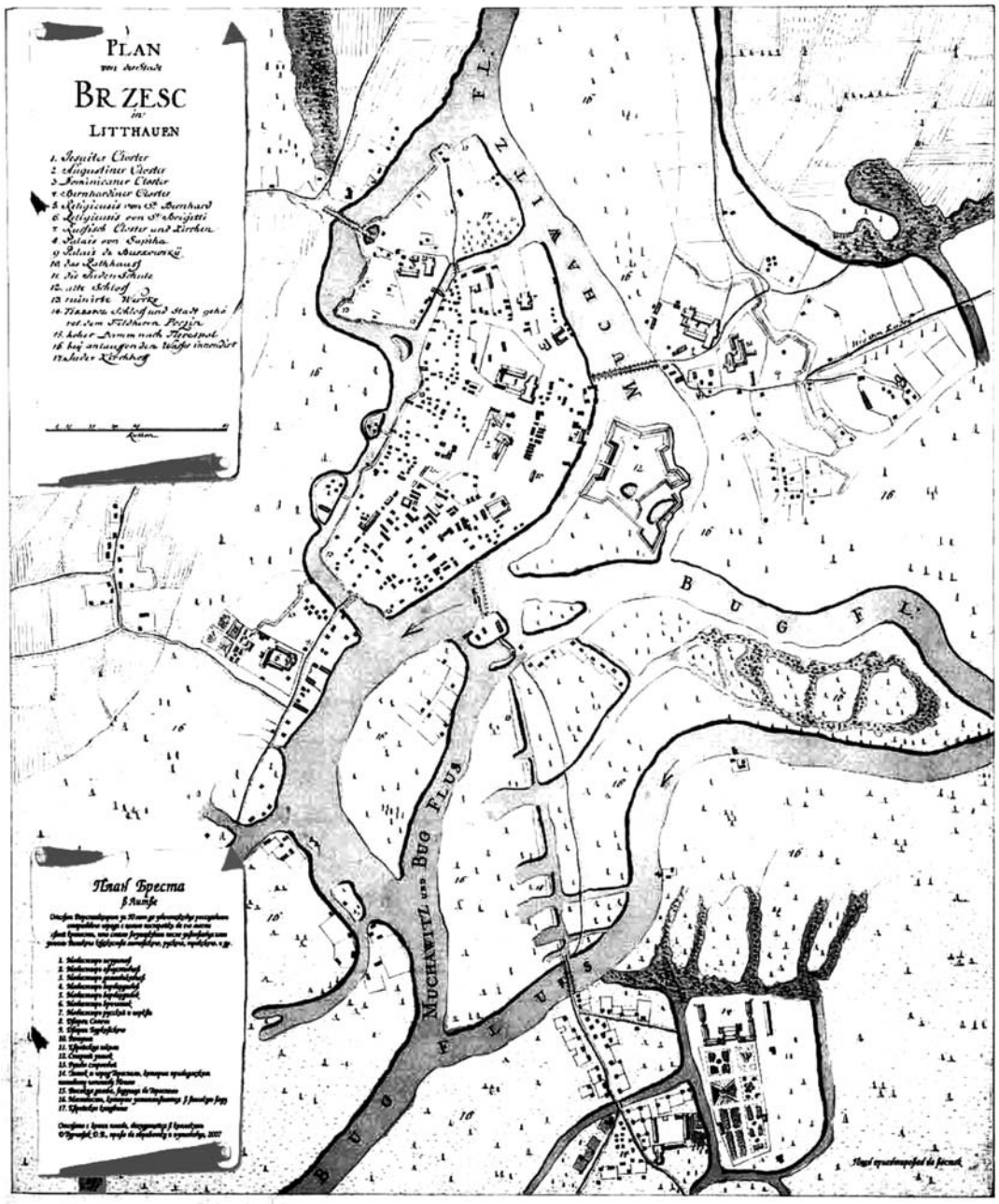
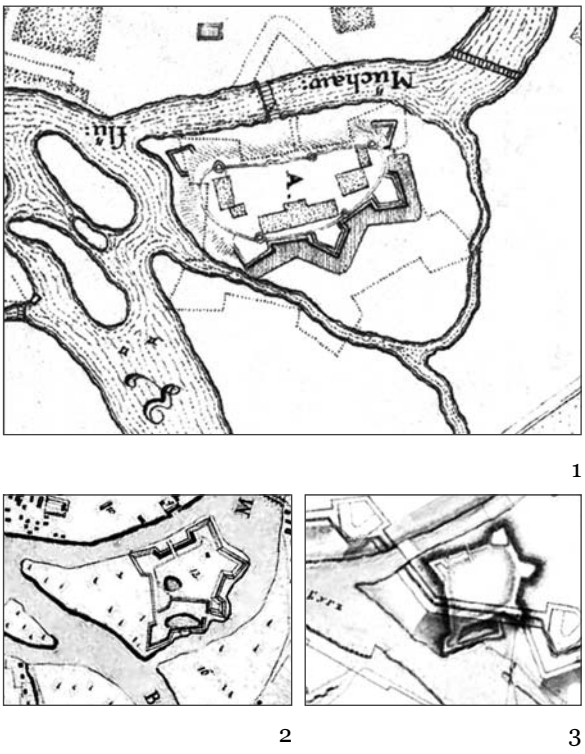


Рис. 3. План Берестья 1740 г.

но линия укреплений замка, проходящая по верхней кромке холма, в целом показывает форму последнего до сооружения бастионов (рис. 4/1).

План Брестского замка 1657 г. помогает отметить еще две детали. На нем обозначены 5 башен, которые своим расположением соответствуют известному инвентарю-описанию замка 1566 г. (Документы 1897, 444), и это, в свою очередь, позволяет констатировать принципиальную неизменность контура линий укреплений, формы и размера замка в период 1566-1657 гг. И еще – северная часть замкового холма отстояла на некотором расстоянии от берега Мухавца, что даже позволило соорудить у основания замка с его северо-западной и северо-восточной сторон небольшие дополнительные бастионы. Это свидетельствует о том, что в XVI-XVIII вв. береговая линия Мухавца в этом месте была стабильной и не угрожала размывом замковому холму.

Приведенные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что в XVI в. форма замка соответствовала естественной форме холма под ним. Последний, по плану 1657 г., имел *удлиненно-овальную* форму, одна (северная) сторона была, не исключено, спрямлена рукавом Мухавца в древности, возможно, еще до основания Берестья. Именно на такую форму первоначального возвышения на месте детинца, по моему мнению, указывает и раскоп П.Ф. Лысенко 1969 г., заложенный *вне* западной стороны бастиона XIX в. В площадь раскопа на уровне материка попал естественный склон небольшого первоначального возвышения (зафиксированный перепад высоты – 1,45 м), проходящий по линии *северо-запад – юго-восток* (Лысенко 1985, 166, рис. 8/13). Незначительное, но все же падение материка к западу было зафиксировано в стратиграфии северной стенки раскопа 1975-1974-1976 гг., расположенного в средней части детинца (Лысенко 1985, рис. 8/2). Это позволяет предположить, что наиболее высокая часть возвышения, на котором позднее стоял детинец, находилась в его восточной части, и она составляла не менее двух метров над уровнем поймы.



1

2

3

Рис. 4. Замок Берестья на плане 1657 г. (1). Укрепление на месте замка на планах 1740 г. (2) и 1807 г. (3).

Размер, площадь детинца. В соответствии с формой детинца исследователи определяли и приблизительную его площадь. П.Ф. Лысенко предположил, что детинец треугольной формы имел площадь около 1 га (Лысенко 1985, 36). По М.А. Ткачеву, который ориентировался на треугольное, по его мнению, замчище (234×187×234 м) позднесредневекового Берестья, эта площадь составляла чуть более 2 га (Археологія 1993, 100).

Размеры и площадь детинца можно установить только приблизительно, поскольку возвышение на этом месте в XVII-XIX вв. в результате фортификационного строительства как минимум трижды меняло свои очертания. На плане 1657 г. показан естественный контур замкового холма, по которому примерное соотношение длины холма к его ширине составляет около 2,5:1. На этом плане пунктиром показан проект пятиугольного укрепления (с бастионами по углам) на месте замка. Этот проект, существенно изменивший форму древнего возвышения, был реализован, что и подтверждает план 1740 г. (рис. 4/2). На плане 1807 г. присутствует тот же пятиугольник укрепления, которое к тому времени, судя по этому плану, уже было в запущенном состоянии (рис. 4/3). На его месте при строительстве Брестской крепости был построен новый пятиугольный бастион, отличающийся по форме и размерам от своего предшественника. При этом был вновь изменен контур возвышения. По масштабу плана 1807 г. длина укрепления XVII-XVIII вв. (без выступающих бастионов по углам) вдоль Мухавца составляла около 50 саженей или 110 м. Напрямую воспользоваться этим размером не позволяет то обстоятельство, что, очевидно, при строительстве укреплений в XVII-XVIII вв. часть холма (его западный и восточный выступы) была срезана. Об этом косвенно свидетельствует обнаруженный в раскопе 1969 г. естественный край первоначального возвышения вне укрепления XIX в., о чем уже шла речь выше.

Общий размер раскопа П.Ф. Лысенко в средней части детинца по линии север – юг достигал 54 м, и это говорит о том, что минимальная ширина возвышения детинца была около 70-80 м. Учитывая все это, общий размер детинца предположительно составлял 140×80

м, а его площадь – около 1 га. Именно такую площадь детинца впервые озвучил П.Ф. Лысенко.

Формирование замкового холма завершилось, в основном, к XV в., и известные нам по письменным и картографическим источникам XVI-XVII вв. сведения о форме и размерах замка, вероятно, можно ретроспективно отнести к более раннему времени.

III. Застройка, планировка детинца

Были ли на детинце усадьбы? Неожиданно высокая плотность застройки детинца Берестья, резко контрастирующая с раскопанными к началу 80-х гг. XX в. усадьбами в других городах (Новгород, Киев), привела П.Ф. Лысенко к заключению, что на детинце отсутствовала усадебная планировка. Исследователь констатировал, что «при столь высокой плотности застройки не могла сложиться усадебная система застройки с приусадебным участком и комплексом хозяйственных построек при одном жилище и за одной оградой» (Лысенко 1985, 176).

В качестве синонимов использовал термины «усадьба» и «двор» известный советский исследователь А.В. Куза, акцентируя внимание на том, что «дворово-усадебная застройка» является «в числе важнейших археологических признаков города» (Куза 1989, 51, 134-139). Указав на то, что при раскопках детинца в Изборске «дворовые участки не прослеживаются», он напомнил, что «аналогичная картина обнаружена и в Бресте (Берестий)» (Куза 1989, 57). Поскольку в этих городах при исследовании широкими площадями были открыты «улицы с тесно поставленными вдоль срубными жилищами без примыкавших к ним дворов» (Куза 1989, 138), А.В. Куза пришел к выводу, что Изборск, Берестий, Браслав были городами-крепостями, а их жители – постоянными гарнизонами, обязанностью которых являлось несение повседневной военной службы. По этой же причине у жителей в пределах крепости не было «относительно значительного хозяйства» (Куза 1989, 138). Как видим, характер застройки Берестья послужил А.В. Кузе основанием для отнесения этого города к городам-крепостям – одному из четырех выделенных им типов древнерусских городов. Чтобы разобраться в рассматриваемой проблеме, обратимся непосредственно к археологическому материалу.

Если усадьбы (дворы) на детинце Берестья существовали, они, очевидно, должны были оставить после себя следы. Для их поиска проанализируем число выявленных жилищ и хозяйственных построек, их количественное и пространственное соотношение, наличие и типы оград, их взаиморасположение с постройками и уличными настилами.

Жилища. По подсчетам П.Ф. Лысенко, на детинце Берестья обнаружено 224 постройки, из которых 71 жилая, 29 хозяйственных и 7 для содержания скота (Лысенко 1985, 176). Таким образом, получается приблизительно поровну количество определенных и не определенных по назначению построек, около трети жилищ из общего числа построек и двукратное преобладание жилищ над прочими функциональными типами построек. Насколько эти цифры отображают реальную картину застройки детинца?

Всего на месте раскопок 70-х гг. (где сейчас археологический музей «Берестье») найдено 207 построек, из которых 71 была с печью или ее следом, а еще 47 было отнесено П.Ф. Лысенко к жилищам предположительно (Лысенко 1985, табл. 11-23). В раскопе 1969 г. таких построек было 17, 1 и 9 соответственно. Таким образом, получается 224 постройки, 72 жилища и 56 предполагаемых жилищ. П.Ф. Лысенко с оговорками отнес последние постройки к жилым, основываясь на характере срубов, заполнении, находках, функциональности объектов под и над ними. Действительно, довольно часто на детинце на месте старых жилищ появлялись новые, одни хозяйственные постройки замещались другими, а планировка дворов оставалась стабильной. Но известны и обратные примеры: в IV строительном периоде (далее – сп) на месте постр. 55 (хлева) появилась постр. 52 (жилище), постр. 56 (жилище) была замещена постр. 95 (клеть) (Лысенко 1985, 76); часть построек V яруса не перекрыта постройками VI яруса (Лысенко 1985, 88), и в том же VI ярусе происходит изменение планировки, связанное со сменой построек с полным изменением их местоположения (Лысенко 1985, 100); в VII сп одна и та же постр. 106Б вначале была хозяйственной, а потом стала жилой (Лысенко 1985, 109-110).

Таких примеров не много, но они есть. Очевидно, именно наличие печи или ее остатков является наиболее надежным признаком определения функциональности построек. Не исключено, что жилищ могло быть и меньше, ведь часть печей могла находиться в нежилых постройках и обслуживать ремесленников в зимний период, будучи источником тепла и света.

Сделанные П.Ф. Лысенко наблюдения относительно расположения входов в жилища показывают, что дома стояли глухими стенками к улице, а их двери находились в стенках, перпендикулярных улицам, или даже выходили в противоположную от улицы сторону. И только в домах, расположенных в глубине застройки, иногда двери выходили в сторону улицы (Лысенко 1985, 176). Очевидно, что двери домов выходили к свободному пространству между постройками и к нежилым постройкам, и все это образовывало дворы.

Хозяйственные постройки. Как уже упоминалось, П.Ф. Лысенко атрибутировал назначение 36 нежилых построек, 29 из которых отнес к хозяйственным (клети), а 7 – к помещениям для содержания скота (хлева). Понятно, что и раскопанную сотню других *нежилых* построек нужно отнести к хозяйственным разного назначения.

По остеологическим находкам, в мясном рационе жителей Берестья преобладал домашний скот (почти 75%), из которого крупный рогатый скот составлял без малого 40%, а свиньи и мелкий рогатый скот (козы, овцы) – по 20% (Лысенко 1985, 362-364). Очевидно, что какая-то часть этого стада выращивалась в дворовых хозяйствах детинца. Об этом свидетельствуют прослеженные в разных периодах постройки, заполненные слоем навоза, а также следы навоза во дворах возле построек (Лысенко 1985, 64, 68, 72, 73, 77, 85, 87, 94, 95, 105, 108, 109-110, 116, 121, 123, 125, 126, 143, 146, 147, 150). Внутри дворов фиксировались отдельные участки, огражденные плетнем, которые П.Ф. Лысенко справедливо связал с содержанием скота (Лысенко, 1985 98, 116, 129). Только один из подобных участков, возле построек 59А, 62, он отнес к усадьбам (Лысенко 1985, 100, рис. 57; Лысенко 1999, 102-103), несмотря на то, что и участки оград, и настилы возле построек исследователь называет дворовыми (Лысенко 1985, 85, 96; Лысенко 1999, 103).

Ограды. Следы разных по конструкции оград были зафиксированы в нескольких строительных периодах, выделенных автором раскопок при исследовании застройки детинца Берестья. В V сп (начало XIII в.) с северной стороны северной улицы (северо-восточный угол раскопа) появился частокол, который проходил вдоль улицы на много метров, выходя с обеих сторон за пределы раскопа. Судя по его основательности и функционированию продолжительное время (его наличие зафиксировано также в VI и VII сп) (Лысенко 1985, 78, 100, 113-114), он ограждал не рядовую усадьбу. На противоположной стороне упомянутой улицы в это же время функционировала ограда из тонких (10 см) бревен (прослежена на длину 4 м), восточнее которой проходил плетень, от которого сохранились колья и часть прутьев (Лысенко 1985, 78, 79). Эти находки свидетельствуют о том, что на одном участке улицы одновременно существовало три разных типа ограды, и это показывает, что *соседние* усадьбы имели конструктивно разные ограды, выходящие на улицу.

К этому же периоду относится находка плетня длиной до 7 м, который образовывал прямой угол к юго-западу от постройки 53 (Лысенко 1985, 82) и, возможно, фиксировал задний (дальний) от улицы угол усадьбы.

В VI сп (вторая четверть XIII в.) также обнаружены ограды дворов вдоль северной и южной улиц (Лысенко 1985, 85, 89, 96, рис. 43 вкл.). Следы оград как вдоль улиц, так и между дворами зафиксированы и в VII, IX, X сп (Лысенко 1985, 114, 123, 134, 148, 149, рис. 93 вкл.). Как видно из планов разных сп, при высокой плотности застройки оградами дворов служили также тыльные и боковые стенки жилых и хозяйственных срубов, что делало излишней необходимость сооружения ограды по всему периметру дворов.

Таким образом, на детинце Берестья были найдены *все* элементы, связываемые П.Ф. Лысенко с усадьбами – жилища с выходами во внутреннюю часть двора, хозяйственные постройки (в среднем по две на одно жилище), усадебные ограды. На детинце существовали усадьбы-дворы, но по площади они в несколь-

ко раз были меньше, чем на других памятниках.

Планировка застройки детинца. По результатам раскопок П.Ф. Лысенко предположил, что 3 улицы, идущие с востока на запад, в восточной части детинца должны соединиться в площадь или магистральную улицу, объединяющую все остальные по направлению к городским воротам (Лысенко 1985, 174-175). Автор монографии констатировал, что планировка детинца была рядовой, поскольку на исследованной площади шириной до 40 м не было зафиксировано перпендикулярных улиц, а это противоречит квартальной застройке (Лысенко 1985, 175). Рядовая застройка, по его мнению, проявилась в расположении жилищ рядами – вдоль улиц, а также двойными рядами в глубине застройки между улицами.

Проведенный раньше анализ, как кажется, позволяет иначе взглянуть на эту проблему. Археологический материал, по моему мнению, говорит о существовании дворовой застройки детинца. Часть жилищ располагалась вдоль улиц, занимая ближние углы дворов, часть находилась возле дальних углов, примыкая к постройкам соседних усадеб, выходящих на другую сторону к параллельной улице. Ширина раскопанного участка в средней части детинца составляет менее трети предполагаемой протяженности детинца по линии запад – восток, так что наличие нескольких перпендикулярных улиц и связанной с этим квартальной планировки вполне вероятно.

Следует также обратить внимание на то, что в конце XII в. на детинце произошло серьезное изменение планировки застройки, выразившееся в появлении новой улицы (дендродата 1190-1192 гг. – Лысенко 1985, 82) на месте городской застройки. Возможно, это было связано с возведением новых укреплений детинца.

Въезд на детинец. По реконструкции П.Ф. Лысенко, въезд на детинец находился в его восточной напольной части. Здесь же, по мнению исследователя, должна была располагаться башня («столп»), которая прикрывала бы «прямым или фланговым „боем" въезд в город» (Лысенко 1985, 57, 174, 386). Другими словами, ворота из детинца выходили на восток, на Замухавечье.

Такая локализация городских ворот построена на убеждении, что детинец занимал мыс, и тогда въезд на него и должен был находиться с напольной стороны. Но если детинец находился на острове, а возвышение имело не треугольную, а вытянуто-овальную форму, то въезд совсем не обязательно был в указанном месте. Кроме того, есть еще более важное обстоятельство – по старой схеме, чтобы попасть из детинца в окольный город, нужно было по мосту через ров с водой *выехать из города*, добраться по болотистой низине, затопляемой паводками и поэтому нуждающейся в искусственной насыпи-гребле, к мосту через Мухавец и по нему (мосту) въехать на остров, на котором размещался окольный город. Не правда ли, слишком длинный и неудобный путь?

Как представляется, детинец *напрямую* соединялся мостом с окольным городом, как и замок в XVI в. Поскольку в раскопанной средней части детинца отсутствовала улица, пересекающая его с севера на юг и разделяющая укрепления на две половины, можно предположить, что ворота, выходящие на север к мосту через Мухавец и окольному городу, располагались в северо-восточной части укрепления. Где-то здесь, в наиболее высокой части детинца, вероятно, находился и каменный «столп». Его непосредственная связь с защитой самих ворот представляется несколько преувеличенной. В Черторыйске на Волыни, в котором башня была заложена в 1291 г., она располагалась в 40 м от въезда на городище и, судя по плану последнего, защита ворот не являлась первостепенной функцией этого «столпа» (Раппопорт 1967, 147, рис. 142). Как отметил П.А. Раппопорт, башни, подобные черторыйской, ставили близ напольной стороны крепости для усиления оборонительного потенциала последней (Раппопорт 1967, 164, 203). Помимо этого, исследователь подчеркнул связь башни-донжона с жилищем феодала (Раппопорт 1967, 204-205). В связи с этим не исключено, что берестейская башня была сооружена на территории княжеского двора, существование которого можно предположить на основании анализа истории города XII-XIII вв.

* * *

В 2019 г. Брест и вся Беларусь будут отмечать тысячелетний юбилей первого упоминания города в летописи. Раскопки П.Ф. Лысенко показали, насколько мощный информационный потенциал изучения истории Берестья сохранился на месте детинца города. Вместе с тем раскопки окольного города на Центральном острове, поиск и исследование пригородов, могильников крупного летописного центра еще впереди, как и археологическое изучение Берестья – одного из крупнейших городов ВКЛ.

Библиография

Археологія 1993: Археологія та нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя (Мінск 1993).

Археологія 2009: Археологія Беларусі, т. 1 (Мінск 2009).

Грушевський 1905: М. Грушевський, Історія України-Руси, т. II (Львів 1905).

Документы 1897: Документы Московского архива министерства юстиции, т. I (Москва 1897).

Звіздецький 2008: Б.А. Звіздецький, Археологічні дослідження в північно-східних районах Житомирського Полісся (матеріали та дослідження до археологічної карти області: Коростенський, Овруцький та Народницький райони) (Коростень 2008).

Иов 1991: О.В. Иов, Сельские поселения IX-XIII вв. в западной части Белорусского Полесья. Автореферат дис. ... канд. ист. наук (Минск 1991).

Ипатьевская 2001: Ипатьевская летопись. В: Полное собрание русских летописей, т. 2 (Москва 2001).

Карабушкіна 1999: Г.М. Карабушкіна, Насельніцтва Беларускага Пабужжа X-XIII ст ст. (Мінск 1999).

Килиевич 1982: С.Р.Килиевич, Детинец Киева IX - первой половины XIII веков. По материалам археологических исследований (Киев 1982).

Колосок 1976: Б.В. Колосок, Луцькі Верхній та Окольний замки. В сб.: (Відп. ред. Довженок В.І.) Дослідження з слов'яно-руської археології (Київ 1976), 217-228.

Куза 1989: А.В. Куза, Малые города Древней Руси (Москва 1989).

Лысенко 1985: П.Ф. Лысенко, Берестье (Минск 1985).

Лысенко 1999: П.Ф. Лысенко, Туровская земля IX-XIII вв. (Минск 1999).

Раппопорт 1967: П.А. Раппопорт, Военное зодчество западнорусских земель X-XIV вв. МИА №140, 1967.

Толочко 1989: П.П. Толочко, Древнерусский феодальный город (Киев 1989).

Шекун, Веремейчик 1988: А.В. Шекун, Е.М. Веремейчик, Селища IX-XIV вв. в междуречье низовий Десны и Днепра. В сб.: Чернигов и его округа в IX-XIII вв. (Киев 1988), 93-110.

Probleme controversate ale topografiei istorice a citadelei Berestye

Rezumat

În articol sunt analizate problemele controversate ale topografiei istorice a fortificaţiei Berestye (Brest), care în sec. XI-XIII a fost unul dintre cele mai importante centre ale Rusiei de Vest. Locul amplasării citadelei, topografia ei (forma, dimensiunile, suprafaţa), ocuparea spaţiului şi planimetria ei, în pofida multiplelor cercetări arheologice, rămân a fi discutabile.

Pe baza materialelor arheologice şi topografice publicate autorul propune o viziune a sa pentru rezolvarea acestor controversate probleme.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Citadela Berestye (reconstituire de P. Lysenko).

Fig. 2. Planul citadelei Berestye. Anul 1657.

Fig. 3. Planul citadelei Berestye. Anul 1740.

Fig. 4. Citadela Berestye pe un plan din anul 1657 (1). Fortificaţia amplasată pe locul citadelei pe planurile din 1740 (2) şi 1807 (3).

Contentious issues in the historical topography of the Old Russian city of Berestye

Abstract

The paper is devoted to the discussion of controversial issues in the study of the historical topography of Berestye (Brest). This city was one of the largest in western Rus' of the 11th -13th centuries.

The problems of shape, sizes and area of the castle and courtyard buildings are still under discussion, despite of the large area of archaeological excavation. Some questions of the castle location are reviewed on the ground of such sources as archaeological and map materials.

List of illustrations:

Fig. 1. Castle of Berestye (reconstructed by P. Lysenko)

Fig. 2. Map of Berestye drawn in 1657.

Fig. 3. Map of Berestye drawn in 1740.

Fig. 4. Castle of Berestye on a map of 1657 (1). Fortifications at the site of the castle on a map of 1740 (2) and on a map of 1807 (3).

06.07.2015

Виталий Козюба, Институт археологии НАН Украины, ул. Владимирская, 3, Киев – 01, Украина, e-mail: kozubavk@gmail.com

CONSIDERAȚII ASUPRA RELAȚIILOR VLAHO-BULGARO-BIZANTINE ÎNTRE 1197 ŞI 1204

Vasile Mărculeţ

Succesul răscoalei antibizantine a vlahilor şi bulgarilor din Thema Paristrion (Paradounavon) şi Munţii Haemus (Balcani), izbucnită în toamna anului 1185 sub conducerea fraţilor Petru şi Asan, a determinat o modificare însemnată a geografiei politice a nordului Peninsulei Balcanice prin crearea unei noi formaţiuni politico-statale, Ţaratul Vlaho-Bulgar (1187/1188). În timpul domniilor primilor ţari, Asan (1187/1188-1196) şi Petru (1196-1197), statul vlaho-bulgar, susţinut de puterea militară a cumanilor nord-dunăreni a eliminat aproape complet prezenţa bizantină dintre Dunăre şi Munţii Balcani.

Întemeietorii Ţaratului Vlaho-Bulgar, Asan şi Petru, şi-au încheiat domniile în condiţii violente, pierind asasinaţi de rude apropiate, primul în 1196, cel de-al doilea în 1197. Asasinarea lui Petru l-a propulsat pe tronul de la Târnovo pe cel de-al treilea frate, Ioniţă Asan (1197-1207), care avea să se afirme drept *„cea mai mare personalitate a vlahilor balcanici”* (Brezeanu 2005, 240; Brezeanu 2007, 290).

Sursele de care dispunem sunt extrem de sărace în informaţii despre noul ţar de la Târnovo din perioada anterioară ocupării tronului. Din *Istoria* cronicarului bizantin contemporan, Niketas Choniates, cunoaştem că în 1188 Ioniţă *„a fost luat ca ostatic”* de împăratul Isaak II Angelos (1185-1195), că *„după ce fusese destulă vreme ostatic la romei* (bizantini - n.n.)*, […], fugise şi întorcându-se acasă”*, a fost luat de Petru *„ca ajutor în truda sa şi ca părtaş la domnie”*, respectiv asociat la tron (Choniates 1835, 622; Choniates 1984, 259; Murnu 1906, 387; Fontes 1975, 286-287). Inspirat din opera lui Niketas Choniates, cronicarul bizantin Theodoros Skutariotes, ne oferă, la rândul său, o serie de informaţii cum un conţinut asemănător în compilaţia lui (Fontes 1975, 420-421, 426-427).

Urcat pe tronul Ţaratului Vlaho-Bulgar, Ioniţă Asan moştenea o situaţie tensionată în raporturile cu Imperiul Bizantin. Unele informaţii confuze transmise de Niketas Choniates, cu privire la o serie de acţiuni militare ale vlaho-bulgarilor şi cumanilor împotriva stăpânirilor bizantine din Thracia au fost datate de unii istorici în epoca de debut a domniei lui Ioniţă Asan. Referindu-se la aceste operaţiuni militare, Niketas Choniates consemnează că *„Petru îl luase de mai înainte ca ajutor în truda sa şi ca părtaş la domnie pe fratele său Ioan, care, după ce fusese destulă vreme ostatic la romei, […], fugise şi întorcându-se acasă, nu altfel decât răposatul Asan prăda şi devasta ţinuturile romeilor”* (Choniates 1835, 622; Choniates 1984, 259; Murnu 1906, 405-406; Fontes 1975, 286-287). În acelaşi context, cronicarul bizantin înregistrează noi atacuri ale vlaho-bulgarilor şi cumanilor în Thracia şi Macedonia. Vlaho-bulgarii, scrie Niketas Choniates, *„cu ajutorul sciţilor* (cumanilor - n.n.) *prădau ce le cădea în cale […]. Dar cine ar putea socoti de câte ori şi când [anume] în cursul anului s-au produs năvăliri ale sciţilor şi vlahilor şi ce fapte nelegiuite au făcut? Mărturisesc desigur faptele însele, pustiirea ţinuturilor de lângă Haemus, prădăciunile din Macedonia şi din Thracia”* (Choniates 1835, 624; Choniates 1984, 259-260; Murnu 1906, 407; Fontes 1975, 288-289).

Laconicele şi confuzele informaţii transmise de Niketas Choniates fac destul de dificil de datat momentul în care ele s-au produs. Într-o lucrare de dată recentă, Alexandru Madgearu propunea datarea lor la începutul domniei lui Ioniţă Asan, respectiv între anii 1197 şi 1199 (Madgearu 2014, 100).

În opinia noastră, datarea respectivelor raiduri vlaho-bulgaro-cumane în anii de început ai domniei lui Ioniţă Asan singur este destul de incertă. Ele sunt prezentate de cronicarul bizantin în contextul ocupării tronului de Petru, în urma asasinării lui Asan de către boierul Ivanko. De altfel, Theodoros Skutariotes face deplină lumină din acest punct de vedere precizând clar că *„pe atunci*

Tyragetia, s.n., vol. IX [XXIV], nr. 1, 2015, 287-298.

Petru, făcându-şi-l părtaş la domnie pe Ioan, devasta pe cât îi stătea în putinţă ţara romeilor" (Fontes 1975, 426-427).

Conchidem deci, pe baza respectivelor informaţii şi constatări, că atacurile împotriva stăpânirilor bizantine din Thracia şi Macedonia nu s-au consumat la începutul domniei lui Ioniţă Asan, respectiv prin 1197-1199, ci în timpul scurtei domnii a lui Petru din anii 1196-1197. Nu excludem însă nici posibilitatea ca unele dintre acestea să fi fost conduse de Ioniţă însuşi, în calitate de coregent, sau ca unele dintre ele să se fi aflat în desfăşurare în momentul în care acesta a rămas ţar unic, în 1197.

Parcurgerea surselor disponibile permite constatarea că, în primii doi ani de domnie, noul ţar nu a angajat Ţaratul Vlaho-Bulgar în acţiuni militare împotriva Imperiului Bizantin. O explicaţie categorică dată politicii de pace promovate de suveranul de la Târnovo în raporturile cu Constantinopolul din această perioadă este dificil de formulat. Nu este exclus ca în anii de debut ai domniei lui, Ioniţă Asan să fi fost nevoit să acţioneze pe plan intern pentru consolidarea poziţiilor sale (Pavlov 2002, 47). Suprimarea violentă a lui Asan şi Petru ar putea constitui doar faţa vizibilă a opoziţiei şi contestării de care se lovea familia Asăneştilor în rândul aristocraţiei vlaho-bulgare. Foarte posibil, această opoziţie s-a văzut silit s-o anihileze Ioniţă Asan în primi anii după urcarea pe tron.

Facem aici precizarea că opoziţia aristocraţiei vlaho-bulgare avea să se manifeste cu putere şi mai târziu, degenerând în răscoală prin 1205-1206, pe fondul absenţei de la Târnovo a lui Ioniţă Asan, aflat în campanie în Thracia. Potrivit relatării lui Niketas Choniates, ţarul îşi întrerupe campania şi „se întoarce pentru scurtă vreme în Mysia şi pune rânduială în ţara lui pedepsind aspru şi cu noi feluri de ucideri pe răzvrătiţi" (Choniates 1835, 830; Choniates 1984, 344; Murnu 1906, 443; Fontes 1975, 324-325).

În condiţiile în care, la începutul domniei, ţarul de la Târnovo se angajase în acţiunea de consolidare a poziţiilor sale interne, el a căutat să-şi asigure o linişte minimă pe plan extern. Ca urmare, prin 1197 sau 1198, între Ţaratul Vlaho-Bulgar şi Imperiul Bizantin a survenit *de facto* un armistiţiu (Dölger 1932, nr. 1.655; Cf. Mărculeţ 2008, 23).

Înclinăm să credem că perioada armistiţiului cu Bizanţul a fost una extrem de activă din punct de vedere diplomatic pe plan extern, unde suveranul vlaho-bulgar a înregistrat importante succese. Fără îndoială, în această perioadă el a stabilit contacte cu papalitatea demarând cu aceasta tratativele cu privire la recunoaşterea pentru sine a titlului imperial şi la ridicarea Bisericii Târnovei la rangul de patriarhie în schimbul unirii religioase cu Roma. Actul viza, în egală măsură, anihilarea ameninţării reprezentată de unul dintre cei doi adversari ai Ţaratului Vlaho-Bulgar, anume Regatul Ungariei. Nu este exclus ca tot acum Ioniţă Asan să fi stabilit relaţii cu Ştefan II Nemanja, marele jupan al Serbiei, confruntat şi acesta cu ostilitatea Ungariei, atrăgând astfel statul sârb în orbita sa politică. În sfârşit, probabil tot în această perioadă, ţarul de la Târnovo şi-a consolidat alianţa cu cumanii nord-dunăreni, căsătorindu-se cu o prinţesă din această etnie. Momentul realizării acestei alianţe matrimoniale este dificil de precizat din cauza absenţei informaţiilor. Într-un obscur pasaj din cronica sa, Georgios Akropolites relatează că Ioniţă, *„atrăgându-şi de partea sa neamul sciţilor şi întovărăşindu-se cu ei"* s-a *„înrudit cu ei"* (Akropolites 1836, 26; Akropolites 1978, 24; Akropolites 2007, 140; Fontes 1975, 402-403).

Armistiţiul survenit între Ţaratul Vlaho-Bulgar şi Imperiul Bizantin nu a fost în măsură să determine o normalizare a relaţiilor dintre cele două state care s-au menţinut conflictuale. Faptul este confirmat de o scrisoare, de la mijlocul anului 1202, a ţarului de la Târnovo către papa Innocentius III. În scrisoarea către pontiful roman, Ioniţă precizează faptul că anterior anului 1199, cel al stabilirii legăturilor cu papalitatea, a mai încercat încă în două sau trei rânduri să-şi trimită solii la Roma, dar a fost împiedicat de opoziţia adversarilor săi externi (Innocentius 1855, I, col. 1113, nr. CXV; Hurmuzaki 1887, 2, nr. II).

Cine erau adversarii Târnovei la momentul respectiv actul nu precizează, dar nu este dificil de stabilit. Primul dintre ei era, fără îndoială, Imperiul Bizantin, pentru care încadrarea Ţaratului Vlaho-Bulgar în concertul puterilor catolice ar fi însemnat compromiterea definitivă a obiectivului său, anume desfiinţarea acestuia. Al doilea adversar a fost, cu certitudine, Ungaria, cu concursul căreia Imperiul Bizantin, aflat în disoluţie politică şi teritorială, întreprindea *„ultimele sale încercări de a-şi restaura poziţiile din nordul peninsulei Balcanice, amputate grav de sârbi şi vlaho-bulgari"* (Papacostea 1993, 28).

O serie de informaţii indirecte, provenite din sursele de care dispunem, ne permit constatarea că, după o scurtă perioadă de pace în relaţiile cu Bizanţul, prin 1199 Ioniţă Asan a redeschis ostilităţile împotriva imperiului. Respectivele ştiri conduc, de asemenea, la concluzia că odată cu reluarea ostilităţilor împotriva Bizanţului, ţarul de la Târnovo a acţionat împotriva stăpânirilor imperiului din nord-vestul Peninsulei Balcanice, de pe Dunărea Mijlocie şi din nordul Macedoniei. În cursul acestor campanii militare, suveranul vlaho-bulgar a anexat stăpânirii sale teritoriul dintre Vidin şi Belgrad, acţiune care i-a atras ostilitatea Ungariei, aliata Imperiului Bizantin, care viza, la rândul său, ocuparea regiunii respective (Cf. Curta 2006, 382).

Datarea momentului în care s-a produs anexarea regiunii dintre Vidin şi Belgrad rămâne dificil de stabilit din cauza penuriei de informaţii. Ioan Marin Mălinaş lasă să se înţeleagă că ocuparea respectivului teritoriu s-a produs înainte de 1200, an în care, regele Ungariei, Emerich, a atacat Ţaratul Vlaho-Bulgar *„smulgându-i lui Ioniţă Caloian un teritoriu cu cinci eprhii”* (Mălinaş 2000, 91). În opinia lui Alexandru Madgearu, *„ocuparea oraşului Braničevo poate fi datată exact în primăvara anului 1199. Tot atunci s-a produs şi cucerirea nordului Macedoniei, fapt atestat în mod indirect prin extinderea autorităţii bisericeşti”* (Madgearu 2014, 106). Alţi autori datează mai târziu momentul, respectiv prin 1201-1202 (Pecican 2006, 80-88).

Sursele pe care le avem la dispoziţie ne permit constatarea că, la sfârşitul anului 1198, regiunile Niš şi Braničevo, ca şi zona Skopje din nordul Macedoniei, se aflau încă sub stăpânirea Imperiului Bizantin. Faptul este confirmat de privilegiul comercial acordat Veneţiei de împăratul Alexios III Angelos, în noiembrie 1198, în care sunt menţionate între stăpânirile imperiale şi *„prouincia Nisi et Uranisoue”*, ca şi *„prouincia Scopie cum episkepi Coriton”* (Tafel, Thomas 1856, 261-262, nr. LXXXV; Dölger 1932, nr. 1.647). Din corespondenţa lui Ioniţă Asan cu papa Innocentius III deducem însă că întâia menţionare a Episcopiei de Braničevo sub jurisdicţia Bisericii Târnovei datează abia din anul 1202, iar cea a regiunii Skopie din noiembrie 1203. Astfel, o scrisoare adresată de Ioniţă Asan suveranului pontif, pe la mijlocul acestui an, îl menţionează pentru prima oară pe *„credinciosul nostru preotul Blasius”*, nou-numitul episcop de Braničevo, unul din colaboratorii apropiaţi ai suveranului vlaho-bulgar, iar o alta, posterioară datei de 8 septembrie 1203, îi arată a fi sub jurisdicţia arhiepiscopului de Târnovo, alături de mitropoliţii Anastasius de Velbužd şi Sabbas de Preslav, pe episcopii Marinus de Skopje, Abrahamus de Prizren, Kirikus de Niš şi Clemens de Vidin (Innocentius, 1855, I, col. 1113, nr. CXV; II, col. 289, nr. V; Hurmuzaki 1887, 2, 29, nr. II, XX; Mălinaş 2000, 105, 138). Probabil, la acţiunile militare care au dus la anexarea regiunii Niš-Belgrad face aluzie pontiful roman în scrisoarea sa către Ioniţă Asan de la sfârşitul anului 1199 sau începutul lui 1200 (Innocentius 1855, I, col. 825, nr. CCLXVI; Hurmuzaki 1887, 1, I; Mălinaş 2000, 105).

Concomitent cu redeschiderea ostilităţilor cu Bizanţul, în nord-vestul Peninsulei Balcanice, asistăm la reluarea atacurilor şi împotriva stăpânirilor imperiului din Thracia. Protagoniştii acţiunilor antibizantine din această regiune au fost aliaţii nord-dunăreni ai suveranului de la Târnovo, vlahii şi cumanii nord-dunăreni.

Primul atac al cumanilor şi vlahilor nord-dunăreni împotriva stăpânirilor bizantine din Thracia s-a produs în aprilie 1199. Desfăşurarea campaniei militare a cumanilor şi vlahilor este pe larg descrisă de Niketas Choniates, care relatează că *„sciţii* (cumanii - n.n.) *cu o ceată de vlahi, trecând Istrosul, prădau în primul lor atac, chiar în ziua pomenirii anuale a mucenicului lui Hristos Gheorghe, oraşele din Thracia, cele aflate în preajma Meseniei şi a Tzurulosului ca şi pe cele din apropierea acestora. După cum se zvonea, planul barbarilor şi cuvântul de ordine dat călăuzelor era să ajungă la Kouperion [...]; dar, cum în zori s-a lăsat o ceată deasă pe pământ, cea mai mare parte a barbarilor s-a abătut din drum şi s-a revărsat asupra altor ţinuturi, coborând chiar până la Rhaidestos, pe malul mării, iar o altă parte din ei năpustindu-se asupra Kouperionului”* (Choniates 1835, 663; Choniates 1984, 275; Murnu 1906, 406-410; Fontes 1975, 290-291). O grupare barbară este surprinsă de garnizoana cetăţii Byzia, care obţine iniţial succes smulgându-i prada. După depăşirea şocului iniţial, forţele barbare au revenit luându-şi revanşa. *„Şi astfel, sciţii* – relatează Choniates – *după ce au adunat multă pradă, s-au înapoiat spre ţinuturile lor; dar oastea romeică ce păzea Byzia, aflând că sciţii se întorc spre casă, a pornit după*

ei. Şi cum cele două armate s-au ciocnit în luptă, a noastră învinge şi se face măcel mare şi sciţii fug şi cea mai mare parte din cei prinşi scapă, dar pentru scurtă vreme. Căci lăcomia înnăscută şi nebunească şi de neclintit a romeilor după lucruri care nicidecum nu li se cuvin le-a stricat victoria. Toţi s-au ocupat să smulgă şi să care prăzile făcute de sciţi din ţinuturile romeice, iar duşmanii, în vremea asta, s-au oprit din fugă şi s-au întors atacându-i din nou" (Choniates 1835, 664-665; Choniates 1984, 275-576; Murnu 1906, 411; Fontes 1975, 292-293).

În toamna anului 1199 s-a produs o a doua incursiune a cumanilor în teritoriile bizantine din Peninsula Balcanică, una *„foarte mare şi mai groaznică decât cele de mai înainte"*, scrie Niketas Choniates (Choniates 1835, 673; Choniates 1984, 280; Murnu 1906, 418; Fontes 1975, 298-299). Cumanii, consemnează în continuare cronicarul bizantin, *„împărţindu-se în patru corpuri de oaste au năvălit în toată Macedonia, atacând şi oraşe fortificate şi urcând până pe culmile munţilor, astfel încât au cercetat şi muntele Ganos, prădând multe mănăstiri şi ucigând călugări; şi nimeni nu îndrăznea, de teamă, să se lupte cu ei, căci ar fi trebuit ca un număr mic de oameni să-i înfrunte pe mai mulţi şi de aceea nu puteau să se îngrijească de sufletul lor"* (Choniates 1835, 673; Choniates 1984, 280; Murnu 1906, 418; Fontes 1975, 298-301).

La sfârşitul anului 1200 sau la începutul lui 1201 s-a consumat o altă invazie a barbarilor în imperiu. *„Vlahii au năvălit împreună cu cumanii* – scrie Niketas Choniates – *şi, după ce au prădat cele mai importante regiuni ale ţării, s-au înapoiat [în ţinuturile lor] nevătămaţi"* (Choniates 1835, 691; Choniates 1984, 287; Murnu 1906, 425; Fontes 1975, 306-307).

Retragerea cumanilor şi întreruperea pentru un timp a atacurilor lor s-a datorat intervenţiei împotriva lor a marelui cneaz rus de Halici-Volhynia, Roman Mstislavich. Conform vechii cronici ruse, marele cneaz de Halici-Volhynia a atacat în două rânduri teritoriile cumanilor: prima dată în februarie 1201, iar a doua oară în iarna anului 1202, probabil în decembrie (Nestor 1835, II, 174, 176; Cf. Choniates 1835, 691-692; Choniates 1984, 287; Cf. Ephraemius 1840, 267; Cf. Jiriček 1876, 231-232; Cf. Wolff 1949, 189; Cf. Diaconu 1978, 130; Cf. Vásáry 2005, 48-49; Cf. Spinei 2005, 413; Cf. Spinei 2009, 141-142; Cf. Madgearu 2014, 101). În concluzie, atacul cumanilor şi vlahilor împotriva stăpânirilor bizantine din Peninsula Balcanică ar putea fi datat aproximativ între sfârşitul anului 1200 şi sfârşitul lunii februarie 1201.

Absenţa oricăror referiri la implicarea ţarului Ioniţă Asan în organizarea şi desfăşurarea acţiunilor antibizantine din anii 1199-1201 l-a determinat pe istoricul Alexandru Madgearu să conchidă că *„este posibil ca ele să fi fost pornite din iniţiativa anumitor conducători cumani din Moldova sau estul Munteniei, şi ca ele să fi afectat şi Ţaratul Vlaho-Bulgar"* (Madgearu 2014, 102). Referitor la participarea românilor nord-dunăreni la amintitele atacuri cumane, autorul afirmă că aceştia *„erau supuşi cumanilor, ceea ce presupune şi participarea la război"* (Madgearu 2014, 102).

Alţi istorici sunt însă de părere că implicarea lui Ioniţă Asan în organizarea respectivelor raiduri ale cumanilor împotriva stăpânirilor bizantine din Peninsula Balcanică din 1199-1201 a fost una însemnată, suveranului de la Târnovo revenindu-i iniţiativa declanşării lor. În acest sens se pronunţa, spre exemplu, istoricul italian Francesco Dall'Agli, care conchidea că *„în 1198, după o scurtă perioadă de reorganizare internă, Kalojan* (Ioniţă Asan - n.n.) *a luat din nou armele împotriva bizantinilor"* identificând în atacul cumanilor din toamna anului 1199, pe care-l datează în 1198, drept *„prima acţiune ostilă"* întreprinsă de cumani la instigaţiile tarului vlaho-bulgar, după urcarea acestuia pe tron (Dall'Agli 2008-2009, 44).

În opinia noastră, simultaneitatea atacurilor vlahilor şi cumanilor împotriva stăpânirilor bizantine din Thracia cu operaţiunile desfăşurate de Ioniţă Asan în nord-vestul Peninsulei Balcanice, pentru cucerirea regiunii dintre Vidin şi Belgrad, nu poate fi una întâmplătoare. Din punctul nostru de vedere, între acţiunile militare desfăşurate de ţarul de la Târnovo şi cele ale vlahilor şi cumanilor nord-dunăreni există o strânsă relaţie de determinare. Suveranul vlaho-bulgar, considerăm noi, i-a folosit pe aliaţii săi nord-dunăreni, în primul rând, pentru a ţine ocupate şi a fixa forţele bizantine din Thracia împiedicându-le să intervină în sprijinul celor din nord-vestul Peninsulei Balcanice, asigurându-şi astfel libertatea de acţiune în zona Vidin-Belgrad şi eliminând riscul de a fi contraatacat din spate.

Paralel cu tratativele purtate cu Roma, cu scopul de a obţine din partea papalităţii recunoaşterea titlului imperial pentru sine şi ridicarea Bisericii Târnovei la rangul de patriarhie, Ioniţă a acţionat şi pentru întărirea poziţiilor sale din Balcani. Fără îndoială, acţiunile militare ale cumanilor împotriva Imperiului Bizantin au servit şi acestui scop.

Un rol important în atingerea acestui obiectiv a revenit componentei politice. Ţarul vlaho-bulgar şi-a întărit influenţa în zonă printr-un sistem de alianţe încheiate cu diferiţi potentati locali. În opinia unor istorici, circumscrise aceluiaşi scop au fost şi alianţele cu doi fruntaşi vlahi din Peninsula Balcanică, adversari ai Bizanţului, Dobromir Chrysos, din Macedonia, şi Ivanko, din Thracia (Pavlov 2002, 47; Madgearu 2014, 100, 102-103). Potrivit opiniei lui Florin Curta, prin 1198 sau 1199, *„Dobromir Chrysos şi Ivanko l-au recunoscut pe Ioniţă suzeran”* (Curta 2006, 364). Temeiul acestei concluzii ne rămâne complet necunoscut.

Dobromir Chrysos, adversar al lui Asan şi Petru, s-a raliat Bizanţului la începutul răscoalei vlahilor şi bulgarilor în 1185 acţionând împotriva acestora. Ulterior însă, răzvrătindu-se împotriva imperiului, *„înclină spre cei de un neam cu el”* şi *„năzuind să dobândească putere [pentru sine]”*, scrie Niketas Choniates, pune bazele unei Vlahii autonome în Macedonia şi nord-estul Greciei (Choniates 1835, 643-644; Choniates 1984, 267; Murnu 1906, 408; Fontes 1975, 288-289).

Din punctul nostru de vedere, apropierea lui Dobromir Chrysos de Asăneşti nu s-a produs mai devreme de sfârşitul anului 1187 sau începutul lui 1188, când triumful acestora era cert, iar Ţaratul Vlaho-Bulgar devenise o realitate în geografia politică a Peninsulei Balcanice (Mărculeţ 2009, 120-121; Cf. Madgearu 2014, 97). Actul său i-a atras capturarea şi o scurtă detenţie la Constantinopol. Revenit însă în fruntea formaţiunii sale politice, prin 1197 el a reluat lupta împotriva Imperiului Bizantin (Mărculeţ 2009, 121; Cf. Madgearu 2014, 97). Prin defectarea lui Dobromir Chrysos, conchide Alexandru Madgearu, Ioniţă Asan dobândea *„un aliat preţios”* în luptele împotriva Bizanţului (Madgearu 2014, 102).

Referitor la alianţa cu Dobromir Chrysos, dispunem de o informaţie sumară transmisă de Niketas Choniates în unul din discursurile sale ţinute în faţa împăratului Alexios III Angelos, în martie-aprilie 1202. Foarte succint în cuvântarea sa, cronicarul bizantin afirmă că Ioniţă Asan *„s-a unit”* cu Dobromir Chrysos şi cu Ivanko *„în faptă şi în gând şi întru nebunia dezlănţuită asupra noastră* (a bizantinilor - n.n.)*”* (Choniates 1972, 110; Fontes 1975, 368-369). Nu ştim dacă Ioniţă Asan şi-a coordonat acţiunile împotriva Imperiului Bizantin cu cele ale lui Dobromir Chrysos pentru a putea afirma că respectiva alianţă a fost cu adevărat una funcţională. Nu dispunem de nicio informaţie în acest sens. Putem admite drept cert doar faptul că prin răzvrătirea sa şi atragerea unor importante forţe bizantine împotriva lui, Dobromir Chrysos a facilitat indirect acţiunile militare ale lui Ioniţă Asan împotriva Imperiului Bizantin. Alianţa cu Ioniţă Asan nu a însemnat însă şi acceptarea suzeranităţii acestuia de către potentatul vlah din Macedonia.

Rebeliunea lui Dobromir Chrysos a continuat până în la începutul anului 1202. În primăvara acestui an, prin martie-aprilie, diplomaţia bizantină reuşea *„prin înşelăciune”*, să-l readucă la ascultare şi obedienţă pe fruntaşul vlah din Macedonia (Choniates 1835, 709; Choniates 1984, 293-294; Murnu 1906, 429; Fontes 1975, 310-313; Cf. Fine jr. 1994, 33).

Al doilea potentat vlah, Ivanko, a fost un apropiat al lui Asan şi Petru. În 1196, în urma unor neînţelegeri avute cu Asan, l-a asasinat pe acesta. Eşuând în tentativa de a ocupa tronul de la Târnovo, s-a refugiat la Constantinopol unde şi-a luat numele de Alexios, după cel al împăratului. Numit comandant al Themei Philippopolis, timp de câţiva ani a apărat cu succes teritorile acesteia în faţa atacurilor conaţionalilor săi. Răzvrătit împotriva imperiului, pune bazele unei Vlahii autonome în regiunile din sudul Thraciei şi estul Macedoniei. Reconciliat cu Ioniţă Asan, cu care încheie o alianţă, Ivanko-Alexios respinge, cu concursul ţarului de la Târnovo, o acţiune militară bizantină îndreptată împotriva lui (vara 1200) (Choniates 1835, 618-621, 676-681; Choniates 1984, 257-259, 281-283; Murnu 1906, 402-405, 418-423; Fontes 1975, 282-287, 304-307; Cf. Fine jr. 1994, 31).

Potrivit opiniei lui Alexandru Madgearu, răzvrătirea lui Ivanko împotriva Imperiului Bizantin s-ar fi produs în anul 1198 (Madgearu 2014, 100), datare care din punctul nostru de vedere nu se susţine. Niketas Choniates ne oferă câteva indicii care permit datarea corectă a momentului răzvrătirii

lui Ivanko. În relatarea lui, acesta consemnează faptul, deosebit de important, că răzvrătirea lui Ivanko s-a produs la scurt timp după încheierea ceremoniilor legate de căsătoria fiicelor împăratului, Irina cu Alexios Paleologos şi Anna cu Theodoros Laskaris, desfăşurare în preajma Duminicii Lăsatului Secului, respectiv prin februarie-martie 1199 (Choniates 1835, 674; Choniates 1984, 280). Aceste informaţii permit datarea defecţiunii lui Ivanko-Alexios în primăvara anului 1199.

În ceea ce priveşte alianţa lui Ivanko-Alexios cu Ioniţă Asan, încheiată în aceeaşi perioadă, semnatarii ei se angajau să lupte împreună împotriva Imperiului Bizantin. Existenţa şi funcţionarea alianţei antibizantine dintre suveranul de la Târnova şi Ivanko-Alexios este confirmată de Niketas Choniates, care relatează că în urma victoriei asupra forţelor bizantine comandate de ginerii împăratului şi de protostratorul Manuel Kamytzes, ultimul *„a mutat din înălţimi în câmpie cele mai multe dintre turmele de vite şi încredinţându-le unor oameni din neamul său să le ducă spre Haemus împreună cu o parte dintre prizonierii romei ca şi cum ar fi fost partea din partea de război şi dovada de mulţumire cuvenită lui Ioannes, domnul Zagorei, deoarece acesta încheiase cu Alexios pace şi se înţelesese prin tratate să lupte împotriva romeilor”* (Choniates 1835, 679; Choniates 1984, 282; Murnu 1906, 421-422; Fontes 1975, 302-303). Cuvântarea lui Niketas Choniates din martie-aprilie 1202 reprezintă o altă confirmare a existenţei alianţei dintre Ioniţă Asan şi Ivanko-Alexios (Choniates 1972, 110; Fontes 1975, 368-369). Din punctul nostru de vedere, considerăm că nu este exclus ca atacurile vlahilor şi cumanilor nord-dunăreni din 1199-1200/1201, care coincid cu răzvrătirea lui Ivanko-Alexios, să fi reprezentat tocmai modalitatea prin care ţarul de la Târnovo i-a acordat ajutor aliatului său din Thracia în luptele cu Bizanţul.

Răzvrătirea lui Ivanko-Alexios avea să se încheie în vara anului 1200. În mai, împăratul Alexios III conduce personal o campanie împotriva lui Ivanko-Alexios. După eşuarea unor încercări de a-l readuce pe fruntaşul vlah, pe cale diplomatică, la ascultare faţă de imperiu, forţele imperiale asediază şi cuceresc cetatea Stenimachos. Căderea cetăţii a condus la deschiderea tratativelor de pace în cursul cărora Ivanko-Alexios a fost capturat. Teritoriile Vlahiei întemeiate de el reintrau sub stăpânirea Imperiului Bizantin (iulie 1200) (Choniates 1835, 685-687; Choniates 1984, 284-285; Murnu 1906, 423-425; Fontes 1975, 304-307; Cf. Fine jr. 1994, 31.).

În primăvara anului 1201, Ioniţă Asan declanşează singura sa campanie împotriva stăpânirilor bizantine din Thracia. În martie, în fruntea unei armate *„foarte mari şi toată în aramă înveşmântată”*, consemnează Niketas Choniates, suveranul vlaho-bulgar atacă cetatea Konstanteia (Simeonograd, Bulgaria) din regiunea Munţilor Rhodopi, o cucereşte şi o demantelează (Choniates 1835, 706; Choniates 1984, 292; Murnu 1906, 426; Fontes 1975, 308-309; Cf. Ephraemius 1840, 270).

De la Konstanteia, forţele vlaho-bulgare s-au îndreptat spre Varna. După un asediu de trei zile, cetatea a fost cucerită în Sâmbăta Paştelor anului 1201 (26 martie). Conform relatării lui Niketas Choniates, cucerirea cetăţii a fost urmată de un mare măcel în rândul locuitorilor acesteia. Ţarul de la Târnovo, scrie cronicarul bizantin, *„lipsit de respect pentru numele de creştin, [...], împins de demoni iubitori de sânge, aruncă în şanţ pe toţi cei prinşi de vii şi umplându-l apoi cu pământ face din acel loc cimitir”*, după care *„se întoarce în Mysia”* (Choniates 1835, 706; Choniates 1984, 292-293; Murnu 1906, 426-427; Fontes 1975, 304-307). Informaţii asemănătoare, preluate după cele din lucrarea lui Niketas Choniates, se regăsesc în cronicile mai târzii ale lui Theodoros Skutariotes şi Ephraemius (Fontes 1975, 432-433; Ephraemius 1840, 270).

Succesul înregistrat de Ioniţă Asan în campania din 1201 a fost, în opinia unor istorici, mai însemnat decât lasă să se înţeleagă Niketas Choniates. Cu acest prilej, consideră respectivii specialişti, ţarul de la Târnovo şi-a extins autoritatea şi asupra portului Mesembria, nemenţionat de cronicarul bizantin (Madgearu 2014, 102; Cf. Fine jr. 1994, 31-32; Cf. Dall'Aglio 2008-2009, 45-46; Cf. Purton 2009, 310).

Parcurgerea ştirilor transmise de Niketas Choniates, ne permit constatarea că acestea nu fac nicio referire la participarea cumanilor nord-dunăreni la campania condusă de Ioniţă Asan împotriva Imperiului Bizantin în primăvara anului 1201. Acest fapt permite concluzia că aceştia nu au participat la campania împotriva Bizanţului. În opinia noastră, absenţa cumanilor se datorează, în primul rând, implicării lor în spaţiul rusesc, în conflictul dintre Roman Mstislavich, cneazul de Halici-Volhynia, şi Rurik II Rostislavich, cnea-

zul de Cernigov (din 1203 mare cneaz de Kiev), dintre 1201 şi 1203 (Nestor 1835, II, 174-176; Cf. Dall'Aglio 2008-2009, 45-46). Se adaugă acestui factor, aşa cum am arătat mai sus, potrivit informaţiilor transmise de Niketas Choniates, angajarea împotriva lor a lui Roman Mstislavich.

Campania vlaho-bulgară din primăvara anului 1201 a deschis calea tratativelor de pace dintre Târnovo şi Bizanţ. Asupra momentul încheierii păcii dintre Ţaratul Vlaho-Bulgar şi Imperiul Bizantin, istoricii nu s-au pus încă de acord: unii se pronunţă pentru primăvara anului 1201, alţii pentru cea a lui 1202 (Cf. Fine jr. 1994, 33; Cf. Dall'Aglio 2008-2009, 46; Cf. Madgearu 2014, 103). Primăvara anului 1202, respectiv martie-aprilie, rămâne momentul cel mai probabil al încheierii păcii.

Prevederile păcii dintre Ţaratul Vlaho-Bulgar şi Imperiul Bizantin, încheiată cel mai probabil în primăvara anului 1202, nu ne sunt bine cunoscute, sursele de care dispunem fiind foarte laconice în informaţii. Spre exemplu, Niketas Choniates în *Istoria* sa se limitează să consemneze doar că după ce l-a suspus pe Dobronir Chrysos, împăratul Alexios III *„a încheiat tratate cu Ioannes* (Ioniţă Asan - n.n.)*"* (Choniates 1835, 709; Choniates 1984, 294; Murnu 1906, 429; Fontes 1975, 310-311). Referiri la tratatul dintre Ioniţă Asan şi împăratul Alexios III Angelos face cronicarul bizantin şi în discursul său din martie-aprilie 1202. Referindu-se la condiţiile în care suveranul vlaho-bulgar a încheiat pace cu Bizanţul, Niketas Choniates susţine că acesta *„şi-a făcut tron, ca o boltă cerească, din Muntele Haemus, ce se înalţă deasupra norilor şi ţi se împotriveşte şi te înfruntă [...] şi de un an încoace se poartă fără ruşine. Numai că şi acesta [...] îţi întinde mâna şi încheie cu tine un tratat. Şi el, care mai înainte se înalţă pe sine în gândul său nici mai mult nici mai puţin decât munţii de acolo şi-şi ridica [trufaş] sprânceana mai sus decât culmea muntelui, şi-a adus aminte din nou de starea sa de mai înainte şi se gândeşte la robia care a fost tovărăşia tinereţii sale şi care l-a crescut; [...]. Trufaşul devenit umil s-a supus puterii tale şi în chip oarecum miraculos a găsit că e urcare coborârea şi a recunoscut că îi creşte faima dacă şi-o supune [ţie]. Şi înscriindu-se din nou printre cei legaţi de tine prin tratate şi printre aliaţii tăi, a scăpat de robie în măsură mai mare decât atunci când se scutura de ea, [...] şi el chircit de spaimă, caută spre tine, împăratul, care eşti prin putere un semizeu. Şi după cum, în scurtă vreme, a uzurpat stăpânirea asupra Mysiei, înaintând pe calea lui, acum, face cale întoarsă şi-şi arată lui însuşi drumul înapoi şi vorbeşte de trecerea lui la cea mai joasă treaptă"* (Choniates 1972, 110; Fontes 1975, 368-371). Discursul, unul laudativ la adresa împăratului şi denigrator la adresa ţarului vlaho-bulgar, nu ne oferă nicio informaţie utilă cu privire la prevederile tratatului.

În absenţa unor informaţii clare, istoricii au formulat opinii diferite cu privire la motivele care l-au determinat pe Ioniţă Asan să încheie pacea cu Imperiul Bizantin. Unii au pus acest lucru pe retragerea sprijinului militar al cumanilor atacaţi de ruşi (Fine jr. 1994, 32). Alţii sunt de părere că anihilarea aliaţilor săi, Ivanko-Alexios şi Dobromir Chrysos a fost motivul principal care l-a îndemnat la acest pas (Madgearu 2014, 103). În sfârşit, unii sunt de părere că încheierea tratatului de pace cu Imperiul Bizantin a fost determinată de problemele apărute în regiunile nord-vestice ale statului său, unde Ungaria, după ce l-a sprijinit pe Vukan să-l îndepărteze de pe tronul Serbiei pe Ştefan II Nemanja, a ocupat regiunea Belgrad-Braničevo, iar noul mare-cneaz al Serbiei şi-a întins stăpânirea asupra zonei Niš-ului (Pavlov 2002, 47; Dall'Aglio 2008-2009, 46).

O analiză atentă a informaţiilor ne arată că prima opinie nu se susţine. Campania din primăvara anului 1201 a fost întreprinsă de Ioniţă Asan fără participarea cumanilor, iar succesele remarcabile înregistrate confirmă forţa militară a Ţaratului Vlaho-Bulgar, căruia puterea aliaţilor săi nord-dunăreni nu-i mai era indispensabilă.

Nici a doua teorie nu poate fi confirmată. În momentul declanşării campaniei împotriva Bizanţului, Ivanko-Alexios fusese deja anihilat. În ceea ce priveşte alianţa cu Dobromir Chrysos, nu ştim cât de funcţională a fost ea.

În ceea ce priveşte a treia opinie, aceasta este cea mai plauzibilă, iar orientarea ţarului de la Târnovo spre problemele din nord-vestul statului său, unde Ţaratul Vlaho-Bulgar se confrunta cu puternice contestaţii teritoriale venite din partea Regatului Ungariei, o confirmă. Într-o scrisoare redactată la 8 septembrie 1203, sau la puţin timp după această dată, adresată papei Innocentius III, Ioniţă Asan îl informa pe pontiful roman asupra conflictului său cu Ungaria, precizându-i faptul că regele Emerich i-a răpit un teritoriu cuprinzând

cinci episcopii (Innocentius II, 1855, II, col. 291, nr. VI; Hurmuzaki 1887, 31, nr. XXI; Cf. Mălinaş 2000, 141). Acestea au fost identificate cu cele de la Sirmium, Belgrad, Braničevo, Vidin şi Niš (Innocentius II, 1855, II, col. 291, nr. VI; Hurmuzaki 1887, 31, nr. XXI; Mălinaş 2000, 141). La 10 septembrie 1203, într-un post-scriptum la o scrisoare adresată din Ferentino mitropolitului Vasile, papa îi cerea ţarului de la Târnovo să se împace cu noul mare-jupan al Serbiei, Vukan (Innocentius 1855, II, col. 158, nr. CXLIV; Hurmuzaki 1887, 13, nr. XI). De altfel, în acelaşi an, Ioniţă Asan tranşa disputa în favoarea sa restaurându-l pe tronul Serbiei pe Ştefan II Nemanja şi recuperându-şi teritoriile ocupate de Vukan şi Emerich.

Există şi alte păreri cu privire la statutul politico-juridic al teritoriilor din regiunea Niš- Braničevo. Spre exemplu, Florin Curta consideră că, între 1185 şi 1203, acest teritoriu, fie s-a aflat sub stăpânirea Ungariei, fie a fost un *no-man's-land* (Curta 2006, 382). Informaţiile cuprinse în corespondenţa lui Ioniţă Asan cu Innocenţiu III cu privire la dependenţa de Biserica Târnovei a diocezelor din regiunea amintită înainte de 1202-1203 infirmă însă o asemenea concluzie.

Absenţa oricăror informaţii cu privire la conţinutul lui face ca şi clauzele tratatului dintre Târnovo şi Constantinopol să ne rămână la fel de necunoscute. Potrivit unor istorici, prin tratat, frontiera dintre Ţaratul Vlaho-Bulgar şi Imperiul Bizantin era stabilită pe pantele Munţilor Balcani, Ioniţă renunţând la cuceririle sale din Thracia în schimbul obţinerii recunoaşterii statului său (Brand 1968, 134; Fine jr. 1994, 32; Angold 1997, 305; Brezeanu 1981, 161; Mălinaş 2000, 59; Dall'Aglio 2008-2009, 46; Madgearu 2014, 103).

O opinie moderată, dar mult mai apropiată de realitate exprimă, după părerea noastră, istoricul bulgar Vassil Gjuzelev, Potrivit acestuia, *„în principiu, tratatul reconfirma legitimitatea Ţaratului Bulgar restabilit"* (Gjuzelev 2013, 29).

Ulterior, asistăm însă la o serie de reconsiderări ale propriilor afirmaţii privind recunoaşterea Ţaratului Vlaho-Bulgar de către Imperiul Bizantin în urma păcii din martie-aprilie 1202, făcute de unii specialişti. Un exemplu în acest sens îl reprezintă istoricul Stelian Brezeanu, care, revenind asupra opiniei sale similare exprimate în 1981, după ce se întreba dacă pacea dintre Constantinopol şi Târnovo însemna *„o recunoaştere de drept a ţaratului din Târnovo"*, conchidea că *„negocierile îndelungate purtate de suveranul din Haemus, în corespondenţa sa cu papa Innocenţiu III (1199-1204), sugerează un răspuns mai degrabă negativ la întrebare"* (Brezeanu 2005, 240-241; Brezeanu 2007, 290).

Recent a fost emisă opinia potrivit căruia *„în 1202 s-au produs o reorientare în politica externă a lui Ioniţă. El a devenit aliat al lui Alexios III"* (Madgearu 2014, 109). Succintele informaţii de care dispunem cu privire la relaţiile dintre Ţaratul Vlaho-Bulgar şi Imperiul Bizantin din perioada care a urmat încheierii tratatului de pace din martie-aprilie 1202 nu par a confirma o asemenea opinie.

Într-o scrisoare din iunie sau iulie 1203, adresată papei Innocentius III, Ioniţă Asan îl informa pe suveranul pontif asupra faptului că, atât patriarhul Ioannes X Kamateros, cât şi basileul Alexios III, i-au trimis soli oferindu-i recunoaşterea titlului imperial şi ridicarea Bisericii Târnovei la rang de patriarhie, solicitându-i să se deplaseze la Constantinopol pentru încoronare (Innocentius 1855, II, col. 156, nr. CXLII; Hurmuzaki 1887, 11, nr. X). Circumspect şi intuind probabil o cursă în propunerea autorităţilor bizantine – exemplul lui Ivanko-Alexios era proaspăt – ţarul vlaho-bulgar a declinat oferta.

Potrivit opiniei istoricului Vassil Gjuzelev, tratativele vlaho-bulgaro-bizantine s-au purtat la Târnovo la începutul lunii iunie a anului 1203. Factorul care l-a determinat pe împăratul Alexios III Angelos la acest pas a fost înaintarea spre Constantinopol a participanţilor la cea de-a patra cruciadă (iunie-iulie 1203). Ameninţarea cruciată, conchide istoricul bulgar, *„l-a obligat pe basileul Alexios III Angelos să caute ajutor militar la bulgari"* (Gjuzelev 2013, 29).

Demersurile diplomaţiei bizantine, care a urmărit probabil atragerea statului vlaho-bulgar în orbita politică a imperiului, nu s-au materializat, rezultatul lor fiind un eşec. Ţarul vlaho-bulgar, nu numai că a refuzat ajutorul militar solicitat, dar a şi accelerat tratativele cu papalitatea în vederea unirii Bisericii Târnovei cu Biserica Romei. Suveranul de la Târnovo *„prefera să asiste ca observator al evenimentelor care aveau loc pe malurile Bosphor-ului, contribuind indirect la derularea lor nefericită pentru Imperiul Bizantin"* (Gjuzelev 2013, 30).

Fără îndoială, fără să fi dorit acest lucru, angajând respectivele tratative cu ţarul vlaho-bulgar, auto-

rităţile bizantine i-au pus acestuia la dispoziţie un puternic factor de presiune în demersurile sale pe lângă papalitate, de care acesta s-a folosit cu multă abilitate. În scrisoarea sa din iunie-iulie 1203, *„vicleanul conducător”* de la Târnovo, conchide Francis Dvornik, *„i-a sugerat papei, care încă ezita, că ar fi putut obţine fără nicio dificultate acest favor de la greci, care îl abordaseră în acest scop”* (Dvornik 2001, 85). Persuasiv, suveranul de la Târnovo îl asigura pe papă că *„eu nu am voit, ba mai mult alerg la sanctitatea ta, căci vreau să fiu servitorul Sfântului Petru şi al sanctităţii tale”*, scop în care susţine el, l-a trimis la Roma pe mitropolitul Vasile *„pentru a se închina sanctităţii tale pentru mine, servitorul tău”*, fără a uita să-i solicite să trimită cât mai repede un cardinal care să-l încoroneze ca împărat şi să ridice Biserica statului său la rangul de patriarhie (Innocentius 1855, II, col. 156, nr. CXLII; Hurmuzaki 1887, 11, nr. X).

Tratatul din martie-aprilie 1202 nu a normalizat decât în mică măsură relaţiile dintre Târnovo şi Constantinopol, între cele două părţi, neîncrederea şi tensiunile continuând să persiste. Acest lucru ne determină să vedem în el, mai degrabă, un armistiţiu. Probabil singurele clauze îndeplinite au fost încetarea luptelor şi delimitarea stăpânirilor celor două state.

Ostilitatea autorităţilor bizantine, accentuată probabil şi de frustrările generate de eşuarea tratativelor din iunie 1203, avea să răbufnească cu putere cu ocazia deplasării spre Roma a delegaţiei vlaho-bulgare, conduse de mitropolitul Vasile. Acestea nu au ezitat să recurgă inclusiv la violenţă pentru a împiedica trimişii Târnovei să ajungă în Italia. Situaţia este prezentată de însuşi mitropolitul Vasile într-un post-scriptum la scrisoarea adresată de Ioniţă Asan papei Innocentius III, în iunie-iulie 1203. În scurta sa intervenţie, prelatul vlaho-bulgar îi relata papei problemele pe care i le-au creat autorităţile bizantine din Dyrrachium, care l-au împiedicat să se îmbarce spre Italia, inclusiv faptul că a fost molestat şi că a trecut prin pericol de moarte, fiind chiar pe punctul de a fi linşat (Innocentius 1855, II, col. 156, nr. CXLII; Hurmuzaki 1887, 11, nr. X).

În pofida eşecului înregistrat în iunie 1203, în tratativele cu Ioniţă Asan, Alexios III nu a abandonat ideea atragerii acestuia de partea Imperiului Bizantin. Obligat de presiunea cruciaţilor să părăsească Constantinopolul, el s-a stabilit la Develtos, oraş situat pe litoralul apusean al Marii Negre, la frontiera cu Ţaratul Vlaho-Bulgar (Choniates 1835, 723, 726; Choniates 1972, 299, 301; Akropolites 1836, 7-8; Akropolites 1978, 6-8; Akropolites 2007, 107, 110). În cursul verii anului 1203, susţine Vassil Gjuzelev, el a *„cerut pentru a doua oară ajutorul militar al bulgarilor, dar a fost şi acum refuzat”*, fapt care l-a făcut să părăsească repede Develtos pentru a se instala la Adrianopolis (Gjuzelev 2013, 30).

La rândul său, Ioniţă Asan a manifestat aceeaşi ostilitate la adresa Bizanţului. Spre exemplu, suveranul vlaho-bulgar a refuzat să recunoască legitimitatea împăratului Alexios IV (1203-1204), încoronat la 1 august 1203. Conform relatării lui Geofroy de Villehardouin, *„toţi grecii au venit la el, şi s-au supus poruncii şi voinţei sale şi i-au jurat credinţă şi prestat omagiu ca unui senior al lor, afară numai de Ioniţă singur, care era regele Vlahiei şi Bulgariei”* (Ville-Hardouin 1882, XLII, 202; Ville-Hardouin 1828, 80; Villehardouin 1955, 50-51; Villehardouin 2002, VI, 5, 202; Cf. Gjuzelev 2013, 31).

Semnificativă din acest punct de vedere este poziţia adoptată cu prilejul celui de-al doilea asalt asupra Constantinopolului al cruciaţilor. Ţarul Vlaho-Bulgar avea să se comporte cu această ocazie nu ca un aliat al Imperiului Bizantin, ci ca un adversar al său. Cunoaştem din relatarea lui Robert de Clari, martor al evenimentelor, că în faza pregătirilor pentru cel de-al doilea asediu al Constantinopolului, din primăvara anului 1204, suveranul de la Târnovo le-a oferit un substanţial ajutor militar cruciaţilor. Referitor la acest aspect, cronicarul francez consemnează că *„Jehans li Blakis manda as haus barons de l’ost que, se il le voloient corouner à roi à estre sires de tere de Blakie, que il tenroit se tere et ses roiaume d’aus, et qu’il venroit en leur aiwe pour aidier à prendre Coustantinoble à tout c. m. hommes à armes (Ioan Vlahul baronilor de seamă de la oaste că, dacă voiau să-l încoroneze ca rege ca să fie al ţinutului său Vlahia, [va socoti că] ţinutul lui şi regatul lui de la ei le primea şi va veni în ajutorul lor să-i ajute să ia Constantinopolul, împreună cu o sută de mii de oşteni)”* (Clari f.a., 51; Clari 2005, 119 ; Clari 1997, § 64).

Ostilitatea cruciaţilor la adresa suveranului vlaho-bulgar a condus la respingerea ofertei sale. Chiar şi în această situaţie, ţarul vlaho-bulgar nu a întreprins nimic în sprijinul *aliatului* său bizantin.

Bibliografie

Akropolites 1836: Gerogii Acropolitae, Annales, recognovit Immanuel Bekkerus (Bonnae MDCCCXXXVI).

Akropoltes 1978: Georgii Acropolitae, Opera, recensuit Augustus Heisenberg, vol. I (Stutgardiae MCMLXXVIII).

Akropolites 2007: G. Akropolites, The History. Introduction, translation and commentary Ruth Macrides (Oxford 2007).

Brezeanu 1981: S. Brezeanu, O istorie a Imperiului Bizantin (Bucureşti 1981).

Brezeanu 2005: S. Brezeanu, O istorie a Bizanţului (Bucureşti 2005).

Brezeanu 2007: S. Brezeanu, Istoria Imperiului Bizantin (Bucureşti 2007).

Choniates 1835: Nicetae Coniatae, Historia, ex recensione Immanuelis Bekkeri (Bonnae MDCCCXXXV).

Choniates 1972: Nicetae Choniatae, Orationes et epistulae, recensuit Ioannes Aloysius van Dieten (Berolini et Novi Eboraci MCMLXXII).

Choniates 1984: O City of Byzantium, Annales of Niketas Choniates. Translated by H.J. Magoulias, (Detroit 1984).

Clari f.a.: Robert de Clari, Li estoires de chiaus qui conquisent Coustantinoble, f.a.

Clari 1997: Robert de Clari, The Capture of Constantinople. Translations and Reprints from Original Sources of European History by Dana C. Munro, edited by P. Halsall, 1997, http://www.fordham.edu/halsall/source/clari1.asp

Clari 2005: Robert de Clari, Cei care au cucerit Constantinopolul, ediţie de Tatiana-Ana Fluieraru şi Ov. Pecican (Cluj-Napoca 2005).

Curta 2006: Fl. Curta, Southeastern Europe in the Middle Age 500-1250 (Cambridge 2006).

Dall'Agli 2008-2009: Fr. Dall'Agli, The Military Alliance between the Cumans and Bulgaria from the Establishment of the Second Bulgarian Kingdom to the Mongol Invasion. Archivum Eurasiae Medii Aevi, 16, 2008-2009, 29-54.

Diaconu 1978: P. Diaconu, Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles (Bucureşti 1978).

Dölger 1932: Fr. Dölger, Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565-1453, II. Theil: Regesten von 1025-1204 (München 1932).

Dvornik 2001: Fr. Dvornik, Slavii în istoria şi civilizaţia europeană (Bucureşti 2001).

Ephraemius 1840: Ephraemii monachi, Imperatorum et patriarcharum, recensus interprete Angelo Maio (Bonnae MDCCCXL).

Fontes 1975: Fontes Historiae Daco-Romanae (Izvoarele istoriei României), vol. III, publicate de Al. Elian, N.-Ş. Tanaşoca (Bucureşti 1975).

Fine jr. 1994: J.V.A. Fine jr., The Early Medieval Balkans. A Critical Survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest (Michigan 1994).

Gjuzelev 2013: V. Gjuzelev, La quatrième croisade et ses conséquences pour la Bulgarie médiévale: le tzar Kaloyan, les Latins et les Grecs (1204-1207. Studia Ceranea, 3, 2013, 29-37.

Hurmuzaki 1887: Documente privitoare la istoria românilor culese de Eudoxiu de Hurmuzaki, vol. I, partea I: 1199-1345 (Bucureşti 1887).

Innocentius 1855, I-II: Innocentii Romani Pontificis, Opera omnia tomis quatuor distributa, accurante J.-P. Migne, t. I-II, în Patrologiae cursus completus, series secunda, accurante J.-P. Migne, t. CCXIV-CCXV (Lutetiae Parisiorum 1855).

Jiriček 1876: C.J. Jiriček, Geschichte der Bulgaren (Prag 1876).

Madgearu 2014: Al. Madgearu, Asăneşti. Istoria politico-militară a statului dinastiei Asan (1185-1280) (Târgovişte 2014).

Mălinaş 2000: I.M. Mălinaş, Regeste şi registre de la Constantinopol şi Roma, din prima jumătate a secolului al XIII-lea, pribitoare la primatul Vasile I şi la împăratul Ioniţă Caloian din Târnovo (Oradea 2000).

Mărculeţ 2008: V. Mărculeţ, Ţaratul Vlaho-Bulgar între Bizanţul ortodox şi occidentul catolic în timpul domniei ţarului Ioniţă Asan. Buletinul Muzeului Militar Naţional «Regele Ferdinand I», 6, 2008, 23-38.

Mărculeţ 2009: V. Mărculeţ, Dispute şi confruntări interne în etapa de început a Ţaratului Vlaho-Bulgar şi implicarea Bizanţului 1185-1204. Buridava. Studii şi Materiale, VII, 2009, 118-132.

Murnu 1906: Gh. Murnu, Din Nichita Acominatos Honiatul. Analele Academiei Române. Memoriile Secţiunii Istorice, s. II, t. XXVIII, 1905-1906, Bucureşti, 1906, 357-467.

Nestor 1835, II: La chronique de Nestor, éditée par L. Paris, t. II (Paris 1835).

Papacostea 1993: Ş. Papacostea, Românii în secolul al XIII-lea. Între Cruciată şi Imperiul Mongol (Bucureşti 1993).

Pavlov 2002: P. Pavlov, Eliberarea şi consolidarea Ţaratului Bulgar (1186-1207). In: P. Pavlov, I. Ianev, D. Cain, Istoria Bulgariei (Bucureşti 2002), 45-52.

Pecican 2006: Ov. Pecican, Conflictul dintre Ioniţă Caloian şi Emeric al Ungariei. In: Ov. Pecican, Între cruciaţi şi tătari. Creştinătate occidentală şi nomazi în Europa central-sud-estică (1204-1241) (Cluj-Napoca 2006), 80-88.

Purton 2009: P. Purton, A History of the Early Medieval Siege c. 450-1220 (Woodbridge 2009).

Spinei 2005: V. Spinei, The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century. I. Hungarians, Pechenegs and Uzes; II. Cumans and Mongols, (Amsterdam 2005).

Spinei 2009: V. Spinei, The Romanians and the Turkic Nomads North of the Delta Danube from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century (Leiden, Boston 2009).

Tafel, Thomas 1856: Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig, mit besonderer Beziehung auf Byzanz und Levante, Herausgegeben von G.L. Fr. Tafel und G.M. Thomas, I. Theil (814-1205) (Wien 1856).

Vásáry 2005: I. Vásáry, Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185-1365 (Cambridge 2005).

Ville-Hardouin 1828: Geoffroy de Ville-Hardouin, Chronique de la prise de Constantinople par les Francs, avec notes et éclaircissements par J.-A. Buchon (Paris 1828).

Ville-Hardouin 1882: Geoffroi de Ville-Hardouin, Conauéte de Constantinople avec la continuation de Henri de Valenciennes, texte original, accompagné d'une traduction par Natalis de Wailly (Paris 1882).

Villehardouin 1955: Villehardouin's Chronicle of the Fourth Crusade and the Conquest of Constantinople, în Villehardouin and Joinville, Memoirs of the Crusades, translated by Frank Marzials (London-Toronto-New York 1955).

Villehardouin 2002: Geoffroy de Villehardouin, Cucerirea Constantinopolului, ediţie de Ov. Pecican (Cluj 2002).

Wolff 1949: R.L. Wolff, The 'Second Bulgarian Empire.' Its Origin and History to 1204. Speculum. A Jurnal of Medieval Studies, XXIV/2, 1949, 167-206.

On the relations between the Vlach-Bulgarian Tsardom and the Byzantine Empire in 1197-1204

Abstract

In 1197 Ionitsa (Kaloyan) Asen came to the throne of the Second Bulgarian (or the Vlach-Bulgarian) Tsardom. Having ascended to the throne, he inherited strained relations with the Byzantine Empire. During the first two years of reign the new tsar did not engage in military actions against Byzantium. In this period of time he consolidated his internal positions, strengthened the relations with the Cumans and had made alliances with two other Vlach rulers, Dobromir Chrysos from Macedonia and Ivanko from Thrace, who rebelled against Byzantium. Around 1199 Ionitsa Asen resumed the war with the Empire, opposing her possessions in the north-west of the Balkan Peninsula, the Middle Danube and northern Macedonia. During these campaigns the Vlach-Bulgarian sovereign attached to his possessions lands lying between Vidin and Belgrade. Along with the resumption of hostilities against Byzantium in the north-west of the Balkan Peninsula, the allies of the ruler of Tarnovo – the Vlachs and the Cumans from Northern Danube attacked the Byzantine possessions in Thrace. Between 1199 and 1200/1201 they attacked this region for several times. In the spring of 1201 Ionitsa Asen started his own military campaign against Byzantine possessions in Thrace, during which he conquered the strongholds of Konstanteia and Varna. In March-April 1201 he signed a peace treaty with the Emperor Alexios III Angelos. Under this treaty, both sides defined the boundaries of their possessions. The treaty did not normalize relations between Tarnovo and Constantinople and they continued to be strained. Both sides violated it on various occasions.

Об отношениях между Влахо-Болгарским царством и Византией в период 1197-1204 гг.

Резюме

В 1197 году престол Второго Болгарского (или Влахо-Болгарского) царства занял Иваница (Калоян) Асень. Взойдя на трон, он унаследовал напряженные отношения с Византийской империей. В течение первых двух лет правления новый царь не воевал против Византии. За этот период он укрепил внутренние позиции, упрочил связи с куманами и заключил альянсы с двумя другими предводителями влахов – Добромиром Хризом из Македонии и Иванко из Фракии, восставшими против Византии. Около 1199 года Иваница Асень возобновил войну с империей, выступив против ее владений на северо-западе Балканского полу-

острова, на Среднем Дунае и севере Македонии. В ходе этих военных кампаний правитель Второго Болгарского царства присоединил к своим владениям земли, лежавшие между Видином и Белградом. Одновременно с возобновлением военных действий против Византии на северо-западе Балканского полуострова северодунайские союзники тырновского царя – влахи и куманы – напали на византийские владения во Фракии. Между 1199 и 1200/1201 гг. они несколько раз совершали нападения на эти земли. Весной 1201 года Иваница Асень сам стал наступать на византийские владения во Фракии и завоевал крепость Констанцию и Варну. В марте-апреле 1201 г. он заключил мирный договор с императором Алексеем III Ангелом. Согласно этому договору обе стороны определили границы своих владений. Договор ни в коей степени не нормализовал отношения между Тырново и Константинополем – они продолжали оставаться напряженными. Обе стороны нарушали его по разным поводам.

10.08.2015

Dr. Vasile Mărculeț, Colegiul Tehnic „Mediensis”, str. Sticlei, nr. 9, RO-551130 Mediaș, jud. Sibiu, România, e-mail: vasmarculet@yahoo.com

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА И СУБЪЕКТИВНОСТЬ: ОБ ОДНОЙ МОНОГРАФИИ И ДВУХ РЕЦЕНЗИЯХ

Елена Избицер

С помощью шелка ищут удачи не только в земных, но и в «небесных» делах…

А.А. Иерусалимская
(Иерусалимская 1992, 3)

Книга Анны Александровны Иерусалимской «Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути» (Иерусалимская 2012) получила в печати отзывы специалистов, диаметрально различающиеся в оценке научной значимости представленной работы. Первой на публикацию откликнулась З.В. Доде, указав на ряд фактических ошибок и недоработок как автора книги, так и редакторов издательства. Количество выявленных З.В. Доде недочетов и ошибок позволяет отнести её рецензию скорее к разряду отрицательных (Доде 2013). Другой, исключительно положительный характер имеет появившийся позднее отзыв В.Б. Ковалевской и М.Н. Погребовой. В нем рецензенты старательно перечислили достижения автора и подчеркнули непреходящую научную ценность монографии. В их тексте не нашлось места ни для уточнений (за исключением указания нескольких случаев неверно переданной транскрипции), ни для критики, ни для разбора дискуссионных вопросов (Ковалевская, Погребова 2014). Мнения рецензентов разошлись и в возможном влиянии монографии на молодого читателя. В.Б. Ковалевская и М.Н. Погребова полагают, что «знакомство с книгой А.А. Иерусалимской поможет не одному молодому человеку выбрать профессию» (Ковалевская, Погребова 2014, 173). По мнению же З.В. Доде, непозволительная небрежность в работе со справочным аппаратом – плохой пример для студентов (Доде 2013, 651). Такое полярное восприятие работы побудили меня обратиться непосредственно к книге А.А. Иерусалимской. Интерес был вызван еще и тем, что в свое время мне удалось и побывать на Мощевой балке, и видеть находки из этого уникального могильника, полученные в результате работ Лабинского отряда Северокавказской экспедиции.

Знакомство с монографией началось с неудач. Прочитав, что предметом исследования явились «поселение и могильник Мощевая Балка» (с. 29), я решила посмотреть материал поселения. Но оказалось, что поселение полностью разрушено корчеванием, и лишь «могло бы» составить отдельную тему (с. 24). Фраза: «<…> как писал в своем переводе “Путешествия Вильгельма де Рубрука” поэт Н.А. Заболоцкий» (с. 357) – удивила и заставила искать этот неизвестный мне перевод (библиографическая сноска на него не дана). Однако надежды на прочтение стихотворного варианта «Путешествия» Вильгельма де Рубрука, упомянутого А.А. Иерусалимской, не оправдались. Вопреки утверждению автора, приведенная ею цитата[1] взята не из перевода сочинения Рубрука, а из поэмы Н.А. Заболоцкого «Рубрук в Монголии». В разделе же «Библиография» ни Н.А. Заболоцкий, ни его поэма

[1] Рассуждая о привозном реликварии, от которого сохранилась крышка, использовавшаяся местным населением, по предположению А.А. Иерусалимской, то ли в качестве украшения, то ли в качестве навершия рукояти, автор пишет: «Комментарии излишни: как писал в своем переводе «Путешествия Вильгельма де Рубрука» поэт Н.А. Заболоцкий: «Здесь пели две клавиатуры на двух различных языках…» (с. 357).

не упомянуты, а сочинение Рубрука указано в переводе А.И. Маленина, в то время как переводчиком был А.И. Малеин (с. 376).

Эти, на первый взгляд, мелкие ошибки заставили меня обратить более пристальное внимание на редактуру текста и систему цитирования. В результате приходится согласиться с автором критической рецензии З.В. Доде: книга изобилует непозволительным для научного издания (а именно так представлена монография) количеством ошибок, неточностей и странных ссылок. Текст наполнен нелепо построенными фразами (например: «Любопытно, что именно лещине у адыгских народов приписывалась до недавнего времени способность лечить всевозможные (особенно детские) болезни, включая женское бесплодие» – с. 62) и оборотами, озадачивающими читателя (такими, как: «<…> вся одежда детей (включая, естественно, и обувь) воспроизводила костюм взрослых, кукольная же, скорее всего, имитировала детскую, хотя могла иметь в виду и исходный – взрослый – прототип» – с. 231). Китайские статуэтки эпохи Тан с европеоидными чертами лица напрямую отождествляются с жителями Северного Кавказа (с. 360), а известный антрополог В.П. Алексеев почему-то назван крупнейшим палеонтологом (с. 13).

Все эти ляпсусы и недочеты можно было бы объяснить простой небрежностью[2], если бы они не вписывались в общую направленность работы, в основе которой лежит слабое знание источников и пренебрежение фактами, в сочетании со стремлением показать, в первую очередь, роль и достижения автора монографии в изучении памятника. Такая установка отразилась и на изложении материала, и на методах работы, и на ее результатах.

Читателю не единожды настойчиво сообщают что: а) материалы, привезенные из Мощевой балки в Санкт-Петербург в начале XX века, первоначально были отнесены к XVIII в.; б) ошибочная датировка стала причиной того, что местом хранения находок были выбраны этнографические музеи; в) именно из-за датировки и первоначальных мест хранения материалов памятник выпал из внимания специалистов почти на полстолетия; г) реальный «археологический» возраст был определен автором данной монографии благодаря изучению шелковых тканей. Все эти положения повторены и в рецензии В.Б. Ковалевской и М.Н. Погребовой (Ковалевская, Погребова 2014). Начиная с первой главы – «История коллекции Эрмитажа и изучения памятника», А.А. Иерусалимская неоднократно подчеркивает свои достижения в атрибуции и изучении памятника, но делает это за счет преуменьшения или искажения роли предшественников и коллег.

История изучения Мощевой балки представлена в монографии следующим образом: в 1901 г. Н.И. Веселовский подрядил мальчишек для сбора вещей на Мощевой балке. Привезя находки в Петербург, он отдал их в Этнографический отдел Русского музея, поскольку датировал их, вследствие хорошей сохранности, примерно XVIII веком. Позднее («есть некоторые основания относить это событие к 1905 г.» – с. 17) Мощевую балку посетил Н.И. Воробьев – археолог-любитель, по определению А.А. Иерусалимской; он также «не узнал в своих находках археологических объектов и, опять-таки, сочтя их поздним, «этнографическим», материалом, передал их – но уже в другой этнографический музей: в Петровскую Кунсткамеру» (с. 17-18). Ни Н.И. Веселовский, ни Н.И. Воробьев никаких документальных отчетов о своих поездках на Мощевую балку не оставили: «Веселовский настолько не заинтересовался этим мелким эпизодом в своей блестящей археологической карьере, что не счел нужным представить отчет в Археологическую комиссию» (с. 17); Н.И. Воробьев «не оставил никакой документации относительно своих работ» (с. 18). В 1935 г., при подготовке выставки к конгрессу по иранскому искусству, И.А. Орбели «сумел заметить в фондах МАЭ какие-то интересные образцы шелков из всеми забытой Мощевой балки, и по его инициативе все материалы коллекции Н.И. Воробьева были переданы в 1935 г. в Отдел Востока Эрмитажа» (с. 19), а в 1951 г. туда же поступила коллекция Н.И. Веселовского. Примерно в это же время могильник отыскал А.А. Иессен, одновременно уточнив его местонахождение, т. к. «на археологической карте Северного Кавказа, составленной в начале

[2] Вопрос о допустимости или недопустимости «простой небрежности» в научном исследовании – особая тема.

XX в. Е.Д. Фелициным, его местонахождение было отмечено совершенно неверно» (с. 19). В начале 1960-х годов А.А. Иерусалимская, приняв в свое хранение северокавказские средневековые коллекции, определила «археологический возраст» вещей и, главное, шелков из «всеми забытой» Мощевой балки (с. 19).

Такое изложение событий и их оценка озадачивают – обращение к фактам дает совсем иную картину. Скальный могильник Мощевая балка стал известен ученым благодаря Е.Д. Фелицыну в конце XIX века. На составленной им «Археологической карте Кубанской области» четко обозначена дата – 1882 год (Фелицын 1882). Именно по карте Е.Д. Фелицына местоположение могильника, отмеченного значком «Погребальные пещеры», определяли в начале XX века и Н.И. Веселовский, и Н.И. Воробьев. В 1950-е годы его без труда нашли А.А. Иессен и Н.В. Анфимов, хотя А.А. Иессен в ходе поездки и уточнил место могильника согласно современной карте (Иессен 1950, 14). Возникает вопрос: видела ли А.А. Иерусалимская «Археологическую карту» Е.Д. Фелицына, если ошибочны приведенные ею и дата составления (начало XX в.), и территориальный охват (Северный Кавказ) карты?

Замечания автора об отсутствии отчетов по поездке на Мощевую балку относительно Н.И. Веселовского – некорректно, а относительно Н.И. Воробьева – просто неверно. Не зная, каким образом и когда Н.И. Веселовский получил в свое распоряжение вещи из Мощевой балки, вряд ли можно его упрекать в отсутствии отчета для Археологической Комиссии. В монографии А.А. Иерусалимская пишет, что Н.И. Веселовский побывал на Мощевой балке в 1901 г., но, «учитывая физические и, возможно, некоторые психологические особенности»[3], раскопок не вел (с. 19). Однако в своей ранней статье она приводит другие данные, предполагая, что Н.И. Веселовский побывал на могильнике в 1900-1901 гг., правда, тут же поясняя, что «достоверно известно лишь, что раскопки производились до 1912 г.» (Иерусалимская 1961, 41)[4]. На каком основании был выбран именно 1901 г. – непонятно. Отсутствие официального отчета Н.И. Веселовского по посещению им Мощевой балки указывает, скорее всего, на то, что вещи попали к нему по случаю.

Так же, не зная обстоятельств передачи предметов в Этнографический отдел Русского Музея и не видя записей в музейных документах, нет оснований приписывать Н.И. Веселовскому ту или иную датировку могильника, как это делает А.А. Иерусалимская (с. 17). С большой долей уверенности можно говорить, что такая информация содержится в архивных документах Российского этнографического музея; факт существования таких документов следует и из текста А.А. Иерусалимской, указавшей год регистрации коллекции и фамилию сотрудника, проводившего эту регистрацию (с. 17). При этом не приведены ни сами документы, ни ссылки на архивные дела. И опять возникает вопрос, как и с картой Е.Д. Фелицына: видела ли А.А. Иерусалимская эти документы или использовала вербальные источники?

Тот факт, что находки из Мощевой балки были переданы Н.И. Веселовским в Этнографический отдел Русского музея, никоим образом не является аргументом в пользу пренебрежительного к ним отношения со стороны ученого. В археологическую коллекцию Этнографического отдела музея после его создания (а до этого – в сам Русский музей Императора Александра III) время от времени поступали вещи исторического периода из Императорской Археологической Комиссии, включая и найденные при раскопках (см. таблицы распределения вещей из раскопок и случайных находок в опубликованных отчетах Комиссии).

Н.И. Воробьев, в свою очередь, не мог не оставить отчет – его поездка на Мощевую балку была служебной командировкой. Вся информация, приведенная в монографии А.А. Иерусалимской о Н.И. Воробьеве и его деятельности, связанной с Мощевой балкой (с. 17-19), свидетельствуют о незнании ею биографии

[3] Какие конкретно особенности имеются в виду – не указано. Если о физических особенностях еще можно было бы догадаться, взглянув на фотографии Н.И. Веселовского тех лет, то о психологических хотелось бы узнать подробнее. А.Д. Столяр рассказывал на своих лекциях о пристрастии Н.И. Веселовского к кубанскому вишневому варенью. Не любовь же к варенью помешала Н.И. Веселовскому подняться на Мощевую балку, если он действительно интересовался этим памятником и находился где-то поблизости.

[4] Поскольку А.А. Иерусалимская постоянно ссылается на свои ранее опубликованные работы, с несколькими из них пришлось ознакомиться.

этого исследователя ни до его работы в Музее антропологии и этнографии (МАЭ), ни в бытность его сотрудником музея. Вероятно, этим объясняется представление А.А. Иерусалимской о Н.И. Воробьеве как о любителе. Н.И. Воробьев же, получив юридическое образование в Казанском университете и переехав в Санкт-Петербург, в 1897 г. подал прошение о зачислении его в действительные слушатели С.-Петербургского Археологического Института (Мазурина 2002, 143). Через два года, в 1899 г., как успешно окончившему курс ему было присвоено звание действительного члена Института (Яковлев 1911, 44). Поэтому писать о нем как о любителе едва ли правомерно.

На чем основано предположение А.А. Иерусалимской о посещении Н.И. Воробьевым Мощевой балки в 1905 г. – неизвестно. Зато точно известно, что в 1904-1905 гг. он был участником Русско-японской войны, а затем, по поручению Министерства внутренних дел, отправился в поездку по странам Востока, завершившуюся в начале осени 1906 г. Во время этой поездки Н.И. Воробьев по заданию директора МАЭ В.В. Радлова собрал также значительную коллекцию вещей для музея (Мазурина 2002, 143-144). Очевидно, успешное выполнение этого поручения, высоко оцененное за «подробное и тщательное описание» и рекомендованное другим собирателям как образец для подражания (Ольденбург 1911, i-ii), и привело к тому, что Н.И. Воробьев стал сотрудником МАЭ. С осени 1906 года он, состоя при Министерстве Просвещения, был прикомандирован к МАЭ (Отчет 1907, 1)[5], и его экспедиция на Мощевую балку в следующем, 1907 г. была официальной (Отчет 1908, 7, 16). Поэтому он не мог не оставить письменного рапорта о своей командировке. В отчетах о деятельности музея за 1907-1909 гг. содержатся точные сведения о раскопках и сборах Н.И. Воробьева на Мощевой балке. Из текстов отчетов явно следует, что в «археологическом» происхождении вещей из Мощевой балки в МАЭ никто не сомневался: «Н. И. Воробьев обследовал древнее кладбище в Мощевой балке Кубанской области; оно уж давно интересовало этнографов и археологов, а между тем усиленно расхищялось местными жителями, причем находимые ими предметы, как неимевшие сбыта, безследно уничтожались и погибали для науки. Н.И. Воробьеву удалось, тем не менее, найти три более или менее полных погребения и забрать то, что осталось брошенным хищниками на поверхности земли» (Отчет 1908, 16-17).

Не было ничего необычного (а тем более «печального», по оценке А.А. Иерусалимской) в том, что вещи, привезенные из Мощевой балки поехавшим по командировке от МАЭ Н.И. Воробьевым, попали в коллекцию этого же музея. Необычно другое – желание А.А. Иерусалимской убедить читателя в том, что МАЭ являлся и является исключительно этнографическим музеем. Трудно поверить, что археолог, окончивший исторический факультет Ленинградского университета, и музейный работник, всю свою профессиональную жизнь проведший в Ленинграде – Санкт-Петербурге, не знает о существовании в МАЭ Археологического отдела, где хранятся богатейшие коллекции, собранные за многие годы существования музея. Выделенный в самостоятельную единицу в 1894 г. (Нечаева и др. 1964, 152), отдел своими коллекциями призван был служить «своего рода введением к этнографической части экспозиции, демонстрируя посетителям доисторическую культуру человечества» (Тихонов 2014, 9). В Археологическом отделе и были зарегистрированы в 1907-1909 гг. «черепа, материи и археол. предметы из раскопок в Мощевой балке Кубанской области от Н.И. Воробьева» (Отчет 1908, 10; Отчет 1910, 8).

Ни у Н.И. Воробьева, ни у сотрудников Отдела не было сомнений в древнем возрасте могильника. Уже в 1907 г. его датировали эпохой средневековья: «Есть основание предполагать, что археологический материал относится к XIII-XV вв., хотя более точное определение, как времени, так и народа – носителя этой культуры, – дело будущаго» (Отчет 1908, 17). Это более точное определение было сделано сотрудниками Эрмитажа во главе с И.А. Орбели. В начале 1930-х годов музей готовил выставку к III Международному конгрессу иранского искусства и археологии. Открывшаяся в 1935 г. одновременно с конгрессом, выставка была высоко оценена западными специали-

[5] За время своей почти пятилетней службы в МАЭ Н.И. Воробьев заведовал Галереей Петра Великого и возглавлял Русский отдел музея (Мазурина 2000: 144).

стами, отметившими не только ее масштабность и представленные на ней выдающиеся художественные и археологические коллекции, но и необычные для Запада концепцию и распределение вещей по залам. Новым для восприятия было размещение основной части выставки – не по отдельным типам или материалу, а по периодам, где соседствовали вещи одного времени, но из разных регионов (Rice 1936, 99-100). Ткани из Мощевой балки были размещены в витринах зала 225 вместе с сасанидскими и византийскими экспонатами (Каталог 1935, 215, 230, 232-233, 235-238, 251, 252, 254, 258). Такое соседство недвусмысленно указывает на датировку этих тканей устроителями выставки. Однако, отмечая заслугу И.А. Орбели в привлечении на выставку тканей из коллекции МАЭ, А.А. Иерусалимская не считает нужным даже сослаться на каталог выставки. Вероятно, такая странная «забывчивость» объясняется желанием поддержать придуманный ею миф: «<…> долгие годы их [материалов из Мощевой балки – *Е.И.*] древность подвергалась сомнению, и их продолжали считать «этнографическими» сборами и датировать XVIII в.» (с. 99).

К материалам «всеми забытой» Мощевой балки обращался в 1948 г. Г.Ф. Дебец, опубликовавший анализ черепов, привезенных Н.И. Воробьевым; со ссылкой на П.П. Ефименко он писал о Мощевой балке как о памятнике VI-VII вв. (Дебец 1948, 272). В 1956 г. фрагмент ткани со сценой жертвоприношения опубликовала Н. Митина, относившая его ко второй половине I тысячелетия (Митина 1956, 43). Этот же фрагмент упомянула К.В. Тревер в своей книге 1959 г., датируя его VII-VIII вв. (Тревер 1959, 155). Таким образом, ко времени начала работы А.А. Иерусалимской над собранным в Эрмитаже материалом из Мощевой балки возраст могильника и коллекций был уже обозначен и серьезных разногласий у специалистов не вызывал. Когда А.А. Иессен в 1950 г. во время своих разведок на Кубани поднимался на Мощевую балку, он шел осматривать памятник не XVIII века. В своем отчете он писал: «Направляясь по Большой Лабе вверх, мы за поселком Курджиново у устья Бескеса переправились на правый берег р. Б.Лабы. Примерно в 1 км выше моста и в 1 км не доходя до поселка Азиатского находится так называемая «Мощевая Балка», откуда происходит коллекция Эрмитажа, переданная в 1935 г. из Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР (бывший № колл. 1128). Коллекция эта происходит из хищнических раскопок и состоит главным образом из вещей ранне-средневекового возраста, в том числе значительного числа кусков ткани» (Иессен 1950, 14). Приводя в монографии рисунки из отчета А.А. Иессена (ил. 3) и не забыв упомянуть о топографической ошибке Е.Д. Фелицына, отмеченной в том же отчете, А.А. Иерусалимская умалчивает об определении А.А. Иессеном возраста могильника.

Не менее субъективно изложена и информация о работах на Мощевой балке Лабинского отряда Северокавказской экспедиции Института археологии под руководством Е.И. Савченко/И.С. Каменецкого. Отметив, что «глобальные вопросы, связанные с Мощевой Балкой, были, в сущности, уже решены задолго до этих работ» и «кардинально нового в решение основных проблем исследования Лабинского отряда не внесли» (с. 26), А.А. Иерусалимская снисходительно признает, что работы все же «не оказались напрасными и нельзя отрицать их несомненный вклад в изучение памятника. Впервые был снят генеральный топографический план могильника, сделаны некоторые интересные стратиграфические наблюдения, получены дополнительные данные об отдельных погребальных комплексах» (с. 26). То есть «не оказались напрасными» самые трудоемкие работы по полному археологическому обследованию памятника, когда была изучена вся территория могильника, исследовано 568 захоронений (из которых 36 сохранились полностью или частично, с отдельными костями *in situ* и инвентарем), установлена последовательность сооружения могильника и стратиграфическая колонка для почти половины могил, выявлено три типа захоронений (Савченко 1999, 127-128). Несмотря на то, что Е.И. Савченко в своей статье подробно описал примененную экспедицией методику работ – «раскопки широкими площадями, полное удаление грабительских отвалов, тщательная зачистка погребальных сооружений изнутри и снаружи, а также подробная графическая и фотографическая фиксация исследований» (Савченко 1999, 127),

Рис. 1. Фрагменты ткани из Мощевой Балки на фоне «кельнского образца в цветной таблице Ю. Лессинга» по А. А. Иерусалимской (Иерусалимская 2012, 122, ил. 57).

Рис. 2. Фрагмент шелка из церкви Святого Куниберта, Кельн, из альбома, составленного Ю. Лессингом (Gewebe-Sammlung 1900, Band 1, Taf. 15).

что детально отражено в отчетах экспедиции, с которыми, как утверждает А.А. Иерусалимская, она знакомилась, у нее возникло «немало методических вопросов», основанных на впечатлениях (с. 26). Отмечая, что «печальный факт ухода из жизни Е.И. Савченко делает неэтичным предъявление теперь каких-либо претензий к его работам» (с. 26), автор, тем не менее, не упускает возможности несколькими параграфами ранее намекнуть на недоброкачественность работ Лабинского отряда. Особенно «ненавязчиво» это высказано в пассаже о вещах из Мощевой балки, поступивших в Эрмитаж от В.Н. Каминского: «В.Н. Каминский ежегодно «навещал» Мощевую Балку – главным образом после работ Новостроечной экспедиции..., находя в оставшихся после этих раскопок выбросах и отвалах незамеченные раскопщиками важнейшие предметы, которые по мере возможности также переправлялись мне в Эрмитаж» (с. 25). То есть читателю объясняют уровень работы экспедиции под руководством Е.И. Савченко как начальника отряда и И.С. Каменецкого как начальника экспедиции. В действительности же В.Н. Каминский не ездил собирать вещи из отвалов, оставленных после раскопок Лабинского отряда. Все три сезона он работал в составе этого отряда, а переданные им в Эрмитаж вещи были найдены в отвалах грабительских раскопок в годы, предшествовавшие работам московской экспедиции. Но дело здесь даже не в том, что описанная ситуация ложна, а в том, что придуманный А.А. Иерусалимской сценарий оказывается для нее приемлемым: профессиональный археолог регулярно ездит на место работ экспедиции и собирает в отвалах вещи, выброшенные при расчистке погребений; после этого найденные вещи он отдает не в экспедицию, где хранятся связанные с ними комплексы, а в другое учреждение. Неудивительно, что при таком отношении автора монографии к коллегам отсутствие контактов «между Москвой и Петербургом», о чем с деланным сожалением пишет А.А. Иерусалимская (с. 26), было закономерным[6].

Знакомство с реальной историей изучения Мощевой балки ставит вопросы и в отношении источников и методики, послуживших А.А. Иерусалимской основанием для ряда заключений о погребальном обряде. Восемь (девять?[7]) погребений из раскопок автора монографии и Е.А. Милованова, из которых лишь одно оказалось непотревоженным, а остальные были в различной степени разрушены или ограблены (с. 66-81), и составили основу, на которой сделаны выводы о типах погребальных сооружений, сходстве/различии в положениях костяков по полу и возрасту, распределении инвентаря в погребениях. Выводы Е.И. Савченко, касающиеся этих же параметров и базирующиеся на существенно большем количестве материала (Савченко 1999, 128-132), во внимание не принимаются. Происходит это, вероятно, потому, что они отличаются от выводов автора монографии.

Еще одиннадцать погребальных комплексов А.А. Иерусалимская выделила из материалов Н.И. Воробьева – по шифрам на вещах, обозначавших, по ее предположению, «номер погребения или участка на террасе» (с. 18). То есть место находки вещей точно неизвестно, но комплексы скомпонованы, при этом указан и пол погребенного (с. 82-83). Искусственность такого выделения очевидна, особенно если учесть, что по данным самого Н.И. Воро-

[6] В контексте такого отношения А.А. Иерусалимской были даны и консультации американским коллегам. В середине 1990-х годов Музею Метрополитен в Нью-Йорке были предложены для покупки кафтан и чулки, явно происходившие из погребения средневекового времени Северного Кавказа. До этого вещи были выставлены на аукционе в Германии, но куплены не были. Не зная других северокавказских памятников с хорошей сохранностью органики, кроме Мощевой балки, и не зная, что этот могильник раскопан по возможности полностью, было высказано предположение, что текстиль происходит именно оттуда. По словам Пруденс Харпер (в то время заведующей Отделом искусства Ближнего Востока), в своей переписке с сотрудниками музея А.А. Иерусалимская подтвердила Мощевую балку как наиболее вероятное место происхождения кафтана и чулок (Harper 2001, 83). Каким же образом вещи из Мощевой балки, по мысли А.А. Иерусалимской, через десять с лишним лет после окончания раскопок могли попасть на аукцион в Германию? Ведь ей было известно, что работы на памятнике закончены в 1982 г. и грабить там уже было нечего. Таким образом, подразумевается профессиональная нечистоплотность сотрудников экспедиции. Без фактов и доказательств ставится под сомнение честность и профессионализм археологов, копавших памятник. Анализировать такое поведение автора невозможно, поскольку это находится уже за гранью профессиональной этики. В данной монографии А.А. Иерусалимская умалчивает о своих предположениях относительно происхождения этого кафтана из Мощевой балки и пишет: «<...> у меня есть причины отнести эту находку к Нижне-Архызскому могильнику» (с. 221).

[7] Из текста можно заключить, что погребения 5 и 5а А.А. Иерусалимская считает парным захоронением, но, судя по чертежам, это два разных погребения (ил. 9; ил. 53 б).

бьева, отраженным в «Отчете» МАЭ, им было обнаружено всего лишь три погребения (Отчет 1908, 16). Не соответствует и количество вещей, привезенных Н.И. Воробьевым, – 500 (Отчет 1908, 7) – количеству, указанному А.А. Иерусалимской – около 800 (с. 17). Сама А.А. Иерусалимская эту разницу в цифрах никак не объясняет. По-видимому, произошло смешение вещей из разных собраний уже в процессе их изучения. На это косвенно указывают и данные о «багаже китайского купца». В монографии А.А. Иерусалимская пишет, что все предметы комплекса «багажа» поступили из коллекции Н.И. Воробьева (с. 363), а в каталоге выставки «Кавказ на Шелковом пути» – из сборов Н.И. Веселовского 1901 г. (Иерусалимская 1992, 30). В контексте истории коллекций (как она представлена в монографии) в дополнительных объяснениях нуждается и утверждение автора о наличии в двух разных коллекциях фрагментов от одних и тех же сосудов – одного глиняного и двух стеклянных (С. 19). Ошибочно приписанными к одному комплексу оказались находки, сделанные в 1980-х годах – фрагменты лент с греческими надписями. В монографии два фрагмента представлены как части одной ленты, хотя и найденные в разное время В.Н. Каминским (с. 133). В действительности же только меньший фрагмент был подобран им в грабительском отвале и передан в Эрмитаж; больший же фрагмент, обнаруженный во время работ Лабинского отряда Северокавказской экспедиции, передали вместе с другими находками в Ставропольский музей. Этот факт был хорошо известен А.А. Иерусалимской, что и отражено в каталоге выставки 1996 г. в Мюнхене, вышедшем под ее редакцией (Ierusalimskaja, Borcopp 1996, 68). Однако в монографии 1996 г. уже и больший фрагмент шелковой ленты представлен А.А. Иерусалимской как находка В.Н. Каминского (Ierusalimskaja 1996, 251). В монографии же 2012 г. описание находки с неверным происхождением сопровождается еще и сожалениями автора по поводу передачи фрагмента в Ставропольский музей (с. 133). Новое прочтение греческих надписей и их анализ, предпринятые недавно А.Ю. Виноградовым, самостоятельно привели его к заключению о том, что данные фрагменты являются не обрывками одной ленты, а относятся к двум разным лентам (Виноградов 2013). Но неверная информация об обстоятельствах находки, граничащая с сознательной фальсификацией, потребовала от ученого дополнительных усилий и времени для их правильной атрибуции.

Искажение информации другого рода – иллюстрация ткани со сценой охоты Бахрама Гура. По словам А.А. Иерусалимской, фрагменты ткани из Мощевой балки реконструированы на фоне шелка «кельнского образца той же ткани в цветной таблице Ю. Лессинга» (с. 122; ил. 57, 64). И у читателя, и у посетителей Эрмитажа, где изображение «кельнского образца» с размещенными на нем фрагментами шелка из Мощевой балки находится на постоянной выставке, не возникает сомнений, что перед ними репродукция ткани из церкви Святого Куниберта в Кельне. Сомнения появляются при сравнении изображений: на рис. 1 – шелк со сценой охоты Бахрама Гура из книги А. А. Иерусалимской (ил. 57), на рис. 2 – оригинал, на который А.А. Иерусалимская ссылается (Gewebe-Sammlung 1900, Band I, Taf. 15)[8]. Даже при беглом взгляде видно, что лубочное изображение, предложенное А.А. Иерусалимской, во многом отличается от оригинала. Однако это не мешает ей делать далеко идущие выводы, основанные на деталях именно предложенного ею «художественного произведения» и приспособленных к нему небольших фрагментов шелка. На фрагментах, по словам А.А. Иерусалимской, «представлен один и тот же сюжет» (с. 125), но отсутствие прорисовок не дает возможности это увидеть; к тому же, количество фрагментов на иллюстрации (ил. 57) явно не совпадает с их количеством, описанным в Приложении III (с. 122).

Так же «по мотивам», поверхностно, представлен и инвентарь могильника. В отличие от немецкой монографии автора, где отдельными приложениями даны списки вещей по категориям с указанием их параметров, в русскоязычной версии «Мощевой Балки» материал представлен выборочно. Поэтому невозможно согласиться с оценкой В.Б. Ковалевской и М.Н. Погребовой, представляющих, вслед за издателем (с. 4), монографию как

[8] Из текста можно заключить, что погребения 5 и 5а А.А. Иерусалимская считает парным захоронением, но, судя по чертежам, это два разных погребения (ил. 9; ил. 53 б).

«полную и, можно сказать, исчерпывающую публикацию» памятника (Ковалевская, Погребова 2013, 169). Описания вещей (иногда весьма своеобразные[9]), при отсутствии единого формата даже для одной и той же категории, служат лишь иллюстрацией к обширным историческим реконструкциям автора, чрезвычайно часто фантастическим. Масштаб на многих рисунках вещей отсутствует, нет сводных таблиц различных типов инвентаря и прорисовок орнаментов, в том числе «свыше сорока пяти прежде не известных разновидностей текстильных узоров эпохи раннего средневековья» (с. 97; Ковалевская, Погребова 2013, 171), как, впрочем, и ранее известных. А «исчерпывающее представление о значении памятника и основных связанных с ним историко-культурных проблемах» (с. 173), вероятно, подразумевает и предложенную автором героико-романтическую версию происхождения населения, оставившего могильник Мощевая балка, – алано-адыгов (с. 234) – исторической общности, изобретенной А.А. Иерусалимской. В предыдущих публикациях автора алано-адыги названы адыго-аланами (Иерусалимская 1992; Иерусалимская 1996). Объяснение такой модификации – сделана она для благозвучия или в контексте изменения историко-политических взглядов – автором не приводится.

Своеобразно подана информация о луках. Говоря о том, что публикация 1976 г. Е.А. Миловановым и А.А. Иерусалимской лука из Мощевой балки была «первой опубликованной в научной литературе… находкой такого рода на Северном Кавказе», автор на той же странице указывает, что четырьмя десятилетиями раньше лук из этого могильника был опубликован А. Захаровым и В. Арендтом (с. 274, примечание 1)[10]. Этот лук, по словам А.А. Иерусалимской, находился в коллекции Н.И. Веселовского, пропал во время бомбежки и известен ей по рисунку М.П. Грязнова (с. 274). По каким-то причинам сам рисунок М.П. Грязнова не приводится, хотя детали конструкции лука согласно этому рисунку описываются (с. 277, примечание 1). Не приводятся А.А. Иерусалимской и сведения о том, что по описанию В.В. Арендта, помимо лука из того же погребения происходят сабля, боевой топор, нож, колчан со стрелами тюркского типа, два гребня, два сосуда салтовского типа, деревянная чашка, берестяной короб и просверленный зуб медведя; часть этих вещей показана на той же фотографии, что и лук (Arendt 1935, 57, Abb. 25). При уверенности А.А. Иерусалимской в происхождении лука и, сответственно, данного комплекса из Мощевой балки, в монографии отмечен только колчан (с. 282, примечание 3). Сабля же, детально описанная В.В. Арендтом и помещенная на фотографии, с приведенной в тексте аналогией, имеющей надежную дату (Arendt 1935, 56- 57, Abb. 25), в монографии не упомянута вовсе. Более того, в разделе «Сабли» А.А. Иерусалимская пишет: «<…> пока не удается выделить достаточное количество фактов, которые могли бы убедительно подтвердить их присутствие в погребениях… Существование сабель доказывают лишь крайне редкие находки железных гард» (с. 287). Но в таком случае или комплекс, опубликованный В.В. Арендтом, происходит из другого скального могильника, или сведения о саблях Мощевой балки представлены в монографии в искаженном виде.

Приводя сведения о луке, А.А. Иерусалимская не забыла отметить якобы неверно указанное В.В. Арендтом место его находки – «Майкоп. Прикубанье». Но такой провенанс – результат неточного перевода А.А. Иерусалимской

[9] Категория *Деревянные «весла»* описана следующим образом: «<…> Имеют короткую, слабо выделенную ручку и массивную нижнюю лопасть при общей длине 80-90 см. При известном общем сходстве с лодочным веслом такой предмет, разумеется, никак не мог выполнять подобные функции (к чему следует добавить и полную невозможность лодочного судоходства по горным речкам – типа Лабы). Хозяйственное же их назначение можно достаточно уверенно реконструировать. Так, например, в Осетии «веслом» сходного размера и формы помешивают кипящий в большом котле сыр при приготовлении традиционной пищи – “дзыка”» (с. 342). По такому же принципу: «Это могло бы быть тем-то, но этим не является», – построен и ряд интерпретаций общего характера.

[10] Ссылка на публикацию лука указана как «Zakharov, Arendt 1934. S. 27-30. Abb. 5» (с. 264, примечание 1). Правильная ссылка: Arendt 1935, S. 57. Abb. 25 (Zakharov, Arendt 1935). Возвращаясь к утверждению А.А. Иерусалимской о том, что до ее исследований древность материалов из Мощевой балки «подвергалась сомнению, и их продолжали считать “этнографическими” сборами и датировали XVIII в.» (с. 99), любопытно отметить, что, цитируя в списке литературы публикацию А. Захарова и В. Арендта «Studia Levedica. Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX Jh.» и связывая лук с погребением из этого могильника, А.А. Иерусалимская предпочитает не замечать дату, стоящую в названии работы.

текста В.В. Арендта: и в тексте, и в подписи под фотографией место находки значится как «Kubangebiet, Bezirk Maikop» (Arendt 1935, 57, Abb. 25), то есть «Кубанская область, Майкопский уезд», куда территориально и относилась Мощевая балка. Важные же сведения В.В. Арендта о том, что происхождение комплекса – скальное погребение – дано предположительно, и что, без сомнения, соответствовало записи в инвентарной книге, читателю не сообщаются. В то же время, именно отсутствие указания конкретного места находки описанного комплекса говорит о том, что при передаче Н.И. Веселовским в музей собранной им коллекции место находки вещей, по крайней мере части из них, было записано как «Кубанская область, Майкопский уезд»; Мощевая балка как вероятное место происхождения находок было определено сотрудниками музея значительно позднее. Такая общая атрибуция находок является дополнительным доводом в пользу предположения о том, что коллекция Н.И. Веселовского состояла из вещей, полученных им от местных жителей, ездивших раскапывать погребения могильника со всего уезда[11].

В качестве особого достижения в монографии представлено «явление символизации» – осознание автором того, что могильное сооружение имитировало жилище, что в погребение клали вещи ломанные, вышедшие из употребления, или части вещей, их замещавшие, и то, что сопровождавший умершего инвентарь символизировал определенные представления древнего населения. Так, А.А. Иерусалимская пишет: «<…> исследование погребального культа могильника Мощевая Балка позволило выявить целый ряд особенностей как в конструкции могильных сооружений, так и собственно в погребальном ритуале – прежде неизвестных. Среди них наиболее существенным представляется реконструированный процесс символизации погребального инвентаря… Перспективной для будущих исследований представляется и впервые поднятая здесь тема связи устройства могильных сооружений с жилым домостроительством: гипотетическая идея о восприятии могилы как *дома мертвого*, воспроизводящего *дом живых*» (с. 65). Некоторые категории инвентаря из выделенного автором разряда символических описаны сначала в разделе «Погребальный культ. Явление символизации», а затем включены в раздел «Характеристика основного погребального инвентаря Мощевой Балки». При этом, если оригинальные интерпретации назначения вещей в могиле, высказанные при их первом описании, даются предположительно, например: «*Тесло-мотыжка*. Этот вид орудия труда, которым пользовались, в том числе и при устройстве погребального сооружения, являлся обязательным элементом могильного инвентаря (возможно, в первую очередь, именно по этой причине)» (с. 51), то при повторном изложении они уже перерастают в утверждение: «Тесла могли использоваться… в том числе для подтесывания стенок скальных ниш и каменных блоков при устройстве могильных сооружений (почему их присутствие почти в каждой могиле считалось обязательным)» (с. 260). Описывая вещи, представленные символически, автор приводит и соотношение подобных находок с полными экземплярами. Налицо явное преобладание ножен без ножей, древков стрел без наконечников и т.д. Однако при этом не учитывается, что основная масса материала происходит из сборов после грабительских раскопок, поэтому приведенная статистика в данном случае принята быть не может. Показательно, что единственный экземпляр железного тесла происходит из непотревоженного погребения из раскопок самого автора (с. 51, рис. 39); в частично разграбленном погребении, докопанном В.Н. Каминским, наконечники стрел остались насаженными на древки, а нож – вложенным в ножны (Каминский 1982, 48). «Явление символизации» доведено А.А. Иерусалимской до абсурда. Предполагая, что удила и стремена должны были быть частью погребального инвентаря, их отсутствие среди материалов Мощевой балки она объясняет тем, что в погребениях эти вещи все же присутствовали, но символически, так как «подобные изделия были слишком востребованы в жизни и слишком ценились, чтобы оставлять их в могиле» (с. 288). В то же время миниатюрная одежда, которую логично было бы причислить к замещающей реальную (и чему есть примеры), относится автором к

[11] О жителях станиц Псебайской и Новосвободной – участниках таких раскопок, с которыми удалось лично встретиться, писал в своем отчете А.А. Иессен (Иессен 1950, 14).

кукольной. На критику такой атрибуции немецкой исследовательницей Э. Кнауэр (по публикации книги А.А. Иерусалимской 1996 г.) было указано в рецензии З.В. Доде (Доде 2013, 648). Но это осталось незамеченным В.Б. Ковалевской и М.Н. Погребовой так же, как и ранее А.А. Иерусалимской. Автору монографии также не хватило мужества признать несостоятельность еще одного из своих достижений – отнесения большой группы тканей из Мощевой балки к согдийским шелкам. Группа «согдийских шелков занданечи» на протяжении десятилетий выделялась после прочтения Вальтером Хеннингом согдийской, как он считал, надписи на шелковой ткани из церкви в Юи. Заслуга пересмотра концепции шелков занданечи принадлежит коллеге А.А. Иерусалимской по Отделу Востока, выдающемуся ученому Б.И. Маршаку, наиболее развернуто показавшему несоответствие бытовавших в Согде шелков «шелкам занданечи» в своей статье 2006 г. (Marshak 2006). Сравнительный анализ согдийских тканей, проведенный Б.И. Маршаком по разным источникам, показал, что в рассматриваемое время шелка в Согде не производили, а ткани занданечи были хлопковыми, такими же, какими их знали и позднее; шелка же, определенные как занданечи, – не согдийского производства, а происходят из других центров (Маршак 2006). Детально обоснованные заключения Б.И. Маршака были приняты ведущими специалистами и вошли в энциклопедии (Mode 2009)[12]. Однако А. А. Иерусалимская, игнорируя выводы Б.И. Маршака, темы существования шелков занданечи не касается вовсе и в разделе о согдийских тканях группу шелков из Мощевой балки по-прежнему определяет как шелка занданечи (с. 109-115); такую же атрибуцию она указывает и в описаниях шелков (с. 143-160).

Монография «Мощевая Балка», как уже указывалось, заявлена как «представляющая собой наиболее полную по информативности и анализу материалов публикацию», в которой «даются детальное описание всех погребальных находок и подробный анализ каждого найденного предмета» (с. 4). Тем не менее, в главе III о шелковых тканях автор сообщает, что публикация 300 образцов шелковых тканей была уже осуществлена ею в соответствии с принятыми международными нормами в монографии на немецком языке, вышедшей в 1996 г. В данной же книге на русском языке «детальный анализ каждой из этих тканей, на котором, собственно, и основывалась их атрибуция, пришлось, естественно, опустить» (с. 85). К этой главе дано «Приложение», где публикуются «образцы тканей из находок в Мощевой Балке», хранящиеся в Эрмитаже. Однако автор тут же предупреждает читателя, что «Приложение» «далеко не охватывает весь круг находок такого рода в Мощевой Балке» (с. 99), а группа шерстяных тканей дается с подзаголовком «Воспроизведения некоторых образцов с краткой аннотацией» (с. 141). Таким образом, даже ткани, научное изучение которых А.А. Иерусалимская ставит себе в заслугу, представлены в издании лишь выборочно. И в подтверждение этого читаем: «<…> публикация всех материалов Эрмитажа из М. Б. в упоминавшейся тут не раз моей монографии [Ierusalimskaja 1996] освобождает от необходимости приведения полного реестра с описанием каждого из предметов в той или иной группе» (с. 243). Налицо явное противоречие между заявлениями в анонсе книги (повторенными в рецензии В.Б. Ковалевской и М.Н. Погребовой) и ее реальным содержанием, также как и сознательное введение читателя в заблуждение – ведь оказывается, что монография 2012 года не является полной, исчерпывающей публикацией материалов Мощевой балки. Более того, постоянно подчеркивая фундаментальный характер своей немецкой монографии 1996 года, А.А. Иерусалимская столь же сознательно игнорирует наличие весьма критической на неё рецензии, опубликованной в 1999 году Гельмутом Ротом (Roth 1999); и этот факт уже отмечался исследователями (Виноградов 2013, 22).

[12] В своей статье Б.И. Маршак указал и на возможность иного прочтения надписи. Его работа возобновила интерес ученых к шелку из Юи и сохранившейся на нем надписи. Новые исследования лингвистов подтвердили беспочвенность отнесения тканей занданечи к шелковым тканям. Надпись оказалась не согдийской, а арабской. В отличие от частичной расшифровки Хеннинга, две строки текста следует читать не как «Длина 61 пядей занданечи…», а как «Принадлежит Абд аль-Рахману, начальнику, (приобретено) за тридцать восемь динаров без одной трети»(Sims-Williams, Khan 2012). Перевод расшифровки В. Хеннинга на русский русский язык цитируется по работе А.М. Беленицкого и И.Б. Бентович (Беленицкий, Бентович, 66).

Говоря о книге «Die Gräber der Moščevaja Balka», А.А. Иерусалимская подчеркивает, что публикуемая работа – не калька с немецкой публикации (с. 11). И это, действительно, так. В немецкой публикации на общем плане погребений, зафиксированных автором во время полевых работ, отмечено погребение 1а (Ierusalimskaja 1996, 135, fig. 1), а в русскоязычной публикации на плане его уже нет (ил. 9); объяснение этому не приводится, но, судя по описанию, погребение 1а превратилось в разрушенную гробницу с вещами из погребения 1, занесенными туда грызунами (с. 66). Выше уже отмечалось, что немецкий вариант книги снабжен приложениями со списком вещей. Помимо этого, немецкие издатели постарались представить материал в форме, более понятной для читателя – посуда и прорисовки орнамента организованы в таблицы, а не разбросаны по всей книге, как в русскоязычной версии.

В своей рецензии на немецкую публикацию Гельмут Рот отмечал среди технических огрех и обилие неверных ссылок, и несоответствие количества комплексов погребений и вещей с их описаниями, указанными в приложениях, и путаницу в каталожных указателях. В научном плане Г. Рот указал на слабую доказательную базу для датировок ряда вещей, непоследовательность в методике исследования тканей, а также выразил сомнения в правильности хронологических построений и обоснованности выделения северокавказского отрезка Шелкового пути (Roth 1999). Замечания эти столь существенны, что серьезный исследователь не вправе их игнорировать, как это делает А.А. Иерусалимская, вместо того чтобы полемизировать и отстаивать свою точку зрения. И как результат – монография 2012 года повторяет ошибки и недочеты работы 1996 г. Однако читатель не найдет ссылок на немецкую рецензию ни в тексте А.А. Иерусалимской, ни в списке литературы. Для неё эта рецензия не существует, так же, как не существуют и другие публикации, чьи выводы «неудобны».

Во «Введении» автор пишет, что «книга рассчитана в первую очередь на коллег», но «будет большим счастьем», если её прочтут и «люди, далекие от археологии» (с. 13). В то же время, авторская специфика научного аппарата делает знакомство с книгой весьма затруднительным не только для любителей, но, полагаю, и для специалистов. Описывая ткани в «Приложении» к главе III, А.А. Иерусалимская советует читателям, далеким от текстильной тематики, «для лучшего понимания» технических терминов «обращаться по мере необходимости к работе: Иерусалимская А. А. Словарь текстильных терминов. СПб., 2005» (с. 120). Далее, при анализе ткани «с охотой Бахрама Гура» (с. 125) сообщается, что библиография на все приводимые аналогии и образцы шелка дана в её работах 1961 г., 1992 г. (обе на русском языке) и 1996 г. (на немецком языке). Таким образом, и неподготовленный читатель, и специалист, прежде чем открыть «наиболее полную по информативности и анализу материалов» монографию А.А. Иерусалимской, должен положить рядом практически все её предшествующие публикации и постоянно к ним обращаться. Представляется, что выполнить эту рекомендацию А.А. Иерусалимской если и под силу коллегам в Эрмитаже и специалистам в Москве, то потребует немало усилий и времени. А что делать тем, для кого предыдущие публикации автора недоступны, особенно изданная в Германии книга на немецком языке?

В заключение можно лишь констатировать, что монографию «Мощевая Балка» неподготовленному (да впрочем, и подготовленному) читателю рекомендовать нельзя. Она может быть использована, пожалуй, лишь в качестве «пособия» для студентов, как пример разнохарактерных ошибок, недопустимых в научном исследовании; ошибок, обусловленных нарушением основных принципов профессиональной этики, отсутствием научной методики изучения и изложения материала. В своей критической рецензии З.В. Доде деликатно умолчала о полной несостоятельности монографии А.А. Иерусалимской. Вопрос же о причине появления положительной рецензии В.Б. Ковалевской и М.Н. Погребовой на такого рода работу, очевидно, риторический…

Библиография

Беленицкий, Бентович 1961: А.М. Беленицкий, И.Б. Бентович, Из истории азиатского шелкоткачества (К идентефикации ткани «занданечи», СА 2, 1961, 66-78.

Виноградов 2013: А.Ю. Виноградов, Византийская лента протоспафария из Мощевой балки. В сб.: III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 27-29 мая 2013), Краснодар 2013, 21-24.

Доде 2013: З.В. Доде, «Иранский» кафтан Хосрова и «адыгская струя». Рец. На (*Иерусалимская А.А.* Мощевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. Санкт-Петербург: ГЭ, 2012. 384 с.). РАЕ 3, 2013, 642-653.

Иерусалимская 1961: А.А. Иерусалимская, Ткань с Бахрамом Гуром из могильника Мощевая Балка (Северный Кавказ). В сб.: Культура и искусство народов Востока 6, ТГЭ V, 40-50.

Иерусалимская 1992: А.А. Иерусалимская, Кавказ на Шелковом пути. Каталог временной выставки (Санкт-Петербург 1992).

Иерусалимская 1967: А.А. Иерусалимская, О Северокавказском «Шелковом пути» в раннем средневековье, СА 1, 1967, 55-78.

Иерусалимская 2012: А.А. Иерусалимская, Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути (Санкт-Петербург 2012).

Иессен 1950: А.А. Иессен, Отчет Кубанской экспедиции Государственного Эрмитажа 1950 г. Ф-1. Р-1. No 549.

Каминский 1982: В.Н. Каминский, О конструкции лука и стрел северокавказских аланов. КСИА 170, 1982, 48-51.

Каталог 1935: Каталог международной выставки памятников иранского искусства и археологии. Государственный Эрмитаж (Ленинград 1935).

Ковалевская, Погребова 2014: В.Б. Ковалевская, М.Н. Погребова, Рец. на кн. Иерусалимская А.А. Мощевая Балка: необычный археологический памятник на северокавказском шелковом пути. Санкт-Петербург, 2012. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, РА 3, 169-173.

Мазурина 2002: В.Н. Мазурина, Николай Иванович Воробьев – собиратель музыкальных инструментов Востока. В: Музыка Кунсткамеры: К 100-летию Санкт-Петербургского музея музыкальных инструментов: Материалы 1-й инструментовед. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 2002 г. (Санкт-Петербург 2002), 143-146.

Митина 1956: Н. Митина, Фрагмент шелковой ткани из Мощевой Балки. СГЭ X, 1956, 41-43.

Нечаева и др. 1964: Л.Г. Нечаева, Т.А. Попова, В.В. Федоров, Е.Е. Фрадкин, Археологическое собрание Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Академии наук СССР. 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. Сборник МАЭ XXII, 1964, 151-168.

Ольденбург 1911: С. Ольденбург, Предисловие. В: Н. И. Воробьев. Опись собрания буддийских статуэток, приобретенных в Сиаме в 1906 г. Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук XII. (Санкт-Петербург 1911), i-ii.

Отчет 1907: Отчет о деятельности Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великаго за 1906 год (Санкт-Петербург 1907).

Отчет 1908: Отчет о деятельности Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великаго за 1907 год (Санкт-Петербург 1908).

Отчет 1910: Отчет о деятельности Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великаго за 1909 год (Санкт-Петербург 1910).

Савченко 1999: Е.И. Савченко, Мощевая Балка – узловой пункт Великого Шелкового пути на Северном Кавказе. РА 1, 125-141.

Тихонов 2014: И.Л. Тихонов, Археология в Этнографическом музее Академии наук в XIX - начале XX в. В сб.: (отв. ред. Г.А. Хлопачев) История археологического собрания МАЭ. Верхний палеолит. Свод археологических источников Кунсткамеры 4 (Санкт-Петербург 2014), 5-77.

Тревер 1959: К.В. Тревер, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. - VII в. н.э. (Москва 1959).

Фелицын 1882: Е.Д. Фелицын, Археологическая карта Кубанской области. В 20-ти верстном масштабе. Издание Императ. Московскаго археологическаго Общества (Москва 1882).

Яковлев 1911: П.С. Яковлев, Памятная книжка Императорскаго Археологическаго института в С.-Петербурге, 1878-1911 г. (Санкт-Петербург 1911).

Arendt 1935: W.W. Arendt, Türkische Säbel aus den VIII-IX. Jahrhunderten. In: A. Zakharov, W. Arendt. Studia Levedica. Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. Archaeologia Hungarica XVI, 48-68.

Gewebe-Sammlung 1900: Die Gewebe-Sammlung des K. Kunstgewerbe-Museums (hrsg. von Julius Lessing). Band I (Berlin 1900).

Harper 2001: O. Harper, A Man's Caftan and Leggings from the North Caucasus of the Eighth to Tenth Century: Introduction. MMJ 36, 83-84.

Ierusalimskaja 1996: A.A. Ierusalimskaja, Die Gräber der Moščevaja Balka. Fruhmittelalterliche Funde an der nordkaukasischen Seidenstrasse (München 1996).

Ierusalimskaja, Borkopp 1996: A.A. Ierusalimskaja, B. Borkopp, Von China nach Byzanz. Frühmittelalterliche Seiden aus der Staatlichen Ermitage. Sankt Petersburg (München 1996).

Knauer 2001: E.R. Knauer, A Man's caftan and leggings from the North Caucasus of the eight to tenth century: A genealogical study. MMJ 36, 2001, 125-154.

Mode 2009: Mode, Sogdiana vi. Sogdian art. In: Encyclopaedia Iranica, http://www.iranicaonline.org/articles/sogdiana-vi-sogdian-art

Marshak 2006: B. Marshak, The so-called Zandaniji Silks: Comparison with the art of Sogdia. In: (Ed. R. Schorta) Central Asian Textiles and Their Contexts in the Early Middle Ages. Riggisberger Berichte 9, 2006, 49-60.

Roth 1999: H. Roth, Rez. zu: Anna A. Ierusalimskaja, Die Gräber der Moščevaja Balka. Frühmittelalterliche Funde an der nordkaukasischen Seidenstraße (München 1996). Byzantinische Zeitschrift 97/2, 1999, 523–529.

Talbot 1936: D. Rice Talbot, The Third Archaeological Congress and exhibition of Iranian art and archaeology, Leningrad, 1935, Ars Islamica 3 (1), 1936, 99-111.

Sims-Williams, Khan 2012: N. Sims-Williams, G. Khan, Zandanījī Misidentified. Bulletin of the Asia Institute new ser. 22, 2012, 207-213.

Etica profesională şi subiectivismul: despre o monografie şi două recenzii

Rezumat

Articolul este consacrat monografiei A.A. Ierusalimskaia „Moshchevaia Balka. Un monument arheologic deosebit de pe Drumul mătăsii din Caucazul de Nord" şi a două recenzii, care tratează diametral opus importanţa ştiinţifică a acestei monografii. Printr-un şir de exemple este demonstrat că, în pofida observaţiilor cu caracter ştiinţific şi tehnic, făcute la publicaţiile anterioare, lucrarea A.A. Ierusalimskaia „excelează" printr-o insuficientă cunoaştere a izvoarelor (literatura publicată şi materialele de arhivă), denaturarea datelor istoriografice şi a informaţiei despre complexele arheologice.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Fragmente de stofă de la Moshchevaia Balka pe fonul „mostrei de la Köln din tabelul color al Ju. Lessing", după A.A. Ierusalimskaia (Иерусалимская 2012, 122, ил. 57).

Fig. 2. Fragment de mătase din biserica St. Kunibert din Köln, din albumul alcătuit de Ju. Lessing (Gewebe-Sammlung 1900, Band 1, Taf. 15).

Professional ethics and subjectivity: one monograph and two reviews

Abstract

This article discusses a monograph by A.A. Ierusalimskaia "Moshchevaia Balka. An Unusual Archaeological Site on the North Caucasian Silk Road" and two reviews on it that express diametrically opposing views about its scholarly contribution. In a number of examples the article shows that with a complete disregard for the critiques of her previous publications on a range of issues, A.A. Ierusalimskaia in this work demonstrates a lack of familiarity with both published and archival sources; purposely misrepresents the history of the study of Moshchevaia Balka, and falsifies (in some cases clearly deliberately) information about archaeological assemblages.

List of illustrations:

Fig. 1. Silk fragments from Moshchevaia Balka attached to the "Cologne sample in a color plate by J. Lessing", after A.A. Ierusalimskaia (Иерусалимская 2012, 122, ил. 57).

Fig. 2. A fragment of silk from the Church of St Kunibert, Cologne, after J. Lessing (Gewebe-Sammlung 1900, Band 1, Taf. 15).

15.05.2015

Др. Елена Избицер, New York, USA, e-mail: eizbitser@gmail.com

CRONICA DESCOPERIRILOR MONETARE (IX)

Ana Boldureanu

Pe parcursul anului 2014 - începutul anului 2015 am luat cunoştinţă de câteva descoperiri monetare provenite de pe teritoriul Republicii Moldova sau despre care am aflat în acest interval de timp, pe care le vom prezenta în această ediţie a Cronicii.

Una dintre cele mai însemnate descoperiri ale anului 2014 este un tezaur de drahme de Histria, găsit undeva în partea stângă a Nistrului. Nu se cunosc date referitoare la numărul pieselor care au alcătuit tezaurul şi nici locul exact de descoperire. Noi am reuşit să vedem şi să înregistrăm datele necesare pentru 26 de exemplare din componenţa acestei descoperiri. Monedele au o greutate cuprinsă între 3,80 şi 6,46 g, cu o medie de 5,27 g. Sunt emisiuni de tip clasic, având pe avers două capete de tineri, dintre care unul inversat, iar pe revers emblema cetăţii, vulturul pe delfin şi numele oraşului. În baza greutăţii şi a aspectului stilistic, piesele pot fi încadrate în grupa a IV-a, datată până nu de mult între 330-313 a. Chr. Foarte recent cercetătorul român Mihai Dima a propus o nouă schemă privind cronologia drahmelor histriene din grupa a IV-a, ordonând materialul numismatic în opt subgrupe de emisiuni, alcătuite pe criterii stilistice şi în funcţie de sigle (Dima 2013). Potrivit schemei menţionate, monedele din tezaurul nostru se încadrează în subgrupele IV, V, VII şi VIII. Conform noii cronologii propuse de Mihai Dima, tezaurul prezentat s-ar încheia cândva după mijlocul secolului al III-lea. Distribuţia în tezaure a pieselor cu sigla A arată, fără îndoială, că au fost bătute sigur în secolul al III-lea şi astfel trebuie respinsă mai vechea ipoteză că baterea drahmelor histriene ar fi încetat la 313.

De pe teritoriul Republicii Moldova provin şi alte tezaure care conţin monede istriene. Menţionăm tezaurul de la Stolniceni, raionul Hânceşti (Левинский 1999), alcătuit din 44 drahme istriene şi 10 imitaţii după tetradrahme de tip Filip II şi cel descoperit în zona aşezării getice de la Ivancea, raionul Orhei, care conţine nouă drahme istriene a căror integritate structurală a avut de suferit în urma unui incendiu. Data lor de încheiere poate fi plasată către sfârşitul secolului IV a. Chr. sau în primele decenii ale secolului III a. Chr. Tezaurul de la Doroţcaia (în stânga Nistrului), alcătuit din 162 de monede din argint istriene şi 128 de emisiuni din argint, puse în circulaţie de Tyras, este mai timpuriu (Загинайло-Нудельман 1971). Ascunderea lui a fost legată de momentul expediţiei lui Zopyrion (în 331/330 a. Chr.) însă cercetările recente asupra cronologiei drahmelor istriene sugerează o dată de încheiere mai târzie. Au fost semnalate şi mai multe descoperiri izolate de drahme istriene aşa cum este cazul celor de la Horodişte, raionul Călăraşi (Boldureanu 2007, 354, nr. 2), şi Ciripcău, raionul Floreşti, la care se adaugă un obol şi două drahme găsite în aşezarea getică de la Răzeni, raionul Ialoveni. O drahmă istriană şi una bătută la Tyras provin de la Cigârleni, raionul Ialoveni, fără a se cunoaşte dacă au fost găsite împreună. Drahme istriene izolate sau aflate în tezaure au fost semnalate şi pe teritoriul Ucrainei, în regiunea Odesa, una dintre cele mai bogate aşezări antice în privinţa descoperirilor fiind anticul Nikonion.

Prezentăm în continuare câteva monede romane descoperite în diferite perioade pe teritoriul şi în împrejurimile localităţii Sauca, raionul Ocniţa. Primele două monede sunt denari de la împăratul Marcus Aurelius (161-180). Primul, datat în intervalul decembrie 172 - decembrie 173, a fost bătut la Roma, iar al doilea a fost emis în numele soţiei sale Faustina a II-a (125/130-175), bătut şi el la Roma în perioada 176-180. Pentru următoarea monedă au înregistrate şi date despre locul exact al descoperirii piesei: pe partea de la Cinichi, lângă izvorul Catincăi Nănoaiei (Rusu 2012, 20). Moneda reprezintă un denar emis de Imperiul Roman, bătut la Roma, între anii 220-222 în timpul domniei împăratului Elagabalus (218-222). Cea de-a patra monedă romană este un antoninian de la Filip Arabul: Filp II Caesar. Moneda a fost bătută la Roma în anii 244-246[1].

[1] Mulţumim şi cu această ocazie doctorului Theodor Isvoranu de la Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan" din Bucureşti pentru ajutor la determinarea monedelor romane.

O descoperire deosebit de interesantă reprezintă moneda găsită anul acesta în gradina lui Gheorge Ilev din satul Gârbovăţ, raionul Anenii Noi, în timpul lucrărilor de primăvară. Grădina acestuia se află la cca 150 m de la şcoala primară din sat şi la câteva zeci de metri de drumul care duce spre oraşul Tighina, în mahalaua numită „Serindre". Se cunoaşte că prin localitate a trecut în evul mediu o rută comercială, iar descoperirea dată ar sugera existenţa acesteia şi în epoca antică târzie. Locuitorii constată că în acea parte a satului au mai fost găsite şi alte descoperiri monetare. Moneda avută în vedere reprezintă o *siliqua* (grea) emisă în timpul lui Constantius al II-lea, bătută la Antiochia, datată între 9 septembrie 337 - sfârşitul anului 347. Această piesă reprezintă, cel puţin pentru regiunea noastră, o emisiune rară şi ar fi printre cele (una sau două cunoscute) mai timpurii, întrucât majoritatea se datează post 351.

Descoperirile medievale şi moderne sunt ca de obicei mai numeroase. Semnalăm un lot de monede medievale provenit din zona satului Rădenii Vechi, raionul Ungheni, alcătuit din cinci monede moldoveneşti de la Alexandru cel Bun (groşi şi jumătăţi de groşi) şi Ştefan al IV-lea, şi un şiling polonez de la Ioan Cazimir. Piesele au fost găsite probabil pe teritoriul unei aşezări medievale.

Săpăturile arheologice efectuate de Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă", Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei şi Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Ştiinţe a Moldovei în vara anului 2014 în exteriorul cetăţii Soroca, au scos la lumina zilei zece monede, dintre care se remarcă două falsuri după asprii lui Bayezid al II-lea, un groş de la Bogdan al III-lea, şase şilingi din secolul al XVII-lea şi imitaţii ale acestora, o monedă rusească din anul 1912 şi una românească din anul 1924. În primăvara anului 2015, în timpul lucrărilor de amenajare a cetăţii, în zona porţilor de intrare în cetate, au mai fost găsite patru monede poloneze, suedeze şi o copeică rusească din secolul al XVII-lea.

Din localitatea Ciuteşti, raionul Nisporeni provine un lot de emisiuni monetare din perioada secolelor XV-XVII, care au intrat în patrimoniul Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei. Din acest lot fac parte 14 monede otomane, un denar unguresc de la Matei Corvin (1458-1490) şi patru denari imperiali.

Interesante descoperiri monetare au fost atestate pe teritoriul localităţii Oprişeni, regiunea Cernăuţi, Ucraina. Semnalăm printre ele un groş tăiat de la Petru I Muşat (1375-1391), datat post 1386/1387. Specialiştii în domeniu vor comenta această descoperire, aceasta fiind extrem de importantă. Menţionăm şi patru monede otomane din secolele XV-XVI.

I. Monede greceşti

Republica Moldova, passim. În vara anului 2014, undeva în partea stângă a Nistrului, a fost descoperit un tezaur monetar alcătuit din cca 150 monede istriene de argint. Nu se cunosc date referitoare la numărul pieselor care au alcătuit tezaurul şi nici locul exact de descoperire. Au fost înregistrate date referitoare la 26 de exemplare. Monedele au o greutate cuprinsă între 3,80 şi 6,46 grame, cu o medie de 5,27 g. Sunt emisiuni de tip clasic, având pe avers două capete de tineri, dintre care unul inversat, iar pe revers emblema cetăţii, vulturul pe delfin şi numele oraşului.

Informaţie: Ana Boldureanu.

II. Monede romane

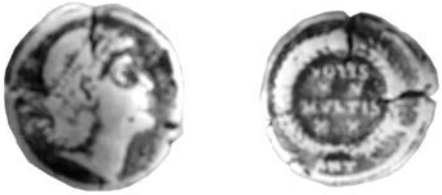
Gârbovăţ, raionul Anenii Noi.

Constantius II (argenteus (siliqua grea, ante 358)

Av. Anepigraf; cap diademat spre dreapta.

Rv. VOTIS / XV / MVLTIS / XX, in cununa; in exerga ANT.

RIC, VIII, 514, nr. 35, Antiochia, 9 septembrie 337 - sfârşitul anului 347.



Informaţie: Ana Boldureanu şi Valeriu Banaru.

Sauca, raionul Ocniţa. De pe teritoriul acestei localităţi provin mai multe descoperiri monetare găsite în diferite perioade. Piesele se păstrează în colecţii particulare.

IMPERIUL ROMAN

1. **Marcus Aurelius (161-180),** *denar*

Av. M ANTONI[NVS] - AVG TR P XXVII; bust laureat, drapat şi cuirasat spre dreapta.

Rv. IMP VI - COS III; M. Aurelius spre stânga, ţinând ramura şi sceptru.

RIC, III, 235, nr. 283, Roma, decembrie 172 - decembrie 173.

2. **Marcus Aurelius: Faustina II jr. (125/130-175)**, *denar*

Av. DIVA FAV-STINA PIA; bust drapat spre dreapta.

Rv. CONSECRATIO; imaginea unui altar.

RIC III, 273, nr. 746; Roma (176-180).

3. **Elagabalus (218-222),** *denar*

Av. IMP ANTONINVS PIVS AVG; bust drapat şi laureat spre dreapta.

Rv. LIBERTAS AVG; zeiţa Libertas cu sceptrul în mâna stângă şi pileusul în dreapta; în stânga ei în câmp – o stea.

RIC IV, p. II, 92, nr. 107.

4. **Filip Arabul: Filip II Caesar,** *antoninian*

Av. M IV[L PHILIP]PVS CA[ES]; bust radiat, drapat şi cuirasat spre dreapta.

Rv. PRIN[CIPI IVV]ENT; Filip II în ţinută militară spre dreapta, ţinând un glob şi un sceptru transversal.

RIC, IV, 3, 95, nr. 216c, Roma, anii 244-246.

Informaţie: Ana Boldureanu şi Mihai Rusu.

III. Monede medievale şi moderne

Ciuteşti, raionul Nisporeni. În diferite zone din împrejurimile acestei localităţi au fost descoperite mai multe emisiuni monetare medievale. Dintre acestea 20 de exemplare au fost propuse spre achiziţie Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei. Prezentăm monedele după cum urmează:

IMPERIUL OTOMAN

Aspri

Süleyman I (926-974 AH/ 1520-1566)

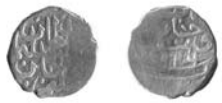
Novar

Av. Sultan/ Süleyman/ bin şah... Srećković, tip. A; dublă frapă

Rv. Azze nasrühü/ duri be/ Edirne / sene/ 926; Srećković, tip. II; dublă frapă

1. 0,56 g; 11,1 mm; dublă frapă.

Kuçayna
Av. Sultan/ Süleyman/ bin han/Selim; Srećković III, 2003, tip. H
Rv. Azze nasrühü/ duri be/ Kuçayna / sene/ 926; Srećković III, 2003, tip. II
2. AR ↑ 0,69 g; 11,9 mm.



Mudava
Av. Sultan/ Süleyman/ bin han/Selim; Srećković, tip. H
Rv. Azze nasrühü/ duri be/ Mudava / sene/ 926; Srećković, tip. II
3. ↑0,62 g; 11,3×13 mm.

Edirne
Av. Sultan/ Süleyman/ bin Selim/ han/; Srećković, tip. I
Rv. Azze nasrühü/ duri be/ Edirne / sene/ 926; Srećković, tip. I
4. ↗ 0,62 g; 11,9 mm.

Üsküp
Av. Sultan/ Süleyman/ bin Selim/ han/; Srećković, tip. B2
Rv. Azze nasrühü/ duri be/ Üsküp / sene/ 926; Srećković, tip. I
5. 0,62 g; 12,4 mm.

Atelier neprecizat
Av. tocit... Srećković, tip. neprec;
Rv. Azze ./ at. neprec / ... Srećković, tip. neprec
6. 0,55 g; 11 mm; dublă frapă
7. 0,53 g; 12,3×10,7 mm.

Mustafa IV 1222-1223 AH/ 1807-1808
Mısır
Av. Tugra; Rv. Duribe fi Mısır 1187; N.P. 737
8. ← 0,24 g, 12,7 mm; ruptă pe margini.

Abdülhamid I (1187-1203 AH/1774-1789)
Para
Mısır
Av. Tugra; Rv. Duribe fi Mısır 1187; N.P. 683
9. ↑0, 35 g; 15,9 mm.

Kostantinyie
Av. Tugra;
Rv. Duribe fi Kostantinyie; 1187 N.P. 681
10. AR ↖ 0,37 g, 15,4 mm;

11. ↗0,32 g, 15,1 mm.

Mahmud I 1143-1168 AH/1730-1754
Av. Tugra;
Rv. Duribe fi Kostantinyie; 1143 N.P. 578
12. ↗ 0,34 g; 16,7 mm.

Osman III 1168-1171 AH/1754-1767
Av. Tugra
Rv. Duribe fi Kostantiniye 1168; NP. 602.
13. 0,32 g; 16 mm.

Mustafa III 1171-1187 AH/1757-1774
Islâmbol
Av. Tugra
Rv. (83) duribe fi Islâmbol 1171; NP 639.
14. ↗ 0,35 g, 15,3 mm.

Emitent neprecizat
Tunus
Av. Tugra
Rv. Duri be fi Tunus
15. 0,40 g, 15,8 mm.

UNGARIA
Matei Corvin (1458-1490)
Denar
Av. PATRONA VNGARIE; prin părţi K-P
Rv. MONETA MAThIE R UNGARIE; H L. 718.
16. ↗ 0,31 g, 15,5 mm.

IMPERIUL ROMANO-GERMAN
Denari
Ungaria
Ferdinand I (1526-1564)
Av. FERDINAND D (G R VNG) 1535
Rv. PATRONA VNGARIE; K-B;
17. AR ↑0,36 g, 15,2 mm.

Maximilian (1564-1576)
Av. MAX II D G E RO (I S AV G HV B R), 1570
Rv. PATRONA VNGARIE; K-B; HL. 992
18. ↖ 0,23 g, 15,4 mm.

Rudolf (1576-1608)
Cremnica
Av. RVD II RO I...
Rv. PATRON 1581 VNGARI; HL. 1059
19. → 0,41 g, 14,2 mm.

Av. RVD II RO I...AVG.
Rv.PATRON 1591 VNGARI; HL. 1059
20. ↙ 0,33 g; 15,1 mm.

Informaţie: Ana Boldureanu.

Geamăna, raionul Anenii Noi. În primăvara anului 2015, într-o grădină din localitate, au fost descoperite două monede ruseşti, aduse la Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei pentru identificare şi evaluare.
IMPERIUL RUS
1 copeică, 1818
1. ↑ 4,96 g, 26,3 mm.

5 copeici, 1834
2.↑ 22,31 g; 37,5 mm.

Informaţie: Ana Boldureanu.

Oprişeni, raionul Hliboca, reg. Cernăuţi, Ucraina. În cadrul unor lucrări de periegheză efectuate de către directorul şcolii din localitate, Nicolae Bodnariuc, în toamna anului 2014 şi în primăvara anului 2015, au fost găsite câteva monede medievale.

MOLDOVA
Petru I Muşat (1375-1391), *groş* tăiat (post 1386/1387)[2].
AR 11 mm.

IMPERIUL OTOMAN
1. Bayezid II 886-918 AH / 1481-1512, a*spru,* Üsküp.

2. Selim I 918-926 AH / 1512-1520, aspru, Kostantaniye; Srećković 2000, A.

3. Emitent neprecizat, aspru, emitent neprecizat.
Informaţie: Ana Boldureanu şi N. Bodnariuc.

Rădenii Vechi, raionul Ungheni. Monedele au fost descoperite în împrejurimile localităţii pe teritoriul unei aşezări medievale. Piesele ne-au fost oferite pentru identificare şi studiu de către directorul Muzeului de Istorie şi Etnografie din Ungheni, Vasile Iucal.

MOLDOVA
Alexandru cel Bun (1400-1432)

Groşi
1. AR 0,65 g, 18 mm. MBR, p. 59, tipul I.

2. 0,49 g (ruptă), 18,7 mm. MBR, p. 59, tipul I.

Jumătăţi de groşi
3. 0,25 g, 9,8×11 mm. MBR, p. 59, tipul II.

4. 0,21 g, 13,4 mm; ruptă pe margini şi perforată.

Ştefan IV (1517-1527)
Groş
5 0,50 g; 18,9 mm, ruptă.

POLONIA
Ioan Cazimir (1648-1668)
Şiling
6. 1,19 g; 16 mm.
Informaţie: Ana Boldureanu şi Alexandru Levinschi

Sauca, raionul Ocniţa. Pe teriroriul localităţii a fost descoperită o monedă de Sadagura din anul 1774.
Moldova - Valahia
Sadagura
2 parale / 3 copeici, 1774.

Informaţie: Ana Boldureanu şi Mihai Rusu.

Soroca, cetate. În vara anului 2014, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei şi Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Ştiinţe din Moldova au efectuat săpături în exteriorul cetăţii Soroca. Pe lângă alte vestigii, au fost descoperite şi 11 monede.
În primăvara anului 2015, în timpul săpării fundaţiei treptelor de la intrarea în cetate, au fost găsite patru monede.
2014

MOLDOVA
Bogdan III (1501-1517), groş
1. ↙ 0,60 g; 18,4 mm.

[2] Mulţumim dnei dr. Lilia Dergaciova pentru ajutorul oferit în datarea acestei monede.

2. ↙ 0,87, 20,1 mm; perforată.

Imitaţie de aspru otoman de la Bayezid II
3. 0,64 g; 10,9 mm; perforată.

4. 0,79 g; 10,9 mm; perforată.

Imitaţie de şiling suedez Carol X Gustav (1654-1660)
5. AE 0,20 g; 15,5 mm

POLONIA
Coroana
Ioan Casimir (1648-1668), şiling, an neprecizat
6. AE 0,84 g; 15,6 mm; Zagorski 1969, nr. 442.
7. AE 1,19 g; 15,6 mm; Zagorski 1969, nr. 442.
8. AE 0,89 g; 15,1 mm. Puternic tocită.

SUEDIA
Gustav II Adolf (1611-1632), şiling
8. Bi 0,61 g; 15,7 mm.
Sec. VIII, car. 8-9; str. 5 (100 cm).

RUSIA
Nicolai II (1868-1918)
½ copeici 1912, Sankt Petersburg
9. Cupru 16,1 mm; 1,11 g.
Secţiunea IX; car. 3, ad. 150.

ROMÂNIA
1 leu, 1924
1. Alamă, 21 mm; 3,15 g; muchie zimţată; Poissy.
Schäffer-Stambuliu 2009, nr. 130 sau 131.
Secţiunea VII, ad. 160 cm.

2015
POLONIA
Coroana
Ioan Casimir (1648-1668)
1. AE 0,76 g; 15,5 mm.
Lituania
2. AE 0,78 g; 14,9 mm; Zagorski 1969, nr. 442.

SUEDIA
Gustav II Adolf (1611-1632), şiling, 1632.
3. Bi 0,33 g; 16 mm.

RUSIA
Emitent neprecizat, copeică
4. AR 0,26 g; 11,4×6,9 mm.
Informaţie: Ana Boldureanu şi Ion Tentiuc

Bibliografie

Boldureanu 2007: A. Boldureanu, Cronica descoperirilor monetare (I). Tyragetia s.n. I/1, 2007, 351-360.

Dima 2013: M. Dima, Monedele de argint ale cetăţii Istros în epoca elenistică. SCN, s.n. (XVI), (Bucureşti 2013), 7-72.

HL: L. Huzár, Münzkatalog Ungarn von 1000 bis Heute (München 1979).

MBR: G. Buzdugan, O. Luchian, C. Oprescu, Monede şi bancnote româneşti (Bucureşti 1977).

Pere 1968: N. Pere, Osmanlılarda madenî paralar (Coins of the Ottoman Empire) (Istanbul 1969).

RIC: The Roman Imperial Coinage, I-X (London 1923-1994).

Rusu 2012: M. Rusu, Sauca: istorie şi actualitate (Chişinău 2012).

Schäffer, Stambuliu 2009: E. Schaffer, B. Stambuliu, România. Proiecte, probe monetare şi catalogul monedelor emise, vol. I 1860-1989 (Bucureşti 2009).

Srećković 2000: Sl. Srećković, Akches (Volume two), Mehmed II *Fatih* – Selim I *Yavuz* 848 - 926 AH (Beograd 2000).

Srećković 2003: Sl. Srećković, Akches (Volume three), Süleyman I *Kanunî* 926-974 AH (Beograd 2003).

Zagorski 1969: I. Zagorski, Monety dawnej Polski (Warszawa 1969).

Загинайло, Нудельман 1971: А. Загинайло, А. Нудельман, Дороцкий клад древнегреческих серебряных монет IV в. до н. э. МАСП 7, 1971, 122-137.

Левинский 1999: А. Левинский, Столниченский клад: культурно-хронологическая интерпретация монет типа Хушь-Вовриешть. Stratum plus 6, 1999, 92-99.

Chronicle of monetary findings (IX)

Abstract

The article presents the coin finds discovered in 2014 and in early 2015. One of the most important discoveries of 2014 is a hoard of drachmas from Histria found somewhere in the left bank of the Dniester River. The author cites data on 26 coins from the hoard. This finding is dated the middle of the 3rd century.

There are presented several Roman coins issued by Marcus Aurelius (161-180), Elagabalus (218-222), and Philip the Arab, which were found at different times in and around the village of Sauca, Ocniţa District.

During the spring field work in the village of Gârbovăţ (Anenii Noi District) there was found a *siliqua* issued by Constantius II, which was minted at Antioch and dates back to the period of time between September 9, 337 and the end of 347. This coin is a rarity, at least for Moldova.

There are several findings dating to the Middle Ages, including five Moldavian coins of Alexander the Good (groschen and half groschen) and Stephen IV as well as a Polish shilling of John II Casimir, which were discovered near the village of Rădenii Vechi, Ungheni District; coin finds in the area of the Soroca fortress in 2014 and in the spring of 2015; coins found in the village of Ciuteşti, Nisporeni District, etc.

Among the finds from the village Opriseni, Chernivtsi region (Ukraine) there is mentioned a groschen of Peter I Muşat (1375-1391) minted after 1386/1387.

Хроника монетных находок (IX)

Резюме

В статье представлены монетные находки, обнаруженные в 2014 году и в начале 2015 года. Одной из самых значимых находок 2014 года является клад драхм Истрии, найденный в левобережье Днестра. Автор приводит данные относительно 26 монет из состава клада. Данная находка датирована серединой III века.

Представлено несколько римских монет Марка Аврелия (161-180), Элагабала (218-222) и Филиппа I Араба, обнаруженных в разное время на территории и в окрестностях села Савка Окницкого района.

Во время весенне-полевых работ в селе Гырбовэц Новоаненского района была найдена *силиква* Констанция II, отчеканенная в Антиохи, которая датируемая периодом времени между 9 сентября 337 и концом 347 года. Эта монета представляет редкость, по крайней мере, для Молдовы; известны еще одна или две более ранних.

Отмечено несколько находок, относящихся к средневековому периоду, среди которых пять молдавских монет Александра Доброго (гроши и полугроши) и Стефана IV и польский шиллинг Яна Казимира, обнаруженные в районе села Рэдений-Векь Унгенского района; монетные находки в районе Сорокской крепости в 2014 году и весной 2015 года; монеты, найденные в селе Чутешть Ниспоренского района и другие.

Среди находок из села Опришены Черновицкой области (Украина) упоминается один грош Петра I Мушата (1375-1391), отчеканенный после 1386/1387 г.

01.07.2015

Dr. Ana Boldureanu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: anaboldureanu@yahoo.com

J. Brandt, B. Rauchfuß (Herausgeber), **DAS JASTORF-KONZEPT UND DIE VORRÖMISCHE EISENZEIT IM NÖRDLICHEN MITTELEUROPA**

Beiträge der Internationalen Tagung zum einhundertjährigen der Veröffetlichung der „Ältesten Urnenfriedhöfe bei Uelzen und Lüneburg" durch Gustav Schwantes, 18-22.05.2011 in Bad Bevensen, Hamburg 2014: BELTZ Bad Langensalza, 390 pagini, ISBN 978-3-931429-23-2

La Editura BELTZ, în seria de monografii „Veröffentlichung des Helms-Museums, Archäologisches Museum Hamburg, Stadtmuseum Harburg", coordonată de Rainer-Maria Weiss, sub numărul 102 a apărut în anul 2014 o nouă culegere de articole dedicată culturii Jastorf, avându-i în calitate de editori pe J. Brandt şi B. Rauchfuß. Volumul reuneşte materialele discutate la conferinţa ştiinţifică de la Bad Bevensen (Germania), din 18 - 22.05. 2011, consacrată aniversării a o sută de ani de la descoperirile din cimitirul de la Jastorf, Lkr. Uelzen. Pe lângă o prefaţă a editorilor, culegerea cuprinde 23 de studii, grupate în cinci compartimente, semnate de cercetători din Germania, Norvegia, Olanda, Polonia şi Ucraina[1].

În prefaţă, J. Brandt şi B. Rauchfuß vorbesc despre aportul celui care avea să definească cultura Jastorf, G. Schwantes, la cercetarea acesteia. La fel, editorii exprimă mulţumiri celor fără de sprijinul cărora nu putea fi organizată conferinţa, printre cei amintiţi fiind K. Markuszewski (primarul oraşului Bad Bevensen) şi prof. dr. M. Meyer (vicedirector la Institut für Prähistorische Archäologie der Freien Universität Berlin).

Cunoscut prin publicaţiile anterioare dedicate conceptului c*ultura arheologică* (Brather 2001, 442-452), S. Brather revine şi în volumul de faţă cu un studiu minuţios referitor la cultura arheologică şi interpretarea istorică. Sub genericul *Archäologische Kultur und historische Interpretation. Zwischen Raumklassification und Raumanalyse* (p. 19-34) cercetătorul readuce în discuţie un important aspect din teoria şi metodologia arheologiei.

Atât prin modul de abordare a problemei propriuzise, cât şi prin diversitatea materialului utilizat, studiul semnat de U. Veit *Raumkonzepte in der*

Jochen Brandt
Björn Rauchfuß
(Herausgeber)
DAS JASTORF-KONZEPT
und die vorrömische Eisenzeit im nördlichen Mitteleuropa
Beiträge der Internationalen Tagung
zum einhundertjährigen Jubiläum der Veröffentlichung der
„Ältesten Urnenfriedhöfe bei Uelzen und Lüneburg"
durch Gustav Schwantes, 18.–22.05.2011 in Bad Bevensen.
ARCHÄOLOGISCHES MUSEUM HAMBURG

Prähistorischen Archäologie – vor einhundert Jahren und heute (p. 35-48) se plasează printre articolele de ultimă oră în care se analizează şi se face o retrospectivă a termenului *spaţiu* în arheologia preistorică.

Unor aspecte referitoare la delimitarea grupurilor regionale ale culturii Jastorf, este dedicat studiul lui F. Nikulka *Zur Regionalisierung der Jastorfkultur: Theoretische und methodische Grundlagen* (p. 49-56). Cercetătorul revede opiniile mai multor arheologi germani (H. Krüger, P. Ettel, J. Brandt etc.), dar îşi expune şi propria poziţie cu privire la această problemă, constatând că la momentul actual toate părerile formulate au puncte slabe, de aceea lucrurile n-ar trebui fi absolutizate.

[1] Deşi la conferinţa de la Bad Bevensen a participat şi prof. dr. M. Babeş, din motive necunoscute nouă, studiul său nu s-a regăsit în această culegere.

Un studiu foarte interesant despre cultura materială şi identitatea multiplă *Material Culture and multiple Identities. The Case of Latène Glasss Armring in the Lower Rhine Region* (p. 57-68) este semnat de către arheologul olandez N. Roymans. În baza unei analize minuţioase a brăţărilor din pastă de sticlă din regiunea Rhin-ului de Jos, autorul remarcă că asemenea piese ilustrează gender-ul şi statutul social al persoanei. La fel, precizează N. Roymans, brăţările din pastă de sticlă din zona studiată, foarte probabil, marchează apartenenţa la o anumită uniune tribală.

În articolul elaborat de J. Brandt *Soziologische Aspekte des-Jastorf-Konzept* (p. 69-80), cercetătorul revine la discutarea aspectelor sociologice şi demografice în mediul culturii Jastorf. De menţionat că autorul dezvoltă ideea expusă acum mai mult de un deceniu (Brandt 2001), potrivit căreia creatorii şi purtătorii culturii Jastorf erau organizaţi în diferite uniuni tribale, care aveau, la rândul lor, elitele proprii, aceste aspecte fiind ilustrate foarte bine în cadrul descoperirilor funerare.

Problema descoperirilor funerare de tip Jastorf, constituie subiectul articolului semnat de R. Bräunig *Die Besttatungssitten der Jastorfkultur* (p. 81-90). Printr-o documentare arheologică excelentă, autorul analizează diverse aspecte ale ritului şi obiceiurilor de înmormântare din mediul culturii Jastorf. Salutăm faptul că Bräunig, discutând această problematică a atins, ce-i drept, foarte sumar, şi practicile funerare semnalate în arealul culturii Poieneşti-Lucaşeuca.

Din perspectiva importanţei incontestabile a ceramicii a fost conceput studiul întocmit de B. Rauchfuß *Entwicklungstendenzen und Stellenwert der Gefäßkeramik im Konzept der Jastorfkultur* (p. 91-112). Arheologul german abordează tendinţele de evoluţie a ceramicii de tip Jastorf. Studiul începe de la o revedere a tipologiei întocmite de G. Schwantes şi E. Sprockhoff, ca mai apoi să fie prezentate succint clasificările elaborate pentru diferite grupe regionale ale culturii Jastorf. Autorul, pe bună seamă, are dreptate atunci când precizează că tipologiile realizate se bazează, în principal, pe recipientele recuperate din necropole, ceramica din aşezări, din cauza fragmentării sale, fiind mai puţin studiată. De aceea, Rauchfuß consideră că se impune o analiză pertinentă a vaselor descoperite dintr-un cimitir şi dintr-o aşezare amplasată una lângă cealaltă, doar în acest caz, crede autorul, s-ar putea trage concluzii mai grăitoare.

Reputatul arheolog german H. Keiling, în articolul *Bemerkungen zu den Nadeln der Jastorfkultur* (p. 113-128), reia discuţia cu privire la acele de păr din mediul culturii Jastorf. Potrivit cercetătorului, asemenea piese îşi au originea încă din epoca bronzului, perpetuându-se până în faza II.a a culturii Jastorf după cronologia propusă de K.P. Hoffmann.

Experimentata cercetătoare K.P. Hofmann vine în acest volum cu un studiu privind fibule cu placă *Auf der Suche nach der Jastorf-Fibel. Die ältereizeitlichen Plattenfibeln Norddeutschlands – eine Leitform?* (p. 129-142). Autorul arată că aşa-numitele fibule cu placă apar încă la sfârşitul sec V a. Chr. şi se întâlnesc frecvent în Germania de Nord, nelipsind însă nici în cea centrală. Hoffmann concluzionează că doar o analiză detaliată şi pertinentă a unor asemenea piese ar putea răspunde la întrebarea – fibulele cu placă pot sau nu pot fi interpretate ca un „produs" al culturii Jastorf?

Subiectul abordat de A. Wendowski-Schünemann *Zu den Fibeln der jüngeren vorrömischen Eisenzeit im Jastorfkerngebiet* (p. 143-153) este extrem de interesant celor ce se preocupă de epoca accesoriile vestimentare din epoca Latèneului mijlociu şi târziu. Autorul, reluând tipologiile elaborate de predecesorii săi (J. Kostrzewski, Th. Völling, M. Meyer etc.), încearcă să aducă noi informaţii referitoare la cronologia şi distribuţia unor asemenea piese în mediul culturii Jastorf.

Metalurgiei fierului este dedicat studiul semnat de M. Brumhlich *Alte Thesen und neue Forschungen zur Eisenproduktion in der Jastorfkultur* (p. 154-168). Autorul reia discuţia acestui subiect prin prisma propriilor investigaţii realizate în cadrul proiectului „Eisenverhüttung in der vorrömischen Eisenzeit des nördlichen Mitteleuropas. Das Fallbeispiel des Teltow" în aşezarea de la Glienick 14, Lkr. Teltow-Fläming, unde au fost descoperite mai multe cuptoare destinate reducerii minereului de fier. Având în vedere descoperirile din situl dat, cercetătorul opinează că primele cuptoare de reducere a minereului de fier au apărut, în mediul culturii Jastorf, la sfârşitul sec. VI a. Chr. - începutul sec. V a. Chr., existenţa lor perpetuându-se până în prima jumătate a sec. I a. Chr. Este important de menţionat că în aşezarea investigată de Brumlich au fost dezvelite resturile a opt cuptoare denumite de tip „Glienick". Un asemenea complex a fost identificat acum mai mult de trei decenii în aşezarea de tip Poieneşti-Lucaşeuca de

Borniș (Teodor 1984, 126-127; Babeș 1993, 183; Iarmulschi, Munteanu 2014, 24).

Un studiu interesant, *Der Gräberfeld von Mühlen Eichsen, Mecklenburg-Vorpommern. Zum Stand der Ausgrabung, Aufarbeitung und Auswertung* (p. 169-204), a fost semnat de P. Ettel. Profesorul de la Jena prezintă succint una din cele mai mari necropole de tip Jastorf, Mühlen Eichsen, care cuprinde până la momentul de față 4000 de înmormântări. Autorul menţionează că cimitirul a fost înfiinţat la sfârșitul epocii bronzului, continuând să existe până în epoca romană timpurie. Cele 4000 de morminte atribuite culturii Jastorf sunt datate între fazele I.a-II.b ale epocii preromane a fierului după H. Keiling, ceea ce în cronologia absolută corespunde sec. VI - prima jumătate a sec. I a. Chr. Autorul constată, pe bună dreptate, că faza II.c (a doua jumătate a sec. I a. Chr. - primele două decenii ale sec. I p. Chr.) încă nu poate fi delimitată clar. Înmormântările se caracterizează prin ritul funerar *incinerația*. De regulă, oasele calcinate erau depuse în urne ceramice. Mai mult de 50% din morminte erau prevăzute cu inventar, care se constituia din piese de podoabă, accesorii vestimentare, unelte etc.

Articolul semnat de R. Heynowski *Der Begin der Eisenzeit in Norddeutschland – Termenologie und vergleichende Chronologie* (p. 205-221) este dedicat începutului epocii fierului în Germania de Nord. Autorul german prezintă numeroase argumente pertinente prin care demonstrează că începutul epocii fierului în nordul Germaniei începe în prima jumătate a secolului VI a. Chr.

Aspecte cronologice sunt abordate în studiul elaborat de N. Döhlert-Albani *Zum Ende der Jastorfkultur – der späte Abschnitt der jüngeren vorrömischen Eisenzeit und Ubergang zur frühen römischen Kaiserzeit* (p. 223-244). Döhlert-Albani supune unei analize minuţioase sistemele cronologice elaborate de predecesorii săi (R. Hachmann, R. Müller, H. Seyer, S. Reickhoff, Th. Völling) și propune propria schemă cronologică. Acesta a evidenţiat patru orizonturi cronologice, care în termeni absoluți, corespund perioadei cuprinse între a doua jumătate a sec. II a. Chr. și prima jumătate a sec. I p. Chr.

Relațiile dintre cultura Jastorf și peninsula Jutlanda sunt analizate în articolul *Jastorf and Jutland* (p. 245-266), semnat de experimentatul arheolog norvegian J. Martens. Realizând o analiză excelentă a vestigiilor din epoca preromană a fierului din Jutlanda, autorul a arătat că, deși majoritatea cercetătorilor consideră că acest spaţiu constituie un aspect regional al complexului cultural Jastorf, există mai multe deosebiri decât asemănări între vestigiile din Jutlanda și cele din nordul și centrul Germaniei. În final, concluzionează Martens, doar regiunea sudică a Jutlandei ar putea fi inclusă în arealul culturii Jastorf.

H. Machajewski revine (Machajewski 2011, 209-219) și în volumul de față cu un studiu minuțios referitor la vestigiile de tip Jastorf de pe teritoriul Poloniei de nord-vest *On the study of the Jastorf Culture in the Northwest Poland* (p. 267-286). Potrivit cercetătorului polonez, pot fi evidențiate trei etape ale culturii Jastorf în regiunea respectivă. Cele mai timpurii materiale sunt datate în Ha D2 - LT A, iar cele mai târzii la începutul LT D2.

Elementele de tip Jastorf din Polonia Mare sunt abordate în articolul *Elements of the Jastorf culture in Wielkopolska. Imports of ideas or migration of peoples?* (p. 287-302), elaborat de A. Michałowski. Analizând materiale atribuite culturii Jastorf descoperite în Polonia Mare, cercetătorul polonez lansează ipoteza conform căreia asemenea vestigii reflectă, de fapt, drumul pe care l-au urmat bastarnii și scirii, menționați în izvoarele antice, în migraţia lor spre regiunile est-carpatice, unde la răscrucea secolelor III-II a. Chr. au constituit cultura Poienești-Lucașeuca.

Studiul semnat de G. Domański *Die Gubener Gruppe. Kontakte zwischen der Jastorf- und der Przeworskskultur* (p. 303-312) este dedicat grupului Gubin al culturii Jastorf. Potrivit opiniei autorului, grupul cultural amintit reprezintă un mix între cultura Jastorf și Przeworsk, care a fost puternic influenţat de lumea celtică din centrul Europei.

Arheologul polonez P. Łuczkiewicz în articolul *Fremde Ansiedler oder fremd wirkende Waren „Jastorf-Material" aus Ostpolen* (p. 313-329) abordează semnificaţia vestigiilor de tip Jastorf de pe teritoriul Poloniei de est, care, în literatura de specialitate au fost definite ca grupul Czerniczyn. Autorul consideră că aceasta denumire este improprie și se alătură unor colegi ce utilizează pentru respectivele descoperiri termenul de *Ceramică de tip Werbkowice*. Supunând unei analize minuţioase aceste materiale, cercetătorul de la Lublin găsește cele mai apropiate analogii în mediul culturii Jastorf și Poienești-Lucașeuca. Deși remarcă similitudini în mediul culturii Poienești-Lucașeuca, Łuczkiewicz nu este sigur dacă aceste vestigii pot fi interpretate drept urme ale migraţiei bastarnilor spre sud-estul Europei.

Unei importante necropole de epocă preromană recentă a fierului este dedicat studiul lui R. Terpilovskij *The Mutyn burial site from the turn of eras on the Seym river (preliminary report)* (p. 331-345). Aşa cum remarcă autorul, deşi este un cimitir cu doar 14 morminte de incineraţie în urnă, acesta este important prin faptul că conţine foarte multe piese de armament. Conform autorului, cele mai apropiate analogii pentru ritul, ritualul funerar dar şi materialele descoperite în cimitir se întâlnesc în mediul culturilor Oksyw şi Przeworsk. Totodată, remarcă autorul, este posibil că situl aparţine unui grup de militari care şiau pierdut viaţa într-una din lupte ce a avut loc la sfârşitul secolului I a. Chr.

Influenţele Jastorf în cercul cultural vest-baltic în fazele LT B2 - LT C1 sunt discutate în articolul *Über die Ostsee. Jastorfinflüsse im Westbaltischen Kulturkreis an der Wende von der älteren zur jüngeren vorrömischen Eisenzeit im Lichte der Funde aus dem ehemaligen Ostpreussen* (p. 347-365), elaborat de A. Maciałowicz. Arheologul polonez analizează o serie de descoperiri, cum ar fi cele de la Równina Dolna, Szynych şi Piasutno, unde s-au găsit fie aşa-numitele *Flügelnadeln*, fie *Kronenhalsringe*. Potrivit opiniei autorului, asemenea piese, demonstrează că în faza de trecere de la epoca preromană veche la cea recentă a fierului au avut loc mişcări de populaţii din sudul peninsulei Jutlanda spre nord-vestul Mării Baltice.

Reputata cercetătoare S. Sievers, în studiul *Jastorf aus der Sicht der Latènekultur* (p. 367-375), supune analizei deosibirile şi asemănările între cultura Jastorf şi Latène, acestea fiind abordate prin perspectiva mai multor criterii – tradiţie, economie, topografia aşezărilor, meşteşugăritul etc. Autoarea conclude că între cele două culturi există mai multe asemănări decât deosebiri. În afară de unele piesele de podoabă şi accesorii vestimentare care ar fi de origine celtică există câteva elemente – cum ar fi depunerea armamentului în cadrul unor morminte – s-ar putea vorbi de o anumită influenţă a culturii Latène.

Articolul semnat de M. Schönfelder *Internationale Formen und lokale Gruppe – Unterschiede in der Latènekultur?* (p. 377-390) este, într-o oarecare măsură, o continuare a studiului lui S. Brather din acelaşi volum. În acest text, cercetătorul german readuce în discuţie importante aspecte din teoria şi metodologia arheologiei din perspectiva culturii Latène.

Deşi variate după conţinut, studiile din volumul editat de J. Brandt şi B. Rauchfuß reprezintă o contribuţie esenţială atât la cunoaşterea culturii Jastorf, cât şi a realităţilor istorico-arheologice din nordul Europei Centrale în epoca preromană a fierului. Participarea la acest proiect a unor cercetători din diferite state, dar preocupaţi de subiecte comune, este un bun exemplu pentru studierea epocii Latène din Europa de Est.

Bibliografie

Babeş 1993: M. Babeş, Die Poienești-Lukaševka-Kultur. Ein Beitrag zur kulturgeschichte in Raum ostlich der Karpaten in der letzen Jarhunderten vor Christi Geburt (Bonn 1993).

Brandt 2001: J. Brandt, Jastorf und Latène. Kultureller Austausch und seine Auswirkungen auf soziopolitische Entwicklungen in der vorrrömischen Eisenzeit (Rahden/Westfalen 2001).

Brather 2001: S. Brather, Kulturgruppe und Kulturkreis. In: (Ed. J. Hoops) Hoops Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, 17 (New-York 2001), 442-452.

Iarmulschi, Munteanu 2014: V. Iarmulschi, O. Munteanu, Un atelier de reducere a minereului de fier descoperit în aşezarea din secolele II-I a. Chr. de la Borniş, jud. Neamţ. In: Rezumatele comunicărilor Conferinţei ştiinţifice cu participare internaţională „Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei şi studiului artelor", Chişinău 22-23 mai (Chişinău 2014), 24.

Machajewski 2011: H. Machajewski, Ze studiów nad okresem przedrzymskim na Pomorzu Zachodnim. In: (Ed. M. Fudziński, H. Paner) Między kulturą pomorską a kulturą oksywską. Przemiany kulturowe w okresie lateńskim (Gdańsk 2011), 209-219.

Teodor 1984: S. Teodor, Descoperiri din epoca Latène din zona Neamţului. Thraco-Dacica V/1-2, 1984, 123-137.

11.02.2015

Dr. Vasile Iarmulschi, Institut für Prähistorische Archäologie der Freien Universität Berlin, Fabeckstraße 23-25, Berlin-14195, Berlin, Republica Federală Germană, e-mail: vasile.iarmulschi@gmail.com

DE VORBĂ CU RADU FLORESCU. AMINTIRI ŞI EVOCĂRI

Târgovişte: Editura Cetatea de Scaun, 2013, 181 p. ISBN 978-606-537-199-6

La 10 ani de la trecerea în nefiinţă a ilustrului arheolog, muzeograf şi profesor Radu Florescu, Centrul Naţional de Cercetare şi Documentare în domeniul Muzeologiei, care-i poartă numele, a organizat o suita de evenimente culturale dedicate memoriei celui numit de către unul dintre studenţii şi, ulterior, colegii săi, dl E. Oberländer-Târnoveanu, directorul MNIR, ultimul *Homo encyclopedicus*. Sub oblăduirea dlui profesor Ioan Opriş, sufletul şi coordonatorul întregii munci de documentare, a fost lansat volumul ***Radu Florescu. Viaţa şi Opera,*** în care au fost adunate impresiile şi amintirile prietenilor şi ale colaboratorilor săi (Ernest Oberländer-Târnoveanu, Georgeta Stoica, Valentin Hossu-Longin, Radu Ştefan Vergatti, Ioan Opriş, Dragomir Nicolae Popovici, Crişan Mușețeanu, Răzvan Theodorescu), însoţite de o schiţă bio-bibliografică şi o listă bibliografică a profesorului, elaborate de către Ioan C. Opriş. Surpriza a constituit-o interviurile realizate de-a lungul timpului de către doamnele Aurelia Mocanu (*Caleidoscop memorial...*) şi Mihaela Helmis (*Destine şi pasiuni*), în care-l regăsim pe Capo confesându-se despre viaţa sa privată şi profesională, fără prejudecăţi, fără resentimente, într-o manieră sinceră, reuşind să se prezinte aşa cum a fost: iubitor de viaţă (parcă-l văd zâmbind mucalit la unele răspunsuri, dânsul fiind un om cu un dezvoltat simţ al umorului, care reuşea să stârnească, pe un ton aparent neutru, râsul celorlalţi), jovial, atent şi afectuos, trecut prin propriile dezamăgiri şi necazuri, dar niciodată înrăit sau ranchiunos. Dialogurile reflectă trecerea omului prin vremi şi a vremurilor peste om, reprezentând, din aceasta perspectivă, un interesant material documentar, ce trebuie descifrat în cheia educaţiei şi, mai ales, a instruirii pe care a primit-o Radu Florescu în familie.

Am avut privilegiul de a-l cunoaşte şi de a-l avea conducător ştiinţific al tezei de doctorat, în 1992, când, proaspătă absolventă a Facultăţii de Istorie a Universităţii de Stat din Chişinău, am obţinut bursa de doctorat mult râvnită. Prima întâlnire cu profesorul mi-a dat peste cap tot sistemul de

referinţă: în locul unui tip scorţos, aşa cum mi-l imaginam eu, mi-a deschis uşa o persoană zâmbitoare, care, fără a-şi abroga meritele (aveam să le aflu singură, în scurt timp), m-a invitat să stăm de vorbă, să stabilim tema şi problemele ce urmează să le abordez, asigurându-mă, la sfârşitul vizitei, că pot să consult orice carte din biblioteca dânsului, iar ori de câte ori am nevoie de ceva, *mă găseşti prin Gloria, că ea îmi ştie tot programul* (Gloria Ceacalopol fiind soţia lui Radu Florescu - n.a.). Au urmat ani de documentare, căutări, incertitudini, schimbări de paradigme: profesorul Florescu se amuza de înverşunarea mea, neimpunându-mi nimic, ci doar mai coborând câte o duzină de cărţi de pe raft. Avea o vastă cultură livrescă şi ştia să vorbească despre lucruri într-un fel aparte – foarte complex şi, totodată, captivant. Fiind un tip mucalit, avea câte o vorbă de duh sau o replică pentru orice situaţie, făcându-se imediat

remarcat. L-am urmărit la Universitatea Bucureşti, în sala de curs, cum venea cu proiectorul şi cu slide-urile sub braţ, la orele de ***Istorie a artei***, vrăjind auditoriul cu imaginile superbe, unele chiar surprinse de dânsul, invocând şi explicând stiluri, epoci şi artişti. Am avut ocazia să-i întâlnesc, mult mai târziu, pe unii dintre foştii săi studenţi de la Universitatea Lucian Blaga din Sibiu sau pe cei de la Universitatea Creştină Dimitrie Cantemir, care-şi aminteau cu multă consideraţie de prestaţia profesorului Radu Florescu. Încercând să definesc acel *quelque chose* care-l făcea atât de iubit şi apreciat, am găsit răspunsul, cred eu, nu întâmplător, tot la unul dintre studenţii profesorului, dl Andrei Pleşu, care consemna următoarele cu privire la menirea unui dascăl: „Nu există componentă mai eficientă într-un proces formativ decât capacitatea de a stârni şi a întreţine admiraţia. Un bun profesor este cel care livrează suficientă materie umană pentru a fi admirat, iar un elev este cel care e capabil să admire". Asta era, admiraţia pe care ne-o trezea, surprinzându-ne mereu cu lucruri noi!

Aceeaşi atmosferă caldă şi prietenoasă am descoperit-o şi la Capidava, cetatea de suflet a profesorului, unde vară de vară îşi petreceau practica arheologică studenţii de la Universitatea Ovidius din Constanţa, precum şi toţi doritorii de la Facultatea de Arte, care, fără nici o obligaţie, veneau de dragul profului şi a atmosferei de pe şantier. Îmi amintesc cu plăcere de serile pe Dunăre, în care se dezbăteau aprins tot felul de probleme şi nu-mi aduc aminte de vreun caz, când Capo să nu fi acceptat provocarea de a intra în joc, pe orice temă, punându-ne, jovial, la punct, când era cazul. Nu ne trimitea niciodată la culcare, în schimb, dimineaţa, ora de trezire nu se discuta, spre nemulţumirea celor ce adormeau la ore mici!

Dimensiunii pedagogice a distinsului profesor i se adaugă şi cea de muzeograf, dânsul fiind cel care a regândit într-o cheie fundamental diferită faţă de perioada precedentă rosturile muzeografiei. S-a implicat cu toată convingerea în opera de schimbare a legislaţiei în domeniul protecţiei patrimoniului cultural, a celei privind definirea muzeului ca instituţie de cultură, capabil să apropie publicul de uriaşa zestre culturală. N-au fost nici pe deplin înţelese, nici acceptate ideile sale inovatoare, deşi era evident anacronismul ce definea starea de fapt a muzeologiei româneşti. Cu toate acestea, a ştiut să-şi facă datoria cu demnitate şi onestitate, adunând oameni de valoare în jurul său şi promovând, din funcţiile pe care le-a deţinut – preşedinte al Comisiei Naţionale a Muzeelor şi Colecţiilor, preşedinte al Comitetului Naţional pentru ICOM, director al Muzeului Naţional de Istorie a României – modernizarea şi tehnologizarea muzeelor, intensificarea colaborării cu marile instituţii muzeale din străinătate. În calitate de manager al celui mai important muzeu din ţară, a inaugurat şirul marilor expoziţii de o înaltă ţinută conceptuală, ştiinţifică, tehnologică, grafică în mai multe oraşe din Italia, Germania etc.

Iniţiativa dlui Ioan Opriş de a aduna între coperţile unei cărţi amintirile şi evocările despre cel care a fost şi va rămâne Radu Florescu este una admirabilă, constituindu-se într-un gest de mare apreciere şi prietenie pentru înaintaşul său. Un gest model, care ar trebui reluat în cazul tuturor celor care ne-au ajutat să ajungem ceea ce suntem. În fond, ceea ce pecetluieşte soarta postumă a unui om este uitarea. Atâta timp cât nu vom uita să reaprindem flacără amintirii, profesorul drag ne va zâmbi mucalit şi cu îngăduinţă, printre stelele Capidavei.

19.02.2015

Dr. Rodica Ursu Naniu, Universitatea Spiru Haret, Bucureşti, str. I. Ghica 13, Bucureşti, România, e-mail: rodicananiu@yahoo.fr

ЧЕСТНОЕ СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ...

Археолог сближает несколько разных миров: некогда блистательных, но исчезнувших цивилизаций; мира точной до кристальной чистоты научной мысли; обыденной, но такой важной повседневной полевой жизни, где все участники экспедиции – как на ладони. И в центре этих мирозданий непросто сохранить спокойную уверенность, умение сбалансировать ситуацию и быстро найти решение трудной проблемы. «Он мой герой, мой идеал» – так говорят про нашего юбиляра Виктора Трифонова ребята, записывающиеся в экспедицию еще с зимы.

Прекрасное гуманитарное образование, полученное в Санкт-Петербургском университете, служба в ВДВ Вооруженных Сил СССР, аспирантура в Институте истории материальной культуры РАН (прежний ЛОИА АН СССР), блестящая защита кандидатской диссертации, посвященной древностям Степного Прикубанья бронзового века, а затем и работа в Отделе археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН – как будто бы обычный, «правильный» путь российского ученого.

Однако для нас Виктор всегда был не таким, как все. Его отношение к археологическому источнику определяется глубоким образованием, фантастическим интересом, умением за невыразительным фрагментом керамики или обломком бронзового шила увидеть реальную научную проблему, решение которой неожиданным для других образом объединяет как будто не связанные ранее сюжеты. Так возникает под его пером научная картина древнего мира. Вопросы культурной специфики регионов Северного Кавказа (Прикубанье и Закубанье), тонкости исторической канвы народов Переднего Востока, европейский контекст древних мегалитов, абсолютная хронология, основанная на впервые в России проанализированной значительной выборке калиброванных радиоуглеродных данных, расшифровка замысла безымянных строителей первых каменных архитектурных гробниц и дольменов, открытые древних петроглифов и анализ мифологических сюжетных линий – не счесть проблем, которыми так увлечен всю свою долгую творческую жизнь Виктор.

Мы работали с ним в полевых условиях, а для любого археолога это «проверка на дорогах». Прекрасный полевик, возглавляющий много лет Западно-Кавказскую экспедицию, побывавший во многих экспедициях и за рубежом, Виктор скрупулезно, с ножом и лопатой в руке умеет из обычного раскопа сделать классический памятник первобытной культуры. Для него каждый артефакт – глиняный сосуд, пыльца, застрявшая в шероховатой поверхности глины, невидимые глазу вариации изотопов стронция, ярко-алая раскраска стены гробницы – все важно, все имеет значение, когда нужно из калейдоскопа привезенных безымянных обломков материальной культуры составить полное и научное представление об изучаемом историческом событии, найти источник благородного золотого металла или расшифровать загадку древней каменной астролябии.

Знание иностранных языков открыло для Виктора двери многих научных институтов и университетов по всему миру. Гранты и стипендии помогли увидеть и подержать в руках те археологические артефакты, которые стали классикой первобытного мира. Его междуна-

родная научная репутация очень высока, его докладов ждут на многих конференциях и круглых столах, а публикации украшают ведующие зарубежные издания. В 2003 г. пришло и заслуженное признание – на конференции Европейской Ассоциации археологов, которая проводилась в Санкт-Петербурге, он получил приз «Европейское Археологическое Наследие» за огромный вклад в изучение древностей Северного Кавказа.

Важное место в деятельности Трифонова занимают международные профессиональные контакты, диапазон которых охватывает не только Европу, но и Азию, Америку и Африку. Виктор был инициатором создания в России отделения Всемирного археологического конгресса. Благодаря этому многие археологи получили возможность расширить научные контакты далеко за пределами России.

Но нам, музейным сотрудникам двух стран, хочется отметить, что Виктор Анатольевич Трифонов относится к той немногочисленной группе российских археологов, которые оценивают результаты своей деятельности как вклад в развитие общего образования и просвещения.

Он один из первых провозгласил музеефикацию дольменов – уникальных памятников кавказской культовой архитектуры IV-II тысячелетий до н.э – как одну из основных задач исследователей дольменной культуры. Благодаря его инициативе и труду в долине р. Жанэ создан археологический парк. Сейчас мало кто из посетителей вспомнит питерскую экспедицию, но туристы включают посещение дольменов в свой обязательный план мероприятий. На сувенирной кружке изображено четыре памятника – все дольмены были исследованы и восстановлены под руководством Виктора.

Пожалуй, самый удивительный проект – это раскопки дольмена Колихо, обнаруженного на дне реки недалеко от Агой-Шапсуга. Возведенный на высоком берегу в конце III – начале II тыс. до н.э., дольмен позже сполз вниз и был запечатан оползнем. Грандиозные раскопки с точно фиксируемыми деталями пятитонной конструкции позволили сначала разобрать, а потом собрать сложную конструкцию, но теперь уже в зале эпохи бронзы Исторического музея в Москве на Красной площади. Ведь оставлять памятник под водой было нельзя. Помещенный в близкую культурную среду, окруженный яркими шедеврами той эпохи, дольмен Колихо стал частью исторического пространства, напоминая посетителям о нелегком труде его строителей и в конце III тысячелетия до н.э., и в начале III тысячелетия н.э.

Уважаемый друг и коллега! С Днем рожденья! И удачи! Ведь впереди – древности Царской и Хаджоха и ежедневный поиск и открытия.

Наталья Шишлина (Москва)
Евгений Сава (Кишинев)

V. A. TRIFONOV: SIXTY YEARS YOUNG

I first met Viktor Trifonov in winter in early 1986, near the end of a month's sojourn in Moscow and Leningrad during which I was beginning to familiarize myself with archeological materials and basic bibliographical sources on the prehistory of the Caucasus. For me, this was an extension of earlier work in Central Asia. I met Viktor fairly casually at a lunch gathering of Leningrad archaeologists, at which he kindly said he would send me a copy of his then recently published Candidate's Dissertation Abstract focused on the northwestern Caucasus. Shortly afterward I flew from Leningrad to Kirghizstan to study late prehistoric materials from mountainous Central Asia for several weeks, then on to Azerbaijan for a month, and ultimately to Georgia and Armenia for two additional months. Upon my return to the U.S. finally in July, I was pleasantly surprised – lo and behold – to receive Viktor's Dissertation Abstract in the mail, exactly as promised.

Not long thereafter, Viktor received a Fulbright Fellowship for research in the U.S. under the sponsorship of Timothy Earle, then at UCLA in California. Although Viktor and I were never able to meet personally during his Fellowship year as I was in Massachusetts on the East Coast, we initiated a correspondence that resulted in

a proposal to collect and determine the calibrated radiocarbon dates of samples previously collected on the Eurasian steppes and in the northern Caucasus. Viktor understood that the utility of radiocarbon dating had been accepted very late in Soviet archaeological practice, and also Viktor was presciently aware that collected samples could be reanalyzed using the latest radiocarbon calibrations. On his return from his Fulbright, he set about meeting with various Russian specialists who were very knowledgeable and experienced with radiocarbon technology but whose work had previously been military in nature. At this time there was U.S. federal funding available for the redeploying of the work of Soviet scientists to peacetime purposes. To this day, I am convinced that our project idea would have yielded highly useful results, but alas our proposal was not funded. Nevertheless, Viktor remained undaunted, soldiered on, obtained collected samples, and published newly calibrated dates for many well known prehistoric sites in the northern Caucasus and west Eurasian steppes.

Unfortunately, the northern Caucasus became increasingly unstable in the years that followed, and this instability adversely affected the excavation project that I had begun in 1993 as an international collaborative effort at Velikent on the west Caspian coastal plain in Daghestan with Daghestani archaeologists. For the first several years at Velikent, I was able to include on the field team a number of my own undergraduate students from Wellesley College and some U.S. graduate students. By summer 1998, it was unsafe to continue to do so, and I will always be grateful to Viktor for agreeing to take a pair of my Wellesley students on his own research program on the Black Sea coast near the resort town of Gelendzhik that summer.

More recently, I was asked by Cambridge University Press to write the article on the prehistory of the Caucasus for inclusion in the comprehensive, three volume series entitled *The Cambridge World Prehistory*. It was immediately obvious to me that I was unable to write an up to date summary particularly of the late Bronze and Early Iron cultures of central and west Caucasus. So, logically, I invited Viktor to join in the authorship of the article. We were in the final stages of preparation when fortuitously we were able to meet twice in St. Petersburg to wrap up the article in January and February of 2012. At the time I was on my way to and from a research stint at the *Nasledie* base camp in Novopavlovsk. Memorable and virtual companion to these 2012 meetings was Viktor's high-spirited and friendly German shepherd. Viktor's contributions to our article proved, as expected, broad, deep and terrific. I am happy to say that the Cambridge series has finally appeared in 2014.

I continue to admire Viktor because he is, first and foremost, a scientist who believes in the acquisition and analysis of empirical data, while at the same time he remains a humanist interested in the nature and limitations of archaeological evidence. Besides which, he enjoys life – with two footed and four-footed friends alike!:

Philip L. Kohl (Antrim, New Hampshire)

Lista abrevierilor

AAC	Acta Archaeologica Carpathica. Kraków
ACSS	Ancient civilizations from Scythia to Siberia. Leiden
ActaMM	Acta Moldavie Meridionalis. Anuarul Muzeului Judeţean Vaslui, Vaslui
ActaMN	Acta Musei Napocensis. Muzeul Naţional de Istorie a Transilvaniei, Cluj-Napoca
ActaMP	Acta Musei Porolissensis. Zalău
AÉ	Archaeologiai Értesítő. Budapest
AIIA Iaşi	Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie „A.D. Xenopol", Iaşi
AISC	Anuarul Institutului de Studii Clasice Cluj , Sibiu
AJA	American Journal of Archaeology, Boston
AMIT	Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan, Berlin
ArchÉrt	Archaeologiai Értesítő, Budapest
L'Anthropologie	L'Anthropologie, Paris
Apulum	Acta Musei Apulensis. Arheologie, Istorie, Etnografie
ArhMold	Arheologia Moldovei. Institutul de Arheologie, Iaşi
Athenaeum	Athenaeum. Studi Periodici di Litteratura e Storia dell'Antichità
BAI	Bibliotheca Archaeologica Iassiensis, Iaşi.
BAVA	Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. München.
BerRGK	Bericht der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Institutes, Frankfurt am Main
BMA	Bibliotheca Memoriae Antiquitatis, Piatra-Neamţ
BPS	Baltic-Ponties Studies, Poznan
Britannia	Britannia. A Journal of Romano-British and Kindred Studies
BSNR	Buletinul Societăţii Numismatice Române, Bucureşti
Byzantinobulgarica	Byzantinobulgarica, Sofia
CA	Cercetări arheologice. Bucureşti
Carpica	Carpica. Muzeul de Istorie şi Artă, Bacău
CAANT	Cercetări arheologice în aria nord-tracă. Institutul Român de Tracologie, Bucureşti
CCA	Cronica cercetărilor arheologice
CCDJ	Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos, Călăraşi
Chiron	Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts, München
Codrul Cosminului	Codrul Cosminului, Universitatea „Ştefan cel Mare" Suceava
Current Anthropology	Current Anthropology. Boston University, Boston
Dacia N.S.	Dacia. Nouvelle Série: Revue d'archéologie et d'histoire ancienne, Bucureşti
Eurasia Antiqua	Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens, Berlin
FA	Folia Archaeologica. Budapest.
Hierasus	Hierasus. Acta Moldaviae Septentrionalis, Botoşani
Hyperboreus	Hyperboreus. Bibliotheca Classica Petropolitana, St. Petersburg
Historia	Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte, Wiesbaden
Ialomiţa	Ialomiţa (Studii şi comunicări). Muzeul Judeţean Ialomiţa, Slobozia

ISM	Inscripţiile din Scythia Minor, Bucureşti
Istros	Istros, Buletinul Muzeului Brăilei, Brăila
KözlKolozsvár	Közlemények az Erdély Nemzeti Múzeum, Érem- és Régiségtárából, Kolozsvár. Cluj-Napoca
LGPN	A Lexicon of Greek Personal Names, Oxford
LIMC	Lexicon iconographicum mythologiae classicae, Zürich
MAVA	Materialien zur Allgemeinem und Vergleichenden Archäologie. Mainz am Rhein
MCA	Materiale şi cercetări arheologice, Bucureşti
Memoria Antiqvitatis	Memoria Antiqvitatis. Acta Musei Petrodavensis, Piatra Neamţ
MMJ	Metropolitan Museum Journal
MitteArchIst	Mitteilungen des Archäologischen Institutes der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, Budapest.
Mousaios	Mousaios. Muzeul Judeţean Buzău, Buzău
PBF	Prähistoriche Bronzefunde. Stuttgart
Peuce	Peuce. Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Tulcea
Pontica	Pontica. Studii şi materiale de istorie, arheologie şi muzeografie, Constanţa
Prehistoire Europeenne	Prehistoire Europeenne. Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège, Liège
Przeglad archeologiczny	Przeglad archeologiczny, Poznan
PZ	Prähistorische Zeitschrift, Berlin
Quaternaire	Quaternaire, Paris
RE	Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
Revista arheologică	Revista arheologică. Institutul de Arheologie şi Istorie Veche, Chişinău
Revista arheologică S.N.	Revista arheologică S.N. Institutul Patrimoniului Cultural, Chişinău
Revista Muzeelor	Revista Muzeelor, Bucureşti
SAA	Studia Antiqua et Archaeologica. Universitatea „A.I. Cuza", Iaşi
SCIV(A)	Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologie), Bucureşti
SCN	Studii şi Cercetări de Numismatică, Bucureşti
Slovenska Archeologia	Slovenska Archeologia, Bratislava
Stratum plus	Stratum plus. Şcoala Antropologică Superioară, St.-Peterburg-Chişinău-Odessa
Thetis	Thetis. Mannheimer Beiträge zur Klassischen Archäologie und Geschichte Griechenlands und Zyperns, Mannheim
Thracia	Thracia, Sofia
Thraco-Dacica	Thraco-Dacica. Institutul Român de Tracologie, Bucureşti
Tibiscus	Tibiscus. Muzeul Banatului, Timişoara
Tyragetia	Tyragetia. Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, Chişinău
UPA	Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Bonn
Zargidava	Zargidava, Bacău
ZPE	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

АЛЛУ	Археологічний Літопис Лівобережної України. Полтава
Археология	Археология, София
Археологія	Археологія, Кїив
Археологические вести	Археологические вести, Москва
АИМ	Археологические исследования в Молдавии, Кишинев
АКМ	Археологическая карта Молдавской ССР, Кишинев
АО	Археологические Открытия, Москва
АСГЭ	Археологический Сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт Петербург
БКПЧП	Бюллетень Комиссии по изучению Четвертичного периода, Москва
ВАУ	Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВДИ	Вестник древней истории, Москва
ГИМ	Государственный исторический музей
ЗООИД	Записки Одесского общества изучения древностей, Одесса
Карпатика	Карпатика. Институт Карпатоведения, Ужгород
КСИА	Краткие сообщения Института Археологии АН СССР, Москва
КСИИМК	Краткие сообщения Института Истории Материальной Культуры, Москва-Ленинград
КСОГАМ	Краткие сообщения Одесского Археологического Музея, Одесса
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК	Известия государственной академии материальной культуры
МАК	Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР	Материалы по археологии России. Санкт-Петербург
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерноморья, Одесса
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград
МИАЭ МССР	Материалы и исследования по археологии и этнографии МССР, Кишинев
МИИКНСК	Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Москва
ПАЗ	Полтавський археологічний збірник. Полтава
РА	Российская Археология, Москва
РАЕ	Российский археологический ежегодник
РСМ	Раннеславянский мир
Сборник МАЭ	Сборник Музея антропологии и этнографии, Санкт-Петербург
СА	Советская Археология, Москва
СГЭ	Сообщения государственного Эрмитажа
САИ	Свод археологических источников, Москва
ССПК	Старожитності Степового Причономор'я і Криму, Запоріжжя
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
Труды ГИКМ	Труды Государственного Историко-Краеведческого Музея, Кишинев
Тр. ГИМ	Труды Государственного исторического музея
Труды СУАК	Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов
УАВ	Уфимский археологический вестник. Уфа
Ученые записки	Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР